

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

РУССКАЯ БЕСѢДА.

РУССКАЯ БЕСѢДА

МОСКВА.

Помните одно: только кореню основанье крѣп-
ко, то и древо недвижно; только коренья не
будеть, къ чему прилѣпиться?

Окруж. Грам. Москвы. (Акты Арх. Экс.
Т. II. стр. 298).

1856.

I.

МОСКВА.

Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Апрѣля 25 дня
1856 года.**

Ценсоръ Н. Фонъ-Крузе.

AP

R96738

B554

1856

1

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія. А. С. Хомякова.	1.
— И. С. Аксакова.	5.
— М. А. Стасовича.	9.
Стихотвореніе Розы, В. А. Жуковскаго.	12.
О меланхоліи въ жизни и въ поэзіи, В. А. Жуковскаго. . . .	13.
Нѣчто о привидѣніяхъ, В. А. Жуковскаго	28.
Русскія народныя пѣсни изъ собранія, П. В. Кирѣевскаго. . .	44.

НАУКИ.

Неизданное свидѣтельство современника о Владимірѣ Святѣмъ и Болеславѣ Храбрѣмъ, А. О. Гильфердинга.	1.
Два слова о народности въ наукѣ, Ю. О. Самарина. . . .	35.
Русское посольство во Францію въ 1668 году. А. Н. Попова. . .	48.

КРИТИКА.

Семейная Хроника и Воспоминанія, соч. С. Аксакова, Н. Г—ва.	1.
Не такъ живи, какъ хочется, соч. А. Островскаго, Т. И. Филиппова.	70.
Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи, соч. Б. Чичерина, И. Д. Блльева.	101.
Дѣ статьи о желѣзныхъ дорогахъ, А. И. Кошелева. . . .	148.

ОБОЗРѢНІЯ.

Обозрѣніе политическихъ событій въ Европѣ за 1855 годъ. Кн. В. А. Черкаскаго.	1.
--	----

II

СМѢСЬ.

Народное возрожденіе Сербовъ - Лужичанъ въ Саксоніи, <i>А. Ѡ. Гильфердина</i>	1.
О Русской литературной дѣятельности въ Галиціи въ 1855 году, <i>А. Ѡ. Гильфердина</i>	36.
Байдарская ночь или прогулка съ пластунами. <i>П. А. Чижачева</i> .	42.
О Фламандской живописи, <i>М. Д—М</i>	54.
Дни и Мѣсяцы Украинскаго селянина, <i>М. А. Максимовича</i> .	61.
О Русскомъ возрѣніи, <i>К. А.</i>	84.

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ.

<i>М. П. Миклашевскій, (сообщено изъ Малороссіи)</i>	1.
--	----

ОСОБО:

КНЯЗЬ ЛУЦОВИЦКІЙ или пріѣздъ въ деревню, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ съ прологомъ. <i>К. С. Аксакова</i> .

ЛЮБЕЗНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

« Русская Бесѣда » проситъ твоего благосклоннаго вниманія. Всякій журналъ имѣетъ свой характеръ, свое значеніе, свой образъ дѣйствія. « Бесѣда » опредѣляетъ свое значеніе самымъ именемъ своимъ. Простая, искренняя, непритязательная Русская Бесѣда обо всемъ, что касается просвѣщенія и умственной жизни людей. Кажется, тутъ и объяснять нечего: все остальное узнается изъ дальнѣйшаго хода журнала. Оно и такъ: но все же пріятно, прежде вступленія въ какую бы то ни было бесѣду, узнать, хоть сколько нибудь, направленіе и характеръ собесѣдниковъ. Русская Бесѣда понимаетъ это естественное желаніе съ твоей стороны, любезный читатель, и постарается удовлетворить ему, сколько возможно.

Въ Русской Бесѣдѣ ты встрѣтишь людей, искренно любящихъ просвѣщеніе, отъ которыхъ услышишь дѣльное или пріятное слово, но которые болѣе или менѣе разногласятъ между собою въ мнѣніяхъ касательно важныхъ и отчасти жизненныхъ вопросовъ; при всемъ томъ « Бесѣда » постоянно сохранитъ единство характера и направленія. Какія бы ни были различія въ мнѣніяхъ почтенныхъ и радушно принятыхъ гостей, домашній кружокъ связанъ единствомъ коренныхъ, неизмѣнныхъ убѣжденій. Полное изложеніе ихъ и приложеніе ко всѣмъ предметамъ мысли и знанія — впереди: бѣглый очеркъ ихъ встрѣтишь ты въ слѣдующихъ строкахъ.

II

Когда народъ получаетъ отъ другаго первыя начала письменности, просвѣтитель передаетъ ученику собственную свою азбуку, или возникаетъ новая, болѣе сообразная съ звуковыми потребностями новопросвѣщаемога народа. Въ первомъ случаѣ являются нелѣпныя сочетанія согласныхъ, какъ у Славянъ, принявшихъ латинскія буквы, или *эсъ, це, га* Нѣмцевъ; или множество изофонетическихъ знаковъ, какъ у Французовъ (на пр. 24 манера писать звукъ *in* и 28 манеровъ писать звукъ *an*), или наконецъ та уродливая письменность Англійская, въ которой буквы ставятся, кажется, не для того, чтобы показать, какіе звуки слѣдуетъ произносить, а для того, чтобы читатель зналъ, какихъ звуковъ онъ произносить не долженъ. Во второмъ случаѣ является азбука разумная, какъ на примѣръ: наша Кириллица. Въ первомъ случаѣ народъ принимаетъ грамату, во второмъ грамотность. Точно тоже является и при всякой передачѣ просвѣщенія отъ народа къ народу. Новопросвѣщаемая земля можетъ получить въ дѣлѣ просвѣщенія данныя и выводы уже готовые и, такъ сказать, утвердить ихъ на память, или получить ту искру просвѣщенной мысли, которая должна въ послѣдствіи разгорѣться свѣтлымъ и чистымъ огнемъ, питаемымъ родными матеріалами. Но послѣдній случай составляетъ весьма рѣдкое исключеніе. Обыкновенно народъ-просвѣтитель (хотя бы онъ былъ дѣйствительно просвѣтителемъ только въ отношеніи къ положительному знанію) поражаетъ такимъ блескомъ глаза своихъ учениковъ, что всѣ явленія его умственной и нравственной жизни, всѣ даже внѣшнія особенности его вещественнаго быта дѣлаются предметомъ суевѣрнаго поклоненія или безразсуднаго подражанія. Таково было отчасти вліяніе народовъ Романскихъ на племена Германскія. Самолюбивая Англія обезьянничала передъ Италією, а въ Германіи еще Фрдрихъ II презиралъ Нѣмецкій языкъ. Тоже

явленіе повторилось и у насъ, только въ размѣрахъ гораздо большихъ, потому что Западъ уже развилъ всѣ свои умственныя силы, а мы были въ совершенномъ младенчествѣ въ отношеніи къ знаніямъ, которыя мы получили отъ своихъ Европейскихъ братій. Соблазнъ былъ неизбеженъ. Но время течетъ; но мысль, ознакомившаяся съ просвѣщеніемъ, избавляется отъ суевѣрнаго поклоненія чужему авторитету по мѣртвото, какъ получаетъ большее уваженіе къ своей собственной дѣятельности. Наступаетъ періодъ критики. Прошедшее со всею его невольною ложью отстраняется не съ негодующимъ упрекомъ, а съ добродушною, иногда и горькою улыбкою. Дальнѣйшее самоуниженіе передъ мыслию иноземною дѣлается уже невозможнымъ для всего народа и смѣшнымъ въ тѣхъ лицахъ, которыя еще не хотятъ или не могутъ понять требованій современныхъ. Безграничное довѣріе къ учителю и его мудрости очень любезно въ ребенкѣ и часто свидѣтельствуетъ о богатомъ запасѣ любознанія; оно сносно въ отрокѣ; оно нестерпимо въ человѣкѣ взросломъ, ибо служить признакомъ слабоумія или по крайней мѣрѣ пошлости.

Когда Русское общество стало лицомъ къ лицу съ Западною наукою, изумленное, ослѣпленное новооткрытыми сокровищами, оно бросилось къ нимъ со всею страстію, къ которой только была способна его вѣскольکو лѣнивая природа. Ему показалось, что только теперь началась умственная и духовная жизнь для Русской земли, что прежде того она или вовсе не жила, или по крайней мѣрѣ ничего такого не дѣлала, чтобы стоило памяти въ родѣ человѣческомъ. Но дѣйствительно было совсѣмъ не то. Русскій духъ создалъ самую Русскую землю въ безконечномъ ея объемѣ, ибо это дѣло не плоти, а духа; Русскій духъ утвердилъ навсегда мірскую общину, лучшую форму общежительности въ тѣсныхъ предѣлахъ; Русскій духъ по-

IV

нялъ святость семьи и поставилъ ее, какъ чистѣйшую и незыблемую основу всего общественнаго зданія: онъ выработалъ въ народѣ всѣ его нравственныя силы, вѣру въ святую истину, терпѣніе несокрушимое и полное смиреніе. Таковы были его дѣла, плоды милости Божіей, озарившей его полнымъ свѣтомъ Православія. Теперь, когда мысль окрѣпла въ знаніи, когда самый ходъ Исторіи, раскрывающей тайныя начала общественныхъ явленій, обличилъ во многомъ ложь западнаго міра и когда наше сознаніе оцѣнило (хотя можетъ быть еще не вполне) силу и красоту нашихъ исконныхъ началъ; намъ предлежитъ снова пересмотрѣть всѣ тѣ положенія, всѣ тѣ выводы, сдѣланные западною наукою, которымъ мы вѣрили такъ безусловно; намъ предлежитъ подвергнуть все шаткое зданіе нашего просвѣщенія безстрастной критикѣ нашихъ собственныхъ духовныхъ началъ и тѣмъ самымъ дать ему несокрушимую прочность. Въ тоже время на насъ лежитъ обязанность разумно усвоивать себѣ всякій новый плодъ мысли западной, еще столько богатой и достойной изученія, дабы не оказаться отсталыми въ то время, когда богатство нашихъ данныхъ возлагаетъ на насъ обязанность стремиться къ первому мѣсту въ рядахъ просвѣщающагося человѣчества.

Таковы, любезный читатель, убѣжденія, которыя «Русская Бесѣда» должна выражать; содержаніемъ же для нея можетъ служить всякій предметъ, относящійся къ умственной жизни человѣка въ ея личныхъ или общественныхъ проявленіяхъ. Въ кругу общихъ интересовъ человѣчества и оставаясь вѣрными правилу: «*Homo sum, nihil humani a me alienum puto*», издатели будутъ всегда давать первое мѣсто тому, что будетъ прямо относиться до нашей отчизны и ея умственной жизни. Это разумѣется само по себѣ: но происшествія нынѣшняго времени, оправдывая наши давнишнія и не разъ высказанныя

сочувствія, послужили вѣроятно урокомъ для всякаго Русскаго челоука. Въ тѣ дни, когда вся Европа оглашалась криками неистовой вражды противъ насъ, когда все дышало злобою, голосъ сочувствія услышали мы только отъ своихъ братій по крови—Славянъ, и братьевъ по вѣрѣ—Грековъ: но не голосъ только слышали мы, а видѣли дѣло, видѣли подвигъ любви, безтрепетно встрѣчающей смерть за братьевъ. Рядомъ съ интересомъ отечества, «Русская Бесѣда» посвятить особое вниманіе всему тому, что будетъ имѣть отношеніе къ жизни народовъ Славянскихъ и народа Греческаго. Она считаетъ долгомъ, хоть словомъ, благодарить ихъ за любовь, которую они запечатлѣли своею кровію.

Форма «Бесѣды»..... Но какъ исчислить формы челоуческой бесѣды? Критика, разсужденіе, историческій разсказъ, повѣсть, стихи, все входитъ въ ея составъ. Разумѣется, будутъ въ изданіи отдѣлы: но тебѣ конечно случалось не разъ, любезный читатель, проводить съ друзьями вечера, на которыхъ не было разсказано ни одного анекдота, не пропѣто ни одной пѣсенки, и все-таки вечера оставляли въ тебѣ пріятныя и добрыя впечатлѣнія, и ты не ропталъ, а былъ доволенъ. Приложи же это правило къ нашей «Бесѣдѣ», и если какого отдѣла не найдешь, скажи себѣ, что видно не было на этотъ разъ анекдотическаго или стихотворнаго вдохновенія, и поставь: *не имѣется*, какъ ставятъ въ грамматикахъ, когда какой-нибудь формы не достаеъ въ глаголѣ. Слово: *не имѣется*, право, лучше пошлой повѣсти и плохаго стиха.

Предметомъ «Бесѣды» будутъ, какъ уже сказано, служить всѣ разнообразныя проявленія умственной жизни челоука; но не должно забывать, что самая умственная жизнь получаетъ все свое достоинство отъ жизни нравственной. Ея современная

слабость отзывается въ томъ, что можно назвать пустодушіемъ Европейскаго просвѣщенія. Вопросы нравственные должны присутствовать при разрѣшеніи почти всѣхъ умственныхъ вопросовъ. По этому не удивляйся и не гнѣвайся, если иногда услышишь слово, нѣсколько строгое, даже можетъ быть нѣсколько оскорбительное для уха, избалованнаго крайнею нѣжностію нашей печатной словесности. «Бесѣда» не считаетъ себя въ правѣ обходить требованія нравственной правды. Безъ сомнѣнія, стараясь разрѣшать, сколько возможно, старые или новые вопросы, безпрестанно представляемые жизнію и мыслию человѣческою, она нисколько не льститъ себя надеждою на безошибочность рѣшенія. Она даже позволяетъ себѣ, можетъ быть и нерѣдко, ставить новые, еще неразрѣшенные вопросы, въ полной увѣренности, что вопросы неразрѣшенные далеко не бесполезны: они будятъ дѣятельность ума и готовятъ его къ будущему разрѣшенію. «Бесѣда» не общается ни безошибочности, ни всезнанія, но общается искренность и добросовѣстность; отъ тебя же проситъ вниманія и безпристрастія, дабы общій трудъ могъ совершаться успѣшно: ибо всѣ, какъ пишущіе, такъ и читающіе, одинаково сотрудники въ дѣлѣ знанія, въ дѣлѣ просвѣщенія, въ дѣлѣ жизни.

Русская Бесѣда.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

З В Ъ З Д Ы.

Въ часъ полночный, близъ потока
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горюемъ мірѣ чудеса.
Ночи вѣчныя лампы,
Невидимы въ блескѣ дня.
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.

Но впивайся въ нихъ очамъ—
И увидишь, что вдали
За ближайшими звѣздами
Тьмами звѣзды въ почъ ушли
Вновь взглядишь—и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ:
Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горятъ.

Въ часъ полночнаго молчанья,
Отогнавъ обманы сновъ,
Ты взглядишь душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ,—
И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.

Узряшь, — звѣзды мысли водятъ
 Тайный хоръ свой вокругъ земли.
 Вновь взглянешь — другія всходятъ;
 Вновь взглянешь — и тамъ вдали
 Звѣзды мысли, тьмы за тьмами
 Всходятъ, всходятъ безъ числа, —
 И зажжется ихъ огнями
 Сердца дремлющая мгла.

II.

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЬ.

Солнце сокрылось: дымятся долины,
 Медленно сходятъ къ ночлегу стада;
 Чуть шевелятся лѣсныя вершины,
 Чуть шевелится вода.

Вѣтеръ приноситъ прохладу ночную;
 Тихо славой горятъ небеса...
 Братья, оставимъ работу дневную,
 Въ пѣсни сольемъ голоса...

«Ночь на Востокъ съ вечерней звѣздой;
 «Тихо сіяетъ струей золотою
 «Западный край.

«Господи, путь нашъ межъ камней и терній,
 «Путь нашъ во мракъ... Ты, Свѣтъ невечерній,
 «Насъ осіяй!

«Въ мглѣ полунощной, въ полуденномъ зноѣ,
 «Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,
 «Въ тяжелой борьбѣ,

«Всюду, сіяніе Солнца Святого,
«Божія Мудрость и Сила и Слово,
«Слава Тебѣ!»

III.

Н О Ч Ь.

Спала ночь съ померкшей вышины,
Въ небѣ сумракъ, надъ землею тѣни,
И подъ кровомъ темной тишины
Ходить сонмъ обманчивыхъ видѣній.

Ты вставай во мракъ, спящій братъ!
Освяти молитвой часъ полночи!
Божьи Души землю сторожать:
Звѣзды свѣтять, словно Божьи очи.

Ты вставай во мракъ, спящій братъ!
Разорви ночныхъ обмановъ сѣти!
Въ городахъ къ заутренѣ звонять:
Въ Божью церковь идутъ Божьи дѣти.

Помолися о себѣ, о всѣхъ,
Для кого тяжка земная битва,
О рабахъ безсмысленныхъ утѣхъ!
Вѣрь, для всѣхъ нужна твоя молитва.

Ты вставай во мракъ, спящій братъ!
Пусть зажжется духъ твой пробуждённый
Такъ, какъ звѣзды на небѣ горять,
Какъ горитъ лампада предъ иконою.

Мартъ 1834.

IV.

Беззвѣздная полночь дышала прохладой,
Крутилася Лаба, гремя подѣ окномъ;
О Прагѣ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагѣ мечталъ, забываяся сномъ.

И мнилось, лечу я... орелъ сплзокрылый
Давно и давно бы въ полетѣ отсталъ,
А я, поднимаясь невидимой силой,
Все выше и выше взлеталъ.

И съ неба картину я зрѣлъ величаву:
Въ убранствѣ и блескѣ весь Западный край,
Мораву и Лабу и дальнюю Саву,
Гремящій и сній Дунай.

И Прагу я видѣлъ; и Прага сіяла,
Сіялъ златоверхій на Петчинѣ храмъ,
Молитва Словянская громко звучала
Въ напѣвахъ, знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ.

И въ старой одеждѣ Святаго Кирилла
Епископъ на Петчинѣ всходилъ,
И слѣдомъ валила народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ кадилъ,

И клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню на Западный край:
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и сній Дунай.

1847.

А. Хомяковъ.

I.

Не дай душѣ твоей забыть,
 Чѣмъ силы въ юности кипѣли,
 И вмѣсто блага, вмѣсто цѣли,
 Одно стремленіе полюбить.
 Привычка—зло. Однимъ усталымъ
 Отраденъ духъ ея пустой...
 Стремясь, не будь доволенъ малымъ
 И не мирись своей душой!...

Хоть грезимъ мы, что цѣли ясны,
 Что крѣпокъ духъ и проченъ пылъ,
 Но для души лѣтявыхъ силъ
 Пути нескорые опасны!
 Но слышетъ жаръ съ теченьемъ лѣтъ,
 Но каждый подвигъ нашъ душевный,
 Прожитый жизнью ежедневной,
 Готовъ утратить прежній цвѣтъ!

Москва, 1848 г.

II.

Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ;
 Не упрекнуть бездѣйствіемъ позорнымъ
 Мою тоску; какъ труженикъ, умѣлъ
 Работать я съ усердіемъ упорнымъ.

Моей душѣ тѣ годы не легки;
 Скушнымъ трудомъ не брезгалъ я лукаво.
 И мнится мнѣ,—досуга и тоски
 Купилъ себѣ я дорогое право!...

Въ былые дни поэта чаровалъ
 Блаженства сонъ, эдемъ въ неясной дали...
 Почуявъ ложь, безумецъ тосковалъ
 И были намъ смѣшны его печали!

И осмѣявъ его беспильный плачь,
 Я въ жизнь вступилъ путемъ иныхъ мечтаній:
 Къ трудамъ благимъ, къ рѣшенію задачъ,
 На жаркій бой, на подвигъ испытаній

Всѣ помыслы, всѣ силы, всю любовь
 Направилъ я и громъ далекій слышалъ!...
 Лгала и ты, о молодая кровь,
 Исчезъ обманъ, едва я въ поле вышелъ!

И понялъ я, что спать желанный громъ,
 Что вмѣсто битвъ, нерѣдко съ браннымъ духомъ
 За комаромъ бѣжимъ мы съ топоромъ,
 За мухою гоняемся съ обухомъ!

И понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
 Блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
 Пора прошла,—и намъ, въ замѣну ихъ,
 Борьбы глухой достался подвигъ скучный!

Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни!
 И юности лукавые порывы
 Опасны намъ—загѣмъ, что всѣ они
 Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы!...

Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка:
 Сгараетъ въ немъ порыва скорый пламень;
 Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
 Онъ точить дубъ... Долбить и капля камень.

Невзрачный путь! тебѣ я вѣренъ былъ!
Лишенъ ты всей отрады упоенья,
И дерзко я на сердце наложилъ
Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья!...

Но слышио мнѣ, порой, въ тиши работъ,
Что бурныхъ силъ не укротило время!...
Когда же власть, скажи, твоя пройдетъ,
О молодость, о тягостное бремя?...

Ярославъ. 23 ноября 1850 г.

III.

Добро-бѣ мечты, добро-бѣ страсти,
Съ мятежной прелестью своей,
Держали насъ въ могучей власти,
Сбивали насъ съ прямыхъ путей!
Нѣтъ! счастьемъ мелкаго объема
Довольны мы, безъ бурь и грома,
И мирно путь проходимъ свой,
И тратя жизнь разумной мѣрой,
Съ туманнымъ днемъ, съ погодою строй
Въ согласный ладъ живемъ душой.

Но эта жизнь—ни сонъ, ни бѣдѣе,
Богъ знаетъ что! Подъ чась, друзья,
Какое горькое презрѣние
Къ себѣ и къ вамъ питаю я!
Намъ все дано! Мы грубой ложью
Затмить не въ силахъ правду Божью, —
Такъ яркъ свѣтъ ея вдали!
Ее мы чтимъ, о ней мы тужимъ...
Но гдѣ же храмъ, въ которомъ служимъ?
Какія жертвы принесли?

А впрочемъ мы, дворянской лѣшью
 Врачуя совѣсти недугъ,
 Святому истинны служенью
 Свой барскій жертвуемъ досугъ!
 Мы любимъ къ пышному обѣду
 Прибавить мудрую бесѣду,
 Иль въ поздней ужина портъ,
 Въ роскошно убранной палатѣ
 Потолковать о бѣдномъ братѣ,
 Погорячиться о добрѣ!

Что-жъ толку въ томъ? Проходятъ лѣта:
 Любовь по прежнему мертва!
 О, слово старое поэта: (*)
 «Слова, слова, одни слова!»
 Не то, чтобъ лгали мы безстыдно,
 Но спимъ, но дремлемъ мы обидно,
 Но постепенно силы въ насъ,
 Пугаясь подвиговъ суровыхъ,
 Средь мелкихъ благъ, средь благъ дешевыхъ,
 Счастливо гаснутъ каждый часъ!

Не все-же сонъ! Худыхъ желаній
 Соблазнъ слышавъ иногда,
 Обману ловкихъ оправданій
 Мы поддаемся безъ труда.
 Мудрецъ умомъ, хитрецъ душою,
 Какъ примирился ты съ собою?
 Какъ столько выгодъ согласилъ
 Ты съ духомъ мудрости змѣнной,
 Какой «златою серединой»
 Ты путь опасный проходишь?...

Нѣтъ! темныхъ сдѣлокъ, Боже правый,
 Съ неправдой намъ не допусти,
 Покрой стыдомъ совѣтъ лукавый,
 Блаженство сонныхъ возмути!

(*) Шексп.

Да пробудясь въ восторгѣ смѣломъ,
 Съ отвагой пылкою любви,
 Мы жизнью всей, мы самомъ дѣломъ
 Почтѣмъ вѣщія Твои!

1853 г. апрѣль.

И. Аксаковъ.

I.

П Ъ С Н И.

Звукъ заветный, незабвенный
 Молодой моей весны,
 Пѣсни, голосъ отдаленный
 Невозвратной старины!

Помню, помню, какъ звучали
 Вы бывало вечеромъ:
 Красны дѣвцы играли,
 А за бранымъ за столомъ
 Сказки сказывали дѣды;
 И внималъ я, чуть дыша,
 И въ кругу простой бесѣды
 Веселилася душа!

Ныче, какъ волна потока.
 Какъ невинный шумъ зыбей,
 Слышенъ мнѣ вашъ звукъ далекой
 Въ глубинѣ души моей!

II.

ПѢСНЬ ЮНОСТИ.

О юныя лѣта,
Святая пора
И жизни, и свѣта,
Тепла и добра!

Живется, поётся,
Какъ птицѣ весной.
А сердце какъ бьётся
Въ груди молодой!

Не вѣдая горя,
Свободна, чиста,
Какъ небо, какъ море,
Любовь и мечта.

Все нова! радость
Для новой души,
Куда твои, младость,
Все дни хороши!

Счастливъ, кто завѣтно
Тебя бережеть!—
Пора незамѣтно
Другая придетъ.

И булугъ всё тѣже
И люди, и дни,
Но радости рѣже,
Всё рѣже они

Мелькаютъ картиной
Неясной во мглѣ,
Ужъ дума съ кручиной
Легла на челъ.

III.

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЯ.

Не угасай заката лучъ,
Гори, гори въ дали багряной!
Не потухай во мракъ тучъ,
Вечерній свѣтъ зари румяной!

Не меркни день, не застилай
Лѣсовъ и горъ сѣдою мглою,
Ты, поле, пѣснею родною
Не умолкай, не умолкай!

Вотъ по зарѣ, въ глуши стеней,
Родимой пѣсни слышны звуки:
И горе позабылось въ ней,
И тяжкихъ думъ затихли муки.

И вѣтъ юностью, и вновь
Души надежды воскресаютъ,
И въ бѣдномъ сердцаѣ оживаютъ
Былыя слёзы и любовь.

И льётся звучная волна,
Гулаетъ голосъ на просторѣ,
И грудь отвагою полна,
И степь волнуется, какъ море...

Гори-жъ, заря, не угасай!
Зажгись вечернею звѣздою!
Ты, поле, пѣснею родною
Не умолкай, не умолкай!

Михаилъ Стаховичъ.

ИЗЪ НЕПЕЗДАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Р О З Ы.

Розы цвѣтушія, розы душистыя, какъ вы прекрасно
 Въ пестрый вѣнокъ сплетены милой рукой для меня!
 Свѣтлое, чистое дѣвственной кисти созданье, глубокой
 Смысль заключается здѣсь въ легкихъ воздушныхъ чертахъ.
 Розъ разнообразныхъ семья на одномъ окруженномъ шипами
 Стеблѣ—не вся ли тутъ жизнь? Корень же твердый цвѣтовъ—
 Крестъ, претворяющій чудно своей жизнедеятельной силой
 Стебля терновый вѣнецъ въ свѣжій вѣнокъ изъ цвѣтовъ?
 Вѣры хранимый стебель, цвѣтушія почки надежды,
 Цвѣтъ благовонный любви въ образъ одинъ здѣсь слился,—
 Образъ великій, для насъ бытія выражающій тайну;
 Все, что плѣняетъ, какъ цвѣтъ, все, что пронзаетъ, какъ тернъ,
 Радость и скорбь на землѣ знаменуютъ одно: иль въ единый
 Свѣжій сплетается вѣнокъ Промыслъ тайной рукой.
 Розы прекрасныя! въ этомъ вѣнкѣ очарованномъ здѣсь вы
 Будете свѣжи всегда: нѣтъ увяданья для васъ;
 Будете вѣчно душисты; здѣсь память сердца о милой
 Васъ здѣсь собравшей рукѣ будетъ вашъ живъ ароматъ.

(*) Стихотвореніе это написано В. А. Жуковскимъ не задолго до его кончины, по слѣдующему случаю: Къ 29 января, ко дню рожденія поэта, былъ присланъ ему рисунокъ изъ разноцвѣтныхъ розъ, стебли которыхъ расположились въ видѣ креста. Въ письмѣ, при которомъ былъ присланъ рисунокъ, выражалась скорбь объ успеніи тѣлесныхъ страданій поэта, и потомъ сказано: «Вѣнокъ изъ розъ въ его соединеніи съ крестомъ, изъ котораго цвѣты произрастаютъ и къ которому они снова возвращаются, живо представлялъ намъ образъ друга страдающаго, но сохранившаго среди самыхъ страданій живость и свѣжесть души.»

Письмо заключалось сими словами: «Пусть же поэтъ переложитъ въ слова мысли и нѣши, которыя мы едва могли выразить образно, и впишетъ ихъ самъ въ вѣнокъ, для него сплетенный.»

Замѣтимъ, что рисунокъ, называемый къ 29 января, опоздалъ и былъ полученъ Жуковскимъ въ мартѣ, —а въ апрѣлѣ уже не стало поэта.

О МЕЛАНХОЛИИ

ВЪ ЖИЗНИ И ВЪ ПОЭЗИИ. (*)

I.

ОТРЫВОКЪ ПИСЬМА.

Въ *Москвитянинъ* было напечатано мое письмо о переводѣ Гомеровою Одиссеи. Въ немъ между прочимъ сказано слѣдующее:

..... Какое очарованіе въ этой работѣ, въ этомъ подслушиваніи первыхъ вздоховъ Анадіомены, раждающейсѣ изъ пѣны моря (ибо она есть символъ Гомеровою поэзіи), въ

(*) Приносимъ искреннюю благодарность Е. А. Жуковской за дозволеніе помѣстить въ нашемъ журналѣ предыдущіе стихи и слѣдующія двѣ статьи изъ неизданныхъ сочиненій покойнаго дея мужа. Мы считаемъ себя тѣмъ болѣе въ правѣ украсить нашъ журналъ этими произведеніями знаменитаго писателя, что неоднократно онъ уговаривалъ насъ издавать въ Москвѣ журналъ и обѣщалъ намъ свое содѣйствіе. Къ крайнему нашему сожалѣнію, мы не могли этимъ воспользоваться при его жизни; да будетъ это посмертное его участіе добрымъ для насъ напутствіемъ въ нынѣ предпринятомъ дѣлѣ. — Не можемъ при семъ случаѣ не высказать нашего искренняго желанія увидѣть поскорѣ въ печати остальные произведенія В. А. Жуковскаго; это желаніе наше тѣмъ сильнѣе, что мы знаемъ, какъ много наслажденій и назиданій найдутъ читатели въ неизданныхъ еще твореніяхъ человека, котораго жизнь была проникнута поэзією и поэзія жизнью, котораго Пушкинъ уже называлъ своимъ учителемъ и который вмѣстѣ съ тѣмъ по чистотѣ душевной и по искренней религіозности является, какъ утренняя звѣзда новой литературной эпохи въ Россіи.

Изд. К.

этомъ простодушіи слова, въ этой первобытности правовъ, въ этой смѣси дикаго съ высокимъ, вдохновеннымъ и прелестнымъ, въ этой живописности безъ излишества, въ этой незатѣйливости и непорочности выраженія, въ этой болтовнѣ, часто черезъ чуръ изобильной, но принадлежащей характеру безискусственности и простоты, и особенно въ этой меланхоліи, которая нечувствительно, безъ вѣдома поэта, кипящаго и живущаго съ окружающимъ его міромъ, все проникаетъ, ибо эта меланхолія не есть дѣло фантазіи, созидающей произвольно грустныя, безпричинныя сѣтованія, а заключается въ самой природѣ вещей тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло жизнь, пластически могучую въ настоящемъ, но и все было ничтожно, ибо душа не имѣла за границей міра своего будущаго и улетала съ земли безжизненнымъ призракомъ; и вѣра въ безсмертіе, посреди этого кипѣнія жизни настоящей, никому не шептала своихъ великихъ, всеоживляющихъ утѣшеній. Кажется, что г-жа Сталь первая произнесла, что съ религіею Христіанскою вошла въ поэзію и вообще въ литературу меланхолія. Не думаю, чтобы это было справедливо. Что такое меланхолія? Грустное чувство, объемлющее душу при видѣ измѣняемости и невѣрности благъ житейскихъ, чувство или предчувствіе утраты невозвратимой и неизбѣжной. Такимъ чувствомъ была проникнута свѣтлая жизнь языческой древности, свѣтлая, какъ украшенная жертва, ведомая съ музыкою, пѣніемъ и пляскою на закланіе. Эта незамѣняемость здѣшней жизни, разъ утраченной, есть характеръ древности и ея поэзіи; эта незамѣняемость есть источникъ глубокой меланхоліи, никогда не выражающейся въ жизни, но всегда соприсутственной тайно, за то весьма часто выражающейся въ поэзіи. Кто изъ новѣйшихъ имѣетъ болѣе меланхоліи Горация? Но Горациева меланхолія понятна; она есть естественная, неискусственная физиономія, тогда какъ меланхолія новѣйшихъ поэтовъ бываетъ часто одно кривляніе. Христіанство и въ этомъ отношеніи, какъ и во всякомъ другомъ, произвело рѣшительный переворотъ: тамъ, гдѣ есть Евангеліе, не можетъ быть той меланхоліи, о которой я говорилъ выше, которою все

запечатлѣно въ до-евангельскомъ мірѣ; теперь лучшее, верховное, все замѣняющее благо то, что одно неизмѣнно, одно существенно, дано одинъ разъ навсегда душѣ чело-вѣческой Евангеліемъ. Правда, мы можемъ и теперь, какъ и древніе, говорить: земное на минуту, все измѣняется, все гибнетъ; но мы говоримъ такъ о погибели однихъ внѣшнихъ, чуждыхъ намъ призраковъ, замѣняемыхъ для насъ вѣримымъ, негибнущимъ, существеннымъ, внутреннимъ, *нашимъ*; а древніе говорили о гибели того, что, разъ погибнувъ, уже ни чѣмъ замѣняемо не было.

II.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ПИСЬМО.

На эту статью были сдѣланы весьма остроумныя замѣчанія; прилагаю ихъ здѣсь съ моимъ на нихъ отвѣтомъ.

Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я въ *Москвитяинѣ* твои стихи и письмо, твою поэтическую исповѣдь. Что же касается до меланхоліи, то правъ и ты, права и г-жа Сталь. Впрочемъ такъ и быть должно: нѣтъ ничего безусловнаго и отдѣльно цѣлаго. Конечно, въ Горациіи есть уныніе, но это уныніе ведетъ къ тому, что надобно тропиться жить, пѣть и веселиться; а новѣйшее или Христіанское уныніе ведетъ къ тому, что уныніе есть обязанность, душа жизни. Ты говоришь: *тамъ, гдѣ есть Евангеліе, не можетъ уже быть той меланхоліи, которою все запечатлѣно въ до-евангельскомъ мірѣ*. Нѣтъ, гдѣ есть Евангеліе, тамъ не можетъ, или по крайней мѣрѣ не должно быть *отчаянія*, а унынію есть мѣсто, и большое. *Впрямъ, Господи, помози моему невпрію*, развѣ эта молитва не есть вопль унынія? А когда Христосъ молилъ, чтобы пронеслася мимо чаша, а когда съ Него падалъ кровавый потъ, а когда Онъ воскликнулъ: «прискорбна есть душа Моя до смерти»—развѣ это не уныніе? Религія древности есть *наслажденіе*: ему строили алтари и вся жизнь древняя была

служеніемъ ему; Религія наша: *страданіе*; страданіе есть первое и послѣднее слово Христіанства на землѣ. Слѣдовательно съ Евангеліемъ должно было войти уныніе въ поэзію,—стихія, совершенно чуждая древнему міру, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи. Не будь безсмертія души, не будетъ и сомнѣнія и тоски. Смерть тогда сонъ безъ пробужденія, и прекрасно! О чемъ тутъ тосковать? Все уныніе, вся тоска въ томъ, что, засыпая, не знаешь, гдѣ и какъ проснешься; тоска въ томъ, что на жизнь смотришь, какъ на лоскутокъ чего-то, какъ на программу, какъ на лотерейный билетъ, не зная, что вынется. *Незамыслимость здѣшной жизни, разъ утраченной въ виду чего-то, въ виду живаго чувства, было бы грустно, но въ виду безчувствія, ничтожества, она, разумѣется, и сама ничто.* Кажется Сенека сказалъ: «Чего бояться смерти? При насъ ея нѣтъ, при ней насъ уже нѣтъ.» Вотъ вѣроисповѣданіе древняго міра. А у насъ напротивъ: «Смерть начало всего.» Тутъ по неволѣ призадуматься.

1.

ОТВѢТЪ НА ЗАМѢЧАНІЯ.

..... Жаль, что передъ глазами моими нѣтъ моего письма, напечатаннаго въ Москвитянинѣ безъ моего вѣдома. Я не помню, *что* и *какъ* въ немъ сказано; слѣдственно не могу защищать *своихъ* выраженій, можетъ быть и ошибочныхъ, ибо письмо написано наскоро. Я, правда, перечиталъ его и про себя, и потомъ съ Гоголемъ, но теперь ни слова не помню, и конечно многое въ немъ сказано неопредѣленно, и многія выраженія неточны. Миѣ остается возражать на *твои* мысли и *твои* слова. Миѣ кажется, что ты въ своихъ положеніяхъ ошибаешься, и ошибаешься отъ того, что не сдѣлалъ для себя *ясной дефиниціи* главнаго предмета, о которомъ говоришь. Ты смѣшиваешь два понятія, совершенно разныя: меланхолію и печаль или скорбь (а не *уныніе*, какъ ты выражаешься;

уныніе есть только слѣдствіе печали, овладѣвшей душою и преодолевшей силу ея).

Что такое меланхолія? Грустное состояніе души, происходящее отъ *невозвратной* утраты, или уже совершившейся, или ожидаемой и неизбѣжной. Причины меланхоліи суть, причины *внѣшнія*, истекающія изъ всего того, что насъ окружаетъ и что на насъ извнѣ дѣйствуетъ. *Скорбь* или *печаль* есть состояніе души, томимой внутреннею болѣзнію, изъ самой души истекающею; и хотя причины скорби могутъ быть *внѣшнія*, но онѣ, поразивъ душу, не даютъ ее ей самой, и скорбь въ ней тогда также присутственна, какъ и сама жизнь. *Меланхолія* пытается извнѣ, безъ *внѣшняго* вліянія она исчезаетъ. *Скорбь* пытается изнутри, и если душа, ею томимая, не одолѣетъ ея, то она обращается въ уныніе, ведущее наконецъ къ отчаянію; если же, напротивъ, душа съ нею сладитъ, то врагъ обращается въ друга-союзника, и изъ разслабляющей душу силы (т. е. изъ силы этой скорби, ее гнетущей) вдругъ рождается великое могущество, удваивающее жизнь. *Меланхолія* есть лѣнивая нѣга, есть—такъ сказать—грустная роскошь, мало-по-малу изнуряющая и наконецъ губящая душу. *Скорбь*, напротивъ, есть дѣятельность, столько же для побѣдившей ее души образовательная и животворная, сколь она можетъ быть разрушительна и убійственна для души, ею побѣжденной. Изъ всего сказаннаго ясно, что никакъ не должно смѣшивать понятія меланхоліи съ понятіемъ скорби. Напоследокъ главное, существенное различіе между *меланхоліею* и *скорбію*—(я говорю здѣсь въ смыслѣ Христіанина, для котораго въ семъ отношеніи нѣтъ ничего сомнительнаго, который все строитъ на твердомъ пунктѣ Откровенія)—главное различіе состоитъ въ томъ, что *меланхолія*, грустное чувство, извлекаемое изъ невѣрности, непрочности и ничтожности всего житейскаго, ничѣмъ незамѣняемаго по уtratѣ его, не можетъ быть свойствомъ, *внутреннею* принадлежностью души, по природѣ своей безсмертной, а потому и чувствующей явно или тайно свое безсмертіе, несомнѣнное съ чувствомъ ничтожества, но что она входитъ въ душу *извнѣ*,

отд. I. 2

изъ окружающаго ея рыхлаго міра, какъ что ей посто-
роннее, и къ ней прилипаетъ, какъ наростъ, какъ корка,
ей чуждая; тогда какъ *скорбь* есть неотъемлемое свой-
ство души, безсмертной по своей природѣ, небесной по
своему происхожденію, по *падшей* и носящей въ себѣ,
явно или тайно, грустное чувство сего паденія, соединен-
ное однако съ чувствомъ возможности вступить въ перво-
бытное свое величіе. Откровеніе даетъ дѣятельную жизнь
сему темному врожденному чувству, приводя его въ яс-
ность и указывая на средства изцѣлить недугъ паденія.
Пока душу не преобразовало Откровеніе, по тѣхъ поръ она,
обрѣтая въ себѣ эту ей еще неясную скорбь, стремится
къ чему-то высшему, по ей неизвѣстному, и чѣмъ сильнѣе
внутренняя жизнь ея, тѣмъ сильнѣе и это стремленіе, и тѣмъ
глубже проникается она этою тайною скорбію. Но какъ ско-
ро Откровеніе освѣтило душу и вѣра сошла въ нее, скорбь
ея, не перемѣняя природы своей, обращается въ высокую
дѣятельность, благородствуетъ душу и, не производя въ
ней раздора съ окружающимъ міромъ, оцѣниваетъ его бла-
га, ничтожныя сами по себѣ, но существенныя, когда они
подчинены благамъ вышнимъ, которыя ихъ замѣняютъ,
не уничтожая временной ихъ значительности въ здѣшнемъ
мірѣ. Эта скорбь есть душа Христіанскаго міра. Пока она
не оперлась на вѣру и Откровеніе, она можетъ повергнуться
въ уныніе и безнадежность, ибо тогда врожденное стрем-
леніе души не имѣетъ предмета. Съ вѣрою же (подъ
словомъ вѣры я разумѣю одну только вѣру во Христа) она
ведетъ къ глубокому миру, и наконецъ принимаетъ на себя
свѣтлый образъ этого мира, при которомъ все земное ста-
новится яснымъ и все наше драгоценнѣйшее вѣрнымъ.
Это состояніе души не есть *знаніе*, ибо человекъ не со-
зданъ *знать*, но болѣе, нежели *знаніе*: это *вѣра*, самый воз-
вышенный, самый свободный и самобытный актъ души
человѣческой, вѣра — дитя скорби. Блаженный Августинъ,
кажется, говорить: «Мнѣ не нужно *знать*, чтобъ *вѣрить*, но
вѣрить, чтобъ *знать*.»

Покажется парадоксомъ, если сказать, что меланхолія
есть элементъ міра древняго (здѣсь подъ міромъ древнимъ

разумѣется классическій міръ Грековъ и Римлянъ), но оно такъ: я говорю *элементъ*, т. е. составъ, входящій въ образованіе внутренняго характера жизни древнихъ. Они имѣли вполнѣ развитую гражданскую матеріальную жизнь, но не имѣли *дополненія*, необходимаго этой жизни, того именно, что ее упрочиваетъ и благородствуетъ; ихъ религія принадлежала тѣснымъ предѣламъ этой матеріальной жизни; она не входила во внутренность души, напротивъ извлекала ее изъ самой себя, наполняя внѣшній міръ, ее окружающій, своими поэтическими созданіями, повторявшими, въ другомъ только размѣрѣ, всѣ событія ежедневной матеріальной жизни. Но въ замѣнъ земнымъ утратамъ ничего не представляла. Отецъ боговъ, Юпитеръ, самъ былъ великій развратникъ; утѣшить и подкрѣпить въ бѣдахъ онъ не былъ способенъ, принималъ экатомбы, но не могъ ничего противъ слѣпago, безжалостнаго фатума. Всѣ сокровища были *на землѣ*; все заключалось въ земныхъ радостяхъ и все съ ними исчезало. И такъ естественно, что душа, ничего кромѣ сихъ измѣнчивыхъ благъ не имѣя, къ нимъ съ жадностію прилипала и предавалась ихъ наслажденію, отводя въ глаза отъ парки, во всякое время съ нимъ неразлучной. У каждаго на пиру жизни висѣлъ надъ головою на тонкомъ волоскѣ мечъ Дамоклесовъ, но потому именно, что онъ у *каждаго* висѣлъ надъ головою, всѣ общію толпою шумѣли весело на пиру и спѣшили насытиться по горло. Каждый самъ про себя, ясно или неясно, чувствовалъ, что, когда соберутъ со стола, ужъ другого ему не накроютъ; но увлеченный общимъ шумнымъ порывомъ, не обращалъ вниманія на это чувство, или вопреки ему удваивалъ свои подвиги на всемірной оргіи. Иногда какой-нибудь Горацийъ, но и тотъ только для того, чтобы подстрекнуть наслажденіе, восклицалъ посреди этой суматохи:

Лови, лови летящій часъ!

Онъ, улетѣвъ, не возвратится!

Эти слова меланхолически высказываютъ печальную истину; но только для того, чтобы сильнѣе прилѣпиться къ милому заблужденію, чтобы наложить новый блестящій

покровъ на скелетъ жизни. Но этотъ скелетъ во всей своей отвратительности выскакивалъ изъ цвѣтовъ, на него набрасываемыхъ безпечною, когда какой-нибудь простодушный Гомеръ, совсѣмъ не мысля щеголять меланхолическими картинами, приводилъ своего Одиссея къ воротамъ Аида и заставлялъ тѣни умершихъ высказывать ему тайну жизни. Все это доказываетъ, что въ мірѣ древнемъ меланхолія (въ томъ смыслѣ, который я къ сему слову привязываю), будучи печальнымъ, постояннымъ элементомъ самой жизни, по тому иже не могла быть высказываема, а только временемъ бывала ощутительна въ ея вѣдѣнныхъ явленіяхъ. Древніе брали жизнь *цѣликомъ*, спѣшили исполнѣ ея воспользоваться; наслажденіе было ихъ единственною цѣлю; далѣе здѣшней жизни ничто имъ не представлялось. И они умѣли употреблять ее по-своему; и это искусство употребленія жизни особенно выражается въ поэзіи и въ скульптурѣ: какая вѣрность, свѣжесть, полнота формъ, какое пластическое совершенство! И если что-нибудь меланхолическое проскакиваетъ въ этихъ плѣнительныхъ, свѣтлыхъ образахъ, то это какъ будто ненарокомъ; эта тайна, невольна проговорившаяся: эго колодникъ, заключенный въ темномъ подвалѣ подъ чертогомъ пиршественнымъ, на минуту вырвавшійся изъ затвора и пробѣжавшій передъ толпою пирующихъ, чтобы снова попасть въ руки тюремщиковъ и возвратиться въ свое темное заключеніе. Христіанство своимъ явленіемъ все преобразовало. И если великъ переворотъ, въ жизни общественной имъ произведенный, то переворотъ, произведенный во внутренней жизни, гораздо обширнѣе и глубже. Откровеніе разоблачило передъ человѣкомъ его высокую природу и возвеличило человѣческую душу, указавъ ей ея паденіе и вмѣстѣ съ нимъ ея право на утраченное совершенство и блаженство, возвращенныя ей *искупленіемъ*. Изъ вѣшняго міра матеріальной жизни, гдѣ все прельщаетъ и губитъ, оно обратило насъ во внутренній міръ души нашей; легкомысленное, ребяческое наслажденіе вѣшнымъ уступило мѣсто созерцанію внутреннему; за всякое заблужденіе надежды, ласкавшей обрѣсти вѣрное существонное въ из-

мѣняющемъ вѣѣпнемъ, нашлось вознагражденіе въ сокровищницѣ вѣры, которая все наше драгоцѣнное, все, существенно душѣ нашей принадлежащее, застраховало на уплату послѣ смерти въ иномъ мірѣ. Какое же мѣсто можетъ въ этомъ Христіанскомъ мірѣ найти меланхолія, которая не иное что, какъ тоска посреди разрушенія и утратъ, ни чѣмъ незамѣляемыхъ, тогда какъ въ Христіанскомъ мірѣ понастоящему нѣтъ утратъ! Гибнетъ только то, что не наше; все же, что составляетъ вѣрное достояніе и сокровище нашей души, упрочено ей на всю вѣчность. До Христіанства душа, еще не воздвигнутая искупленіемъ, была преисполнена темнымъ чувствомъ паденія, тайною, часто неощутительною печалію (эта печаль относительно внѣшняго есть то, что я называю меланхоліею). Христіанство, побѣдивъ смерть и ничтожество, измѣнило и характеръ этой внутренней, врожденной печали. Изъ унынія, въ которое она попергала и которое или приводило къ безнадежности, губящей всякую внутреннюю дѣятельность, или насильственно влекло душу въ заглушавшую ее матеріальность въ шумѣ внѣшней жизни, оно образовало эту животворную скорбь, о которой я говорилъ выше и которая есть для души источникъ самобытной и побѣдоносной дѣятельности.

Но отъ чего *выраженія* меланхоліи мы не находимъ въ поэзіи древней и отъ чего имъ такъ изобильна поэзія Христіанская? Древніе по той же причинѣ не выражали меланхоліи въ идеальныхъ произведеніяхъ поэзіи и искусства, по которой они ее выгнали изъ своей дѣйствительной жизни. И мы видимъ, какъ всѣ эти произведенія чисты и далеки отъ всякой туманности, отъ всякой таинственности, придающей такую прелесть произведеніямъ поэтовъ и артистовъ не-классическихъ. Жизнь древнихъ отразилась передъ нами въ созданіяхъ искусства, во всей ея пластической опредѣленности (ибо что иное искусство, какъ не слѣпокъ жизни и міра, сдѣланный такимъ точно, какимъ видѣть и понимаетъ его душа наша?) Какъ же очутилось *выраженіе* меланхоліи въ поэзіи Христіанской? Сперва надобно сдѣлать въ этомъ вопросѣ маленькую поправку: не въ поэ-

зіи Христіанскої, а въ поэзіи по распространеніи Христіанства. Великая разница. Поэтъ, наполненный духомъ Евангелія, поэтъ-Христіанинъ не можетъ ни самъ предаваться той меланхоліи, о которой говорено выше, ни передавать ее поэзіи. Его вдохновеніе имѣетъ иной характеръ. Въ Дантѣ нѣтъ меланхоліи; въ Шекспирѣ ея нѣтъ; въ Валтеръ-Скоттѣ ея не найдешь. Но между-тѣмъ она одна изъ самыхъ звучныхъ струнъ романтической лиры, (т. е. лиры, настроенной послѣ распространенія Христіанства). Этотъ феноменъ изъяснить не трудно: Христіанство открыло намъ глубину нашей души, увлекло насъ въ духовное созерцаніе, соединило съ міромъ ви́шнимъ міръ таинственный, усилило въ насъ все душевное: это отразилось въ жизни дѣйствительной; страсти сдѣлались глубже, геройство сдѣлалось рыцарствомъ, любовь самоотверженіемъ; все получило характеръ какой-то духовности. Это равномерно отразилось и въ поэзіи—и точно какъ древній поэтъ схватываетъ живо, свѣжо и рѣзко окружающіе его матеріальные образы, и только поверхностно, но съ удивительною вѣрностью изображаетъ страсти, столь же поверхностный, какъ и ихъ изображенія; поэтъ романтическій, менѣе заботясь о вѣрности своихъ очерковъ, менѣе заботясь о красотѣ пластической (въ изображеніи которой впрочемъ и не сравнился бы онъ съ древними, успѣвшими прежде его схватить всѣ главныя черты), углубляется въ выраженіе таинственнаго, внутренняго, преслѣдуетъ душу во всѣхъ ея движеніяхъ и высказываетъ подробно всѣ ея тайны. Теперь пускай поэтъ романтическій, введенный Христіанствомъ во всѣ тайны души человѣческой, не будетъ имѣть въ собственной душѣ своей Христіанскаго элемента; пусть будетъ онъ по своему вѣроисповѣданію *язычникъ*, (а *язычникъ* — романтикъ гораздо болѣе *язычникъ*, нежели *язычникъ-классикъ*; сей послѣдній *язычникъ* по незнанію, а тотъ *язычникъ* по *отрицанію*), пусть будетъ онъ Христіанинъ только по эпохѣ, въ которую живетъ, и невѣрующій по своему образу мысліи и чувствованія, — въ какую бездну меланхоліи должна погрузиться душа его, обогащенная всѣми сокровищами отрицаемаго имъ Христіанства! Въ этомъ арсеналѣ, т. е. въ

арсеналъ меланхоліи найдетъ онъ самое сильное свое оружіе, древнимъ неизвѣстное и тѣмъ сильнѣйшее, что оно будетъ въ противоположности съ окружающимъ его міромъ, и что онъ самъ отъ оппозиціи съ этимъ міромъ присоединитъ къ сильному меланхолическому чувству силу негодованія и презрѣнія. Примѣръ Байронъ: конечно обстоятельства жизни помогли освирѣпѣть его гордому генію; но главный источникъ его меланхолическаго негодованія есть скептицизмъ. Какъ поэтическая краска, меланхолія изъ всѣхъ поэтическихъ красокъ самая сильная; поэзія живетъ контрастами. Самые привлекательные характеры (т. е. поэтически привлекательные) въ поэзіи суть тѣ, которые наиболѣе возбуждаютъ чувство меланхолическое: сатана въ Мильтоновомъ Раю, Аббадона у Клопштока. Въ Христіанскомъ мірѣ, гдѣ все ясно и прочно, картины меланхолическія никого не пугаютъ; мы наслаждаемся ими, какъ человѣкъ, сидящій на берегу, наслаждается зрѣлищемъ бури. И поэты романтическіе до излишества пользуются симъ дѣйствительнымъ способомъ производить поэтическія впечатлѣнія. Но ихъ меланхолическія жалобы, невѣстныя ни съ Христіанскою скорбію, ни съ Христіанскимъ покоемъ, изъ этой скорби истекающимъ, могутъ быть трогательны и дѣйствительны тольکو тогда, когда выражаютъ не вымышленныя, а дѣйствительныя страданія души, томимой чувствомъ собственнаго ничтожества и невѣрности всего, что мило ей на свѣтѣ, тѣмъ болѣе рѣзкимъ, что они сами бѣжали съ отвергнутаго ими неба или не имѣли силы войти въ его врата, отворенныя Христіанствомъ, и плачутъ о немъ въ виду его свѣта, какъ Аббадона, или негодуютъ на него, какъ Сатана, его оттолкнувшій. Самый меланхолическій образъ представляетъ намъ Сатана. Онъ палъ произвольно; онъ все отвергъ по гордости; онъ все отрицаетъ, *зная навѣрное*, что отрицаемое имъ есть истина. И такъ божественное ему вѣдомо, и онъ, зная его, произвольно свое знаніе отрицаетъ.... невѣріе съ яснымъ убѣжденіемъ, что предметъ его есть верховная истина и что эта истина есть верховное благо:—что можетъ быть ужаснѣе такого состоянія души, и

въ то же время что грустиѣ, когда представишь себѣ, что сей произвольный отрицатель былъ нѣкогда свѣтлый ангелъ?

Надобно кончить. Но я написалъ свое длинное разсужденіе, (короче написать не умѣлъ) по поводу твоихъ выраженій, а собственно въ отвѣтъ на твои слова не сказалъ ничего. Слѣдуетъ на минуту и къ нимъ обратиться. «Конечно,—говоришь ты,—въ *Горациі* есть уныніе, но это уныніе ведетъ къ тому, что надобно торопиться жить, жить и веселиться.» И я тоже говорю; и эта поспѣшная жадность хватать наслажденіе есть признакъ боязни, что оно быстро уйдетъ и навѣки. «Христіанское уныніе ведетъ къ тому, что уныніе есть обязанность, душа жизни.» Христіанскаго унынія нѣтъ, а есть христіанская скорбь; она не есть обязанность, она истекаетъ изъ самой природы падшаго и чувствующаго свое паденіе человѣка, и потому она можетъ назваться душею жизни; но она не парализируетъ, не разслабляетъ и не мрачитъ жизни, а животворитъ ее, даетъ ей сильную дѣятельность и стремить ее къ свѣту. Безъ вѣры сія скорбь могла бы привести къ унынію и отчаянію; съ вѣрою она ведетъ къ свѣтлому миру и смирению. «Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!» Эту молитву я слишкомъ знаю, но она есть крикъ не унынія, а скорби, и если этотъ крикъ вырывается изъ глубины сердца, то на него будетъ отвѣтъ несомнѣнный, ибо сердце знаетъ, къ *Кому* вопіетъ; знаетъ, что этотъ имъ Призываемый ему внемлетъ, что вѣра есть величайшій даръ Его благодати и что Онъ даетъ ее, когда произвольно и покорно протянешь руку для пріятія Его дара. Спаситель на горѣ скорбѣлъ, какъ человѣкъ, но Онъ не унывалъ, и въ эту минуту передпослѣдняго Его земнаго поприща выразился въ Немъ весь Имъ преобразованный человѣкъ, во всей силѣ своего земнаго страданія (*душа Моя прискорбна до смерти; да пройдетъ чаша мимо*) и во всей божественности Своего ведущаго къ небу смиренія (*не якоже Азъ хочу, но якоже Ты*). Страданіе и молитва на горѣ Елеонской есть верховное изображеніе жизни Христіанина, которая вся выражается въ одномъ словѣ: смиреніе. — «Религія древнихъ есть наслажденіе; ему строгли алтари и вся

жизнь древнихъ была ему служеніемъ.» Это совершенная правда; но это говорю и я. *«Религія наша есть страданіе; оно первое и послѣднее слово Христіанина на землѣ.»* Вѣрнѣе сказать, религія наша есть утѣшеніе; страданіе есть принадлежность жизни. Ни мы не найдемъ, ни постановленія гражданскія не создадутъ для насъ такого счастья земнаго, которое было бы безъ утратъ, и никто не выгнать изъ жизни испытующаго или губящаго ее несчастья, изъ насъ самихъ или изъ обстоятельствъ внѣшнихъ исключающаго. Одна религія, религія Христіанская (ибо другой быть не можетъ) заговорила несчастье, замѣнила высшими, прочными благами благо минутное, и страданіе, столь противное безвѣрію, превратилось въ драгоценнѣйшее земное сокровище. Что передъ этимъ наслажденіе (т. е. наслажденіе, взятое какъ главная пружина жизни)? Чувственное раздраженіе души, повергающее ее наконецъ въ такое же состояніе, въ какое излишнее употребленіе опиума повергаетъ тѣло. И что должно таиться въ глубинѣ той жизни, которая этому идолу строить алтари и ему одному себя покоряетъ? *«Съ Евангеліемъ должно было войти уныніе въ поэзію.»* Правда, тоже говорю и я; но это уныніе, вошедшее вмѣстѣ съ Евангеліемъ въ поэзію, не изъ Евангелія вышло. Это объяснено выше.

Послѣдняя твоя фраза весьма замѣчательна, какъ остроумное злоупотребленіе слова. *«Не будь безсмертія души, не будетъ сомнѣнія и тоски; смерть тогда сонъ безъ пробужденія, и прекрасно! О чемъ тутъ тосковать? Все уныніе, вся тоска въ томъ, что засыпая не знаешь, гдѣ и какъ проснешься; тоска въ томъ, что на жизнь смотришь, какъ на лоскутокъ чего-то, какъ на программу, какъ на лотерейный билетъ, не зная, что вынешь. Незамыслимость здѣшней жизни, развѣ утраченной, въ виду чего-то, въ виду живаго чувства была бы грустью; но въ виду безчувствія, ничтожества она и сама ничто. Кажется, Сенека сказалъ: «чего бояться смерти? При насъ ея нѣтъ; при ней насъ уже нѣтъ! Вотъ въпроисовданіе древняго міра. А у насъ напротивъ: «смерть начало всего! Тутъ по неволѣ призадумался.»* Читая это, подумаешь, что оно написано не живымъ, а мерт-

вещомъ, заснувшимъ тѣмъ непробуднымъ сномъ, который такъ пріятенъ и роскошенъ, когда онъ уже наступилъ и когда началъ нѣжить усталые члены сибарита, имъ улетѣяннаго и вбирающаго въ себя всю сладость усыпленія, всю роскошь безчувствія и самозабвенія: подумаешь, что полупробужденный на минуту какимъ-нибудь гальваническимъ процессомъ этотъ мертвецъ высказалъ безъ своего вѣдома свою могильную тайну живущимъ, изъ которой слѣдуетъ, что сонъ ничтожности покоенъ. Хорошо для мертвыхъ, но какая польза отъ этой тайны живущимъ, пока они живы. пока они дѣйствуютъ, любятъ, замышляютъ великое, страдаютъ, терпятъ гоненія, и проч. и проч.? Хорошо же твое вѣроисповѣданіе древняго міра! Если оно подлинно таково, то что безнадежнѣе и мрачнѣе? Если оно подлинно таково, то по неволѣ, какъ говоришь ты, *приадумаешься*; по неволѣ примешься потомъ плясать, пить, веселиться и пѣть, чтобы какъ нибудь докружиться до этого сна безпробуднаго, столь сладкаго, какъ мгновенное послѣднее событіе, и столь печальнаго, какъ цѣль цѣлой долговременной жизни. Чтобы отвѣчать ясно на твою послѣднюю фразу, надобно ее просто переписать, съ нѣкоторыми только вставками. «*Не будь безсмертія души, не будетъ и сомнѣнія*», а будетъ напротивъ полное убѣжденіе, что жизнь есть дѣло случая, преданная во власть слѣпой необходимости, безъ ободрительнаго будущаго, съ прошедшимъ, на вѣки утраченнымъ, съ одною мечтательною минутою настоящаго, которую скорѣе надлежитъ заклеить наслажденіемъ, чтобы хоть что-нибудь урвать (безъ надежды его сохранить) у мимолетающаго призрака жизни; *не будетъ и тоски*, т. е. не будетъ стремленія ни къ чему, общаему надеждою, упроченному вѣрою, ни къ чему еще не-нашему, но вѣрному и замѣняющему съ лихвою наше здѣшнее невѣрное; *смерть тогда сонъ безъ пробужденія*, и это совсѣмъ не прекрасно! И есть о чемъ тутъ тосковать тому, перелъ кѣмъ мерещится взами одинъ только этотъ сонъ, какъ итогъ, какъ послѣдній результатъ жизни; эта вся тоска особенно состоитъ въ томъ, что засыпая, онъ не знаетъ, *гдѣ и какъ проснется*; не знаетъ потому, что смотреть на жизнь сквозь

черное стекло скептицизма, а не при свѣтѣ истиннаго Спасителя, Который говоритъ: «да не смущается сердце ваше! вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте; въ дому Отца Моего обители многи суть; иду уготовать мѣсто вамъ, да и вы тамъ будете, гдѣ Я буду.» Вся тоска въ томъ, что онъ смотритъ на жизнь, какъ на лоскутокъ чего-то, какъ на программу, какъ на лотерейный билетъ, не зная, что вынется; и смотреть такъ потому, что, заключивъ эту жизнь въ тѣсныхъ предѣлахъ злѣшняго праха, хочетъ ее разгадать своимъ умомъ, строящимъ свои доказательства изъ того же праха, по закону необходимости, признаваемой гордостію его за свободу, и не спрашивается съ вѣчнымъ Откровеніемъ, которое на все дастъ отвѣтъ удовлетворительный; которое въ мнимомъ лоскуткѣ показало бы ему вѣчное цѣлое, истолковало-бы ему непонятную имъ программу, въ которой все содержаніе жизни съ ея начала до вѣчности подробно означено, и убѣдило бы его, что жизнь не билетъ лотерейный, вынимаемый паркою изъ урны фатума, а вѣчный жребій, благодатно даруемый свободной душѣ любовью и правосудіемъ спасающаго Бога. Слѣдующія строки я не совсѣмъ понимаю, потому и прохожу ихъ мимо. А Сенека, по своему обыкновенію, сумничалъ: мысль его въ переводѣ на здравый смыслъ можно выразить такъ: пока мы живы, то еще не умерли; а когда умерли, то уже не живы. Нужно было играть словами, чтобъ сказать такую великую истину! Наконецъ послѣднее: «а у насъ напротивъ: смерть начало всего! Тутъ по неволѣ приадаумаешься!» Подумаешь, что, поставивъ эту смерть въ противоположность съ вѣроисповѣданіемъ древнихъ, ты хочешь тѣмъ сказать, что у нихъ всему начало жизнь. Правда, у древнихъ все жизнь, но жизнь, заключенная въ земныхъ предѣлахъ, и далѣе ничего: съ нею всему конецъ! У Христіанъ все смерть, т. е. все земное, заключенное въ тѣсныхъ предѣлахъ міра, ничтожно; и все, что душа, нетлѣнно, все жизнь вѣчная. И все это отъ того, что у нихъ есть Одинъ, Который смертію смерть попра и сущимъ во гробѣхъ животь дидова!

НѢЧТО О ПРИВИДѢНІЯХЪ.

Вѣрить или не вѣрить привидѣніямъ? Прежде нежели отвѣчать на этотъ вопросъ, надлежитъ опредѣлить, что такое привидѣніе. Я *видѣлъ* значитъ: мной открытымъ глазамъ, на яву, представился предметъ, подлежащій чувству зрѣнія; мнѣ *приснилось* значитъ: я видѣлъ не на яву, съ закрытыми глазами предметъ, не подлежащій чувству зрѣнія; мнѣ *привидѣлось* значитъ: я видѣлъ на яву, открытыми глазами предметъ, не подлежащій чувству зрѣнія. И такъ привидѣніе есть вещественное явленіе предмета невещественнаго. Если этотъ предметъ, который намъ въ минуту видѣнія кажется существеннымъ и отъ насъ отдѣльнымъ, есть не иное что, какъ нѣчто, внутри насъ самихъ происходящее, то онъ самъ по себѣ не существуетъ: заѣсь нѣтъ еще привидѣнія. Оно бываетъ тогда, когда передъ нами совершается явленіе существъ духовныхъ, нами видимыхъ, но не подлежащихъ чувству зрѣнія. И такъ *вѣрить ли привидѣніямъ?* Значитъ вѣрить ли дѣйствительности такихъ существъ и ихъ чувственному съ нами сообщенію? Когда мы спимъ, дѣйствіе внѣшняго на насъ прекращается; и видя сонъ, мы видимъ безъ предмета, не употребляя на то органовъ зрѣнія. Если бы сновидѣнія были не такъ обыкновенны, если бы имѣть ихъ могли весьма немногіе и тѣ весьма рѣдко, то и сновидѣнія казались бы намъ невѣроятными, ибо въ нихъ есть нѣчто, противорѣчащее естественному порядку. Бываютъ *сны на яву*, которые весьма близко подходятъ къ тому, что мы называли привидѣніемъ. Иногда еще глаза не закрылись, еще всѣ

окужающіе насъ предметы намъ видимы, а уже сонъ овладѣлъ нами и уже въ сновидѣніи, въ которое мы перешли нечувствительно, совершается передъ нами что-то, совсѣмъ отличное отъ того состоянія, въ которомъ мы были за минуту, что-то странное, всегда болѣе или менѣе приводящее въ ужасъ; и если мы проснемся, не замѣтивъ быстрого нашего перехода отъ бдѣнія ко сну и наоборотъ, то легко можемъ остаться съ мыслию, что съ нами случилось нѣчто неестественное. Вотъ примѣръ: покойный А. М. Дружининъ (бывшій, кажется, въ Москвѣ главнымъ директоромъ училищъ) разсказалъ мнѣ слѣдующій замѣчательный случай:

« Я былъ (такъ говорилъ онъ) коротко знакомъ съ докторомъ Берковичемъ. Однажды (это было зимою) онъ пригласилъ меня вмѣстѣ съ г-жею Перець къ себѣ на вечеръ; мы провели этотъ вечеръ весьма весело и особенно веселъ былъ самъ хозяинъ. Пробыло десять часовъ; жена Берковича сказала ему: поди, посмотри, накрываютъ ли на столъ? Пора ужинать. Дверь изъ гостиной веда прямо въ столовую. Берковичъ вышелъ и черезъ минуту возвратился. Скоро ли? спросила жена. Онъ молча кивнулъ головою. Я посмотрѣлъ на него и увидѣлъ, что онъ блѣденъ, какъ полотно; веселость его пропала, во весь остатокъ вечера онъ не сказалъ почти ни слова. Сѣли за столъ, отужинали; госпожа Перець собралась ѣхать къ себѣ и Берковичъ пошелъ проводить свою гостью съ крыльца. Сажая ее въ карету, онъ попалъ ногами въ снѣгъ, который лежалъ сугробами кругомъ подъѣзда (во весь день была жестокая метель); весьма вѣроятно, что въ эту минуту онъ простудился. На другой день пришли мнѣ сказать, что Берковичъ въ постели и что онъ зоветъ меня къ себѣ; я самъ хотѣлъ его навѣстить, ибо меня тревожила грустная мрачность, замѣченная мною въ немъ наканунѣ. И вотъ что онъ мнѣ отвѣчалъ, когда я у него спросилъ объ ея причинѣ: мнѣ скоро умереть; я видѣлъ своими глазами смерть мою. Когда вчера я вышелъ изъ гостиной въ столовую, чтобы узнать, скоро ли подадутъ ужинъ, я увидѣлъ, что столъ накрытъ, что на столѣ гробъ, окру-

женный свѣчами, и что въ гробу лежу я самъ. Будь увѣренъ, что вы скоро меня похороните.—И дѣйствительно, Берковичъ черезъ короткое время умеръ.»

Весьма вѣроятно, что въ тѣлѣ его былъ зародышъ болѣзни; простуда развила болѣзнь, а болѣзнь съ помощію воображенія, испуганнаго призракомъ, произвела смерть. Но что же было этотъ призракъ? Сонъ на яву, видѣніе несуществующаго образа, такое же, какое бываетъ, когда сновидѣніемъ выражается или тревожное состояніе души нашей или болѣзненное разстройство нашего тѣла. Здѣсь было не иное что, какъ сновидѣніе въ состояніи бодрствованія, происшедшее отъ той же причины, какая по большей части производитъ всякое другое сновидѣніе; здѣсь видѣніе не отдѣлено отъ видящаго, видѣніе безъ предмета; здѣсь нѣтъ еще привидѣнія въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его опредѣлили, хотя и есть что-то необычайное, естественному порядку не принадлежащее.

Бываютъ другаго рода видѣнія на яву, видѣнія образовъ, дѣйствительно отъ насъ отдѣльных и кажущихся намъ видѣ насъ существующими, самобытными; хотя на самомъ дѣлѣ они не могутъ имѣть ни сущности, ни самобытности. Къ сему роду принадлежитъ извѣстное видѣніе короля Шведскаго, Карла XI. Что онъ видѣлъ, то было описано имъ самимъ. Этотъ актъ скрѣпленъ подписью самаго короля и двухъ или трехъ находившихся при немъ свидѣтелей. Я читалъ его въ нѣмецкомъ литературномъ переводѣ, сдѣланномъ по требованію К. П. Не имѣя теперь предъ глазами этого перевода, я долженъ слѣдовать повѣствованію Проспера Мериме, которое во всемъ главномъ вѣрно, хотя Мериме, по образу и подобию своихъ соотечественниковъ, не могъ воздержаться, чтобы не украсить простой истины вымысломъ нѣкоторыхъ живописныхъ обстоятельствъ. Расскажу коротко и просто. Въ то время, когда случилось описываемое здѣсь происшествіе, король Карлъ XI, знаменитый отецъ Карла XII, жилъ въ старомъ Стокгольмскомъ дворцѣ, (новый, нынѣ существующій и имъ заложный, еще не былъ достроенъ). Этотъ дворецъ имѣлъ форму подковы, на концѣ одного флягеля былъ кабинетъ короля, на концѣ другаго, окнами прямо противъ кабинета

королевскаго, находилась палата государственныхъ штатовъ. Было поздно; король сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ передъ каминомъ; съ нимъ, по словамъ Мериме, находились камергеръ Браге и докторъ Баумгартенъ (въ оригинальномъ актѣ названы, кажется, другіе); король былъ задумчивъ и мраченъ; вставъ съ мѣста, онъ началъ, не говоря ни слова, ходить взадъ и впередъ по горницѣ. Вдругъ онъ остановился: онъ увидѣлъ, что въ окнахъ противолежащей палаты былъ яркій свѣтъ; это не могло быть отъ луны—луна не свѣтила и на небѣ лежали тучи; это не могъ быть пожаръ—сіяніе было спокойное и не имѣло багряности пожарной; нельзя было также подумать, чтобы тамъ какой-нибудь изъ слугъ придворныхъ ходилъ съ факеломъ—отъ одного факела не произошло бы такого яркаго повсемѣстнаго освѣщенія. «Видите ли? спросилъ король своихъ собесѣдниковъ. Что это значить?» Всѣ были изумлены, и никто не могъ придумать объясненія видимому. «Велите позвать кастелана, чтобы онъ принесъ и ключъ отъ палаты.» Кастеланъ явился; король пошелъ съ нимъ вѣстѣ черезъ дворецъ, провожаемый другими, которые несли свѣчи. Вступивши въ пространную переднюю палаты, они увидѣли, что она вся была обтянута чернымъ сукномъ; изъ-подъ дверей палаты яркою полосой свѣтилось. Король приказалъ кастелану отворить дверь, но примѣти, что онъ, дрожа отъ страха, не могъ попасть ключемъ въ замочную скважину, взялъ ключъ изъ его руки и сказавъ: «съ нами Богъ» самъ отперъ двери. Онъ смѣло вошелъ въ палату; за нимъ всѣ другіе. Они увидѣли, что палата была освѣщена множествомъ свѣчъ, и что въ ней происходилъ совѣтъ государственныхъ штатовъ. Члены молча сидѣли вдоль стѣнъ на банкетахъ; всѣ были въ траурѣ. Посреди палаты, кругомъ стола, покрытаго чернымъ сукномъ, засѣдали судьи, также одѣтые въ трауръ; ихъ президентъ имѣлъ передъ собою раскрытую книгу. На тронѣ, находившемся прямо противъ входа, лежалъ мертвый, покрытый порфиною; близъ него былъ виденъ юноша, имѣвшій на головѣ корону и въ рукѣ скиптръ; съ нимъ рядомъ стоялъ человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, въ старинной одеждѣ администраторовъ Шведскихъ; на

полу между столомъ лежала плаха и при ней топоръ. Въ ту минуту, когда король вступилъ въ палату, президентъ ударилъ рукою по книгѣ; по этому знаку боковая дверь отворилась, изъ нея вышло нѣсколько человѣкъ благородной наружности, въ богатыхъ одеждахъ, но руки ихъ были связаны на спинѣ; за ними слѣдовалъ палачъ. Тотъ, кто между ними казался главнымъ, взглянулъ на трупъ, лежавшій на тронѣ; изъ раны трупа брызнула кровь, какъ будто въ обличеніе убійства, и обличенный смѣло приблизился къ плахѣ, положилъ на нее голову, палачъ взмахнулъ топоромъ, отрубленная голова запрыгала и, перекатившись черезъ всю палату, остановилась у ногъ короля: капля крови упала на одну изъ его туфель. До сей минуты онъ стоялъ неподвижно, смотря въ безмолвномъ изумленіи на происходившее; но тутъ онъ слѣлалъ быстро нѣсколько шаговъ впередъ и громко воскликнулъ, обратясь къ тому, кто имѣлъ на себѣ одежду администратора: «Если ты отъ Бога, говори, а если отъ другаго, исчезни.» Тогда послышался голосъ: «Король Карлъ, эта кровь не при тебѣ...» (тутъ звуки слѣлались менѣе внятыи) еще пять царствованій..... горе потомству Вазы!» Голосъ замолчалъ, и въ эту минуту всѣ образы начали, какъ туманъ, рѣдѣть и дѣлаться прозрачнѣе; скоро все исчезло, осталась одна пустая палата, темно освѣщенная свѣчами, горѣвшими въ рукахъ сопутниковъ Карла. Король возвратился въ свой кабинетъ; онъ не могъ сомнѣваться въ существенности видѣнія, котораго неоспоримымъ свидѣтельствомъ была капля крови, запекшаяся на его туфлѣ. Полный еще свѣжаго впечатлѣнія, онъ тутъ же записалъ со всѣми подробностями то, что видѣлъ, скрѣпилъ описаніе своею подписью, съ нимъ вмѣстѣ подписались и всѣ другіе свидѣтели. Этотъ актъ находится въ государственномъ архивѣ Шведскомъ. Пять царствованій прошли и горе, произнесенное надъ потомствомъ Вазы, совершилось: потомство Вазы утратило корону Швеція. А казнь убійцы, трупъ на тронѣ, старый администраторъ и коронованный юноша прямо указываютъ на Анкерштрема, на застрѣленного имъ Густава III, на Карла XIII, бывшаго регентомъ и королемъ, и на послѣд-

няго Вазу, Густава Адольфа, своимъ упрямствомъ сверженнаго съ престола, по своимъ высокимъ характеромъ достойнаго лучшей участи.

Неоспоримое свидѣтельство утверждаетъ дѣйствительность сего событія, и все, что оно пророчествовало, совершилось; но само по себѣ оно навсегда останется непостижимымъ для нашего разума. Здѣсь нѣчто, еще не бывшее, принимаетъ задолго до своего событія существенный образъ, видимый многими; и что же этотъ образъ? Онъ не духъ, пребывавшій нѣкогда въ живомъ тѣлѣ и продолжающій жить и являться, когда явленіе матеріальной жизни уже прекратилось. Здѣсь напротивъ является видимо образъ чего-то не бывшаго, а только возможнаго; что-то символическое пріемлетъ характеръ вещественнаго, цѣльный образъ чего-то сборнаго, никакой личности не имѣющаго; это воздушная картина, соединяющая въ однихъ рамахъ портреты, списанные кѣмъ-то съ лицъ, которыхъ еще нѣтъ и которые когда-то будутъ.

Наконецъ привидѣніе въ собственномъ смыслѣ, т. е. явленія *духовъ*, явленія, въ которыхъ существа безтѣлесныя, самобытныя произвольно представляются глазамъ нашимъ, при полномъ дѣйствіи нашихъ чувственныхъ органовъ, при полномъ нашемъ сознаніи, что мы дѣйствительно видимъ (или слышимъ) то, что у насъ совершается передъ глазами. Расскажу два случая. Преданіе говоритъ, что въ XVII вѣкѣ въ Дюссельдорфѣ, въ герцогскомъ замкѣ совершилось великое преступленіе. Тогда женою герцога Юлихъ-Клевес-Бергскаго, полоумнаго Іоанна Вильгельма, была Якоба, принцесса Баденская. Она имѣла сердечную привязанность къ графу Мандеру, но ее выдали насильно за герцога. По наущенію герцоговой сестры, Сибиллы, жестоко ненавидѣвшей Якобу, сія послѣдняя была обвинена въ нарушеніи супружеской вѣрности: ее предали суду, заключили въ темницу, но прежде нежели виновность ея (весьма впрочемъ сомнительная) могла быть доказана судомъ, она вдругъ умерла скоропостижно. Ее поспѣшно схоронили; это произвело подозрѣніе, что смерть ея была неестественная и что виновницею этой смерти была Сибилла.

Теперь замокъ герцоговъ Бергскихъ, сцена этихъ древнихъ ужасовъ, обращенъ въ академію живописи; онъ столица знаменитой Дюссельдорфской школы, въ немъ царствуетъ мирный геній искусства. Но преданіе о давнишнемъ убійствѣ, подъ кровлею его совершившемся, сохранилось въ народѣ, и не одно преданіе: сама преступница, казнимая гнѣвомъ небеснымъ, посѣщаетъ мрачную тѣнью то мѣсто, которое было свидѣтелемъ ея злодѣйства. Однимъ является она видимо, другіе не видятъ ея, а только слышатъ; иныхъ какимъ-нибудь знакомъ она извѣщаетъ о своемъ таинственномъ присутствіи. Вотъ что между прочимъ случилось съ живописцемъ Бланкомъ. (Это рассказано мнѣ однимъ изъ его академическихъ товарищей). Онъ сидѣлъ за работою въ длинной залѣ, гдѣ находится картинная галлерей и гдѣ обыкновенно бываетъ выставка живописи; изъ нея съ одной стороны ходъ на парадное крыльце, а съ другой двери въ меньшую залу академіи, составляющую съ другими горницами довольно длинную анфиладу. Начинало смеркаться; живописецъ былъ занятъ своею работою, спѣша ее кончить до наступленія темноты, — вдругъ онъ слышитъ, что двери, ведущія съ крыльца въ галлерей, открылись и что мимо его кто-то проходитъ, а кто не видно. По шороху платья, (похожему на шумъ отъ атласнаго шлейфа) женщина. Она идетъ чрезъ галлерей къ залѣ, открываетъ ее, идетъ далѣе чрезъ всю анфиладу, и слышно, какъ всѣ двери одна за другою открываются и закрываются; и наконецъ все утихаетъ. Бланкъ остается въ изумленіи; преданіе о бродящей душѣ Сибиллы приходитъ ему на память.... Но вотъ, пока онъ размышляетъ о томъ, что случилось, ему слышится, что самая дальняя дверь снова открылась и что къ слѣдующей двери подходятъ.... въ ужасѣ онъ бросаетъ свою работу и спѣшитъ вытти изъ галлерей дверями, ведущими на крыльце, дабы не встрѣтиться съ страшною гостьей. Это происшествіе заставляетъ думать, что покойная, или безпокойная, Сибилла, посѣщающая невидимкою прежнее свое жилище, еще не износила и не скинула своего стариннаго атласнаго платья, котораго шорохъ извѣщаетъ живыхъ о страшныхъ

прогулкахъ мертвой. Въ 1841 году, когда я находился въ Дюссельдорфѣ, профессоръ Зонъ писалъ портретъ жены моей; каждый день въ 11 часовъ утра я приходилъ съ женою въ его рабочую, гдѣ сидѣнiе для портрета продолжалось около двухъ часовъ. Корридоръ, изъ котораго ведетъ дверь въ эту рабочую, находится въ верхнемъ этажѣ академiи; къ нему изъ нижняго этажа, отъ параднаго крыльца также идетъ корридоръ, упирающiйся въ узкую, довольно крутую лѣстницу, соединяющую среднiй этажъ съ верхнимъ; эта лѣстница примыкаетъ въ верху къ небольшой площадкѣ, мимо которой надобно проходить къ рабочимъ многихъ живописцевъ и которая составляетъ въ верхнемъ корридорѣ пустое отдѣленiе, не имѣющее никакого выхода. Однажды, идя въ опредѣленное время съ женою къ живописцу Зону, мы всходили по узкой лѣстницѣ, я впереди, жена за мною. Вдругъ, ставъ ногою на послѣднюю ступень, я увидѣлъ, что отъ меня что-то черное бросилось вправо и быстро исчезло въ углу описанной мною выше площадки; какой оно имѣло образъ, не знаю: передъ глазами моими мелькнула черная полоса. Что это? спросили мы разомъ, я у жены, а жена у меня. Отвѣта не могло быть никакого. Но жена не только что *видѣла*; она въ то же время и *слышала*: и это обстоятельство для нея осталось особенно памятно тѣмъ, что, пошедши къ лѣстницѣ и желая мнѣ что-то сказать, она оглянулась, дабы узнать, не было ли кого въ нижнемъ корридорѣ; тамъ было пусто. Когда же она, всходя за мною по лѣстницѣ, хотѣла начать говорить, ей послышалось, что кто-то за нею шелъ и такъ близко, что она боялась оборотить голову, дабы лицомъ своимъ не столкнуться съ лицомъ неучтиваго своего спутника, и почти чувствовала, какъ нога его поспѣшно занимала мѣсто ея ноги при каждомъ ея шагѣ; въ то же время ей слышался явственно какъ будто шорохъ отъ шолоковаго платья. На верхней ступени лѣстницъ она вмѣстѣ со мной увидѣла черную полосу, мелькнувшую мимо насъ на площадку; когда же оглянулась, за нею не шелъ никто, въ корридорѣ было по прежнему пусто.

Здѣсь разсказаны со всею историческою вѣрностию однѣ

подробности того, что съ нами случилось, а что случилось, мы не знаемъ. Опираясь на преданіе, о которомъ тогда только въ первый разъ услышалъ я отъ профессора Зона, можно бы было подумать, что духъ Сибилю удостоилъ насъ своего вниманія и хотѣлъ на себя обратить наше; но въ подобныхъ случаяхъ всего вѣрнѣе не дѣлать никакихъ объясненій.

Другой случай. Вотъ что разсказывалъ мнѣ о себѣ покойный Н. Н. Муравьевъ, человѣкъ необыкновеннаго ума, посвященный и нимало не суевѣрный.

«Я учился въ Геттингенѣ, такъ говорилъ мнѣ Муравьевъ, (не помню только, Геттингенскій ли университетъ былъ имъ названъ, или другой); между студентами былъ Англичанинъ Стюартъ, смѣшной чудакъ, надъ которымъ его товарищи и я съ другими нерѣдко шутили. Однажды онъ похвасталъ, что его нельзя ничѣмъ испугать; я побился съ нимъ объ закладъ, что его испугаю, и это мнѣ удалось; самолюбіе Стюарта было сильно обижено, и онъ обѣщался мнѣ отплатить. Прошло съ тѣхъ поръ довольно времени; Стюартъ покинулъ университетъ, я забылъ о случившемся. Однажды послѣ трудной работы надъ разрѣшеніемъ математической проблемы, я легъ довольно поздно въ постель; что воображеніе мое не было ничѣмъ разгорячено, тому свидѣтель моя сухая, отрезвляющая умъ работа. Было за полночь, когда я кончилъ ее; полная луна сіяла въ мои окна; въ горнищѣ былъ яркій свѣтъ. Противъ моей постели у противоположной стѣны находился мой рабочій столъ и передъ нимъ большія кресла; въ стѣнѣ, направо отъ стола, противъ оконъ была дверь, которую, ложась въ постель, я заперъ ключемъ изнутри; въ одномъ углу стояла моя сабля. Я скоро заснулъ, но спалъ недолго; какъ будто кѣмъ пробужденный, подымаю голову, и что же вижу?... Въ моихъ креслахъ, передъ столомъ моимъ, сидитъ человѣческая фигура и пристально на меня смотритъ. Мнѣ тотчасъ въ мысли пришелъ Стюартъ и обѣщанное имъ мщеніе. «Это ты, Стюартъ, закричалъ я, ничуть не страшно: напрасно трудился, шутка твоя не удалась.» Но мнимый Стюартъ сидѣлъ неподвижно, уставивъ на меня темные глаза свои. Я сказалъ: «довольно, Стюартъ,

поди вонъ, я хочу спать.» Онъ не далъ отвѣта и продолжалъ сидѣть по прежнему. Я разсердился. «Говорять тебѣ, поди вонъ, не мѣшай мнѣ», сказалъ я. Онъ все ни слова и все неподвиженъ по прежнему. «Стюартъ, я не шучу; въ послѣдній разъ говорю тебѣ, поди вонъ; будетъ плохо.» Такъ закричалъ я, чувствуя къ великой досадѣ своей, что меня отъ ужаса подирало по кожѣ. Но гость мой продолжалъ по прежнему пристально смотрѣть на меня и сидѣть недвижимо, какъ мраморный. Тутъ въ судорожномъ страхѣ я вскочилъ съ постели, схватилъ свою саблю, кинулся на сидѣвшаго и далъ ему сильный ударъ: сабля пролетѣла сквозь туловища его, какъ будто сквозь воздухъ; онъ не пошатнулся и продолжалъ смотрѣть на меня по прежнему. Въ неопisanномъ ужасѣ я началъ отъ него пятиться къ моей постели, сѣлъ на нее, оперся на свою саблю, и, какъ будто околдованный сверхъестественною силою, просидѣлъ всю ночь передъ своимъ страшнымъ гостемъ, который неподвижимъ, какъ холодная смерть, упиралъ въ меня темные глаза свои и буровилъ ими всю мою душу. Занялось утро; онъ всталъ, медленными шагами пошелъ къ дверямъ и исчезъ, — отворилъ ли ихъ или нѣтъ, не помню; очнувшись, я подхожу къ нимъ: онѣ заперты изнутри. Что это было, и теперь не знаю; о Стюартѣ же ни прежде, ни послѣ я не имѣлъ никакого слуха.»

Къ сему роду явленій относится въ особенности нашъ вопросъ: *вѣрить или не вѣрить привидѣніямъ?* Множество событій, достаточно засвидѣтельствованныхъ, побуждаютъ насъ отвѣчать утвердительно; съ другой стороны невѣроятность самыхъ событій, выходящихъ изъ обыкновеннаго порядка вещей, склоняютъ насъ къ отрицанію. Что же выбрать? Ни то, ни другое. Хотя весьма многія доказательства въ пользу дѣйствительности привидѣній имѣютъ такую же силу, какую имѣютъ и всѣ другія доказательства историческія, на основаніи которыхъ мы признаемъ за истину происшествія, совершившіяся за многіе вѣка прежде насъ; хотя нѣтъ причины принимать за *невозможное* то, что мы вполне *изяснить* не можемъ, и за *несуществующее* то, что не подлежитъ нашимъ *чувствамъ*; сіи явленія все

останутся для насъ навсегда между да и нѣтъ. Въ этой невозможности пріобрѣсть на счетъ ихъ убѣжденіе, выражается для насъ законъ самого Создателя, Который, помѣстивъ насъ на землѣ, дабы мы къ здѣшнему, а не къ другому какому порядку принадлежали, отдѣлилъ насъ отъ иного міра таинственною завѣсою. Эта завѣса непроницаема; она порою сама передъ нами приподымается, чтобы мы знали, что за нею не пусто; но нашею силою никогда быть раздѣрнута не можетъ. Если бы хотя одно явленіе духа, говоритъ Р., могло быть доказано такъ убѣдительно, что оно для всего свѣта безъ изъятія сдѣлалось бы несомнѣнно, то вѣра въ безсмертіе души преобразилась бы для всѣхъ въ очевидность. Это правда; но сей-то очевидности намъ и имѣть не должно. Міръ духовный есть таинственный міръ вѣры; очевидность принадлежитъ міру матеріальному: оно есть достояніе здѣшней жизни, заключенной въ предѣлахъ пространства и времени; наше верховное сокровище,—знаніе, что Богъ существуетъ и что душа безсмертна, отдано на сохраненіе не мелкому рабу необходимости, уму, а вѣрѣ, которая есть высшее выраженіе человѣческой свободы. Эти явленія духовъ, непостижимыя разсудку нашему, строящему свои доказательства и извлекающему свои умственные выгоды изъ матеріальнаго, суть, такъ сказать, лучи свѣта, иногда проникающіе сквозь завѣсу, которою мы отдѣлены отъ духовнаго міра; они будятъ душу посреди лѣниваго покоя земной очевидности, они обѣщаютъ ей нѣчто высшее, но его не даютъ ей, дабы не произвести въ ней раздора съ тѣмъ, что ей дано здѣсь, и чѣмъ она здѣсь должна быть ограничена и опредѣлена въ своихъ дѣйствіяхъ. Вотъ причина, почему и всякое явленіе должно бы насъ радовать, какъ явленіе друга изъ земли дальней, какъ вѣсть желанная; — напротивъ при немъ мы чувствуемъ себя въ присутствіи чего-то, намъ чужаго, съ нами разнороднаго, намъ недоступнаго, имѣющаго для души нашей такой же холодъ, какой имѣетъ мертвый трупъ для нашего осязанія. Это взглядъ въ глубину бездоннаго, гдѣ нѣтъ жизни, гдѣ ничто не имѣетъ образа, гдѣ все неприкосновенно; такой ужасъ не есть ли явный

знакъ, что принадлежащее иному міру, должно быть намъ недоступно, пока мы сами принадлежимъ здѣшнему, и что оно можетъ быть нашимъ по одной только вѣрѣ? И такъ, не отрицая ни существованія духовъ, ни возможности ихъ сообщенія съ нами, не будемъ преслѣдовать ихъ тайны своими умствованіями, вредными, часто гибельными для нашего разсудка; будемъ съ смиренною вѣрою стоять передъ опущенною завѣсою, будемъ радоваться ея трепетаніямъ, убѣждающимъ насъ, что за нею есть жизнь, но не дерзнемъ и желать ея гибельнаго расторженія: оно было бы для насъ *впроубійствомъ*.

Въ заключеніе скажемъ о нѣкоторыхъ особеннаго рода видѣніяхъ, которыя составляютъ средину между обыкновенными *сновидѣніями* (т. е. призраками, отъ насъ неотдѣльными и не имѣющими никакой самобытности) и настоящими *привидѣніями* (т. е. призраками самобытными и отъ насъ отдѣльными). Сіи видѣнія бываютъ двоякаго рода; въ однихъ наше близкое будущее, или то, что уже совершилось (т. е. наше, еще намъ невидимое, настоящее), предварительно сказывается душѣ нашей: сей безсловесный разговоръ чего-то съ нашей душою мы называемъ *предчувствіемъ*, въ которомъ, какъ будто прежде самаго событія, подходитъ къ намъ его тѣнь, чтобы намъ предвозвѣстить его приближеніе и насъ приготовить къ его припятію. Въ другихъ или совершается непосредственное сообщеніе душъ, разрозненныхъ пространствомъ, соединенное съ видимымъ образомъ, дѣйствующимъ на наши чувственные органы, или *самою* душѣ является нѣчто, изъ глубины ея непосредственно исходящее. Первая изъ сихъ видѣній суть просто предчувствія, какъ сказано выше; послѣднія особенно принадлежатъ минутѣ смертной, минутѣ, въ которую душа, готовая покинуть здѣшній міръ и стоящая на порогѣ иного міра, полуотрѣшенная отъ тѣла, уже не зависитъ отъ пространства и мѣста и дѣйствуетъ непосредственнѣе, сливая *тамъ* и *здѣсь* во едино. Иногда уходящая душа, въ исполненіе даннаго обѣта, возвѣщаетъ свое отбытіе какимъ-нибудь видимымъ знакомъ—здѣсь выражается только вѣсть о смерти; иногда безплот-

ный образъ милаго намъ человѣка неожиданно является передъ глазами, и это явленіе, всегда современное минутѣ смертной, есть какъ будто послѣдній взглядъ прощальный, послѣдній зовъ любви въ предѣлахъ здѣшняго міра на свиданіе въ жизни вѣчной; иногда наконецъ въ нашей душѣ совершается нѣчто необычайное, которое не иное что, какъ сама олицетворяющаяся предъ нами наша смерть. О такихъ событіяхъ, выходящихъ изъ обыкновеннаго порядка и для насъ неизъяснимыхъ, есть много рассказовъ, не подверженныхъ никакому сомнѣнію; мы ограничимся здѣсь описаніемъ двухъ случаевъ. Первый изъ нихъ я расскажу въ двухъ словахъ: онъ не требуетъ никакихъ объясненій. За истину повѣствованія ручаюсь. Въ Москвѣ одна грустная мать сидѣла ночью надъ колыбелью своего больного сына: все ея вниманіе обращено было на страждущаго младенца, и все, что не онъ, было въ такую минуту далеко отъ ея сердца. Вдругъ она видитъ, что въ дверяхъ ея горницы стоитъ ея родственница М. (которая въ это время находилась въ Лифляндіи и не могла отъ беременности предпринять путешествія); явленіе было такъ живо, что оно побѣдило страданія матери. «Ахъ, М., это ты?» закричала она, кинувшись на встрѣчу неожиданной поспѣтительницѣ. Но ея уже не было. Въ эту самую ночь, въ этотъ самый часъ М. умерла родами въ Дерптѣ.

Вотъ другой случай: онъ имѣетъ глубокое психологическое значеніе; я долженъ рассказать его со всѣми подробностями. Во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ смутное время первой революціонной войны все вооружалось на отраженіе приближающейся Французской арміи. Нѣкто Гофманъ, молодой человѣкъ, недавно обрученный съ Маріанною Р., которую нѣжно любилъ и которая всею душею была къ нему привязана, схватилъ, какъ и другіе, ружье и саблю, чтобы идти на защиту города; — онъ упалъ мертвый отъ перваго непріятельскаго выстрѣла. Неожиданная вѣсть объ этомъ странномъ образомъ поразила невѣсту: услышавъ, что женихъ убитъ, Маріанна побѣдилъ; но она не заплакала, и никакая жалоба не сошла съ языка ея, въ ней въ мгновеніе исчезла память, духовная жизнь ея вдругъ

остановилась, одна тѣлесная жизнь осталась неприкосновенною. Съ этой поры все окружающее дѣйствовало на нее, такъ сказать, мимоходомъ, не производя въ ней ни радостнаго, ни горестнаго участія ; однѣ настоящія, матеріальныя нужды были ей ощутительны, но все прошедшее, все бывшее въ жизни вдругъ задернулось покрываломъ , о будущемъ же и самое понятіе пропало : она не ждала ничего, и это *неожиданіе* было не слѣдствіе отчаяннаго горла, а просто *неспособность желать*, параличъ, внезапно обхватившій душу, которая въ ней сохранилась только для того, чтобы механически служить живому тѣлу, какъ служить пружина автомату, имѣющему всѣ признаки существа живаго. Состояніе Маріанны Р.* не могло быть названо сумасшествіемъ : въ ней не было ничего разстроеннаго, она была тиха, смиренна , никого ничѣмъ не тревожила ; но ни въ комъ и ни въ чемъ не принимала участія и жила въ кругу людей, какъ будто не примѣчая, что она съ ними ; и всѣ, знавшіе грустную причину случившейся съ ней перемены, оказывали ей нѣжное вниманіе, заботились о ней, какъ о безпомощномъ, осиротѣвшемъ ребенкѣ. Такъ провела Маріанна болѣе тридцати лѣтъ ; въ послѣдніе годы особенно привязалась она къ молодой дочери хозяина того дома, въ которомъ жила. Луиза Д. (такъ называлась эта дѣвушка) навѣщала ее часто, и ей одной оказывала Маріанна что-то похожее на дружбу. Вдругъ Луиза начала примѣчать какую-то необыкновенную живость въ Маріаннѣ, дотолѣ тихой и не обращавшей ни на что вниманія : казалось, что ее безпрестанно тревожила какая-то мысль, для нея самой непонятная ; можно было также подумать, что въ ея тѣлѣ работала болѣзнь. Со дня на день сія тревога становилась сильнѣе и постояннѣе : однажды, какъ Луиза по обыкновенію своему принесла обѣдъ Маріаннѣ, послѣдняя сказала ей съ таинственнымъ видомъ ; «знаешь ли что, Луиза?... Онъ писалъ ко мнѣ.... онъ ко мнѣ будетъ....» «Кто онъ?» спросила Луиза. — «Онъ.... онъ.... отвѣчала та, потирая лобъ и напрасно стараясь вспомнить.... знаешь.... онъ.... я жду его....» Болѣе она не могла сказать ничего. *Я жду.... онъ будетъ.... онъ писалъ ко мнѣ*, эти слова она

повторяла съ видимымъ волненіемъ; воспоминаніе тѣснилось въ ея душу, но душа еще была затворена для него. Дня черезъ три Маріанна сказала Луизѣ: «приходи ко мнѣ завтра.... я жду его.... онъ будетъ у меня завтракать.» И когда на другой день Луиза пришла, она увидѣла, что Маріанна сидѣла въ своемъ праздничномъ платьѣ за накрытымъ столикомъ; глаза ея были ярки, щеки горѣли, она смотрѣла быстро на двери. Вдругъ, подавъ знакъ рукою Луизѣ, чтобъ молчала и не шевелилась, она сказала ей шепотомъ: «слушай.... слушай.... онъ идетъ....» Вдругъ глаза ея вспыхнули, руки стремительно протянулись къ дверямъ, она вскрикнула громко: «Гофманъ!» и упала мертвая на полъ.

Главные обстоятельства этого замѣчательнаго событія разсказаны мнѣ почти очевидцемъ. Оно есть одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которые намъ удастся проникнуть взглядомъ за таинственную завѣсу, отдѣляющую насъ отъ міра духовнаго. Въ ту минуту, когда эта иѣжная, любящая душа такъ неожиданно потеряла все, что было ея истинною жизнію, она какъ будто оторвалась отъ всего житейскаго; но разрывъ ея съ тѣломъ не совершился, она осталась еще, такъ сказать, по одному механическому сцепленію принадлежностью жизни тѣлесной; но все, что въ ней принадлежало жизни духовной и чего главною стихіею была эта любовь, ею вполне обладавшая, вдругъ съ утратою предмета любви оцѣпенѣло. И пока тѣлесная жизнь была полна, пока въ составѣ тѣла не было никакого разстройства, по тѣхъ поръ эта скованная, совершенно подвластная тѣлу душа, ни въ чемъ себя не проявляла, она была узникомъ, невидимо обитавшимъ въ темницѣ тѣла, съ однимъ темнымъ самоощущеніемъ, безъ всякаго самопознанія. Вдругъ начинается процессъ разрушенія матеріальной власти тѣла. Съ развитіемъ болѣзни и съ постепеннымъ приближеніемъ смерти, мало по малу совершается освобожденіе души, въ ней оживаетъ память прошедшаго, сперва смутно, потомъ ясно, ясно.... *Онъ будетъ.... я жду его.... онъ ко мнѣ писалъ....* Все это еще одни слова *сквозь сонъ*, но слова, означающія близкое пробужденіе

жизни.... и вдругъ въ послѣднемъ словѣ, въ произнесенiи имени, въ узнанiи образа, давно забытаго, полное воскресе-
нiе жизни и съ нимъ конечное отрѣшенiе души отъ тѣла—
смерть. Что же такое смерть? Свобода, положительная
свобода, свобода души: ея полное самоузнанiе съ *сохране-*
нiемъ всего, что ей дала временная жизнь, и что ее здѣсь
довершило для жизни вѣчной, съ отпаденiемъ отъ нея
всего, что не принадлежитъ ея существу, что было однимъ
переходнымъ, для нея испытательнымъ и образователь-
нымъ, но по своей натурѣ ничтожнымъ, здѣшнимъ ея до-
стоянiемъ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

(Изъ приготовляемаго къ изданію собранія пѣсень П. В.
Кирѣевскаго).

1.

ПѢСНЯ ПРО ДОБРЫНЮ НИКИТИЧА.

Не бѣла береза къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются;
Сынъ ко матери приклоняется,
Молодой Добрыня, сынъ Никитѣвичъ :
« Ой ты гой еси, моя матушка,
« Молода княгиня Тимооосевна,
« Не приму ни золота, ни сѣребра,
« Только дай ты мнѣ великое благословеніе :
« По чисту́ полю мнѣ поѣздити,
« Свою добра коня понаѣздити,
« Могучіи плеча порасправити,
« Въ себѣ силушку попровѣдати ,
« Поискать себѣ супротивника. »
Тутъ возгѣворить родная матушка,
Молодая княгиня Тимооосевна :

« Ой ты гой еси, родно дитятко,
« Молодой Добрыня, сынъ Никитѣвичъ!
« То-то молодо, то-то зелено!

« Ты за что скоро принимаешься? — »

Тутъ возгворить добрый молодець,
Молодой Добрыня, сынъ Никитѣвичъ :

« Ой ты гой еси, родна Матушка ,

« Молода княгиня Тимоѣевна !

« Тебѣ меня дома не выучить :

« Еще жилъ былъ родной батюшка,

« Свѣтъ сударь Никита Романовичъ : .

« Жилиши, бывши, самъ состарѣлся ,

« Состариши переставился !

Даетъ ему тутъ великое благословеньице

По чисту полю козакомъ гулять.

Онъ и палъ ей во рѣзвы ноги :

« Ой ты гой еси, родна матушка,

« Молода княгиня Тимоѣевна !

« Ты не жди домой сораду́ шесть лѣтъ ,

« А еще не жди сораду́ пять лѣтъ ,

« Ты еще не жди ровно круглый годъ ,

« Тому дѣлу стало двѣнадцать лѣтъ ;

« На тринадцатомъ году домой приду. » —

Молодой женѣ сталъ наказывать :

« Ой ты гой еси, молода жена ,

« Молода Помелофа Тимоѣевна,

« Ты не жди домой сораду́ шесть лѣтъ ,

« А еще не жди сораду́ пять лѣтъ ,

« Ты еще не жди ровно круглый годъ .

« Тому дѣлу стало двѣнадцать лѣтъ ;

« На тринадцатомъ году, хотъ замужъ поиди ;

« Хотъ ты за князя, иль за боярина,

« Иль за гостя за торговаго,

« Иль за мұразынку за Татарина ;

« Не ходи за Алѣшу за Поповича

« За бабьяго пересмѣшничка,

« За судейскаго перелестничка. — »

Еще минуло сораду́ шесть лѣтъ ,

Еще минуло ровно три года,
 Еще минуло ровно круглый годъ ;
 Тому дѣлу стало девять лѣтъ.
 На десятомъ году замужъ пошла ;
 А его слова не послушала :
 Пошла не за князя, не за боярина,
 Не за гостя за торговаго,
 Не за мурзынку за Татарина,
 Пошла за Алёшу за Поповича,
 За бабьего пересмѣшничка,
 За судейскаго перелестничка.
 Тутъ возговорить ему добрый конь :
 « Ой ты гой еси, добрый молодецъ,
 « Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичъ !
 « Ничего не знаешь и не вѣдаешь :
 « Молода жена твоя замужъ пошла,
 « А твоего слова не послушала :
 « Не за князя, не за боярина
 « И не за гостя за торговаго,
 « Не за мурзынку за Татарина ;
 « Пошла за Алёшу за Поповича,
 « За бабьего пересмѣшничка,
 « За судейскаго перелестничка. — »
 Слѣзалъ тутъ добрый молодецъ
 Съ своего добра коня,
 Онъ и палъ коню во рѣзвыя ноги,
 Во правую, во переднюю :
 « Ой ты гой еси, конь, добра лошадь,
 « Переставь домой черезъ три часа,
 « Черезъ три часа, черезъ битые,
 « Черезъ битые, со минутою ! »
 Тутъ возговорить конь, добра лошадь :
 « Ой ты гой еси, добрый молодецъ,
 « Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичъ !
 « Переставилъ бы я черезъ три часа,
 « Черезъ три часа, безъ минуточки !
 « Накладывай сѣделечко Черкасское,
 « Подтягивай подпругеньки шелковые, —

« Подвязывай стремяночки серебряныя,
 « Самъ ты вяжись крѣпко пѣ-крѣпко. » —
 Приѣхалъ онъ къ широку́ двору,
 Онъ и пнулъ столбы своимъ чоботомъ,
 Столбыки пошатилися,
 Вворóтчки растворилися.
 Онъ пускалъ коня не привязана,
 Никому коня не приказывалъ,
 Самъ взомелъ въ палаты бѣлокаменны.
 Во палатужкахъ родная матушка,
 Молодая княгиня Тимошеевна.
 Чудну образу помоляется,
 Своей матушкѣ поклоняется:
 « Ой ты гой еси, родная матушка,
 « Молодая княгиня Тимошеевна!
 « Еще гдѣ моя молода жена? — »
 Тутъ его матушка не узнала:
 « Ой ты гой еси, добрый молодецъ!
 « Мое чадо было не эдако:
 « На моемъ чадѣ платье латынское;
 « На тебѣ платье богатырское. — »
 Тутъ возгóворить добрый молодецъ,
 Молодой Добрыня, сынъ Никитѣвичъ:
 « Ой ты гой еси, моя матушка.
 « Молодая княгиня Тимошеевна!
 « Износилъ я платье латынское;
 « Надѣвалъ платье богатырское. — »
 « — На моемъ чадѣ есть примѣточка:
 « На лѣвой ногѣ была родинка. — »
 Онъ скидалъ тутъ скоро сафьянъ сапогъ,
 Показалъ ей свою примѣточку.
 Матушка тутъ его узнала:
 « Ой ты гой еси, родно дитятко,
 « Молодой Добрыня, сынъ Никитѣвичъ!
 « Молода жена твоя за мужъ пошла,
 « А твоего слова не послушала;
 « Не за князя, не за боярина,
 « Не за гостя за торговаго,

« Не за мѹрзыньку за татарина,
 « Пошла за Алешу за Поповича,
 « За бабьяго пересмѣшничка
 « За судейскаго перелестничка! »
 « — Ой ты гой еси, родна матушка,
 « Молодая княгиня Тимофеевна!
 « Еще гдѣ мои звончатѣ гусли? — »
 « — Звончатѣ гусли на полочкѣ:
 « У нихъ палочки запылилися,
 « А струночки перержавѣли. — »
 « — Я пойду къ Алѣшѣ на почѣстный пиръ. — »
 Тутъ возгѣворить родна матушка,
 Молодая княгиня Тимофеевна:
 « Ой ты гой еси, родно дитятко,
 « Молодой Добрыня, сынъ Никитѣевичъ!
 « Гдѣ тебѣ съ Алѣшинькой тягаться?
 « У нихъ тысяцкой Володимѣръ князь,
 « А дружкой Илья Муромецъ. »
 Тутъ возгѣворить добрый молодецъ,
 Молодой Добрыня, сынъ Никитѣевичъ:
 « Ой ты гой еси, родна матушка,
 « Молодая княгиня Тимофеевна!
 « Я пойду на пиръ потихѣхоньку,
 « Потихѣхоньку, посмирнѣхоньку. — »
 Самъ приходитъ онъ на почѣстный пиръ,
 Чудну образу помоляется,
 На всѣ стороны поклоняется:
 « Здравствуй Володимѣръ князь
 « Со своимъ со княземъ новобрачнымъ,
 « Со княгинею новобрачною!
 « Прикажи мнѣ, сударь, при мѣстѣ быть. — »
 « — Садись, добрый молодецъ,
 « Среди избы на скамеечкѣ. — »
 Наливали ему зеленá вина,
 Зеленá вина полпятá ведра;
 Принимаетъ онъ, мѣлодецъ, одною рукой,
 Выпиваетъ онъ за единый духъ.
 И тутъ молодецъ не похмѣлился,

А возговори́лъ своимъ голосомъ :
 « Ой ты гой еси, Володиміръ князь ,
 « Володиміръ князь, Илья Муромецъ !
 « Прикажи, сударь, играть во звончатѣ гусли. — »
 « — Ты сыграй, сыграй, добрый молодецъ,
 « Во свои-то звончатѣ гусли! — »
 Овъ и сталъ наигрыши наигрывать :
 « Охъ вы гусли мои, гуслици,
 « Гусли мои звончатые !
 « Вы лежали сорядѣ шесть лѣтъ ,
 « А еще лежали ровно три года ,
 « А еще лежали ровно круглый годъ ,
 « На девятомъ году играть стали ! »
 А другой наигрышекъ сталъ наигрывать :
 « Гдѣ то видано еще, гдѣ то слыхано ,
 « Отъ жива мужа замужъ идти ?... »
 Молодая его жена догадалася ,
 Встае́тъ съ мѣста княжени́цкаго ,
 Наливае́тъ чару зелено́ вина ,
 Зелена вина полпята ведра ,
 Подноситъ она доброму молодцу .
 Принимаетъ онъ въ одну руку ,
 Выпиваетъ за единый духъ ;
 Самъ беретъ ее за правѣ руку :
 « Ой ты гой еси Володиміръ князь ,
 « Илья Муромецъ !
 « Кланяюсь я къ себѣ на почѣстный пиръ :
 « У меня дѣло не пасѣное ,
 « Зелено́ вино не курѣное
 « И по́блипо не варѣное ! »

С. Головино, Симб. губ.

Дост. П. М. Языковъ.

2.

ПѢСНЯ ПРО ДАНИЛУ ЛОВЧАНИНА.

Не красное солнце числовалось ;
 Заводилося пированье еще честное у князя Володимѣра
 Про всѣхъ ли про князей, бояръ,
 Про сильныхъ, могучихъ богатырей ,
 Про всю поленицу удалую.
 Они пили, ѣли, прохлаждались,
 Промежду себя похвалялися :
 Кто хвалится житьемъ—бытьемъ ,
 Кто хвалится богатствомъ,
 А кто хвалится силушкою ,
 А кто хвалится молодой своей женой.
 Возгворить нашъ батюшка Володимѣръ князь :
 « Ой вы гой еси, князи, бояре,
 « Сильные, могучіе богатыри
 « И вся поленица удалая !
 « Всѣ вы у меня переженены :
 « Одинъ—то я неженать хожу, холостъ гуляю.
 « Гдѣ было бы мнѣ за себя невѣсту взять,
 « И было бы мнѣ съ кѣмъ думу подумати,
 « И было бы съ кѣмъ слово промолвити,
 « При пиру, при бесѣдушкѣ похвалитися,
 « И было бы кому вамъ поклонитися ? »
 Возгворить Путятинъ Путятovichъ :
 « Ты, батюшка нашъ, Володимѣръ князь !
 « Возьми ты невѣсту за себя
 « У Данилы Ловчанина,
 « Грозную Настасью Никулишну :
 « Есть тебѣ съ кѣмъ думы подумати,
 « Есть съ кѣмъ слово промолвити,

« При пиру, при бесѣдушкѣ похвалитися,

« Есть кому намъ поклонитися. »

Возгóворить Володиміръ князь:

« Ты гой еси, Путятинъ Путятovichъ,

« Какъ мнѣ у живаго жену отнять? »

Возгóворить опять Путятинъ Путятovichъ :

« Ой ты гой еси, нашъ батюшка Володиміръ князь,

« Наряди его въ службу дальнюю, невзворóтивую,

« На Буянъ островъ;

« Вели тамъ ему убить звѣря лютаго,

« Звѣря лютаго, сивопрянаго, лихощёрстнаго,

« Вели вынуть изъ него сердце со печенью. »

И возгóворить тутъ Володиміръ князь :

« Ой ты гой еси, Данило Лóвчанинъ,

« Сослужи ты мнѣ службу дальнюю:

« Съѣзди на Буянъ островъ,

« Убей звѣря лютаго,

« Звѣря лютаго, сивопрянаго, лихощёрстнаго,

« И вынь сердце его со печенью. »

Становился Данило Лóвчанинъ

На свои нóженки рѣзвыя

Изъ за столовъ, за дубовыхъ,

Скáтертей бѣлобренныхъ,

Яствъ сахарныхъ,

Пойловъ медовыхъ;

И выходитъ на широкой дворъ;

Садился онъ на своего коня добраго,

И поѣхалъ къ своему подворьцу.

Увидала его молодая жена

Изъ высока терема

Грозная Настасья Никулишна :

Что-то онъ ѣдетъ нѣвесель,

Буйну головушку повѣсилъ,

Очи ясны понасупилъ въ матушку сыру землю?

Знать онъ у князя не учѣщенъ былъ,

Или мѣстомъ сидѣлъ всѣхъ ниже,

Или чара приходила всѣхъ послѣ?...

Возгóворить Данило Лóвчанинъ :

« Ой ты гой еси, моя молода жень
 « Грозна Настасья Никулишна !
 « У князя то я учёщенъ былъ,
 « И мѣстомъ сидѣлъ всѣхъ выше,
 « И чара приходила всѣхъ прежде, —
 « Погубляютъ меня перемѣты женскія.
 « Подавай мнѣ малъ колчанъ въ полтретей ста стрѣлъ».

Она подала ровно въ триста стрѣлъ.
 Поѣхалъ же добрый молодецъ
 Далече въ чисто поле ;
 Подъѣзжаетъ добрый молодецъ
 Ко Буянову острову.
 Увидалъ онъ звѣря лютаго,
 Снимаетъ съ себя тугой лукъ,
 Накладываетъ тоѣ стрѣлу позлащённую
 На тетивочку шелковую ;
 Убиваетъ онъ звѣря лютаго,
 Вынимаетъ онъ сердце со печеню.
 А самъ добрый молодецъ съѣлъ хлѣба покушать,
 Бѣла лебедя порушати.
 Ъдутъ къ нему триста бояриновъ
 Да триста Татариновъ,
 Триста Донскихъ козаковъ,
 Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ :
 « Хлѣбъ тебѣ соль, Данило Ловчанинъ, кушати,
 « Бѣла лебедя рушати ; —
 « Не хлѣба-соли мы пришли кушати,
 « Не бѣла лебедя рушати,
 « Пришли мы за твоей буйной головешкой. » —
 Становился Данило Ловчанинъ
 На свои рѣзвыя нѣженки,
 Натягивалъ тугой лукъ,
 Накладывалъ коленныя стрѣлы,
 Не по стрѣлкѣ онъ накладывалъ,
 А накладывалъ по пяти все онъ стрѣлъ,
 Побивалъ всѣхъ онъ триста бояриновъ
 Побивалъ всѣхъ Татариновъ,
 Побивалъ онъ всѣхъ Донскихъ козаковъ,

Съ перваго до послѣдняго...
И самъ онъ добрый молодецъ позадумался :
« Знать я князю неугоденъ сталъ ? »
Упиралъ копьё тушымъ концемъ въ сыру землю,
А вострымъ копьемъ въ ретивѣ сердце. —
Тутъ малые люди остались
И донесли князю.
Володимиръ князь
Собиралъ поѣздъ вѣнчаться
На грозной Настасѣ Никулишнѣ.
И возговорить тутъ грозная Настасья Никулишна:
« Охъ ты гой еси батюшка, Володимиръ князь
« Дозволь ты мнѣ съ другомъ милымъ повидаться,
« Съ бѣлымъ тѣломъ распроститься. »
И пошла она отъ него
И увидѣла: дѣлають гробницу ;
И возговорить грозная Настасья Никулишна:
« Ой вы гой еси, плотники мастера,
« Дѣлайте гробницу просторную,
« Чтобъ было гдѣ ему положиться,
« Костямъ бы его поворотиться :
« Его кости богатырскія !... »
Какъ пришла къ тѣлу Данилы Лѣвчанина,
И на то же копьё споролася. —

С. Станищное, Симб. губ.

Дост. А. М. Пышковъ.

3.

ПѢСНЯ ПРО ДАНИЛУ ИГНАТЬЕВИЧА И ИВАНА
ДАНИЛОВИЧА.

Во городѣ во Кіевѣ
 Жилъ тутъ Данило Игнатьевичъ ,
 Сильный могучій богатырь ;
 Позволилъ онъ постричься ,
 Попосхимиться во чуднымъ монастырѣ .
 И посылали орды невѣрныя ,
 Что не стало у князя Володиміра
 Сильнаго богатыря Данилы Игнатьевича .
 Они пишутъ ярлыки скорописные князю Володиміру :
 « Охъ ты гой еси, Володиміръ князь !
 « Вышли къ намъ поединщика ,
 « А не выйдешь къ намъ поединщика ,
 « То все твое выжемъ и вырубимъ ,
 « Самого тебя, князя, въ полонъ возьмемъ. — »
 Растужится, расплается Володиміръ князь :
 Не стало у меня застоюшки великой !
 Некому съѣздить далече во чисто поле ,
 Попровѣдать орды великія ,
 И некому привести къ нему языка поганаго .
 Растужится, расплается Володиміръ князь ,
 И приходитъ къ нему молодой вьюношъ ,
 Иванъ Даниловичъ двѣнадцатилѣтець :
 Охъ ты гой еси, нашъ батюшка Володиміръ князь ,
 Не плачь, не тужи и не печалься :
 « Я твоя великая застоюшка ,
 « Оборонушка не малая ,
 « Я съѣзжу далече во чисто поле ,
 « Попровѣдаю орды великія

« И приведу языка поганого... »

« — Охъ ты гой еси, млáдый вьюношъ Иванъ Даниловичъ,

« Молодехонекъ, зеленехонекъ !

« Ты на большихъ бояхъ не бывывалъ ,

« Страстей, ужастей ты не видывалъ. »

Возговорить млáдый вьюношъ Иванъ Даниловичъ :

« Охъ ты гой еси, князь Володиміръ,

« Возьму я благословеньице великое

« У свего батюшки у родимаго Данилы Игнатьевича ,

« И попрошу его коня добраго ,

« И сбрую богатырскую... »

« Государь ты мой батюшка, Данила Игнатьевичъ !

« Дай ты мнѣ благословеньице великое,

« Коня добраго и сбрую богатырскую. »

Возговорить отецъ его:

« Ой ты гой еси, мое дитятко Иванъ Даниловичъ !

« Молодехонекъ ты, зеленехонекъ !

« На большихъ бояхъ не бывывалъ,

« Страстей, ужастей ты не видывалъ

« И богатырскимъ конемъ ты не владывалъ »....

И далъ онъ ему благословеньице ,

Коня добраго, сбрую богатырскую.

Поѣхалъ же молодой вьюношъ далече въ чистó поле;

И никуда конца невидно и силы смѣты нѣтъ ;

Его добрый конь разъярился ,

И не усидѣлъ онъ на добромъ конѣ ,

Среди силы невѣрной и сронилъ его ;

И поскакалъ къ монастырю, гдѣ сидитъ его родной отецъ,
Данила Игнатьевичъ.

Всталъ добрый молодецъ на рѣзвыя ноги,

И взялъ татарина за ноги ,

И побилъ всю силу невѣрную

Съ перваго до послѣдняго.

И самъ дивуется татарину :

« Исполать тебѣ, татаринушка !

« Крѣпокъ ты и гибокъ, не порвешься ,

« И неизломился;

« Какова палица боевая :

« И то изгибается и ломается ! — »
 Расправилъ шатерь и легъ почивать.
 А отецъ его Данила Игнатьевичъ
 Прискакалъ на добромъ конѣ къ шатру ,
 И—пыхъ изъ лука стрѣлой—шатерь бѣлый сшибъ ,
 И увидѣлъ свое дѣтище ,
 И поѣхалъ къ князю Володиміру ,
 Князь Володиміръ встрѣтилъ ихъ съ образами мѣстными
 И служилъ молебны чѣстные.

с. Станишинов, Симб. губ.

Дост. А. М. Языковъ.

4.

На батюшкѣ было, на Окіанъ—морѣ ,
 На его было на крутыхъ бережкахъ ,
 На желтыхъ его пескахъ сыпучихъ ,
 На сыпучихъ пескахъ, мелкихъ, разсыпчатыхъ ,
 Выросло тутъ кипарисъ древо :
 Со комеля деревцо свилевато ,
 Ко середочкѣ деревцо сучковато ,
 Ко вершинчкѣ деревцо кудревато ,
 На самой вершинчкѣ были развилочки ;
 На развилочкѣ сидѣлъ младъ сизой орелъ :
 Онъ сидѣлъ, орелъ, ровно три года ;
 Прилетала къ орлу орлинушка.
 Они начали совыкатися ;
 По совыканьцу стали вить тепло гнѣздо :
 На завивъ кладутъ бѣло серебро ,
 Серёдочку выкладываютъ краснымъ золотомъ ,
 Краюшки вынизываютъ мелкимъ жѣмчугомъ ,
 Въ углѣшки втирали дорогіе самоцѣтные камни ;

Выводилъ орелъ своихъ дѣтушекъ ,
 Сизыхъ, младыхъ орлятушекъ.
 Какъ добрый молодецъ сталъ на возрастъ , —
 Его дѣтушки стали быть на възлетѣ....
 Вдругъ несчастныце на Окянѣ-морѣ случилось !
 Подымалася полудѣнная погодушка ,
 Со всего свѣта сильна́я полоса ,
 Всколыхала она Окянѣ-море
 Съ краю во край и съ конца въ конецъ ,
 Подрывала кипарисово кореньце ,
 Потопляла орлино тѣпло гнѣздушко ,
 Во гнѣздушкѣ малыхъ его дѣтушекъ.
 Тутъ воскликнулъ, восплакнулъ младъ сизой орелъ :
 « На что мнѣ орлу орлинушку?
 « На что было мнѣ орлу тепло гнѣздушко ?
 « На что были мнѣ орлу малы дѣтушки ? »
 Возвивался орелъ высокохонько ,
 Опускался орелъ нпзѣхонько,
 Ушибался орелъ о бѣлы горючы камень.

Смѣб. губ.

Дост. Г. Языковъ.

3.

На сплѣмъ было на морѣ ,
 На тихомъ было заводѣ ,
 Потонулъ тутъ Василій князь ,
 Отъ злата вѣнца плучи.
 Оставалась молада княжна :
 « Ужъ вы, бѣяра, бѣяра!
 « Воротите вы комона (*)

(*) Коня.

« На родимую сторону .
 « Ко родимому батюшкѣ ,
 « Къ государынѣ матушкѣ . »
 Они пріѣхали къ батюшкѣ .
 Посмотрѣла въ окошечко
 Молодая невѣстушка :
 « Богоданная матушка !
 « Къ намъ не гостыюшка пріѣхала ,
 « Къ намъ пріѣхала подворница ,
 « Вѣковая постельница ! »
 « — Ой вы гой еси, бѣяра,
 « Воротите вы комоны
 « Ко святому монастырю ,
 « Къ самобѣльшой игуменьѣ....
 « Ты честная игуменья !
 « Постриги меня въ старицы ,
 « Ты построй мнѣ-ка келейку ,
 « Простѣлки три окошечка:
 « Первое-то окошечко
 « Ко святому Благовѣщенью ,
 « А второе-то окошечко
 « На родимую сторону ,
 « А какъ треть-то окошечко
 « На сѣнее на море ,
 « На тихое на заводѣ :
 « Потонулъ тутъ мой вѣнчаный мужъ ,
 « Вѣнчаный мужъ Василій князь!... »

г. Шенкурскъ, Арх. губ.

Дост. Г. Борисовъ.

6.

Растужится, расплается младъ ясѣнь соко́ль,
 Сидючи-то онъ въ клѣточкѣ,
 На серебряной на нашѣсточкѣ.
 Жалобу-то творить младъ ясѣнь соко́ль
 На крылышки, на правильныя мелки перышки :
 « Ой вы крылья мои, крылышки,
 « Вы правильныя мелки перышки!
 « Уносили меня крылышки
 « И отъ вѣтру, и отъ вихрю,
 « Отъ частаго дождя, отъ осенняго,
 « Только не уносили меня крылышки
 « Отъ великой отъ неволюшки,
 « Отъ золотой отъ клѣточки ,
 « Отъ серебрянной отъ нашѣсточки ! »

с. Головино, Симб. губ.

Дост. П. М. Языковъ.

7.

Ты дуброва моя, дубровушка,
 Ты дуброва зелѣная,
 Зелѣная, кудреватая !
 Изъ тебя изъ дубровушки
 Всѣ пташечки вонъ вылѣтали ;
 Одна пташечка оставалася,
 Горемышная кукушечка,
 Куковала она и день, и ночь.

Жалобу-то творить кукушечка
 На залётнаго яснаго сокола :
 « Богъ судья ясному соколу !
 « Разорилъ-то мое тепло гнѣздо,
 « Разогналъ-то моихъ дѣтушекъ,
 « Малыхъ дѣтушекъ кукушатокъ !... »

с. Головино, Симб. губ.

Дост. П. М. Языковъ.

8.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
 Изъ-за горъ крутыхъ высокихъ,
 Не красно солнушко восходило ,
 Не свѣтѣль мѣсяцъ выкатается,
 Вылетаетъ тутъ младъ сизой орелъ,
 Младъ сизой орелъ, птица Камская.
 На когтяхъ несетъ бѣлу рѹченьку,
 Бѣлу рѹченьку молодецкую,
 Молодецкую, солдатскую.
 На бѣлой-то рукѣ золотъ перстень,
 На печаткѣ было написано,
 Написано, напечатано :
 « Мому батюшкѣ челобитьице
 « Родной матушкѣ низкой поклонъ,
 « Низкой поклонъ до сырой земли ;
 « Малымъ дѣтушкамъ благословеньице :
 « Молодой женѣ на двѣ волюшки :
 « Хоть замужъ поди, хоть вдовой спи ;
 « А мнѣ молодцу такъ Господь велѣлъ

« Положить буйну головушку
« На чужой дальней сторонущѣ. »

с. Головино, Симб. губ.

Дост. П. М. Языковъ.

9.

Родимый ты мой брѣтелко !
Кто тебя вспоилъ, вскормилъ ?
— « Вспоилъ, вскормилъ родной батюшка,
« Воздѣляла родная маушка ;
« Вспою, вскормя, со двора согналъ. » —
Большая сестра коня вывела,
Средняя сѣдло вынесла,
А малая плетку выдала ;
Она, выдавши, стала спрашивать :
« Родимый ты нашъ брѣтелко,
« Когда ты къ намъ въ гости будешь ? » —
— « Я тогда, когда рѣченъки разольются,
« Круты бѣрежки наполнятся. —
Онъ годъ ждали и другой ждали,
На третій годъ искать пошли :
Большая сестра звѣремъ въ лѣса,
Средняя звѣздой въ небо,
А меньшая шукой въ море ;
Нашла сестра своего брата въ темномъ лѣсу :
Онъ убитъ лежитъ, зарѣзанный,
Его добрый конь въ головахъ стоитъ,
Булатный ножъ въ груди воткнуть....

с. Головино, Симб. губ.

Дост. П. М. Языковъ.

10.

Далече, далече во чистомъ полѣ,
 Еще того подалѣ въ раздолыицѣ,
 Пролегала тутъ широкая дороженька :
 Широкимъ-то она дороженька не широка,
 Боемъ-то она дороженька пробоиста,
 По той ли, по широкой, по дороженькѣ
 Бѣжить тутъ, выбѣгаетъ конь, добра лошадь :
 Черкасское сѣделечко на боку несетъ,
 Серебренны стремяночки по землѣ тащить,
 А тесмянную уздечку на ухѣ несетъ,
 Онъ шелковый поводчикъ во ногахъ топчетъ.
 За конемъ-то бѣжить удалый, добрый молодецъ,
 Не кричить онъ, не гаркаетъ,
 Черной шляпою помахиваетъ ;
 Кричить : стой, постой, конь-добра лошадь,
 Уносишь ты меня, добрый конь, отъ двухъ смертей.
 Унеси меня удалаго отъ третьей,
 Отъ того ли отъ хана басурманскаго....

е. Головинно, Симб. губ.

Дост. П. М. Языковъ.

11.

Изъ Крыму было, изъ Нагаю,
 Бѣжалъ тутъ младъ невольничекъ изъ неволи,
 Изъ той ли изъ Орды, братцы, изъ поганой.
 Подходить младъ невольничекъ ко Дунаю,

Изыскивалъ песчаного перехода.
 Бесчастье на молодца приходило :
 На тѣ время тихой Дунай становился,
 Онъ тоненькимъ ледочкомъ покрывался,
 Молоденькимъ снѣжѣчкомъ засыпался,
 Лютыми морозами укрѣплялся.
 Слѣзетъ молодецъ со добра коня,
 Запѣлъ-то онъ съ горя пѣсню :
 « Сторона-ль ты моя сторонushка,
 « Старона-ль ты родимая,
 « Родимая, прохладливая,
 « Знать-то мнѣ на тебѣ не бывати,
 « Отца съ матерью не видати !... »

с. Головино, Симб. губ.

Дост. П. М. Языковъ.

12.

Хотите ли, братцы, старину скажу,
 Старину скажу, да не бывалую,
 Не бывалую, да и неслыханную :
 Ужъ какъ на морѣ, братцы, овинъ горитъ,
 Овинъ горитъ, да все со рѣпою,
 Со рѣпою, да все со красною ;
 По поднёбесью, братцы, медвѣдь летитъ,
 Во когтяхъ несетъ да онъ коровушку,
 Онъ коровушку, да чернопеструю,
 Чернопеструю, да бѣлохвостую.
 По чисту полю да корабли плывутъ,
 Корабли плывутъ, да все сѣно везутъ.

.

На дубу свинья гнѣздо свила,
А овца пришла яйцо снесла ;
На заполькахъ мужики заезки бьютъ,
Да заезки бьютъ, хотятъ рыбку ловить.

г. Шенкурскъ, Арх. губ.

Дост. Г. Борисовъ.

НЕИЗДАННОЕ СВИДѢТЕЛЬСТВО

СОВРЕМЕННОГО

О

ВЛАДИМИРЪ СВЯТОМЪ

И

БОЛЕСЛАВЪ ХРАБРОМЪ.

Въ Гамбургской Городской Библіотекѣ находится списокъ съ неизданнаго еще посланія одного Нѣмецкаго епископа-миссіонера къ королю Генриху II. Оно писано было, какъ показываетъ содержаніе, въ 1007 году, и во многихъ отношеніяхъ замѣчательно, особенно для Славянской исторіи. Читатели «Русской Бесѣды» прочтутъ конечно съ любопытствомъ этотъ памятникъ старины.

Списокъ (какъ видно, весьма вѣрный) сдѣланъ былъ въ 1716 г. для извѣстнаго въ то время археолога Уффенбаха (*). Подлинникъ писанъ (такъ отмѣтилъ Уффенбахъ) на желтомъ пергаментѣ въ четверку, почеркомъ конца X-го и начала XI-го вѣка, вслѣдъ за комментариемъ къ Донатовой «Ars Grammatica» (извѣстному въ средніе вѣка

(*) Списокъ этотъ вошелъ въ составъ сборника разныхъ неизданныхъ историческихъ документовъ, принадлежавшаго Уффенбаху и доставшагося послѣ него Гамбургской Городской Библіотекѣ. Сборникъ хранится тамъ въ отдѣлѣ «Historia», № 321, подъ заглавіемъ: «*Varia politico-historica quae hinc inde conlexit ac per amanuensem describi fecit Z.C. ab Uffenbach MDCCXVI.*» 438 страницъ. Нашъ памятникъ занимаетъ стр. 238—255.

учебнику): рукопись хранилась и теперь еще, какъ кажется, хранится въ Касселѣ.

Въ заголовкѣ посланія не выставлено полное имя писавшаго. Сказано: « Королю Генриху Б. » Такое сокращеніе было общимъ въ средніе вѣка обычаемъ, когда копія съ посланія или грамоты вносилась въ какую-либо книгу. Что король Генрихъ, къ которому нашъ авторъ обращается, былъ Генрихъ II, послѣдній изъ знаменитаго дома Саксонскихъ Лудолфинговъ (вступилъ на престолъ 1002, получилъ императорскую корону 1014, ум. 1024), въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Въ посланіи онъ является современникомъ и озлобленнымъ врагомъ Великаго Князя Польскаго, сына Мешкова, Болеслава (Храбраго): действительно, упорная борьба этихъ двухъ государей составляетъ одно изъ великихъ явленій средневѣковой исторіи. Но кто былъ писавшій? Изъ посланія видно, что онъ былъ епископъ (*), что онъ стоялъ во главѣ миссій Римской церкви въ сѣверо-восточной Европѣ (**), что онъ пользовался большимъ уваженіемъ и расположеніемъ короля и что онъ, когда писалъ свое посланіе, собирався итти на проповѣдь къ язычникамъ Прусамъ. Современный лѣтописецъ Титмаръ (род. 976, 1009 сдѣланъ епископомъ Мерзебургскимъ, ум. 1018) скажетъ намъ, кто былъ этотъ человекъ, и ознакомить насъ съ его жизнію: « Былъ нѣкто по имени Брунъ, пишетъ онъ въ своей Хроникѣ (VI, 58), мой сверстникъ и соученикъ, принадлежавшій къ знаменитому роду, но Божиимъ изволеніемъ преимущественно предъ всѣми единокровными своими избранный въ число чадъ Божіихъ. Особенно любимый матерью своею, почтенною Идою, онъ переданъ былъ въ обученіе Геддону философу (***), снабженный въ изобиліи всѣмъ нужнымъ. Его отецъ былъ Брунъ (****), господинъ отличный и во всѣхъ отношеніяхъ

(*) См. ниже, посланіе Бруна, стр. 245; мы приводимъ страницы по Уфенбаховскому списку.

(**) Тамъ же, 254.

(***) См. объ немъ Титмара, VII, 25. Онъ былъ учителемъ въ знаменитой тогда школѣ при монастырѣ св. Іоанна въ Магдебургѣ.

(****) Графъ Кверфуртскій, какъ свидѣтельствуеетъ *Annalista Saxo* (у Пертца въ томѣ VIII) подъ 1009 г.

достохвальный, связанный со мною кровнымъ родствомъ и болѣе всѣхъ другихъ близкій мнѣ дружбою. Его сынъ, ему соименный, когда утромъ собирались итти въ школу, отпрашивался бывало, прежде нежели ученики выйдутъ изъ (монастырскаго) пріюта (*), и пока мы играли, онъ предавался молитвѣ. Праздности предпочиталъ онъ трудъ и, такимъ образомъ совершенствуясь, достигъ зрѣлаго возраста. Оттонъ III пожелалъ имѣть его при себѣ и принялъ ко двору. Но Брунъ покинулъ его, отыскавъ себѣ отшельническое убѣжище и жилъ собственнымъ трудомъ. Послѣ смерти достославнаго императора, когда, Божіею милостію, воцарился Генрихъ II, онъ пришелъ въ Мерзебургъ и просилъ, чтобъ ему дозволено было получить, съ разрѣшенія господина Папы, епископское благословеніе. По приказанію короля, его посвятилъ архіепископъ (Магдебургскій) Тагино, и ему данъ былъ омофоръ (*pallium* **), который Тагино привезъ съ собою (изъ Рима). За тѣмъ, ради пользы душевной, подвергся онъ тягости огромнаго путешествія по разнымъ странамъ, наказуя плоть свою неяденіемъ и распиная бодрствованіемъ. Много всякаго добра получалъ онъ отъ Болеслава (Польскаго государя) и отъ другихъ богатей, и тотчасъ раздавалъ все церквамъ, а также своимъ родственникамъ и бѣднымъ, себѣ же онъ ничего не оставлялъ. На двѣнадцатый годъ своего постриженія и своего достославнаго труженичества отправился онъ въ Прусію (*ad Prusiam*), дабы оплодотворить сію неблагодарную ниву сѣменемъ Божіимъ, но, при множествѣ терній, не въ состояніи былъ преодолѣть ихъ жестокости. И когда онъ проповѣдывалъ на границѣ вышеозначенной страны и Руси (*Rusciæ*), то сперва получилъ отъ туземцевъ приказаніе прекратить проповѣдь, а какъ онъ продолжалъ благовѣствовать, то былъ схваченъ и вслѣдъ за тѣмъ обезглавленъ за любовь къ Христу, который есть глава церкви; и пострадалъ онъ 14 февраля, кротко, какъ агнецъ, съ 18-ю

(*) *Horpiliun*: домъ, въ которомъ жили ученики монастырской школы.

(**) Знакъ архіепископскаго достоинства, который всякій разъ посылался изъ Рима Папою. Брунъ былъ поставленъ архіепископомъ *gentium*, т. е. главою миссій Римской церкви у язычниковъ.

товарищамъ. Тѣла мучениковъ лежали непогребенными, пока Болеславъ, получивъ о томъ извѣстіе, купилъ ихъ и тѣмъ снискалъ будущую отраду своему дому. Это случилось во время пресвѣтлѣйшаго короля Генриха, котораго Богъ Всемогушій прославилъ и, уповаю, искупилъ чрезъ торжество столь великаго святителя. Отецъ же помянутаго епископа, долгое время спустя, разболѣлся и, принявъ по сыновней заповѣди (такъ онъ мнѣ самъ разсказалъ) монашескій образъ, мирно почилъ 19 Октября». (*)

Стало быть Брунъ, сверстникъ и соученикъ Титмара, родился около 976 г. (въ городѣ Кверфуртѣ, какъ видно изъ другихъ извѣстій **) и лѣтъ 12-ти отданъ былъ въ Магдебургскую школу, въ которой нѣсколько времени передъ тѣмъ учился знаменитый Войтѣхъ, главный основатель католицизма въ Чехіи, окончившій бурную жизнь свою мученичествомъ у Прусовъ. Юноша знатный и, какъ говоритъ одно древнее сказаніе, «необыкновенно образованный въ свободныхъ наукахъ, особенно же отличавшійся въ музыкальномъ искусствѣ» (***), Брунъ, взятый ко двору, до того полюбился молодому, прекрасному Императору Оттону III, — самой поэтической личности въ средніе вѣка, — что Оттонъ, по словамъ этого сказанія, не называлъ его иначе, какъ «душа моя». Вѣроятно въ 996 г. сопровождалъ онъ Императору въ Италію и тамъ, слѣдуя общему порыву вѣка, рѣшился отказаться отъ міра. Онъ постригся подъ именемъ Бонифація, провелъ нѣсколько времени въ уединеніи и потомъ вступилъ въ братство, которое собралось около пустытника Ромуальда, славившагося по всей Италіи (****), жилъ съ нимъ въ Тибурѣ, на Монте-Кассино, наконецъ въ Переѣ близъ Равенны. Въ 1002 или 1003 г. возвратился

(*) Годъ неизвѣстенъ.

(**) Кромѣ Титмара, источниками для жизни Бруна служатъ: Кведлинбургская лѣтопись (у Пертца, Monumenta Germaniae, въ т. V, 89), Магдебургская лѣтопись (у Мейбома, *Regum Germanicarum* т. II, 279, 284) и Житіе Ромуальда, писанное около 1040 г. его ученикомъ, Петромъ Даміановымъ сыномъ (у Пертца т. VI, 849—851).

(***) Vita S. Romualdi, cap. 27. Erat autem adprime liberalium artium instructus maximeque in modulationis musicae studio adprobatus.

(****) Основателя ордена Камалдуловъ.

онъ въ Германію и получилъ епископское посвященіе. Возвести въ епископскій санъ молодаго человѣка 27 лѣтъ, особенно если онъ принадлежалъ къ знатному роду, было въ то время дѣломъ довольно обыкновеннымъ. Генрихъ II указалъ Бруну на дѣятельность миссіонера и, не смотря на его молодость, которая внушала королю нѣкоторыя опасенія, какъ пишетъ самъ Брунъ, онъ доставилъ ему *палліумъ*, знакъ архіепископскаго достоинства, и съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлалъ его главою миссій *in partibus infidelium*. Конечно Брунъ и прежде уже имѣлъ въ виду это служеніе. Его воспламеняла слава старшаго товарища по училищу, Войтѣха, слава, которая гремѣла въ то время по всей Европѣ. Въ Италіи, на Монте-Кассино, все напоминало о великомъ мученикѣ: Войтѣхъ приходилъ туда два раза и долго тамъ жилъ, изгнанный изъ Праги народомъ. Брунъ написалъ житіе Войтѣха, которое дошло до насъ и дышетъ пламеннымъ аскетизмомъ (*).

Титмаръ и другіе источники говорятъ только о послѣдней проповѣди Бруна, увѣнчавшейся мученичествомъ. Но изъ его посланія мы имѣемъ болѣе полныя свѣдѣнія объ его дѣятельности. Письма писались въ тѣ времена рѣдко, но за то большія, и давали отчетъ о многомъ.

Брунъ посѣтилъ сперва Венгрію. Здѣсь только что начинало водворяться Христіанство стараніями короля св. Стефана, котораго, какъ извѣстно, крестилъ Войтѣхъ Пражскій въ 995 г. Понятно, что Брунъ надѣялся найти тутъ обширное поле дѣятельности; но понятно также, почему онъ, какъ самъ сознается въ своемъ посланіи, не имѣлъ въ Венгріи успѣха. Онъ былъ Христіанскій миссіонеръ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и представитель политики Германскаго престола, который считалъ себя въ правѣ требовать вассальства всѣхъ сосѣднихъ народовъ, принимавшихъ Христіанство: на эту свѣтскую сторону своихъ дѣйствій онъ самъ указываетъ (см. стран. 254 посланія). Стефанъ не могъ быть этимъ доволенъ; онъ, напротивъ, держалъ себя всегда чрезвычайно гордо въ отношеніи къ Германіи и для

(*) Напечатано у Пертца, Mon. Germ. VI, 596—612.

противодѣйствія ей, какъ можно болѣе, сближался съ Римомъ. Нѣмецкаго проповѣдника онъ, вѣроятно, стѣснялъ и старался удалить.

Изъ Венгріи Брунъ отправился въ Русскую землю (въ 1006 г.); но въ самой Руси ему нечего было дѣлать, какъ и другимъ Западнымъ миссіонерамъ, которые не разъ приходили къ князю Владиміру. Онъ просилъ только, чтобы его пропустили къ Печенѣгамъ. Какимъ образомъ ему пришла мысль идти къ этимъ степнымъ дикарямъ, свирѣпѣйшимъ изъ всѣхъ язычниковъ, какъ онъ объ нихъ отзывался? Еще въ Венгріи могъ онъ познакомиться съ Печенѣгами, узнать ихъ языкъ: тамъ жили цѣлыя поколѣнія Печенѣговъ и другихъ Тюркскихъ кочевниковъ, которые вмѣстѣ съ Мадьярами или вслѣдъ за ними вторглись въ Придунайскія равнины (*). У Русскаго государя онъ пробылъ только мѣсяцъ. Радушно принялъ его Владиміръ. Къ сожалѣнію, онъ мало рассказываетъ про него и про Русь; онъ даже не упоминаетъ имени Русскаго государя, который столь заботливо предостерегалъ его объ опасностяхъ путешествія въ степь. Что этотъ государь былъ Владиміръ, достовѣрно: Владиміръ княжилъ тогда одинъ на Руси, во всей своей славѣ. И въ тѣхъ немногихъ подробностяхъ, которыя Брунъ передаетъ о немъ, рисуется свѣтлая личность Владиміра: добрый, богатый, гостепріимный, окруженный своими старшинами, боярами, покровитель и поборникъ Христіанства, заклятой врагъ степныхъ хищниковъ, не тотъ ли это самый Владиміръ, котораго изображаетъ Несторъ и народная пѣснь?

Важно свидѣтельство Бруна объ укрѣпленной частоколомъ и застѣками линіи (*sepes*), которою Владиміръ оградилъ свою землю отъ Печенѣговъ. Оно подтверждаетъ и дополняетъ сказаніе Нестора о городахъ, основанныхъ имъ для защиты со стороны степи, и преданіе народное о богатырскихъ заставахъ, оберегавшихъ Кіевъ.

Русскій князь съ дружиною проводилъ Бруна до границы.

(*) См. Anonymus regis Belae notarius (у Эндликера, Monumenta Arpadiana) и Vita S. Stephani maior (у Пертца Mon. Germ. т. XIII).

Владиміръ съ своими вышелъ за ворота ограды (безъ сомнѣнія укрѣпленныя и охраняемыя войскомъ) и сталъ на сторожевомъ курганѣ; Брунъ съ товарищами пошелъ впередъ, въ степь, съ крестомъ и съ пѣніемъ стиховъ Евангельскихъ.

Пять мѣсяцевъ пробылъ онъ у Печенѣговъ, едва не погибъ, но умѣлъ пріобрѣсти вліяніе на старшинъ и крестилъ до 30 человекъ. Онъ сдѣлался посредникомъ мира между Печенѣгами и Русью и возвратился въ Кіевъ: какъ только Владимиръ узналъ, что Христіанство нашло отголосокъ и у Печенѣговъ, онъ рѣшился отправить къ нимъ въ заложники собственнаго сына, чтобы скрѣпить миръ и тѣмъ облегчить дѣйствія миссіонеровъ. Брунъ поставилъ епископомъ для Печенѣговъ одного изъ своихъ спутниковъ; что съ нимъ потомъ случилось, неизвѣстно, но надежды Бруна не сбылись.

Изъ Кіева Брунъ пошелъ навѣстить сѣверныя миссіи, Скандинавскую и Поморско-Прусскую. Съ первою онъ вошелъ въ сношенія, вторую принялъ подъ личное руководство. Средоточіемъ и главною опорою ея была Польша. Здѣсь княжилъ въ то время Болеславъ Храбрый. То былъ великій человекъ, хотя оставилъ онъ своему преемнику государство, которое тотчасъ разстроилось и пало. «Болеславъ Великій», говоритъ объ немъ Несторъ. Какъ любилъ и чтилъ его Польскій народъ, какъ потомъ прославлялъ его! Побѣды и завоеванія, привѣтливость и гостепріимство, милость къ бѣднымъ, любовь къ дружинѣ, мудрые законы, справедливый судъ, все соединялось для Польскаго народа въ образъ Болеслава. Годъ цѣлый послѣ его смерти, говоритъ лѣтописецъ, не пѣлось ни одной пѣсни по всей Польской землѣ. Духовенство видѣло въ немъ самаго ревностнаго поборника Христіанства; онъ употреблялъ огромныя средства на построеніе церквей, на пособіе приходившимъ въ Польшу священникамъ, на поддержаніе миссій у язычниковъ. Особенно заботился онъ объ обращеніи Прусовъ, всегдашнихъ враговъ Польши, которыхъ ему удалось покорить; онъ надѣялся, что Христіанство примиритъ ихъ съ Поляками. И этотъ-то государь былъ въ постоянной

распрѣ съ Германією; противъ него король Генрихъ водилъ, вмѣстѣ съ войсками Нѣмецкими, недавнихъ враговъ Германіи, упорнѣйшихъ изъ всѣхъ язычниковъ въ сѣверной Европѣ, воинственныхъ Славянъ — Лютичей. Мы не удивимся тому негодованію, какое внушала Бруну эта противная Христіанскому чувству политика Генриха, которая вредила успѣху его проповѣди и тѣмъ, что отвлекала въ другую сторону вниманіе и средства Болеслава, и тѣмъ, что въ лицѣ Лютичей давала язычеству опору и признаніе. Читатель увидить, что противъ нея преимущественно направлено его посланіе и что главная его цѣль — убѣдить Генриха въ необходимости помириться съ Болеславомъ, пріобрѣсти его дружбу цѣною нѣкоторыхъ уступокъ и въ союзѣ съ нимъ направить свои силы противъ язычниковъ, Лютичей и Прусовъ.

Вотъ это посланіе. Латинскій текстъ приведенъ со всею точностью (*); въ переводѣ я придерживался подлинника, какъ можно ближе, и не имѣлъ никакого притязанія на изыщество.

ПОСЛАНІЕ БРУНА КЪ ГЕНРИХУ II.

pag.

239 Viro ecclesie pio Henrico regi B., hic, quid nisi miser tantum? Quicquid regem decet et cuncta cernenti domino Deo placet, dubio procul sapiat religiosus rex.

Мужу, преданному церкви, королю Генрику Б(руну), который что иное, какъ не жалкое существо? То, что прилично королю и угодно всевидящему Господу Богу, безъ сомнѣнія должно быть извѣстно благочестивому королю.

(*) Только слѣдуя общепринятой методѣ изданія средневѣковыхъ памятниковъ, я поставилъ новые знаки препинанія по смыслу рѣчи, дополнилъ сокращенія, писанныя подѣ титлами, и начертаніе и замѣнилъ, гдѣ нужно, буквою v.

Est nemo vivens super terram qui plus diligit vestram salutem secundum Dominum et qui plus velit omnem vestrum honorem secundum seculum multo labore plenum. Erat (1) vester optime carus episcopus Bruno, cum moram facerem in terra Ungorum: dixit mihi, vos, o rex, piam sollicitudinem circa me habere et valde nimis timere, ne vellem perire. Quod utique fecissem et facio, nisi prohiberet, qui adhuc prohibet, clemens Deus et senior meus sanctissimus Petrus. Reddat Tibi Deus meritum in terra viventium, quia, egregius rex, tu, qui debes pene procurare totum mundum, de me, minimo servo tuo, ne perirem, dignatus es in nomine Domini habere hanc nobilem curam. Gratias

Нѣтъ никого, живущаго на землѣ, кто болѣе (нежели я) любить ваше спасеніе въ Господѣ и болѣе желаетъ вамъ всяческой чести въ мірѣ семъ, полною тяготы. Вашъ дражайшій епископъ Бруно (2) сказалъ мнѣ, когда я пребывалъ въ землѣ Венгровъ, что вы, король, питаете благосклонную обо мнѣ заботливость и чрезвычайно боитесь, чтобы я не погибъ. Это дѣйствительно было бы со мной тогда, и теперь бы случилось, если бы не возбранялъ, и теперь, и тогда, милосердый Богъ и господинъ мой святѣйшій Петръ. Воздай тебѣ Богъ на землѣ живущихъ за твою заслугу, что ты, доблестный король, который долженъ управлять едва не цѣлою вселенной (3), удостоилъ

(1) Глаголъ *erat* употребленъ здѣсь въ томъ смыслѣ, какъ Французъ говорить: *c'était l'évêque Bruno qui....*

(2) Это былъ, безъ сомнѣнія, Бруно епископъ Аугсбургскій, родной братъ короля Генриха II. Онъ, дѣйствительно, въ 1004 году, будучи въ ссорѣ съ своимъ братомъ, удалился въ Венгрію и оттуда завелъ сношенія съ королемъ, въ слѣдствіе которыхъ они и помирились. Смотри. Лѣтопись Титмара, VI, 2 (у Пертца, V, 805) и *Annales Hildesheimenses* подъ 1004 г., тамъ же 92.—Этою ссорой объясняется холодность, съ какою нашъ Бруно говоритъ о братѣ королевскомъ.

(3) Средневѣковое понятіе о Германно-Римскомъ государѣ, какъ о свѣтскомъ главѣ всего Христіанскаго міра.

Deo! Tu, cum sis rex secundum sapientiam, quam tibi Deus dedit, studium habes, ut sis bonus et catholicus rector, sis et qualem habere necesse est sancte ecclesie pius et districtus auriga. Similiter et nos, miseri qualescunque, tamen tui, ne hanc vitam in vanum consumamus et nudi inveniamur in die mortis, quantum sola misericordia Sancti Spiritus flat, operari, laborare studium mittimus secundum illud optimi Pauli: *Non facio animam meam pretiosiores, quam me.* Ergo, quantum ad me, nihil nisi malum facio tantum; quantum vero ad Dominum, ubi vult, citius dicto facit omne bonum.

имѣть объ моей участи, меньшаго изъ рабовъ твоихъ, столь благородную заботу во имя Господне. Слава Богу! ты, слѣдуя въ королевскомъ санѣ мудрости, которою тебя Богъ одарилъ, стараешься быть благимъ и католическимъ правителемъ, быть такимъ благочестивымъ и крѣпкимъ кормчимъ, какого должна имѣть св. Церковь. Подобнымъ образомъ и мы,—будучи твоими, сколь мы ни убоги,—стараемся трудиться и работать, по скольку внушаетъ намъ единая милость Духа Святаго, дабы мы не истратили напрасно сей жизни и не оказались нагими (отъ добрыхъ дѣлъ) въ день смерти; (стараясь) по слову блаженнаго Павла: (1) «не творю души своей честнѣе, чѣмъ себя.» Итакъ самъ по себѣ, не дѣлаю ничего, кромѣ зла; а что до Господа, то, гдѣ Онъ хочетъ, скорѣе, нежели успѣешь сказать, творить Онъ всякое благо.

(1) Невѣрно переведенный текстъ изъ Дѣял. Апост. XX, 24. Въ Славянскомъ переводѣ, согласно съ подлинникомъ, сказано: *ниже имамъ душу свою честну себѣ.*

241. Opera Dei revelare et Dostойно раскрывать и
 confiteri honorificum est; объявлять дѣла Божіи. Въ
 maxime vobis tacere non особеннoсти же предъ ва-
 debeo, cuius sancta ми умолчать ихъ не могу,
 persuasione epi- такъ какъ въ слѣд-
 scopus sum, qui de ствіе вашихъ свя-
 sancto Petro evange- тыхъ увѣщаній (1),
 lium Christi genti- я сталъ епископомъ,
 bus porto. Certe dies который по примѣру
 et menses iam complevit св. Петра приношу
 integer annus, quod ubi Евангеліе Христо-
 diu frustra sedi- во языкамъ. Навѣр-
 mus, Ungros dimisimus ное, дни и мѣсяцы испол-
 et ad omnium paga- нили уже цѣлый годъ,
 norum crudelissi- съ тѣхъ поръ какъ мы,
 mos Pezenegos viam пробывъ долго по-
 arripuimus. Senior Ru- напрасну между
 torum (4), magnus reg- Венграми (2), оста-
 no et divitiis rerum, вили ихъ и направили путь
 mensem retinuit me свой къ жесточай-
 et renitens contra volunta- шимъ изъ всѣхъ я-
 tem, quasi qui sponte ме зычниковъ, Пече-
 perdere voluissem, sategit нѣгамъ (3). Госу-

(1) Лѣтописцы хвалятъ Генриха II за его особенную ревность къ Церкви; въ послѣдствіи его причислили къ лику святыхъ. Страннымъ образомъ однако Брунъ въ другомъ мѣстѣ посланія (стр. 248) по видимому противорѣчить себѣ и говорить, что Генрихъ разсердился на него, когда онъ предпринималъ свое странствованіе. Видно, король уговаривалъ его готовиться къ проповѣди у язычниковъ, но считалъ его еще слишкомъ молодымъ для такого подвига и былъ недоволенъ тѣмъ, что онъ слишкомъ рано пустился въ путь (27 или 28 лѣтъ, это почиталось въ то время еще юношескими годами).

(2) Въ 1003 г. Бруна видѣли мы въ Германіи: епископъ Аугсбургскій, съ которымъ онъ встрѣтился въ Венгріи, былъ тамъ въ 1004 г.; Брунъ писалъ свое посланіе, какъ видно, въ 1007 г. (см. ниже, стр. 248) и годъ передъ тѣмъ оставилъ Венгрію; стало быть онъ провелъ тамъ около двухъ лѣтъ, 1004 и 1005 г.

(3) Объ нихъ упоминаетъ также Титмаръ: въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ Pezineigi (VI, 83), въ другомъ (VIII, 16) ставитъ почти рядомъ три формы Pedenei, Petinei и Pecinegi.

(4) Описка вмѣсто Ruzorum.

mecum, ne ad tam irrationabilem gentem ambularem, ubi nullum lucrum animarum, sed solam mortem et tunc etiam turpissimam invenirem. Iam cum non potuit et de me indigno visio quedam eum terruit, duos dies cum exercitu duxit me | ipse usque ad regni sui terminum ultimum, quem propter vagum hostem firmissima et longissima sepe undique circumclausit. Sedit de equo ad terram; me preeunte cum sociis, illo sequente cum maioribus suis egredimur portam; stetit ipse in uno, nos stetimus in alio colle; amplexus manibus crucem ipse ferebam, cantans nobile carmen: « *Petre, amas me, pasce oves meas!* » Finito sponsorio misit senior maiorem suum ad nos in hec verba: « Duxite, ubi mea desinit terra, inimico-

дарь Русовъ (1), великій державою и богатствомъ, мѣсяцъ удержалъ меня и противясь моему намѣренію, какъ будто бы я хотѣлъ добровольно погубить себя, старался убѣдить меня, чтобы я не шелъ къ столь неразумному народу, гдѣ не могъ бы снискать душъ (для спасенія), а лишь найти смерть, и то постыднѣйшую. Какъ онъ ужъ не могъ (склонить меня) и его устранило нѣкое видѣніе обо мнѣ недостойномъ, то онъ два дня проводилъ меня самъ съ войскомъ до послѣдняго предѣла своего государства, который (предѣлъ) онъ, по причинѣ скитающагося (2) непріятеля, оградилъ отовсюду самымъ крѣпкимъ частоколомъ навѣсьма большое пространство (3). Онъ

(1) Senior въ смыслѣ средневѣковомъ, le Seigneur. Имени Владиміра, вѣроятно почти незнакомаго Нѣмецкому королю, Брунъ не счелъ нужнымъ упомянуть; впрочемъ оно приводится Титмаромъ, Wlodeimirus (IV, 37. VII, 82).

(2) т. е. кочеваго.

(3) Сравни. извѣстіе о сторожевой линіи противъ Печенѣговъ у Нестора

rum incipit. Propter Deum
rogo, ad meum dedecus ne
perdas iuvenum vitam. Scio,
cras ante tertiam sine fru-
ctu, sine causa debes gus-
tare amaram mortem.» Re-
misi: «Aperiat tibi Deus
paradisum, sicuti nobis ape-
243 ruisti | viam ad paganos.»
Quid plura? nemine nocente
duos dies ivimus, tertia die,
qui est VI Februarii, tri-
bus vicibus, mane, meridie,
nona omnes ad occisionem
flexa cervice ducebamur,
qui toties ab occurrentibus
nobis hostibus (sic dixit
dominus et dux noster Pe-
trus) mirabili signo illesi
exivimus. Dominica ad
maiores * populum
pervenimus et datum est
spatium vivendi, donec
per currentes (3)

слѣзъ съ коня на землю ;
я шелъ впереди съ това-
рищами , онъ слѣдовалъ
съ своими старши-
нами , и такъ мы вышли
за ворота (1) ; онъ
сталъ на одномъ холмѣ ,
мы стали на другомъ. Об-
нимая руками крестъ , я
несъ его самъ , и пѣлъ вели-
колѣпную пѣснь : «*Петръ ,
ты любишь меня , паси овцы
мои!*» Когда конченъ былъ
антифонъ (2) , государь
послалъ старшину
своего къ намъ съ сп-
ми словами : « Я довелъ
тебя до мѣста , гдѣ кон-
чается моя земля , начи-
нается непріятельская. Ра-
ди Бога прошу тебя не
погубить , къ моему безче-
стію , жизнь свою понапра-
сну (4) . Знаю , завтра

(И. С. Р. Л. I, 52). « И рече Володимиръ : «се не добро , еже малъ городъ
(вар. мало городовъ) около Кіева.» И нача ставити городаы (т. е. укрѣпле-
нія) по Десѣ и по Востри и по Трубежеви и по Сулѣ и по Стугѣ ; и
поча нарубати мужѣ лучшіѣ отъ Словенъ и отъ Кривичъ и отъ Чюди и отъ
Вятичъ , и отъ сихъ насели грады ; бѣ бо рать отъ Печенѣгъ , и бѣ воюя
съ ними и одоляя ихъ.» — Между сторожевыми городками , особенно въ
открытыхъ мѣстахъ , вѣроятно , сдѣланъ былъ ровъ и валъ , съ чѣмъ нибудь
въ родѣ крѣпостнаго палисада : на это указываетъ слово *sepes*.

(1) Ворота въ сторожевой оградѣ , вѣроятно въ какомъ нибудь «городѣ».

(2) *Responsorium* есть родъ антифона , употребительный въ Римской
церкви ; см. объ немъ словарь Дюканжа.

(3) *currentes* , очевидно , употреблено не въ букввальномъ смыслѣ «бѣгушесъ» ,
а въ смыслѣ «спѣшашіе» , «быстрые» : вотъ заролышъ новаго слова *курьеръ*.

(4) По древнимъ понятіямъ гостепримства , для хозяина было безчестіемъ
и посрамленіемъ не только , если гость пострадалъ подъ его кровлею , но если

nuncios universus populus congregatur ad concilium. Ergo ad nonam alia die Dominica vocamur ad concilium, flagellamur, nos et equi; occurrunt vulgus in numerum cruentis oculis, et levaverunt clamorem horribilem; mille securibus, mille gladiis super nostram cervicem evaginati in frustra nos concidere ²⁴⁴ minantur; | vexati sumus usque ad noctem, tracti in diversam partem, donec, qui nos de manibus eorum bello rapuerunt, maiores terre audita nostra sententia cognoverunt, ut sunt sapientes, quod propter bonum intravimus terram eorum. Ita, sicut iussit mirabilis Deus et pretiosissimus Petrus, quinque menses in eo populo stetimus, tres partes circuivimus, quartam non tetigimus, de qua meliorum nuncii ad nos venerunt. Circiter tri-

прежде третьяго часа, безъ пользы, безъ причины, вкусишь ты горькую смерть.» Я послалъ отвѣтъ: « Да откроетъ тебѣ Богъ рай, какъ ты открылъ намъ путь къ язычникамъ.» Что же? никѣмъ невредимы (1) шли мы два дня; на третій день, 6-го февраля, три раза, утромъ, въ полдень, въ девятомъ часу, вели насъ всѣхъ, съ согбенными шеями, на убіеніе, насъ, которые столь часто уходили отъ устремлявшихся на насъ враговъ (по слову господина и вождя нашего Петра) безвредно, дивнымъ знаменіемъ. Въ Воскресенье достигли мы болѣе многочисленнаго народа (2): насъ оставили жить, пока черезъ поспѣшныхъ вѣстниковъ созванъ будетъ весь народъ на собраніе. И такъ въ другое Воскресенье, въ девятомъ часу, зовутъ

онъ отпустилъ его въ опасное мѣсто, не проводивъ или не обезпечивъ; и съ странникомъ приключилась бѣда. Вотъ на что намекаютъ слова Владимира.—Вм. invenit я читаю invenit.

(1) Брунъ шелъ по степи, глѣ, видно, въ то время не было кочевниковъ.

(2) т. е., вѣроятно, главнаго кочевья.

ginta animas (1) christianitate facta, in digito Dei fecimus pacem, quam, ut illi dixerunt, nemo preter nos facere posset. «Nec pax, inquiunt, per te facta est. Si firma erit, sicut doces, omnes libenter erimus christiani. Si ille senior Ruzorum in fide titubaverit, debemus tantum intendere bello, non de christianitate.» Hac ratione perveni ad senio-
 218 rem Ruzorum, qui satisfaciens propter Dominum dedit obsidem filium. Consecravimusque nobis (4) episcopum de nostris, quem simul cum filio posuit in terre medium. Et facta est ad maiorem gloriam et laudem salvatoris Dei christiana lex in насъ передъ собраніе, бьютъ насъ, самихъ и коней нашихъ; бросается на насъ многочисленная толпа съ кровавыми глазами и поднимаетъ страшный вопль; тысячью съкирь, тысячью обнаженныхъ надъ нашими шеями мечей вотще угрожаютъ они изрубить насъ. Мучили насъ до ночи, увлекли въ разныя стороны: пока старшины (2) земли силою (3) вытащили насъ изъ ихъ рукъ, и услышавъ наши рѣчи, поняли, какъ люди разумные, что мы для добра вступили въ ихъ землю. Такимъ образомъ, соизволеніемъ дивнаго Бога и честнѣйшаго Петра, пробыли мы пять мѣсяцевъ у этого народа, обошли трѣ его части, не коснулись четвертой, (5) откуда

(1) слѣдуетъ читать animis.

(2) О восьми главныхъ и 40 подчиненныхъ имъ старшинахъ Печенѣжскихъ см. Константина Багрянор. de adm. imp. 37.

(3) Слово *bellum* здѣсь очевидно значить не война, а просто насиліе.

(4) *nobis* описка вмѣсто *nos*.

(5) Эти четыре части были, безъ сомнѣнія, четыре отдѣльныхъ Орды Печенѣжскихъ. Брунъ вполне подтверждаетъ извѣстіе Константина Багрянороднаго, что Печенѣги состояли изъ четырехъ «темъ (областей) или народовъ» (т. е. Орды) на западной сторонѣ Дунаѣ и изъ такихъ же четы-

pessimo populo, qui sunt super terram, omnium paganorum. пришли къ намъ вѣстники отъ лучшихъ людей (1). Приведши около тридцати душъ въ Христіанство, мы, помощью Божьяго перста, утвердили миръ (2), котораго, какъ они (т. е. Печенѣги) сказывали, никто кромѣ насъ не могъ бы сдѣлать. «Этотъ миръ, говорили они, сдѣланъ тобою. Если онъ будетъ проченъ, то мы всѣ охотно примемъ Христіанство, какъ ты насъ учишь. Если же государь Русовъ станетъ колебаться въ вѣрности (миру), то мы просто будемъ воевать съ нимъ, безъ ущерба Христіанству» (3). Съ этимъ пришелъ я къ государю Русовъ, кото-

рыхъ на восточной. Но къ которой изъ двухъ половинокъ Брунъ ходилъ проповѣдывать?

(1) Вѣроятно, ему прислали сказать, чтобы онъ не ходилъ, что его убьютъ.

(2) т. е. съ Русью: изъ словъ Нестора видно, какая была при Владимирѣ ожесточенная и непрерывная война съ Печенѣгами.

(3) т. е. будемъ воевать съ Владимиромъ, но не отвергнемъ и не станемъ преслѣдовать у себя Христіанской вѣры. Изъ этого обѣщанія видно впрочемъ, что Русскій князь тогда уже почитался у Печенѣговъ представителемъ Христіанства; вѣроятно, его нравственное вліяніе не мало способствовало успѣху Бруновой проповѣди, къ несчастію столь кратковременному.

рый, ради дѣла Господня удовлетворя моей просьбѣ, далъ въ заложники сына. И мы посвятили въ епископы одного изъ своихъ, и онъ (т. е. Русскій государь) отправилъ его вмѣстѣ съ сыномъ своимъ въ середину земли (Печенѣжской). И водворился, къ большей славѣ и хвалѣ Спасителя Бога, Христіанскій законъ среди самаго дурнаго и жестокаго изъ всѣхъ языческихъ народовъ, какіе существуютъ на землѣ.

Ego autem nunc flecto ad Pruzos, ubi qui precessit, precedere debet, qui illa omnia fecit, et nunc facere debet, clemens Deus et senior meus pretiosissimus Petrus. А и-

Я же теперь отправляюсь къ Прусамъ (1) куда долженъ предшествовать мнѣ Тотъ, кто предшествовалъ донынѣ, милосердый Богъ, и господинъ мой честнѣйшій

(1) Прусы, западная вѣтвь Литовскаго племени, въ это время привлекли общее вниманіе западной Европы убіеіемъ знаменитаго Пражскаго епископа Войтѣха (Адальберта) и упорною борьбою съ новообращенною Польшею, которая тщетно старалась ввести у нихъ Христіанскую вѣру. При всемъ томъ Прусы, какъ извѣстно было, отличались кротостью и добродушіемъ, и это вѣроятно подавало миссіонерамъ надежду на успѣхъ между ними, тогда какъ они почти отчаявались въ возможности обратить ближайшихъ изъ языческихъ сосѣдей Германіи, свирѣпыхъ Славянъ—Лютичей.

divi enim de nigris Ungris, ad quos, que numquam frustra vadit, sancti Petri prima legatio venit, quamvis nostri (quod Deus indulgeat!) cum magno peccato aliquo carentur; qui conversi omnes facti sunt christiani (1). Hec omnia sola gloria Dei et optimi Petri; quantum ad me, nihil nisi peccatum, et hoc ipsum bonum perditum, nisi miserans Deus propter se faciat, augeat et addat propter sanguinem sanctorum et specialius eorum qui nostro evo effusus super terram. Mi senior, omnia bona fecisti ad meam causam: Deus tibi retribuatur mercedem in resurrectionem iustorum, maxime quia curam geris mei, ne pro errore iuventutis secularia agam et spiritua-

Петръ, и гдѣ Онъ долженъ сотворить все, что сотворилъ (у другихъ народовъ). Я слышалъ о Черныхъ Уграхъ, къ которымъ въ первый разъ пришло никогда не ходящее вотще посольство св. Петра, (я слышалъ) что не взирая на нѣкій великій грѣхъ, ослѣпавшій нашихъ (да проститъ его Богъ!), они всѣ обратились и сдѣлались Христіанами (2). Это все единственно слава Божія и благого Петра; что до меня, то мнѣ не принадлежитъ ничего, кромѣ грѣха; и самое добро (Божіе) было бы (во мнѣ) потеряно, если бы самъ Богъ не творилъ (его во мнѣ), не умножалъ и не усугублялъ его, ради крови святыхъ и особливо тѣхъ, которые пролили ее

(1) Угры (Венгры), водворившіеся на Дунаѣ, прозваны были Бѣлыми (см. Нест. въ И. С. Р. Л, I, 5): стало быть Черные Угры были тѣ, которые, оставшись въ восточныхъ степяхъ, ушли отъ своихъ гонителей, Печенѣговъ, къ предѣламъ Персіи (см. Конст. Багр. de adm. imp. 38): о посольствѣ къ нимъ отъ Папы и объ успѣхахъ Христіанства между ними, нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно, никакого другаго свидѣтельства. Слова Бруна показываютъ несомнѣнно, что было такое посольство; успѣхъ его могъ быть только временный, какъ успѣхъ самого Бруна у Печенѣговъ, и во всякомъ случаѣ, Брунъ получилъ объ немъ преувеличенныя извѣстія.

lia descram. Inde erat, quod me abeunte videbaris irasci. Inde enim (1) fuit, quod me et plura mea digna risui ad circumstantes heroas me absente irrisisti. Que tria, amorem, iram et derisum, nisi me diligeres, nunquam circa me haberes, et nisi
247 tu bonus esses, certe nunquam, quid tibi in me malum videbatur, odio haberes. Dico pro consolatione: quantum vult sanctus Deus misereri pio Petro cogente, nolo perire. Quod cum sim in me turpis et malus, dono Dei vellem esse bonus. Dico pro oratione: omnipotens et misericors Deus et me corrigit antiquum peccatorem, vosque faciat de die in diem nunquam mortuo bono opere meliorem regem. Si quis etiam hoc dixerit, quia huic seniori fidelitatem et maiorem amicitiam porto, hoc verum est; certe diligo eum ut animam meam, et plus quam vitam meam;

въ нашъ вѣкъ на землѣ. Государь мой! ты сдѣлалъ всяческое добро въ отношеніи ко мнѣ. Воздай тебѣ Богъ мзду при Воскресеніи праведныхъ, особляю за то, что ты заботишься обо мнѣ, какъ бы я изъ заблужденія молодости не предавался мірскимъ дѣламъ и не покинулъ дѣлъ духовныхъ. Отъ этого-то происходило, что ты казался недовольнымъ, когда я отправлялся въ путь. Отъ этого произошло и то, что ты, въ моемъ отсутствіи, осмѣялъ меня и многое, что во мнѣ есть смѣшнаго, передъ окружающими тебя витязями (2). Эти три вещи, любовь, гнѣвъ и насмѣшка не были бы у тебя въ отношеніи ко мнѣ, если бы ты былъ ко мнѣ равнодушенъ; и если бы ты не былъ добръ, то никогда конечно, не сталъ бы негодовать на то, что тебѣ казалось во мнѣ дурнымъ.

(1) *enim* вѣрно слѣдуетъ читать *etiam*.

(2) Трудно угадать, на какого рода насмѣшку Брунь намекаетъ: можетъ быть Генрихъ подшучивалъ надъ неуспѣхомъ, съ какими онъ, пустившись въ путь вопреки его совѣтамъ, началъ свою миссіонерскую дѣятельность въ Венгріи. — Витязи (*heroes*), окружавшіе короля, были его бароны.

sed quem nil latet. pretiosum testem habeo comunem Deum nostrum, quod per gratiam vestram diligo eum (1), quia, quo plus possum, ad vos volo convertere illum. Ut autem sal-
 248 va cum venia regis ita loqui liceat, bonum ne est persequi christianum, et habere in amicitia populum paganum? Que conventio Christi cum Belial, que comparatio luci ad tenebras? quomodo conveniunt Zuarasi vel diabolus et dux sanctorum vester et noster Mauritius? qua fronte coeunt sacra lancea et que pascuntur humano sanguine diabolica vexilla? Non credis peccatum, o rex, quando christianum caput, quod nefas est dictu, immolatur

Скажу въ утѣшеніе : пока изволятъ Богъ святыи милосердствовать ко мнѣ хodataйствомъ блаженнаго Петра, я не погибну ; и будучи самъ по себѣ мерзокъ и дурень, желалъ бы, Божию благодатью, быть добрымъ. — Скажу, какъ мольбу : всемогущій и милосердый Богъ и меня да исправить, давнишняго грѣшника, и васъ да сподобить, день ото дня, посредствомъ непрерывныхъ добрыхъ дѣлъ становиться все лучшимъ и лучшимъ государемъ. Если кто-нибудь скажетъ, что къ государю этому (т. е. къ вамъ) я питаю преданность (2) и наибольшую дружбу, то это правда ; по истинѣ я люблю его, какъ душу свою, и болѣе, чѣмъ жизнь свою. Но Тотъ, отъ кого ничто не скроется, общій Богъ нашъ, мнѣ драгоцѣн-

(1) *per gratiam vestram*, очевидно, здѣсь сказано неправильно вм. *vestri gratia*; *eum* относится не къ *Deum*, а, какъ предыдущее *eum*, къ слову *seniori*. Такіе переходы отъ второго къ третьему лицу, также какъ отъ второго единственнаго числа (*tu*) ко второму множественнаго (*vos*) въ обращеніи рѣчи къ кому нибудь весьма обыкновенны въ средневѣковомъ латинскомъ синтаксисѣ.

(2) *Fidelitas* въ смыслѣ средневѣковомъ не значитъ просто вѣрность, а преданность.

sub demonum vexillo? Nonne melius esset talem hominem habere fidelem, cuius auxilio et consilio tributum accipere et sacrum christianismum facere de oppido pagano posses? O quam vellem non hostem, sed habere fidelem, de quo dico, senioreм Bozeszlaum! (2) Respondebis forsitan, «volo». Ergo fac misericordiam, postpone crudelitatem; si vis habere fidelem, desine persequi; si vis habere mi-

ный свидѣтель, что я для вашего же блага люблю васъ, потому что, сколько могу, хочу преклонить Его къ вамъ. Такъ если можно, съ позволеніемъ короля, сказать это: хорошо ли преслѣдовать Христіанина, и вести дружбу съ народомъ языческимъ? (1) Какой договоръ Христа съ Веліаромъ, какое соглашеніе (3) свѣта со тьмою? какимъ образомъ сходятся вмѣстѣ Сварожичъ или діаволь (4) и

(1) Въ 1003 г. Генрихъ II, жертвуя всѣми предубѣжденіями вѣка для борьбы съ опасѣйшимъ соперникомъ Германіи, Болеславомъ Польскимъ, заключилъ союзъ съ язычниками Лютичами, которые съ своей стороны боялись Болеслава, какъ могущественнаго и властолюбиваго сосѣда и ревностнаго Христіанина. Слова Титмара показываютъ, какое впечатлѣніе произвелъ на современниковъ этотъ небывалый союзъ съ языческимъ народомъ, который недавно еще былъ данникомъ Германіи (только съ 983 г. Лютичи успѣшнымъ возстаніемъ приобрѣли себѣ вновь совершенную свободу): «Наканунѣ перехода нашихъ (т. е. войска, которое Генрихъ велъ въ 1003 г. въ Польшу) черезъ Одру, говоритъ лѣтописецъ (Титм. VI, 16), присоединились къ нимъ Лютичи, идя вслѣдъ за своими богами (знамена которыхъ неслись впереди). *Я страшусь говорить объ нихъ и проі ...* Такіе-то войны, продолжаетъ онъ, описать суевѣрія и быть Лютичей, — некогда рабы наши, а нынѣ, по беззаконіямъ нашимъ, свободные, — въ сопровожденіи своихъ языческихъ боговъ, снарядились на помощь королю. *Блж., о читатель, отъ ихъ суевѣрій и общенія съ ними*» т. д. Союзъ Генриха съ Лютичами продолжался болѣе десяти лѣтъ.

(2) Bozeszlaum описка вм. Boleszlaum, какъ видно изъ другихъ мѣстъ.

(3) Comparatio имѣетъ здѣсь тотъ смыслъ, какой нѣмецъ часто придаетъ подобозначашему слову Vergleichen.

(4) О Сварожичѣ, какъ о главномъ богѣ Лютичей, упоминаетъ и Титмаръ: онъ ищетъ Zuagasi. — Zuagasi вмѣсто Zuagasi въ Бруновомъ посланіи, очевидно, описка. Подробно разобралъ я значеніе этого божества,

litem, fac cum bono, ut
delectet. Cave, o rex, si
249 vis omnia facere cum po-
testate, nunquam cum mise-
ricordia, quam amat ipse
bonus, ne forsitan irritetur
qui te nunc adiuvat, Iesus.
Nec contradicam regi; fiat
sicut Deus vult et tu vis.
Nonne melius pugnare cum
paganis propter Christiani-
tatem, quam christianis vim
inferre propter secularem
honorem? Certe homo co-
gitat, Deus ordinat. Non-
ne cum paganis et
christianis hanc
terram in viribus
regni rex intravit?

вождь святыхъ; вашъ
и нашъ покрови-
тель, Маврикій? (1)
подъ какимъ видомъ встрѣ-
чаются другъ съ другомъ
священное копье (2) и на-
сыщаемая человѣ-
ческою кровью діаво-
льскія знамена (3)?
Развѣ не считаешь ты
за грѣхъ, о король, когда
Христіанская гла-
ва, — ужасно сказать! —
приносится въ жер-
тву предъ знаме-
немъ бѣсовъ (4)? Не
лучше ли бы было имѣть
союзникомъ такого чело-
вѣка, помощью и совѣтомъ

сына Сварогова, въ Исторіи Балтійскихъ Славянъ. т. I, 222. Для объясненія непонятныхъ именъ языческихъ боговъ, благочестивые средневѣковые монахи часто употребляли, какъ синонимъ, слово *дѣволъ*: вотъ въ какомъ смыслѣ Брунъ говоритъ: Сварожичъ или дѣволъ.

(1) Слово въ слово — вождь святыхъ вашъ и нашъ, Маврикій. Св. Маврикій былъ особенно чтимъ Саксами; домъ Лудолфинговъ (Саксонскихъ Императоровъ) призывалъ его, какъ своего особеннаго заступника (См. App. Quedlinb. ann. 1007., Титмар. VI, 3. VII, 11; ему посвящена была соборная церковь въ Магдебургѣ, митрополія Саксовъ.

(2) Священное копье, приписывавшееся Константину Великому, а иными Св. Маврикію, было одною изъ главныхъ регалій Германскихъ королей и вручалось имъ, при ихъ избраніи, съ особенною торжественностью. См. Титм. V, 8, также Слов. Дюканжа, *lancea*.

(3) Титмаръ также говоритъ о священныхъ знаменахъ боговъ, которыя Лютичи несли съ собою въ походъ; онъ выставляетъ это, какъ одинъ изъ ихъ замѣчательнѣйшихъ обычаевъ (см. VI, 17. VII, 47); на некоторыхъ знаменахъ (а можетъ быть и на всѣхъ) было изображеніе божества; благоговѣніе къ нимъ было необыкновенное. Передъ ними приносились въ жертву люди (особенно плѣнные Христіане), какъ рассказываетъ Титмаръ, подтверждая слова нашего Бруна.

(4) См. Титм. VI, 18. Гельмольдъ I, 23.

quam tamen sanctus Petrus, cuius tributarium se asserit, et sanctus martyr Adalbertus nonne protexerunt? Si adiu-
vare nollent, nunquam sancti qui sanguinem fuderunt et sub divino terrore multa miracula faciunt, quinque martyres occisi in terra sua requiescerent. Mi here, non es rex mollis, quod nocet, sed iustus et districtus rec-
tor, quod placet: sed tantum hoc addatur, ut sis misericors, et non semper cum potestate, sed etiam cum misericordia populum
250

котораго ты могъ бы получать дань и водворять святое Христіанство въ языческомъ городѣ (1)? О какъ бы я желалъ имѣть не врагомъ, а союзникомъ того, о которомъ говорю, государя Болеслава! Быть можетъ, ты отвѣтишь: «я желаю». Такъ сотвори милосердіе, отложи злобу; если хочешь имѣть его союзникомъ, перестань его преслѣдовать (2); если хочешь имѣть его своимъ рыцаремъ (3), сдѣлай это по-

(1) Замѣчательно это сопоставленіе, *tributum accipere et christianismum facere*, собирать дань и водворять Христіанство, у Славянскихъ племенъ, сопредѣльныхъ Германіи. Это понятіе происходило изъ общаго строя среднѣвѣковаго, Римско-Католическаго и Германскаго запада. Я изслѣдовалъ этотъ вопросъ въ приведенномъ выше сочиненіи (Ист. Балт. Сл. I, 310 и слѣд.); тамъ приведено изъ среднѣвѣковыхъ памятниковъ много выраженій, подобныхъ тому, которое здѣсь вырвалось у Бруна. Этимъ объясняется сама вражда нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ къ Христіанству.

(2) Все подробное повѣствованіе Титмара показываетъ, до какой степени король Генрихъ II озлобленъ былъ противъ Болеслава; видя въ немъ главнаго соперника Германіи, который угрожалъ ей соединеніемъ всѣхъ западныхъ Славянскихъ народовъ, онъ употреблялъ противъ него всѣ свои силы и средства, жертвуя и вынѣиетъ своимъ въ Италіи и Франціи, и начатыми планами покоренія Балтійскихъ Славянъ, и даже, какъ мы видѣли, чувствомъ религіознымъ. При всемъ томъ нѣтъ сомнѣнія, что Генрихъ желалъ мира и дружбы съ Болеславомъ, и что онъ даже могъ выражаться въ этомъ смыслѣ; но онъ желалъ этого на условіяхъ невозможныхъ, т. е. чтобы могущественный Болеславъ, властвовавшій отъ Балтійскаго моря до границъ Баваріи, а потомъ и до Дунаю, призналъ себя, подобно своему славному отцу Мешку (Мечиславу), вассаломъ и данникомъ Нѣмецкой короны.

(3) miles въ средніе вѣка значило рыцарь, и въ отношеніи къ высшему лицу, имѣло смыслъ вассала.

tibi acquirere, et quod
nunc in tribus par-
tibus, tunc nec in una
parte bellum habes.

средствомъ добра, чтобы
его привлечь. Берегись, ко-
роль, если ты станешь все
дѣлать властію, а ничего
милосердіемъ, которое лю-
битъ благій Иисусъ, чтобы
Онъ, нынѣ за тебя побо-
рающій, отъ тебя не от-
вратился. Но я не стану
противорѣчить королю.
Будь, какъ угодно Богу и
какъ ты хочешь.... Не луч-
ше ли сражаться съ языч-
никами за Христіанство,
чѣмъ дѣлать Христіанамъ
насиліе изъ мірскаго че-
столюбія? По истинѣ,
человѣкъ предполагаетъ,
Богъ располагаетъ. Не
вступилъ ли король
(т. е. не вступилъ ли ты, король),
съ язычниками и
Христіанами, во
всей силѣ своего
государства, въ
землю эту (т. е. въ землю
Болеслава, въ Польшу) (1)? и не
защитилъ ли ея (2)

(1) Изъ этого мѣста также, какъ изъ другихъ обстоятельствъ, видно, что Брунъ писалъ въ Польшѣ.

(2) Брунъ говоритъ о походѣ 1003 года, въ которомъ Генрихъ II, со всѣми силами Германіи и съ своими языческими союзниками Лютичами, черезъ Лужицы и Силезію вступилъ въ Польшу, дошелъ до Познаня, но долженъ былъ тамъ заключить миръ (не совѣтъ, видно, выгодный, потому что на другой же годъ онъ поспѣшилъ объявить, что расторгаетъ его), и возвратился домой, потерявъ значительную часть войска. Лѣтописецъ Титмаръ представляетъ этотъ походъ такъ, какъ будто бы успѣхъ остался на сторонѣ Германіи; изъ словъ Бруна выходитъ совѣтъ другое.

однако св. Петръ, коего данникомъ онъ (Болеславъ) себя признаетъ (1), и святой мученикъ Адальбертъ (2)? Развѣ пятеро святыхъ, пролившихъ кровь свою и сотворившихъ, подъ устрашающимъ покровомъ Божиимъ многія чудеса, почилъ бы въ землѣ его (Болеслава) (3), тамъ убитые, еслибы они не хотѣли помогать ему (4)? Господинъ мой, ты не слабодушный король, что было бы вредно, но справедливый и крѣпкій правитель, что всѣмъ нра-

(1) Извѣстно, что Болеславъ, желая положить конецъ притязаніямъ Германскихъ государей на вассальство Польши, призналъ себя непосредственно зависимымъ отъ Римскаго престола.

(2) Войтъхъ, по-Нѣмцки названный Адальбертомъ, епископъ Пражскій, замученный Прусами: Болеславъ выкупилъ у Прусовъ его тѣло и положилъ его въ великолѣпной ракъ, въ Гнѣзненскомъ соборѣ.

(3) Объ этихъ пяти святыхъ, убитыхъ въ Польшѣ, подробно рассказываетъ Чешскій лѣтописецъ, Косма Пражскій (I, 38, у Шертца XI, 60) подъ 1004 годомъ. Было въ Польшѣ шесть иноковъ-отшельниковъ, Венедиктъ, Матей, Іоаннъ, Ісаакъ, Христианъ и Варнава. Они вели благочестивую подвижническую жизнь и сдѣлались вскорѣ извѣстными Польскому князю (Болеславу, котораго Косма здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, смѣшиваетъ съ отцемъ его Мешкомъ); онъ пріѣхалъ навѣстить ихъ и поручить себя ихъ молитвамъ; увидѣвъ, въ какой они живутъ нищетѣ, онъ оставилъ имъ кошелекъ со 100 марками (серебра); бѣдные отшельники не знали, что дѣлать съ деньгами, которыхъ никогда не имѣли, и боясь соблазна, отправили брата Варнаву возвратить князю его даръ. Ночью ворвались въ нѣмъ враги (*manus inimica*). стали ихъ пытать и обыскивать и, не находя ничего, убили пятерыхъ отшельниковъ, 11-го Ноября 1004 г. Стало быть Брунъ намекаетъ тутъ на событіе современное.

(4) Онъ хочетъ сказать, что если бы эти мученики не хотѣли быть заступниками Польши, то мощи ихъ не остались бы тамъ.

вится : только одного недостаетъ, чтобы ты былъ милосердъ, и не всегда властію (1), а также милосердіемъ (старался) (2) подчинять себѣ народы,— и тогда война, которая нынѣ у тебя съ трехъ сторонъ, (3) не будетъ ни съ одной.

Sed hoc quod (4) ad nos? Videat in sua sapientia iusti et boni tenax rex, videant et in dando consilio optimus quisque episcopus, comes et dux. Quod ad meam, imo Dei causam pertinet, unum dicam et alterum, quibus ultra non addam. Duo magna mala, quam (5) Deus et pugnans Petrus in rudi paganismo cepere, nova ecclesia prope sentire debet. Primum, senior Boleslavus, qui viribus animi et corporis

Но какое намъ дѣло? Пусть разсудитъ въ своей мудрости держащійся правды и добра король, пусть разсудятъ и всѣ благіе въ поланія совѣта епископы, графы и герцоги. Что же касается до моего, или скорѣе, Божьяго дѣла, скажу еще одно (6), и больше ничего не прибавлю. Двумъ великимъ бѣдствіямъ подверглось слово Божіе и воинствующая проповѣдь Петра (7) среди грубаго язычества, и

(1) Генрихъ думалъ покорить Болеслава, какъ феодальный государь своего возмущившагося вассала : вотъ въ какомъ смыслѣ употреблено здѣсь слово *potestas*.

(2) Въ латинникѣ глаголъ пропущенъ.

(3) Въ 1007 г. была у Генриха война на востокъ съ Польшею, на западѣ съ Балдуиномъ Герцогомъ Фландрскимъ (см. Титмара, VI, 22), на сѣверо-востокъ съ Славянами Бодричами (см. тамъ же, 21).

(4) *ви. quod читай quid.*

(5) *ви. quam читай quae.*

(6) Въ подл. « скажу еще одно и другое ».

(7) Въ подл. « воинствующій Петръ ».

consolari me ad convertendos Pruzos libentissime voluit et nulli pecunie ad hoc parcere decrevit: ecce impeditur bello, quod sapientissimus rex pro necessitate dedit; iuvare me in evangelio nec vacat, nec valet. Rursus, cum Liutici pagani sint et idola colant, non misit Deus in cor regis hos tales propter christianismum glorioso certamine debellare, quod est iubente evangelio compellere intrare. Nonne magnus honor magnaue salus regis esset, ut ecclesiam augeret et apostolicum nomen coram Deo inveniret, hoc laborare ut baptizaretur paganus, pacemque donare adiuvantibus, sed hoc christianis? Sed in hac parte
 252 pendet omne malum, quae nec rex fidem habet Bolezlavoni, nec ipse irato regi. Eheu

ихъ должна будетъ сильно ощутить новонасажденная (у Прусовъ) церковь. Во-первыхъ, государь Болеславъ, который охотно взялся поддерживать меня средствами духовными и вещественными для обращенія Прусовъ и рѣшился не щадить на это ни какихъ денегъ, — вотъ онъ остановленъ войною, которую (ты), мудрейшій король, сдѣлалъ для него необходимою; пособить мнѣ въ дѣлѣ Евангелія у него нѣтъ ни досуга ни средствъ. Во-вторыхъ: Лютичи—народъ языческій и служатъ кумирамъ, а Богъ не внушилъ сердцу короля мысли достопадной борьбою за Христіанство одолѣть ихъ, что значитъ,— по повелѣнію Евангельскому, принудить ихъ вступить (въ церковь) (1).

(1) *compellere intrare* (принудить войти)—какъ въ этихъ двухъ словахъ рисуется духъ западной проповѣди! Здѣсь Брунь относитъ эги ложно понятія имъ слова Евангелія къ Лютичамъ, да которыхъ дѣйствительно,

nostra infelicia tempora! Per sanctum imperatorem, magnum Constantinum, per exemplar religionis optimum Karolum! est nunc qui persequatur christianum: nemo prope qui convertat paganum! Unde, o rex, si dederis pacem christianis, pugnaturus propter christianitatem cum paganis, placebit tibi in die novissimo, cum, omnibus dimissis, steteris in conspectui (1) principis eo minori dolore et gaudio maiori, quo recorderis te maiora fecisse bona. Non est, quod timeat rex religionis (2)? homo memor malorum iungat se paganis? Tantum impossibilia nolite querere: aliter quomodo rex vult noster. Hic Boleslavo vos
 253 securum facit, quia in eternum non debet dimittere, cum in expugnandis paganis semper debet vos diligentissime adiuvari et in omni

вмѣстѣ съ другими племенами Балтійскихъ Славянъ, съ наибольшою тяжестью обрушилась завоевательная рука Западной церкви.

(1) чит. in conspectu.

(2) чит. religioni.

Не была ли бы для короля великая честь и великое дѣло спасенія, стараться, съ цѣлю умноженія церкви и полученія предъ Богомъ имени апостольскаго, о томъ, чтобы крестился народъ языческій, и помириться съ тѣми, которые могутъ быть союзниками, но союзниками Христіанскими? А все зло происходитъ отъ того, что ни король не вѣритъ Болеславу, ни онъ разгнѣванному королю. Увы, бѣдственныя наши времена! О святой императоръ, великій Константинъ, о лучший образецъ благочестія, Карлъ! есть теперь такіе, которые преслѣдуютъ Христіанна; нѣтъ никого почти, кто бы обращалъ язычника! Посему, о король, если ты дашь миръ Христіанамъ въ намѣреніи сражаться, на пользу Христіанства, съ язычниками, то ощутишь блаженство,

*bus libenter servire. O quanta bona et com-
moda in custodiendo christi-
anismo et in convertendo
paganismo concurrerent,
cum si (1), sicut pater
Myseco cum eo, qui
mortuus est impe-
ratore, ita filius Bole-
zlavus cum vobis, qui
sola spes orbis superstat,
iuveret, nostro rege.*

когда, покинувъ все, въ
последній день стоять бу-
дешь предъ лицомъ Вла-
дыки, (и стоять будешь) тѣмъ
болѣе безболѣзненно и
тѣмъ болѣе радостно, чѣмъ
болѣе будешь вспоминать
добра, тобою слѣланнаго.
Не бойтесь ли вы, король,
за вѣру? развѣ челоуѣкъ,
который помнить, какое
отъ этого происходитъ зло,
станетъ дѣйствовать за
одно съ язычниками?
Только невозможнаго не
добивайтесь (2); все про-
чее будетъ такъ, какъ
угодно вамъ, королю
нашему. Болеславъ
сей удостовѣряетъ
васъ, что онъ во-
вѣкъ васъ не оста-
витъ, такъ какъ его
обязанность помо-
гать вамъ всегда со
всею ревностью въ
покореніи язычни-
ковъ и во всемъ
усердно служить
вамъ. О какія блага и
выгоды произошли бы для

(1) чит. cum, sicut.

(2) т. е. отъ Болеслава: это невозможное, котораго король отъ него
требовалъ, было то, чтобы онъ, по примѣру своего отца, призналъ себя
вассаломъ Германіи.

охраненія Христіанства и обращенія язычества, если бы также, какъ отецъ Мешко (1) поборалъ за покойнаго Императора (2), такъ и сынъ Болеславъ дѣйствовалъ за одно съ вами, королемъ нашимъ, который остался единюю надеждою вселенной !

Inter hec non lateat regem, quod episcopus noster cum egregio monacho, quem notis, Rodberto ultra mare in evangelium Suigis transmiserat. Quomodo venientes nuncii verissime dixerunt, ipsum senioreм Suigiorum, cuius dudum uxor christiana erat, gratias Deo! baptizavit. Cum quo mille homines et septem

Между тѣмъ да будетъ извѣстно королю, что епископъ нашъ съ отличнымъ монахомъ, котораго вы знаете, Родбертомъ, отправился за море проповѣдывать Евангеліе Шведамъ (3). Какъ заподлинно сказали прибывшіе оттуда съ вѣстями, онъ, слава Богу, крестилъ самого государя Шведскаго, супруга котораго была

(1) Принявъ крещеніе и подчинившись Западной церкви, сынъ Земимысловъ, Мечиславъ или Мешко, великій князь Гутъзенскій, отдалъ себя подъ покровительство Германіи и содѣйствовалъ ей въ борьбѣ съ Славянами на Эльбѣ.

(2) Оттономъ III.

(3) Христіанство, принесенное въ Швецію Св. Анскаротомъ около 830 г. и потомъ опять подавленное тамъ противоудѣйствіемъ язычества, возобновилось у Шведовъ на грани X и XI вѣка, подъ вліяніемъ Датчанъ, уже болѣею частію крестившихся. Главнымъ проповѣдникомъ въ Швецію былъ тогда епископъ Сигфридъ, уроженецъ Англіи; объ немъ вѣроятно говоритъ Брунъ. О монахѣ Робертѣ я не нашелъ никакого другаго извѣстія.

254 plebes eandem gratiam mox ut. (1) recesserunt. Quod ceteri indignati interficere querebant; spem habentes omnes reverti cum episcopo, ad tempus locum dederunt. De quorum habitu et reversione ad explorandum missi nuntii non redeunt. Quaecunque docent, merito ad vos, veluti ad regem, qui me perfecit in evangelio, servus vester certa mandare curabo. Quid plura? scitote sub testimonio Christi: ubicunque possum, fidelissimus fautor sum vestre parti. Et quamvis nesciam orare in conspectu Domini, verum non desinam latrare, ut vos уже давно Христианка (2). Съ нимъ вмѣстѣ удостоились въскорѣ той благодати тысяча семь человекъ изъ народа (3). Прочіе, въ негодованіи за это, хотѣли ихъ убить. Имѣя надежду въ послѣдствіи возвратиться вмѣстѣ съ епископомъ, они на время всѣ удалились. Посланные развѣдать объ ихъ положеніи и надеждахъ на возвращеніе не приходятъ назадъ. Какія бы вѣсти они ни принесли, я себя почти обязаннымъ сообщить ихъ вамъ въ точности, какъ рабъ своему государю, ко-

(1) ut здѣсь лишнее.

(2) Первый Шведскій король, принявшій Христіанство, былъ Олафъ Скаутконунгъ (скаутъ, Нѣмецк. Schooss, значить колѣни: прозвище произошло отъ того, что Олафъ ребенкомъ, сидя на колѣняхъ, принималъ присягу Шведовъ): юношею, находясь въ Даніи, крестился онъ, но потомъ отрекся отъ Христіанства; около 1000 г. Сигфридъ обратилъ его вторично. Его жена была Славянка изъ племени Бодричей, по имени Эстрель (форма скандинавская: настоящее Славянское имя неизвѣстно), отъ которой онъ имѣлъ дочь Инградъ или Интагердъ, жену Вел. кн. Ярослава Владиміровича. Адамъ Бременскій, сохранившій это извѣстіе (II, 37), не говоритъ, была ли она Христианка; но свидѣтельство Бруна подтверждается тѣмъ, что въ это именно время Христіанство было весьма сильно распространено у Бодричей (см. Ad. Brem. II, 24. Helm. I. 16-18.).

(3) Такъ я перевожу, читая: mille homines et septem plebis, вм. plebes; если чтеніе plebes правильное, то слѣдовало бы перевести: «тысяча человекъ и семь племенъ», т. е. «изъ семи племенъ»; но это мнѣ вѣроятно.

235 benedicat salutare Dei et
in omni opere comitetur
vos bona gracia Petri. Vos
vero quicquid in Liuti-
ciset Pruzis conver-
tendis consilium et auxi-
lium potestatis (1) dare,
ut pium regem et spem
orbis decet, nolite cessare,
quia circa horum
paganorum dura
corda convertenda
flante Spiritu Sancto nos-
ter labor nunc de-
bet accingi omnisque
opera et studium pugnante
Petro indefesse consumi.

торый приготовилъ меня
для проповѣди Евангель-
ской. Что еще скажу?
Знайте, — я беру въ сви-
дѣтели Христа, что гдѣ
только могу, я стараюсь
быть ревностнѣйшимъ за-
ступникомъ вашихъ вы-
годъ. И не умѣя, предъ
лицемъ Господнимъ, до-
стойно молиться, не пре-
стаю вопить (2), чтобы
васъ благословила спаси-
тельная сила Божія, и во
всякомъ дѣлѣ сопровожда-
ла васъ благодатная ми-
лость Петра. Вы же не
оставляйте подавать намъ,
какой только можете, со-
вѣтъ, какую можете, по-
мощь для обращенія
Лютичей и Пру-
совъ, какъ подобаетъ
благочестивому королю,
надеждѣ вселенной: ибо
на обращеніе, благо-
датію Духа Святаго, же-
стокихъ сердець
сихъ язычниковъ,
долженъ нынѣ устре-
миться нашъ трудъ
и употреблена быть неудо-
мимо вся наша дѣятель-

(1) чит. potestis.

(2) въ подлинн. лаять.

ность, все наше стараніе,
при поборничествѣ Петра.

Vale, o rex, vive vere
Deo, memor bonorum ope-
rum; morere senex virtu-
tum et plenus dierum.

Будь здоровъ, король,
живи истинно для Бога,
памятуя о благихъ дѣлахъ;
окончи вѣкъ свой устарѣ-
лымъ въ добродѣтеляхъ,
богатымъ годами.

Не суждено было Бруну имѣть успѣхъ и на сѣверѣ, между Прусами. Какъ показываютъ собственныя слова его въ приведенномъ посланіи къ королю Генриху, онъ не дѣйствовалъ уже въ чистомъ духѣ Евангелія, въ духѣ кротости и любви: онъ требовалъ отъ мірской власти помощи для крещенія язычниковъ, онъ побуждалъ Христіанскаго государя къ завоеванію ихъ, онъ не боялся произнести страшное *compellere intrare*, « принудить вступить въ церковь »; но съ другой стороны онъ не жилъ еще въ томъ вѣкѣ, когда западный миссіонеръ велъ желѣзный строй рыцарей обращать еретиковъ Вальдензовъ и язычниковъ Лютичей, Прусовъ, Ливонцевъ. Слово Бруна было уже бесплодно, а рука его еще не была вооружена. Онъ погибъ года полтора или два послѣ того, какъ писалъ къ Генриху. Титмаръ рассказываетъ, что его убили гдѣ-то между Прусскою землею и Русью: стало быть въ Литвѣ. Такъ дѣйствительно свидѣтельствуетъ Кведлинбургская лѣтопись подъ 1009 годомъ: « Бруно, другимъ именемъ Бонифацій, архіепископъ и монахъ, на одиннадцатый годъ своего постриженія, погибъ, 9 Марта (*), обезглавленный язычниками на границахъ Руси и Литвы (*in confinio Rusciae et Lituae*) съ 18 товарищами, и пріять былъ на небеса » (**). Рим-

(*) 7 Id. Martii. По Титмару, 14-го февраля.

(**) Annual. Quedl. у Пертца, V, 80.

ская церковь причислила его къ лику святыхъ. Объ его послѣднемъ подвигѣ носились разныя сказанія ; но ни въ одномъ изъ нихъ не видно исторической основы (*).

Въ заключеніе выражу свою благодарность Русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Гамбургѣ , Х. Е. Кудрявскому , за обязательность , съ какою онъ доставилъ мнѣ тщательно критически обработанный списокъ съ изданнаго здѣсь посланія : этимъ спискомъ я пользовался.

А. Гильфердингъ.

(*) Одно изъ нихъ напечатано у Пертца (VI, 379) и принадлежитъ современнику : оно писано почеркомъ XI в. и сочинитель его , по имени Випертъ , выдаетъ себя за одного изъ товарищей Бруна , который будто бы сопровождалъ ему въ Прусію и при казни его былъ ослѣпленъ и отпущенъ язычниками ; но въ сказаніи столько несообразностей и подлѣ благочестивыми словами видно такъ мало исторической были , что оно есть несомнѣнно издѣліе самозванца. Другое сказаніе внесено въ упомянутое уже нами Житіе св. Ромуальда (Pertz, VI, 831), писанное въ Италіи около 1040 г.; пока вѣсть изъ Литвы пришла туда , въ ней не осталось ничего историческаго , и сказаніе это , записанное почти современникомъ Бруна , имѣетъ видъ совершенно баснословный : дѣйствіе перенесено на Русь , Брунъ разными чудесами обращаетъ въ Христіанскую вѣру государя Русскаго (rex Russorum), но убить его братомъ.

ДВА СЛОВА

О НАРОДНОСТИ ВЪ НАУКЪ.

Въ программѣ Русской Бесѣды сказано между прочимъ, что одною изъ главныхъ цѣлей сего изданія будетъ усиленно содѣйствовать къ развитію Русскаго воззрѣнія на науки и искусства. Эти слова вызвали со стороны Московскихъ Вѣдомостей замѣчаніе, «что вѣдь науки и искусства допускаютъ лишь одно воззрѣніе *просвѣщенное, слѣдовательно общечеловѣческое*». Издатели Русской Бесѣды въ слѣдующемъ № Вѣдомостей сказали нѣсколько словъ въ защиту своей программы, а Московскія Вѣдомости, удерживая за собою свое мнѣніе, повторили его съ нѣкоторыми поясненіями.

Напоминая объ этомъ читателямъ, мы вовсе не думаемъ возобновлять полемику съ уважаемою нами газетою, не съ этою цѣлью беремся мы за перо; но мы считаемъ не бесполезнымъ сказать нѣсколько словъ для уясненія общаго вопроса, котораго вскользь коснулись Московскія Вѣдомости и о которомъ не разъ толковали другіе наши журналы: вопроса о значеніи и законномъ участіи народности въ развитіи науки. Сперва постараемся опредѣлить, какъ можно безпристрастнѣе и точнѣе, тотъ взглядъ, изъ котораго вышло сомнѣніе, выраженное Московскими Вѣдомостями.

Задача науки въ постиженіи сущности явленій. Чѣмъ полнѣе и чище онѣ отражаются въ познающемъ разумѣ, чѣмъ менѣе возмущается этотъ процессъ духовнаго отраженія случайнымъ характеромъ познающаго лица и посто-

рошними обстоятельствами, тѣмъ свободнѣе и стройнѣе явленія собираются въ группы, тѣмъ яснѣе выдается ихъ внутренній смыслъ изъ случайной ихъ обстановки, тѣмъ безошибочнѣе опредѣляется законъ ихъ послѣдовательнаго развитія. Народность можетъ быть предметомъ постиженія, какъ объектъ науки; но народность, какъ свойство постигающей мысли, ведетъ къ произволу, односторонности и тѣснотѣ воззрѣнія. Такимъ же образомъ проявляется въ ученомъ трудѣ вліяніе вѣка на мыслителя и вообще преобладающее вліяніе какого бы то ни было условія или началъ, которому сознательно или безсознательно подчинится мысль. Мысль, по существу своему, безстрастна и безцвѣтна, и потому ученый, не умѣвшій или не хотѣвшій очистить себя отъ представленій, понятій и сочувствій, прилипающихъ невольно къ каждому человѣку отъ той среды, къ которой онъ принадлежитъ, не можетъ быть достойнымъ служителемъ науки. Кто вноситъ случайное и частное въ область міровыхъ идей, тотъ выноситъ изъ нея, вмѣсто общечеловѣческихъ истинъ или вѣрнаго отраженія предметовъ въ сознаніи, представленія неполныя, образы изуродованные и пріхотливо разцвѣченные.

Совершенно тоже говорилось и печаталось у насъ еще недавно о художествѣ. Поэзія есть воспроизведеніе идеи или сущности явленія въ живомъ образѣ. Идея-достояніе всего человѣчества, а форма, хотя и взятая изъ области случайнаго, очищается отъ всего случайнаго и просвѣтляется насквозь идеею; слѣдовательно въ художественномъ творчествѣ участіе народности незаконно. Это послѣднее примѣненіе общаго понятія объ отношеніи человѣческаго къ народному, теперь устарѣло и откинуто вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ всякихъ предубѣжденій, вытѣсненныхъ неразумнымъ сознаніемъ, но, по закону моды, пережившихъ свое время и успѣвшихъ надоесть публикѣ отъ частаго ихъ повторенія. Да и ошибочность его слишкомъ ясно бросалась въ глаза. Самое поверхностное изученіе великихъ памятниковъ искусства, въ связи съ мѣстомъ и временемъ ихъ появленія, пріучило насъ не дичиться народности въ сферѣ искусства; мы поняли, что не создалъ бы Божественной Комедіи Дантъ,

еслибъ онъ не былъ Итальянцемъ и Католикомъ; что Гёте былъ однимъ изъ полнѣйшихъ проявленій Германскаго духа; наконецъ, со времени появленія между нами Гоголя, мы уразумѣли, что не только неисчерпаемое богатство художественныхъ представленій, которыхъ и половины онъ не успѣлъ намъ открыть, почерпнуто имъ изъ нашей народности, но что онъ самъ, какъ художникъ, своеобразенъ и великъ именно потому, что его воспитала Россія, а не другая народная среда. Было бы позволительно предоставить времени произвести такую же реакцію и противъ тепершняго гоненія на народность въ дѣлѣ науки; но мы мало цѣнимъ успѣхъ отъ пресыщенія и потому, не избѣгая и не откладывая спора, приступаемъ прямо къ уясненію возбужденнаго нами вопроса. Недоразумѣнія лежатъ на немъ, какъ отвердѣвшіе слои наносныхъ понятій, и мы будемъ довольны, если намъ удастся снять хоть самые тонкіе.

Боссюетъ, католикъ и Французъ, одинъ изъ первыхъ ученыхъ, пытавшихся постигнуть законъ всемірной Исторіи, смотрѣлъ на реформацію, какъ на уклоненіе человѣческаго разума отъ нормальнаго пути, и объяснялъ ее вторженіемъ страсти и произвола въ область вѣчной, общечеловѣческой истины. Нѣмецкіе и Англійскіе историки, протестанты по вѣроисповѣданію или по образованію, смотря на тоже явленіе, какъ на блистательную побѣду, одержанную духовною свободою человѣка надъ ограниченностію средневѣковаго религіознаго сознанія. Которое изъ этихъ двухъ воззрѣній просвѣщенное и общечеловѣческое?

Мы въ правѣ въ вопросѣ о національности указать на противоположность воззрѣнія католическаго и протестантскаго во первыхъ потому, что католицизмъ есть такое же несомнѣнное проявленіе въ области религіи романской стихіи, какъ протестантизмъ проявленіе германской; во вторыхъ потому что, говоря о Русской народности, мы понимаемъ ее въ неразрывной связи съ Православною Вѣрою, изъ которой истекаетъ вся система нравственныхъ убѣжденій, правящихъ семейною и общественною жизнію Русскаго человѣка.

Придерживаясь понятія о народности въ болѣе тѣспомъ

и матерьяльномъ смыслѣ, было бы также легко подобрать въ первоклассныхъ твореніяхъ примѣры противоположности полныхъ, выработанныхъ воззрѣній на историческое значеніе и характеръ цѣлыхъ племенъ, истекающей изъ народныхъ сочувствій или предубѣжденій великихъ писателей, которымъ однакоже никто не откажетъ ни въ просвѣщеніи, ни въ общечеловѣческихъ заслугахъ. Еще очевиднѣе проявляется вліяніе политической партіи или тѣснѣйшаго круга людей, съ которыми авторъ связанъ сочувствіемъ. Мы недавно видѣли тому примѣръ. Маколей, одно изъ свѣтилъ современной исторической науки, въ опытѣ о войнѣ за наслѣдство Испанскаго престола опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ существенную разницу между партіею торіевъ и партіею виговъ. Виги — голова, а торіи хвостъ; гдѣ нынѣ стоятъ первые, туда черезъ сто лѣтъ доползутъ вторые, изъ чего слѣдуетъ, что историческое оправданіе цѣлей половины Британскаго общества, заявившей себя на всѣхъ страницахъ Англійской исторіи, заключается въ отрицательномъ свойствѣ тупоумія. Весьма вѣроятно, что историкъ, равносильный Маколею по дарованію, но воспитанный въ сферѣ другихъ понятій, не измѣняя общечеловѣческимъ началамъ и просвѣщенію, не затруднился бы отвѣтомъ на этотъ приговоръ.

Не только въ области исторіи, но и въ другихъ, занимающихся человѣкомъ, а не природою (*), на примѣръ, въ наукѣ права, въ философіи, въ политической экономіи, встрѣчаются на каждомъ шагу столь же рѣзкія противоположности, которыхъ корень въ различіи точекъ зрѣнія на одяпъ и тотъ же предметъ, основныя убѣжденія и прирожденные сочувствія, на которыхъ, какъ на данномъ материкѣ, воздвигается вѣками народное и личное просвѣщеніе. Какъ не потеряться въ нихъ, какъ сохранить свободу мысли? Какъ

(*) И въ естественныхъ наукахъ взглядъ естествоиспытателя на природу, на разныя ея явленія, на связь между этими явленіями и пр. существенно зависитъ отъ главнаго начала, принятаго въ основу философіи; главное же начало философіи необходимо истекаетъ изъ религіозной и народной стихіи. Впрочемъ уясненіе этихъ истинъ составить предметъ особыхъ статей.

избѣгнуть невольной односторонности? — «Очень легко; держитесь крѣпко просвѣщеннаго и общечеловѣческаго, не подчиняйтесь ничему народному». Такъ теперь говорить у насъ. Сто лѣтъ тому назадъ, во Франціи говорили: *Suivez la divine raison, elle vous sauvera de l'erreur*; но много ли уцѣлѣло изъ того, что было отмѣчено клеймомъ *de la divine raison*? Увы! Еще не родился тотъ гений, который бы размежевалъ всю область человѣческаго вѣдѣнія на двѣ полосы и поставилъ между ними столбы съ надписями: образованное и человѣческое—ложное и народное.

Когда по закону историческаго преемства, народъ выдвигается во главу человѣчества, и къ нему переходитъ умственное достояніе всѣхъ племенъ, отслужившихъ до него свою службу, сдѣланныя ими открытія въ области механики, естественныхъ наукъ и введенныя ими усовершенствованія въ матеріальномъ быту перенимаются просто и безспорно. Но не такъ легко обходится дѣло при усвоеніи лучшей доли умственнаго наслѣдства: замкнувшаяся система просвѣщенія принимается подъ условіемъ строгой повѣрки самыхъ основныхъ ея положеній; то, что казалось навсегда поконченнымъ, подвергается пересмотру и часто дѣлается снова вопросомъ, разрѣшеніемъ котораго поглощается много и много свѣжихъ силъ. Фактическое и постоянное участіе народности въ образованіи самостоятельныхъ воззрѣній на предметъ науки, кажется, не подлежить спору; но этимъ еще не оправдывается направленіе, называющее себя народнымъ. Намъ могутъ возразить: «примѣрами, вами же приведенными, подтверждается, что народность и односторонность въ дѣлѣ науки одно и то же; это перовное зеркало, въ которомъ искривляется отражаемый предметъ; въ примѣненіи къ живому организму, это недугъ, болѣзнь ума; а вы вмѣсто того, чтобы приискивать противъ нея лѣкарствъ, даете обѣщаніе стараться всѣми силами, чтобъ она плодилась!»

Допустивъ основательность возраженія и обративъ его потожительною стороною, мы получимъ, въ примѣненіи къ прежнимъ приведеннымъ нами примѣрамъ, слѣдующее требованіе: историкъ не долженъ быть ни католикъ, ни

протестантъ, ни Французъ, ни Нѣмецъ; онъ не долженъ принадлежать ни къ какой политической партіи, ни къ какой философской системѣ, онъ долженъ быть просто историкъ. Пусть такъ! Но возможно ли это и не представляемъ ли мы такого условія, при которомъ сама наука существовать не можетъ?

Опредѣляя ея задачу, какъ постиженіе сущности предметовъ, какъ возведеніе въ понятіе дробныхъ явленій, не выражаемъ ли мы требованія отдѣлить существенное отъ случайнаго, законное отъ незаконнаго? Вникая въ логическую связь цѣлаго рода однородныхъ явленій, не исходимъ ли мы изъ того основнаго убѣжденія, что все живое развивается, а понятіе развитія не заключаетъ ли въ себѣ понятія внутренней цѣли, идеала, стремящагося къ полному своему проявленію? Законъ человеческихъ стремленій въ какой бы то ни было области, верховный законъ, которому всѣ онѣ подчиняются, задача человеческого развитія, цѣль человеческого бытія—всѣ эти понятія могутъ ли быть усвоены иначе, какъ въ формѣ положительнаго ученія, опредѣляющаго точку зрѣнія мыслителя? Безъ нихъ невозможна даже исторія, въ которой по видимому все дается объектомъ, а отъ мысли требуется только мудрое воздержаніе; но и сама исторія, какъ простое записываніе случившагося, уподобилась бы ряду метеорологическихъ наблюденій надъ погодою и потеряла бы достоинство науки.

Конечно, потребность возведенія всѣхъ понятій, ежечасно нами употребляемыхъ, къ стройному единству, потребность разумнаго ихъ усвоенія, сродная человечеству и каждому народу въ лицѣ двигателей его просвѣщенія, можетъ не встрѣчаться не только въ массахъ, хранящихъ въ себѣ народность, какъ духовную стихію, но даже въ такъ называемой образованной публикѣ. Каждое общество имѣетъ свой собственный капиталъ, съ котораго большинство получаетъ проценты и пробавляется ими, не спрашивая, великъ ли онъ, въ чемъ состоитъ и какъ образовался. Отъ поверхностно, но многосторонне образованныхъ людей, которые такъ недовѣрчиво смотрятъ на общія начала, опредѣляющія характеръ нашего воззрѣнія на все окружающее, мы слы-

нимъ безпрестанно сужденія и отзывы, ясно указывающіе на присутствіе въ нихъ основнаго слоя отвердѣлыхъ понятій и представленій, о которомъ они сами не вѣдаютъ ; но внимательная мысль, не совсѣмъ чуждая философскихъ приемовъ, легко открываетъ этотъ неприкосновенный умственный капиталъ, лежащій въ ихъ головѣ, какъ лежать въ сундукахъ подъ надежными замками акціи торговыхъ компаній. Попробуйте взять подъ руку этихъ людей, всегда готовыхъ ополчиться на всякое опредѣленное, по ихъ же понятіямъ, ограниченное воззрѣніе, и довести ихъ по ступенькамъ отъ примѣненія къ основнымъ посылкамъ, отъ частнаго къ общему, и они придутъ въ изумленіе, открывъ въ себѣ сводъ понятій, систему, опредѣленные предпочтенія, къ которымъ они приобщились умственно, сами того не замѣчая. На повѣрку выйдетъ, что мнимое безпристрастіе, общечеловѣчность и отрицательная свобода ихъ воззрѣній въ сущности есть безсознательность. Правда, между разумнымъ приобщеніемъ своей мысли къ опредѣленной системѣ понятій и безмысліемъ существуетъ середина. Можно избѣгнуть той и другой необходимости, принявъ за правило все новѣйшее провозглашать совершеннымъ; но что значило бы въ области науки подчиниться тому закону, который полновластно господствуетъ въ области моды ?

Мы по видимому уклонились отъ предмета, но только по видимому. Мы сказали, что всякое воззрѣніе предполагаетъ точку зрѣнія, всякой актъ мышленія—исходное начало. Если отъ избранной или данной точки зрѣнія зависитъ характеръ воззрѣнія и самый выводъ, то безспорно мы должны признать въ ней, какъ возможность ошибки, такъ и необходимое условіе всѣхъ открытій и успѣховъ въ области знанія.

Искренній католикъ, по рѣзко опредѣленной ограниченности своего взгляда, лишается способности высказать полную правду о борьбѣ Римской церкви съ реформаціею ; за то онъ постигнетъ и внесетъ въ науку не только все великое и общечеловѣческое, созданное католицизмомъ, но и самыя глубокія, психологическія условія, вызвавшія явленія западнаго католицизма. Ревностный протестантъ не оцѣнитъ

міроваго значенія Римської церкви; но за то ему, какъ протестанту, удастся объяснить всѣмъ двигательную силу, смыслъ и духъ реформаціи. Если бы Маколей не сдружился всѣмъ существомъ своимъ съ вигизмомъ, кто знаетъ увидали ли бѣ мы живой, изящный образъ Галифакса? Нѣмецкій историкъ можетъ быть превратно представить иъ своемъ разсказѣ характеръ борьбы Германскихъ государствъ съ Славянскими племенами; онъ не уразумѣетъ вполнѣ возстанія Гусситовъ и увидитъ въ нихъ не болѣе, какъ грубыхъ предвѣстниковъ Лютера и Кальвина; онъ проглядитъ заслугу, оказанную Западной Европѣ Польшею, сдержавшею въ продолженіе цѣлаго вѣка напоръ Турецкаго завоеванія, и заслугу Россіи, изжившей на себѣ давленіе Монголо-Татарскаго племени, побѣдившей его и черезъ это укрѣпившей за собою право мирнаго на него воздѣйствія; за то онъ яснѣе другихъ почувствуетъ и живѣе передастъ міровое значеніе Германскаго племени въ судьбахъ человѣчества: ни одно проявленіе Германскаго духа не ускользнетъ отъ его сочувствія и черезъ его народное возрѣніе на исторію, хотя бы и не чуждое односторонности, войдетъ въ общее достояніе науки и сдѣлается доступнымъ для общечеловѣческаго разумѣнія участіе въ исторіи одного изъ великихъ народныхъ дѣятелей.

Мысль познающая, какъ органъ науки, достигаетъ до полнаго своего развитія и могущества только при условіи совокупнаго и сосредоточеннаго участія въ процессѣ постиженія всѣхъ силъ и способностей духа; воля придаетъ мысли постоянство напряженія, побуждая и сдерживая ее; теплое сочувствіе согрѣваетъ мысль и вооружаетъ ее безошибочностью духовнаго инстинкта, угадывающаго въ историческихъ явленіяхъ едва проявленныя движенія челоѣческой души. Мы говоримъ здѣсь не о той, если можно такъ выразиться, отвлеченной любви къ предмету, безъ которой никакой истинно ученый трудъ не возможенъ, которая рождается отъ самаго труда, возрастаетъ по мѣрѣ встрѣчаемыхъ препятствій, но которая вовсе не зависитъ отъ прямаго отношенія познающаго лица къ объекту; такъ на примѣръ, специалистъ пристращается къ букашкамъ или

къ одному виду растений. Не объ этой любви къ предмету идетъ рѣчь. Между мыслью, воспитанною въ средѣ народности, и рядомъ историческихъ проявленій той же народности на всемірномъ поприщѣ существуетъ болѣе прямое и близкое сродство, вслѣдствіе котораго мысль преимущественно становится способною овладѣть для науки именно тѣми явленіями, въ которыхъ она сама съ собою встрѣчается и узнаетъ себя. Можно ли отрицать, что Русскому, потому что онъ Русскій, и въ той мѣрѣ, въ какой онъ Русскій, духъ нашей исторіи, мотивы нашей поэзіи, весь ходъ и все настроеніе народной жизни откроется яснѣе и полнѣе, чѣмъ Французу, хотя бы послѣдній овладѣлъ вполне Русскимъ языкомъ и такою массою матеріаловъ, какою никогда не располагалъ ни одинъ Русскій ученый?

Повторяемъ опять: все это примѣняется не только къ исторіи въ тѣсномъ смыслѣ, но и къ другимъ наукамъ. Въ развитіи политико-экономическихъ теорій, ученіе физіократовъ, раскрывшихъ участіе производительныхъ силъ земли въ образованіи народнаго богатства, должно было возникнуть во Франціи, а меркантильная школа въ Англіи. Даже въ той наукѣ, которой предметъ по видимому отрѣшенъ отъ всякой связи съ народностью, въ изслѣдованіи законовъ отвлеченнаго мышленія, Французы, по особенному складу своего ума, были по преимуществу призваны раскрыть процессъ постиженія путемъ опыта, исчерпать процессъ образованія понятій изъ ощущеній, передаваемыхъ путемъ внѣшнихъ чувствъ, а Гегель имѣлъ полное право сказать, что всю свою философію онъ извлекъ изъ Пѣмецкаго языка, иными словами: онъ высвободилъ, уяснилъ и облекъ въ наукообразную форму тѣ понятія, которыя лежали, какъ элементы въ народномъ сознаніи; ибо языкъ есть твореніе цѣлаго народа и, можетъ быть, самое свѣтлое отраженіе его духовной природы.

Мы приходимъ къ убѣжденію, что именно народность мысли, опредѣляя какъ бы специальное ея назначеніе въ области науки, наводитъ ее на пути къ открытіямъ, постепенно раздвигающимъ предѣлы общечеловѣческаго знанія. Это, кажется, безспорно, но еще не все. Заключая въ

себѣ возможность односторонности воззрѣнія или пристрастія, народность познающей мысли въ тоже время представляетъ намъ ручательство за постепенное освобожденіе отъ предѣловъ, ею же полагаемыхъ.

Если католикъ внесъ въ область науки свое ограниченное воззрѣніе на Римскую церковь, если лютеранинъ также односторонно опредѣлилъ значеніе реформациі, если ни отъ того, ни отъ другаго мы не можемъ ожидать послѣдняго слова, опредѣленія взаимнаго отношенія двухъ вѣроисповѣданій, то почему не допустить, что произнести это слово призванъ тотъ, кто не участвовалъ въ борьбѣ, не заразился возбужденными ею страстями и, по возвышенности своей точки зрѣнія, стоитъ надъ сторонами, ведущими между собою споръ. Если таково призваніе Православнаго мыслителя, то не ясно ли, что оно выпадаетъ ему не ради превосходной силы его ума, а единственно потому, что мысль его воспитывается въ другой духовной средѣ и что примиреніе противоположностей будетъ ему доступно не только, какъ требованіе религіознаго сознанія, но какъ осуществленный фактъ въ полнотѣ духовной жизни Православной Церкви. Обнаруженіе односторонности выработанныхъ воззрѣній и примиреніе ихъ путемъ возведенія противоположностей въ высшій строй явленій можетъ быть предостать намъ и въ другихъ областяхъ знанія.

Можетъ быть вопросы объ отношеніи личной свободы къ общественному предустановленному порядку, о соглашеніи выгодъ сосредоточенности поземельнаго владѣнія (*la grande propriété*) и раздробленія земли на мелкіе участки (*la petite propriété*) и многіе другіе найдутъ свое разрѣшеніе именно у насъ, вслѣдствіе того, что наука найдетъ ихъ въ жизни и взглянетъ на самые вопросы съ новой точки зрѣнія, на которую поставить ее народная жизнь? Можетъ быть также, что это мечта; но возможность подобнаго участія въ рѣшеніи поставленныхъ вопросовъ оправдывается прошедшими вѣками. Въ отвѣтъ на міровой запросъ Исторія не приноситъ логической формулы, а выводитъ на сцену новаго дѣятеля, живой бытъ свѣжаго народа, и много спустя, мысль, воспитанная въ сочувствіи

съ нимъ , возводить его на степень понятія и переносить изъ дѣйствительности въ область науки, какъ понятие, какъ законъ.

И такъ призваніе народности въ дѣлѣ науки представляется въ двоякомъ видѣ. Съ одной стороны средство мысли познающей съ мыслью, проявившею себя исторически, заключаетъ въ себѣ одно изъ существенныхъ условий постиженія внутренняго смысла и побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ эти проявленія; съ другой, непричастность народного воззрѣнія къ предубѣжденіямъ и односторонностямъ, налагающимъ свое клеймо на воззрѣнія другихъ народовъ, даетъ возможность общечеловѣческому воззрѣнію постепенно расширяться и освобождать себя отъ тѣсныхъ рамокъ, временно его ограничивающихъ. Къ сожалѣнію, эти понятія, столь простые и, кажется, ни для кого небыдныя, сдѣлавшись предметомъ литературныхъ толковъ, породили вокругъ себя множество совершенно произвольныхъ представленій. Потребность народного воззрѣнія многіе принимаютъ за желаніе, во что бы ни стало, отличиться отъ другихъ, какъ будто бы въ этомъ отличіи заключалась цѣль направленія. Имъ кажется, что ученый, сядя за свой рабочій столъ, задаетъ себѣ задачу выдумать, изобрѣсти Русское народное воззрѣніе, на примѣръ, хоть на феодализмъ. Нельзя же ему повторять, что сказали Гизо или Гриммы: то были Нѣмцы! И созданный воображеніемъ труженикъ, несчастная жертва воображаемыхъ дурныхъ совѣтовъ, грызетъ перо, потираетъ себѣ лобъ и губитъ время въ безплодной гоньбѣ за оригинальностью. Но вольно же въ такой формѣ представлять себѣ участіе народности въ развитіи науки. Неразумное, безотчетное и преднамѣренное отрицаніе чужаго потому только, что оно чужое, при недостаткѣ своего, при внутренней пустотѣ, не поведетъ къ расширенію области знанія; этого никогда никто и не утверждалъ. Напротивъ, при обиліи понятій, почерпнутыхъ изъ народной жизни, при богатствѣ внутренняго содержанія, никогда пользованіе чужими трудами не поработитъ мысли. Здравое понятіе о народности ограничивается съ одной стороны болзнью исключительности, съ другой болзнью слѣпаго подражанія. Эта послѣдняя

боязнь, имѣвшая безспорное основаніе въ первоначальныхъ пріемахъ науки, пересаженной въ Россію изъ Западной Европы, теперь начинаетъ исчезать. Мы слышимъ безпрестанно: слѣпое подражаніе не годится, и мы готовы сочувствовать всякому противодѣйствию его крайностямъ; но всѣ ли, повторяющіе эти слова, ясно сознаютъ, что такое золотая середина, что крайности и при какихъ условіяхъ, какими средствами можно отъ нихъ уберечься? Вооружившись скребками и ножницами, подкабливая и обрѣзывая то, что покажется вамъ крайностью въ чужемъ воззрѣніи, мы не спасемъ своей умственной самостоятельности; перепечатывая чужое твореніе съ замѣномъ превосходной степени положительною тамъ, гдѣ почудится намъ признакъ излишняго увлеченія, мы только обезцвѣтимъ чужую мысль или откинемъ выводы, признавая основныя послылки. Всѣхъ этихъ механическихъ пріемовъ чуждается живой процессъ усвоенія народнымъ сознаніемъ чужой образованности. Если нужно для уясненія его прибѣгать къ сравненію, мы указали бы на разнообразныя проявленія закона химическаго сродства. Когда, при извѣстныхъ условіяхъ, какой бы то ни было элементъ приводится въ соприкосновеніе съ сложнымъ тѣломъ, онъ осаживаетъ нѣкоторыя изъ составныхъ началъ его, а другія привлекаетъ къ себѣ въ силу какого-то внутренняго сочувствія и, сочетавшись съ ними, преобразуется въ новое вещество. Но такое усвоеніе чужаго въ химическомъ процессѣ, также какъ и въ умственномъ заимствованіи, требуетъ не пустаго вмѣстилища, а совершенно самостоятельной, качественно определенной стихіи. Чѣмъ больше въ ней силы и чѣмъ она цѣльнѣе, тѣмъ неотразимѣе она притягиваетъ къ себѣ и отталкиваетъ отъ себя. И такъ этотъ выборъ, это заимствованіе, подъ условіемъ устраненія крайностей, это предварительное испытаніе чужаго, къ которому насъ приглашаютъ, требуетъ прежде всего надежнаго закала испытующей мысли въ живой струѣ народной жизни. Народность есть больше, чѣмъ объектъ для мысли, сама мысль должна получить отъ нея свое образованіе; ибо, какъ въ исторіи общечеловѣческія начала проявляются не иначе, какъ въ народ-

ной средѣ, такъ и въ области науки, мысль возводитъ эти начала въ сознаніе черезъ ту же народную среду.

Таковы понятія наши о значеніи народности въ наукѣ и объ отношеніи народнаго къ общечеловѣческому. Если намъ скажутъ, что эти понятія уже приняты всѣми безспорно, то намъ останется только радоваться, удостовѣряться, что цѣль Русской Бесѣды совпадаетъ такъ вѣрно съ господствующимъ направленіемъ общественной мысли. Это убѣжденіе вознаградило бы насъ вполнѣ за отсутствіе оригинальности, которая бы отдѣлила рѣзкою чертою наше литературное предпріятіе отъ другѣхъ современныхъ изданій. Мы не гоняемся за оригинальностью. Если всѣ за одно съ нами, тѣмъ лучше для насъ. Область Русской народности такъ обширна и богата, что излишества рукъ нѣтъ повода опасаться и, сколько бы ни явилось дѣлателей, каждый, не стѣсняя другѣхъ, найдетъ себѣ посильный урокъ. (*)

Ю. Самаринъ.

(*) Въ слѣдующихъ книжкахъ «Бесѣды» мы предполагаемъ напечатать статьи г. Кирѣевскаго: *О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи*. Тогда мнѣніе ваше о значеніи народности вообще и въ особенности Православно-Русской народности въ областяхъ науки и искусства будетъ выражено еще яснѣе и положителнѣе.

Изд.

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВО ФРАНЦІЮ

ВЪ 1668 ГОДУ.

La Russie du XVII siècle dans ses rapports avec l'Europe occidentale, etc. par le Prince Emmanuel Galitzine, Paris. 1855.

Въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія знаменитый Новиковъ, въ IV томѣ своей «Древней Вивліюэки», напечаталъ два статейныхъ списка посланника Царя Алексѣя Михайловича, стольника Петра Ивановича Потемкина, въ Испанію и Францію. Въ 1855 году князю Е. М. Голицыну вздумалось издать ихъ во Французскомъ переводѣ, съ прибавленіемъ статей о состояніи въ то время Россіи, Франціи и Испаніи и нѣкоторыхъ свѣдѣній объ этомъ посольствѣ изъ архивовъ Французскихъ. Это сочиненіе вышло въ свѣтъ уже по смерти сочинителя; г-де ла Рокетъ, извѣстный своими учеными трудами, окончилъ изданіе и составилъ краткое жизнеописаніе князя Голицына. Личность Русскаго писателя не можетъ не быть любопытною Русскимъ читателямъ; личность Русскаго писателя, постоянно писавшаго на Французскомъ языкѣ, должна быть еще любопытнѣе, потому что подобное явленіе служитъ признакомъ цѣлаго направленія общественной жизни.

Князь Е. М. Голицынъ родился въ Парижѣ въ 1804 году. Тамъ онъ провелъ свое дѣтство. При своемъ семействѣ онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1811 году, а черезъ пять лѣтъ оставилъ отечество и

возвратился въ Парижъ, гдѣ провелъ юность и получилъ воспитаніе. Ученикъ Политехнической школы, въ 1225 году онъ пріѣхалъ въ Россію и вступилъ въ военную службу, по экзамену, въ гвардію. Въ 1828 году онъ уже отличился, какъ храбрый офицеръ, и сильно былъ раненъ при взятіи Варны. Въ это время, получивъ извѣстіе о болѣзни своей матери, находившейся въ Парижѣ, онъ отправился къ ней и съ тѣхъ поръ большую часть жизни провелъ во Франціи и въ путешествіяхъ по чужимъ странамъ, и между прочимъ по Финляндіи. Одаренный замѣчательными способностями, онъ чувствовалъ призваніе къ художествамъ и литературѣ: онъ владелъ кистью живописца, писалъ стихи, былъ членомъ Географическихъ обществъ Парижскаго и Лондонскаго и содѣйствовалъ ихъ трудамъ деньгами и учеными сочиненіями. Получивъ извѣстность въ этомъ отношеніи, онъ сдѣланъ былъ и почетнымъ членомъ Русскаго Географическаго общества. Это послѣднее ученое званіе, которое онъ получилъ.

Литературныя свои занятія князь Голицынъ началъ въ 1837 году изданіемъ повѣсти: *Manteau bleu*. Она не имѣла успѣха, и весьма естественно: невозможно Русскому стать въ число, если не первоклассныхъ, то по крайней мѣрѣ замѣчательныхъ писателей Французскихъ по части изящной словесности. Такова сила всякой народности, не смотря на всевозможныя искаженія; а занять мѣсто въ низшихъ слояхъ литературныхъ дѣятелей, забываемыхъ на другой день вмѣстѣ съ театральными афишками, какъ-то совѣстно порядочному человѣку. Князю Голицыну дѣлаетъ большую честь, что онъ понималъ это съ разу и перемѣнилъ свою дѣятельность. Но что же оставалось ему предпринять? Сдѣлаться Русскимъ писателемъ онъ не могъ по самой простой причинѣ: въ слѣдствіе своего воспитанія, онъ зналъ Русскій языкъ, какъ ученые знаютъ Греческій или Латинскій. Его художественная природа привлекала къ участию въ дѣятельности въ области изящной словесности, но опытъ ему доказалъ, что это невозможно. Русскій по природѣ, Французъ по воспитанію, въ то время, когда пришлось серьезно дѣйствовать въ жизни, онъ понималъ, что онъ не Русскій и не Французъ. Проживъ вѣроятно, весьма тяжелыя минуты раздумья, онъ рѣшился знакомить Францію съ литературою Русскою. Первоначально онъ вздумалъ переводить нашихъ поэтовъ; но и это не удалось. Потомъ, какъ членъ Географическихъ обществъ Парижа и Лондона, онъ

долго сообщалъ намъ объ открытіяхъ Русскихъ, переводилъ сочиненія нашихъ путешественниковъ и наконецъ издалъ свое путешествіе по Финляндіи и, въ слѣдъ за тѣмъ, то сочиненіе, по поводу котораго мы говоримъ. Нужно ли говорить, что странное желаніе познать Западную Европу съ Россіею, обратить на насъ ея благосклонное вниманіе было нѣкогда однимъ изъ замѣчательныхъ явленій въ нашей жизни и зависѣло отъ особаго направленія, которое долгое время господствовало у насъ въ умственной и общественной жизни образованныхъ слоевъ нашего общества. Разумѣемъ то поражающее направленіе, которое, гонимая за вѣншимъ успѣхомъ образованности, далеко отодвинуло Россію отъ настоящаго успѣха въ мысли и жизни. Впрочемъ несостоятельность этого направленія, кажется, признана уже всѣми, и потому, оставивъ его въ сторонѣ, обратимся къ разсматриваемому нами сочиненію.

Для того, чтобы познакомить Францію съ Русскою исторіею, нужно ли было однакоже переводить вполнѣ оба статейные списка Потемкина, что представляло, по признанію самого автора, значительныя для него трудности, вѣроятно потому, что древній Русскій языкъ не былъ ему довольно знакомъ? Впрочемъ, сочинителю ничего другаго не оставалось дѣлать, ибо содержаніе статейнаго списка Потемкина со всѣми подробностями было давно извѣстно Французамъ изъ сочиненія Левека — *sur les anciennes relations entre la France et la Russie* (*), — о которомъ онъ вовсе не упоминаетъ. И такъ переводы статейныхъ списковъ могутъ быть любопытными вовсе не для Русскихъ читателей, которые давно знакомы съ ними въ подлинникахъ. Еще менѣе любопытенъ взглядъ на состояніе Россіи того времени, составленный по статьямъ о чинахъ и приказахъ въ древней Россіи, помѣщенныхъ въ Вивлиоикѣ Новикова, и отчасти по извѣстному сочиненію Котошихина, безъ всякихъ критическихъ изслѣдованій. Но полной благодарности заслуживаетъ сочинитель за изданіе современнаго Французскаго сказанія о нашемъ посольствѣ и за нѣкоторые замѣчанія, любопытныя для объясненія статейнаго списка Потемкина, въ статьяхъ о современномъ этому посольству состояніи Франціи и Испаніи. Но и въ этомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что онъ не обратилъ должнаго вниманія на источники.

(*) Mémoires de l'Institut. Tom. II pag. 72.

Онъ напечаталъ почти *вполнѣ*, какъ онъ говоритъ, журналъ г. Сенто. (de Saintot) Но въ Императорской Парижской библіотекѣ находятся рукописи: Journal de Catheux, concernant les Moscovites arrivés en France en l'année 1668. Другая рукопись такого же содержания хранится въ библіотекѣ Арсенала (№ 222); она принадлежала Сентъ Лорану (M. de Saint Lorent), который находился при герцогѣ Орлеанскомъ въ то время, когда наше посольство посѣтило Парижъ.

Составляютъ ли эти рукописи простые списки одного и того же сказанія, или въ нихъ есть нѣкоторыя различія: этотъ любопытный для насъ вопросъ мы можемъ рѣшить только приблизительно, ибо князь Голицынъ вовсе и не упоминаетъ о существованіи этихъ рукописей. Онъ говоритъ даже, что посольство Потемкина было первымъ Русскимъ посольствомъ во Францію; между тѣмъ какъ въ Парижской же Императорской библіотекѣ находится современное сказаніе о Русскомъ посольствѣ въ 1654 году во Францію. Въ дополненіе къ дневнику Сенто, князь Голицынъ перепечатываетъ изъ современныхъ Французскихъ газетъ весьма любопытныя извѣстія о посольствѣ Потемкина, между тѣмъ какъ въ одной изъ этихъ газетъ, gazette rimée, есть извѣстіе и о посольствѣ 1654 года. Нельзя не пожалѣть, что князь Голицынъ не собралъ всѣхъ этихъ источниковъ и не помѣстилъ ихъ въ своемъ изданіи. Впрочемъ дневникъ Сенто такъ подробенъ, что другіе вѣроятно немного прибавили бы новаго.

Сенто былъ оберъ-церемоніймейстеромъ при дворѣ Людовика XIV и видѣлъ нашихъ посланниковъ только въ Парижѣ. Между тѣмъ его дневникъ начинается съ того времени, какъ пріѣхалъ въ Бордо г. Катё, назначенный Королемъ въ качествѣ постоянного пристава при нашемъ посольствѣ и сопровождавшій его изъ Бордо до Парижа, тамъ находившійся при немъ постоянно и потомъ проводившій его до Кале. Извѣстіемъ объ отбытіи нашего посольства изъ Кале въ Амстердамъ оканчивается дневникъ Сенто. Очевидно, это долженъ быть простой списокъ съ дневника Катё, который въ подлинникѣ хранится въ Императорской Парижской библіотекѣ. Что касается до рукописи Арсенала, то мы знаемъ положительно, что она различается отъ изданнаго княземъ Голицынымъ дневника Сенто только тѣмъ, что въ ней находится на Латинскомъ языкѣ проѣзжая гра-

мота нашихъ посланниковъ (*). И такъ нельзя не поблагодарить и намъ Русскимъ князя Голицына за изданіе этого дневника. Извѣстія о нашемъ посольствѣ изъ Французскихъ газетъ того времени также любопытны, но особенно извѣстія стихотворной газеты, *gazette rimée*.

Эти новые источники даютъ возможность составить довольно отчетливое представленіе о пребываніи и дѣйствіяхъ нашего посольства во Франціи. Что касается до его пребыванія въ Испаніи, то въ этомъ отношеніи князь Голицынъ ограничился только переводомъ статейнаго списка Потемкина и не представилъ никакихъ новыхъ свѣдѣній, которыя, вѣроятно, можно бы отыскать въ архивахъ Испанскихъ. Поэтому, оставивъ въ сторонѣ Испанію, мы обратимъ вниманіе на пребываніе Потемкина во Франціи.

Дипломатическія сношенія Московскаго Двора съ Французскимъ начались гораздо прежде 1668 года. Съ одной стороны постоянныя борьбы и переговоры съ Польшею подали поводъ къ этимъ сношеніямъ, съ другой желаніе Франціи заключить торговый союзъ съ Россіею. Въ 1518 году, во время войны съ Сигизмундомъ, Василій Іоанновичъ заключилъ союзъ съ Магистромъ Нѣмецкаго ордена Альбрехтомъ. Заключая союзъ съ Россіею, Альбрехтъ Бранденбургскій опасался Франціи и потому просилъ Василья Іоанновича написать къ Французскому Королю, предлагая оказать покровительство своему союзнику. Былъ ли отвѣтъ на двѣ грамоты, такого содержанія, отправленныхъ не прямо, но чрезъ Бранденбургскихъ пословъ, неизвѣстно. Въ прямые сношенія съ Франціею Московскій дворъ вступилъ только съ избранія на царство Михаила Осодоровича. Съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ онъ отправилъ къ Людовику XIII въ 1615 году Ивана Гавриловича Кондырева и подъячаго Невѣрова. Они привезли грамоту отъ Французскаго Короля, въ которой Русскій Царь названъ Императоромъ (*Empereur des Russes*). Но потомъ прошло 14 лѣтъ безъ всякихъ сношеній съ Франціею, и только въ

(*) L'Atheum français. 1855 № 40. Статья Варнера.

1629 году явился въ Москву посланникъ Людовика XIII, названный въ нашихъ посольскихъ дѣлахъ Лювикъ де Гансъ, баронъ Курмаменскій (des Hayes Courmatin). Король Французскій поручилъ ему заключить торговый договоръ съ Россіею. Въ переговорахъ съ боярами онъ требовалъ, чтобы дозволено было Французскимъ купцамъ свободно торговать въ Россіи и ѣздить въ Персію, учредить въ Москвѣ постоянного консула, дозволить свободное отправленіе обрядовъ Латинской церкви пасторами и лезуитами. Ни одно изъ этихъ предложеній не было принято, хотя онъ съ своей стороны предлагалъ право свободной торговли для Русскихъ купцевъ во Франціи и обѣщалъ, что всякіе товары, которые понадобятся бы Царю, будутъ немедленно доставляться изъ Франціи. Неумѣренность требованій посланника конечно была одною изъ причинъ безуспѣшности переговоровъ. Бояре Московскіе предоставляли право Французскимъ купцамъ привозить свои товары въ Россію, но съ уплатою въ казну узаконенныхъ помынь, на что, казалось бы, могъ согласиться посланникъ, какъ согласились другіе иностранцы. Но въ это время большими правами торговли пользовалась у насъ Англійская компанія, которая постоянно стремилась забрать всю торговлю Россіи въ свои руки и всѣми способами старалась отклонить Московское правительство отъ торговыхъ сношеній со всѣми другими державами. Вѣроятно происки этой компаніи послужили тоже одною изъ причинъ неудачи въ переговорахъ нашихъ о торговлѣ съ Франціею. Съ первыхъ временъ основанія въ Лондонѣ компаніи для торговли съ Россіею и до изгнанія Англійскихъ купцевъ изъ Россіи, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1649 году, Московскому правительству постоянно представлялся къ разрѣшенію одинъ вопросъ: слѣдуетъ ли однимъ Англичанамъ предоставить право исключительной торговли, чего они постоянно домогались, или предоставить право торговли по общимъ условіямъ всѣмъ державамъ иностраннымъ, что также постоянно предлагали Голландцы? Вредъ монополіи Англійской компаніи давно былъ извѣстенъ Московскому правительству; Посольскій приказъ постоянно

стремился къ тому, чтобы ограничить ея права, случайно дарованныя Іоанномъ IV, въ слѣдствіе извѣстныхъ его отношеній къ Англіи. Но права были дарованы, распространены Годуновымъ и утверждены Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, когда опасались уничтожить привилегіи Англичанъ, чтобы не присоединить новыхъ враговъ къ числу тѣхъ, которые со всѣхъ сторонъ еще угрожали Россіи. Но при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда «многая неправда» Англійскихъ купцевъ въ Россіи перевысила мѣру долготерпѣнія, Московское правительство изгнало ихъ изъ Россіи за то особенно, что надъ Королемъ Карломъ «они всею землею учинили большое злое дѣло.» Съ тѣхъ поръ дозволено было всѣмъ иностранцамъ пріѣзжать въ Архангельскъ продавать тамъ свои товары Русскимъ купцамъ, а отъ нихъ покупать Русскіе, платя какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ опредѣленные пошлины. Само правительство Московское начало заботиться о заключеніи торговыхъ договоровъ съ государствами Европейскими. Съ этою цѣлію стольникъ Потемкинъ и дьякъ Румянцевъ въ 1667 году отправлены были посланниками во Францію и Испанію.

До этого посольства при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были сношенія съ Франціею, но по дѣламъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, или по отношеніямъ нашимъ къ Польшѣ, въ которыхъ Французскіе Короли такъ-же, какъ и Римскіе Императоры, принимали иногда участіе и желали помирить враждовавшія государства. Такъ въ 1634 году Царь посылалъ Ивана Англера во Францію объявить о заключеніи мира съ Польшею, а въ 1654 году жильца Мачехина съ извѣстіемъ о началіи войны противъ Короля Казимира. Но это были простые гонцы: Потемкинъ и Румянцевъ отправлялись въ качествѣ посланниковъ, при нихъ находились два переводчика, священники и свита, состоявшая изъ 30 человекъ подъячихъ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцевъ. При Потемкинѣ находился и сынъ его. Августа 25 они выѣхали изъ Архангельска на корабль, который шелъ въ Италію съ икрою, и послѣ труднаго плаванія, подошли 4 декабря къ Кадиксу. Исполнивъ свое порученіе въ Испаніи, іюня 27, 1668 года, наше посольство прибыло

къ Французскимъ границамъ. Изъ городка Ируна (Irún) Потемкинъ отправилъ въ Байону подъячаго и переводчика «къ державцу» этого города, доложить о прибытіи Царскаго посольства. Начальникомъ всего Піемонта и Байоны былъ въ это время маршалъ герцога Грамонъ, одинъ изъ замѣчательныхъ полководцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и самыхъ любезныхъ людей при дворѣ Людовика XIV. Онъ въ это время находился въ Парижѣ. Комендантъ города (*gouverneur de la ville et château de Bayonne*), маркизъ де Сентъ-Пе, принявъ Русскаго подъячаго, но однакоже не рѣшился принять самого посланника и отвѣчалъ Потемкину, что онъ немедленно напишетъ въ Парижъ къ герцогу Грамону и отъ него будетъ ждать разрѣшенія насчетъ пріема Русскаго посольства. Вѣроятно въ первый разъ имя Русское услышано было на границахъ Франціи съ Испаніею. Посланникъ просилъ корма и подводъ до Парижа, но маркизъ де Сентъ-Пе сказалъ, что въ Байонѣ много гостиницъ, въ которыхъ посольство можетъ помѣститься, если ждетъ, на свой счетъ; а онъ безъ Королевскаго приказанія не можетъ имъ дать ни содержанія, ни подводъ. На вопросъ подъячаго, можно ли впослѣдствіи надѣяться получить вознагражденіе за эти издержки, маркизъ отвѣчалъ уклончиво: посольствамъ другихъ государствъ, говорилъ онъ, подобныхъ вознагражденій никогда не дѣлается; онъ на свой счетъ содержать себя и свою свиту и переѣзжаютъ изъ города въ городъ; что же касается до Русскаго посольства, то онъ не знаетъ, какъ угодно будетъ предписать Королю. Указа отъ Короля онъ ожидалъ не ближе, какъ черезъ четыре, и даже пять недѣль, ибо отъ Байоны до Парижа онъ считалъ 900 верстъ; а въ то время не было ускоренныхъ сообщеній.

Отвѣтъ маркиза привелъ въ отчаяніе Русскаго посланника. Вѣрный слуга Царя, онъ желалъ, какъ можно скорѣе исполнить свое порученіе, и въ тоже время опасался зазимовать на чужой сторонѣ, «чтобы въ конецъ всѣхъ людей государевыхъ не переморить.» Разстояніе отъ Москвы до Мадрита и Парижа въ то время не было извѣстно и на проѣздъ издержки не могли быть разочтены съ

достоверностию; нравы и обычаи Россіи и Франціи далеко не походили одни на другіе. Въ Россіи посланники иныхъ государствъ, какъ гости, путешествовали и жили на счетъ правительства до тѣхъ поръ, пока они были въ Русской землѣ; во Франціи, какъ объявилъ и маркизь де Сентъ-Пе, былъ другой обычай. Многочисленная свита посланника, значительное количество пожитковъ и даровъ требовали большихъ издержекъ на содержаніе и перевозъ. Потемкинъ, какъ Русскій посланникъ того времени, привыкшій къ тому, чтобы его встрѣчали съ должною честью, давали подводы и помѣщеніе даромъ, поспѣшилъ однакоже на свой собственный счетъ переѣхать въ Байону, опасаясь вѣроятно недостатка въ деньгахъ и особенно промедлить долгое время на чужой сторонѣ. Маркизь де Сентъ-Пе не сдѣлалъ никакого препятствія для переѣзда посланника изъ Испаніи въ предѣлы Франціи. Юня 2 Русское посольство пріѣхало въ Байону и поселилось въ гостиницѣ, которыя въ это время во Франціи были уже гораздо лучше и удобнѣе устроены, нежели во всѣхъ другихъ государствахъ Европейскихъ. На другой день хозяинъ гостиницы прислалъ спросить посланниковъ, въ которомъ часу имъ угодно будетъ обѣдать; это обстоятельство вѣроятно особенно поразило нашихъ посланниковъ, потому что они сочли необходимымъ упомянуть о немъ въ своемъ отчетѣ правительству. Наблюдая однакоже обычай родины, послы отвѣчали, что завтра постъ (Петровскій), и ихъ собственные повара приготовить имъ все, что необходимо къ столу. Но Французъ отвѣчалъ: у насъ такой обычай: гдѣ останавливаются, тамъ и кушаютъ; а на вопросъ, что будетъ стоять обѣдъ и изъ какихъ блюдъ онъ будетъ состоять, онъ отвѣчалъ: что будетъ угодно посланникамъ, все приготовимъ и лишняго не возьмемъ. На другой день *только изъ 9-ти рыбныхъ* блюдъ состоялъ обѣдъ и стоитъ 50 ефимковъ! Посланникъ снова пришелъ въ ужасъ,—какъ видно, цѣна не соответствовала Русской. Онъ отправилъ нарочнаго къ маркизу де Сентъ-Пе пригласить его для совѣщанія. Маркизь съ своей стороны немедленно пришелъ къ посланнику и обѣщалъ свое содѣйствіе для найма лошадей, если они рѣшатся ѣхать въ Бордо.

На другой день онъ прислалъ къ намъ полковника Корнеля объявить, что въ Байонѣ находятся два сборщика таможенныхъ податей, которымъ посланники обязаны дать списокъ всему своему имуществу и заплатить за него пошлины. Такое предложеніе удивило Потемкина; въ Россіи посланники иностранныхъ державъ никогда не платили таможенныхъ пошлинъ съ посольской рухляди и даровъ. Равно и наши посланники во всѣхъ другихъ государствахъ избавлялись отъ такой платы. На объясненія посланника, что съ нимъ нѣтъ ни торговыхъ людей, ни товаровъ, а брать пошлины съ посольской рухляди и даровъ нѣтъ обычая ни въ одномъ государствѣ, маркизъ де Сентъ-Пе поручилъ отвѣчать, что одного изъ сборщиковъ податей въ пользу королевства онъ можетъ уговорить не брать съ нихъ пошлинъ, но другой собираетъ пошлины въ пользу герцога Грамона и ему неподвластенъ. Онъ совѣтовалъ имъ покориться необходимости, говоря однакоже, что онъ увѣренъ, когда они пріѣдутъ въ Парижъ, Король непременно прикажетъ возвратить имъ эти деньги. Долго отговаривались посланники, считая такой поступокъ оскорбительнымъ для чести государства но, опасаясь промедлить въ Байонѣ, рѣшились составить списокъ своего имущества и по немъ заплатить пошлины; осматривать же самыя вещи рѣшительно допустить не хотѣли. Маркизъ говорилъ, «что онъ всякаго добра посланникамъ радѣтъ радѣ»—какъ передастъ его слова статейный списокъ Потемкина;—«но чтобъ имъ было вѣдомо, каковъ во Французскомъ государствѣ чинъ, и чтобъ вамъ нигдѣ никакого задержанья и мѣшкоты не было, въ государствѣ ихъ такой извычай: со всякихъ чиновъ людей и съ пословъ пошлину емлютъ, потому что откупаютъ пошлину у Короля и великородныхъ его людей и многія тысячи даютъ откупщики. И еслибъ и Королевское Величество шелъ мимо тѣхъ городовъ, гдѣ откупщики пошлину емлютъ, и они бъ съ самого Короля взяли пошлину, потому что въ ихъ государствѣ такое право положено. Бургомистры городскіе, посѣщавшіе нашихъ посланниковъ, повторили имъ тоже самое и просили на начальника города не «покручиниться, въ государствѣ ихъ люди вольные.»

Наконецъ явился къ посланнику королевскій сборщикъ податей и учтиво объявилъ, что пошлинъ съ нихъ не возьметъ; но въ слѣдъ за нимъ пришелъ и другой, собиравшій пошлины для герцога Грамона, и замѣтивъ у посланниковъ иконы въ дорогихъ окладахъ, сказалъ, что не только возьметъ пошлины съ посольскаго платья и рухляди, но даже и съ иконъ, потому что на нихъ серебряные оклады съ камнями и жемчугомъ. Эта выходка возбудила все негодованіе Потемкина: «Врагъ креста святаго, воскликнулъ онъ, какъ ты не утрашился такъ говорить, что съ образа Содѣтеля нашего и Господа Иисуса Христа Сына Божія и Пречистыя Его Матери Пресвятыя Богородицы, что на тѣхъ святыхъ и честныхъ иконахъ утварь устроена по нашей благочестивой христіанской вѣрѣ, и ты и съ того хочешь пошлину, скверный песъ, взять! Не только было тебѣ съ тѣхъ пречистыхъ и святыхъ иконъ пошлины имать, и съ посольскаго нашего платья и рухляди ни коими мѣрами имать было немочно, потому: посланы мы отъ Великаго Государя нашего, отъ его Царскаго Величества, къ Великому Государю вашему, къ Его Королевскому Величеству, для великихъ ихъ государскихъ дѣлъ и для братскіе дружбы и любви; а купецкихъ людей и товаровъ никакихъ съ нами нѣтъ. Для того и пошлинъ имать тебѣ съ насъ было не мочно; а видя твое безстыдство и нравъ звѣрской, какъ псу гладному, или волку несыту, нмушу гортань восхищати отъ пастырей овцы, такъ тебѣ бросаемъ золото, какъ прахъ!» Окончивъ эту рѣчь, которую конечно Французъ и не понялъ и вѣроятно переводчикъ не передалъ во всей силѣ, Потемкинъ бросилъ ему «сто золотыхъ двойныхъ на землю.»

Послѣ уплаты податей уже не было причинъ медлить долѣе въ Байонѣ и посольство выѣхало оттуда на другой же день, 10 іюля, на наемныхъ лошадяхъ. Съ надлежащею честію проводили ихъ изъ города; на плотахъ переправившись черезъ Адуръ, они верхами продолжали путь въ Бордо, куда и прибыли черезъ четыре дня. Приближался къ городу, Потемкинъ, по обычаю посольскому, отправилъ напередъ подъячаго съ переводчикомъ, объявить гра-

дона начальнику о прибытіи посольства. Маркизь de Saint-Luc, намѣстникъ королевскій въ Гасконіи, объявилъ подъ-ячему, что онъ готовъ принять посольство. Не имѣя однакоже королевскаго приказанія, онъ не можетъ имъ отвести помѣщенія, и предлагалъ нанять. Съ бургомистромъ подъячій осмотрѣлъ гостинницы и привезъ извѣстіе посланнику, что просятъ за постой по 50 ефимковъ въ сутки. По обычаемъ посольскимъ, Потемкинъ ожидалъ встрѣчи, помѣщенія и корма. Но очевидно, не получивъ еще королевскаго предписанія, намѣстникъ не могъ исполнить его ожиданій. Эта ли причина, или быть можетъ дороганъ цѣна за постой, заставили посланника остановиться за двѣ мили отъ города и тамъ ожидать, пока маркизь de Saint-Luc получитъ предписанія о приѣмѣ посольства изъ Парижа. У села Градиньяна Потемкинъ велѣлъ разбить палатки и поселился въ нихъ со всею свитою въ чистомъ полѣ; только его персидская шелковая палатка поставлена была въ саду. Конечно, невиданное зрѣлище представляла стоянка Русскаго посольства, и любопытные зрители стекались не только изъ Бордо, но и другихъ окрестныхъ мѣстъ.

Путешествуя по Россіи, не только во времена Царя Алексѣя Михайловича, но и гораздо позднѣе, нужно было возить съ собою палатки; но во Франціи во время Людовика XIV народонаселеніе уже было такъ значительно, въ Южной Франціи считалось такъ много селъ и городовъ, что стоянка въ палаткахъ, по всей вѣроятности, была дѣломъ невиданнымъ, особенно въ двухъ миляхъ отъ большаго города. Французъ, описавшій пребываніе нашего посольства, счелъ нужнымъ замѣтить, что посланникъ ловсюду возить съ собою палатки.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ къ Потемкину г. Mounier, котораго нашъ посланникъ называетъ капитаномъ Королевской гвардіи, а Французскій переводчикъ его статейнаго списка однимъ изъ владѣльцевъ Грандиньяна, — и просилъ переѣхать въ его домъ до полученія Королевскаго предписанія. Но и тамъ его осаждали зрители, такъ что намѣстникъ Бордоскій, узнавъ объ этомъ, прислалъ къ нему десять человѣкъ стражи «для обереганья».

Между тѣмъ какъ только остановился Потемкинъ у Грандиньяна, такъ немедленно отправилъ къ намѣстнику объявить, что онъ не рѣшается вѣхатъ въ Бордо, потому что маркизь де Сентъ-Люкъ не получилъ предписанія о приѣмѣ посольства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ его просить, чтобы онъ съ своей стороны извѣстилъ Короля о прибытіи посольства. Не долго спустя, намѣстникъ извѣстилъ Потемкина, что онъ уже писалъ въ Парижъ о его прибытіи, и лишь только получить отвѣтъ, немедленно его уведомить. Дѣйствительно, въ концѣ іюля уже пріѣхалъ изъ Парижа Sieur Catheux, приставъ Катуй — такъ называется его нашъ посланникъ — съ предписаніемъ встрѣтить посольство и проводить его въ Парижъ на счетъ Королевства. Августа 31 онъ уже привѣтствовалъ Потемкина въ домѣ Мунье. Отвѣтивъ на привѣтствіе Катѣ обычными словами, посланникъ посадилъ его подлѣ себя, сдѣлалъ знакъ, чтобы его сынъ и дѣякъ тоже сѣли, велѣлъ принести стулья для Мунье и его жены, въ присутствіи которыхъ онъ принималъ пристава. Въ продолженіе разговора Катѣ далъ замѣтить посланнику, что Его Королевское Величество не совѣмъ доволенъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ прежде въ Испанію, тогда какъ Французскіе Короли имѣютъ первенство передъ Испанскими. Посланникъ отвѣчалъ, что это сдѣлалось случайно: бури занесли ихъ корабль къ берегамъ Португалліи. Политическія отношенія Франціи и Испаніи въ это время объясняютъ замѣчаніе пристава, которое впрочемъ не имѣло никакого вліянія на хорошій приѣмъ нашего посольства въ Парижѣ.

Для торжественнаго вѣзла посланниковъ въ Бордо маркизь де Сентъ-Люкъ прислалъ семь каретъ, нѣсколько телѣгъ для поклажи и верховыхъ лошадей для ихъ свиты. Посланниковъ приняли со всѣми возможными почестями, проводили въ особо для нихъ отведенный домъ, угощали обѣдами изъ постныхъ, по ихъ желанію, блюдъ; ибо въ это время былъ Успенскій постъ. Самъ намѣстникъ хотѣлъ пріѣхать къ нимъ первый, но желалъ однакоже знать, пріѣдутъ ли они къ нему послѣ. Свято храня посольскіе обычаи того времени, Потемкинъ благодарилъ намѣстника

за его желаніе, но отвѣчалъ, что пріѣхать къ нему не можетъ, потому что первый его пріѣздъ долженъ быть къ государю той страны, куда онъ прибылъ посланникомъ. Вопросъ о титулахъ въ это время составлялъ одинъ изъ самыхъ важныхъ и потому посланникъ строго наблюдалъ, чтобы Русскаго Государя именовали, по чести и достоинству. Когда городское начальство Бордо прислало къ нимъ депутацію поздравить съ пріѣздомъ и поднести дары, вино, водку, плоды и конфекты, и въ рѣчи называли Царя Великимъ Княземъ (*grand Duc*), посланникъ сей часъ остановилъ ихъ и заставилъ сказать *caesarea majestas*. Соблюдая всѣ посольскіе обычаи, посланникъ и дьякъ, какъ кажется, ссорились между собою и это замѣтили окружавшіе ихъ Французы. Они были собственно товарищами и дьякъ не подчинялся посланнику, который однакоже долженъ былъ первенствовать во всѣхъ посольскихъ церемоніяхъ. Румянцевъ, кажется, обижался этимъ, хотя и не имѣлъ никакого права. Онъ однажды только обѣдалъ за однимъ столомъ съ Потемкинымъ, но постоянно отдѣльно, опасаясь занимать не первое мѣсто.

На судахъ по рѣкѣ Гароннѣ выѣхало посольство изъ Бордо 3 Августа (*). Сильный вѣтеръ задержалъ ихъ плаваніе и только въ полночь того же дня они прибыли въ Блей (*Blaye*). Оттуда же уже въ каретахъ и верхами продолжали путь чрезъ Пуатье, Блуа, Орлеанъ и 18 прибыли, за двѣ мили отъ Парижа, въ *Bourg la Reine*, гдѣ остановились въ ожиданіи встрѣчи.

Во всѣхъ городахъ, чрезъ которые проѣзжало посольство, его принимали съ почестями; горожане являлись съ привѣтомъ и дарами. Въ Амбруазѣ (а по журналу Сенто въ

(*) Вотъ списокъ городовъ, чрезъ которые они проѣзжали, по статейному списку Потемкина и по дневнику Сенто: 3-го Августа въ Блей (13 нов. ст.); 5-го ночевали въ *Petit — Niord*; 6-го въ *Pons* — городъ Атумъ; 7-го въ *Equoux — Дэйкіусъ*; 8-го въ *Saint Léger-Mesle* — мѣстечко Аинстленеперъ — Местъ-Блей; 9-го Луиньявъ; 10-го въ *Poitiers*, городъ Патія; 11-го *Moulton — Метль*; 12-го *Ambroise — Айбусъ*; 13-го *Blois — Дублюе*; 14-го *Saint-Laurent — Лорансъ*; 15-го Орлеанъ — Арліансъ; 16-го Тору — Тура; 17-го *Chatre — Атамъ*; 18-го *Bourg la Reine*, мѣстечко Кролево.

Блуа) городскіе депутаты, поздравивъ посланника съ прїѣздомъ, спросили: можетъ ли его переводчикъ говорить по Французски? Онъ умѣетъ по Латынѣ въ достатокъ, и по Цесарски, и по Голландски, и по Тальянски, а по Французски перевести совершенно не умѣетъ, потому что во Французской землѣ по се время онъ не бывалъ.» Иванъ Госенцъ, служившій переводчикомъ при посольствѣ, какъ замѣчаетъ Сенто, и по Латынѣ говорилъ « не въ достатокъ », а очень худо; другой же переводчикъ, Томасъ Еглинъ, только и зналъ по Нѣмецки. У насъ въ городѣ, замѣтили депутаты, живетъ Полякъ Урбановскій, домниканецъ, который знаетъ Латинскій, Французскій, Польскій и даже Русскій языки. Потемкинъ, вѣроятно и самъ замѣчая неудобство въ переговорахъ при своемъ переводчикѣ, объявилъ желаніе видѣть Урбановскаго, который и пришелъ къ нему немедленно. Оказалось, что онъ былъ выходецъ изъ Польши, дѣйствительно хорошо зналъ не только Французскій языкъ, но даже и Русскій, и сверхъ того зналъ посланника еще въ Польшѣ. Во время войны Царя Алексѣя Михайловича съ Поляками за Малороссію, въ 1655 году, въ полкахъ боярина, дворецкаго и воеводы Василья Васильевича Бутурлина служилъ и стольникъ Потемкинъ, и по его распоряженію съ отдѣльнымъ отрядомъ взялъ Люблинъ. Тамъ находился въ это время и Урбановскій, и, какъ рассказываетъ Сенто, Потемкинъ спасъ ему жизнь. Оставивъ Польшу, «онъ былъ во многихъ земляхъ и теперь живетъ во Французской для науки». Въ знакъ благодарности онъ предложилъ свои услуги посланнику, который и взялъ его съ собой въ Парижъ, какъ переводчика. Какъ видно, онъ дѣйствительно былъ человѣкъ образованный и хорошо исполнилъ свою обязанность (*).

(*) Стихотворная газета, говоря о присутствіи нашихъ пословъ въ театрѣ Мольера, замѣчаетъ.

Ayans deux fort bons interprètes
 Versez aux Langues, et Languètes,
 Qui leur firent entendre tout

Въ тотъ же день, какъ прибыло посольство въ мѣстечко Королевы, прибылъ съ привѣтствіемъ отъ Короля г. де Берлизъ (Sieur de Berlise introducteur des ambassadeurs), котораго Потемкинъ просилъ «бить челомъ Королевской милости, что прислалъ спросить ихъ о здоровьѣ,» и объявилъ, что они «ѣхали отъ города Бурдоя и до сехъ мѣстъ во всякомъ покоѣ и провожалъ ихъ приставъ Катуй со всякою честью.» Но когда Берлизъ попросилъ у него списка съ грамоты, которую онъ везетъ къ Королю, чтобы знать напередъ о предметѣ ихъ посольства, то посланникъ обидѣлся: въ его гдазахъ это было одно изъ важныхъ нарушеній посольскихъ обычаевъ. Намъ поручено Государемъ нашимъ отправить посольство Королевскому Величеству и лично подать ему грамоту. «А если прежь послать съ тобою грамоту, не выдавъ Королевскаго Величества очей, то и посольство наше будетъ не въ посольство: изъ здѣшняго мѣста будетъ и отправлено, а къ Королевскому Величеству и ѣхать будетъ не зачѣмъ.» Послѣ многихъ переговоровъ Потемкинъ показалъ ему свою проѣзжую грамоту, которую увидавъ—пишетъ онъ въ своемъ статейномъ спискѣ,—Берлизъ безмѣрно обрадовался. Весьма понятно, что Французскому правительству хотѣлось знать, что за посольство и съ какою цѣлю ѣдетъ въ Парижъ. Кромѣ словеснаго извѣщенія, объявленнаго самимъ Потемкинымъ, оно не имѣло никакихъ о немъ свѣдѣній, а между тѣмъ оно стоило ему столькихъ издержекъ. Не смотря на то, посланнику оказывались всѣ возможныя почести. Король поручилъ маршалу де Бельфону, одному изъ важныхъ лицъ при дворѣ, встрѣтить его и привезти въ Парижъ. Выѣстѣ съ Берлизомъ маршалъ прѣхалъ къ Потемкину, который, узнавъ, что онъ «ближній Королевскаго Величества человекъ и честный», поручилъ

Du commencement jusqu'au bout,
 Dont l'un qui sçait, entre'outre chose,
 La belle Rime et belle Prose,
 A Nom terminant en-io,
 C'est A Sansto Aegidio!

встрѣтить его переводчику и подъячимъ у кареты, толмачу на крыльцѣ, дворянамъ передъ палатою, въ сѣняхъ дѣяку Румянцеву, а самъ встрѣтилъ его при входѣ въ палату у дверей. Немедленно все посольство отправилось въ Парижъ, гдѣ былъ отведенъ для него особенный домъ, назначенный для приѣма чрезвычайныхъ пословъ (*Hôtel des Ambassadeurs extra-ordinaires*). Августа 22 Берлиэъ объявилъ Потѣмкину, что Король назначилъ имъ приемъ чрезъ три дня въ Сентъ-Жерменъ.

По смерти кардинала Мазарина Людовикъ XIV началъ украшать Парижъ новыми зданіями. Дворцы прежнихъ королей Французскихъ уже не соответствовали вновь введенной при дворѣ роскоши. Въ Версалѣ все было выстроено вновь; Сентъ-Жерменъ только что увеличенъ и отдѣланъ; начато было строеніе дома Инвалидовъ. Перестраивались Лувръ и Тюльери и еще не были окончены въ то время, какъ прибыло наше посольство. Поэтому Король и весь дворъ находились въ Сентъ-Жерменѣ. Берлиэъ говорилъ Потемкину, что по приѣздѣ въ Сентъ-Жерменъ имъ будетъ приготовленъ обѣдъ, и послѣ обѣда ихъ приметъ Король. Онъ такъ распорядился потому, говорилъ приставъ, что, проѣхавъ четыре мили, вѣроятно вамъ будетъ утомительно немедленно идти на торжественный приемъ. Хотя Потемкинъ понималъ снисходительную любезность Людовика XIV и поручилъ Берлизу благодарить за то, — «что онъ такъ милостиво о ихъ здоровьѣ разсуждаетъ»; однакоже объявилъ рѣшительную невозможность исполнить его предложеніе. Послѣ обѣда явиться къ Королю, послѣ обѣда представить ему Царскую грамоту! Эта мысль не могла найтись мѣста въ головѣ Русскаго посланника XVII вѣка: онъ видѣлъ въ ней и нарушеніе достоинства верховной власти, и несогласіе съ посольскими обычаями, которые привыкъ исполнять буквально. Кенечно Людовикъ XIV понималъ лестную и для него причину отказа Потемкина и согласился исполнить его желаніе.

Августа 25 маршалъ Бельфонъ явился съ придворными каретами и верховыми лошадьми для посольской свиты, и все посольство отправилось въ Сентъ-Жерменъ. Отъ сама-

го въѣзда и до дворца стояла Французская и Швейцарская гвардія подъ ружьемъ. При звукѣ барабановъ поѣздъ приблизился къ дворцу. Посланника приняли въ комнатахъ графа Люда (comte de Lude), первого камергера и губернатора Сеуть-Жермена. Надо было пройти второй дворъ (cour des cuisines), чтобы выйти на дворцовый. Итти пѣшкомъ во дворецъ нашъ посланникъ считалъ оскорбительнымъ и неприличнымъ его званію и потому послалъ вновь за каретами. Въ одной изъ нихъ сидѣлъ Потемкинъ съ сыномъ, въ другой дѣлякъ; впереди шла посольская свита, неся подарки и Царскую грамоту, завернутую въ красную тафту. При въѣздѣ на дворцовый дворъ, посланника встрѣтили Sieur de Rhodes и Сенто, оберъ-церемоніймейстеръ, а при входѣ во дворецъ, маркизь де Жанръ (de Genres), капитанъ гвардейскаго корпуса, который въ это время стоялъ въ парадѣ вокругъ всего двора и по лѣстницѣ. При звукахъ трубъ подвигалось посольство къ пріемной залѣ. Тамъ на возвышеніи изъ четырехъ ступеней былъ поставленъ тронъ, на которомъ сидѣлъ Король въ шляпѣ, по правую его сторону стоялъ дофинъ, которому въ это время было только 7 лѣтъ, а по лѣвую герцогъ Орлеанскій, оба съ открытыми головами. Королева находилась въ залѣ incognito съ многими дамами. Лишь только посланники приблизились къ трону и поклонились низко, Король всталъ, снялъ шляпу, что онъ дѣлалъ всякій разъ, какъ только слышалъ титулъ или Царское имя, произносимыя посланниками въ ихъ рѣчахъ. По обычаямъ посольскимъ, онъ спрашивалъ о здоровьѣ Царя, принималъ дары и грамоту «съ великимъ учтивствомъ», снявъ шляпу и съ руки рукавицу и держалъ въ рукахъ своихъ во все посольство», какъ пишетъ Потемкинъ. Король поручалъ благодарить Государя за извѣстіе о заключенномъ имъ мирѣ съ Польшею и желаніе быть въ дружескихъ сношеніяхъ съ Франціею. Переговоры о дѣлахъ съ посланниками Король хотѣлъ назначить въ Парижѣ. По обычаямъ Московскимъ, въ тотъ день, когда назначались переговоры, послы и посланники должны были предстать Государю и вести переговоры въ самомъ дворцѣ.

Свято соблюдая предписанія своего наказа, посланникъ изъявилъ свои требованія Королю, который выслушалъ его благосклонно и отвѣчалъ: хотя у насъ и нѣтъ такихъ обычаевъ, однакоже, въ знакъ своего расположенія къ Государю Московскому, онъ готовъ исполнить его желаніе. Онъ даже говорилъ посланнику, чтобы онъ самъ назначилъ день, въ который можетъ явиться для переговоровъ. Потемкинъ билъ челомъ Королю, «что являетъ къ нему крайнюю милость», и назначилъ 27 число Августа.

По окончаніи представленія, посланниковъ посадили въ лифтеры и отнесли въ покои графа Люда, гдѣ маршалъ Бельфонъ, въ качествѣ перваго метръ-д-отеля Людовика XIV, угостилъ ихъ великолѣпнымъ обѣдомъ. Вообще нашихъ посланниковъ хотѣли поразить великолѣпіемъ двора; но они его и не замѣтили. Московскій дворъ издавна отличался такимъ великолѣпіемъ, которое постоянно составляло предметъ удивленія для всѣхъ ипостраанныхъ посланниковъ. За то сами Французы не находили словъ, чтобы достаточно нахвалиться. (*)

Но если нашихъ посланниковъ и не поражала пышность Французскаго двора, за то они постоянно удивлялись снисходительности и любезности Короля и даже простотѣ въ обычаяхъ придворныхъ. Въ послѣдній разъ, какъ они были въ Сентъ-Жерменѣ на отпускѣ, они видѣли, какъ королева

(*) Описывая приемъ Потемкина, стихотворная газета говоритъ:

Ce Monarque dont le Renom
Passe — celui de Salomon,
Quoi qu'on en die, ou qu'on en prône
Se trouvant assis sur un Trône,
Avec toute la majesté
Presque d'une Divinité,
Et dans un Lieu plus beau qu'un Temple,
Qu'avecque respect l'on contemple,
Ils demeurèrent éblouis
A l'aspect de ce Grand Louis,
Et crurent, à le dire en somme,
Voir un Dieu bien plutôt qu'un Homme.

съ дофиномъ проѣхали «отъ того села съ мило въ кляшторъ молится». Небольшое число экипажей, малочисленная свита и особенно то, что—«Королевино Величество и королевичъ ни мало не укрывались, какъ отъ нихъ, такъ и отъ своего государства людей,» не могло не поразить Русскаго посланника. Обычаи обоихъ государствъ въ этомъ случаѣ рѣзко отличались одни отъ другихъ. Московскихъ царицъ «бояре и ближніе люди только временемъ видають, говоритъ Котошихинъ, а простые люди мало когда видають», сестры царскія и дочери живали, какъ затворницы, по словамъ того же писателя, а царевичей въ первый разъ видалъ народъ только въ день ихъ совершеннолѣтія.

На возвратномъ пути изъ С. Жермена въ Парижъ, дорогою приставъ рассказывалъ нашимъ посланникамъ, что Король очень доволенъ ихъ подарками (*) и желаетъ искренно войти въ дружескія сношенія съ Московскимъ дворомъ.

(*) Стольникъ Потемкинъ поднесъ «въ дарѣхъ: саблю булатную оправа серебряная золочена съ яшмами да съ бирюзами, два сорока соболей, исподъ золотной фереаи, исподъ соболій пластинчатый, исподъ кафтана Турскаго, исподъ соболій пупчатый, лисицу черную, три мѣха горностаевыхъ, двѣ камки кизильбашскіе золотныя. Да сынъ его Стольникъ Степанъ: два сорока соболей, исподъ двухъ кафтановъ Турскихъ, два испода соболіихъ пупчатыхъ, рукавъ соболій по ихъ изычаю сдѣланъ, ножъ булатный оправный, кинку кизильбашскую золотную, два мѣха горностаевыхъ. Дьякъ Семенъ Румянцевъ: три сорока соболей, исподъ соболій пластинный, съ пухомъ бобровымъ, два испода соболіи пупчатые, рукавицы соболіи пластинныя, десять мѣховъ горностаевыхъ, три мѣха бѣлыя, хрептовые.» Сен-то говоритъ объ этихъ подаркахъ, что они состояли «en plusieurs fourrures, en deux pièces d'une étoffe à petites fleurs d'or et un couteau de Damas dans sa gaine. Онъ упоминаетъ и о саблѣ, enrichi de quelques pierreries которую особенно живописно описываетъ стихотворная газета:

Puis on apporta leurs présens
Dont l'un certe, des plus luisans,
Étoit un riche cimenterre,
Qui mieux que celui de saint Pierre,
Abatroit une oreille net.
Il est bien monté tout à fait,
Et tout couvert de pierrerie
Sur une riche orfèvrerie.—

Для переговоровъ съ нашими посланниками Король назначилъ маршала герцога Вилльруа, Люня и Кольберта, по возникли затрудненія по случаю Царской грамоты. Эти грамоты обыкновенно писались по Русски; въ Парижѣ случилось тоже, что и прежде случалось въ другихъ земляхъ: не нашлось никого, кто бы могъ перевести ее на языкъ понятный. Для избѣжанья подобныхъ затрудненій, Русскимъ посланникамъ выѣстъ съ подлинными грамотами давались переводы; но эти переводы они могли сообщать только частнымъ образомъ. Послѣ представленія Королю, Потемкинъ, разговаривая съ Берлизомъ о днѣ переговоровъ съ уполномоченными Французскими, спросилъ: переведена ли Царская грамота? Узнавъ отъ него, что не могутъ найти переводчика, онъ предложилъ находившійся у него переводъ. Берлизъ съ радостію воспользовался предложеніемъ и немедленно отвезъ грамоту къ Королю. Это обстоятельство ускорило назначеніе переговоровъ, а въ тоже время и оскорбило Французское правительство, которое до сихъ поръ находилось въ совершенномъ невѣдѣніи о главныхъ предметахъ переговоровъ.

Съ обычными почестями, 29-го Августа, нашихъ посланниковъ отвезли въ С. Жерменъ. Представившись Королю, они вошли въ особую палату, гдѣ ихъ ожидали уже уполномоченные для переговоровъ. Послѣ привѣтствій Французы говорили, что содержаніе Царской грамоты имъ извѣстно и что теперь они желаютъ слышать и разсуждать съ ними о тѣхъ предметахъ, о которыхъ имъ поручено объявить словесно.

Потемкинъ отвѣчалъ: «Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, съ великимъ Государемъ вашимъ съ Его Королевскимъ Величествомъ во братской дружбѣ и любви хочетъ быть потому, какъ и съ иными окрестными великими государи Христіанскими во братской дружбѣ и любви пребываетъ. И великій бы Государь вашъ ко брату своему, къ великому Государю нашему потому жъ слалъ своихъ пословъ или посланниковъ о братственной межъ ими Великими Государи дружбѣ и любви и о добрыхъ дѣлахъ, которые настоятъ межъ ихъ обоихъ великихъ

государствъ, и съ ними о всемъ наказывалъ подлинно, какъ имъ великимъ Государемъ межъ собой во братственной любительной дружбѣ и ссылкѣ впредь быть.»

Частыя и торжественныя посольства между государствами Русская дипломатія того времени считала существеннымъ признакомъ дружественныхъ сношеній. Но изъясненія безкорыстной дружбы между правительствами не составляли уже существеннаго вопроса для государственныхъ людей Франція временъ Людовика XIV. По обычаю, они спросили, прислалъ ли Царь опасную грамоту для пріѣзда Французскимъ посламъ въ Россію, и получивъ эту грамоту отъ нашего посланника, конечно съ большимъ участіемъ слушали вторую половину его рѣчи.

Потемкинъ продолжалъ: «такъ же и о томъ мы объявляемъ, чтобы на обѣ стороны великихъ Государей подданные, торговые люди ходили и торговали, великаго Государя нашего и Государя вашего въ государствахъ и прибылей себѣ и пожигковъ искали, чтобы отъ того великимъ государствамъ прибавленія и разширенія прибывало.»

Есть ли у васъ Царская грамота, по которой бы купцы могли безопасно ѣздить въ Московское государство? спросили уполномоченные. Для нашихъ посланниковъ торговое дѣло казалось второстепеннымъ, и ихъ какъ будто оскорбилъ этотъ вопросъ. О купецкомъ дѣлѣ, отвѣчали они, намъ приказано говорить на словахъ, «не о всякихъ было дѣлѣхъ Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, посылать грамоты къ Королевскому Величеству!»

Если вашъ государь желаетъ, продолжали уполномоченные, чтобы существовали торговыя сношенія между Франціею и Россіею; то въ какія же города могутъ пріѣзжать наши купцы, какими товарами они могутъ торговать съ вашимъ государствомъ и какія права будутъ имъ дарованы?

Наши посланники отвѣчали неопредѣленно: «имъ мочно пріѣзжать со всякими товарами къ Архангельскому городу—и въ другія города, гдѣ лучится пріѣхать; торговля имъ будетъ съ Русскими людьми повольная», только они должны платить узаконенныя пошлины. Такой отвѣтъ ко-

нечно не могъ удовлетворить Французскихъ уполномоченныхъ, и потому они объявили, что слѣдуетъ заключить торговый договоръ законнымъ порядкомъ. Потемкинъ не имѣлъ полномочія для заключенія договора и потому отвѣчалъ: «не смѣемъ договорныя статьи руками своими закрепить» и предлагалъ для изъясненія дружбы и заключенія торговаго договора отправить Французское посольство въ Москву. Уполномоченные, объявивъ, что доложить Королю о переговорахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрили, что Король, вѣроятно, согласится охотно отправить свое посольство къ Царю и дозволить своимъ подданнымъ торговать съ Россіею.

Переговоры было окончились; но слухъ, достигшій и до нашихъ посланниковъ, что Король уѣзжаетъ и не скоро возвратится въ Парижъ, заставилъ Потемкина продолжать ихъ. По Московскимъ обычаямъ не слѣдовало всѣхъ дѣлъ объявлять въ одно время. Обыкновенно переговоры повторялись по нѣскольку разъ; выслушавъ отвѣты на вопросы, прежде предложенные, посланники уже предлагали новые. Но желаніе Потемкина до начала зимы возвратиться въ отечество заставило его на этотъ разъ нарушить посольскій обычай. «Хотя было о томъ нынѣ съ вами, думными людьми, и время не дошло говорить», замѣтилъ онъ, однакоже рѣшился просить, чтобы «ихъ отпустили къ Царскому Величеству не задержавъ». Оберегать честь Государя было одною изъ главныхъ обязанностей Русскихъ посланниковъ, а въ этомъ отношеніи существеннымъ вопросомъ въ то время былъ титулъ Царя. Посланникамъ вмѣнялось въ обязанность не принимать отвѣтныхъ грамотъ отъ иностранныхъ государей, въ которыхъ бы Царскій титулъ написанъ былъ неправильно, не такъ, — «какъ великій Государь самъ себя описуетъ.» Поэтому, прежде полученія на торжественномъ отпускѣ подлинной грамоты, они должны были требовать, чтобы списокъ съ нея былъ предварительно имъ показанъ. Не содержаніе грамоты составляло предметъ ихъ заботы, но только титулъ, на который они обращали исключительное вниманіе. Къ числу непрѣмѣнныхъ условій принадлежало и то, чтобы подлин-

ная грамота была вручена на торжественномъ отпускѣ самимъ государемъ или по крайней мѣрѣ въ его присутствіи. По этимъ причинамъ Потемкинъ просилъ уполномоченныхъ доложить Королю, чтобы онъ отпустилъ ихъ самъ, при себѣ вручилъ имъ грамоту, съ которой списокъ показали бы имъ за нѣсколько дней до отпуску. Сверхъ того онъ прибавилъ жалобу на сборщика податей въ Байонѣ и просилъ, чтобы ему возвратили деньги, заплаченные имъ въ видѣ пошлины, и притомъ вознаградили бы за дорожныя издержки отъ Байоны до Бордо. Уполномоченные, обѣщаясь доложить Королю о всѣхъ требованіяхъ посланника, просили его не обижаться тѣмъ, что въ Байонѣ съ нихъ взяли пошлины, потому что это случилось безъ вѣдома Короля.

Заключеніе торговаго договора съ Россіею весьма занимало Французскій дворъ, который въ этомъ случаѣ конечно слѣдовалъ за мнѣніемъ Кольберта. Не смотря на то, что Потемкинъ отказался подписать условія за немнѣніемъ полномочія, въ самый день переговоровъ, лишь только онъ возвратился въ Парижъ, Берлисъ уже привезъ ему проектъ условій, на которыхъ можетъ быть заключенъ торговый договоръ. По приказанію Короля онъ просилъ, чтобы посланникъ, прочитавъ условія, далъ письменный о нихъ отвѣтъ за своею подписью.

Франція предлагала заключить мирный договоръ съ Россіею на вѣчныя времена, позволяла ѣздить Русскимъ купцамъ сухимъ путемъ и моремъ во всѣ свои города, свободно покупать и продавать всякіе товары, платя пошлину за продажу и за вывозъ. Купцамъ Московскимъ предоставлялось право жить во Франціи, свободно отправлять свое богослуженіе, нанимать дома, лавки и анбары, имѣть даже своего судью для разбора тяжбъ и споровъ. Такія ли будутъ даны права торговли и свободы вѣроисповѣданія въ Московскомъ государствѣ Французскимъ купцамъ? Дозволено ли имъ будетъ ѣздить безъ препятствій и возить товары безъ пошлинъ въ Персію? Этими вопросами оканчивался проектъ условій, въ которомъ однакоже замѣчено, что Франція желаетъ, чтобы ея торговымъ людямъ дарованы

были тѣже права, какими пользуются въ Россіи Англичане, и между прочимъ, чтобы съ ихъ товаровъ брали только половинныя пошлины. Потемкинъ не рѣшился дать письменнаго отвѣта на эти условія; но только словесно отвѣчалъ, что Государь Московскій желаетъ заключить союзъ съ Франціею и что съ этою цѣлію Королю слѣдуетъ отправить свое посольство въ Россію.

Не смотря на уклончивый отвѣтъ посланника, черезъ день, по королевскому предписанію, явились къ нему Парижскіе купцы и просили дать имъ списокъ товаровъ, какими торгуютъ Московскіе купцы, какіе Французскіе товары имъ нужны и въ какой портъ могли бы приходить ихъ корабли? Они просили такъ же проѣзжей грамоты за подписаніемъ посланника. Потемкинъ отвѣчалъ, что и безъ грамоты они смѣло могутъ итти съ своими товарами къ Архангельску и торговать тамъ свободно, уплачивая узаконенныя пошлины. Только, прибавилъ онъ, не привозите запрещенныхъ товаровъ, двойнаго вина и табаку. Поблагодаривъ за предостереженіе и выслушавъ, какими товарами Московскіе купцы торгуютъ, Французы объявили, что они будутъ покупать различные мѣха, юфть, сало, ворвань, пеньку, поташъ и т. п., а сами привозить ефимки, разныя ткани и виноградное вино. Нынѣшнимъ же лѣтомъ мы охотно нагрузили бы нѣсколько кораблей и отправили въ Архангельскъ, говорили они, но уже поздно, они не успѣютъ притти до зимы. На будущій же годъ непременно отправимъ наши товары въ Россію.

Не смотря на то, что переговоры о торговлѣ окончились не совсѣмъ удачно, Французское правительство по прежнему хорошо обходилось съ нашимъ посланникомъ и постоянно уступало его требованіямъ. Сентября 10-го Берлиъ пріѣхалъ къ Потемкину и объявилъ, что Король назначаетъ имъ прощальное свиданіе черезъ три дня, а списокъ съ грамоты пришлетъ къ нему не иначе, какъ послѣ отпуски. Посланникъ рѣшительно объявилъ, что не можетъ быть на отпускѣ и принять грамоту, — «незная съ чѣмъ ихъ Королевское Величество отпускаетъ къ Великому Государю», т. е. какъ онъ объяснилъ далѣе: «сполна ль титулы его

Царскаго Величества написаны будутъ. » Приставъ съ своей стороны объяснилъ, что Король не хочетъ прислать къ нимъ списка съ своей грамоты прежде отпуска потому, что и они списокъ съ Царской грамоты прислали только на другой день послѣ торжественнаго пріема. Упрямство посланника однакоже заставило Короля уступить его требованіямъ, и потому, послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, Берлисъ привезъ ему списокъ съ грамоты, въ которомъ Потемкинъ съ большимъ удовольствіемъ прочелъ полный титулъ Царя. Казалось, всѣ неудобства были устранены; посланники 13 сентября отправились въ С. Жерменъ, чтобы откланяться Королю, однакоже ихъ ожидало новое случайное затрудненіе.

Съ тѣми же почестями, какъ и въ первый пріѣздъ, встрѣтили наше посольство въ С. Жерменѣ. Король, стоя и безъ шляпы, выслушалъ благодарность нашихъ посланниковъ за гостепріимство и поручилъ кланяться Царю, изъ своихъ рукъ подалъ не только подлинную къ нему грамоту, но даже и списокъ съ нея и вообще въ отношеніи къ Русскому Государю оказывался « великимъ любительствомъ », а посланниковъ « отпускалъ съ великою милостію и честію », говорилъ Потемкинъ. Когда они, поцѣловавъ руку Короля и поклонившись по обычаю, хотѣли выйти изъ пріемной палаты, вдругъ Король снова всталъ съ мѣста, снялъ шляпу и прощался съ посланниками. Ихъ поразила такая вѣжливость; они остановились и потомъ, снова поклонившись Королю, отправились въ покои графа Люда, гдѣ ихъ ожидалъ роскошный обѣдъ.

Но прежде нежели сѣсть за обѣдъ, Потемкинъ осмотрѣлъ списокъ съ королевской грамоты и къ великому прискорбію замѣтилъ, что Царскій титулъ написанъ былъ неправильно. Пропущены были « самыя высокія титула, которыя нашему Государю отъ прародителей Богъ далъ: Самодержца, отчича и дѣдича, и наслѣдника, и Государя и обладателя ». Маршалъ де Бельфонъ говорилъ, что это простая ошибка переписчика, которая немедленно будетъ исправлена, и просилъ посланниковъ сѣсть за столъ; но Потемкинъ отвѣчалъ: « не только намъ сѣсть, но и на свѣтъ Божій

зрѣть не можемъ, видя въ самомъ великомъ Его Царскаго Величества дѣлѣ страшное нарушеніе, что межъ такими великими Государи не къ любви склопается, а къ разорванію вѣчному. А намъ нестерпимое о томъ смертное уязвленіе; какъ мы можемъ слушать и живы быть, когда Государя нашего такіа высокіа титла остерегательно не желаютъ хранить». И эту грамоту, въ которой пропущены такіа великіа титла, самъ Король отдалъ намъ изъ своихъ рукъ! Такъ разсказалъ свою рѣчь Потемкинъ въ отчетѣ правительству и, вѣроятно, онъ такъ говорилъ дѣйствительно. Зная характеръ нашихъ посланниковъ XVII вѣка и значеніе въ то время вопроса о титулѣ, мы не можемъ усомниться въ ея подлинности. Но, безъ сомнѣнія, такая рѣчь привела въ недоумѣніе маршала Бельфона. Онъ увѣрялъ нашихъ посланниковъ, что это сдѣлалось случайно, немедленно будетъ исправлено и просилъ ихъ сѣсть за столъ; но посланники тогда только согласились, когда маршалъ сходилъ къ Королю, и самъ Король прислалъ имъ сказать, что грамота немедленно будетъ переписана. Къ концу обѣда дѣйствительно принесли новую грамоту; но Потемкинъ, взявъ ее въ руки, сей часъ же замѣтилъ, что это прежняя грамота; въ ней была выскоблена цѣлая строка и по скобленному дописанъ Царскій титулъ. Въ смущеніи онъ говорилъ маршалу: « съ такою грамотою не только ѣхать къ Царскому Величеству, но и смотрѣть мнѣ на нее страшно, что чинится здѣсь не къ чести Великаго Государя нашего ». Онъ рѣшительно отказался принять грамоту и просилъ, чтобы она была переписана. Маршалъ извинялся и немедленно распорядился, чтобы заготовили новую грамоту. Готовность маршала исправить ошибку, которая въ глазахъ Русскаго посланника была величайшимъ оскорбленіемъ чести Государя, успокоила Потемкина. « За то, что ты потчиваешь насъ со всякою достойною честію », и особливо за то, что желаешь союза и дружбы между великими Государями, « за твой превысокій разумъ и къ намъ многую любовь и пріятство, дарю тебя, пріятеля моего, любительными и твоей чести высокою достойными дары. » Сказавъ эту рѣчь, Потемкинъ снялъ съ себя шапку « бархатную

двоєморхую съ соболями, запона на ней съ каменьемъ, петли жемчужныя », и надѣлъ ее на голову маршалу. Сначала онъ отговаривался и не хотѣлъ принять подарка, однако потомъ согласился и даже « поцѣловавъ шапку, на себя надѣлъ, » какъ рассказываетъ Потемкинъ. Но Французамъ поступокъ посланника показался забавнымъ; они объясняли его дѣйствіемъ обѣда, за которымъ круговыя заздравныя чаши часто обходили гостей. Впрочемъ, кромѣ шапки, Потемкину и не чѣмъ было подарить маршала: онъ уже роздалъ всѣ свои подарки.

Пока переписывали грамоту, посланники гуляли по саду, гдѣ, по Королевскому приказанію, « ихъ тѣшилъ Арапъ, на лошади скакалъ стоячи, во всю пору безъ сѣдла ». Наконецъ грамота была переписана и вручена посланникамъ. Довольные угощеніемъ, милостію Короля и вѣжливою услужливостію придворныхъ, посланники возвратились въ Парижъ (*).

Такъ окончилось Русское посольство во Францію въ 1668 году. Возвратившись въ Парижъ, наши посланники на другой же день получили подарки отъ Короля и 200 золотыхъ, заплаченныхъ ими въ Байонѣ сборщику податей. Но за дорожныя издержки отъ Байоны до Бордо имъ не заплатили. Сентября 16 они выѣхали изъ Парижа, въ сопровожденіи королевскаго пристава, и чрезъ шесть дней достигли до Кале.

(*) Отпускъ Русскихъ посланниковъ послужилъ поводомъ для стихотворной газеты приписать имъ тѣ чувства, которыя Французы питали къ своему Королю.

Après le repas du midy
 Contans, autant qu'on le peut dire,
 Du bon accueil du susdit sire,
 Qu'ils ont mille fois admiré,
 Et presque mêmes adoré,
 Voyans tant de divines marques
 En ce plus charmant des Monarques.

Впрочемъ, и въ статейномъ спискѣ Потемкина, строго чиновничьемъ отчетѣ правительству, нельзя не замѣтить особеннаго удивленія къ снисхожденности Короля.

Русскій человѣкъ XVII столѣтія, принадлежавшій къ высшему слою общества того времени, проѣхалъ въ качествѣ посланника всю Францію отъ Пиренеевъ до Кале, Францію временъ Людовика XIV. Сколько любопытныхъ замѣчаній, какого особеннаго взгляда на страну и жителей могли бы мы ожидать отъ этого путешествія! Однакоже въ статейномъ спискѣ стольника Потемкина, въ его отчетѣ правительству, весьма мало встрѣчаемъ замѣчаній въ этомъ отношеніи. Правительственное лице, исполнявшее свято, съ мельчайшими подробностями, свои порученія, выступилъ передъ нами, а живаго человѣка того времени мы почти не имѣемъ возможности замѣтить. Быть можетъ, онъ выражался въ частной жизни, въ семейной, или дружеской бесѣдѣ, передавая тѣ впечатлѣнія, которыя произвела на него Франція; но преданіе ихъ не сохранило, и для потомковъ осталось только воспоминаніе о чиновникѣ временъ Царя Алексѣя Михайловича, посѣщавшемъ Францію при Людовикѣ XIV. Какъ чиновникъ, онъ все исполнилъ, какъ нельзя лучше, ни на шагъ не отступилъ отъ постановленій, полученныхъ имъ въ наказъ изъ Посольскаго приказа, — «оберегалъ честь Государя и Государства» и даже не вышелъ изъ предѣловъ полномочія для пользы государственной. Когда окружавшіе его Французы спрашивали, какъ правится ему Франція, онъ всегда отвѣчалъ, что будетъ говорить о Франціи, когда выйдетъ изъ ея предѣловъ, чтобы его слова не могли почестъ лестью. Такой ловкій отвѣтъ конечно даетъ право думать, что Потемкинъ былъ умный человѣкъ, а между тѣмъ и видъ предѣловъ Франціи онъ почти ничего не сказалъ о ней. Тѣмъ болѣе любопытны для насъ тѣ немногія замѣчанія, которыя встрѣчаемъ въ его статейномъ спискѣ. «Люди—говоритъ онъ—во Французскомъ государствѣ *человѣчны* и ко всякимъ наукамъ, къ философскимъ и рыцарскимъ тщательны. Изъ иныхъ государствъ во Французскую землю въ городъ Парисъ и въ иные города *пріѣзжаютъ* для науки философской и для ученія ратнаго строя, Королевичи и великородные и разныхъ чиновъ люди, потому что городъ Парисъ великій, и многлюдный и богатый, и школъ въ немъ

безмѣрно много; студентовъ въ Парисѣ бываетъ тысячь до тридцати и больше.» Большое населеніе страны также поражаало нашихъ посланниковъ: «тѣ мѣста, которыми шли, безмѣрно жили; города великіе и многолюдные, и крѣпкіе, и пѣхоты въ городахъ много-жъ, и селъ и великихъ и деревень много и людно безмѣрнымъ обычаемъ». Въ отношеніи къ народонаселенію, правамъ и обычаямъ, Потемкинъ могъ сравнивать не одну Россію того времени съ Франціею, но Испанію и Голландію, которыя онъ также посѣтилъ въ это время въ качествѣ посланника. Поразило его и множество каменныхъ строеній, великолѣпіе дворцовъ и садовъ королевскихъ и обиліе всякаго рода произведеній природы. Но обо всемъ этомъ онъ едва только упоминаетъ въ своемъ статейномъ спискѣ. Этотъ недостатокъ дополняетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дневникъ Сенто. Вообще пріемъ нашего посольства во Франціи отличается особенною предупредительностію со стороны Короля, который не только оказывалъ посламъ всевозможныя снисхожденія въ посольскихъ церемоніяхъ, но желалъ доставить имъ всѣ способы къ развлеченію. Они видѣли все замѣчательное въ Парижѣ и въ окрестностяхъ. По извѣстіямъ Сенто, посланника со всюю свитою торжественно въ шести каретахъ возили въ Vincennes; тамъ показали имъ дворецъ, паркъ, мѣсто, гдѣ травятъ дикихъ звѣрей, и въ тотъ же день въ Парижѣ королевскую площадь, покои Короля въ Тюльери и садъ. На другой день ихъ возили на Гобеленовскую мануфактуру, гдѣ знаменитый живописецъ Le Brun показывалъ имъ всѣ работы. Тамъ угощали ихъ обѣдомъ и, по возвращеніи въ Парижъ, показывали покои покойной Королевы въ Луврѣ и королевское Garde Meuble. Въ слѣдъ за тѣмъ ихъ возили въ Версаль, только что отстроенный и отдѣланный со всюю роскошью Людовикомъ XIV. Съ Потемкинымъ въ этомъ поѣздѣ находились его сынъ и дядя Румянцевъ; но они занемогли, не осмотрѣвъ всѣхъ заведеній. Не смотря на то посланникъ просилъ, чтобы ему показали все, и на возвратномъ пути въ Парижъ еще посѣтилъ Сень-Клу и осмотрѣлъ дворецъ герцога Орлеанскаго и садъ, гдѣ особенно восхищался фонтанами. Вообще

опъ съ любопытствомъ осматривалъ все, не скрывалъ своего удивленія, но не хотѣлъ однакоже выразить его на словахъ. Нѣтъ нужды говорить, что во времена Людовика XIV въ Парижѣ театръ уже составлялъ одно изъ существенныхъ развлеченій общества. Тамъ онъ подходилъ уже близко къ тому состоянію, въ которомъ мы понимаемъ театральныя представленія въ настоящее время. Для нашихъ посланниковъ были даны особенныя представленія на обоихъ существовавшихъ тогда въ Парижѣ театрахъ.

Одинъ изъ нихъ помѣщался въ Hôtel de Bourbon. Тамъ 5 Сентября, въ присутствіи нашего посланника, его сына и дѣяка Румянцева давали *les coups de l'Amour et de la Fortune ou l'heureux infortuné*, траги-комедию въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненія François le Metel, sieur de Boisrobert, котораго драмы славилась въ это время. Перемѣны декораций и балетъ ихъ очень занимали, какъ рассказываетъ Сенто (*).

На другомъ театрѣ, помѣщавшемся въ Пале-Рояль, давала представленія знаменитая труппа Мольера. Не задолго до прибытія въ Парижъ Русскаго посольства, Мольеръ поставилъ на сцену Амфитріона, который производилъ въ это время сильное впечатлѣніе и привлекалъ вниманіе двора и общества. На другой день послѣ представленія въ Hôtel de Bourbon и Мольеръ далъ своего Амфитріона для

(*) Кажется, употреблены были всѣ способы, чтобы придать наиболѣе занимательности этому представленію, которое описываетъ и стихотворная газета:

Les commediens de l'Hôtel
 Dans un appareil non tel quel,
 Mais beau, je me le rémémore
 Car j'en fus le témoin encore,
 Etant en loge bien posté,
 Ont trois fois dans l'attente été
 Des Moscovites excelences,
 Avec des magnifiques danses,
 De beaux poèmes, des concerts
 Et même de frians desserts.

нашихъ посланниковъ. Въ знакъ особеннаго уваженія, по обычаю того времени, Потемкину, его сыну и дѣяку устроены были мѣста на самой передней сценѣ. Они смотрѣли на представленіе, а въ тоже время и сами составляли зрѣлище для посѣтителей. По окончаніи представленія, актеры поднесли къ нимъ двѣ вазы, съ конфетами и плодами, и вино. Они отказались отъ конфетъ и плодовъ, выпили только немного и благодарили актеровъ (*).

Любопытно было бы намъ знать, какое впечатлѣніе представленіе Мольера произвело на нашего соотечественника временъ Царя Алексѣя Михайловича; но это остается для насъ тайною, какъ и многое въ общественной жизни древней Россіи. Многое утрачено для насъ совершенно, но еще большее откроется намъ, если только съ любовію и по просту, безъ предубѣжденій, будемъ изучать нашу древность.

(*) Стихотворная газета говоритъ объ этомъ такъ:

La troupe, ou préside Molière,
 Par une chere toute entière
 Leur donna son Amphitrion,
 Avec ample collation,
 Pas de ballet et symphonie
 Sans aucune cacophonie
 Et ces gens aimans le gratis
 У furent des mieux divertis.

А. Поповъ.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ.

С. Аксакова. Москва. 1856.

Нѣсколько недѣль тому назадъ вышла эта книга, всѣмъ давно ожидаемая съ нетерпѣніемъ. Ее всѣ успѣли прочитать, всѣ знаютъ ея содержаніе: нужно ли прибавлять, что всѣ ею восхищаются? Автору выпалъ счастливый, рѣдкій, хотя и вполне заслуженный жребій — пріобрѣтать своимъ произведеніямъ сочувствіе рѣшительно отъ всѣхъ безъ исключенія: при выходѣ каждой его книги, со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ угловъ литературы, непрерывно шлются ему такія радушныя, такія горячія привѣтствія! Но намъ кажется, что до сихъ поръ все еще не сказано вполне опредѣленнаго слова о г. С. Аксаковѣ. Не имѣя особенныхъ притязаній на талантъ художественнаго критика, рѣшаемся по поводу настоящей книги высказать объ этомъ дарованіи свое личное мнѣніе. Надѣмся, что въ немъ увидитъ собственныя впечатлѣнія каждый, кто не безотчетно наслаждался произведеніями нашего московскаго писателя: другихъ постараемся убѣдить, а съ остальными—Богъ съ ними!

Прежде всего мы должны опредѣлить: какъ смотрѣть на эту книгу? Автору захотѣлось назвать свою книгу Воспоминаніями и Хроникой,—и мы должны ему вѣрить: мы должны вѣрить, что всѣ эти лица, о которыхъ онъ рассказываетъ, не только историческія, какъ напримѣръ Шишковъ или Державинъ, но и тѣ, которыхъ не знаетъ исторія, Багровы, Куролесовы, Зубины и прочіе, дѣйствительно существовали, характеръ и дѣйствія ихъ были таковы.

отд. III. 1

какими ихъ представляетъ авторъ, что самыя приключенія ихъ не выдуманы. Однакожь съ другой стороны должно сознаться, и авторъ конечно самъ въ этомъ съ нами согласится, что подробности, въ какія онъ облакаетъ описываемыя приключенія,—разговоры дѣйствующихъ лицъ, состояніе погоды, какое было при томъ или другомъ обстоятельстве, платье, въ какомъ являлось въ ту или другую минуту извѣстное лице, разныя тѣлодвиженія, замѣчаемыя у него авторомъ,—все это не могло быть сохранено просто только воспоминаніемъ. Писалъ ли развѣ авторъ свои воспоминанія въ то самое время, какъ событія происходили? Но этому противорѣчитъ весь составъ книги, ея языкъ, способъ изложенія. Цѣлая статья наконецъ, «Добрый день Степана Михайловича», о которой прямо говоритъ авторъ, что это «одинъ изъ тѣхъ добрыхъ дней, о которыхъ онъ такъ много слышался», слѣдственно, которые бывали часто, но не съ одиными и тѣми же подробностями,—развѣ тутъ есть фактическая истина, истина одного какого-нибудь, опредѣленнаго дня? И такъ, что же это такое? Книга, такимъ образомъ, своею формою приближается къ тому, что мы называемъ историческимъ романомъ, то есть, къ такому роду произведеній, въ которыхъ главная нить повѣствованія, лица, событія, характеръ тѣхъ и другихъ, иногда даже довольно частныя дѣйствія упоминаемыхъ лицъ заключаютъ въ себѣ историческую истину, но все остальное принадлежитъ уже чисто творческой фантазіи писателя. Писатель соблюдаетъ строго фактическую истину, доколѣе ее знаетъ; но онъ не стѣсняется своимъ незнаніемъ, и въ случаѣ, если нужна ему какая нибудь подробность для оживленія своего изображенія, онъ воспроизводитъ ее изъ общаго художественнаго представленія всей эпохи, характера личности или событія. Такъ мы и будемъ смотрѣть на эту книгу, и съ этой точки зрѣнія будемъ судить о ней. Разумѣется, читатели легко поймутъ послѣ нашихъ объясненій, что, сравнивая нововышедшую книгу г. Аксенова съ историческимъ романомъ, мы вовсе не думаемъ прилагать описываемымъ въ ней дѣйствіямъ характеръ историческихъ событій, въ обыкновенномъ, высокомъ зна-

ченія этого слова, ни требовать отъ нея единства, какое обыкновенно соблюдается въ такого рода сочиненіяхъ. Книга г. Аксакова представляетъ рядъ отдѣльныхъ разсказовъ, большая часть которыхъ не имѣетъ между собою никакой внѣшней связи; лица и событія, въ ней описываемыя, большею частію совсѣмъ не историческія, — это лица и событія, большею частію имѣвшія значеніе для одного или двухъ семействъ. Итакъ книга сближается съ историческимъ романомъ только по внѣшнему способу, съ какимъ авторъ относится къ изображаемой имъ дѣйствительности. Или, если хотите, она есть тотъ же историческій романъ по внутреннему смыслу жизни, который сквозитъ чрезъ эти, незначущія для исторіи лица и событія. И какой романъ! Огромный романъ, въ двухъ часахъ, которому мы дали бы заглавіе «*Цивилизація и Просвѣщеніе*»; романъ, который обнимаетъ собою время цѣлаго столѣтія, характеризуетъ цѣлыя двѣ великія эпохи.... Но объ этомъ послѣ. Съ этой точки зрѣнія, книга получаетъ внутреннее единство въ замѣнѣ внѣшняго, котораго недостаетъ ей; она объясняется смысломъ, который лежитъ во всехъ произведеніи, воззрѣніемъ, которымъ оно проникнуто....

По поводу охотническихъ сочиненій г. Аксакова, по поводу «Записокъ Ружейнаго Охотника», «Записокъ оууженьи», «Разсказовъ и Воспоминаній Охотника», довольно было толковано о внѣшнихъ качествахъ художественнаго изложенія, которыми авторъ владѣетъ въ высокой степени,—о теплотѣ чувства, о простотѣ и естественности разсказа, о живости и наглядности въ описаніяхъ. Но намъ кажется, что всего менѣе сказано было о достоинствѣ автора болѣе внутреннемъ, болѣе главномъ, среди настоящей литературы болѣе драгоцѣнномъ. Мы говоримъ о достоинствѣ общаго художественнаго воззрѣнія, положеннаго въ его произведеніяхъ. Между тѣмъ какъ, по нашему мнѣнію, это-то достоинство и придаетъ его произведеніямъ такую чистую художественность, ему-то и обязанъ авторъ такимъ огромнымъ успѣхомъ. Успѣхъ въ самомъ дѣлѣ былъ колоссальный. Мы не говоримъ уже о томъ рѣдкомъ, почти безпримѣрномъ единодушій похвалѣ, съ какими встрѣчены

были «Записки Ружейнаго Охотника» и другія двѣ книги. Это единодушіе можно, пожалуй, объяснить и причинами не совсѣмъ литературными. Удочка, ружье съ лягавой собакой такой невинный, безобидный предметъ, не трогающій ничьего литературнаго самолюбія, не задѣвающій ничьего литературнаго мнѣнія! Но мы хотимъ указать на невольное признаніе, которое выразилъ собою фактъ нашей литературной производительности. «Записки Ружейнаго Охотника» вызвали въ слѣдъ за собою намѣренныя и не-намѣренныя подражанья. Явились цѣлыя книги, посвященные тому же самому предмету, почти съ тѣмъ же самымъ заглавіемъ. Въ мелкихъ литературныхъ произведеніяхъ совсѣмъ другаго содержанія стала появляться рѣдкая доселѣ въ нашей литературѣ дичь, — мы говоримъ о дичи въ самомъ простомъ, буквальномъ значеніи этого слова. Имѣемъ основаніе думать, что самъ Гоголь, читавшій Записки Ружейнаго Охотника въ рукописи, поддался этому вліянію. «Вблизи ли ладилось сельское дѣло, — его глаза глядѣли дальше; вдали ли производилась работа, — они отыскивали предметы поближе или смотрѣли въ сторону на какой-нибудь извивъ рѣки, по берегамъ которой ходилъ красноносый, красноногій мартынь, разумеется, птица, а не человѣкъ. Они смотрѣли съ любопытствомъ, какъ онъ, поймавъ у берега рыбу, держалъ ее поперекъ въ носу, какъ бы раздумывая глотать или неглотать, и глядя въ тоже время пристально вдоль рѣки, гдѣ въ отдаленіи бѣлѣлся другой мартынь, еще не поймавшій рыбы, по глядѣвшій пристально на мартына, уже поймаваго рыбу. Или же бросивъ обоихъ мартыновъ съ извивомъ рѣки, зажмурилъ вовсе глаза и приподнявъ голову къ верху, къ пространствамъ воздушнымъ, предоставлялъ онъ обонянію впитать запахъ полей, а слуху поражаться голосами воздушнаго пѣвучаго населенія, когда оно отовсюду, отъ небесъ и отъ земли, соединяется въ одинъ звукогласный хоръ, не переча другъ другу. Бьетъ перепелъ во ржи, дергаетъ въ травѣ дергунъ, урчатъ и чиликаютъ перелезающія коноплянки, по невидимой воздушной лѣстницѣ сыплются трели жаворонковъ, и звонами трубъ отдается

турлыканье журавлей, строящих треугольники свои въ небесахъ, и откликается вся въ звуки превратившаяся окрестность.... Творецъ! какъ еще прекрасенъ твой міръ въ глуши, въ деревушкѣ, вдали отъ большихъ дорогъ и городовъ.» Какъ слышно въ этомъ отрывкѣ изъ второй части Мертвыхъ Душъ, не скажемъ, подражанье,—это значило бы оскорбить великаго писателя самымъ грубо несправедливымъ подозрѣньемъ, но впечатлѣніе, подлѣ которымъ онъ написанъ, не смотря на сохраненіе всей своеобразной гоголевской оригинальности, видной особенно въ разсказѣ о двухъ мартынахъ, мартынѣ, уже поймавшемъ рыбу, и мартынѣ, еще не поймавшемъ рыбы! Что касается лично до насъ, самое первое чтеніе этого мѣста живо напомнило намъ описаніе лѣсной дичи въ Запискахъ Ружейнаго Охотника. «На вѣтвяхъ деревь, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ, и вообще въ лѣсу, живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разнообразныя породы птицъ; токують глухіе и простые тетерева, пищать рыбки, хрипятъ на тягахъ вальдшнепы, воркують, каждая по своему, всѣ породы дикихъ голубей, взвизгивають и чокають дрозды, заунывно-мелодически перекликаются иволги, стонуть рябья кукушки, постукивають, долбя деревья, разноперые дятлы, трубятъ желны, трещать сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски, и все многочисленное, крылатое, мелкое лѣвное племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ....» Совершенно однимъ и тѣмъ же воздухомъ вѣетъ въ тохъ и другомъ описаніи! Въ послѣдствіи нѣкоторыя обстоятельства подтвердили наше предположеніе о вліяніи на Гоголя Записокъ Ружейнаго Охотника и обратили его въ положительную увѣренность; можетъ быть когда-нибудь ихъ сдѣлають извѣстными публикѣ, и она увѣрится въ свою очередь.... Итакъ, чему же авторъ обязанъ такимъ успѣхомъ? Неужели одной внѣшней художественности изложенія? И ей позавидовалъ будто оригинальнѣйшій изъ художниковъ? Неужели новости предмета? Бѣдный Гоголь! Въ числѣ прочихъ, кажется, онъ самъ предполагалъ, что тайна прелести, увлекшей его въ Охотничьихъ Запискахъ, заключается собственно въ самихъ куличкахъ,

тетеревахъ и прочихъ птицахъ и птичкахъ, изображенныхъ авторомъ; но онъ ошибался вмѣстѣ съ прочими.

Красота есть выраженіе внутренняго во внѣшнемъ; красота есть жизнь, поелнку собственно только живое выражаетъ въ своемъ внѣшнемъ свое собственное внутреннее. Красота, наконецъ, по преимуществу, есть человѣческое, потому что высшая жизнь, жизнь въ собственномъ смыслѣ, жизнь съ внутреннимъ самоопредѣленіемъ, свободная принадлежитъ среди насъ только человеку.... Но да не подумаютъ читатели, что мы хотимъ излагать здѣсь свою или готовую уже теорію прекраснаго. Боже насъ упаси на сей разъ отъ всякихъ, своихъ или чужихъ теорій, отъ всякой, своей или заимствованной учености! Мы хотимъ здѣсь только сказать, что внѣшняя природа, какъ всякая внѣшность вообще, сама по себѣ—довольно бѣдная красота. Иль нѣтъ, безконечно прекрасенъ Божій міръ, какъ безконечна глубина и разнообразна его жизнь. Но по самой своей глубинѣ, эта жизнь, а вмѣстѣ съ нею и красота для насъ мало постижима и почти недоступна. Мы постигаемъ въ природѣ внутреннее, какъ законъ, придуманный нашею головою, какъ силу, навязанную ей нашимъ соображеніемъ, слѣдственно понимаемъ и чувствуемъ, какъ нѣчто внѣшнее, а не какъ просвѣтъ внутренняго, постигаемый и ощущаемый въ самомъ представляющемся явленіи, слѣдственно, какъ отвлеченное, а не какъ живое. Предъ нами собственно одна только механическая сторона явленій, связанныхъ между собою простою связью содѣйства и преемства, и слѣдственно предъ нами только внѣшніе признаки жизни, — разнообразіе и движеніе,—только отвлеченные признаки красоты,—линіи, краски, звуки, правильность, симметрія, гармонія. Но и эта бѣдная, отвлеченная красота насъ утомила бы, еслибъ мы не дополняли ее своимъ воображеніемъ, не связывали искусственно ея жизни съ своею жизнію. Холодно, мрачно и скучно смотритъ на васъ по прекрасному плану выстроенный, но советѣмъ нежилой домъ. Безконечно убогъ и пустъ, и наконецъ гадокъ покажется вамъ городъ съ правильно нарисованными улицами, съ симметрично расположенными домами и окнами, со всею гармонією въ

своемъ внѣшнемъ устройствѣ, если за всѣмъ этимъ вы не слышите жизни, или слышите самую жизнь, исполняемую, какъ машина. То же самое и во всей природѣ, въ болѣе-шихъ размѣрахъ. Мы помогаемъ ея бѣдному выраженію, перенося въ ея явленія смыслъ собственной жизни, въ ея дѣйствіяхъ воображая человѣческія чувства и дѣйствія, словомъ,—объясняя себѣ ея пѣмую жизнь вполне понятною намъ собственною жизнію; или же, просто смотря на нее, какъ на обстановку нашей жизни, какъ на міръ, которымъ окружена, чѣмъ возбуждается и куда постоянно исходитъ наша дѣятельность. Все это вещи слишкомъ извѣстныя, и мы искренно просимъ прощенья у своихъ читателей за ихъ повтореніе. Но намъ кажется, что ихъ слѣдуетъ повторить; нужно пояснить, что тайна прелести охотничьихъ записокъ заключается собственно не въ ихъ предметѣ и не въ одной внѣшней художественности изложенія, словомъ,—не въ куличкахъ и тетерсвахъ, и не во всей природѣ, самой по себѣ художественно предъ нами воспроизведенной, но въ томъ чувствѣ, съ какимъ относится къ природѣ авторъ,—въ самомъ воззрѣніи; что это воззрѣніе есть воззрѣніе на жизнь; и что именно самою художественностью воспроизведенія природы предполагается, что предъ нами воспроизведена собственно не сама природа, а жизнь, соприкасающаяся съ природой.

Но скажете вы: въ чемъ же состоитъ это воззрѣніе, составляющее достоинство нашего автора и дающее его произведеніямъ такую чистую художественность? Спѣшимъ успокоить опасенія тѣхъ господъ, которые боятся, что похвалою г. Аксакову унижается достоинство прочихъ нашихъ писателей; мы не станемъ употреблять, говоря о г. Аксаковѣ, словъ: эпоха, школа, идеалы. Это слова слишкомъ громкія, слишкомъ почтенныя, подчасъ слишкомъ неопредѣленныя; правду сказать, они сюда и не годятся. Мы воспользуемся лучше уже готовымъ, прежде насъ сдѣланнымъ опредѣленіемъ, которое таится въ признаніи особенности впечатлѣнія, производимаго охотническими сочиненіями автора. По поводу Записокъ Ружейнаго Охотника, однимъ изъ нашихъ писателей, который самъ имѣетъ въ

запасъ много художественнаго такта, было замѣчено, что эта книга производитъ на читателя впечатлѣніе тихаго успокоенія, какъ дѣйствіе чистаго, свѣжаго воздуха, какъ видъ безмятежнаго спокойствія природы: улегаются страсти, умолкають сердечныя тревоги, затихають безпокойныя эгоистическія движенія. Конечно, эта высшая похвала, какую только можно сдѣлать искусству: ибо искусство и должно успокоивать, а не раздражать наше чувство. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что ею довольно вѣрно, хотя и внѣшнимъ образомъ, схвачено существо дѣла; стоитъ только, вмѣсто собственныхъ впечатлѣній, указать самую вещь, назвать самое качество въ книгѣ, которое производитъ эти впечатлѣнія, — перевести отзывъ съ языка ощущеній на языкъ мысли. Если мы скажемъ, что въ произведеніяхъ нашего автора находимъ безпристрастное сочувствіе къ народной жизни въ высшемъ ея смыслѣ, отсутствіе отвлеченности и условности въ воззрѣніи, стремленіе художественно примирить высшія начала жизни съ формами народной дѣйствительности: мы скажемъ тоже самое, что и упомянутый отзывъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ укажемъ художественное воззрѣніе, которое, по нашему мнѣнію, придаетъ особенное достоинство произведеніямъ автора. Читатели, конечно, вправѣ пожаловаться на излишнюю общность, отвлеченность, можетъ-быть даже неопредѣленность нашего опредѣленія, — и потребуютъ объясненій. Мы готовы дать ихъ, на сколько возможно, чтобъ не впасть при этомъ въ сухой педантизмъ, противный намъ не менѣе, чѣмъ нашимъ читателямъ, и на сколько дозволить крайне запутанная, еще не установившаяся русская терминологія.

Въ основѣ искусства лежитъ художественное пониманіе истины. Мы сказали: истина, — и боимся недоразумѣній за это прекрасное слово. Если мы говоримъ объ истинѣ, то разумѣемъ не простую фактическую истину, что такая-то дыня сѣдена такого-то числа, и при семъ присутствовалъ такой-то, равно и не отвлеченный законъ, слѣпо и неизмѣнно повторяющійся при явленіяхъ, какъ напримѣръ дважды два четыре. Мы разумѣемъ истину, во первыхъ, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, какъ истину человѣческой жизни:

ибо содержаніе искусства есть прекрасное, а доступное намъ прекрасное, какъ уже говорено было выше, по преимуществу и почти исключительно есть человѣческое. Во вторыхъ, по тому самому, что содержаніе искусства есть прекрасное нашей жизни, истина, о которой мы говоримъ, должна быть понимаема, не какъ отвлеченно представленный ходъ самой этой жизни, или что тоже, не какъ порядокъ явленій жизни, возведенный въ общую формулу. Признаемся, мы не принадлежимъ къ числу поклонниковъ того умозрѣнія, по которому весь міръ есть не что иное, какъ простая цѣпь логическихъ понятій, — ни къ тѣмъ, которые, отвергнувъ или совсѣмъ не зная этого умозрѣнія, остаются въ понятіяхъ объ искусствѣ при его выводахъ, приводящихъ подъ конецъ все-таки къ тому же все обезразличивающему началу. Если наша жизнь есть жизнь свободная и сознательная, словомъ — нравственная, то и истина ея должна быть понимаема, какъ свободное ея нравственное согласіе съ своимъ высшимъ, общимъ для всего человѣчества духовнымъ началомъ; слѣдовательно, не какъ *естественность* или *дѣйствительность*, въ самомъ простомъ, обыденномъ значеніи этого слова, не какъ согласіе явленій съ общимъ своимъ порядкомъ, согласіе, само по себѣ совершенно пустое и бессмысленное, не имѣющее никакого значенія для внутреннего смысла жизни, потому что понятіе объ этомъ порядкѣ снимается нами съ этихъ же самыхъ явленій, — мы принимаемъ за законъ жизни собственную свою, отвлеченно составленную логическую формулу. Но она скорѣе должна быть понимаема, какъ *нормальность* жизни, какъ правда, какъ чистота, какъ просвѣщеніе, словомъ, — повторимъ опять наши прежнія выраженія, — какъ свободное подчиненіе жизни высшимъ, общимъ для всего человѣчества духовнымъ началамъ. Содержаніе искусства въ этомъ случаѣ конечно тоже, что и содержаніе науки: ибо и наука обязана представить намъ эту норму въ голомъ понятіи. Но искусство видитъ истину въ ея осуществленіи, живую, въ формахъ, выработанныхъ самою жизнью. Этимъ-то и налагается на него уже требованія естественности. Силою фантазіи ху-

дожникъ извлекаетъ изъ готовыхъ, доставляемыхъ ему опытомъ, безчисленно разнообразныхъ формъ жизни тѣ, въ которыхъ въ частномъ и разбросанномъ видѣ находятъ постигаемое имъ прекрасное; сводитъ ихъ въ цѣлостные образы, и творитъ такимъ образомъ свои созданья. Безконечно разнообразныя внѣшнія обстоятельства, въ которыхъ ставится жизнь, и которыми условливается проявленіе ея истины, даетъ искусству тѣмъ самымъ возможность и обязанность безконечно разнообразить и свои созданья, и въ тоже время творить только относительно прекрасное. Заключая въ глубочайшемъ своемъ содержаніи общечеловѣческую истину, оно становится по формѣ своей народнымъ, выражаетъ съ своихъ созданьяхъ характеръ времени, мѣста, иногда даже привычки немногочисленнаго класса людей. Осуществляя высшіе, духовные интересы, оно представляетъ ихъ среди интересовъ мелкихъ и эгоистическихъ, среди всѣхъ препятствій, какія поставлаетъ внѣшняя жизненная обстановка ихъ широкому развитію,—къ борьбѣ, палающими и торжествующими. Но тѣмъ не менѣе, истинно-прекрасное всгда присуще сознанію художника. Оно даетъ ему одушевленіе; оно кладетъ смыслъ въ его созданья; оно возбуждаетъ къ нимъ участіе зрителя или читателя, извлекая изъ него слезы или смѣхъ, смотря потому, воспроизводится ли предъ нимъ мелочь жизни, или борьба положительныхъ, высшихъ общечеловѣческихъ интересовъ.

Посмотримъ теперь съ этой точки зрѣнія на нашу изящную литературу. Мы не хотимъ пускаться здѣсь въ подробное ея историческое обозрѣніе, хотя можетъ-быть теперь-то именно и время освѣжить заснувшую мысль живымъ воззрѣніемъ на прошедшее. Напомнимъ только о томъ, что литература, наша изящная литература явилась у насъ вмѣстѣ съ западною цивилизаціей, послѣ великаго петровскаго переворота и какъ произведеніе этого переворота. Это происхожденіе ея должно было рѣшить характеръ ея будущаго художественнаго воззрѣнія. Истиною жизни, истиною нашей народной жизни, желаемымъ прекраснымъ должна была явиться для нея цивилизація: ци-

цивилизация должна была имѣть и дѣйствительно имѣла для нея значеніе человѣчности, просвѣщенія, словомъ—духовнаго, общечеловѣческаго интереса. Итакъ это понимаемое ею прекрасное нашей жизни должна была она осуществить въ художественно-живыхъ образахъ. Но что же, какія формы для выраженія своего прекраснаго нашла она въ окружавшей ее дѣйствительности. принимаясь, какъ и слѣдовало, быть художественнымъ воспроизведеніемъ нашей народной жизни? Съ ея точки зрѣнія, предъ нею были только нравственные уроды, грубые чурбаны, лишенные общечеловѣческихъ чувствъ, безъ необходимаго человѣческаго просвѣщенія. Можетъ-быть, если бы она посмотрѣла на готовыя предъ нею формы дѣйствительности съ другой точки зрѣнія, она нашла бы и въ этихъ дикихъ звѣряхъ, и въ этихъ безсмысленныхъ чурбанахъ развитіе высшихъ духовныхъ интересовъ. Но искусство не хотѣло и не могло смотрѣть съ иной точки, кромѣ какъ съ принятой уже, условной и отвлеченной. Мы назвали эту точку зрѣнія отвлеченной,—и понятно почему. Западное образованіе для жизни и для искусства было еще только предметомъ стремленій; оно не проникло въ жизнь, существовало еще только, какъ отвлеченная сентенція, какъ заданное, но еще не исполненное правило. Въ тоже время эта точка была и условна. Западная цивилизація хотя и заключала въ себѣ, въ глубинѣ своей, истину, интересъ высшій, общечеловѣческой, но сама по себѣ она не была ни истиною, ни чѣмъ либо общечеловѣческимъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ она входила къ намъ, — въ видѣ иноземнаго быта, — она была уже готовою формою человѣчности и просвѣщенія, выработанною на чуждой намъ почвѣ. Итакъ, при неоспоримой внутренней истинѣ, по виѣшности своей, или лучше сказать, сама по себѣ она была ложью для нашей жизни. Въ слѣдствіе того искусство у насъ при самомъ началѣ своемъ явилось въ безобразномъ раздвоеніи. Все, что воспроизводила фантазія художника подъ вліяніемъ отрицательнаго воззрѣнія на жизнь, было живо, художественно, пластично; но все прочее оставалось отвлеченною, бесплодною мыслію, фразерствомъ,

голымъ желаніемъ, выраженнымъ въ формѣ сентенціи, хотя бы и вложеннымъ въ живую по видимому личность. Таковъ былъ характеръ литературы всего прошлаго столѣтія. Сатиры, произведенныя тѣмъ временемъ, доселѣ читаются съ удовольствіемъ; нѣкоторые изъ нихъ, — мы указываемъ напримѣръ на помѣщенные въ Живописецѣ письма невѣжественныхъ родителей къ своему сыну, — и въ теперешнее время сдѣлали бы честь любому нашему художественному таланту; но мы засыпаемъ на чтеніи самыхъ громкихъ, самыхъ знаменитыхъ въ то время одъ. Лучшимъ представителемъ этого раздвоенія искусства и его относительнаго безсилія служить по нашему мнѣнію Фонъ-Визинъ. Сколько ни станемъ приписывать раздвоенія его комедій, въ которыхъ рядомъ съ живыми, пластично созданными личностями являются ходячія сентенціи, вліянію французскихъ драматурговъ, еще болѣе имѣло вліянія на его комедію самое положеніе искусства съ чуждымъ жизни воззрѣніемъ на жизнь. Если хотите, всѣ эти Правдины, Стародумы и Милоновы были даже вѣрны дѣйствительности. Цивилизація съ своимъ общечеловѣческимъ значеніемъ была у лучшихъ людей только на словахъ, и оставалась неприменимою, не проникала въ жизнь, или расходилась только поверхъ ея. Какъ голая фраза, какъ отвлеченное правило, она жила только въ ихъ головѣ, пожалуй, если хотите, даже въ ихъ сердцахъ, какъ искреннее убѣжденіе; но когда дѣло доходило до приложенія ея къ безчисленно своеобразнымъ особенностямъ нашего быта, она ни въ чемъ живомъ не выражалась, ибо, отнѣ принятая, оставалась внѣшнею, доколѣ не бросалъ человекъ рѣшительно уже весь свой прежній бытъ, привязывавшій его къ родной землѣ, не забывалъ окончательно своего языка, своей вѣры, всего своего образа жизни, не пересаживался совершенно весь, со всѣмъ своимъ существомъ, на чужую почву, въ чужую жизнь со всѣми ея безчисленными особенностями.

Эта первоначальная уродливая двойственность нашего искусства, его внутренній разладъ вѣрно угаданы и выражены были нашею литературою въ слѣдующій ея пері-

одъ. Жалкая односторонность нашего искусства была понята; неестественность, нехудожественность фразерства была признана. И вотъ, современно съ тѣмъ, какъ въ верхнемъ слоѣ общества, исключительно доставлявшемъ матеріалъ для сатиры, блѣднѣе и слабѣе становились остатки стараго быта, по темному чутью искусство наше обратилось за прекрасными образами туда, откуда получило оно свой первоначальный паспортъ. Выѣстъ съ переводами нѣмецкихъ, англійскихъ и итальянскихъ поэтовъ, стали являться у насъ и собственные произведенія на тотъ же иностранный ладъ. Мы пѣли баллады и романсы, воспѣвали средніе вѣка и нѣмецкихъ бароновъ, даже—увы!—нѣмецкое филистерство. Обращались мы изрѣдка и къ своей родной почвѣ; но что же мы съ нею дѣлали? Въ нашей природѣ, однообразной и суровой, мы искали величественно-грозныхъ явленій Швейцаріи или разнѣживающаго итальянскаго неба. Обращались мы и къ своему прошлому, и дѣлали даже это не безъ удовольствія, ибо ложь, накинута на далекое, малоизвѣстное прошедшее, не такъ видна, какъ если обратить ее на современную, предъ глазами стоящую дѣйствительность. Но что же мы дѣлали съ своею исторіею? Мы и тамъ искали тѣхъ же рыцарей; и въ ту эпоху влагали тѣ же романтическія чувства. Поэзіи удавалось въ этотъ періодъ слагать произведенія дѣйствительно художественныя; создавались иногда личности положительно прекрасныя. Но онѣ были намъ чужія, и поэзія не имѣла ни малѣйшаго характера народности.

Пушкинъ былъ первымъ народнымъ поэтомъ. Разумѣется, мы вовсе не думаемъ входить здѣсь въ опредѣленіе художественной заслуги Пушкина вообще; скажемъ только о художественномъ сознаніи смысла нашей народной жизни, на сколько отразилось оно въ его произведеніяхъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ прочихъ, Пушкинъ былъ эпохою въ нашей литературѣ. Его время было временемъ, когда въ нашей жизни уже исчезли окончательно всѣ угловатости бывшаго разлада однѣхъ формъ съ другими. Цивилизація успѣла къ намъ проникнуть, успѣла даже кое-какъ слиться и помириться съ формами народнаго быта.

Но уничтоженіе угловатости породило въ тоже время пошлость,—естественное слѣдствіе неорганическаго смѣшенія двухъ противоположныхъ формъ, гдѣ та и другая потеряла свои характеристическія особенности, и чрезъ то потеряла внутренній смыслъ и внутреннюю истину, лежавшія въ нихъ, и гдѣ человѣкъ сдѣлался не болѣе, какъ носителемъ одной пустой формы, одною виѣшностію. Поэзія Пушкина,—это была поэзія игривая и беззаботная: по силѣ самаго хода жизни, отрѣшившись отъ прежняго исключительнаго отрицанія, признавъ самостоятельность жизни, искусство остановилось на томъ и не пошло далѣе. Художественною кистью поэтъ рисовалъ все, что ему попадалось подъ руку, безъ ярко очерченныхъ духовныхъ интересовъ, безъ опредѣленно — выдержанныхъ нравственныхъ стремленій. Въ прекрасно-художественной формѣ, съ сочувствіемъ отстаивая права жизни, права факта, права личности, онъ не покорялъ въ свсемъ поэтическомъ представленіи жизнь ея высшей нравственной, тѣмъ менѣе—религіозной истинѣ, не возводилъ личныхъ проявленій къ высшимъ духовнымъ началамъ. Касался ли онъ современной пошлости, она выходила изъ-подъ его пера такъ, какъ она есть, во всей ничтожности, — и за нею ничего болѣе: вы не слышите за нею нравственнаго суда, не чувствуете самостоятельнаго взора, устремленнаго на нее поэтомъ, и не знаете, устремлялъ ли онъ его; среди этой пошлости, рядомъ съ нею и въ ней самой нѣтъ ни одной успокоивающей, примиряющей съ жизнью черты. Подходилъ ли поэтъ къ личностямъ, хотя и пошлымъ, но уже болѣе развитымъ, нежели совершенное ничтожество, въ дѣятельности которыхъ уже проблеснулъ лучъ сознанія, онъ рисовалъ намъ апатію, безучастіе къ жизни.... Окончательное выясненіе этого безучастія принадлежитъ уже Лермонтову. Его Печоринъ—пошлость, но уже съ гораздо развитымъ, или лучше, съ единственно развитымъ сознаньемъ; это—безучастіе къ жизни, порожденное чувствомъ неудовлетворимости и сопровождаемое чувствомъ презрѣнія. Пошлость жизни не удовлетворяетъ его, и онъ ее презираетъ; но онъ презираетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все, что дорого и священо человѣку; презираетъ

не во имя какихъ-либо высшихъ духовныхъ интересовъ, которыхъ у него совсѣмъ нѣтъ, а во имя собственнаго эгоизма, вслѣдствіе именно этой-то своей пустоты, совершеннаго внутренняго ничтожества. И какой грустный, безотрадный смыслъ получаетъ жизнь подъ перомъ поэта, давшего въ своемъ романѣ торжество этой совершенно пустой внутри личности! Но къ счастью, это торжество далеко не дѣйствительность.

Таже пошлость жизни является содержаніемъ произведеній Гоголя. Но глубже взянуль на нее художникъ; не съ беззаботною игривостію сталъ онъ рисовать ее, и не во имя голаго эгоизма заклеимилъ ее презрѣніемъ. Наступила пора, что художественное сознаніе взглянуло въ свою очередь на жизнь, принявшую цивилизованныя формы, съ тою же строгостію, съ какою въ прежнее время обращались къ жизни, не тронутой цивилизаціей, и спросило: какъ прекрасно ея желаемое прекрасное? Осуществляются ли въ его осуществленіи общечеловѣческіе, высшіе духовные интересы, въ этой условной человѣчности — истинная человѣчность, въ условныхъ формахъ просвѣщенія — истинное общечеловѣческое просвѣщеніе? Нѣтъ нужды говорить, съ какою развѣдающею горечью раздался среди насъ этотъ смѣхъ съ затаенными внутри слезами, и не станемъ упоминать, какъ высоки, какъ всеобще-человѣчески нравственныя начала, слышныя въ этихъ слезахъ, за этимъ смѣхомъ. Сравните-жъ теперь съ произведеніями Гоголя упомянутыя нами сатиры Живонисца: не одни и тѣже ли приемы? Но какъ измѣнилось направленіе художественнаго воззрѣнія, какъ далеко отошло сознанье!

Спрашиваемъ: въ эту уже почти современную намъ эпоху, у трехъ почти современныхъ намъ поэтовъ есть ли хоть одна личность, художественно воспроизведенная предъ нами съ положительнымъ, безпристрастнымъ сочувствіемъ? Художественно представленъ ли предъ нами хоть одинъ уголокъ жизни, гдѣ бъ мы видѣли осуществленіе высшихъ духовныхъ интересовъ, относительно-полную гармонію явленій съ высшими нравственными началами? Мы не говоримъ о произведеніяхъ, содержаніе которыхъ относится

къ далекому прошлому. Разсуждать здѣсь о значеніи историко-художественныхъ произведеній намъ дѣтъ дѣли: можемъ сказать только мимоходомъ, что по нашему мнѣнію Тарасъ Бульба представляетъ такую глубину и полноту художественно воспроизведеннаго смысла, до которой достигали рѣдкіе изъ поэтовъ. Но мы спрашиваемъ о произведеніяхъ, относящихся къ современной или близкой къ намъ дѣйствительности: что въ ней представлено было намъ положительно прекраснаго? Были изображены предъ нами лица съ сочувствіемъ, но кто они? Ленскій, существо жалко-мечтательное и безхарактерное. Татьяна, съ глубокой, самой по себѣ, природой, но все-таки пустая, — сначала пустая по своей любви, обращенной къ ничтожному лицу, и потомъ пустая, по желанію рисоваться, допущенному въ выраженіе истины чувствъ. Акакій Акакіевичъ — жертва, выставленная только для болѣе сильнаго отрицанія. Во второй части Мертвыхъ Душъ губернаторъ и откупщикъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь, — ходячія сентенціи. Если хотите, были предъ нами личности съ положительными проявленіями высоко-человѣческаго. Максимъ Максимычъ — лице, положительно высокое, но на которое, по аристократическому чувству, Печоринъ смотритъ свысока и осмѣливается презирать его, а за нимъ и авторъ обращается съ обидной снисходительностью. Въ Старосвѣтскихъ помѣщикахъ затронуты проявленія чувствъ высоко-человѣческихъ въ формахъ самаго простаго быта, — но за то рядомъ какая пустота или лучше совершенное отсутствіе высшихъ интересовъ! Если прибавить къ упомянутымъ тремъ поэтамъ Грибоѣдова, — есть и у него Чацкій, съ высшими, но не признанными интересами, этотъ Правдинъ нашего времени, интересъ котораго на языкѣ, но безъ способовъ и умѣнья къ ихъ осуществленію, слѣдовательно безплодный фразеръ, хотя и честный человѣкъ. Чтожъ за тѣмъ предъ нами остается? Капитанская Дочка.... пожалуй, портретъ Гоголя, и нѣсколько эпизодическихъ мѣстъ Мертвыхъ Душъ и Невскомъ Проспектѣ... Но Боже мой, что же это за ничтожная капля въ морѣ? Что значитъ эта малочисленная группа предъ Оцѣгинымъ, Нулинымъ, Загорѣцкимъ и Фа-

мусовымъ съ братією, Печоринымъ, Чичиковымъ, Маниловымъ и всею многочисленною ватагою пошлости? Не должны ли мы сознаться, что искусство наше ограничивалось доселѣ однимъ отрицаніемъ, — голымъ отрицаніемъ во имя отвлеченной, условной истины въ самомъ своемъ началѣ, полнымъ безучастіемъ въ слѣдующій періодъ, отрицательнымъ, безразлично-широкимъ сочувствіемъ въ Пушкинѣ, и наконецъ столь же голо, какъ встарь, хотя и болѣе разумно, во имя высшей истины, но все-таки во имя отвлеченно-сознанной истины проведеннымъ отрицаніемъ у Гоголя? Понятно намъ послѣ того, почему у насъ невозможенъ былъ романъ, почему тѣмъ болѣе невозможна и смѣшна драма, а была и есть только комедія: литература, идя по обычной колеѣ, не могла въ формахъ народной дѣйствительности найти серьезной интриги, тѣмъ болѣе — серьезной борьбы. Понятно, почему, повинувась отсутствію интриги и борьбы, искусство возвысилось до художественнаго воспроизведенія одинокихъ личностей, но не возвышалось до художественности въ изображеніи всѣхъ вообще серьезныхъ столкновений. Понятно послѣ того, почему и какъ исключительная типировка лицъ привела наконецъ къ безобразію такъ называемой натуральной школы, къ ниспаденію искусства въ ремесло, и наконецъ къ обезображенію самаго понятія объ искусствѣ, къ освященію этого самаго ремесла названіемъ искусства. Понятно послѣ того, что литература оставляла одно грустное, раздражающее впечатлѣніе. И наконецъ понятно, если хотите, что въ выходкахъ противъ Гоголя, какія дозволяло себѣ тупоуміе и личный задоръ, была доля правды. Не говорите намъ, что творчество свободно, что художникъ воленъ извлекать изъ дѣйствительности все, что угодно для его своенравной фантазіи, и хорошее, и дурное, и что глина равно какъ и мраморъ, можетъ служить матеріаломъ для прекраснаго созданія. Мы не споримъ противъ свободы творчества, не споримъ противъ произвола художника, согласны безъ сомнѣнія, что равно чудны стекла, озирающія солнца и передающія движенія не замѣченныхъ насекомыхъ, преклоняемся предъ художествен-

нымъ гениемъ нашихъ великихъ поэтовъ. Но мы говоримъ объ односторонности народного искусства, споримъ противъ односторонности въ его воззрѣніи. Художникъ въ правѣ останавливаться надъ грязными явленіями жизни, но народное искусство, все—цѣло, взятое не должно быть выраженіемъ одной грязи, иначе оно перестаетъ быть искусствомъ въ высшемъ значеніи этого слова, лишено полного художественнаго пониманія истины. Гоголь живѣе, чѣмъ кто-либо понималъ нравственные требованія отъ искусства, глубже, чѣмъ кто-либо чувствовалъ необходимость положительно-прекрасныхъ образовъ для своихъ произведеній, и его авторская исповѣдь, равно какъ и попытки во второй части Мертвыхъ Душъ, служатъ тому доказательствомъ. Но онъ ошибался въ своемъ личномъ призваніи, не понималъ необходимой, разумной односторонности своихъ произведеній, не зналъ, что воззрѣніе художнику даетъ само время, сама жизнь, и что искусство въ отдѣльномъ народѣ, какъ и все на свѣтѣ, доходитъ до полного своего цвѣта постепенно, выражая сперва въ себѣ то одну, то другую сторону жизни, и слѣдуя въ этомъ собственному ея откровенью; онъ забылъ, что не въ силахъ самъ собою вполне раздвинуть тѣсный кругозоръ нашего искусства, видѣвшаго и бравшаго жизнь только въ точкѣ соприкосновенія ея съ иноземнымъ бытомъ.... Онъ хотѣлъ опередить время,—широко развитое личное сознаніе хотѣло вынудить у фантазіи то, чего не доставляла ей ни видимый бытъ, ни сознаніе общества: — и онъ палъ жертвою борьбы съ собственнымъ талантомъ, жертвою честнаго недоразумѣнья. Поклонимся его могилѣ и пожалѣемъ о его ошибкахъ!

Рядомъ съ изображеніемъ живой дѣйствительности шло у насъ согласное съ нимъ и изображеніе обстановки жизни, природы. Найдите вамъ хоть одно описаніе, гдѣ бы свѣтилось полное сочувствіе къ природѣ, совершенное, услажденіе ею, ничѣмъ не возмущаемое, — гдѣ бы не было положено отрицанія на природу, или не отражалось бы отрицаніе, положенное на жизнь. Что касается до насъ, признаемся откровенно, что, кромѣ описаній собствен-

по малороссійской природы у Гоголя, изъ всего читапнаго не осталось въ нашей памяти ни одного успокоивающаго образа, разумѣется, художественнаго,—ни одного художественнаго же описанія, въ которомъ бы являлось вполне удовлетворенное воззрѣніе на природу. «Въ деревнѣ скучно, грязь, ненастье, осенній дождь, да мелкій снѣгъ, да вой волковъ», говоритъ Пушкинъ о нашей природѣ. «въ послѣднихъ числахъ сентября, презрѣнной прозой говоря». «Бѣдна природа въ тебѣ», восклицаетъ обращаясь къ Русю Гоголь, «не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, города съ многочисленными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя деревья и плющи, вросшіе въ дома, въ шумъ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенные одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несыѣтными миллионами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди ровиныъ невысокіе твои города; ни что не обольститъ и не очаруетъ взора». Вотъ болѣе или менѣе общая тема, которую повторяли всѣ въ описаніяхъ природы: — пустынно, скучно, однообразно! Если являлись описанія, набросанныя съ сочувствіемъ, — онѣ были отвлеченны, и слѣдовательно не художественны. Таково, напримѣръ, начало третьей главы Онѣгина, гдѣ въ прекрасныхъ стихахъ предлагаются только общія мѣста,—лугъ, поле, стадо, цвѣты и наконецъ «огромный запущенный садъ, пріютъ задумчивыхъ дріадъ»;—недостаетъ сентиментальныхъ пастушковъ, чтобы окончательно превратить описаніе въ реторическую, французскую идиллію XVIII вѣка. Или же картина прекрасной природы становилась рядомъ съ изображеніемъ грязной жизни, для контраста, и слѣдовательно въ дополненіе грустнаго впечатлѣнія, производимаго грязною вокругъ совершающеюся жизнью. Такого описаніе Плюшкинскаго сада.

само по себѣ съ сочувствіемъ отдавленное, но единственно для того, чтобъ ярче выставить всю гадость такой твари, какова была—хозяинъ этого сада. Наконецъ съ сочувствіемъ бѣжалъ къ природѣ художникъ, но это—мѣсто отдохновенія для души разбитой, изнеможенной отъ безвыходнаго отрицанія, и въ тоже время гордой своимъ отрицаніемъ. Непріятно дѣйствуетъ на васъ въ такихъ описаніяхъ и самая прекрасная природа, какъ бы принявшая на себя болѣзненное дыханіе жизни. Она непріятна, какъ непріятна для васъ вещь, успокаивающая больного, но оставляющая на себѣ слѣдъ его болѣзненного прикосновенія;—сравненіе непріятное, но, по нашему мнѣнію, имъ вѣрно изображается самое дѣло.

Мы довольно уклонились отъ главнаго предмета. За то, надѣмся, теперь читателямъ понятнѣе будутъ наши выводы. И такъ, вслѣдствіе самаго своего происхожденія слѣдуя необходимому закону въ своемъ развитіи и ходу самой жизни, литература наша до Гоголя включительно была подъ вліяніемъ отвлеченнаго, условнаго и большею частію отрицательнаго воззрѣнія на жизнь. Остается ли она и доселѣ подъ исключительнымъ вліяніемъ тогоже воззрѣнія? Къ счастью, мы должны отвѣчать на это отрицательно. вмѣстѣ съ завершеніемъ художническаго поприща Гоголя, подъ вліяніемъ безотраднаго впечатлѣнія, произвѣдимаго его героями, а еще болѣе подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго чуждыми, до бессмысленности дошедшими подражаніями ему,—сперва въ обществѣ, а потомъ и въ самой литературѣ возбудилось желаніе отыскать положительное содержаніе для нашего искусства, художественно примирить высшія духовныя начала съ осмѣянными, оплеванными, презрѣнными формами жизни. Въ искусствѣ явились частныя попытки отрѣшиться отъ голаго отрицанія, и въ слѣдствіе того измѣнить самую точку зрѣнія. Съ чувствомъ благодарности мы должны напомнить о нѣсколькихъ молодыхъ талантахъ, пошедшихъ впередъ по этой свѣжей неизмятой дорогѣ,—должны привѣтствовать эту зарю полнаго разсвѣта нашего искусства. Мимоходомъ сказать, наше

мнѣніе таково, что литература у насъ далеко еще не со-
здалась,—общественное сознаніе еще не стоитъ вровень съ
самою жизнію. Она еще идетъ къ тому, и когда придетъ,
въ дальнѣйшемъ холѣ своемъ будетъ отражать уже не
смыслъ народной жизни вообще, но смыслъ современной
жизни, ея историческіе моменты. Конечно мы не говоримъ
того, чтобъ наше искусство не стояло и теперь въ связи
съ нашею исторіею и не отражало ея въ себѣ. Оно отра-
жаетъ ее, и даже отъ того происходитъ особенный его
странный видъ, когда оно, еще не принявъ въ себя вполне
началъ народной жизни, схватываетъ въ тоже время на
лету мимонесущіяся событія, порожденные тѣмиже са-
мыми началами, — представляетъ видъ какого-то экипажа
на трехъ колесахъ, не додѣланнаго и додѣливаемаго на
дорогѣ и въ тоже время несущагося быстро впередъ. Но
объ этомъ слишкомъ долго было бы распространяться. И
такъ намъ сильно хотѣлось бы назвать нѣсколько именъ,
которыя показываютъ новое, болѣе отрадное движеніе ли-
тературы. Выѣстъ съ словомъ искренней благодарности, мы
сказали бы можетъ-быть одному о неполной выдержан-
ности, о колебаніи его воззрѣнія, съ добрымъ желаніемъ
побудить талантъ къ дѣятельности, вполне ему приличной
и его достойной. Мы высказали бы можетъ-быть другому
выѣстъ съ признаніемъ въ наслажденіи, которое доставили
намъ его произведенія, сожалѣніе о томъ, что при новомъ
воззрѣніи писатель не отрѣшился еще въ формѣ своихъ
произведеній отъ старыхъ пріемовъ, выработанныхъ преж-
нимъ воззрѣніемъ и годныхъ только для него:—въ старыя
мѣха не вливаютъ новаго вина! Иному указали бы на из-
лишнее стремленіе къ картинности, въ иномъ замѣтили бы
склонность къ сентиментальности. Но мы удерживаемъ
себя на этотъ разъ. Указать имена, по нашему мнѣнію,
значить взять на себя обязанность полнаго добросовѣстнаго
разбора и самыхъ произведеній. Но это отвлекло бы насъ
слишкомъ далеко отъ главной цѣли. Мы напомнили о но-
вовозникающемъ направленіи въ литературѣ единственно
за тѣмъ, чтобъ указать на писателя, которому посвященъ
нашъ разборъ, какъ на одного изъ лучшихъ его предста-

вителей, и за тѣмъ, чтобъ лучше пояснить достоинство, которому, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ обязанъ авторъ художественностію своихъ произведеній и которое было главною причиною его успѣховъ. Въ г. Аксаковѣ, по нашему мнѣнію, виднѣе нежели въ другихъ это возникающее отрѣшеніе искусства отъ прежней отрицательности, отвлеченности, условности воззрѣнія. Оно въ немъ гораздо выдержаннѣе и доходитъ даже до полнаго безпристрастія къ дѣйствительности, но безпристрастія сочувствующаго, желающаго въ каждомъ явленіи отыскать свѣтлую сторону, которою бы смягчалось впечатлѣніе, производимое его темною стороною. Читая произведенія г. Аксакова, вы не находите даже во внѣшнихъ приѣмахъ художника слѣдовъ прежняго исключительнаго, условнаго воззрѣнія на жизнь. Его юморъ добродушенъ; его негодованіе никогда не переходитъ въ эгоистическое презрѣніе или въ мертвое безучастіе; въ немъ нѣтъ невольнаго у другихъ желанія покрупнѣе выставить и тщательнѣе выдѣлать попадающуюся подъ руки пошлость. Разумѣется, мы все это говоримъ только относительно упомянутаго нами воззрѣнія. Сравнивать г. Аксакова съ прочими нашими писателями, съ писателями повѣстей и комедій и проч. въ другихъ отношеніяхъ мы вовсе не думаемъ. Такое сравненіе и невозможно: между ними нѣтъ общаго. Хотя мы и признаемъ г. Аксакова художникомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова, но не надо забывать, что его произведенія все-таки не суть чистый вымыслъ, чистое творчество, и въ этомъ отношеніи онъ не можетъ быть поставленъ на ряду съ другими художниками. Но относительно внутренняго воззрѣнія можемъ сравнивать г. Аксакова съ другими, и въ этомъ-то отношеніи говоримъ, что его воззрѣніе чище, выше и шире, нежели какое находимъ мы вообще у современныхъ писателей. И понятно, почему съ такимъ единомудріемъ увлеклись его произведеніями. Среди пошлости, ничтожества, пустоты прежде исключительно и доселѣ преимущественно изображаемыхъ лицъ и движеній, отрадно успокоить взоръ на лицахъ и движеніяхъ, полныхъ смысла, въ которыхъ нѣтъ ни тѣни пошлости! Всею силою от-

дается душа этому новому, но близкому къ ней міру, съ участіемъ проживаетъ изображаемую предъ нею жизнь, среди знакомыхъ ей, но въ новомъ, утѣшительномъ свѣтѣ представленныхъ обстоятельствъ! И мимоходомъ отдадимъ честь нашей публикѣ, отдадимъ честь нашему литературному сознанію,—этому рѣдкому явленію единодушія, не заслоняемаго никакимъ мелочнымъ чувствомъ, эгой свѣтлости взора, не засоряемаго никакими близорукими требованіями. Это доказываетъ, что, при всей насущной пошлости, при всей вошедшей въ кровь наклонности къ условному, презрительному отрицанію, въ насъ много нравственного чутія, много стремленія къ высшимъ духовнымъ интересамъ!

Авторъ прежде всего выступилъ предъ нами съ сочиненіями, посвященными охотѣ, съ «Записками объ Уженьѣ», съ «Записками Ружейнаго Охотника», съ «Разсказами и Воспоминаніями Охотника.» Намъ кажется, что, издавая эти книги, авторъ самъ не вполне ясно чувствовалъ свое призваніе. Онъ придавалъ книгамъ своимъ, какъ кажется, утилитарное значеніе. Объ этомъ свидѣлствуетъ вся постройка этихъ книгъ, и различіе перваго, болѣе сухаго изданія книги объ уженьи отъ втораго, болѣе поэтического. Но по нашему мнѣнію, собственно утилитарнаго значенія онѣ и не имѣютъ. Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, въ книгахъ его много лишняго, много лишнихъ описаній, бесполезныхъ для охотника, не имѣющихъ прямой практической приложимости, и въ тоже время многого недостаетъ, чего могъ бы пожелать охотникъ, чтобы практически пользоваться книгою. Книга его,—мы говоримъ о лучшей, т. е. полнѣйшей по отношенію къ внутреннему воззрѣнію книгъ,—Запискахъ ружейнаго охотника, напротивъ имѣетъ, какъ замѣчено было уже и всѣми, вполне поэтическое значеніе. Она можетъ быть опредѣлена, какъ художественное воспроизведеніе безкорыстнаго сопрیکосновенія чловѣка съ природой. Такова собственно и есть охота. Она сама по себѣ есть прекрасное явленіе, какъ прекрасно всякое безкорыстное, одушевленное увлеченіе; она вдвойнѣ прекрасна, потому что не есть увлеченіе бездѣй-

ственное, она вся движеніе, вся борьба. Но успокоительно дѣйствуетъ на васъ видъ этой борьбы, ибо предъ вами нѣтъ сознанаго, невиннаго страданія. Жертва борьбы—природа не сознающая и не свободная, не имѣющая нравственнаго значенія. Авторъ съ одной стороны описываетъ намъ природу, какъ одну изъ сторонъ, едва-было мы не сказали,—какъ одинъ изъ моментовъ этой борьбы. Съ художническимъ тактомъ онъ рисуетъ намъ ее на столько, на сколько нужно, чтобъ выступила она для возбужденія прекраснаго ощущенія. Онъ старается подмѣтить въ ней жизнь тамъ, гдѣ она замѣтна: слѣдитъ за проявленіями любви въ селезняхъ, дупеляхъ, перепелкахъ, тетеревахъ, подмѣчаетъ всѣ ихъ движенія, въ которыхъ видно это чувство; описываетъ хитрость птицы,—осторожность гусей, охраняемыхъ своими ночными стражами, ловкость гоголя, ускользающаго отъ самой вѣрной руки и отъ самаго меткаго выстрѣла въ одинъ мигъ, по одному звуку спускаемаго курка, притворство утки, притворяющейся хромою и больною, лишь бы только защитить своихъ дѣтей, лишь бы только отвести отъ нихъ чуткую собаку и неумолимаго охотника, особенность стрепета, умѣющаго спрятаться около васъ самихъ, на той самой дорогѣ, по которой вы ѣдете, и обманывающаго васъ,—вольно или невольно, Богъ его знаетъ,—своимъ, какъ будто отдаленнымъ, а между тѣмъ очень близкимъ отъ васъ крикомъ.... Онъ возбуждаетъ участіе къ птицѣ, истребляемой охотникомъ, вводя васъ въ ея жизнь, приближая эту жизнь къ вашей жизни, заставляя ее дѣйствовать, чувствовать, почти даже мыслить по вашему. И такъ вотъ она, изображенная со всѣми способами къ борьбѣ, со всѣми орудіями обороны, со всѣми правами на ваше участіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ту же жизнь наноситъ онъ и на мертвую, бездушную природу, какъ на поприще этой борьбы. Дерево у него задумывается, бо-мото, какъ живое, колеблется подъ ногами или засасывается съ себя неосторожнаго охотника. «Отраденъ видъ густаго лѣса въ знойный полдень, освѣтителенъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутренняя тишина и пріятенъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по ея

вершинамъ! Его мракъ пьетъ что-то таинственное, неизвѣстное; голосъ звѣря, птицы и человѣка измѣняются въ лѣсу, звучатъ другими странными звуками. Это какой-то особый міръ. и народная фантазія населяетъ его сверхъестественными существами, «лѣшными» и «лѣсными дѣвками», также какъ рѣчные и озерные омуты — «воляными чертовками»; но жутко въ большомъ лѣсу во время бури, хотя внизу и тихо; деревья скрипятъ и стонуть, сучья трещатъ и ломаются. Непольный страхъ нападаетъ на душу и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто.» Если природа сама и не живетъ собственнымъ чувствомъ, — она возбуждаетъ къ жизни ваше чувство и фантазію! Но вотъ прелъ вами и охотникъ, весь отданный этой борьбѣ, отданный съ безкорыстнымъ увлеченіемъ. Съ самой ранней весны, еще до зимняго исхода, онъ смотритъ на любимое свое ружье, безъ всякой нужды нѣсколько разъ сниметъ его со стѣны, пересмотритъ и вычиститъ. Не разъ выходитъ онъ на воздухъ, чтобъ подсмотрѣть, не начался ли прилетъ. Наступаетъ весна. Съ замираніемъ сердца слышитъ онъ разноголосый крикъ летучаго населенія степи; онъ бѣжитъ, преодолеваетъ всѣ препятствія, какія поставляетъ ему осторожность, птицы, неудобство мѣстности, дальность разстоянія; увязаетъ въ болотѣ, тонетъ въ согнившемъ деревѣ, измученный, усталый, онъ забываетъ свою усталость, чтобъ подстеречь дорогую ему птицу. Но онъ дорожитъ ею совсѣмъ не какъ средствомъ прибытка; онъ отвращается добычливой охоты, гдѣ не дается птицѣ полный просторъ и свобода, гдѣ отъ охотника не требуется ловкости и труда, гдѣ для него нѣтъ препятствій; ему совѣстно убивать птицу, ослѣвленную отъ любви и не замѣчающую грозящей ей опасности, даже не помышляющую о ней въ своемъ страстномъ упоеніи. Словомъ, онъ любитъ истребляемую имъ птицу, со всѣмъ горячимъ участіемъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за ея образомъ жизни, всякая въ ея нравъ, интересуясь каждымъ ея движеніемъ. Итакъ повторимъ, что сказано нами гораздо выше: здѣсь главное мѣсто занимаетъ не природа и не красота природы сама по себѣ, напротивъ жизнь, соприкасающаяся съ при-

родою и красота безкорыстнаго соприкосновенія. Авторъ не описываетъ явленій природы во всей самостоятельной красотѣ ихъ, на сколько она для нихъ возможна: онъ указываетъ ее, на сколько она возбуждаетъ охотника. И въ довереніе прекраснаго ощущенія, вызываемаго полнымъ миромъ чловѣка съ природой, природа является у него, на сколько она другъ, а не врагъ чловѣку, и препятствіе невинное, легко преодолеваемое, даже препятствіе, котораго самъ ищетъ и которымъ самъ наслаждается чловѣкъ!

Но художественно изображенная охота возбуждаетъ ваше сочувствіе только отрицательно. Васъ увлекаетъ процессъ этой борьбы только своимъ безкорыстіемъ, отсутствіемъ мелкихъ эгоистическихъ интересовъ. Но въ сущности эта борьба пуста: ибо жизнь, съ которою борется охотникъ, ея противодѣйствіе, и препятствія, которыя ему нужно преодолевать, все это—вымысль. Сочувствіе и любовь охотника къ своимъ жертвамъ также пусты: ибо они обращены на природу, не имѣющую нравственнаго достоинства. Перейдите маленькую черту, и успокоивающее, а отчасти трогательное впечатлѣніе превратится въ комическое. Въ комическомъ характерѣ явится предъ вами чловѣкъ, бросающій важные интересы жизни, чтобъ отдаться наслажденію, ничтожному и пустому самому по себѣ. Та прекрасная природа, живая и возбуждающая ваше участіе, явится предъ вами грязнымъ, туманнымъ, сырымъ, крайне непріятнымъ болотомъ, или однообразнымъ, не успокоивающимъ вашего взора полемъ. И самъ охотникъ въ пыли, на половину въ грязи, съ едва переводимымъ дыханіемъ слѣдящій за движеніями маленькой птички, истощающій запасъ силы, ума и искусства, чтобъ убить ее,— не комическое ли явленіе? Итакъ нужно много такта, много живаго, свѣжаго воззрѣнія, чтобъ освѣтить эту картину. Нужно много имѣть въ запасъ нравственно-художественнаго воззрѣнія, чтобы чрезъ самое это отсутствіе всякихъ положительныхъ интересовъ внести въ васъ смутный, едва слышный образъ высшихъ интересовъ, имѣющихъ положительное право на сочувствіе!

Исцѣ это воззрѣніе, положительнѣ права жизни на со-

чувствіе въ новой книгѣ г. Аксакова, гдѣ изображается уже не природа и не жизнь среди природы и съ природою, но жизнь сама среди себя. Талантъ автора и здѣсь остается по преимуществу талантомъ описательнымъ: тамъ, гдѣ касается онъ природы, выходятъ самыя лучшія, ландшафтные страницы книги. Но описанія по отношенію къ главному содержанію книги составляютъ второстепенное; природа здѣсь только обстановка жизни, поприще, на которомъ вращается дѣятельность Багровыхъ, Куролесовыхъ, Аксаковыхъ и пр., изображенія ея только дополняютъ цѣлостное впечатлѣніе, которое производитъ въ насъ положительное содержаніе самой жизни. Предъ вами—горячая прямота Степана Михайловича Багрова, ненавидящаго всякія кляузы, лицемеріе, всякую ничтожность и мелочность, переселяющагося ради этого въ далекій край, гдѣ онъ скоро сталъ благодѣтелемъ, совѣтникомъ, стцемъ всего околотка. Это натура—грубая и невоздѣланная, но сочувствующая просвѣщенію и уважающая его въ лицѣ своей невѣстки. Недостатокъ рефлексіи, приобретаемой образованіемъ, онъ замѣняетъ тѣмъ нравственнымъ чутьемъ, которыми глубоко нравственная, цѣльная натура угадываетъ ложь и гадость въ человѣкѣ, какъ бы ни была благообразна ея наружность; натура,—не уступающая никакому обольщенію, напротивъ все ломающая и сокрушающая на своей прямой дорогѣ, жертвующая прямою всѣмъ, всѣмъ безъ исключенія, даже собственными своими сердечными, дорогими чувствами, спокойствіемъ, здоровьемъ, почти счастьемъ горячо любимой семьи. Предъ вами—строгая твердость Прасковьи Ивановны, сначала беззаботной дѣвочки, дававшей волю своимъ дѣтскимъ желаньямъ во всей невинной широтѣ ихъ, но вдругъ перемѣнившаяся послѣ замужества, когда природная широта и твердость характера должна была явиться уже не въ игрушкахъ, а въ болѣе серьезныхъ предметахъ жизни, тяготившейся прежде своимъ непотачникомъ братомъ, и потомъ вдругъ горячо ему преданной. «Прочла ли она въ его глазахъ, полныхъ слезъ при встрѣчѣ съ нею, сколько скрывается любви подъ суровой наружностью и жестокимъ самовластіемъ этого че-

ловѣка? Было ли это темное предчувствіе будущаго, или неясное пониманіе единственной своей опоры и защиты? Почувствовала ли она безсознательно, что изъ всѣхъ ба-ловницъ и потачицъ ея ребяческимъ желаніямъ — всѣхъ больше любить ее грубый братъ, противникъ ея счастья, не влюбившій любимаго ею мужа?... Не знаю, но для всѣхъ было поразительно, что прежняя легкомысленная, равнодушная къ брату дѣвочка, не понимавшая и не признававшая его правъ и своихъ къ нему обязанностей, имѣющая теперь всѣ причины къ чувству непріязненному за оскорбленіе любимой бабушки, — вдругъ сдѣлалась не только привязанною сестрою, но горячею дочерью, которая смотрѣла въ глаза своему двоюродному брату, какъ нѣжно и давно любимому отцу, нѣжно и давно любящему свою дочь....» Но твердость и широта ея характера явилась въ полномъ видѣ только тогда, какъ вытерпѣла она пятисуточное свое голодное заключеніе въ подвалѣ, не измѣнивъ разъ выраженному желанію прекратить дальнѣйшія злодѣйства своего мужа, — и она вытерпѣла бы до конца! — и когда по смерти своего злодѣя-мужа заплакала и пожалѣла о его безпокаянной смерти. Предъ вами цѣлый Григорій Ивановичъ, возвышенное, до деликатной щекотливости добросовѣстное чувство долга, чувство, насилующее свою мягкую натуру, вынуждающее у ней не свойственную холодность и суровый видъ. Шйшковъ, — безкорыстная, до самозабвенія доходящая преданность идеѣ общаго блага, какъ оно ни было понимаемо; — съ твердостью, съ упорствомъ, съ мученическимъ постоянствомъ служащій своимъ идеямъ, не смотря на озлобленныхъ и торжествующихъ противниковъ. «Эту твердость называли упрямствомъ, изувѣрствомъ; но Боже мой, какъ бы я желалъ многимъ добрымъ людямъ настоящаго времени, поболѣ этого упрямства, этой горячей ревности!....» Тихія, цѣломудренныя отношенія Угличинныхъ, въ атмосферѣ которыхъ все такъ оживляется, что почти совсѣмъ завядшіе цвѣты снова расцвѣтаютъ, — проявленія неизмѣримой материнской любви, рѣшающейся на опасности страшныя и мужины, для спо-

койствія малютки сына, дружескія отношенія мальчика-брата съ дѣвочкой — сестрицей, картина учащагося юношества, пылаго, благороднаго, съ безкорыстно-честными стремленіями, наконецъ вообще чувства семейныхъ и территоріальныхъ привязанностей, столько воспитывающихъ нравственно человѣка, сохраняющихъ его честь и чистоту.... И надъ всѣмъ этимъ парить общій смыслъ всей нашей жизни, — воззрѣніе, безпристрастное и къ старымъ грубымъ формамъ, и къ недавней цивилизованности, и сочувствующее прямо и ясно только просвѣщенію....

Да, въ этой книгѣ слышите вы столько художественно воспроизведенной правды, столько нравственной чистоты, столько, чувствуете, положено въ ней сочувствія къ добруму, и единственно къ добруму, что не обинуясь мы поставили бы ее въ число первыхъ книгъ къ нравственному воспитанію юношества. Ея художественное изложеніе увлекаетъ васъ: истина, передаваемая въ образахъ, принимается не головой, не однимъ знаніемъ, часто чуждымъ и внѣшнимъ вашей жизни, но всею восприимлемостію души. Какъ и всегда бываетъ съ прекраснымъ, она захватываетъ всю вашу душу, заставляетъ проживать весь изложенный и положенный здѣсь ходъ мысли и чувства, а между тѣмъ сколько добраго, — Боже мой, сколько добраго возбуждается чрезъ это въ васъ, какія глубоко залегшія, полузаглушенныя чувства выхватываются изъ васъ. Какъ изъ душевой, комнатной, спертой атмосферы вышедши на свѣжій воздухъ, вы чувствуете себя среди этого міра лучше, свѣжѣе, чище, вы духовно воспитываетесь. Прочь, прочь отъ этой пошлости, отъ этой величавой пустоты и ничтожнаго величія, благообразнаго порока и малодушной доброты, прочь отъ всей этой дряни, которую, — увы! — столько богатъ современный намъ вѣкъ и которую съ такою грустною вѣрностію, съ такою оскорбляющею услужливостію угощаетъ насъ современная намъ литература!....

Когда мы сказали, что эта правда, эта чистота, это безпристрастное ко всякой формѣ жизни сочувствіе къ добру выражено въ нововышедшей книгѣ г. Аксакова художе-

ственно, и потомъ даже прибавили,—въ образахъ: то само собою разумѣется, что все это высказывается самою изображаемою жизнью, ея ходомъ, свободными, разнообразными дѣйствіями описываемыхъ лицъ, и только взрѣдка изливается въ видѣ неудержимаго личнаго чувства. Если бы передъ нами было чисто-творческое произведеніе искусства, то конечно мы спросили бы при этомъ: вполнѣ ли вѣрны дѣйствительности эти изображаемые дѣйствія и лица? Но предъ настоящею книгою подобный вопросъ неумѣстенъ: авторъ рисуетъ съ натуры, и описываемыя имъ лица и дѣйствія не выдуманы. Однакоже мы должны въ этомъ отношеніи отдать справедливость художническому такту автора. Въ своихъ описаніяхъ онъ не ограничивается, во первыхъ, одною общою постановкою изображаемыхъ лицъ и дѣйствій; съ отчетливостію, какой иногда можетъ позавидовать послѣдователь натуральной школы, передаетъ онъ особенности рѣчи того или другаго лица, его обыкновенный костюмъ, походку, ничего незначащія повидимому привычки и вообще разныя мелочи, которыми сопровождается наша виѣшняя жизнь. Но съ другой стороны, все это возвышается имъ до типическаго выраженія, во всемъ свѣтитъ внутреннее и общее, характеръ ли цѣлаго лица, или даже характеръ всей извѣстной жизни. Калиновъ подожекъ Степана Михайловича, домашній холстъ, изъ котораго шились ему рубашки, тихая походка Шишкова, едва волочившаго ноги и ничего предъ собою не видѣвшаго, какія нибудь повидимому незначащія и совершенно ненужныя для васъ лица, Ванька Мазанъ и Танайченко съ выпитымъ жбаномъ хозяйской бражки, мельникъ Болтунемокъ, капитанша Аристова, — даже котъ Тимошка и кошка машка,—все это, не смотря на видимую свою незначительность, оказывается необходимо нужнымъ для объясненія общаго смысла исторической личности или цѣлага отдѣла жизни; и отнимите это,—вы почувствуете, что изображеніе не такъ полно или не такъ ясно. Этимъ художническимъ умѣньемъ пользоваться мелочами жизни г. Аксаковъ возвышаетъ свое произведеніе до чистаго искусства, во всемъ высокомъ смыслѣ этого слова. И оно дѣй-

ствительно таково. Какъ чистый художникъ беретъ вертящуюся около него мелочь жизни, очищаетъ ее и возводитъ ее до типическаго выраженія, такъ тоже самое дѣлаетъ и нашъ авторъ. Все различіе между нимъ и чистымъ художникомъ только въ томъ, что вниманіе послѣдняго разсѣяно по всей широтѣ дѣйствительности, откуда онъ выбираетъ самъ, что ему угодно, а не сосредоточено и не облегчено въ тоже время готовымъ, даннымъ уже кружкомъ жизни, готовыми уже личностями. Но и это различіе такъ ли существенно, какъ думаютъ?

Понятно, что такая законченность изображенія, въ которой общій смыслъ выражается въ глубоко вѣрныхъ дѣйствительности и въ главномъ даже прямо снятыхъ съ нея мелочахъ жизни, дѣлаетъ самую красоту жизни только относительною. Нами уже замѣчено было выше, что такая необходимая судьба искусства. Возводя мелочь жизни до типически-прекраснаго выраженія, отрѣшая ее отъ той матеріальной живости, съ какою является жизнь въ дѣйствительности, оно низводитъ въ тоже время самую истину съ чистой отрѣшенности, въ какой она является въ понятіи. Оно изображаетъ ее среди грязной, ложной обстановки, и представляетъ намъ какъ цѣль или результатъ жизненной борьбы, или просто какъ пробивающійся свѣтъ сквозь грубую кору животной жизни. Это — необходимое условіе живости его произведеній. Мы напоминаемъ здѣсь о немъ, чтобъ пояснить, почему при внутренней правдѣ и чистотѣ, которою дышетъ разсматриваемое нами произведеніе, не всѣ однакожь лица, изображаемыя въ немъ, безусловно прекрасны. Вы сочувствуете жизни, которую изображаетъ авторъ, сочувствуете въ ея высшемъ, общемъ смыслѣ, любите даже эти частныя лица; однакожь не каждой чертѣ изображаемой жизни несете нравственное одобреніе. Хороша сама по себѣ прямога Степана Михайловича, но въ какихъ формахъ она выражается! Вы уважаете, преклоняетесь предъ высотой Шишкова, и въ тоже время онъ смѣшонъ вамъ своими странностями. Какая пустота жизни Угличинныхъ, хотя и заслуживающихъ вашей любви! Непріятель многими чертами Шутерингъ;

грязна дикая натура Яковлева; комично увлеченіе Державина. Странно было бы также назвать заслуживающими сочувствія выходки сестеръ Алексѣя Степановича, Главнаго Надзирателя К. и Директора, покровительствующаго негодю вахмистру. И наконецъ предъ вами цѣлый образъ Куролесова, вопіющее нарушеніе человѣческихъ правъ, попраніе самыхъ священныхъ, присущихъ каждому требованій; образъ, отъ котораго мы отвернулись бы въ дѣйствительности съ содроганіемъ... Но въ томъ-то и тайна искусства, въ томъ-то и достоинство нашего автора, что грязная обстановка, грубыя формы, чудовищные образы, все это является покореннымъ общему, пролегающему здѣсь воззрѣнію на жизнь; и вы чувствуете себя успокоеннымъ, не оскорбляетесь изображеніями, даже сочувствуете этимъ лицамъ и любите ихъ,—только впрочемъ не Куролесова. Авторъ не утверждаетъ на проявленіяхъ животности въ человѣкѣ, не представляетъ ихъ, какъ самостоятельныя явленія, но изображаетъ ихъ какъ, форму открытія высшихъ началъ или какъ безразличную обстановку, или наконецъ ставитъ тутъ же, рядомъ съ ними, положительно прекрасную черту, которою примиряетъ васъ съ жизнью, и которою въ тоже время само собою казнится рядомъ стоящее безобразіе. Степанъ Михайловичъ бьетъ свою Аришу, заставляетъ для забавы своей драться людей на кулачкахъ. Но его обращеніе съ женою является здѣсь только формою, въ которой обнаруживается прямота его характера. Какъ мы сказали, онъ жертвуетъ своею прямою всѣмъ, жертвуетъ своимъ семейнымъ спокойствіемъ, своею любовью, слѣдовательно своими же интересами, жертвуетъ своимъ здоровьемъ,—слѣдовательно самъ же себя и наказываетъ. Тѣмъ безобиднѣе для нашего чувства грубыя его выходки, что не слышится при этомъ чувства оскорбленія въ самыхъ его жертвахъ. Ни Арина Васильевна, ни Ванька Мазанъ не протестуютъ противъ правъ Степана Михайловича. Они находятъ это въ порядкѣ вещей; они чувствуютъ себя даже стоящими этого. «Лучше бей меня, да своего добра не руби»: вотъ какъ разсуждаетъ Арина Васильевна. Мазанъ и Танайченко съ своей стороны всту-

пають въ бой между собой не съ самоотверженіемъ , а съ удовольствіемъ и даже съ увлеченіемъ, и самъ Степанъ Михайловичъ принужденъ унимать ихъ легко возгорающійся задоръ. Что сказали мы о Степанѣ Михайловичѣ, то болѣе или менѣе относится и ко всѣмъ. Вы смѣтаетесь надъ странностями Шишкова , но нарушается ли смѣхомъ чувство вашего уваженія къ этой личности? Не удивляется ли даже оно представленіемъ, что смѣшная разсѣянность есть только обнаруженіе всецѣлаго погруженія въ великое общее дѣло? И не готовы ли будете вы, встрѣтивъ такое лице въ дѣйствительности, не только отказаться отъ всякаго надъ нимъ смѣха, но даже поблажать его забавнымъ привычкамъ, убаюкивать его , и поблажать и убаюкивать ради общечеловѣческихъ, высоко-нравственныхъ требованій , изъ уваженія къ высоко-нравственному характеру этого лица, чтобъ облегчить ему осуществленіе высокаго одушевленія, слѣдовательно выразить нравственное участіе въ его высокой дѣятельности? Больны грубыя выходки сестеръ Алексѣя Степановича, но вы почти прощаете ихъ: въ нихъ выражается любовь къ брату, любовь, правда, грубая, на половину эгоистическая, но все-таки любовь. Авторъ говоритъ, что «женитьба брата на комъ бы то ни было, не-прѣмѣнно досадила бы всѣмъ». Однако чувствуется какъ-то, что сватаніе Алексѣй Степановичъ на богатой дворянкѣ древняго происхожденія и также необразованной, какъ все его собственное семейство, любовь къ брату пересилила бы въ сестрахъ всѣ прочіе расчеты, хотя и больно было бы тогда, въ свою очередь, за Алексѣя Степановича. Таково неизбѣжный законъ жизни, таково неизбѣжное слѣдствіе безчисленнаго переплетенія интересовъ, безчисленнаго разнообразія въ нравственномъ развитіи и личныя потребности лицъ, сталкивающихся и связанныхъ между собою! Незвращенъ Главный Надзиратель; но не уничтожается ли производимое имъ непріятное впечатлѣніе проявляющимся тутъ же рядомъ материнскимъ чувствомъ? Съ художественной точки зрѣнія, К—въ даже необходимъ для возбужденія прекрасно-нравственнаго ощущенія. Безъ его безжалостныхъ поступковъ , чувство неизмѣримой

материнской любви, безкорыстное сочувствіе Упадышев-каго и Бениса остались бы не раскрытыми; изображаемыя лица не имѣли бы счастья прибавить къ своей дѣятельности нѣсколько высокихъ поступковъ, и вы лишились бы наслажденія нравственно участвовать въ чувствахъ и дѣятельности этихъ прекрасныхъ лицъ. Наконецъ самъ Куролесовъ, самостоятельно-злое лице, сколько ни возбуждаетъ негодованія своими звѣрскими поступками; но ихъ изображеніе не возмущаетъ нравственного чувства. Болѣе жалѣешь объ этомъ извергѣ, ибо видишь въ немъ явленіе скорѣе патологическое, нежели нравственное. Особенный смыслъ получаютъ, и менѣе тягостное впечатлѣніе производятъ его поступки съ своею дворнею, когда видишь, что ими самъ собою наказывается порокъ, казнится грязная животность, заслуживающая казни, какъ разсуждалъ и Степанъ Михайловичъ: «крестьянамъ жить у него можно, а дворовые всѣ негодяи, пускай терпятъ за свои грѣхи». Среди другой жизни, среди лицъ, нравственно развитыхъ, нѣтъ успѣха Куролесову, и онъ существовать не можетъ, какъ не могло имѣть силы его звѣрство надъ Прасковьей Ивановной. Ужасная картина заключенія жены болѣе возбуждаетъ чувство уваженія къ твердости ея, нежели отвращенія къ ея мужу. И наконецъ не удовлетворяется ли нравственное чувство вполнѣ, когда предъ нами сцена освобожденія Прасковьи Ивановны, когда злодѣй съ боязнію и ожесточеннымъ равнодушіемъ, а холопы его съ недоумѣніемъ смотрятъ на пріѣзжихъ гостей. «Да, есть нравственная сила праваго дѣла, передъ которымъ уступаетъ мужество неправаго человѣка!» Это чувство утѣшительное, и за доставленіе этого утѣшенія невольно миришься съ ужаснымъ образомъ Куролесова! Словомъ, въ цѣлой книгѣ нигдѣ нѣтъ отрицанія жизни личнымъ, условнымъ, ограниченнымъ воззрѣніемъ, и нигдѣ нѣтъ личнаго равнодушія, тѣмъ менѣе—услажденія пошlostію жизни. Что бы сдѣлалъ иной, любящій самостоятельное изображеніе пошлости, съ такимъ произшествіемъ, каково описываемая въ «Воспоминаніяхъ» женитьба Ашенбреннера на Марѣ Христофоровнѣ Вильфингъ! Но авторъ коротко, безъ участія разсказалъ

эту исторію, какъ-бы прошелъ мимо ея. Въ другомъ мѣстѣ, послѣ описанія жизни Угличинныхъ, чтобъ не дать чувству обольститься ея миловидной наружностію, одною краткою художественною чертою, проведенною въ концѣ разсказа, авторъ выражаетъ весь смыслъ этой пошлой жизни. «Долго звучалъ во мнѣ гармоничеекій строй этой жизни, долго чувствовалъ я какое-то грустное умиленіе, какое-то сожалѣніе о потерѣ того, что имѣть казалось такъ легко, что было подъ руками. Но когда задавалъ я себѣ вопросъ: не хочешь ли быть Васильемъ Васильевичемъ?.... Я пугался этого вопроса, и умилительное впечатлѣніе мгновенно исчезало.»

Это подчиненіе изображаемыхъ явленій господствующей въ произведеніи истинѣ должно быть естественно. Нужно, чтобъ жизнь сама себѣ давала разрѣшеніе, чтобъ въ ходѣ ея была видна послѣдовательность: иначе, никакое примиреніе не примиритъ васъ, никакое разрѣшеніе не успокоитъ. Соблюдена ли въ Хроникѣ такая послѣдовательность?—Этотъ вопросъ, собственно говоря, также не приложимъ къ разсматриваемой книгѣ, потому что здѣсь ходъ изображаемой жизни дается самою дѣйствительностію, съ которой прямо снимаетъ авторъ свои изображенія. Но мы задаемъ его для того, чтобъ указать и съ этой стороны на художественный тактъ автора. Иди вѣрно за дѣйствительностію, передавая событія, какъ они происходили на самомъ дѣлѣ, авторъ оговаривается тамъ, гдѣ дѣйствительность идетъ не вѣрно сама себѣ. «Эта романтическая затѣя въ такомъ человѣкѣ, какимъ явится въ послѣдствіи Михайла Максимовичъ, всегда меня удивляла», замѣчаетъ онъ по поводу названій, которыя далъ Куролесовъ своимъ деревнямъ въ честь имени, отчества и фамиліи жены. Въ особенности же тактъ автора обнаруживается тамъ, гдѣ соблюденіе внутренней послѣдовательности зависѣло вполне отъ него самого. Мы должны здѣсь по преимуществу указать на заключительныя мѣста, которыми часто оканчиваются его рассказы, и которыя обыкновенно въ одномъ замкнутомъ образѣ передаютъ смыслъ всего предшество-

ваваго изображенія. Эти мѣста и сами по себѣ всѣ вышли чрезвычайно удачны. Но въ нихъ-то особенно слышимъ строгую сообразность и послѣдовательность, которою пропикнуты рассказы автора: на нихъ всегда какъ бы напрашивается сама дума, ихъ ждетъ она. Таково напримѣръ окончаніе «Женитьбы Молодаго Багрова».

«Извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ молодыхъ произвело тревогу и суету въ тихомъ, слишкомъ простомъ домѣ деревенскихъ помѣщиковъ. Надобно было почиститься, пріодѣться, принарядиться. Невѣстка, городская модница, привыкла жить по барски, даромъ что бѣдна: осудить, осмѣять, — такъ думали и говорили всѣ кромѣ старика. Особыхъ и свободныхъ комнатъ въ домѣ не было, надобно было вывести Танюшу изъ ея горницы, выходившей угломъ въ садъ, на прозрачный Бугурусланъ съ его зелеными кустами и голосистыми соловьями. Танюшѣ очень не хотѣлось перейти въ передбанникъ, но другаго мѣста не было; всѣ сестры жили въ домѣ, а Каратаевъ и Ерлыкинъ спали на сѣнникѣ. За день до пріѣзда молодыхъ привезли кровать, штофовый занавѣсъ, гардины; пріѣхалъ и человѣкъ, умѣющій все это уставить и приладить. Танюшину комнату отдѣляли въ нѣсколько часовъ. Степанъ Михайловичъ посмотрѣлъ, полюбовался, а женщины кусали отъ зависти губы. Наконецъ прискакалъ передовой съ извѣстіемъ, что молодые остановились въ Мордовской деревнѣ Пойкино, въ восьми верстахъ отъ Багрова, гдѣ они переодѣнутся и часа черезъ два пріѣдутъ. Все пришло въ движеніе. Хотя старикъ еще съ утра послалъ за священникомъ, но какъ онъ еще не пріѣзжалъ, то послали гонца верхомъ поторопить его. Между тѣмъ въ Пойкинѣ происходила также забавная суматоха. Молодые ѣхали на перемѣнныхъ по проселочной дорогѣ, и потому надобно было посылать передоваго для заготовленія лошадей отъ деревни до деревни. Въ Пойкинѣ всѣ знали Алексѣя Степаныча еще дитятей, а Степана Михайловича считали отцемъ и благодѣтелемъ. Вся деревня отъ мала до велика, душъ 600 мужеска и женска пола, сбѣжалась къ той избѣ, гдѣ должны были остановиться молодые. Софья Николаевна едва ли видала вблизи Мордву,

и потому одежда Мордовокъ , необыкновенно рослыхъ и здоровыхъ дѣвокъ , ихъ вышитыя красною шерстью бѣлыя рубахи , ихъ черныя шерстяныя пояса или хвосты , грудь и спина и головные уборы, обвѣшанные серебряными деньгами и колокольчиками, очень ее заинтересовали. Но когда она услышала простыя, грубыя, но искреннія восклицанія всей толпы, на изломанномъ нѣсколько Русскомъ языкѣ, то радостныя привѣтствія, то похвалы и добрыя желанія, — она и смѣялась и, даже плакала: «ай, ай Алеша, какой же на тебѣ Богъ давалъ. Ай, ай, хороша , говорили старики и старухи; а отца наша Степанъ Михайловичъ то-то рада будетъ! Ну, дай вамъ Богъ, дай Богъ.» Когда же молодая, переодѣвшись въ пышное городское платье, вышла садиться въ карету, то въ народѣ поднялся такой гулъ радостныхъ похвалъ, что даже лошади перепугались. Молодые, подаривъ десять рублей на вино всему міру, отправились въ дорогу.

«Позади господскаго гумна, стоящаго на высокой горѣ, показался высокій экипажъ , «Ѣдутъ, Ѣдутъ» раздалось по всему дому, и вся дворян , а вскорѣ и всѣ крестьяне сбѣжались на широкій господскій дворъ, а молодежь и ребяташки побѣжали на встрѣчу. Старики Багровы со всѣмъ семействомъ вышли на крыльцо; Арина Васильевна въ шелковомъ шушунѣ и юбкѣ и съ шелковымъ гарнитуровымъ съ золотыми травочками платкомъ на головѣ, а Степанъ Михайловичъ въ какомъ-то стародавнемъ сюртукѣ, выбритый и съ платкомъ на шеѣ, стояли на верхней ступенькѣ крыльца; одинъ держалъ образъ Знаменія Божіей Матери, а другая—коровай хлѣба съ серебряной солонкой. Золовки и два зятя стояли около нихъ. Экипажъ подкатилъ къ крыльцу, молодые вышли, упали старикамъ въ ноги, принимая ихъ благословеніе, и расцѣловались съ ними и со всѣми ихъ окружающими; едва кончила молодая эту церемонію, и обратилась опять къ свекру, какъ онъ схватилъ ее за руку, поглядѣлъ ей пристально въ глаза , изъ которыхъ катились слезы, самъ заплакалъ, крѣпко обнялъ, поцѣловалъ и сказалъ: «Слава Богу, пойдемъ же благодарить Его». Онъ взявъ невѣстку за руку, провелъ въ залу

сквозь тѣсную толпу, поставилъ возлѣ себя, — и священникъ, ожидавшій ихъ въ полномъ облаченіи, возгласилъ: «Благословенъ Богъ нашъ, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ».

Надобно прочесть это мѣсто въ связи со всѣмъ предъидущимъ, знать характеръ Степана Михайловича и Софьи Николаевны, все первоначальное нежеланіе старика имѣть ее своей невѣсткою, знать все различіе ихъ привычекъ, образа мыслей и воспитанія, чтобъ почувствовать сообразіе, необходимость именно такой, а не иной ихъ встрѣчи. Такая именно хлопотня должна была произойти въ сельскомъ домѣ необразованныхъ Багровыхъ и въ этомъ именно она должна была состоять. Такъ, и не иначе должна была вести себя невѣстка. Доказывать это было бы, долго и довольно неудобно. Мы выписали рассказъ о пріѣздѣ молодыхъ въ Багрово болѣе потому, что онъ и самъ въ себѣ очень хорошъ. Но вотъ заключеніе, полная умѣстность котораго и внутреннее сообразіе легко могутъ быть поняты и безъ чтенія всего рассказа, потому что для этого нужно знать не частные характеры тѣхъ или другихъ лицъ, а просто только душу человѣческую. Въ «Первомъ Періодѣ Гимназіи» авторъ, описавъ все томленіе тоски своей по родномъ домѣ, болѣзнь, въ которую онъ впалъ отъ этой тоски, препятствія, почти неодолимыя, къ своему возвращенію домой, такъ рассказываетъ наконецъ о своемъ пріѣздѣ, пріѣздѣ девятилѣтняго мальчика.

«Версты за четыре до Аксакова, на самой межѣ нашего владѣнія, я проснулся, точно кто-нибудь разбудилъ меня; когда проѣхали мы между Липовымъ и Общимъ колкомъ и выѣхали на склонъ горы, должно было немедленно открыться наше Аксаково, съ огромнымъ прудомъ, мельницей, длиннымъ порядкомъ избъ, домомъ и березовыми рощами. Я безпрестанно спрашивалъ кучера: «не видно ли деревни?» И когда онъ сказалъ наконецъ, наклонясь къ переднему окошку: «вотъ наше Аксаково какъ на ладонкѣ» — я сталъ такъ убѣдительно просить мою мать, что она не могла отказать мнѣ и позволила сѣсть съ кучеромъ на козлахъ. Не берусь передать, что чувствовало мое сердце,

когда я увидѣлъ милое мое Аксаково! Нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ для выраженія такихъ чувствъ!....

«Во все теченіе моей жизни, я продолжалъ испытывать, приближаясь къ Аксакову, подобныя ощущенія; но два года тому назадъ, послѣ двѣнадцатилѣтняго отсутствія, также довольно рано, подѣзжалъ я къ тому же Аксакову; сильно билось мое сердце отъ ожиданія, я надѣялся прежнихъ радостныхъ волненій. Я вызвалъ милое прошедшее, и рой воспоминаній окружилъ меня.... но не весело, а болѣзненно, мучительно подѣйствовали они на мою душу, и мнѣ стало невыразимо тяжело и грустно. Подобно волшебнику, который вызвавъ духовъ, не умѣетъ съ ними сладить, и не знаетъ, куда отъ нихъ дѣваться,—не зналъ я, какъ прогнать мои воспоминанія, какъ успокоить нерадостное волненіе. Старые мѣха не выдерживаютъ молодого вина, и старое сердце не выноситъ молодыхъ чувствъ.... но тогда. Боже мой, что было тогда!

«Нѣсколько разъ я чувствовалъ стѣсненіе въ груди и готовъ былъ упасть; но я молчалъ, крѣпко держался за ручку козелъ и за кучера, и стѣсненіе проходило само собою.—Быстро скатилась карета подъ изволокъ, переѣхала черезъ плохой мостъ на Бугурусланѣ, завязла было въ топи у Крутца, но выхваченная сильными конями, пропеслась мимо камышей, пруда, деревни—и вотъ нашъ сельскій домъ, и на крыльцѣ его отецъ съ милой моей сестрицей. Когда мы подѣхали, она всплеснула ручками и закричала: «братецъ Сереженька на козлахъ!....» Выбѣжала тетка и вывела брата, кормилица вынесла маленькую мою сестру! Сколько объятій, поцѣлуевъ, радости, вопросовъ и отвѣтовъ! Сбѣжалась вся дворня, даже крестьяне, случившіеся дома, и куча мальчишекъ и дѣвочекъ....»

Глубокая естественность и почти необходимость именно такихъ проявленій радости послѣ перваго продолжительнаго, и съ такими томленіями соединеннаго отсутствія изъ роднаго дома для мальчика чувствуется сама собою. И прибавимъ, всѣ подробности, какъ въ этомъ, такъ особенно въ приведенномъ выше разсказѣ, столько нужныя для полной естественности того и другаго изображенія, могли бы

быть написаны по памяти? Очевидно, что часть изъ нихъ произведены чистою фантазіею автора и свидѣтельству-
ють такимъ образомъ о его художническомъ тактѣ.

Говоря о естественности внутренней, мы не можемъ умолчать и о другой естественности, составляющей также одно изъ достоинствъ автора, — о естественности слово-
выраженія, хотя, признаемся, считаемъ довольно труднымъ въ опредѣленно-отчетливой ясности раскрыть достоинства автора въ этомъ отношеніи. Думаемъ, что не входя въ невозможный относительно такого предмета, какъ слогъ, подробный анализъ, мы лучше достигнемъ своей цѣли, если воспользуемся сравненіемъ нашего писателя съ пред-
шествовавшими ему художниками, хоть бы наиримѣръ съ Гоголемъ. Особенность слововыраженія у Гоголя состояла въ его оригинальности. Вы не встрѣтите у него пошлыхъ истасканныхъ оборотовъ, метафоръ, принятаго всѣми спосо-
ба постройки фразы, словомъ, всего того, что называютъ риторикой или общими формами прекраснаго выра-
женія. Гоголь видимо всюду избѣгаетъ риторики; тамъ, гдѣ встрѣчается у него общій, слишкомъ обыкновенный оборотъ или готовая метафора, — они принимаютъ на себя юмористическій отбѣнокъ, употребляются на-смѣхъ. По-
стройка фразы у Гоголя совершенно своеобразная, съ длинными періодами, безъ правильного, логическаго раз-
дѣленія, но съ особенно, какъ бы сказать, цѣпляющимися взаимно, частными предложеніями, связанными не общею мыслію цѣлаго періода, но своею взаимною, исключитель-
ною, непосредственною связью. Надобится ли ему обо-
ротъ или сравненіе для оживленія или объясненія рѣчи, онъ выдумываетъ совершенно новые, неслыханные, нео-
жиданные. Мы не станемъ здѣсь говорить, сколько свое-
образной, отлнчительно принадлежащей этому писателю живости и пластичности придавало ему это управление языкомъ. Находились господа, даже изъ сочувствовавшихъ Гоголю, изъ высоко цѣнившихъ его художественный та-
лантъ, которые съ сожалѣніемъ замѣчали о необработан-
ности его языка и не прекрасномъ его выраженіи... Но оставимъ ихъ, этихъ господъ, намъ теперь не до нихъ.

Замѣтимъ здѣсь только, что своеобразные обороты Гоголя, поражая всегда своею яркостію, крупностію, неожиданностію, въ слѣдствіе того-то помогаютъ особенной живости выражаемой мысли, иногда въ двухъ-трехъ словахъ рисуя предъ вами цѣлую картину, захватывая мимоходомъ цѣлую жизнь, цѣлую дѣятельность извѣстнаго круга людей, понадобившуюся художнику только для сравненія, даже только для оборота рѣчи. Такого рода оригинальности, этой крупности и рѣзкой свѣжести выраженія нѣтъ у нашего автора. Скажемъ напротивъ, что достоинство слога г. Аксакова и его особенность, отличительность отъ прочихъ писателей, заключается въ отсутствіи оригинально составленныхъ, выдуманныхъ фразъ. Но это далеко однако, безконечно далеко отъ той пошлой, нарубленной правильности, отъ той реторики, употребленія избитыхъ, на все готовыхъ оборотовъ, которыхъ требуютъ гг. *Н Н* и прочіе, и которые составляютъ орудіе безмыслія, то есть несутъ въ себѣ мысль, но мысль до того стершуюся отъ вѣчнаго употребленія готовой фразы, что она уже перестаетъ пробуждать въ душѣ впечатлѣніе живой, процессомъ прожитаго размышленія добытой мысли. Фраза г. Аксакова, его слогъ занимаетъ такимъ образомъ средину между яркостію изысканнаго выраженія, самостоятельно выработаннаго независимо отъ мысли, для которой оно надобится, и между пошлымъ, всѣми принятымъ, готовымъ для мысли выраженіемъ, но также независимымъ собственно отъ той живой мысли, которая родилась въ авторѣ по поводу представленія того или другаго предмета, и самостоятельно существующимъ внѣ ея. Это—выраженіе, еслибъ можно было такъ сказать, не приводя къ извѣстному, ограниченному смыслу, *дѣловое*, то есть языкъ самаго дѣла, гдѣ разсказываемое дѣло, описываемая вещь, передаваемая мысль или чувство сами для себя находятъ вѣрное и приличное выраженіе, не захватывая при этомъ ни личнаго вкуса автора, ни общаго обычая. Мы слышали отзывъ о книгѣ г. Аксакова, что она какъ-бы написана лицомъ, не читавшимъ никогда книгъ, и по нашему мнѣнію этотъ отзывъ хорошо выражаетъ особенность языка, чуждаго рѣзкой изъ-

исканности и въ тоже время далекаго отъ принятой книжной пошлости. Эта особенность въ слововыраженіи г. Аксакова даетъ его разсказамъ иногда такую ясность, мало того,—такую прозрачность, такую ошутительность, что описываемая вещь, выражаемая мысль какъ бы сама становится предъ вами, не давая чувствовать своей словесной оболочки: до такой степени она вѣрна и прилична мысли, и до такой степени лишена самостоятельнаго значенія. Языкъ г. Аксакова напоминаетъ намъ аккуратную прозу Пушкина и Лермонтова, но отличается однакожь отъ нея опять отсутствіемъ тщательной выдѣлки, которая, какъ ни искусно скрыта у обоихъ этихъ писателей, однако все таки слышна, и представляетъ, правда мало замѣтную, какую-то напряженность. Читатели можетъ-быть нѣсколько поймутъ послѣ нашего описанія особенность выраженія, которую мы находимъ въ нововышедшемъ, равно какъ и во всѣхъ недавнихъ произведеніяхъ г. Аксакова. А при этомъ необходимо поймутъ и то, что въ поясненіе этой особенности нѣтъ нужды и почти не возможно приводить примѣровъ и сопровождать ихъ подробнымъ разборомъ. Какой разборъ возможенъ для той особенности, которая состоитъ именно въ томъ, что въ ней нѣтъ никакой особенности?

Спрашивается: откуда возникъ этотъ талантъ? Чему обязанъ своимъ развитіемъ? Какъ воспитался?—Считаемъ нужнымъ прежде всего охладить удивленіе тѣхъ господъ, которые поражаются, какъ авторъ, съ незапамятныхъ временъ отсутствовавшій въ литературѣ, писавшій когда-то, въ давнія времена стишки весьма посредственной по нынѣшнему доброты, вдругъ всталъ предъ нами съ такою художественною свѣжестью. Авторъ не оставлялъ литературы такъ надолго, какъ полагають, основываясь собственнo только на скудномъ упоминаніи, которымъ самъ авторъ въ Шушеринѣ удостоилъ только первые опыты своей литературной дѣятельности. Онъ писалъ, писалъ и писалъ, и во времена притомъ не слишкомъ давнія,—слѣдовательно, постепенно и постоянно развивался и литературно воспитывался. Гдѣ? какъ? когда? рѣшеніе этихъ вопросовъ пре-

доставляемъ тѣмъ, кто особенно интересуется подобными изысканіями. Съ своей стороны мы скажемъ здѣсь только, что окончательнымъ развитіемъ своего таланта авторъ нашъ обязанъ безъ сомнѣнія Гоголю. Гоголь первый исполнилъ показавъ намъ все художественное значеніе для насъ современной народной дѣйствительности: онъ первый пригнулъ насъ совершенно къ землѣ, чтобъ оттуда, какъ все получаетъ себѣ жизнь и силу, такъ извлекалъ бы себѣ и художникъ силу и одушевленіе; онъ окончательно бросилъ все еще существовавшія до него условныя, отвлеченныя литературныя формы, разбилъ оковы внѣшняго подражанья, все еще лежавшія на художникѣ. И такъ ему долженъ быть одолженъ всякій современный писатель своею естественностію; ему же долженъ быть одолженъ и нашъ авторъ, что взялся рисовать быть полупрезрѣнный и прозаическій, какъ сказали бы въ прежнія времена. Ему же онъ одолженъ и окончательнымъ усовершенствованіемъ своего слововыраженія. Положительная оригинальность Гоголя не могла быть предметомъ усвоенія, и если кто пытался усвоить ее, тотъ впадалъ въ пародированіе, но отсутствіе неестественности, реторики принесло свои плоды. Остальнымъ вѣмъ авторъ обязанъ конечно своей художественной натурѣ, скованной дотолѣ, пробивавшейся и сквозь условныя старыя формы, но не имѣвшей силы выбиться изъ нихъ совершенно. Въ подтвержденіе мы напомнимъ или лучше сказать укажемъ нашимъ читателямъ отрывокъ того же автора, подъ заглавіемъ «Буранъ», помѣщенный въ «Денникѣ» Максимовича, въ 1834 году, слѣдственно въ началѣ литературной дѣятельности Гоголя, и еще до рѣшительнаго вліянія его на литературу. Изъ этого отрывка виденъ талантъ, талантъ сильный; видно даже, что это талантъ—по преимуществу описательный. Много ли напрымѣръ можно найти описаній лучше слѣдующихъ?

«Ни облака на туманномъ, бѣловатомъ небѣ; ни малѣйшаго вѣтра на снѣжныхъ равнинахъ. Красное, но не ясное солнце своротило съ невысокаго полдня къ недалекому закату. Жестокій крещенскій морозъ сковалъ природу, сжималъ, палилъ, жегъ все живое. Но человекъ улажи-

ваegtъ съ яростью стихій: русскій мужикъ не бонтся мороза.

.

«Все по прежнему казалось ясно на небѣ и тихо на землѣ. Солнце склонялось къ западу и, косвенными лучами скользя по необозримымъ громадамъ снѣговъ, одѣвало ихъ брилльянтовой корою; а изуродованная роша, въ снѣговомъ и ледяномъ своемъ уборѣ, представляла издали чудные и разнovidные обелиски, осыпанные также алмазнымъ блескомъ. Все было великолѣпно.... Но стаи тетеревовъ вылетали съ шумомъ изъ любимой рощи искать себѣ ночлега на высокихъ и открытыхъ мѣстахъ; но лошади храпѣли, фыркали, ржали и какъ будто о чемъ-то переключались между собою; но бѣловатое облако, какъ голова огромнаго звѣря, выплывало на восточномъ горизонтѣ неба; но едва замѣтный, хотя и рѣзкій вѣтерокъ потянуль съ востока къ западу,—и наклонясь къ землѣ можно было замѣтить, какъ все необозримое пространство снѣговыхъ полей бѣжало легкими струйками, текло, шипѣло какимъ-то змѣинымъ шипѣньемъ, тихимъ, но страшнымъ! Знакомые съ бѣдою обозы знали роковыя примѣты, торопились доѣзжать до деревень или уметовъ, сворачивали въ сторону съ прямой дороги, если ночлегъ былъ недалеко, и не рѣшались на новый переѣздъ даже немногихъ верстъ. Но горе неопытнымъ, запоздавшимъ въ такихъ безлюдныхъ и пустыхъ мѣстахъ, гдѣ нерѣдко, проѣзжая цѣлые десятки верстъ, не встрѣтишь жилья человѣческаго!

.

«Быстро поднималось и росло бѣлое облако съ востока; и когда скрылись за горой послѣдніе, блѣдные лучи закатившагося солнца,—уже огромная снѣговая туча заволочла большую половину неба и посыпала изъ себя мелкій снѣжный прахъ; уже закипѣли степи снѣговъ; уже въ обыкновенномъ шумѣ вѣтра слышался иногда какъ будто отдаленный плачъ младенца, а иногда вой голоднаго волка.»

.

«Снѣговзля, бѣлая туча, огромная, какъ небо, обтянула

весь горизонтъ и послѣдній свѣтъ красной, погорѣлой вечерней зари быстро задернула густою пеленою. Вдругъ настала почь.... наступилъ буранъ со всѣми своими ужасами. Разыгрался пустынный вѣтеръ на привольи, взрымъ снѣговыя степи, какъ пухъ лебяжій, векинулъ ихъ до небесъ.... Все одѣлъ бѣлый мракъ, непроницаемый, какъ мракъ самой темной осенней почы! Все слилось, все смѣшалось: земля, воздухъ, небо превратилось въ пучину кипящаго снѣжнаго праха, который слѣпилъ глаза, занималъ дыханье, ревѣлъ, свисталъ, вылъ, стоналъ, билъ, трепалъ, вертѣлъ со всѣхъ сторонъ, сверху и снизу, обвивался, какъ змѣй, и душилъ все, что ему ни попадалось!»

Въ настоящее время вы съ трудомъ вѣрите, что это писано въ 1834 году, за два года до знаменитаго пушкинскаго описанія бурана въ Капитанской Дочкѣ! Однако вы чувствуете въ тоже время, что въ описаніи слышна какая-то напряженность, какая-то несвобода, какая-то изысканность, еще видно подчиненіе риторикѣ, условнымъ, не всегда удачнымъ, иногда даже насильственнымъ оборотамъ. Въ описаніи встрѣчаются напримѣръ даже такія фразы: «тутъ-то сыпались русскія остроты, по природѣ русскаго человѣка, всегда одѣтыя въ фигуру ироніи.» Или: «такъ грѣются на морозѣ духъ и тѣло русскаго мужичка.» Вліяніе риторической эпохи еще виднѣй, когда вы прочитаете разсказъ, которымъ сопровождается описаніе. Въ эту ужасную пору, по дорогѣ, почти занесенной снѣгомъ, или, лучше сказать, слѣду, тащился обозъ. По совѣту одного изъ стариковъ, особеннымъ, удобнѣйшимъ образомъ расположили извозчики свои воза. Но станемъ продолжать словами автора.

«Долго тащился нашъ обозъ съ своими двадцатипудовыми возами. Дорогу заносило, лошади безпрестанно оступались. Люди по большей части шли пѣшкомъ, увязая по колѣно въ снѣгу: наконецъ всѣ выбились изъ силъ; многія лошади пристали. Старикъ видѣлъ это, и хотя его Сѣрко, которому было всѣхъ труднѣе, ибо онъ первый прокладывалъ слѣдъ, еще бодро вытаскивалъ ноги, старикъ остановилъ обозъ. «Други!» сказалъ онъ, скликинувъ

къ себѣ всѣхъ мужиковъ, дѣлать нечего. Надо отдаться на волю Божью; надо здѣсь почевать. Составимъ возы и распряженныхъ лошадей вмѣстѣ, кружкомъ. Оглобли свяжемъ и поднимемъ вверхъ, оболочемъ ихъ кошмами, сядемъ подъ ними, какъ подъ шалашемъ, да и станемъ дожидаться свѣту Божьяго и добрыхъ людей. Авось не всѣ замерзнемъ!»

Совѣтъ этотъ былъ принять, но не всѣми; нѣкоторые рѣшились ѣхать. Черезъ нѣсколько времени послѣ этой бури... Но станемъ опять продолжать словами подлиннаго разсказа.

«По самой этой дорогѣ возвращался обозъ порожнякомъ изъ Оренбурга. Вдругъ передній наѣхалъ на концы оглобель, торчащихъ изъ снѣга, около которыхъ наметло снѣговой шишъ, похожій на стогъ сѣна или скирдъ хлѣба. Мужики стали разглядывать и примѣтили, что легкій паръ повѣвалъ изъ снѣга около оглобель. Они смекнули дѣломъ; принялись отрывать чѣмъ ни попало, и отрыли старика, Петровича и двоихъ ихъ товарищей; всѣ они находились въ сонномъ, безпамятномъ состояніи, подобномъ состоянію сурковъ, спящихъ зиму въ норахъ своихъ. Снѣгъ около нихъ обтаялъ и у нихъ было тепло, въ сравненіи съ воздушной температурой. Ихъ вытащили, положили въ сани и воротились въ уметъ, который точно былъ недалеко. Свѣжій морозный воздухъ разбудилъ ихъ; они стали двигаться, раскрыли глаза, но все еще были безъ памяти, какъ-бы одурѣлые, безъ всякаго сознанія.—Въ уметѣ, не внося въ теплую избу, растерли ихъ снѣгомъ, дали выпить вина и потомъ уложили спать на палаты. Проспавшись настоящимъ сномъ, они пришли въ чувство и остались живы и здоровы.»

«Шестеро смѣльчаковъ, или лучше сказать глупцевъ, послушавшихся молодого удалца, вѣроятно скоро сбились съ дороги, по обыкновенію принялись ее отыскивать, пробуя ногами, не попадется ли въ мягкомъ снѣгу жесткая полоса, разбрелись въ разныя стороны, выбились изъ силъ и всѣ замерзли. Весною отыскивали тѣла несчастныхъ въ разнообразныхъ положеніяхъ. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ, прислонясь къ забору того самого умета....»

Мы не говоримъ уже о неестественности языка, которыми бесѣдуетъ здѣсь старикъ: «составимъ возы и распряженныхъ лошадей вмѣстѣ, кружкомъ» и проч. Но чувствуете ли вы всю условную ненатуральность эпохи тридцатыхъ годовъ въ самомъ разсказѣ,—расчетъ на вѣщныя эффекты и отсутствіе внутренней необходимости въ ходѣ дѣйствія? Старикъ даетъ совѣтъ; нѣкоторые его слушаютъ и спасаются; непослушные погибаютъ. И надобно же непременно для большей разительности, чтобы одинъ оказался около самаго умѣта прислонившимся къ забору! Нуженъ же непременно неожиданный наѣздъ новаго обо-за на то самое мѣсто, гдѣ лежалъ зарытый въ снѣгу старикъ съ своими, чтобы отъ занесенныхъ снѣгомъ савей остались видными оглобли, чтобы старикъ и прочіе были живы! Какъ пахнетъ все это обычною во время оно, отвѣтъ навязываемою моралію! Какъ слышно еще неумѣнье отличить естественность, въ смыслѣ простой обыкновенности,—въ смыслѣ возможныхъ и бывающихъ случаевъ, словомъ, случайности отъ естественности въ смыслѣ необходимаго внутренняго развитія данной художественной темы, и въ смыслѣ типическаго выраженія! Какъ видно, что... Но читатели, надѣмся, поймутъ все, что мы хотимъ сказать, безъ дальнѣйшихъ съ нашей стороны объясненій. Они слышатъ всю разницу этого до гоголевскаго описанія отъ живыхъ, безукоризненно художественныхъ изображеній въ Запискахъ Ружейнаго Охотника, въ Запискахъ объ Уженѣ, въ Разсказахъ и Воспоминаніяхъ Охотника, и наконецъ въ Семейной Хроникѣ. Они видятъ, какое значеніе имѣлъ для нашего писателя художественный примѣръ Гоголя, и въ чемъ, съ другой стороны, обязанъ авторъ единственно уже своей собственной художественной натурѣ и своему собственному призванію, равно какъ своему самостоятельному литературному воспитанію.

Однако возвратимся къ нашей книгѣ. Послѣ того какъ мы опредѣлили художественный талантъ автора и его литературную заслугу вообще, намъ хочется сказать еще нѣсколько словъ о частнѣйшемъ значеніи, какое имѣютъ въ книгѣ тѣ или другіе отдѣльные разсказы. Книга въ

этомъ отношеніи представляетъ намъ двоякій интересъ, интересъ чисто историческій и чисто литературный. Хотя мы смотрѣли на нее доселѣ собственно, какъ на твореніе художественное, и она вполне заслуживаетъ того: однако же она все-таки предлагаетъ намъ воспоминанія автора, слѣдовательно заключаетъ въ себѣ и правду историческую, въ тоже время какъ правду художественную. Съ обѣихъ этихъ сторонъ мы и будемъ разсматривать частные рассказы автора.

Книга, по внутреннему своему содержанію, можетъ быть раздѣлена на три главныя части: на записки о судьбѣ одного знакомаго автору дворянскаго семейства въ концѣ прошедшаго столѣтія, на воспоминанія автора о собственномъ воспитаніи и на воспоминанія литературныя. Мы не станемъ говорить объ интересѣ воспоминаній литературныхъ. Такого рода воспоминанія и записки не новость въ нашей литературѣ, и со стороны автора здѣсь нѣтъ еще особенно важной заслуги, если брать ихъ только историческую важность. Намъ столько пичкаютъ разнымъ соромъ литературныхъ такъ-называемыхъ характеристикъ прошлаго времени, что на записки почтеннаго автора слѣдуетъ указать только развѣ въ поученіе нѣкоторымъ господамъ литературнымъ воспоминателямъ, какъ на образецъ того, что заслуживаетъ сохраненія въ дѣятельности лицъ, извѣстныхъ на литературномъ поприщѣ, и какъ слѣдуетъ становить предъ нами литературную личность, чтобъ въ ея мелкихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ свѣтился ея внутренній характеръ и цѣлостный смыслъ всей ея дѣятельности. Впрочемъ и здѣсь мы должны по совѣсти исключить воспоминанія о Державинѣ, которыми заканчивается книга. Признаемся, что при всей живости и одушевленности рассказа, свидѣтельствующей о внѣшнемъ талантѣ рассказчика, мы не вынесли отсюда ни одной важной мысли о Державинѣ, ни одной замѣчательной характеристической черты, кромѣ представленія о живой нетерпливости этого знаменитаго писателя и его грубомъ непониманіи собственного таланта. Случай, описываемый авторомъ, слишкомъ мелокъ, слишкомъ частень, слишкомъ ма-

ло имѣть глубокаго значенія; и описанію его скорѣе слѣдовало-бы явиться гдѣ-нибудь особенно, а не въ этой превосходной книгѣ, всей проникнутой цѣлостнымъ, глубокимъ воззрѣніемъ.

Но оставляя въ сторонѣ литературныя воспоминанія автора, не можемъ не остановить особеннаго вниманія на глубокомъ историческомъ интересѣ первыхъ двухъ частей записокъ. Всею, что тамъ есть, впервые здѣсь коснулось перо писателя — художника, и какую все это имѣетъ глубочайшую важность! Этотъ быть въ глуши отдаленныхъ отъ столицы губерній, столь не далекій отъ насъ по времени, и по всему прочему уже совершенно намъ чуждый, представляетъ такую поучительную картину! Оставленіе цѣлыми общинами старыхъ пепелищъ и перемѣщеніе на новыя, постепенное заселеніе обширныхъ невоздѣланныхъ степей, отношенія новопереселенцевъ къ туземцамъ Башкирамъ, съ ярко выступающимъ преимуществомъ одной породы предъ другою, образъ жизни тогдашнихъ дворянъ, ихъ отношенія къ своимъ крестьянамъ, къ своему хозяйству, внутренняя семейная жизнь, — все это съ такою ясностію разъ навсегда живописуетъ предъ нами наши коренныя народныя свойства и то, къ чему мы идемъ вмѣстѣ съ постепеннымъ ходомъ жизни, что врядъ ли удастся къ этому прибавить что-нибудь самому подробному будущему историку. Какъ посмотришь впередъ и посмотришь назадъ, на быть отходящій и быть возникающій, не знаешь право, о чемъ жалѣть и чему радоваться, что мы пріобрѣли и отъ чего освободились,... Вы говорите съ радостію что въ замѣнъ простоты и безыскусственности жизни вступаетъ къ намъ образованіе, точнѣйшія понятія о вѣншнемъ правѣ, правильнѣйшее устройство общественныхъ отношеній; теперь уже не бѣдетъ какой-нибудь Степанъ Михайловичъ свою Арину Васильевну. Такъ; но кто жъ и спорить противъ просвѣщенія? Кто станетъ теперь защищать напимѣръ грубое самоуправство Степана Михайловича? Мы хотимъ сказать только, что образованіе, вступая къ намъ часто одною своею вѣншнею стороною, не внося чрезъ это въ жизнь еще ничего серьезнаго, стираетъ

отд. III.

въ тоже время то доброе, что лежало у насъ подъ старыми грубыми формами; что вмѣстѣ съ распространеніемъ усовершенствованныхъ формъ общежитія, съ шарканьемъ ногъ и лайковыми перчатками въ высшемъ обществѣ, и относительною свѣтскостію у крестьянина, входитъ часто цѣликомъ презрѣнье ко всему нашему быту, заглушается въ насъ внутренняя правда, которою мы были такъ богаты, изглаживается эта цѣломудренная чистота, которая служила основаніемъ тогдашнихъ отношеній, стирается патріархальная невзыскательность и внутренняя человѣчность обращенія. Рѣже теперь встрѣтится примѣръ того безкорыстнаго самоотверженія, съ какою подапа помощь Марья Николаевнѣ при опасной переправѣ черезъ Каму, и между тѣмъ нерѣдко и теперь встрѣтятся люди, подобныя тому Нѣмцу, безъ сомнѣнія цивилизованному, который жесточайшимъ образомъ откологилъ, иль — виноватъ! — приказалъ отколотить палками совершенно безвиннаго Алексѣя Степановича. Мельчаетъ нашъ родъ; утончаясь, въ тоже время скудѣютъ наши интересы; пустьъ и оживѣе становятся люди... Но оставимъ это: слишкомъ долго бы пришлось разсуждать, если бы мы вздумали развивать эту тему. Обратимся лучше къ тому, что у насъ передъ глазами. По аналогіи съ судьбой, какую имѣли Записки Ружейнаго Охотника, мы полагаемъ, что и теперешняя книга г. Аксакова не останется безъ вліянія на нашу современную литературную производительность и въ свою очередь вызоветъ намѣренныя и ненамѣренныя подражанья. И такъ вотъ въ чемъ дѣйствительно разумно было бы подражаніе, вотъ чѣмъ между прочимъ можетъ быть вліяніе этой книги благоговорно на наше пишущее поколѣніе! Авторъ описалъ намъ только одинъ уголокъ Руси, представилъ намъ тихое движеніе мирнаго очеловѣчивающаго населенія только въ одномъ краѣ. Но сколько еще остается у насъ свѣжей, нетронутой почвы! Признаемся, мы не можемъ равнодушно вспомнить о томъ полупрезрѣніи, съ какимъ обходимся мы съ нашею новѣйшею исторіею народной жизни. Какъ? въ наше поколѣніе у насъ заселились огромныя пространства, равныя европейскимъ государствамъ, созда-

лись цѣлыя губерніи, напримѣръ, самарская; при нашихъ отцахъ наполнился людьми и устроился цѣлый ново-россійскій край, въ нашихъ глазахъ идетъ постепенное населеніе подошвъ кавказскихъ, происходитъ это постепенное сліяніе породъ, передача Христіанскихъ понятій и человѣческихъ формъ общежитія,—и мы этого не знаемъ и знать не хотимъ. Ни одно лице изъ безчисленно бывавшихъ въ тѣхъ краяхъ, изъ живущихъ тамъ, изъ дѣйствующихъ и свидѣтелей дѣятельности, никто не хочетъ обратить *жизваго* вниманія на этотъ фактъ, въ высшей степени важный для познанія нашей исторіи, нашего внутреннѣйшаго и вѣковѣчнаго существа, нашихъ практическихъ выгодъ, наконецъ фактъ, имѣющій высокое общечеловѣческое значеніе! Боже мой! да когда же мы наконецъ бросимъ серьезныя занятія пустыми, часто во всѣхъ отношеніяхъ ничтожными, отвлеченными интересами? Когда же наконецъ перестанемъ съ радостнымъ волненіемъ слѣдить за измѣненіями жизни совершенно чуждой, оставляя свою собственную течь, какъ ей угодно, и не удостоивая ее взглядомъ сочувствія, сочувствія не на словахъ, а на дѣлѣ? Когда наконецъ мы вслушаемся въ свое собственное, слава Богу, не заглушенное общечеловѣческое, будемъ дорожить имъ, углубляться въ него, изучать его и выносить на свѣтъ общественнаго сознанія, какъ достойное не только нашего, но и всеобщаго сочувствія? И мы говоримъ это, относя свои слова не только къ мирному распространенію Руси, составляющему ея столь извѣстную характеристическую особенность, но вообще ко всѣмъ проявленіямъ народнаго быта. Надобно еще благодарить Географическое Общество, что его ревность вызвала въ послѣднее время нѣсколько описаній въ этомъ родѣ, иногда даже художественно составленныхъ и глубоко захватывающихъ извѣстныя стороны быта. Но неужли жъ ничего нельзя слѣзть безъ внѣшняго, искусственнаго возбужденія? Дай Богъ, чтобы примѣръ г. Аксакова послужилъ для нашихъ пишущихъ братій новымъ благотворнымъ толчкомъ, если уже къ стыду нашему такъ устроилась наша жизнь, что къ возбужденію въ насъ всего добраго необходимо нуженъ такой или другой внѣшній толчекъ.

Другаго рода историческій или, лучше сказать, историческій и педагогическій въ тоже время интересъ представляетъ намъ вторая часть записокъ г. Аксакова. Здѣсь гораздо шире сама собою раскрывающаяся задача изображенія: она касается прямо общечеловѣческихъ вопросовъ, а не въ тѣсномъ смыслѣ народныхъ. Мы разумѣемъ вопросы о воспитаніи и вообще объ устройствѣ внутреннихъ семейныхъ отношеній. Въ рѣшенія этихъ вопросовъ міръ, какъ извѣстно, раздѣлился на двѣ крайне противоположныя системы. Одна—это система страха и принужденія, — система, существующая у всѣхъ народовъ, стоящихъ на первой ступени развитія общежительныхъ началъ. Таковъ порядокъ воспитанія и семейныхъ отношеній бывалъ и въ нашей древней Руси, о чемъ свидѣлствуютъ слишкомъ краснорѣчивыя наставленія Домостроя, какъ должно «казнить и наказывать дѣтей», бить ихъ неослабно и вообще расправляться съ своимъ семействомъ. Къ другому порядку семейной жизни ведутъ понятія о совершенно полной, отрѣшенной свободѣ супружескихъ и кровныхъ отношеній. Этотъ порядокъ не можетъ быть приписанъ къ отличительному обычаю какого-нибудь народа и какой-нибудь степени развитія общежительныхъ началъ. Онъ является только, какъ частная привычка въ нѣкоторыхъ семействахъ, или какъ идеалъ, къ которому, по ихъ мнѣнію, должно стремиться человѣчество; скажемъ пожалуй, какъ подобный идеалъ, преслѣдуемый, хотя и безсознательно, всею жизнію Запада. Разумѣется, та и другая системы, взятая въ своей крайней противоположности, совершенно нелѣпы: первая, потому что хочетъ насиловать въ насъ присущее каждому духовное начало, нравственно-свободное начало жизни, стѣсняетъ духовное развитіе, унижаетъ нравственное достоинство человѣка, низводитъ его на степень машины; другая, потому что основывается на нелѣпомъ, не существующемъ въ природѣ равенствѣ, распространяя его на полъ и возрастъ; потому что разрушаетъ въ основаніи всякій общественный союзъ между людьми, одно изъ преимуществъ существа нравственнаго, уничтожая семейную жизнь, или особенность кровныхъ и супруже-

скихъ отношеній, и низводя такимъ образомъ человѣка на степень животнаго, и притомъ на низшей степени развитія,—животнаго, не разбивающагося на пары. Въ этомъ отношеніи книга г. Аксакова доставляетъ намъ нѣсколько поучительныхъ страницъ. Мы не станемъ входить здѣсь въ пространныя объясненія, предполагалъ ли, по нашему мнѣнію, самъ авторъ результатъ, вытекающій изъ его разсказа, какъ заранѣе сознannую задачу, или это слѣдствие вышло само собою изъ беззаботно рисованной картины воспитанія; равно какъ и не будемъ слѣдить подробнымъ анализомъ, гдѣ, какъ и чѣмъ собственно дается чувствовать истина воспитанія, и съ какихъ сторонъ схвачена его ложь. Ограничимся только краткими указаніями. Описаніе семейныхъ отношеній стараго Багрова, безпредѣльно самовластнаго въ своей семьѣ, ему безпрекословно и со страхомъ повинующейся; запуганная воспитаніемъ и недоразвитая въ слѣдствіе того, нѣжная сама по себѣ натура молодаго Багрова; воспитанное тѣмъ же безпрекословнымъ, грубымъ самовластіемъ пронырство въ дочеряхъ представляютъ всю непривлекательность системы, существовавшей во времена старой Руси. Домашнее воспитаніе автора и его отношенія къ матери указываютъ доброе начало, которое внесено въ наше воспитаніе образованностію и совершенствованными формами общежитія, и даютъ даже предчувствовать, къ какому совершенству могло бы прійти наше воспитаніе при правильномъ и полномъ сліяніи внесенной отъ образованности съ коренными нашими началами семейной жизни. Наконецъ разсказъ автора о своемъ пребываніи въ гимназій и университетѣ почти каждой сценой своей вызываетъ на размышленіе. Оставляя слышное здѣсь доброе начало, которое можетъ принести воспитанію его общественность, что прямо замѣчается авторомъ, мы хотимъ указать, сколько съ другой стороны можетъ быть вредоноснымъ полное отрѣшеніе воспитанія отъ семейныхъ отношеній. Указываемъ въ особенности на отношенія къ автору главнаго надзирателя К-ва, въ которыхъ всего яснѣе видно жестокое значеніе отрицанія семейной жизни для ребенка,—отрицанія не эмаципирующаго, но жертвующаго тѣлес-

нымъ и нравственнымъ здоровьемъ ребенка одному отвлеченному равенству предъ пустой формой.... Мы сказали выше, что назначили бы книгу г. Аксакова для чтенія юношамъ, какъ воспитывающую и возвышающую нравственно. Скажемъ здѣсь,—мы дали бы совѣтъ самымъ воспитателямъ съ особеннымъ вниманіемъ прочесть красно-рѣчивыя страницы, въ которыхъ авторъ говоритъ о своихъ директорахъ, надзирателяхъ и учителяхъ. Они много тутъ найдутъ для себя поучительнаго.

Но забудемъ на минуту, что предъ нами книга, заключающая въ себѣ правду историческую; будемъ смотрѣть на нее исключительно, какъ на произведеніе художественное, и станемъ оцѣнивать отдѣльные рассказы автора съ этой стороны. Авторъ самъ даетъ намъ на это право формою, которую придалъ онъ своему произведенію. Мы сказали уже, что онъ не рабски, по рассказамъ и собственному опыту, копируетъ описываемую имъ дѣйствительность, но свободно пользуется содержаніемъ, которое доставляетъ ему запасъ воспоминаній, облекая ихъ вымышленными подробностями, воплощая ихъ въ свободные образы фантазіи, и такимъ образомъ подчиняя себя требованіямъ художественности. Высоко поставивъ въ этомъ отношеніи талантъ автора вообще, мы обязаны теперь прослѣдить, въ какой степени выдержанъ онъ въ частностяхъ; станемъ цѣнить автора уже не по общимъ требованіямъ художественности, а по тѣмъ частнымъ требованіямъ, которыя налагаетъ на него собственный его обнаруженный художническій талантъ.

Признаемся, статья о Державинѣ представляется намъ и съ этой стороны слабѣйшею всѣхъ прочихъ. Самый рассказъ въ ней также хорошъ, какъ и во всѣхъ; но общее впечатлѣніе, производимое ея содержаніемъ, не согласуется съ художественнымъ впечатлѣніемъ всей книги. Мы сказали уже, что содержаніе ея не представляетъ особеннаго значенія, какъ характеристика Державина съ исторической точки зрѣнія; скажемъ теперь, что она не представляетъ и художественнаго значенія для всей книги. Объяснимся. Воспоминанія автора, то есть, собственно вторая половина книги, объединяются художественно изображаемою личностію

самого автора. Она даетъ отдѣльнымъ разсказамъ не только вышнее единство, что тѣ и другіе, всѣ писаны однимъ лицомъ, но она даетъ имъ и единство внутреннее, составляетъ внутреннее глубочайшее содержаніе ихъ. Всѣ воспоминанія съ художественной точки зрѣнія суть не что иное, какъ художественно представленный процессъ развитія одной личности, начиная самымъ первымъ воспитаніемъ и оканчивая литературными знакомствами какъ бы героя одной большой повѣсти. О чемъ бы ни говорилъ авторъ въ томъ или другомъ разсказѣ: характеризуетъ ли онъ по видимому совершенно постороннюю личность,—описание, кромѣ самостоятельнаго значенія этой характеристики, вездѣ имѣетъ значеніе, и какъ характеристика самого автора; разсказъ о постороннихъ лицахъ является художественною формою, въ которой изображается извѣстная фаза воспитанія автора. И такъ, если смотрѣть на вторую половину книги съ этой точки зрѣнія, — какъ на идею, которую въ художественно-последовательной формѣ раскрыть далъ себѣ задачей авторъ, а не просто, какъ на воспоминанія,—имѣемъ право требовать и по художественному единству прочихъ частей какъ бы ожидаемъ, что эта идея выдержана должна быть и въ последнемъ разсказѣ, равно какъ и въ первыхъ. И съ этой-то именно стороны воспоминанія о Державинѣ представляются невыдержанными и нарушаютъ впечатлѣніе, производимое всею книгою. Незначущее знакомство съ Державинымъ, ограничивавшееся тѣмъ, что авторъ *зачитывалъ* знаменитаго поэта, не прибавляетъ ничего новаго къ характеристикѣ личности и къ описанію воспитанія автора. Комическій свѣтъ, въ которомъ здѣсь изображаетъ авторъ свое великодушное самопожертвованіе слабостямъ поэта, нарушаетъ даже впечатлѣніе, оставаемое предыдущими разсказами. Какъ мы сказали, собственно здѣсь не прибавляется никакой новой черты къ характеристикѣ автора, и все живое что проявляется его личностію при описываемой встрѣчѣ съ Державинымъ, извѣстно уже по предыдущимъ описаніямъ и совершенно согласно съ ними. Но такова сила художественнаго единства предыдущихъ разсказовъ и требованій внутреннюю

развитія въ художественномъ произведеніи, что это совершенно согласное повтореніе въ изображеніи, какъ неудовлетворяющее ожиданіямъ, производитъ непріятное ощущеніе и съ комическимъ же освѣщеніемъ, положеннымъ на него, портитъ впечатлѣніе цѣлой картины.

Воспоминанія о Второмъ Періодѣ Гимназіи и объ Университетѣ представляются намъ также относительно къ цѣлой книгѣ слабыми, не смотря на обыкновенный мастерскій рассказъ, не смотря даже на множество сценъ, накиданныхъ съ истинною художественностію. Эти два рассказа являются вполне выдержанными по отношенію къ идеѣ всей книги, но ни тотъ, ни другой не представляютъ полной выдержанности сами въ себѣ. Въ нихъ нѣтъ той замкнутости, сосредоточенности, цѣльности, которая требуется отъ художественныхъ изображеній и которую соблюсти способенъ авторъ. Каждая черта не имѣетъ здѣсь необходимаго отношенія къ цѣлому рассказу, не представляетъ живаго органическаго члена. Самый рассказъ, вездѣ, какъ мы сказали, мастерскій, не вездѣ проникнутъ одинаковымъ одушевленіемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ огонь этотъ прерывается и рассказъ идетъ какъ-будто вялѣе; потомъ среди его вдругъ является отрывочное одушевленное мѣсто, какъ будто насильственно, безъ яснаго сознанія его необходимости, выжатое изъ себя авторомъ. Долго было бы слѣдить за подобными явленіями по цѣлымъ двумъ рассказамъ; мы укажемъ для примѣра только на одно мѣсто, гдѣ авторъ среди описанія пребыванія своего въ деревнѣ и своихъ деревенскихъ занятій, вдругъ восклицаетъ: «подростала и удивительно хороша моя милая сестра, мой сердечный другъ. Она уже не могла раздѣлять моихъ деревенскихъ забавъ и охотъ, не могла быть такъ часто со мною вмѣстѣ, но она видѣла, какъ я веселился, и сносила это лишеніе терпѣливо, за то роптала на мое ученіе и, вѣроятно, потому неблагоклонно смотрѣла на моего учителя». И потомъ обращается къ рассказу о своемъ отъѣздѣ изъ деревни: «10 Августа выѣхали мы» и пр. Слышится, что какъ-будто авторъ чувствовалъ потребность сказать что-то болѣе, что должно было стоять въ органической связи съ цѣлымъ, но рассказъ изъ массы

смутнаго впечатлѣнія въ фантазіи не перешелъ въ опредѣленный, законченный образъ и вырвался однимъ отрывочнымъ восклицаніемъ, безъ ясно выраженной необходимости его для цѣлаго. По этой же неровности, не всѣ личности, упоминаемыя въ этихъ разсказахъ, одинаково обрисованы. Мы можемъ въ особенности изъявить сожалѣніе о недостаточномъ изображеніи Григорья Ивановича К., главнѣйшаго героя упомянутыхъ разсказовъ. Мы говоримъ: о недостаточномъ, разумѣется, въ отношеніи только къ таланту автора: судя по прочимъ изображеніямъ, на примѣръ по изображеніямъ Багрова, Шишкова, Куролесова, въ какой живости могъ бы онъ воплотить предъ нами и эту личность, чрезвычайно замѣчательную и въ особенности заслуживавшую наиболѣе тщательнѣйшей отдѣлки отъ автора. Она обрисована ясно, очень ясно, и многіе изъ нашихъ хваленыхъ писателей могутъ пожелать для своихъ образовъ той же ясности. Но при всей ясности своей, образъ не законченъ; онъ очерченъ карандашемъ, но не разцвѣченъ красками. Натура Григорья Ивановича болѣе *понимается*, нежели *чувствуется*, — вы болѣе догадываетесь, чѣмъ долженъ быть Григорій Ивановичъ, и сами дополняете представленное изображеніе его, а не встаетъ онъ предъ вами въ книгѣ самъ, со всею живостью живаго челоуѣка.

Что касается до прочихъ разсказовъ, то они безупречны въ художественномъ отношеніи. Мы можемъ дѣлать только сравненіе ихъ относительной важности и цѣнить, какой изъ нихъ выше, чище, полнѣе, а не замѣчать какіе-нибудь недостатки, или можемъ указать иногда развѣ только самыя мельчайшіе недосмотры, нисколько не вредящіе цѣлости общаго художественнаго впечатлѣнія. Изъ двухъ статей, о Шушеринѣ и о Шишковѣ, сходныхъ по своему внутреннему содержанію и одинаково пластично выработанныхъ, первая, съ точки художественной, имѣетъ по нашему мнѣнію менѣе достоинства, или, лучше и точнѣе сказать, вторая имѣетъ его болѣе. Шишковъ представленъ сосредоточеннѣе, глубже и цѣльнѣе, а въ Шушеринѣ изображаемая авторомъ жизнь какъ-бы разбѣгается по сторонамъ, хотя и безъ ущерба общему художественному впечатлѣнію. Глубоко

потрясающій образъ Куролесова, о которомъ довольно уже сказано нами прежде, даетъ намъ случай сдѣлать одно замѣчаніе. Напрасно авторъ скупится на рассказы о дѣйствіяхъ своего героя. «Я рассказалъ» говоритъ онъ «десятую долю того, что знаю», и дѣйствительно касается поступковъ Куролесова болѣе только общими описаніями. Справедливое чувство негодованія и отвращенія, какое возбуждаютъ въ авторѣ воспоминанія о мужѣ Прасковьи Ивановны, намъ понятно; понятно также, что авторъ хотѣлъ пощадить читателей, уволить ихъ отъ созерцанія дѣйствій, возмущающихъ чувство человѣчества. Но съ художественной точки зрѣнія этотъ расчетъ не совсѣмъ вѣренъ. Общія описанія съ тѣми выраженіями чувства омерзѣнія, какія встрѣчаемъ у автора, гораздо скорѣе могутъ производить возмутительное впечатлѣніе, котораго боятся авторъ, нежели описаніе самыхъ дѣйствій безъ ясно выраженнаго суда о нихъ. Описаніе въ послѣднемъ случаѣ было бы чисто поэтическимъ; и, какъ всякое поэтическое произведеніе, представляя нашему созерцанію одиѣ явленія извѣстныхъ душевныхъ свойствъ, оно давало бы намъ наслаждаться художественнымъ воспроизведеніемъ жизни, оставляя въ покоѣ наши страсти, — разумѣется, если оно не будетъ при этомъ входить въ подробности, дѣйствительно нисколько не типическія, а только возмутительныя. Настоящею же формою оно приближается, разумѣется, въ самомъ ограниченнѣйшемъ смыслѣ, къ искусству ораторскому, представляющему порознь и самыя явленія, и ихъ смыслъ, въ общемъ подчиненіи того и другаго все объединяющему личному чувству, — къ искусству, возбуждающему по преимуществу страстное впечатлѣніе. Таковъ неизмѣнный законъ, которому подчиняются разные роды словеснаго искусства въ своемъ относителномъ дѣйствіи на душу читателя. Разумѣется, мы все это говоримъ въ самомъ ограниченнѣйшемъ смыслѣ. Куролесовъ, какъ мы уже замѣчали гораздо выше, въ цѣломъ не производитъ возмущающаго дѣйствія, и только при самомъ напряженномъ вниманіи можно отыскать замѣчаемый нами неправильный художественный штрихъ. Дѣло только въ томъ, что, если бы авторъ поболѣе далъ намъ

такихъ чертъ, какъ на примѣръ эта тихость Куролесова, съ какою подступалъ онъ къ своей жертвѣ и говорилъ: «пу, любезный другъ, Григорій Кузмичъ (вмѣсто обыкновеннаго Гришки), дѣлать нечего, пойдёмъ: надобно мнѣ съ тобой разсчитаться», и если бы воспользовался фигурой умолчанія только тамъ, гдѣ скрытый въ ней намекъ не понуждаетъ вашего воображенія на самостоятельное усиліе къ дополненію представленнаго образа, подобно какъ дѣлаетъ это онъ, на примѣръ описывая гнѣвъ старика Багрова, по случаю замужства Прасковьи Ивановны, когда уже Багровъ давно стоитъ предъ вами совершенно живой: тогдабъ художественное впечатлѣніе, производимое Куролесовымъ, было выше и полнѣе. Но и безъ того оно высоко и полно.

Съ возможно-строкою взыскательностію судя о «Добромъ днѣ Степана Михайловича», можемъ и здѣсь отыскать маленькое пятнышко. Со стороны автора это пятнышко совершенно невольно и произошло отъ самаго характера его таланта. Мы уже говорили, что талантъ автора и въ этой книгѣ по преимуществу является все-таки талантомъ описательнымъ; и читая самую книгу, тѣмъ болѣе поясняя понятія объ авторѣ собственными его признаніями, нельзя сомнѣваться, что безкорыстная любовь къ природѣ занимаетъ одно изъ самыхъ главныхъ мѣстъ въ сердцѣ нашего писателя. Отъ этого-то и произошло въ разсказѣ о добромъ днѣ Степана Михайловича то маленькое пятнышко, о которомъ говоримъ. Описаніе прекрасной Оренбургской природы, которой столько сочувствуетъ авторъ, заслоняетъ нѣсколько предъ нами самого Степана Михайловича. Читая это въ высшей степени превосходное само въ себѣ описаніе, вы болѣе видите предъ собою добрый день Оренбургской губерніи, а не добрый день Степана Михайловича, — тихій, ясный іюньскій день, съ припекающимъ солнцемъ, съ жужжаньемъ комаровъ, съ поспѣвающей клубникою, съ свѣжо взрытыми пашнями и съ прудомъ, на которомъ такъ весело удить.... Степанъ Михайловичъ становится какъ будто на второй планъ, хотя собственно онъ и составляетъ внутреннее единство и глубочайшее содержаніе разсказа; тогда какъ на противъ природа

должна была бы служить только подставкой для яснѣйшаго изображенія этой личности. Словомъ, эта статья производитъ на васъ впечатлѣнiе прекрасной картины, писанной великимъ мастеромъ, но поставленной въ слишкомъ богатую, широкую, въ слишкомъ блестящую раму. Вы любуетесь картиною, но глаза ваши забѣгаютъ вверхъ и внизъ и невольно останавливаются на этой чудесной рамѣ. Если бы авторъ къ своему описанiю природы прибавилъ хоть что-нибудь, менѣе для нея выгодное, хоть дождичекъ, маленькiй туманъ, или несприятный вѣтеръ, хотя бы въ мимоходномъ, по видимому случайномъ упоминанiи: тогда добрый день пересталъ бы быть добрымъ днемъ губернiи, а былъ бы именно добрымъ днемъ дѣдушки: вся картина не производила бы такого разнѣживающаго впечатлѣнiя, какое теперь, и самъ Степанъ Михайловичъ не казался бы добрымъ только въ слѣдствiе благодатнаго влiянiя iюньскаго дня, а являлся добрымъ именно по внутреннему своему побужденiю, самъ по себѣ, такъ, въ слѣдствiе добраго стиха, какъ говоритъ авторъ. Впрочемъ за исключенiемъ этого мелкаго недосмотра, какъ мы сказали, «Добрый день Степана Михайловича» превосходенъ. По нашему мнѣнiю, даже эта статья, равно какъ и весь рассказъ о Степанѣ Михайловичѣ, если разсматривать ихъ со стороны внѣшняго художественнаго изложенiя, составляетъ рѣшительно лучшую изъ всѣхъ, наиболѣе тщательно отдѣланную часть книги.

Что же касается до Года въ деревнѣ, до Перваго перiода Гимназiи, до Женитьбы молодого Багрова, — это такой перлъ нашей литературы, что здѣсь взыскательность критики совершенно неумѣстна. Намъ остается только восхищаться и благодарить автора. Разумѣется только, что, по самому содержанiю своему, «Годъ въ деревнѣ» ниже «Перваго перiода Гимназiи», а «Первый перiодъ» въ свою очередь ниже «Женитьбы,» какъ всякiй ландшафтъ ниже изображенiя съ человѣческою фигурою, и какъ всякiй портретъ ниже картины, изображающей въ лицахъ цѣлое историческое дѣйствiе. «Годъ въ деревнѣ», — это ландшафтъ; «Первый перiодъ» прекрасенъ по преимуществу, какъ характеристическое изображенiе развитiя отдѣльной личности. Но «Женитьба»,

«Женитьба молодого Багрова».... это стоит того, чтобъ разсказать гораздо подробнѣе.

У небогатаго и нечиновнаго дворянина, Степана Михайловича Багрова, живущаго въ глуши Оренбургской губерніи и безпредѣльно властвующаго надъ своею семьей, чело-вѣка необразованнаго и грубаго въ своихъ привычкахъ, но съ свѣтлымъ умомъ и съ высшею честностію, есть сынъ, единственная отрасль и надежда стариннаго дворянскаго дома. Алексѣй Степановичъ, это — душа тихая, нѣжная и любящая: какъ и отецъ, онъ не получилъ внѣшняго образованія, но уже почитываетъ романы и восхищается ими по своему; нѣсколько запуганный воспитаніемъ, онъ не наслѣдовалъ отъ своего отца неукротимой пылкости и грубыхъ проявленій самовластия, но сердце его способно къ принятію глубокихъ впечатлѣній и, въ случаѣ, къ страдательной рѣшимости, которой ничто преклонить не въ силахъ. Такое-то впечатлѣніе произвела на него дворянка небогатая и недавняго происхожденія, но высоко поставленная въ общественномъ положеніи, дочь товарища Уфимскаго намѣстника, дѣвушка пылкая, съ характеромъ, умомъ и образованіемъ. Образъ прекрасной, умной, блестящей Софьи Николаевны впечатлѣлся въ его сердцѣ, и любовь молодого Багрова можетъ кончиться только смертію или выѣстъ съ смертію! Но можетъ ли одобрить эту любовь старый Багровъ, выше всего ставящій въ дворянинѣ его древнее происхожденіе, самъ нѣкогда не женившійся на выгодной и нравившейся ему дѣвушкѣ единственно потому, что она была недавняя дворянка, ясно притомъ видѣвшій своимъ свѣтлымъ умомъ, что Софья Николаевна и въ прочихъ отношеніяхъ Алексѣю Степановичу совсѣмъ не пара? Можетъ ли нравиться эта любовь и всей семьѣ, горячо любившей своего Алешу, желавшей ему невѣсты прекрасной, богатой, но въ тоже время совершенно покорной, оскорблявшейся за Алексѣя Степановича самымъ чувствомъ, для нея непонятнымъ и, по мнѣнію ея, унижавшимъ Алексѣя Степановича, чувствовавшей наконецъ эгоистическимъ инстинктомъ, что Софья Николаевна выше всѣхъ ихъ, и слѣдственно не будетъ уважать ихъ? Можетъ ли наконецъ

сочувствовать сама Софья Николаевна любви молодого Багрова, красавчика, тихого, скромного, но не развитого, необразованного, не знающего свѣтскихъ приличій, сына какихъ-то оренбургскихъ медвѣдей, — она, дочь первого лица губерніи, чудо ума и красоты, повелѣвавшая своимъ больнымъ отцемъ, восхищавшая ученыхъ путешественниковъ, сводившая съ ума всю губернскую молодежь, изъ которой впрочемъ никто не осмѣливался и подумать о взаимности? Нѣтъ! видно не бывать этому! Бѣдный Алексѣй Степановичъ, что съ нимъ будетъ? Вотъ художественная тема, раскрывающаяся въ этомъ прекрасномъ произведеніи. Мы не знаемъ, не хотимъ знать, существовали ли въ дѣйствительности всѣ лица, упоминаемые авторомъ, не хотимъ знать, сколько тутъ фактической истины, и что собственно принадлежитъ творческой фантазіи писателя, но какая слышна въ этой темѣ глубокая задуманность! Предъ вами сталкиваются устарѣвшій и нововозникающій бытъ, каждый съ своими привычками, понятіями, интересами, съ своими достоинствами и недостатками. Предъ вами Степанъ Михайловичъ съ Ариной Васильвной, со всей своей семьей и съ зятемъ полу-Башкиромъ, съ привычками стараго быта, въ зипунѣ и шушунѣ, добрые, умные, но грубо необразованные; отецъ буйно самовластный, какіе бывали въ старыя времена, звѣрь въ минуты гнѣва; мать, воображающая, что съ взрослымъ, умнымъ сыномъ, глубоко влюбленнымъ, нужно поступать, какъ съ дѣтями, развлекая его игрушками. Съ другой стороны, украшеніе города, Софья Николаевна, способная отдаться самому чистому самоотверженію, со всею пылкостью молодой женственной души, умная, прекрасная, образованная, но нѣсколько отвлеченная, какъ отвлеченно все наше образованіе, и такъ же горячо властолюбивая, какъ оно. И среди ихъ переходное лицо, Алексѣй Степановичъ, на которомъ должна разрѣшиться эта борьба. Какое драматическое положеніе! Вы сочувствуете, разумѣется, Алексѣю Степановичу; сочувствуете старику Багрову, разсуждающему по своему здраво и основательно; сочувствуете Софьѣ Николаевнѣ. Менѣе сочувствуете Аринѣ Васильвнѣ и всей ея семьѣ, однако видите,

что и въ ихъ дѣйствіяхъ, съ ихъ точки зрѣнія, есть относительная разумность. Должно отдать справедливость автору, что онъ не упустилъ ничего, чтобъ постановить эту тему, какъ должно. Не говоря о Степанѣ Михайловичѣ, котораго полный образъ данъ въ цѣломъ отдѣльномъ разсказѣ, развитіе характера Софьи Николаевны, личность Алексѣя Степановича, самыя побочныя лица этой драмы, начиная отъ родителей Софьи Николаевны и до Нѣмца, отколотившаго палками нѣжнаго дворничика за то, что «дворянинъ долженъ быть съ большимъ благоговѣніемъ къ служба Господня», все это живо предъ вами.

Долго безмолвно, робко и безнадежно питалъ свою любовь Алексѣй Степановичъ. Наконецъ въ его умѣ блеснула страшная, дерзкая мысль! Вызнавъ чрезъ свою родственницу, принимавшую въ немъ участіе, что Софья Николаевна смотритъ на него не совсѣмъ неблагоклонно и что любовь его еще не рѣшительно безнадежна, онъ ѣдетъ въ Багрово къ своимъ старикамъ—родителямъ за благословеніемъ просить руки Софьи Николаевны. Его несвоевременный пріѣздъ встрѣчаютъ съ удовольствіемъ, но безъ удивленія. Увы, тамъ все уже знаютъ! Сестра собрала уже всѣ свѣдѣнія, по своему передала ихъ своимъ родителямъ и успѣла вполне вооружить противъ нежданной мечты Алексѣя Степановича. Какъ? Городская прощелыга, внука козацкаго урядника, нарохтитися выйти за ихъ красавчика? Нѣтъ, не бывать этому! И вотъ, въ одно прекрасное оренбургское утро, старый Степанъ Багровъ тихо, но съ твердостью сказалъ своему сыну, чтобъ онъ рѣшительно выкинулъ изъ головы эту блажь, и чтобы объ ней не было и помину. Для старика Багрова сказать значитъ сдѣлать, и ничто въ мірѣ не сломитъ его упорства. Самъ Алексѣй Степановичъ знаетъ это слишкомъ хорошо, и мысль о совершенной безнадежности его любви сражаетъ его до того, что онъ цѣлыя шесть недѣль лежитъ въ нервной горячкѣ, въ безпамятствѣ и тихомъ бреду.... Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ глубоко художественную черту въ разсказѣ автора. Описавъ болѣзнь Алексѣя Степановича и потомъ его выздоровленіе, онъ прибавляетъ: «Родители не пародовались, не наглядѣлись

на него и убѣдились, что болѣзнь выпала изъ молодой головы и сердца всѣ прежнія мысли и чувства. Можетъ быть оно и въ самомъ дѣлѣ было бы такъ, еслибъ его взяли въ отставку, продержали годъ въ деревнѣ, нашли хорошенькую невѣсту и женили....» Художественнымъ тактомъ чувствуетъ онъ, что возвращеніе молодаго Багрова есть дѣйствіе въ его драмѣ необходимое только относительно. Старики могли Алексѣя Степановича послать въ Уфу и не послать; они послали только въ слѣдствіе незнанія всей силы непонятнаго для нихъ чувства и въ радостной забывчивости, по случаю выздоровленія своего сына; и вотъ, одной краткой чертой онъ обрисовываетъ цѣлую картину, весь ходъ, какой приняла бы описываемая имъ жизнь въ случаѣ, если бы старики были догадливѣе и проинициательнѣе и оставили сына при себѣ навсегда.

Однако Алексѣй Степановичъ возвращается, и любовь со всей силою страсти снова загорѣлась въ его сердцѣ. Почтительнымъ и рѣшительнымъ письмомъ онъ испрашиваетъ снова у своихъ родителей благословенія искать руки Софьи Николаевны. Разумѣется, послѣдовалъ рѣшительный отказъ. Полученіе письма отъ сына, впечатлѣніе, которое оно произвело, колебаніе Степана Михайловича, болѣе проникательнаго, начинающаго понимать всю силу чувства въ своемъ сынѣ, пошлая хитрость упорствовавшей Арины Васильевны, болѣе тупой, слѣдовательно не понимавшей опасности, которую она готовитъ горячо любимому сыну, — все это изложено съ рѣдкимъ тактомъ. За тѣмъ слѣдуетъ сцена до того глубокая, что ей можетъ позавидовать первый мастеръ. Какъ мы сказали, въ замѣтъ грубо-пылихъ проявленій самовласти, Алексѣй Степановичъ способенъ былъ къ страдательной твердости и рѣшимости непреклонной. Отказъ не охладилъ его упорства. Онъ пишетъ новое письмо. Начитавшись романовъ, Алексѣй Степановичъ безсознательно усвоилъ себѣ фразы, когорыя тамъ встрѣчалъ, усвоилъ даже самыя положенія, тамъ описываемыя, разумѣется, также безсознательно и отвлеченно. И такъ въ новомъ письмѣ своемъ, онъ пишетъ къ своимъ родителямъ слогомъ тогдашнихъ романовъ: «не могу преступить воли вашей и

покаряюсь ей; но не могу долго влечить бремя моей жизни безъ обожаемой мною Софьи Николаевны, а потому въ не-продолжительномъ времени смертоносная пуля скоро просверлитъ голову несчастнаго вашего сына». Разумѣется, этого не было бы, хотя самъ Алексѣй Степановичъ и не признавалъ своей невинной лжи. Въ случаѣ новаго отказа, онъ, глубоко правдивая, тихая душа, не рѣшился бы на самоубійство; онъ просто зачахъ бы и умеръ. Но какое дѣйствіе должно было произвести это письмо на стараго Багрова, крайне прямого, не знавшаго лжи, не вкусившаго отравы отвлеченнаго образованія, не понимавшаго и не бывшаго въ состояніи понять, какъ человѣкъ безсознательно можетъ усвоить себѣ ложь, раздвоиться, самъ того не чувствуя и не видя, лгать и сознавать ложь, какъ правду! «Эффектъ былъ сильный; тетки мои захныкали, бабушка, ничего подобнаго не ожидавшая, поблѣднѣла, всплеснула руками и повалилась безъ памяти на полъ, какъ снопъ,—въ старину также бывали обмороки. Степанъ Михайловичъ не пшевельнулся; только голова его покосилась на одну сторону, какъ передъ началомъ припадка гнѣва, и слегка затряслась.... Она не переставала уже трястись до его смерти». Какое превосходное изображеніе перелома въ этой грубой, непреклонно-крѣпкой, и въ то же время чистой, свѣтлой, любящей душѣ! Сильный вѣтеръ покачнулъ могучій дубъ, доселѣ только легко потрясавшій своими листьями; онъ сломилъ его, но дорого стоитъ желѣзной душѣ этотъ страшный ударъ: онъ сокрушилъ могучую патуру, и навсегда, неизгладимымъ слѣдомъ останется въ душѣ этотъ всецѣло-потрясшій минутный разломъ.

Наконецъ Алексѣй Степановичъ торжествуетъ. Согласіе отца получено, но новая забота, новое безпокойство: какъ однако приметъ его искательство Софья Николаевна? Борьба Софьи Николаевны самой съ собою, борьба съ нецивилизованностію Алексѣя Степановича, борьба съ грубыми, оскорбляющими деликатное чувство его сестрами, неумышленное оскорбленіе, которая дѣлаетъ она сама Алексѣю Степановичу, не умѣя съ своей стороны пощадить не вполне также понимаемую ею вѣжливую сторону его души, грусть Алексѣя

Степановича, смутно почувствовавшего, хотя и не понимавшего, что и въ этомъ обожаемомъ имъ совершенствѣ образованія есть сторона грубая, которой онъ сочувствовать не можетъ,—сколько здѣсь живаго и глубоко схваченнаго! Софья Николаевна рѣшается, но рѣшается не по ясному чувству своей любви, которой въ ней больше, нежели сколько она хочетъ признать ее въ себѣ, но по ложному чувству своего превосходства; она хочетъ цивилизовать, образовать, воспитать Алексѣя Степановича, и для этого рѣшается выйти за него, — какъ она воображаетъ, пожертвовать собою для него, но въ сущности жертвуя имъ для себя. Какой живой образъ нашего иноземнаго образованія!

Свадьба сыграна; молодые ѣдутъ къ старикамъ родителямъ Багровымъ, еще не видавшимъ своей невестки, съ нетерпѣніемъ ожидающимъ ее, желающимъ вывести на свѣтъ свои смутныя предощущенія. Какъ-то приметъ ее старый, грубый Багровъ? И какое-то впечатлѣніе произведетъ умная, образованная невестка на грубо-прямаго свекра и онъ на нее! Какъ подѣлитъ на городскую даму видъ простаго деревенскаго быта?... Но мы не можемъ удержаться, чтобъ не выписать снова этой превосходной заключительной сцены,—встрѣчи прекрасной, образованной Софьи Николаевны съ своимъ новымъ семействомъ и со всѣмъ деревенскимъ бытомъ.

«Позади господскаго гумна, стоящаго на высокой горѣ, показался высокій экипажъ. «Ѣдутъ, Ѣдутъ!» раздалось повсюду, и вся дворян, а вскорѣ и всѣ крестьяне сбѣжались на широкій господскій дворъ, а молодежь и ребятишки побѣжали на встрѣчу. Старики Багровы со всѣмъ семействомъ вышли на крыльце; Арина Васильевна въ шелковомъ шушунѣ и юбкѣ и съ шелковымъ гарнитуровымъ съ золотыми травочками платкомъ на головѣ, а Степанъ Михайловичъ въ какомъ-то стародавнемъ сюртукѣ, выбранный и съ платкомъ на шеѣ, стояли на верхней ступенкѣ крыльца; одинъ держалъ образъ Знаменія Божіей Матери, а другая — коровай хлѣба съ серебряной солонкой. Золовки и два зятя стояли около нихъ; экипажъ подкатилъ къ крыльцу, молодые вышли, упали старикамъ въ ноги, при-

няли ихъ благословеніе и расцѣловались съ ними и со всѣми, ихъ окружающими; едва кончила молодая эту церемонію и обратилась опять къ свекру, какъ онъ схватилъ ее за руку, поглядѣлъ ей пристально въ глаза, изъ которыхъ катились слезы, самъ заплакалъ, крѣпко обнялъ и сказалъ. «Слава Богу! пойдѣмъ же благодарить Его». Онъ взялъ невѣстку за руку, провелъ въ залу сквозь тѣсную толпу, поставилъ возлѣ себя, — и священникъ, ожидавшій ихъ въ полномъ облаченіи, возгласилъ: «Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ».

Какое превосходное изображеніе глубоко-знаменательной встрѣчи! какая чудная картина примиренія! И Вѣра здѣсь въ своемъ истинномъ характерѣ освящающаго примиренія.... Какая глубокая естественность, и въ то же время какая законченность и полнота въ каждой чертѣ!...

Но мы хотимъ однако непремѣнно, во что бы то ни стало, отыскать и здѣсь пятно. Хотимъ отрѣшиться отъ всякаго пристрастія, хотя бы возбуждаемаго художественностію самаго произведенія. Намъ кажется, во первыхъ, что въ этой превосходной драмѣ авторъ совершенно напрасно, вопреки своему обычному художественному такту, нѣсколько какъ-бы съ желчью отзывается о сестрахъ Алексѣя Степановича. Онъ постоянно употребляетъ, на примѣръ говоря объ Александрѣ Степановнѣ, эпитетъ «бѣшеная», или даже употребляетъ такую фразу: «одна Александра Степановна не вытерпѣла и, сверкая круглыми, выкатившимися отъ бѣшенства зрачками, сказала» и проч. Къ чему это? Фраза эта не велика, но она портитъ художественное впечатлѣніе. Она была бы уместна, если бы Александра Степановна явилась предъ нами и съ своими хорошими свойствами; но ихъ нѣтъ. Дайте намъ ихъ, или совершенно уничтожьте свою фразу, усиливающую непріятное впечатлѣніе, производимое этою личностію. Признаемся, что на насъ лично подобныя фразы, встрѣчающіяся въ художественномъ цѣломъ, дѣйствуютъ рѣшительно болѣзненно, раздражаютъ, какъ дикій диссонансъ, вырывающійся вдругъ среди согласно исполняемой, глубоко трогашей, прекрасной симфоніи. Во вторыхъ, мы недовольны авторомъ за

Алексія Степановича. Былъ ли онъ въ дѣйствительности, и каковъ онъ былъ, мы не хотимъ этого знать. Но по требованію художественной мысли всего произведенія, необходимо, чтобъ Алексій Степановичъ изображенъ былъ рельефнѣе; авторъ долженъ былъ сильнѣе палеть на это изображение, выпуклѣе представить его, ярче выставить свое сочувствіе. Судя потому, чего требуетъ художественная мысль всего цѣлаго, Алексій Степановичъ долженъ быть воплощеніемъ того чисто Русскаго и по преимуществу Русскаго характера, который всѣми нами ясно чувствуется, за изображение котораго пытались взяться наши художники и вгоростепенные писатели, но который исполнѣ не удавался еще рѣшительно никому. Лермонтовъ пытался изобразить его въ Максимѣ Максимычѣ, но, какъ мы уже говорили выше, изображение не исполнѣ удалось по очень простой причинѣ, по отсутствію полноты художественнаго сочувствія, потому что авторъ немножко свысока, немножко аристократически посматриваетъ на своего героя. Что-то похожее на слабыя попытки въ этомъ родѣ представляютъ герои романовъ Загоскина, особенно Мирошевъ, но это выходили такіа нехудожественныя, блѣдныя, безцвѣтныя тѣни! Тишь точно труденъ; онъ труденъ по отсутствію яркости въ самомъ существѣ своемъ, по блѣдности обнаруженія въ самой дѣйствительности. Это — люди, способные на величайшія дѣла, на подвиги, страшно изумляющіе васъ, но въ то же время безпритязательные, въ какой-то нервино-дѣтской простотѣ не хотящіе понять высоты своихъ подвиговъ и не удивляющіеся имъ въ другихъ, — люди, въ высшей степени мягкіе и незлобивые, но въ то же время поражающіе васъ рѣшимостью и непреклонностью удивительною; люди, глубоко, безпредѣльно-глубоко чувствующіе, но выражающіе свое чувство безъ пылкихъ порывовъ, даже будто съ какою-то вяlostію.... Но берегитесь почитать это за вялость!... И такъ авторъ долженъ бы взять на себя трудъ представить намъ такую личность со всею выпукlostію, къ какой способно художественное изображение, — и его таланту, съ его общимъ художественнымъ возрѣніемъ, это по силамъ.

Мы сказали довольно. Въ заключеніе полагаемъ нужнымъ сдѣлать одно замѣчаніе. Авторъ предлагаемаго публикѣ разбора далеко не считаетъ своего мнѣнія, особенно въ общемъ воззрѣніи на литературу, высказаннымъ, развитымъ и доказаннымъ окончательно,—и не удивится, а обрадуется, если изложенныя имъ мысли подадутъ поводъ къ какимъ либо замѣчаніямъ. Полное раскрытіе нашего литературнаго воззрѣнія, надѣмся, представлено будетъ въ другихъ статьяхъ. Въ настоящее же время мы вступали въ общія разсужденія только для большаго объясненія смысла разсматриваемой книги, и вообще всей нашей литературной эпохи, — одушевленные однимъ желаніемъ, чтобъ умѣнье чувствовать прекрасное шло у насъ всегда рядомъ съ умѣньемъ разумѣть прекрасное.

И. Г—въ.

Москва.

27 Февраля 1836.

НЕ ТАКЪ ЖИВИ, КАКЪ ХОЧЕТСЯ.

НАРОДНАЯ ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ. Сочиненіе А. Н.
Островскаго. Москва. 1855.

При появленіи своемъ на поприще нашей словесности, г. Островскій съ разу отдѣлился отъ остальныхъ современныхъ ему Русскихъ писателей (*), яркими признаками необыкновеннаго дарованія. Если припомнить впечатлѣніе, которое произвела на общество его первая комедія, «Свои люди—сочтемся», то можно рѣшительно сказать, что послѣ Гоголя никто не имѣлъ у насъ такого громкаго, общаго и вполне заслуженнаго успѣха, какъ г. Островскій. Никто изъ нынѣ дѣйствующихъ писателей, какой бы успѣхъ ни предположить въ развитіи ихъ дарованій, не подойдетъ даже близко къ тому необыкновенному искусству въ созданіи чисто народныхъ комическихъ лицъ, въ выраженіи ихъ мельчайшихъ оттѣнковъ и особенно въ соблюденіи истиннаго склада ихъ рѣчи, какое показалъ въ своей первой комедіи г. Островскій. Послѣдующія его произведенія, даже лучшее изъ нихъ, «Не въ свои сапоги садись», не имѣли уже того успѣха; не смотря на всѣ неоспоримыя ихъ достоинства, общество принимало ихъ холоднѣе и всеобщаго, безусловнаго одобренія, какъ первой комедіи, не оказывало. Въ нихъ не видно было прежней художественной силы; отдѣлка становилась небрежнѣе, въ языкѣ стали попадаться сперва рѣдко, а потомъ и довольно часто, такія выраженія, которыя отъ частаго употребленія сдѣлались нестерпимы,

(*) Гоголь въ то время молчалъ.

которыми такъ богаты наши лже-пародіи произведенія и которыхъ даже слѣда нѣтъ въ «Своихъ людяхъ». Въ самыхъ замыслахъ, не смотря на сравнительно большую глубину ихъ, стало замѣчаться какое-то колебаніе и какая-то нерѣшительность, какъ будто бы они зараждались въ переходномъ состояніи мышленія, безъ полной свободы окончательно выработаннаго и твердо установленнаго воззрѣнія на жизнь. Критика, неблагосклонная къ духу новыхъ произведеній г. Островскаго, замѣтивъ въ немъ ослабленіе исполнительныхъ силъ, довольно сурово обошлась съ нимъ и съ видимымъ удовольствіемъ отмѣчала его слабости, обходя отчасти умысленно, отчасти по недостатку вкуса и проницательности, достоинства его произведеній. Критика, пристрастная къ его дарованію, не хотѣла видѣть, какъ это всегда бываетъ, его недостатковъ и, конечно по прекрасному побужденію отстоять правду, но къ сожалѣнію безъ основательнаго разбора, одною силою своей горячности старалась отразить всѣ нападенія, отчасти ею же самою вызываемыя или по крайней мѣрѣ умножаемыя. Дѣло кончилось тѣмъ, что г. Островскій изъ писателя, стоявшаго на нѣкоторомъ особомъ возвышеніи, слѣзлся мало по полу во мнѣніи большинства, почти даже въ общемъ мнѣніи, равнымъ по достоинству съ нѣкоторыми другими писателями, которые подобно ему посвящаютъ свои силы изображенію искомаго Русскаго человека.

Это однако не мое мнѣніе. Не смотря на то, что я вмѣстѣ съ другими чувствую и признаю значительную слабость въ исполненіи послѣднихъ произведеній г. Островскаго, все таки его отличіе отъ другихъ писателей, изображающихъ нашъ народный бытъ, для меня остается существеннымъ. Можно почти такъ сказать, что даже въ то время, когда г. Островскій явился съ первой своей комедіей, когда во всемъ современномъ ему поколѣніи писателей не было ему равнаго,—онъ не столь существенно отличался отъ своихъ соавтѣтниковъ, какъ теперь, если только позволено думать, что взглядъ на жизнь въ художникѣ такъ же важенъ, какъ и исполнительныя его дарованія. Въ то время отличіе его отъ другихъ состояло толь-

ко въ силѣ художественной, такъ сказать, виѣщей: ни у кого не было такого языка, какъ у него, такой опредѣлительности въ очертаніи лицъ, такой близости къ изображаемому быту и многихъ другихъ, не спору, весьма важныхъ, но все таки виѣшнихъ художническихъ преимуществъ; но въ сущности воззрѣнія на жизнь, и въ особенностяхъ на Русскую жизнь, различіе было не столь велико. «Своя люди — сочтемся» есть конечно такое произведение, на которомъ лежитъ печать необыкновеннаго дарованія, но оно задумано подъ сильнымъ вліяніемъ отрицательнаго воззрѣнія на Русскую жизнь, отчасти смягченнаго еще художественнымъ исполненіемъ, и въ этомъ отношеніи должно отнести его, какъ ни жалко, къ послѣдствіямъ *натуральнаго* направленія.

Были уже и въ этой комедіи признаки того, что для г. Островскаго возможенъ иной взглядъ на Русскую жизнь, взглядъ самостоятельный, но только признаки; въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ эти признаки стали гораздо яснѣе, отрицательное отношеніе къ жизни смѣнилось сочувственнымъ, и вмѣсто мрачныхъ изображеній, какія мы видѣли въ «Своихъ людяхъ», появляются образы, созданіе которыхъ внушено другими лучшими впечатлѣніями отъ жизни. Ясно стало, что усмотрѣнія г. Островскаго сдѣлались глубже и полнѣе: Русская жизнь стала по немногу открывать ему свои заветныя стороны, которыя недоступны предубѣжденному отрицанію, въ которыхъ рисуются существенныя свойства нашего народнаго духа и въ которыхъ между прочимъ скрытъ отвѣтъ на многіе важнѣйшіе вопросы, предстоящіе мышленію современнаго человѣка. Скажутъ можетъ-быть, что взглядъ на Русскую народность вообще измѣнился, что прежняго ожесточенія противъ нея уже нѣтъ, что и въ произведеніяхъ другихъ писателей, ее изображающихъ, видно вездѣ скорѣе сочувствіе къ ней, чѣмъ противное, что слѣдовательно разницы въ этомъ отношеніи между г. Островскимъ и другими нѣтъ никакой. Но дѣло не въ какомъ-нибудь неопредѣленномъ и безотчетномъ сочувствіи, которое болѣе похоже на снисходительное вниманіе, чѣмъ на истинное сочувствіе; мало

сочувствовать, надобно разумно и самостоятельно оцѣнить то, чему сочувствуешь.

Всѣ другіе писатели, заимствующіе содержаніе своихъ произведеній изъ народной жизни, относятся къ ней двояко: иной подходитъ къ ней, какъ любопытный изслѣдователь и наблюдатель; ему дорого подсмотреть особенности наблюдаемаго быта, которыя для него много, много, что занимательны, а не рѣдко и странны, но ему самому для его собственной внутренней жизни онѣ не нужны. Это характерныя картины, которыя ему пріятно разсматривать, еще пріятнѣе умѣть нарисовать самому, но внутренняго, глубокаго сочувствія съ этой жизнью у него нѣтъ: основы этой жизни и его жизни личной иныя. Отъ этого такая робость въ приѣмахъ: ибо любопытному доступна только поверхность жизни, и онъ заботится лишь о томъ, чтобы не взять какого-нибудь рѣзко-фальшиваго звука; и потому блѣдную точность рисунка ставитъ своею конечною цѣлью. Отъ этого и такой холодъ: потому что любопытный можетъ быть внимательнымъ, но любить не можетъ. А безъ любви къ жизни, съ однимъ какимъ-то среднимъ расположеніемъ къ ней возможно ли художнику проникнуть въ тайны внутренняго ея смысла и изъ нихъ извлекать художественныя задачи? По необходимости придется въ эту чуждую, неусвоенную область приносить свои вопросы, извнѣ навѣянные, а не изъ нея собственно возникшіе. Это есть какое-то формально-художественное отношеніе къ жизни.

Есть другое къ ней отношеніе, которое принадлежитъ направленію въ истинномъ смыслѣ *натуральному*: здѣсь писатель боится спросить о чемъ-либо жизнь, и самый недалекій идеальный полетъ его пугаетъ, какъ нѣчто такое, къ чему онъ не привыкъ, что внѣ знакомыхъ ему представленій, что по этому кажется ему натяжкой и нарушеніемъ естественности. Здѣсь вся забота о томъ, какъ бы повѣрнѣе сдѣлать снимокъ съ того, что доступно самому внѣшнему наблюденію, что происходитъ въ низменныхъ слояхъ нравственной народной жизни. Здѣсь нельзя искать того, чѣмъ живутъ истинныя произведенія искусства: присутствія той внутренней художественной силы, которая пользуется при-

родою, какъ веществомъ, и, свободно распоряжаясь ею, претворяетъ ее въ новое произведеніе, являющееся чрезъ то уже произведеніемъ духа, а не произведеніемъ природы. Это направленіе, почитающее себя свободно-художественнымъ, на самомъ дѣлѣ есть самое подчиненное изъ всѣхъ направленій: даже тѣ писатели, которые дѣлаютъ свои произведенія орудіемъ для рѣшенія общественныхъ или нравственныхъ вопросовъ, хотя они тѣмъ и нарушаютъ основной законъ самобытности искусства, все таки, по моему мнѣнію, свободнѣе натуралиста, который не подчиняется, вліянію челоѣческихъ вопросовъ единственно по равнодушію къ нимъ, но за то находится въ полной зависимости отъ своихъ наблюдений, стало быть, отъ того вещества, которымъ долженъ бы былъ самъ владѣть и которымъ истинный художникъ дѣйствительно владѣтъ. И какъ блѣдность рисунка и скудость *натуры* составляютъ отличительные признаки предыдущаго направленія, такъ на оборотъ здѣсь все отличается пестротою окраски и обиліемъ мелочныхъ подробностей: въ этомъ ставитъ сляву свою *натуральное* направленіе.

Г. Островскій не чуждъ до нѣкоторой степени недостатковъ послѣдняго изъ обозначенныхъ нами направленій, но эти недостатки проистекаютъ не изъ природныхъ свойствъ его дарованія, а изъ невольныхъ предразсудковъ его художественнаго воспитанія. Видно, что онъ постоянно стремится создать нѣчто самобытное, что онъ силится проникнуть въ глубинну народной жизни, извлечь изъ нея достойные истиннаго искусства образы (онъ уже и создалъ нѣкоторые, а еще болѣе намѣтилъ весьма ясно и выразительно); но у него иногда не достаетъ рѣшительности и смѣлости въ исполненіи задуманнаго: ему какъ будто мѣшаетъ ложный стыдъ и робкія привычки, воспитанныя въ немъ *натуральнымъ* направленіемъ. Отъ того нерѣдко онъ затѣветъ что-нибудь возвышенное или широкое, а память о *натуральной* мѣркѣ и спугнетъ его замыслъ; ему бы слѣдовало дать волю счастливому впечатлію, а онъ какъ будто испугается высоты полета, и образъ выходитъ какой-то недодѣланный, не въ угоду ни истинно-художе-

ственной, ни *натуральной* критикѣ. Не смотря на эти недостатки, я полагаю, что ни отъ кого изъ нынѣшнихъ писателей нельзя ожидать такого глубокаго и истиннаго изображенія нашей народной жизни, какъ отъ г. Островскаго: за это ручается, кромѣ особенностей его дарованія, и теплое сочувствіе его къ этой жизни, и разумное уваженіе къ ея глубокому смыслу. Онъ рисуетъ ее, не какъ посторонній любопытствующій пришлецъ, но какъ человѣкъ, выросшій самъ посреди этой жизни и усвоившій себѣ съ малолѣтства ея разнообразныя очертанія: онъ въ тоже время не боится извлекать изъ нея идеальныя изображенія, зналъ, что они весьма ей свойственны, хотя ихъ съ трудомъ замѣчаетъ нашъ искаженный глазъ. Правильность его отношеній къ нашей жизни лучше всего доказывается тѣмъ, что онъ съ особенной любовью бережетъ въ содержаніе своихъ произведеній тѣ ея стороны, въ которыхъ видится искаженіе прекрасныхъ свойствъ нашей природы тлетворнымъ вліяніемъ извнѣ принятыхъ обычаевъ и чуждаго намъ образа мыслей. Прибавлю, что въ произведеніяхъ г. Островскаго задачи не только правильны (это достоинство отрицательное), но и полны глубокаго смысла и всегда здравы въ нравственномъ отношеніи, что въ особенности должно сказать о драмѣ, которой оцѣнка здѣсь предлагается. И нельзя не пожалѣть, что какъ будто нарочно именно это произведеніе, такъ прекрасно задуманное и такъ прекрасно въ драматическомъ отношеніи расположенное, по исполненію слабѣе всѣхъ другихъ дотошъ писанныхъ произведеній г. Островскаго. На это весьма справедливо могутъ замѣтить, что исполненіе въ художественныхъ произведеніяхъ такъ важно, что его недостатковъ не могутъ искупить никакія достоинства замысла и расположенія. Это правда; я и не причисляю эту драму къ произведеніямъ, украшающимъ собою нашу словесность, и вижу ея недостатки и буду говорить о нихъ безпристрастно. Но я не считаю также себя въ правѣ умолчать и объ ея достоинствахъ: ибо замысль драмы никакъ не слѣдуетъ относить къ предметамъ, ничего не значущимъ, особенно если онъ взятъ не изъ отвлеченныхъ представленій о чело-

вѣческихъ отношеніяхъ, а возникъ изъ такихъ глубокихъ усмотрѣній дѣйствительной жизни, какъ это есть въ настоящемъ случаѣ. Такъ задумать драму можетъ только художникъ: ни умъ, ни познанія, никакія другія свойства души не помогутъ въ этомъ случаѣ, кому не дано творческаго дара. Сверхъ драматическаго своего достоинства, задача этой драмы замѣчательна въ высшей степени и по отношенію къ жизненному смыслу, въ ней заключенному: здѣсь предлагается художественное рѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ; и вопросъ этотъ тѣмъ для насъ особенно занимателенъ, что рѣшается весьма различно, даже противоположно, у насъ и на Западѣ. Г. Островскій взялъ въ содержаніе своей драмы происшествіе изъ нашей народной жизни, которымъ рѣшается этотъ вопросъ съ Русскою точки зрѣнія. Дѣло идетъ о правахъ личнаго чувства и о границахъ сихъ правъ.

Взаимная любовь мужчины и женщины есть чувство естественное, слѣдовательно законное: ибо законъ естественный въ своей чистотѣ есть тотъ же божественный законъ, какъ данный свыше нашей природѣ при созданіи, а не изобрѣтенный впоследствии чѣмъ-либо вымысломъ. Посему никто не сомнѣвается, что человѣкъ можетъ испытывать чувство любви и пользоваться счастьемъ, изъ него протекующимъ, съ полнымъ правомъ и несмущенною совѣстію. И кто не чувствуетъ естественнаго стремленія къ этому счастью, въ томъ безъ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ предположить особенный холодъ душевный, сухость сердца и вообще болѣзненное состояніе души, соединенное съ важными нравственными недостатками. Иное дѣло вольное отреченіе отъ этого блага для высшихъ цѣлей: это обѣтъ души великой, сильной и любящей, способной забыть личное счастье для высшей любви. Не отсутствіе сердечной теплоты, а изобиліе ея, побуждаетъ человѣка, которому предлежитъ подвигъ, воздержаться отъ всего, что, не смотря на свою законность, можетъ отвлечь его силы отъ главной задачи жизни и чувствомъ наслажденія ослабить крѣпость и напряженіе душевныхъ силъ.

Но оставимъ людей необыкновенныхъ, которымъ лежитъ особый путь, и возвратимся къ людямъ обыкновеннаго порядка, которыхъ касается обсуждаемый нами вопросъ. Личная любовь, какъ естественное чувство, имѣетъ свои права; но это чувство не есть единственное въ нашей душѣ, слѣдовательно правамъ его должны быть поставлены границы. Въ составъ нашей душевной жизни оно встрѣчается съ другими побужденіями и чувствами, которыя также естественны, слѣдовательно также законны: отсюда естественно пріостекаетъ мысль о необходимости мѣры для нашихъ ощущеній. И правильность нашей внутренней жизни зависитъ именно отъ истинной мѣры, до которой мы позволяемъ доходить нашимъ душевнымъ движеніямъ: при такомъ только художественномъ устроеніи души въ нее вселяется истинная красота. И если стремленіе къ счастью встрѣчается съ такими препятствіями, которыя преодолѣть нельзя, не оскорбивъ нравственной своей чистоты, то лучше отказаться отъ правъ на счастье, чѣмъ принять его на условіяхъ унижительныхъ, оскверняющихъ совѣсть. Не тотъ высоко цѣнитъ чувство любви, кто боится провести жизнь, не испытавъ ея наслажденій, но тотъ, кто принимаетъ счастье лишь тогда, когда оно не входитъ въ раздоръ съ высшими требованіями нравственнаго закона, кто отказывается отъ своихъ правъ на счастье, боясь оскорбить святыню самаго чувства какой-либо порочной примѣсью или постыднымъ торгомъ съ совѣстью. Кромѣ того, что любовь, — чувство законное, но все таки личное, — должна иногда посторониться и дать дорогу другимъ побужденіямъ, но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ея стремленія не встрѣчаютъ никакихъ нравственныхъ препятствій, не должно брать ее только съ одной стороны ея значенія, т. е. только какъ источникъ личнаго счастья и наслажденія: у нея есть болѣе важныя стороны. Семейный союзъ, какъ основа всякаго общества, и рожденіе дѣтей, какъ поддержаніе жизни человѣческаго рода, суть явленія, которымъ любовь служить поводомъ; слѣдовательно съ нею существенно соединены обязанности супружеской вѣрности и воспитанія дѣтей. Какъ важны эти обязанности, очевид-

но для всякаго: если супружескій союзъ есть основа общественнаго быта, то нарушение супружескихъ обѣтовъ есть источникъ общественнаго распадѣнія; что же касается до воспитанія дѣтей, то нужно ли говорить, что отъ него зависить нравственное, общественное и тѣлесное состояніе цѣлыхъ поколѣній, иначе, вся судьба человѣческаго рода? На условія сихъ-то обязанностей союзъ любви признается Христіанскимъ закономъ и освящается въ бракъ таинственнымъ благословеніемъ Сотворившаго мужескій полъ и женскій. Такимъ образомъ въ Христіанскомъ бракѣ объемлются супружескія отношенія во всей полнотѣ: требуя отъ соединяющихся полной свободы побужденій, при вступленіи въ союзъ, и нерушимой взаимной вѣрности послѣ вступленія, онъ чуднымъ образомъ уравниваетъ права и обязанности чувства въ свободномъ обществѣ.

Казалось бы, такой взглядъ на эти отношенія, какъ основанный на божественномъ ученіи, какъ сообразный съ природою вещей, какъ оправданный вѣковыми опытами, долженъ быть выше всякаго возраженія. При такомъ вѣрномъ руководствѣ, единственною заботою человѣка оставалось бы стремленіе приблизить свои жизненные отношенія къ ихъ первообразу: ибо въ этомъ состоятъ вообще вся задача жизни, когда законъ ея найденъ. Въ обществахъ не-Христіанскихъ усовершенствованіе можетъ состоять еще въ преобразованіи самаго закона жизни, но для Христіанскаго общества этой заботы не существуетъ (ибо самые враги Христіанскаго закона не отвергаютъ его безусловной высоты и истины, но нападаютъ на него именно за его высоту, тяжкую для нашей чувственной низости): его задача — осуществлять свой законъ на дѣлѣ. Безъ сомнѣнія, въ жизни уклоненія отъ закона неизбежны; про это нечего и говорить: жизнь останется всегда ниже своего содержимаго въ умѣ образа; это справедливо не только въ отношеніи къ законамъ Христіанскимъ, но и въ отношеніи къ законамъ земнымъ, примѣняемымъ къ временному состоянію обществъ. Но эти частныя уклоненія, всѣми за уклоненія и признаваемые, еще не составляютъ су-

шественнаго возраженія противъ закона, а суть слѣдствіе естественной человѣческой немощи, закономъ обличаемой и передъ нимъ смиряющейся. Лишь бы законъ, стоя на приличномъ ему возвышеніи, своею правдою освѣщалъ мракъ нашей жизни: видя свои слабости и свои уклоненія отъ истины, мы можемъ по крайней мѣрѣ при свѣтѣ закона обличать ихъ, сознавать ихъ зло и покаяніемъ обновлять свою жизнь. Стремиться къ высотѣ законной и, не достигая ея, падать передъ нею съ благоговѣйнымъ смиреніемъ,—вотъ истинныя отношенія жизни къ закону, который въ такомъ случаѣ является для насъ источникомъ нравственнаго воспитанія и всякаго внутренняго преуспѣянія. И пока такъ мыслить общество, до тѣхъ поръ для него возможно возрожденіе, какъ бы ни было на самомъ дѣлѣ печально его нравственное состояніе: усиленіе воспитательныхъ мѣръ и другія благопріятныя обстоятельства могутъ пробудить заснувшее общественное сознаніе, и нравственная жизнь, на время замершая, можетъ воскреснуть и вновь разцвѣсти. Но совершеннѣйшая опасность наступаетъ для человѣческаго общества въ то время, когда жизнь не только по безсилію не достигаетъ до своего образца, начертаннаго въ законѣ, но когда, отъ свирѣпости ли страстей, или отъ слѣплаго отрицанія разсудка, или отъ совокупнаго дѣйствія той и другой причины, упраздняется самое понятіе о законности, ограничивающей произволъ нашихъ желаній и дѣйствій, и узаконивается этотъ самый произволъ. Въмѣсто того, чтобы тянуть жизнь вверхъ, къ закону, здѣсь напротивъ того законъ нисходитъ до уровня самыхъ неправильныхъ и случайныхъ движеній воли. Отсюда естественно происходитъ полное смѣшеніе законнаго и случайнаго, добра и зла, отрицаніе всѣхъ безусловныхъ понятій о чемъ бы то ни было, и въ жизни, на мѣсто божественнаго порядка, воцаряется мрачный хаосъ того дозаконнаго времени, о которомъ говоритъ Апостолъ, когда лишь слабый лучъ естественной совѣсти освѣщалъ человѣку его нравственный путь.

Въ западно-европейской жизни мы видимъ ясные признаки такого опаснаго нравственнаго состоянія. Положимъ,

что въ настоящее время, отличающееся совершеннымъ отсутствіемъ какого-либо умственнаго направленія, къ намъ не доносится съ Запада никакого рѣзкаго выраженія тамошняго образа мыслей: грозныя событія послѣдняго времени приковали къ себѣ общее вниманіе и отвлекли его отъ умозрительныхъ задачъ. Но въ прошломъ десятилѣтіи, когда послѣдніе выводы Европейской жизни и мысли выражались съ такою неумѣренною искренностію, мы помнимъ, вся Европа огласилась странными ученіями, которыя имѣли своею цѣлю совершенно ниспровергнуть весь прежній нравственный и общественный порядокъ, упразднивъ всѣ вѣчныя, неизмѣнно пребывающія начала человѣческаго быта. Эти ученія касались всѣхъ сторонъ жизни: и государственныхъ учреждений, и частныхъ правъ, и семейнаго союза, однимъ словомъ, всѣхъ человѣческихъ отношеній. Опыты политическаго примѣненія стоили много крови, и дѣло кончилось тѣмъ, что суровая сила призвана была для спасенія страны, бывшей главнымъ средоточіемъ этихъ примѣнительныхъ опытовъ. Но оставимъ политическую жизнь и возвратимся къ нашему вопросу.

Самыя сильныя и опасныя по своему вліянію возраженія противъ семейнаго союза провозглашались въ романахъ Жоржъ Занда. Съ именемъ этой женщины связано столько зла, что говорить объ ея достоинствахъ приходится съ большою осторожностію; но говорить о нихъ необходимо, какъ по чувству правды (потому что онѣ дѣйствительно существуютъ), такъ и для того, чтобъ объяснить причины столь могущественнаго ея дѣйствія на общество. Безусловное порицаніе безъ разбора всего въ такихъ дѣятеляхъ можетъ болѣе повредить истинѣ, чѣмъ способствовать ея торжеству: преступникъ по увлеченію, а не по умыслу, имѣетъ право на разсудительное обвиненіе, которое не пропустило бы и того, что можетъ служить къ смягченію приговора. Не подлежитъ сомнѣнію, что Ж. Зандъ одарена такими свойствами, которыя мы встрѣчаемъ лишь въ людяхъ, если такъ можно выразиться, перваго разбора: во 1-хъ на всемъ Западѣ не было послѣд-

нее время такого сильнаго поэтическаго дарованія въ соединеніи съ такимъ гнѣбимъ и рѣшительнымъ умомъ и рѣдкой тонкостью и обиліемъ чувства. Во 2-хъ она въ свою ложь вѣрить, какъ въ истину, и готова служить ей всеми своими средствами, въ что бы то ни стало, въ чемъ выражается искренность ея убѣжденій; а это есть такое свойство воли, котораго нельзя не цѣнить, въ комъ бы оно ни было замѣчено: пусть будутъ ошибочны, даже преступны, только неумышленно преступны убѣжденія человека, но если онъ связываетъ съ ними судьбу своей жизни и служить имъ съ послѣдовательностію и самоотверженіемъ, въ такомъ случаѣ можно, по моему мнѣнію, проклинать послѣдствія этихъ убѣжденій и, разумѣется, противодействовать ихъ развитію и вліянію, но самаго представителя ихъ должно оплакивать, какъ жалкаго безумца, нравственно погибшаго по излишнему довѣрію къ своей личной правдѣ. Такіе люди находятъ себѣ нѣкоторое, весьма впрочемъ недостаточное, оправданіе въ томъ, что они по большей части бываютъ порожденіемъ злоупотребленій общественной жизни, преимущественно такихъ, которыя лицемѣрно прикрываются наружнымъ уваженіемъ къ закону; не вынося такого двосудія, они въ разгарѣ своей неудержимой страстности преступаютъ должные предѣлы обличенія и вмѣстѣ съ злоупотребленіями борются и злоупотребляемую святыню. Это можно сказать и о Зандѣ. Если вникнуть въ смыслъ ея произведеній, то легко открыть, что наиболѣе разжигаетъ ея негодованіе и ея страсть къ низверженію существующихъ учреждений: не смыслъ самыхъ учреждений, хотя она и его не щадитъ, а бездушное отношеніе къ нимъ тѣхъ, которые ихъ существованіемъ и общимъ признаніемъ пользуются для своихъ выгодъ. Я никакъ не намѣренъ защищать лицемѣріе; напротивъ того, изъ всѣхъ золъ человѣческой жизни я нахожу его самымъ гнуснымъ и самымъ гибельнымъ: оно есть знакъ неисправимаго внутренняго безстыдства, знакъ истиннаго невѣрія въ самомъ глубокомъ значеніи этого слова, оно есть первый и самый вѣрный поводъ къ отрицанію святыни, къ подрыву всего того, къ чему оно оказываетъ свое уваженіе Но

что же сказать о тѣхъ, которые, соблазняясь лицемеріемъ, не ограничиваются борьбою съ нимъ, но возстаютъ и противъ тѣхъ священныхъ учреждений, которыя сами въ себѣ непорочны и не обязаны отвѣчать за чистоту каждаго личнаго исповѣданія? Такіе люди, сами того не чувствуя, дѣлаются самыми дружными сообщниками лицемеровъ: ибо другою дорогой идутъ къ одной съ ними цѣли,—къ испроверженію истины, которая никогда не избираетъ крайнихъ дорогъ, а идетъ всегда среднимъ царскимъ путемъ.

Но злоупотребленія были для Занла только предлогомъ къ борьбѣ и снабжали ее живыми возраженіями; истинное же, внутреннее ея побужденіе было иное: ненасытимая страсть ея природы, влеченіямъ которой она предаться не хотѣла, не узаконивъ ихъ, вывела ее изъ здраваго понятія о правахъ личной любви, которое предлагается уставомъ Христіанскаго брака. Обстоятельства, естественно ограничивающія произволъ нашихъ личныхъ ощущеній, показались ей насильственными и не содержащими въ себѣ неприкосновенной правды: она ихъ переступила и свое преступленіе задумала возвести на степень общаго закона. Въ средствахъ не было строгаго разбора: все, что въ житейскихъ случайностяхъ можно пайти несообразнаго съ достоинствомъ брачныхъ отношеній, всякія исключительныя, не-типическія супружескія несчастія, однимъ словомъ, все, что можетъ придумать самая неистощимая изобрѣтательность, воодушевляемая въ своихъ поискахъ страстью, все было ею собрано и представлено въ возраженіе противъ святаго устава. За единственное основаніе терпческаго союза принята любовь, какъ источникъ личнаго эгоистическаго наслажденія, а все остальное, всѣ обязанности, соединенныя съ этимъ союзомъ, на примѣръ, хоть бы судьба дѣтей, все это препоручалось случайному устройству, какъ нѣчто не существенное, а второстепенное. То, что въ Христіанскомъ бракѣ почитается поводомъ, здѣсь стало цѣлью, и на оборотъ. Такой извращенный порядокъ мысленія имѣлъ необыкновенно разрушительныя послѣдствія: то, что прежде сдерживалось предписаніями нравственнаго закона, получило не только свободу, но кѣ-какой-то призывъ

на усиленное развитіе. Изящество любовнаго наслажденія, столь приманчивое для кипящаго юнаго возраста и столь опасное для его нравственной твердости, даже при тщательномъ огражденіи постановленій, вдругъ разрѣшается безусловно, даже съ поощреніемъ. Женщина, до того времени исключенная изъ позорныхъ правъ, восхищенныхъ мужчиною, получила уравненіе съ нимъ въ этихъ правахъ, и все, что отъ вѣка считалось ея украшеніемъ: стыдъ, цѣломудріе, скромность, вѣрность однажды сдѣланному выбору,—изгонялось, какъ обветшавшая принадлежность прежняго времени съ его предразсудками. Отсюда-то происходитъ это мрачное уныніе современнаго поколѣнія, ибо священнѣйшія тайны нашего бытія, источникъ нашего счастья, нагло обнажаются прежде времени, и жизнь чрезъ то теряетъ всю свою красоту; отсюда и это общее умственное, нравственное и тѣлесное разслабленіе въ наше время, признанное свидѣтельствомъ лучшихъ умовъ и оплакиваемое друзьями человѣческаго рода. «Дрянъ и тряпка сталъ всякъ чело-вѣкъ» — (*) есть выраженіе, не ловкое по обороту и по мѣстоименію *всякъ*, но оно осмѣяно и обругано напрасно: оно не съ вѣтру сказано, а есть плодъ глубокихъ и безпристрастныхъ наблюденій надъ современностію. Да и какъ же иначе можетъ быть? Наслажденіе, ставъ основнымъ началомъ жизни, не можетъ воспитать ничего твердаго, сильнаго, здраваго, трезваго (это все послѣдствія воздержанія и мѣры); оно порождаетъ вялость, лѣнь, болѣзненность, тревогу ума. До чего доводятъ эти ученія женщину, имъ слѣдующую, объ этомъ я умолчу изъ стыда; гдѣ-то сказано: «на женщинъ, какъ бы вѣкая узда, наложенъ естественный стыдъ; и если бы не онъ, то не спаслось бы ничто въ мірѣ.» Не слишкомъ ли я мрачно изобразилъ сущность и послѣдствія новыхъ Европейскихъ ученій? Но возьмемъ образчикъ. Самымъ полнѣйшимъ образомъ выражены понятія Ж. Занда о любви въ ея знаменитомъ романѣ, «Люкреція Флоріани»: эта женщина, предста-

(*) Переписка съ друзьями.

вленная образцевою и во многих других отношеніяхъ, въ особенности является такою въ своихъ понятіяхъ о любви и въ своихъ способахъ устанавливать сердечныя отношенія. Что же такое Люкреція Флоріани? Это есть мать четверыхъ дѣтей отъ различныхъ и живыхъ еще отцевъ, вступающая въ новый союзъ, который и составляетъ содержаніе романа. Какое же правило было у этой женщины при переходѣ отъ одного избранника къ другому? Не очень мудреное: «Я его прогнала», говоритъ она про одного изъ нихъ. «Впрочемъ я никогда не отдавалась безъ увлеченія», говоритъ она въ другомъ мѣстѣ; и вотъ все, чѣмъ она руководствовалась въ своихъ выборахъ. Что же еще остается? Еще бы безъ увлеченія!!.

Таковъ послѣдній выводъ Европейской жизни и мысли въ столь существенной области человѣческаго быта? Не скажутъ ли, что это вовсе не общій взглядъ въ Европѣ на эти отношенія, а частно принадлежащій извѣстному писателю? Но Зандъ не столько нововводительница, сколько угадчица общаго настроенія Западныхъ обществъ, которое она только выяснила и привела въ порядокъ силою своего дарованія; (*) кто жъ бы принялъ ея уроки, еслибы въ умахъ было заготовлено твердое имъ противо-дѣйствіе? А ея романы обошли всю Европу, всюду собирая обильную дань. Притомъ ея понятія естественно выводятся изъ Европейскаго невѣрія, въ распространеніи и владычествѣ котораго на Западѣ, я думаю, не имѣетъ сомнѣнія никто: ни тотъ, кто этому радъ, ни тотъ, кого это печалитъ. Когда же невѣріе ограничитъ стремленія чело-вѣка предѣломъ его земнаго быта, куда же дѣться чувству? Отказаться отъ счастья, небеснаго или земнаго, оно не можетъ (это его природа—искать счастья); небо затворено,

(*) А. С. Хомяковъ развилъ эту мысль въ своей статьѣ, «Мнѣніе Русскихъ объ иностранцахъ»; тамъ онъ между прочимъ говоритъ: «Жоржъ Зандъ переводитъ въ сознаніе и въ область науки только ту мысль, которая была «проявлена въ жизни Ниноною (Ninon d'Enclos) и которой относительная «справедливость къ обществу была доказана истиннымъ уваженіемъ общества къ этой дерзко-логической женщинѣ.» Моск. Сборн. 1846.

земная дѣйствительная жизнь даетъ мало; остается строить самодѣльный рай. Нужды нѣтъ, что онъ похожъ на магметавскій: «часть—да мой!» вотъ все, къ чему приводится человѣкъ, лишенный Христіанскаго упованія. Если мы докажемъ противное, т. е. что Зандъ есть явленіе частное, особенно возникшее въ связи съ общимъ ходомъ западной жизни, я ни мало не поколеблюсь отказаться отъ своего мнѣнія, но я сомнѣваюсь въ возможности это доказать, и Европа врядъ ли откажется отъ Занда, которую она считаетъ плодомъ своихъ умственныхъ и общественныхъ успѣховъ. Станный однако *прогрессъ*!

Гдѣ же нашъ Русскій взглялъ? Гдѣ его искать? Существуетъ ли онъ гдѣ-нибудь, строго опредѣленный? Развѣ у насъ въ обществѣ нѣтъ вовсе этихъ грустныхъ явленій, которыя въ такомъ множествѣ встрѣчаются и даже узаконяются на Западѣ? Конечно, есть; и не мало. Но вѣдь у насъ много своего, а болѣе того чужаго, и чувство справедливости велитъ намъ отдать Западу западное, а себѣ оставить свое. Западъ и у насъ посѣялъ много злаго, пошатнулъ въ нашемъ сознаніи не мало нравственныхъ началъ: это необходимыя слѣдствія нашихъ неосторожныхъ съ нимъ сближеній, чуждыхъ всякой осмотрительности и разбора. Намъ довольно знать, что то или другое идетъ съ *просвѣщеннаго* Запада, и мы, какъ будто какіе неопытные малолѣтки, бросаемся на все съ жадностію и кучей загребаемъ, что ни попало, по пословицѣ: «клади въ мѣшокъ, — дома разберемъ.» Мы однако не будемъ распространяться о явленіяхъ нашей общественной жизни: онѣ извѣстны столько же читателю, сколько и мы; притомъ въ нихъ многое происходитъ не изъ сознательныхъ побужденій, а изъ невольныхъ увлеченій, и все это такъ смѣшено, что трудно съ точностію разграничить, что въ нихъ своего и что чужаго. Обратимся лучше къ нашей словесности, которая должна намъ представить не житейскія невольныя увлеченія, а твердо еознанныя и исповѣдуемыя начала; и тутъ мы найдемъ не мало слѣдовъ чужаго вліянія. Припомнимъ, на примѣръ, какіе упреки сыпались на Татьяну Пушкина за то, что она не измѣнила мужу, къ

которому не имѣла особой нѣжности, для Онѣгина, котораго любила и котораго видѣла у своихъ ногъ. «Вотъ по истинѣ Русская женщина!» говорили про нее съ язвительной насмѣшкой. Да, мы еще счастливы, что съ понятіемъ о Русской женщинѣ самые враги наши соединяютъ способность не только любить такъ, какъ любила Татьяна, но и такой строгій взглядъ на свои обязанности: да, это *наше*. Русская женщина не купила счастья цѣною совѣсти: слава ей! О, еслибы эта слава осталась на вѣки за нею! Еслибы просвѣщеніе Запада никогда не увѣрило ея, что вѣрность и честь суть принадлежности слабаго умственнаго развитія, что позорное счастье лучше чистой скорби! И кто же предпочтенъ Татьянѣ ея суровымъ критикомъ? Вѣра изъ «Героя нашего времени»: эта женщина, которую иѣкогда любилъ Печоринъ, потомъ бросилъ, а она все отъ него не отстаеъ, и когда онъ ее отъ скуки кликнетъ, бѣжитъ къ нему опрометью, боясь пропустить счастливую минуту его прихоти! И у этого человѣка поворачивался языкъ говорить о человѣческомъ достоинствѣ! Конечно мы попривыкли таки ко всякимъ понятіямъ (и то сказать, ужъ пора), слухъ нашъ притерпѣлся, но, кому не въ привычку, — я не знаю, — это должно привести въ содраганіе. Представьте себѣ свѣжаго человѣка съ естественно развитымъ чувствомъ, воспитаннаго вдали отъ современнаго растлѣнія, какъ на него должно это подѣйствовать? Нужно ли распространяться еще о тѣхъ романахъ и повѣстяхъ, въ которыхъ изображается на разные лады, какъ дѣвушка идетъ за мужъ рѣшительно по своей волѣ, даже по любви, сперва живетъ съ мужемъ счастливо, потомъ подвертывается кто-нибудь побойчѣе мужа, и начинается драма: и виноватаго не сыщешь! Еще какъ-то такъ выходитъ, что мужъ виноватъ: чего онъ глядѣлъ? не видалъ развѣ, кого за себя бралъ? Это уже *Западъ*.

Не грубо ли я обошелся съ содержаніемъ нашихъ западныхъ повѣстей и романовъ? Можетъ-быть меня обвинять въ томъ, что я не принялъ во вниманіе тонкости чувствъ и т. п.? Но бѣда пускаться въ тонкости: здравая совѣсть всегда нѣсколько груба и не лѣстить пороку, какъ бы прилично онъ

себя ни одѣвалъ, какихъ бы искусныхъ и благовидныхъ извѣтовъ къ самооправданію онъ ни изыскивалъ. Мерзость— все мерзость, грѣхъ—все таки грѣхъ, хотя бы кто грѣшилъ и съ высшей точки зрѣнія,

Но гдѣ же наконецъ нашъ взглядъ, собственно Русскій? На Татьянѣ нельзя же основать никакого общаго всему народу воззрѣнія? Я и не имѣлъ такого намѣренія, и о Татьянѣ упомянулъ только по данному поводу. Такъ не присвоимъ ли мы себѣ Христіанскій взглядъ? Но онъ не нашъ, а общій всей Церкви. Впрочемъ мы имѣемъ нѣкоторое право назвать его нашимъ въ томъ смыслѣ, что нашъ народный бытъ устроенъ совершенно на основаніи Православныхъ мнѣній, что всѣ жизненные отношенія, а въ томъ числѣ и семейныя, обсуждаются у насъ въ народѣ совершенно сообразно съ ученіемъ Церковнымъ. Это должно быть извѣстно всякому, кто имѣетъ средства проникнуть, хоть нѣсколько, въ смыслъ нашей Русской жизни; крѣпость же Христіанскаго семейнаго начала есть отличительная черта нашего народнаго быта, признанная, кажется, и друзьями сего начала, и противниками, хотя тѣ и другіе судятъ о немъ разнo. Но быть, скажутъ, дѣло темное: въ немъ такъ много противорѣчій, что не трудно сдѣлать ошибку въ выводѣ; объ немъ же такія ходятъ различныя, даже взаимно-противуположныя мнѣнія, что изъ него мудрено извлечь какія-либо безспорныя опредѣленія нашей народной сущности. Я соглашаюсь съ этимъ возраженіемъ и предлагаю для своего дѣла другой источникъ, котораго нельзя ни оподозрѣть, ни отвергнуть: народную поэзію. Никто, я думаю, не станетъ спорить, что народная поэзія есть самое искреннее и неподдѣльное выраженіе внутренней жизни народа, сдѣланное имъ самимъ, а не кѣмъ-либо, со стороны пришедшимъ, притомъ повѣренное общимъ судомъ всенароднаго ума и чувства. Извѣстно, что въ народной пѣснѣ, какъ и вообще въ поэзіи, отражаются самыя задушевыя стороны жизни, которыя въ наибольшемъ ходу въ народѣ; а семейныя отношенія такъ разработаны въ Русской народной поэзіи, что извѣстный собиратель нашихъ пѣсенъ цѣлый значительный отдѣлъ ихъ назвалъ *семей-*

ными. Какъ же бы извлечь изъ нихъ существенныя черты Русскаго взгляда на семейныя отношенія? Постараюсь сдѣлать это, сколько силы позволятъ.

Есть у насъ въ народѣ пѣсня, которую всякій можетъ слышать и понимать, если часть, другой постоятъ около любого хоровада. Она начинается такъ:

Взойди, взойди, солнце, не низко, высоко!
Зайди, зайди, братецъ, ко сестрицѣ въ гости!

Содержаніе пѣсни такое: сестра, отданная за мужъ въ недобрую семью, проситъ брата провѣдать ее и помочь ей совѣтомъ въ ея тяжеломъ и одинокомъ положеніи.

Спроси, спроси, братецъ, про ея здоровье!
У меня ли, братецъ, есть четыре горя,
Есть четыре горя, пятая кручина:
Какъ первое горе—свекоръ—то бранчивый,
А второе горе—свекры (*) ворчалива,
Какъ третіе горе—деверекъ насмѣшникъ,
Четвертое горе—золовка смутьянка,
Пятая кручина—мужъ жену не любитъ.

Что же дѣлаетъ въ этомъ положеніи Русская женщина, оскорбленная, какъ показываетъ пѣсня, во всѣхъ своихъ правахъ, во всѣхъ самыхъ естественныхъ чувствахъ? Возстаетъ ли она противъ ниспосланной судьбы? Нѣтъ! тѣни этого намѣренія не видно въ пѣснѣ. Клянеть ли она по крайней мѣрѣ своихъ мучителей и съ ними выѣстъ свою судьбу, совершенно ничѣмъ не заслуженную? Тоже нѣтъ! Посмотрите, какъ просто и коротко, можно сказать, спокойно она говоритъ о своемъ несчастіи; мужу не придала даже никакого прилагательнаго. Страдаетъ ли она? Конечно; но что же она позволяетъ себѣ въ своемъ страданіи? Какую отраду? Одну тихую жалобу, обращенную къ брату; и кромѣ брата, ея жалобы навѣрно ужъ никто не услышитъ. Чужіе

(*) Древняя форма слова: свекровь.

люди и злые сосѣди если и узнають объ ея несчастіи, такъ ужъ вѣрно не отъ нея. Я не знаю, какъ кому, а мнѣ эта кроткая покорность судьбѣ, которой перемѣнить нельзя, не нарушивъ того, что святѣ всякаго личнаго чувства, представляется трогательнѣйшею чертою, умиляющею до слезъ. Что же отвѣчаетъ братъ? Возмутилъ ли по крайней мѣрѣ онъ ея покорность, а виѣсть съ тѣмъ и миръ совѣсти? Сталъ ли онъ раскрывать ей силу ея правъ? Однимъ словомъ, растравилъ ли онъ еще болѣе рану ея сердца, какъ бы сдѣлалъ непременно всякій братъ, который польстилъ бы минутно ея оскорбленному чувству, изобразивъ ей яркими чертами несправедливость къ ней мужа и поруганіе ея правъ? Нѣтъ! Братъ не растерялся ни отъ множества сестринаго горя, ни отъ тайнаго, неувидимаго желанія блеснуть силой своего участія; сохраняя полную ясность невозмущеннаго ума, которую даетъ только истинное вниманіе къ чужему дѣлу и желаніе помочь ему (иначе: истинная любовь), онъ обозрѣлъ ея положеніе и посовѣтовалъ трудное, но лучшее:

Потерпи, сестрица! потерпи, родная!

Сколько въ этихъ словахъ любви! Какой честный, нелицемерный, исполненный истиннаго и прозорливаго участія совѣтъ! Вѣдь можно бы и иначе было посовѣтовать: *брось!* *уйди!* или что-нибудь въ этомъ родѣ. И это показалось бы можетъ-быть на первыхъ порахъ любовью и самой сестрѣ! Но какая безумная, если не преступная, любовь! Будто тотъ намъ другъ, кто помогаетъ падать, а не тотъ, кто во время изнеможенія поддерживаетъ насъ на ногахъ? Ну, пусть она бы ушла, что же бы изъ нея вышло? Ни вдова, ни мужняя жена, какихъ—увы!—довольно въ наше время. Но неужели вѣкъ страдать и не ждать ни откуда отрады? Въ чемъ же пройдетъ жизнь? Это не наше дѣло; мы не сами собою получили жизнь и не сами собою распоряжаемся своими обстоятельствами. Наше дѣло — идти своей дорогой, не сбиваясь съ пути добродѣтели и долга; а тамъ что будетъ, не узнаешь, да и не нужно: пошлется счастье—благодари, пошлется горе—терпи! Вотъ всѣ правила для

устройства обстоятельствъ нашей жизни. Но нашей несчастной не до конца еще терпѣть; братъ предвидитъ измѣненіе ея обстоятельствъ и утѣшаетъ ее такъ:

Свекоръ-то бранчивый, свекоръ скоро помретъ,
Свекры ворчалива за нимъ въ землю пойдеть,
Деверекъ насмѣшникъ въ чужихъ людяхъ возьметъ,
Золовка смутьянка сама за мужъ выдетъ,
Мужъ жену не любитъ, другую не возьметъ,
Другую не возьметъ, тебя не минуетъ.

Полагаю, что сказаннаго достаточно для уясненія нашего вопроса, т. е. для отличія нашихъ народныхъ воззрѣній на семейныя отношенія отъ воззрѣній западныхъ. Надѣюсь, здѣсь доказано по крайней мѣрѣ, что есть это отличіе; я оставляю каждому свободный выборъ изъ этихъ двухъ воззрѣній, но желаю только, чтобы этихъ двухъ воззрѣній не считали за одно: хорошо ли для насъ, или худо, что мы въ этомъ разнимся отъ Запада, это особый вопросъ; но смѣшивать различное—во всякомъ случаѣ противно истинѣ.

Пожалуй, кто нибудь скажетъ, что въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ не всегда-то берется вопросъ семейный съ такой чистой стороны, что и въ нихъ поется иногда про невѣрность, нерѣдко рисуется кипящая страсть, вовсе не строго судимая, а изображаемая съ сочувствіемъ къ ней, что слѣдовательно Русская пѣснь разнообразна и непоследовательна, какъ самая жизнь; что по этому и нельзя сдѣлать изъ нея такихъ выводовъ, которые не опровергались бы другими, изъ того же источника почерпнутыми. Справедливаго въ этомъ возраженіи будетъ то, что Русская пѣснь, какъ и всякая впрочемъ поэзія, разнообразна до безконечности, что она беретъ въ предметъ своего пѣнія всякія человѣческія отношенія. Но надъ этимъ разнообразіемъ пѣсни господствуетъ вездѣ воззрѣніе безличнаго, по живаго творца ея,—Русскаго народа,—который, какъ словесный художникъ между народами, не нарушаетъ изящества своихъ твореній, явно внося въ нихъ свой судъ надъ ихъ содержаніемъ, предоставляя намъ самимъ его угадывать.

И кто умѣетъ самъ, не нуждаясь въ указкѣ, извлекать изъ поэтическихъ произведеній духъ и созерцаніе поэта, тотъ оцѣнитъ въ Русскомъ народѣ эту художественную воздержность и не сочтетъ ее за нравственное безразличіе, усмотрѣвъ въ нашей пѣснѣ, вмѣсто отвлеченной морали, присутствіе живаго нравственнаго суда. Она не строго судитъ страсть? Точно: она благодушна и не способна сурово судить о невольныхъ увлеченіяхъ сердца; она чело-вѣчественна и всегда помнитъ, что имѣетъ дѣло не съ отвлеченнымъ идеаломъ, а съ живымъ человѣкомъ. Но когда эти увлеченія становятся преступны, то Русскую пѣснь не подкупишь никакимъ блескомъ страстныхъ движеній: она никогда не станетъ на сторону порока, хотя бы и разряженнаго и разукрашеннаго (*).

Обратимся наконецъ къ драмѣ г. Островскаго, которая подала намъ поводъ къ изложеннымъ разсужденіямъ; вотъ краткѣе ея содержаніе:

Молодой Московскій купецъ, Петръ Ильичъ, бывая по дѣламъ въ одномъ уѣздномъ городѣ, полюбилъ тамъ небогатую дѣвушку и съ ея согласія увезъ ее изъ родительскаго дома. Впрочемъ, какъ человѣкъ съ совѣстью, онъ не захотѣлъ ея погубить и женился на ней. Но дѣло, начатое въ такомъ страстномъ забвеніи естественныхъ обязанностей, не обѣщало хорошихъ послѣдствій и въ себѣ самомъ носило зародышъ семейнаго горя, какъ справедливаго возмездія: Петръ Ильичъ, слѣдуя тѣмъ же призывамъ своей страстной природы, по которымъ украдучи увезъ Дашу, полюбилъ другую красавицу (уже въ Москвѣ), и въ домѣ пошло все вверхъ дномъ. Даша, замѣтя охлажденіе къ себѣ мужа и перемяну въ его жизни (онъ сталъ про-падать изъ дому, пить и т. д.), сперва не могла прилумать, отъ чего это съ нимъ сдѣлалось: она думала было усиленными ласками и памятью прежнихъ дней вновь обра-

(*) Изъ новѣйшихъ пѣсень есть уже и такія (въ томъ числѣ и извѣстная, превосходная въ художественномъ отношеніи пѣсня «Ванька клочичекъ»), но за новое время я не отвѣчаю: тутъ наконецъ попадаются и такіе пѣсни, которыя разъ въ разъ приходятъ по нравственной жѣркѣ эманципации.

титъ его къ себѣ, но вышло еще хуже. Приходилъ отецъ и строго говорилъ ему объ его безпутствѣ, грозилъ близостью бѣды и отказомъ въ своемъ благословеніи, но страсть не допускала до сердца Петра никакихъ увѣщаній и только своими крайними послѣдствіями могла привести его къ сознанію его положенія. Наконецъ Даша узнаетъ объ измѣнѣ мужа и, какъ сама страстная, не вынесла этого извѣстія и съ разу собралась изъ мужняго дома къ отцу съ матерью.

Тѣмъ временемъ старики, провѣдавъ, что дочь съ мужемъ живетъ неладно, сами вздумали ее навѣстить и какъ разъ съѣхались съ ней на Московскомъ постояломъ дворѣ, гдѣ жила Дашина разлучница, Груша. По тихимъ прivityаньямъ, мать узнала дочь свою; сперва Даша стыдился было взглянуть на отца, котораго не видала съ самаго своего побѣга, но его нѣжность тотъ часъ разсѣяла ея стыдъ, и она стала рассказывать родителямъ о своемъ горѣ. Они слушали ее съ большимъ участіемъ; но какъ скоро рѣчь дошла до того, что она кинула своего мужа и ѣдетъ къ нимъ на житье, Агаѣонъ (отецъ Дашинъ) и слышать этого не захотѣлъ и повезъ ее назадъ къ мужу. «Поплакать съ тобой я поплачу; но Богъ соединилъ, человекъ не разлучаетъ.»

Груша слышала всѣ Дашины рассказы и изъ нихъ узнала свое положеніе и обманъ Петра, который казался ей холостымъ. И когда вечеромъ онъ къ ней приходитъ, Груша, сама не своя отъ досады, вычитала ему свои упреки и, уходя съ гурьбой подругъ на улицу, говоритъ въ прекращеніе всякихъ его недоумѣній: «жена твоя здѣсь была.» Петръ остается пораженный, какъ громомъ. Тутъ подвертывается къ нему Еремка (какое-то загадочное лице, ни то шутъ, ни то колдунъ) и предлагаетъ ему испытать для поправленія своихъ дѣлъ волшебныя средства. Подъ внушеніемъ ложныхъ навѣтовъ Еремки, Петръ является домой и ищетъ жену, грозясь убить ее; но ее прячутъ, и онъ въ изступленіи убѣгаетъ изъ дому, думая отыскать ее по слѣду. Домашніе остаются въ ужасѣ. Отецъ съ матерью видѣли наконецъ своими глазами, каково житье дочери, но когда она опять заговорила было о разлукѣ съ мужемъ,

отецъ ее остановилъ, припомнилъ ей, что она сама выбрала себѣ судьбу, представилъ ей обязанности жены и посовѣтовалъ ей ждать въ терпѣніи переменъ своей участи. Его совѣты скоро оправдались : во время общаго безпокойства о Петрѣ, когда хотѣли было бѣжать за нимъ его отыскивать, вдругъ онъ является самъ, чудеснымъ образомъ избѣгши гибели, и, потрясенный своей недавней опасностью, на колѣнахъ проситъ прощенія у жены и у добрыхъ людей. Отецъ говоритъ : «что, дочка, говорилъ я тебѣ?» Даша бросается къ мужу : «Голубчикъ, Петръ Ильичъ!»

Мысль этого произведенія прекрасно выражается его заглавіемъ : «Не такъ живи, какъ хочется», особенно если прибавить другую половину пословицы : «а какъ Богъ велитъ» ; но еще лучше можно бы выразить ее другой пословицей, тутъ же употребленной : «Божье-то крѣпко, а вражье-то лѣпко.» Здѣсь подъ Божьимъ должно разумѣть начала закона, подъ вражьимъ начало страсти, воюющей противу закона. Намѣреніе воспользоваться такимъ взглядомъ нашего народа на дѣла человѣческаго быта дѣлаетъ честь художническому выбору г. Островскаго и подтверждаетъ сказанное мною выше о глубинѣ его усмотрѣній въ области нашей народной жизни. Страстность понимается у насъ въ народѣ, какъ одностороннее развитіе души, какъ нарушение цѣльности внутренняго бытія ; законъ, напротивъ того, какъ бестрастный, почитается началомъ, уравновѣшивающимъ нашу внутреннюю жизнь чрезъ ограниченіе всякаго крайняго развитія одной какой-либо душевной силы. Г. Островскій понялъ это и представилъ въ своей драмѣ страстность, какъ зло, воюющее противъ законнаго семейнаго начала, въ совершенную противоположность тѣмъ западнымъ романамъ и повѣстямъ (о которыхъ мы говорили выше), гдѣ выводится на оборотъ законное начало, какъ зло, губящее свободу и красоту личной жизни. Мнѣ хочется замѣтить, что г. Островскій обязанъ этою глубиной своего воззрѣнія близкому знакомству своему съ Русскою пѣсней (по крайней мѣрѣ мнѣ это такъ кажется), которая оторвала его взоръ отъ случайныхъ и несущественныхъ выраженій Русской народности и постепенно вво-

дила его и не перестаетъ вводить въ политѣйшее познаніе народнаго духа и его существенныхъ проявленій: не даромъ онъ такъ любитъ вставлять Русскія пѣсни въ свои произведенія. Въ этой же драмѣ слышится даже нѣкоторое вліяніе пѣсни, приведенной у меня выше (Взойди, взойди, солнце, не низко, высоко!). Я не смѣю сказать утвердительно, что г. Островскій именно ею воспользовался (онъ могъ и совпасть съ нею), но не могу не обратить вниманія читателя, на примѣръ, хоть на конецъ драмы; въ ея заключеніе такъ и просятся стихи:

Мужъ жену не любитъ, другую не возьметъ;
Другую не возьметъ, тебя не мнуетъ.

Потомъ, когда Агафонъ говоритъ дочери о терпѣнии, опять приходятъ на мысль изъ той пѣсни слова:

Потерпи, сестрица! потерпи, родная!

Кромѣ того, что мысль этой драмы имѣетъ сама по себѣ глубокое значеніе, и драматическая обстройка ея заслуживаетъ полнаго вниманія критики, какъ превосходное художественное намѣреніе. Въ этой драмѣ взяты мужъ съ женою, соединившіеся по страстной взаимной привязанности, которая заставила ихъ забыть важныя естественныя обязанности: они обвѣнчались тайкомъ отъ родителей, не испросивъ на то ихъ благословенія. Но и послѣ своего соединенія они не умѣли развить своихъ отношеній въ истинно супружескія, оставаясь и въ бракѣ страстными любовниками: тѣже самыя побужденія, по которымъ они соединились, въ дальнѣйшемъ своемъ естественномъ развитіи привели ихъ отношенія къ разладу, который и данъ въ драмѣ исходною точкою дѣйствія. Цѣль драмы — возстановленіе разлаженныхъ семейныхъ отношеній. При какихъ же условіяхъ совершается это возстановленіе? При дѣйствіи двухъ взаимно противодѣйствующихъ силъ: съ одной стороны Московскій постоялый дворъ, какъ искашущая сила, съ отважной красавицей Грушей, съ ея матерью Спиридоновной, которая «уважаетъ купцевъ за ихъ жизнь», съ темнымъ колдуномъ Еремкой, съ маслянич-

нымъ пльпствомъ и т. д.; съ другой стороны представители Божьяго начала: Илья, отецъ Петровъ, и Агаеонъ, Дашинъ отецъ, которые, кажлый по своему, стараются умирить семейный бытъ своихъ дѣтей, возстановивъ въ немъ законное начало, низверженное дѣйствіемъ страсти (*). Обстановка истинно драматическая! И въ самомъ виѣшнемъ расположеніи дѣйствія г. Островскій показалъ значительное искусство: дѣйствіе развивается естественно и быстро, каждая сцена способствуетъ его постепенному ходу къ предположенной цѣли. Исключить должно только появленіе Ильи, который какъ-то странно появляется, какъ случайное лице, въ началѣ драмы, чтобъ выговорить свои нравовученія, и потомъ не принимаетъ въ ней никакого участія. Этотъ упрекъ впрочемъ не имѣетъ важности. Гораздо важнѣе упрекъ, касающійся развязки драмы: здѣсь г. Островскій показалъ свою обычную слабость; онъ не умѣетъ никогда свести своего дѣйствія къ круглому заключенію, которое удовлетворило бы чувству читателя. Такъ случилось и здѣсь: доведя дѣйствіе до самой крайней точки драматическаго возвышенія, онъ круто повернулъ его въ противную сторону и привелъ читателя туда, куда тотъ и не думалъ попасть. Тоже самое мы видимъ и въ другомъ его произведеніи, «Бѣдность не порокъ»; должно быть это какой-нибудь природный порокъ въ дарованіи г. Островскаго. Такіе быстрые и неожиданные переломы встрѣчаются въ нашихъ народныхъ сказаніяхъ, которыми видимо руководствовался г. Островскій, но сказанія наши спасаетъ въ этомъ случаѣ ихъ эпическая форма; а какъ словки въ драмѣ такого рода переходы, это испыталъ навѣрно тотъ, кто видѣлъ піесу г. Островскаго на сценѣ.

Но главный недостатокъ этой драмы, по которому она не имѣла ни малѣйшаго успѣха ни на сценѣ, ни въ чте-

(*) Замѣтимъ, что г. Островскій показалъ тутъ богатство своего вымысла, представивъ законное начало въ двухъ типахъ: Илья есть представитель строгой законности, не внимающей ничему, кромя своей отвлеченной правды; Агаеонъ есть представитель истинно—Христіанской законности, отнюдь не не соизволяющей безобразію страстныхъ движеній, но въ тоже время любовью покрывающей чужую слабость.

ни, слабость въ созданіи характеровъ, какой дотолѣ не показывалъ г. Островскій ни въ одномъ изъ своихъ произведеній. Правда, Агафонъ, Даша, Груша и Вася намѣчены довольно живо и можегъ-быть, при лучшемъ созданіи главного дѣйствующаго лица, они могли бы способствовать общей красотѣ произведенія; изъ нихъ Даша, по моему мнѣнію, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Но Петръ, на которомъ держится вся драма, исполненъ такъ неудачно, что и самому посредственному художнику не принесъ бы чести: здѣсь повредила г. Островскому та робость пріемовъ, о которой я говорилъ, какъ о вліяніи *натуральнаго* направленія. Слѣдовало бы этотъ характеръ взять гораздо пошире, дать ему размахъ, свойственный Русскому разгулу, который стремится уйти въ какую-то безконечность. Эта черта поддерживала бы постоянно высоту драматическаго настроенія; и притомъ она наша Русская черта, воспроизведеніе которой могло бы быть лестной задачей для нашего отечественнаго художника: она слышится и въ нашей пѣснѣ, и въ безконечномъ разливѣ ея напѣва; объ ней упоминаетъ и Пушкинъ, какъ объ основной чертѣ нашей народной поэзіи, ее брали и другіе писатели наши и выражали иные очень удачно.

А у г. Островскаго вышелъ какой-то средней руки гуляка, у котораго всплываютъ на верхъ животныя чувства, внушающія омерзѣніе; а при такихъ условіяхъ отъ лица трудно ожидать драматическаго впечатлѣнія. Возьмемъ, напримѣръ, его пьянство. Я ни слова не говорю: пьянство здѣсь выведено совершенно умѣстно; оно очень свойственно въ такомъ запутанномъ состояніи, въ какомъ находится Петръ. Но это долженъ бы быть запой отъ страшной внутренней тревоги, которой ни чѣмъ ни зальешь, ни затушишь. А онъ что говоритъ? «Вина! да ты подай хорошенькаго, вѣдь нынче масляница!»

Объясненіе его съ Грушей оскорбляетъ вкусъ съ другой стороны: это точно какой-нибудь герой изъ лже-народной драмы Кукольника или Гедеонова. Онъ объясняется съ нею въ такихъ выраженіяхъ, которыми г. Островскій никогда не позволялъ себѣ злоупотреблять: онъ былъ сперва

такъ строго къ себѣ въ отношеніи къ языку. «Жизнь моя, лебедь бѣлая, прилука молодецкая!» и другія подобныя выраженія никогда не встрѣчались прежде въ его произведеніяхъ; онѣ сами по себѣ прекрасны и взяты изъ народной поэзіи, но наши романисты и драматическіе писатели такъ ихъ опошлили неумѣстнымъ употребленіемъ, что ихъ избѣгаетъ художникъ съ чистымъ вкусомъ.

Въ особенности же дурень Петръ въ той сценѣ, когда онъ, подъ внушеніемъ Еремкиныхъ навітовъ, является домой, грозясь убить жену. Тутъ ожидаешь страшнаго потрясающаго дѣйствія; вдругъ является отяжелѣвшій отъ хмѣля, раскиспій человѣкъ, который несетъ какую-то нескладницу, ничего въ себѣ драматическаго не заключающую. На примѣръ:

«Ты мнѣ тетка, а ты меня не трожь! А то... ухъ! Не дыши передо мной, не огорчай меня.»

Это прямо норовитъ въ какой-нибудь *натуральный* водевиль. Потомъ онъ говоритъ про жену:

«Мнѣ нынче человѣкъ про нее сказывалъ.... Вотъ и кореневъ мнѣ далъ.... горючь камень алатырь.... Привороты всѣ знаетъ, пускаетъ по вѣтру....»

Неужели же для того прибѣгалъ г. Островскій къ волшебной стихіи, чтобы дать случай Петру сказать нѣсколько пелѣныхъ суевѣрныхъ выраженій? Какъ же можно въ такую страшную драматическую минуту смѣшнить читателя безсвязнымъ вздоромъ? Хмѣль должно было взять, какъ средство усилить изступленіе страсти, какъ подчиненное явленіе, а тутъ онъ является посверхъ всего, на главномъ мѣстѣ. Непостижимая ошибка!

Кстати тутъ скажемъ и объ Еремкѣ. Вывести лице таинственное и искушающее около запутавшагося Петра — мысль прекрасная, сообразная съ общими понятіями о введеніи чудесной стихіи въ поэзію и въ особенности согласная съ нашими народными сказаніями подобнаго содержанія. Всякій изъ насъ безъ сомнѣнія слыхалъ въ дѣтствѣ не мало народныхъ разсказовъ о томъ, какъ человѣкъ, сбившійся съ прямой нравственной дороги, встрѣчается съ какимъ-то таинственнымъ лицомъ, которое всюду

за нимъ слѣдуетъ и доводить его своими обольщеніями до конечной гибели, и только особенная, ниспосланная въ время помощь спасаетъ заблудшаго и возвращаетъ его на истинный путь. Въ этомъ отношеніи мысль вывести Еремку и свести Петра на Москву-рѣку мы находимъ прекрасною, но исполненіе ея весьма неудачнымъ. Еремка похожъ болѣе на шута, чѣмъ на колдуна, и вовсе ужъ не производитъ на читателя того околдовывающаго впечатлѣнія, какое всегда есть въ народномъ изображеніи этихъ лицъ. Конечно такимъ лицомъ можно воспользоваться и съ комической стороны, но тогда нужно было бы переладить всю драму и обратить ее въ комедію; въ противномъ случаѣ оно должно разстроить собою все драматическое впечатлѣніе, какъ это и случилось съ Еремкой. Мало того; Еремка и не смѣшенъ, а до невѣроятности пошлъ, такъ что своими словами производитъ даже не смѣхъ, а нестерпимую скуку и досаду. Онъ выходитъ такой, какимъ бы его вывелъ недалновидный художникъ, если бы желалъ потѣшиться надъ народнымъ суевѣріемъ; въ г. Островскомъ такого нехудожественнаго намѣренія предположить нельзя; и для меня просто необъяснимо, отъ чего онъ такъ дурно воспользовался этимъ лицомъ, которое, при искусномъ употребленіи, могло бы вытти красою драмы, усиливъ ужасъ изображенія внутренней страстной бури своимъ таинственнымъ присутствіемъ и искушающими внушеніями.

Столь слабое исполненіе въ созданіи главнаго лица, на которомъ держится вся драма, должно было отнять у нея всю красоту, какъ бы ни были хороши въ ней отдѣльныя явленія, побочныя лица и другія подробности. Я не останавлиюсь на этихъ подробностяхъ, хотя разборъ ихъ во многомъ смягчилъ бы строгій приговоръ художественной сторонѣ драмы. Никто не сомнѣвается въ способности г. Островскаго ловко составить какую-либо сцену, зацѣпить мимоходомъ какую-нибудь любопытную черту характера или народной жизни; но эти достоинства мы видимъ не рѣдко въ писателяхъ, и не столь даровитыхъ, и потому мы пропускаемъ ихъ на этотъ разъ безъ вниманія. Мы надѣемся еще не разъ встрѣтиться съ г. Островскимъ

на художественныхъ вопросахъ; теперь же мы хотѣли поярче выставить недостатки его произведенія съ указаніемъ главной ихъ причины, чтобы сколько-нибудь съ своей стороны способствовать освобожденію г. Островскаго отъ привычекъ ложнаго вкуса.

Главною же нашею цѣлью въ этомъ разборѣ было оцѣнить важность той задачи, которую предложилъ себѣ г. Островскій въ своей драмѣ: ибо въ выборѣ ея онъ показалъ особенную проницательность, какой не видать ни въ комъ изъ современныхъ писателей. Въ наше время, когда прежде всего просятъ рѣшенія вопросы, касающіеся нашей народной сущности, искусству предстоятъ великія и славныя задачи: ибо у него есть особенныя средства, ему одному принадлежащія, уловлять тончайшія подробности народной жизни и народныхъ типовъ, которыя не могутъ быть схвачены и опредѣлены наукою и въ которыхъ между тѣмъ отражаются внутреннія свойства народнаго духа. Напрасно возражать противъ этого, что искусство должно быть свободно въ выборѣ задачъ и не слушаться въ этомъ отношеніи никакихъ постороннихъ указаній, а пользоваться тѣмъ, что даетъ сама жизнь. Мы и не посягаемъ на свободу искусства и никакъ не хотимъ предписывать ему того или другаго направленія; но когда оно само склонилось къ преимущественному изображенію народной жизни, тутъ мы въ правѣ пожелать ему, чтобы содержаніемъ его были не однѣ внѣшнія и незначительныя подробности ежедневнаго быта, на которыя съ такой жадностью кидаются современные писатели, но чтобы его задачи брались изъ существенныхъ сторонъ внутренней жизни народа. Г. Островскій выборомъ своихъ задачъ, а особливо послѣдней, совершенно удовлетворяетъ этому требованію и, какъ намъ кажется, въ этомъ отношеніи недостаточно оцѣненъ и даже понятъ; между тѣмъ какъ это-то и кладетъ рѣшительную разницу между нимъ и другими современными писателями. Неудачи исполненія не должны пугать г. Островскаго: онѣ случались не съ нимъ однимъ. Передъ нимъ будущее; мы ждемъ исполненія тѣхъ надеждъ, которыя возбудилъ онъ въ обществѣ, при своемъ появленіи, и надѣмся, что намъ

еще придется читать его произведенія, столь же прекрасныя по исполненію, какъ «Свои люди-сочтемся», и столь же глубокія по содержанію, какъ та драма, которая подала намъ поводъ къ этимъ разсужденіямъ.

Тертіи Филипповъ.

ОБЗОРЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ ВЪ РОССІИ.

Соч. Б. Чичерина. (*Русск. Вѣстникъ* кн. 3 и 4.).

Г. Чичеринъ начинаетъ свой обзоръ тѣмъ, что мнѣнія барона Гакстгаузена и Тенгоборскаго о сельской общинѣ въ Россіи неудовлетворительны, что одного нагляднаго изученія современнаго быта Русскихъ сельскихъ общинъ недостаточно для надлежащаго пониманія этого учрежденія и что для этого необходимо историческое изученіе. Въ слѣдъ за тѣмъ, разбирая мнѣніе Гакстгаузена, г. Чичеринъ говоритъ: « прежде всего никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ, будто родовая или патріархальная община составляетъ исключительную принадлежность Славянскаго племени » и опровергаетъ это мнѣніе указаніемъ на извѣстную статью покойнаго Грановскаго о томъ, что родовая община первоначально существовала и у Германцевъ, а также на основаніи той же статьи указываетъ, что слѣды подобнаго быта замѣтны у Кельтовъ, Евреевъ, Грековъ и Римлянъ. Все это вполне справедливо и можетъ быть подтверждено прямыми историческими свидѣтельствами; жаль только, что г. Чичеринъ, ссылаясь на статью Грановскаго, не сослался на Зибеля, котораго книга: *Entstehung des Deutschen Königthums*, служитъ основаніемъ статьи Грановскаго и представляетъ первое полное и систематическое изслѣдованіе о родовомъ бытѣ у Германцевъ, на что справедливо указалъ и самъ покойный Грановскій.

Обращаясь къ Россіи, г. Чичеринъ начинаетъ предположеніями : « что касается до Россіи, то у насъ нѣтъ положительныхъ извѣстій о древнѣйшемъ общинномъ устройствѣ. Но общая аналогія и ближайшее сродство съ другими Славянскими племенами дѣлають весьма вѣроятнымъ предположеніе, что и у насъ существовали тѣ же гражданскія формы, какъ и у другихъ. » Предположеніе это, какъ предположеніе, довольно вѣрно, особенно ежели его не относить къ опредѣленному времени, положительно извѣстному по дошедшимъ до насъ памятникамъ. Давѣ авторъ выставляетъ положеніе : « Патріархальная община можетъ удержаться въ исторіи только при однородности жизненныхъ элементовъ общества, когда въ бытъ не вторгаются новыя стихіи, разлагающія прежнія родственныя отношенія. А такія-то именно стихіи появились въ Русской жизни съ нашествіемъ западныхъ дружинъ и преимущественно Варяговъ. Дружина держалась на началахъ, совершенно противоположныхъ прежнимъ родственно-общиннымъ отношеніямъ.... принесенныя ею начала, разширяясь и развиваясь, обняли наконецъ всѣ общественныя отношенія народа, такъ что мало осталось мѣста для прежнихъ родовыхъ союзовъ. » Положеніе, что для патріархальной (конечно родовой) общины необходима однородность жизненныхъ элементовъ общества, не противорѣчитъ общимъ законамъ исторіи; но авторъ нѣсколько опоздалъ съ приложеніемъ, что на Руси разложеніе однородности элементовъ общества началось съ нашествіемъ западныхъ дружинъ и преимущественно Варяговъ. Русская исторія во первыхъ не свидѣтельствуетъ ни объ одномъ нашествіи западныхъ дружинъ, кромѣ Варяговъ, и притомъ Варяжское нашествіе 852 года, о которомъ упоминаетъ нашъ лѣтописецъ, не могло имѣть какого-либо ощутительнаго вліянія на устройство Славянскаго общества на Руси; ибо Варяги приходили только за данью, и на четвертый годъ были выгнаны, какъ прямо говоритъ лѣтопись : « изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани. » Во второй же разъ было не нашествіе, а приглашеніе Варяговъ ; « идоша за море къ Варягамъ къ Руси, и рѣша Руси: да поидяте княжить и владѣть нами. »

Во вторыхъ, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, нарушеніе однородности элементовъ общества на Руси совершилось гораздо раньше прибытія Варяговъ-Руси; оно началось съ самаго переселенія Славянскихъ племенъ съ Дуная въ здѣшній край. Славянскія племена, пришедшія съ Дуная въ разное время, а не всѣ вдругъ, селились здѣсь между Финнами и Латышами, мѣшались съ ними и ославянивали ихъ. Поселеніе Славянъ между Финнами и смѣшеніе съ ними особенно замѣтно въ Новгородскомъ краю, и земляхъ Ростовской, Бѣлозерской, Суздальской и Муромской, гдѣ еще на памяти исторіи разныя Финнскія племена, — Чудь, Воль, Веси, Мери, Муромы, жили смѣшенно съ Славянами и мало по малу усваивали ихъ образъ жизни и даже языкъ; очевидно тоже было и въ другихъ краяхъ Руси на югѣ и западѣ, только ославяненіе тамошнихъ чужеродныхъ племенъ совершилось гораздо прежде, и исторія объ немъ не помнитъ и застаётъ тамошній край совершенно ославяненнымъ. Добровольное призваніе Варяговъ-Руси Новгородцами, Чудью и Кривичами служить лучшимъ свидѣтельствомъ тому, что Славянское общество на Руси, еще за долго до прибытія Варяговъ, состояло уже не изъ однородныхъ элементовъ и утратило характеръ родовой общины; при родовомъ устройствѣ общества добровольное приглашеніе чужеродцевъ и уступка имъ важныхъ правъ невозможны. Слѣдовательно не Варяжскія дружины измѣнили у насъ характеръ Славянскаго общества; Варяги уже не застали родовой общины на Руси, они нашли здѣсь уже общину договорную, и сами на договорѣ были приглашены въ эту общину. Самъ г. Чичеринъ, говоря о наследованіи князя послѣ бездѣтнаго смерда, справедливо замѣчаетъ, что « князь здѣсь не былъ замѣною родоначальника, воображаемымъ представителемъ рода, ибо постороннее лице никогда не можетъ замѣнить родоначальника. » Слѣдовательно чужеродный князь и не могъ быть приглашенъ родовой общиною; его могла пригласить только община, составившаяся не въ слѣдствіе родовой необходимости, а по добровольному согласію членовъ, безъ отношенія къ родовымъ связямъ, и притомъ община,

прожившая немало времени и опытом дознавшая необходимость имѣть князя, какъ главнаго судію и правителя.

Незначительно по видимому было первое отступленіе г. Чичерина отъ исторіи: онъ только дотянулъ родовую общину до прибытія Варяговъ и Варяжское прибытіе назвалъ нашествіемъ; но оно повело его къ новымъ отступленіямъ, къ новымъ противорѣчіямъ всѣмъ даннымъ, представляемымъ Русскою исторіею. Такъ вслѣдъ за мнимымъ Варяжскимъ нашествіемъ онъ уже угодобляетъ древнихъ Русскихъ Князей западнымъ феодальнымъ королямъ и говоритъ: «князь пришелъ съ дружиною на сѣверъ, какъ посредникъ, а на югъ и въ большей части Россіи явился завоевателемъ. Силою оружія приобрѣлъ онъ себѣ землю и этимъ самымъ получилъ возможность сдѣлаться въ послѣдствіи единодержавнымъ Государемъ. Такъ на западѣ феодальные короли считались верховными владѣльцами земли въ силу завоеванія. Дружинники были его ближайшими помощниками и потому они вмѣстѣ съ нимъ приобрѣли поземельную собственность. На западѣ земля ихъ считалась ленною, у насъ она называлась бѣлою, т. е. свободною отъ податей и повинностей и подлежавшею только нѣкоторымъ регальнымъ правамъ, отъ которыхъ также владѣльцы получали освобожденіе. Общинной же земли, какъ увидимъ ниже, въ княжескихъ владѣніяхъ не осталось; вмѣсто прежней патріархальной собственности является собственность князя и его дружины. Община родовая превращается въ владѣльческую, въ которой былъ одинъ частный собственникъ, да пришлые люди, сидѣвшіе на его землѣ.» Здѣсь авторъ ни разу не сослался на источники, конечно не потому, чтобы источники не говорили объ этомъ предметѣ, но потому, что источники не говорятъ того, что говоритъ г. Чичеринъ.

И такъ обратимся къ источникамъ и посмотримъ, насколько они согласны съ мнѣніями, высказанными г. Чичериннымъ. Онъ говоритъ, что князь пришелъ съ дружиною на сѣверъ, какъ посредникъ; и лѣтописи говорятъ тоже: «рѣша сами въ себѣ Чудь, Словѣни и Кривичи: поищемъ себѣ князя, иже бы владѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягамъ къ Руси.» (Лавр. лѣт. 8). Далѣе г. Чичеринъ

нишегъ: «а на югѣ и въ большей части Россіи князь явился завоевателемъ. Силою оружія пріобрѣлъ онъ себѣ землю.» Но этого лѣтописи не говорятъ: о Рюрикѣ и его братьяхъ въ лѣтописи сказано, что Рюрикъ по приглашенію Чуди, Словѣнъ и Кривичей сѣлъ въ Ладогѣ, Синюсъ на Бѣль-озерѣ, Труворъ въ Изборскѣ. Потомъ Рюрикъ, по смерти братьевъ, роздалъ своимъ мужамъ города, кому Ростовъ, кому Полоцкъ, кому Бѣлоозеро. Далѣе спутники Рюриковы, Аскольдъ и Диръ, съ согласія Кіевлянъ сѣли въ Кіевѣ, какъ защитники того края отъ Козаръ. Преемникъ Рюриковъ Олегъ, по словамъ лѣтописи: «прииде къ Сѣюленску съ Кривичи и прія градъ, и посади мужъ свой, оттуда поиде внизъ и взя Любечъ и посади мужъ свой.» Далѣе, убивши Аскольда и Диру, онъ вмѣсто ихъ сѣлъ въ Кіевѣ и назвалъ его матерію городовъ Русскихъ; изъ Кіева онъ воевалъ съ Древлѣянами и, примучивши, взялъ съ нихъ дань по черной кунѣ; потомъ, побѣдивши, возложилъ легкую дань на Сѣверянъ и обѣщавъ защищать ихъ отъ Козаръ; далѣе послалъ сказать Радимичамъ, чтобы они не платили дани Козарамъ, а платили ему (Лавр. 10). По смерти Олега, Игорь два раза ходилъ за данью къ Древлѣянамъ, и въ послѣдній разъ былъ убитъ ими. Игорева жена Ольга, мстя Древлѣянамъ за смерть мужа, наложила на нихъ тяжкую дань, и часть ихъ избила, часть отдала въ рабство дружинникамъ, а остальныхъ оставила платить дань. О Святославѣ лѣтопись говоритъ: «Вятичи побѣди и дань на нихъ возложи.» (Лавр. 27). Вотъ почти всѣ племена, первоначально вошедшія въ составъ древняго Русскаго государства, и при извѣстіяхъ о покореніи ихъ нѣтъ и помину о томъ, чтобы Русскіе князья, покоряя то или другое племя, забирали себѣ землю, принадлежавшую покоренному племени, а вездѣ упоминается только о наложеніи дани. Даже при окончательномъ покореніи Древлѣянъ Ольгою, особенно по взятіи упрямнаго Коростеня, когда раздраженная княгиня Кіевская часть жителей избила, часть отдала въ рабство своей дружинѣ, тѣмъ не менѣе самую землю она оставила за остальными жителями, а не подѣлила ее дружинникамъ, ни взяла себѣ. Ясно, что Русскіе князья въ первое время вовсе не имѣли въ

виду обращенія земли покоренныхъ племенъ въ свою собственность.

Тоже должно сказать о придуманномъ г. Чичеринымъ надѣленіи землею дружинниковъ, какъ ближайшихъ помощниковъ князя. Объ этомъ надѣленіи нѣтъ никакихъ не только извѣстій, но даже и намековъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ памятникахъ. А напротивъ того, весь смыслъ событій, сопровождавшихъ соединеніе Славянскихъ племенъ подъ власть Русскихъ князей, свидѣтельствуетъ, что дружинники первоначально не пріобрѣтали у насъ поземельной собственности, не надѣлялись землями отъ князей, подобно Германскимъ дружинникамъ на западѣ, получавшимъ поземельные участки при самомъ завоеваніи, а довольствовались или жалованьемъ, получаемымъ отъ князя, или собираніемъ дани въ свою пользу. (такъ на-примѣръ, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи, дань съ Уличей Игорь предоставилъ Свенельду и его дружинѣ), или доходами отъ управленія областями, или военными добычами. Ибо если бы дружинники получали при покореніи поземельную собственность; то они не могли бы быть такъ подвижны и неусидчивы, какъ ихъ изображаютъ лѣтописи и другіе памятники: земля привязывала бы ихъ къ себѣ, они дорожили бы ею и неохотно бы оставляли ее. Напротивъ того, дружинники первыхъ Русскихъ князей вовсе не заботились о пріобрѣтеніи земли, ихъ первоначально ничто не привязывало къ Русской землѣ; такъ, по свидѣтельству Арабскихъ писателей, Игоревы дружинники думали утвердиться въ Прикаспійскихъ владѣніяхъ Музульманъ; а дружина Святослава вмѣстѣ съ княземъ хотѣла перебраться въ Дунайскую Болгарію и льстилась въ тамошнемъ краю не плодородностію земли, а богатствомъ торговли, какъ прямо сказано въ лѣтописи; Варяги Владиміровы, по занятіи Кіева, требовали не земли, а окупа по двѣ гривны съ человѣка, и когда не получили окупа, то отправились на службу въ Константинополь; въ народныхъ сказкахъ богатыри Владиміра службою своею князю искали не земли, а военной добычи и князю жалованья. Такимъ образомъ надѣленіе землею дружинниковъ не только не было необходимымъ условіемъ при образо-

ваніи Русскаго государства, но объ немъ даже не думали и не заботились сами дружинники; земля оставалась въ полномъ владѣніи земцевъ, признававшихъ власть князя, которые можетъ быть для того, чтобы привязать князей, чтобы дать имъ осѣдлость, уступали имъ опредѣленные участки. И такъ дѣлалось на Руси постоянно не только при началѣ государства, но даже въ XV вѣкѣ; припомнимъ, что говоритъ Великій Князь Иванъ Васильевичъ Новгородцамъ, требуя отъ нихъ, чтобы они покорились его власти, и отвѣчая на ихъ вопросъ, какой власти желаетъ Государь Великій Князь: «а государство намъ свое держати, ицо на чемъ Великимъ Княземъ быти въ своей отчинѣ, — волостямъ быти, селомъ быти, какъ у насъ въ Низовой землѣ, а которые земли наши великихъ князей за вами, а тобѣ было наше.» Здѣсь Великій Князь Московскій и всея Руси въ концѣ XV вѣка прямо и ясно говоритъ Новгородцамъ, что для великокняжеской власти необходимо, чтобы ему были уступлены нѣкоторыя волости и села, на чемъ Великимъ Княземъ быти, а не требуетъ всей земли въ свою собственность; и это дѣлаетъ не изъ какой либо уступки Новгородцамъ, а прямо указываетъ на общій законъ во всей Низовой землѣ, т. е. на Руси: *«какъ у насъ въ Низовой землѣ.»* Слѣдовательно не только въ началѣ государства, но даже въ XV вѣкѣ Русскіе князья не думали объ обращеніи всей Русской земли въ частную собственность, но довольствовались только уступленными имъ нѣкоторыми опредѣленными волостями и селами, которыя въ первые вѣка государства они или отдавали на оброкъ, (какъ на примѣръ, по свидѣтельству лѣтописи, Ольга отдала на оброкъ данныя ей земли по Лугѣ), или селили тамъ своихъ рабовъ и вольноприходящихъ поселенцевъ и заводили разныя хозяйства, (какъ на примѣръ лѣтопись подъ 1146 годомъ упоминаетъ объ Игоревыхъ и Святославлихъ селахъ, гдѣ находились ихъ большія стада, богатые дворы съ челядью, разнымъ товаромъ и житницы съ хлѣбомъ), или строили тамъ города, (такъ лѣтопись подъ 946 годомъ упоминаетъ объ Ольгиномъ городѣ Вышгородѣ), или наконецъ, не раньше впрочемъ XI вѣка, отдавали ихъ дружинни-

камъ за службу вмѣсто жалованья, но не въ полную собственность, а на помѣстномъ правѣ. Изъ этихъ-то уступленныхъ князьямъ земель въ послѣдствіи въ Московскомъ Государствѣ образовались дворцовыя и помѣстные земли.

О надѣленіи землею дружинниковъ нельзя заключать изъ словъ лѣтописи: « прія Смоленскъ и посади мужъ свой, взя Любечъ и посади мужъ свой. » Здѣсь говорится о назначеніи управителей, намѣстниковъ; самое выраженіе « посади мужъ свой », по смыслу древняго нашего языка, указываетъ на посадника, а не на землевладѣльца. Раздача земель дружинникамъ не могла быть раньше послѣднихъ годовъ княженія Владиміра Святаго, когда воинскіе походы приостановились и дружины мало по малу стали наполняться не пришельцами Варягами, временно приходившими за одною службою и добычею въ походахъ, а туземцами Славянами, или такими пришельцами изъ другихъ земель, которые приходили за тѣмъ, чтобы на всегда остаться на Руси. Самое построеніе городовъ Владиміромъ, вскорѣ по принятіи крещенія, показываетъ, что дружинники и въ это время мало еще думали о приобрѣтеніи поземельной собственности; ибо вновь построенные города Владиміръ населилъ не дружинниками, а туземцами, какъ прямо сказано въ лѣтописи: « и поча Володимиръ нарубати мужъ лучшіѣ отъ Словенъ, и отъ Кривичъ, и отъ Чуди, и отъ Вятичъ; и отъ сихъ насели грады. » (Лавр. 52). Прямые свидѣтельства о надѣленіи дружинниковъ землею на помѣстномъ правѣ начинаются съ XI столѣтія; но и это надѣленіе, какъ мы уже замѣтили, производилось не изъ общинныхъ земель, составлявшихъ собственность Государства, а изъ тѣхъ, которыя были уступлены Князю для поддержанія власти. Собственно же общинныя земли преимущественно оставались неприкосновенными, какъ это соблюдалось постоянно даже въ XV и XVI столѣтіяхъ, на что мы имѣемъ много официальныхъ свидѣтельствъ. Лучшимъ указаніемъ, что вся Русская земля не составляла поземельной собственности Князя, служитъ покупка Князьями земель у частныхъ собственниковъ, о которой говорятъ

и г. Чичеринъ, и на которую мы имѣемъ прямые свидѣтельства въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ XII, XIII, XIV, XV и XVI столѣтій. Если же Князь имѣетъ нужду покупать земли у своихъ же подданныхъ; то ясно, что вся земля не составляла собственности Князя.

Такимъ образомъ основныя положенія, выставленныя г. Чичеринымъ, на которыхъ зиждется весь его обзоръ, явно противорѣчатъ Русской исторіи; теперь обратимся, хотя нѣсколько, къ положеніямъ второстепеннымъ, къ частностямъ дѣла, и посмотримъ, на сколько онѣ согласны съ Русскою исторіею.

Авторъ говоритъ, что «земля дружинниковъ у насъ называлась *бѣлою*, т. е. свободною отъ податей и повинностей, и подлежавшею только нѣкоторымъ регальнымъ правамъ, отъ которыхъ также владѣльцы нѣмало получали освобожденіе.» И даже сравниваетъ эту землю съ ленною землею на западѣ. Здѣсь въ первыхъ землю нашихъ дружинниковъ вообще нельзя сравнивать съ ленною землею: ленная земля на западѣ давалась Государемъ за службу и съ условіемъ службы, и по закону отнюдь не составляла полной собственности дружинниковъ, она соотвѣтствовала у насъ землѣ помѣстной; дружинники же у насъ на Руси владѣли не одними помѣстными землями, но имѣли и вотчинныя земли, которыя до XVI вѣка почти исключительно пріобрѣтались покупкою, наслѣдованіемъ и другими частными сдѣлками, а не пожалованіемъ отъ Государя, и которыя по сему составляли полную собственность, которую даже сами князья покупали у дружинниковъ; слѣдовательно наши вотчинныя земли ни коимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ одному разряду съ западными ленными землями. Во вторыхъ названіе дружинничей земли *бѣлою землею* отнюдь не означало, что эта земля освобождалась отъ податей и повинностей; это названіе указывало только, что земля составляетъ чью-то частную собственность (*) и не принадлежитъ къ чернымъ

(*) *Бѣлый, обѣленный* на древнемъ офиціальномъ языкѣ именно означаютъ исключительную полную частную собственность: такъ на примѣръ въ Русской Правдѣ сказано: «Аже бѣжитъ закупъ отъ господы, то обѣль», т. е. за побѣгъ обращается въ цѣлаго раба, въ собственность господина.

землямъ, составляющимъ владѣніе общины государства; подати же и повинности платились и съ черныхъ, и бѣлыхъ земель безъ исключенія, это подтверждаютъ всѣ свидѣтельства; такъ, на примѣръ, Уставная Бѣлозерская грамота 1488 года говоритъ: «на Рождество Христово намѣстникомъ нашимъ дадутъ кормъ со всѣхъ сохъ, со княжихъ, съ боярскихъ, съ монастырскихъ, и съ черныхъ, и съ грамотчиковъ, и со всѣхъ безъ омѣны, съ сохи за полоть мяса по два алтына» и проч. (Ак. Ар. Эк. Т. I № 723). Вся разница въ платежѣ состояла въ томъ, что однимъ землямъ платежъ былъ легче, а другимъ тяжелѣе. И для сего всѣ земли на Руси, какъ мы знаемъ по памятникамъ, были раздѣлены на сохи, которыя смотря по тому, къ какому разряду принадлежитъ земля, были или мельче, или крупнѣе; такъ, на примѣръ, въ XVI вѣкѣ въ дворцовыхъ земляхъ, принадлежавшихъ собственно князю и пользовавшихся большою льготою, сохи доходили до 1300 четвертей; въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ на соху клалось не больше 1200 четвертей, монастырскія сохи не превышали 700 четвертей, а въ черныхъ земляхъ высшая мѣра была только въ 600 четвертей. Это различіе мѣры сохъ прямо указываетъ, что при одинаковости податной единицы для всѣхъ сохъ, однѣ сохи, болѣе крупныя по своей мѣрѣ, платили меньше, ибо ихъ платежъ производился съ большаго количества земли, а другія сохи, меньшія по мѣрѣ, платили больше, ибо таже податная единица собиралась съ нихъ съ меньшаго количества земли. Земель же избылыхъ, т. е. вовсе не платящихъ податей, у насъ не было, за исключеніемъ временныхъ привиллегій, даваемыхъ за особенныя заслуги землевладѣльцевъ, или по особой милости Государя, или по другимъ соображеніямъ. Привиллегіи же сіи давались безъ различія и вотчиннымъ, и чернымъ землямъ.

Но довольно о земляхъ; обратимся къ общинамъ и ихъ отношенію къ поземельному владѣнію и посмотримъ, что пишетъ объ этомъ предметѣ г. Чичеринъ. Мы уже видѣли, что онъ ошибочно довелъ родовую общину у Русскихъ Славянъ до прибытія Варяжскихъ князей; тогда какъ она на самомъ дѣлѣ уступила свое мѣсто договорной общинѣ за-

долго до прибытія Варяговъ. Потомъ онъ отыскалъ какую-то владѣльческую общину, которая будто бы у насъ заступила мѣсто родовой общины; далѣе, продолжая придерживаться своей владѣльческой общины, нашелъ еще какую-то общину тяглую и поземельную и, кажется, о сей послѣдней говорить такъ: «Участіе общины въ поземельномъ владѣніи ограничивалось раздачею пустопорожнихъ или запустѣлыхъ участковъ вновь приходящимъ крестьянамъ. Затѣмъ она завѣдывала только раскладкою и сборомъ нѣкоторыхъ податей и исправленіемъ повинностей въ пользу князя. Вѣдомство общинныхъ начальниковъ, сотскихъ и старостъ, заключалось единственно въ проторахъ и разметахъ. Остальное же управленіе, которое впрочемъ все ограничивалось судопроизводствомъ, находилось въ рукахъ людей совершенно постороннихъ, — намѣстниковъ и волостелей, княжескихъ слугъ, получавшихъ судопроизводство въ кормленіе. Судъ разсматривался, какъ источникъ доходовъ и жалованья, въ видѣ временной или даже постоянной аренды. Общины обязаны были давать судьямъ кормъ и поборы, да уплачивать виру за убійство, въ случаѣ, ежели убійцы не было на лицѣ. Это было древнее установленіе, основанное на взаимномъ поручительствѣ членовъ родовой общины, но которое теперь превратилось въ доходную статью. Кормленщикъ имѣлъ право на извѣстный доходъ съ убитаго тѣла, и если онъ не могъ взять его съ убійцы, то взыскивалъ деньги съ общины, въ округѣ которой найдено было тѣло. Значеніе общины было слѣдовательно чисто финансовое или, скорѣе, хозяйственное, ибо подати и повинности уплачивались князю, въ качествѣ земельнаго владѣльца. Хозяйственная цѣль одна поддерживала единство общины, которая безъ этого распалась бы на отдѣльныя лица, ничѣмъ не связанныя между собою.» Г. Чичеринъ справедливо говоритъ, что община завѣдывала раздачею пустопорожнихъ или запустѣлыхъ участковъ вновь приходящимъ крестьянамъ; это подтверждается многими дошедшими до насъ официальными свидѣтельствами, относящимися къ сему предмету; справедливо также и то, что община производила раскладку податей и повинностей, это также подтверждается Су-

дебникомъ и разными дошедшими до насъ грамотами. Но рѣшительно несправедливо и несогласно съ источниками, чтобы вѣдомство общины ограничивалось только сими двумя предметами, чтобы община имѣла только одно финансовое или, скорѣе, хозяйственное значеніе. Община не только раздавала участки своихъ земель крестьянамъ, но и защищала свои земли отъ присвоенія ихъ посторонними людьми или вѣдомствами, подавала челобитныя судьямъ или Государю, тягалась за свои земли на судѣ, и вообще была хозяйномъ своихъ земель, и только, кажется, не имѣла права продавать свои земли безъ особаго разрѣшенія, что собственно ее отличало отъ другихъ землевладѣльцевъ собственниковъ. О защитѣ земель общиною на судѣ свидѣлствуютъ всѣ грамоты, въ которыхъ дѣло касалось до общинныхъ или черныхъ земель. Такъ въ правой грамотѣ 1490 года (Ак. юрид. N 4) сказано: «тягался Андрейко староста Залѣской и всѣ крестьяне Залѣскіе съ старцемъ Касьяномъ. Такъ рѣкъ Андрейко: жалоба ми, господине, на того Касьяна, отнялъ, господине, у насъ тѣ наволоки Овсяниковскіе земли. Долгой да Верхней, а тѣ наволоки тянутъ къ нашей землѣ къ Овсяниковской, къ тяглою, къ черной изстарины.» Или въ судномъ спискѣ 1498—1505 год. (Ак. юрид. N 8) написано: «тягалися Ликургскіе волости крестьяне, Мартылко Ларивоновъ, да Ермолка Ѳедоровъ, да Онцифорикъ Онтоновъ и въ всѣхъ крестьянъ мѣсто Ликургскіе волости, съ Некрасомъ да съ Дроздомъ.... съ митрополичими дѣтьми боярскими. Такъ рѣкли Мартылко, да Ермолка, да Онцифорикъ: жалоба намъ, господине, на того Некраса.... тѣ, господине, деревни и починки изстарины земли Великаго Князя Ликургскіе волости тяглые наши.» Или въ другомъ судномъ спискѣ (Ак. юрид. N 9): «Староста Лоскомской волости и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Лоскомскіе волости тягался за волостную землю съ Овсяникомъ Ивановымъ». Или тоже мы встрѣчаемъ еще въ неизданныхъ правыхъ грамотахъ; такъ, на примѣръ, въ грамотѣ, данной Костромскимъ писцемъ, Григорьемъ Романовичемъ Застолбскимъ: «крестьяне Мвискаго стану староста Ѳролъ Понкратьевъ сынъ да Копосъ Булгаковъ и въ всѣхъ крестьянъ мѣсто

Минскаго стану тягася съ митрополичимъ посельскимъ за своя тяглые черныя земли.» Можно бы было представить и еще нѣсколько официальныхъ свидѣтельствъ о томъ, что община защищала свои земли на судѣ и искала судомъ своихъ земель, перешедшихъ въ чужое владѣніе; но довольно уже и приведенныхъ грамотъ. Сельская или скорѣе волостная община не только имѣла право защиты своихъ земель, но и могла мѣняться своими черными землями съ землями сосѣднихъ собственниковъ, ежели это находила для себя выгоднымъ. Такъ въ розъѣзжей грамотѣ 1555 года (Акт. юрид. N 151) сказано: «промѣнили Масленскіе волости староста и цѣловальники и всѣ крестьяне деревню пустую Карпово, деревню пустую Дудомѣхово, да деревню пустую Дылайцово, да деревню пустую Орефино на рѣкѣ на Вологдѣ.... А которые деревни промѣнили Масленскіе волости крестьяне Кирилова монастыря старцемъ.... а мѣняли старцы и волостные крестьяны, смотря по угодью, промежъ себя полюбовно.» Волостныя общины, въ случаѣ поземельныхъ исковъ на кого-либо изъ волостныхъ крестьянъ отъ стороннихъ владѣльцевъ, принимали участіе въ судебныхъ дѣлахъ своихъ сочленовъ. Такъ въ отдѣльной 1530 года, напечатанной въ юридическихъ актахъ подъ N 154, сказано: «се азъ Иванъ Дороеевъ сынъ староста Есунинскіе волости, да Левонтей Онофріевъ сынъ, да Малыга Грибановъ сынъ, и въ всѣхъ христіанъ мѣсто Есунинскіе волости, что взялъ великаго князя судью Федора Никитина Оерапонтова монастыря слуга Дема Тарасовъ сынъ, нашего крестьянина на Гаврилка на Ортемова, въ земляхъ; и мы не тягався передъ судьей да обыскали есмя старые межи и рубежи, куды намъ писцы Великаго Князя розъѣхали межи.... И мнѣ старостѣ Ивану Дороееву и всѣмъ крестьянамъ къ нимъ (къ монахамъ) за межу не дѣсти. А полѣземъ мы къ нимъ за межу пахати, ино на мнѣ старостѣ и на всѣхъ крестьянѣхъ 50 рублей по сей записи; а полѣзу азъ игумень съ братією, ино на насъ 50 рублей по сей записи.» Здѣсь мы видимъ, что община не только принимаетъ участіе въ поземельныхъ дѣлахъ своихъ сочленовъ и, какъ хозяинъ земли, рѣшаетъ, — судиться ли

члену ея или идти на мировую и уступить спорную землю; но даже ручается за своих членовъ и въ случаѣ надобности обязывается платить условленный штрафъ: здѣсь уже община является не поземельнымъ хозяиномъ только, но и особеннымъ собирательнымъ лицомъ, имѣющимъ юридическое значеніе. Замѣчательно также, что община и въ XV и XVI вѣкѣ избирала за себя въ представители на судѣ не одного старосту или иного своего начальника, но всегда при старостѣ или иномъ начальникѣ посылала нѣсколько выборныхъ изъ своихъ членовъ, какъ это видно изъ настоящей грамоты и всѣхъ приведенныхъ выше. Это постоянное правило древнихъ общинъ на Руси соблюдается еще и теперь въ современныхъ намъ сельскихъ общинахъ. Сельская или волостная община чрезъ своихъ представителей старость и выборныхъ людей имѣла право ходатайства передъ Государемъ или у его намѣстниковъ объ огражденіи своихъ выгодъ и объ отмѣнѣ такихъ административныхъ распоряженій, которыя считала для себя невыгодными; такъ, по свидѣтельству жалованной грамоты 1546 года, крестьяне Устюжскаго уѣзда, Антропьевы слободки, чрезъ выборнаго своего Матвѣйка Захарова подавали Государю челобитную о выводѣ изъ ихъ слободки становаго двора и корчмы; и Государь по ихъ челобитію приказалъ становой дворъ перевести въ Утманово и вывести корчму. (Ак. Ист. Т. I N 299). По Судебнику 1497 года община чрезъ своихъ представителей старость и лучшихъ выборныхъ людей непременно участвовала въ намѣстничьемъ и волостелинскомъ судѣ, когда подсудимые принадлежать къ общинѣ; въ Судебникѣ прямо сказано: «А бояромъ или дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленье съ судомъ боярскимъ и имъ судити, а на судѣ быти дворскому и старостѣ и лучшимъ людемъ: а безъ дворскаго и безъ старосты и безъ лучшихъ людей суда намѣстникомъ и волостелемъ не судити.» Волостная община не только имѣла надзоръ и право домашней управы надъ своими членами чрезъ своихъ выборныхъ начальниковъ по общественному приговору, но даже въ нѣкоторой отъ нея зависимости были священникъ и причетники тѣхъ церквей, которыя находились въ волости:

община условливалась съ своими священно-служителями особыми порядными записями, по которымъ община изъ-являла согласіе принять священника къ своей приходской церкви, и которыми опредѣлялись отношенія священника къ общинѣ. Такъ въ одной порядной записи 1588 года, напечатанной въ юридическихъ актахъ подъ N 185, сказано: «Се язъ Ильинской попъ Кирило Яковлевъ сынъ далъ еси на себя запись старостѣ Тавренскія волости Климу Иванову сыну Клобуку, да и всему православию Тавренскія волости Ильинскаго прихода, что мыъ попу Кириллу у св. пророка Іліи и у Егорья межъ владычи праздники и межъ воскресеніемъ вечерню и заутреню пѣти по вся дни, и жити, какъ и прочіе старые священники жили; а къ болю и къ роженицѣ ѣздити безпенно, а на свое дѣло коли поѣздка придетъ, ино безъ мірскаго вѣдома не отѣзжати» и проч. Я бы долго не кончилъ, ежели бы рѣшился перечислять всѣ права и обязанности волостной общины, засвидѣтельствованныя разными грамотами и другими памятниками; но довольно уже и сказаннаго, чтобы видѣть, что волостныя общины въ древней Россіи имѣли не одно финансовое значеніе, что передъ закономъ имъ были предоставлены почти всѣ права лицъ юридическихъ.

Напрасно г. Чичеринъ утверждаетъ: «что хозяйственная цѣль одна поддерживала единство общины, которая безъ этого распалась бы на отдѣльныя лица, ничѣмъ не связанныя между собою.» Хозяйственная цѣль, какъ ее понимаетъ г. Чичеринъ, т. е. платежъ податей и вообще отправленіе тягла, скорѣе разстроивала, а не поддерживала общину: крестьяне, какъ мы знаемъ изъ многихъ памятниковъ, преимущественно потому и оставляли общины и покидали данную землю, что имъ приходилось не въ мочь платить лежащія на землѣ подати и вообще тянуть тягло. Слѣдовательно причина, почему община не распадалась совершенно, заключалась не въ хозяйственной цѣли, а лежала гораздо глубже, именно: въ самомъ духѣ народа, въ складѣ Русскаго ума, который не любитъ и не понимаетъ жизни внѣ общины, который даже въ своей родной кровной семьѣ хочетъ видѣть общину, товарищество, и семью

называетъ *домомъ*, а представителя семьи *хозяиномъ*, какъ мѣтко выразился г. Гладковъ (Разсужд. о вліяніи общес. сост. частн. лицъ и проч). Этотъ-то народный духъ развилъ общину въ Русской жизни, постоянно поддерживалъ ее съ незапамятныхъ временъ и поддерживаетъ въ настоящее время; а въ слѣдъ за народнымъ характеромъ и правительство, и законъ всегда приписывали общинѣ большое значеніе, старались поддерживать ее, и въ свою очередь въ ней искали средствъ для достиженія своихъ цѣлей.

Описавши общину, какъ мы уже видѣли, по своему, а не такъ, какъ она была на самомъ дѣлѣ, г. Чичеринъ дѣлаетъ заключеніе: «Что же тутъ было похожего на общинный бытъ нашего времени? въ средне-вѣковой Россіи не было ни оскѣлости народонаселенія, ни принудительныхъ отношеній, ни передѣла земель. Каждый селился на отдѣльномъ участкѣ, которымъ владѣлъ вѣчно и потомственно, которымъ распоряжался по произволу.... Самое разселеніе крестьянъ не было похоже на нынѣшнее: тогда не было этихъ многолюдныхъ селъ.... каждый жилъ особнякомъ на своемъ участкѣ. Община селилась разсѣянно, и общинною единицею считалось не село, а волость, т. е. округъ, въ которомъ было центральное село и окружавшія его деревни.» Дѣйствительно въ древней и средне-вѣковой Россіи не было ни оскѣлости народонаселенія (въ нынѣшнемъ смыслѣ), ни принудительныхъ отношеній, самое тогдашнее разселеніе крестьянъ не походило на нынѣшнее, все это такъ; но дѣло въ томъ, что все это составляетъ только внѣшнее отличіе старой Русской общины отъ нынѣшней, существенный же характеръ той и другой общины одинъ и тотъ же. Въ средне-вѣковой общинѣ на Руси были выборные старосты, сотскіе, десятскіе и дѣяки, называемые земскими или волостными; и нынѣ въ сельскихъ общинахъ у насъ есть выборные старосты, и сотскіе, и десятскіе, и волостные писаря. Въ средне-вѣковой общинѣ выборные начальники смотрѣли за порядкомъ и благочиніемъ въ общинѣ; и нынѣ они имѣютъ ту же обязанность. Въ средне-вѣковой общинѣ старосты и сотскіе были представителями общины на судѣ и ходатайствовали

передъ судомъ и правителями объ интересахъ общины; и нынѣ тоже поручается отъ общины головамъ и старостамъ. Въ средне-вѣковой общинѣ всѣ разметы и разрубы относительно платежа податей и повинностей дѣлались по общему разсужденію членовъ общины; тоже самое дѣлается и нынѣ въ сельскихъ и волостныхъ общинахъ. Въ средне-вѣковой общинѣ, какъ мы уже видѣли, на судъ являлись не одни старосты, но всегда почти при нихъ находилось по два или по три человека, выбранныхъ общиною; тотъ же порядокъ соблюдается и нынѣ. Въ средне вѣковой Россіи, кромѣ выборныхъ начальниковъ надъ общинами, назначались еще начальники отъ правительства, волостели, становщики, посельскіе и подоб.; и нынѣ есть окружные начальники и становые пристава, назначаемые правительствомъ, и должности ихъ во многомъ сходны съ должностями прежнихъ чиновниковъ. Въ нынѣшнихъ сельскихъ общинахъ бываютъ по мѣрѣ надобности передѣлы поземельныхъ участковъ; тоже самое было и въ общинахъ средне-вѣковой Россіи. Правду сказать, г. Чичеринъ не признаетъ этого, впрочемъ его признаніе или непризнаніе не можетъ уничтожить самого дѣла. Самъ же г. Чичеринъ утверждаетъ, и справедливо, что община дѣлала раскладку податей и повинностей и надѣляла своихъ членовъ поземельными участками; слѣдовательно община же производила и передѣлы въ поземельныхъ участкахъ, смотря по надобности, т. е. тѣмъ своимъ членамъ, которые могли обрабатывать земли больше и платить податей больше, давала большіе участки, а другимъ меньшіе; какъ мы и встрѣчаемъ во многихъ грамотахъ, что одинъ крестьянинъ получалъ земли на цѣлую выть, другой на двѣ выти, а иной на полвыти, на четверть выти и даже на двѣнадцатую долю выти; на примѣръ: въ писцовыхъ книгахъ Старицкаго уѣзда 1593 года сказано: «Деревня Оамѣво, а въ ней крестьянъ: д. Тихонко Ивановъ на полчети, д. Некраско Ортемовъ на полчети, д. Осташко Васильевъ на полвыти, д. Васька Павловъ на чети, д. Серга Елизаровъ на чети и проч. всего пашни паханные тридцать двѣ чети, да перелогомъ девять чети.» и проч. Или въ грамотѣ Симона митрополита, начала XVI вѣка, прямо упоминается о передѣлѣ

земли между крестьянами; въ грамотѣ написано: «и ты бы въ тѣ села съ архимандритомъ съ Матвѣемъ ѣхалъ, да землю бы есте во всѣхъ трехъ поляхъ перемѣрили, да далъ бы еси христіаномъ во всѣхъ трехъ полехъ по пяти десятинъ, а на монастырь бы еси указать имъ пахати шестую десятину. А будетъ земли обильно, а кому будетъ земли надобно болѣ того, и онъ бы по-томуужъ пахалъ и монастырскую пашню шестой жеребей, а кому не будетъ силы пахать пяти десятинъ, и онъ бы потому пахалъ и монастырскую пашню». Самымъ рѣзкимъ отличіемъ средне-вѣковой общины отъ нынѣшней г. Чичеринъ выставляетъ то, что прежде каждый членъ общины селился на отдѣльномъ участкѣ, которымъ владѣлъ вѣчно и потомственно, которымъ распоряжался по произволу; и относительно послѣдняго, т. е. что крестьянинъ распоряжался своимъ участкомъ по произволу, г. Чичеринъ въ своемъ обзорѣ представилъ нѣсколько древнихъ извѣстій, по которымъ крестьяне или члены общины отдавали земли въ монастыри, дѣлили ихъ дѣти послѣ отцевъ, наследовали участки земель отъ родственниковъ, даже продавали ихъ не только крестьянамъ, но и служилымъ людямъ и монастырямъ, безъ всякаго отношенія къ общинѣ. Дѣйствительно все это бывало въ старой Россіи; крестьяне и наследовали земли послѣ отцевъ и родственниковъ, и закладывали ихъ и продавали, не относясь къ общинѣ; но все это дѣлали они съ своими собственными землями съ вотчинными, а отнюдь не съ общинными; это вполне подтверждаютъ слѣдующія г. Чичеринымъ ссылки на № № 23 и 24 юридическихъ актовъ. Акты сіи, какъ и многіе другіе имъ подобные, всѣ относятся къ Двинской области, гдѣ между крестьянами была распространена частная поземельная собственность, не въ примѣръ другимъ краямъ Русской земли, и гдѣ таковой порядокъ поземельнаго владѣнія сохранился до позднѣйшаго времени. Такъ что, когда указомъ правительствующаго сената отъ 25 іюля 1751 года велѣно было имѣющимъ въ Устюжской провинціи у посадскихъ деревнямъ и деревенскимъ ихъ землямъ и участкамъ, которые въ

жалованныхъ имъ грамотахъ и писцовыхъ книгахъ написаны, быть за ними посадскими, а за которыми явятся отъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ купленные и разными случаи вступившія, тѣ отобрать, и впредь отъ тѣхъ черносошныхъ крестьянъ оныхъ ихъ земель и деревенскихъ ихъ участковъ не покупать, и крѣпостей не писать: то отъ тамошней провинціальной канцеляріи были сдѣланы особыя представленія о томъ, что таковой порядокъ поземельнаго владѣнія въ томъ краю соблюдается со многихъ временъ, по особымъ обстоятельствамъ и регионамъ, несравненно съ другими провинціями, и что измѣнять таковаго порядка не надлежитъ. И въ уваженіе сего представленія указомъ правительствующаго сената отъ 8 марта 1753 года предписано прежній указъ отмінить и по старому порядку дозволить свободную продажу и покупку поземельныхъ имѣній крестьянами и посадскими людьми. Этотъ указъ ясно говоритъ, что особые обычаевъ въ поземельномъ владѣніи, соблюдавшихся въ Двинскомъ краю, нельзя относить къ прочимъ краямъ Россіи, что продажа и мѣна поземельныхъ участковъ между крестьянами и даже крестьянъ съ посторонними лицами, безъ отношенія къ общинѣ, принадлежитъ, какъ особенность, только Двинскому краю, и что изъ этой особенности нельзя выводить общихъ законовъ для всей Россіи. Такимъ образомъ самое рѣзкое отличіе средне-вѣковой Русской общины отъ нынѣшней, — продажа земель крестьянами, не было общимъ для всей Россіи, а посему и въ этомъ отношеніи средне-вѣковая общины не отличались отъ нынѣшнихъ.

Г. Чичерина смущаетъ отсутствіе осядлости народонаселенія въ средне-вѣковой Россіи. Это отсутствіе осядлости (въ нынѣшнемъ смыслѣ) представляется ему прямымъ и гласнымъ отрицаніемъ сельскихъ общинъ въ тогдашнее время. Онъ говоритъ: «Что же тутъ было похожего на общинный бытъ нашего времени? въ средне-вѣковой Россіи не было ни осядлости народонаселенія, ни принудительныхъ отношеній.» Но отсутствіе осядлости въ сущности не уничтожало общиннаго быта; свободный переходъ крестьянъ изъ одной волости въ другую не из-

мѣнялъ ихъ общинныхъ отношеній; крестьянинъ, переходя въ другую волость, поступалъ опять въ общину же, а старая община, изъ которой вышелъ крестьянинъ, или только теряла своего члена, или мѣняла одного члена на другого, т. е. въ нее на убылое мѣсто приходилъ новый крестьянинъ. Бывали случаи, что общины, въ слѣдствіе какихъ — либо несчастій, на время вовсе разстроивались; т. е. крестьяне почти всѣ расходились по разнымъ мѣстамъ; но это разстройство общины почти всегда было только временное: при измѣнившихся обстоятельствахъ, по минованіи несчастій, народонаселеніе возвращалось на покинутую землю, и опять устраивалась община, и земли общинныя, захваченныя посторонними владѣльцами въ отсутствіе народонаселенія, при возвращеніи общинниковъ, опять отыскивались. Такъ въ судномъ спискѣ 1498 — 1505 года крестьяне Ликуржской волости говорятъ судѣ: «волость, господине, Ликуржская запусѣла отъ великаго повѣтроя; а тѣ, господинѣ, деревни и пустоши волостныя разоймали бояре и митрополиты, невѣдаемъ которые, за себя, тому лѣтъ съ сорокъ; а волостныхъ, господине, деревень Ликуржскихъ тогда осталась одна шесть деревень съ людьми; и намъ, господине, тогда было не до земель, людей было мало, искати не кому» (Ак. Юрид. N 8). Такимъ образомъ отсутствіе осѣлости является не отрицаніемъ общиннаго быта, а напротивъ свидѣтельствуеть объ особенной силѣ и живучести общинныхъ началъ въ бытѣ средне-вѣковой Россіи. Здѣсь мы ясно видимъ, что община не была связана съ землею, а жила въ характерѣ народа, въ историческомъ развитіи общественной жизни на Руси. Народонаселеніе свободно сходило и расходилось, селилось то на той, то на другой землѣ; но всегда селилось общинами: другого быта, другого образа жизни Русскій народъ не признавалъ и не хотѣлъ признавать.

Замѣтивъ нѣкоторыя значительныя перемѣны въ средне-вѣковой общинѣ на Руси въ XVI столѣтіи, г. Чичеринъ пишетъ: «Съ XV вѣка начали развиваться понятія государственныхныя, и эти новыя начала произвели въ общинѣ коренное измѣненіе. Съ возникновеніемъ государства по-

степенно исчезаетъ прежній чисто владѣльческій и частный характеръ гражданскихъ отношеній. Цари Московскіе не могли уже довольствоваться прежнимъ порядкомъ. Намѣстники и волостели, съ государственной точки зрѣнія, представлялись вовсе негодными для управленія; это были кормленщики, которые съ судопроизводствомъ обращались, какъ съ частною собственностью. Чтобы ограничить ихъ власть, Государи Московскіе прибѣгли къ тѣмъ лицамъ и установленіямъ, которыя менѣе носили на себѣ характеръ частныхъ собственниковъ, — къ общинамъ и дьякамъ. Выборное начало было вызвано наружу; на основаніи царскихъ грамотъ и постановленій избираемые общинами старосты и цѣловальники ограничили власть намѣстниковъ и волостелей, а потомъ во многихъ мѣстахъ и совершенно вытѣснили ихъ, сосредоточивши все управленіе въ своихъ рукахъ.»

Здѣсь, во первыхъ, мы не знаемъ, на какихъ основаніяхъ авторъ говоритъ, что только съ XV вѣка на Руси начали развиваться понятія государственныя, а прежде былъ только чисто владѣльческій и частный характеръ гражданскихъ отношеній. Это мнѣніе высказано послѣдователями родового быта; и г. Чичеринъ, признавшій общину на Руси, по крайней мѣрѣ съ прибытія Варяжскихъ Князей, теперь, принимая мнѣніе, вытекшее изъ началъ, совершенно противоположныхъ общиннымъ началамъ, явно обличаетъ самъ себя въ непослѣдовательности. При общинномъ устройствѣ, чисто владѣльческій частный характеръ гражданскихъ отношеній Князя къ народонаселенію не могъ образоваться; община пригласила или приняла къ себѣ Варяжскихъ Князей, не какъ частныхъ владѣльцевъ, а какъ Государей, и государственныя отношенія между Князьями и общиною никогда не прекращались. Русская исторія не представляетъ никакихъ свидѣтельствъ о такомъ прекращеніи; обратимся ли мы къ исторіи Русскаго законодательства, тамъ встрѣтимъ сыновей и внуковъ Ярослава Великаго, ссылающихъ своихъ мужей и издающихъ законы для всей Россіи; такъ о сыновьяхъ Ярослава въ Русской Правдѣ сказано: «По Ярославѣ же совокунившеся сынове его: Изя-

славъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячъко, Перенѣгъ, Микифоръ Кыянинъ, Чудинъ, Микула и отложиша убіеніе за голову.» и проч. Или тамъ-же о Мономахѣ: «Володимѣръ Всеволодичъ, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора Киевскаго тысячьскаго, Прокопья Бѣлгородскаго тысячьскаго, Станислава Переяславскаго тысячьскаго, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича Ольгова мужа, и уставили до третіею рѣза.» Конечно, ежели бы помянутые здѣсь Князья носили характеръ частныхъ владѣльцевъ собственниковъ, а не Государей; то имъ не зачѣмъ бы было сходиться и сзывать тысячьскихъ разныхъ городовъ и другихъ мужей для изданія общихъ законовъ для всей Россіи, а каждый бы самъ писалъ законы по своему изволенію и только для одной своей области. Въ самыхъ законахъ не было бы мѣста многимъ постановленіямъ, которыя мы встрѣчаемъ въ Русской Правдѣ, ежели бы на Руси Князья были только частные владѣльцы собственники, а не Государи, ежели бы не было государственнаго устройства. На-примѣръ у частныхъ собственниковъ не могло бы образоваться закона о различіи между княжимъ мужемъ и людиномъ, между свободнымъ, рабомъ и закупомъ, — это учрежденія чисто государственныя. Обратимся ли къ событіямъ, записаннымъ въ лѣтописяхъ, тамъ видимъ сѣзды и совѣщанія Князей о Русской землѣ; такъ на примѣръ въ 1097 году, на Любечскомъ сѣздѣ Князья говорятъ: «отселѣ имемъся во едино сердце и блюдемъ Рускыѣ земли.» Или въ 1155 году, въ самый разгаръ междоусобій и разновластиа, Берендѣи говорятъ Юрію: «мы умираемъ за Рускую землю и головы свои складываемъ.» Или подъ 1154 годомъ Вячеславъ, Киевскій Великій Князь, такъ изображаетъ значеніе Князя въ своемъ обращеніи къ Ростиславу: «сыну, се уже въ старости есмь, а рядовъ всѣхъ немогу рядити; а, сыну, даю тобѣ, якоже братъ твой держалъ и рядилъ, такоже и тобѣ даю.» Или въ 1155 году Изяславъ Давыдовичъ говоритъ Юрью Долгорукому: «Ця самъ есмь ѣхалъ Киевѣ? посадили мя Кіяне.» Или въ 1170 году Князья говорятъ на сѣздѣ въ Кіевѣ: «а намъ дай Богъ за крестья-

ны и за Рускую землю головы своѣ сложити и къ мученикомъ причтенomъ быти. » Здѣсь вездѣ впереди стоитъ Русская земля, какъ цѣлое, какъ Государство ; о Русской землѣ совѣщаются Князья, за Рускую землю они желаютъ сложить головы, чтобы быть причтеннымъ къ лику мучениковъ. Самый переходъ Князей изъ одного княжества въ другое и разныя условія этого перехода ясно говорятъ, что характеръ удѣльныхъ Князей былъ чисто государственный ; ибо ежели бы Князья были частные собственники, то они заботились бы только объ увеличеніи своихъ владѣній, а не переходили бы изъ одного княжества въ другое, какъ именно поступали въ тоже время истинные частные собственники, — бояре и дружинники, которые хотя и переходили по службѣ отъ одного Князя къ другому, тѣмъ не менѣе оставались хозяевами своихъ поземельныхъ владѣній, находящихся въ территоріи того Князя, службу котораго они оставляли. Перейдемъ ли ко временамъ Татарскаго владычества, и тамъ дошедшія до насъ договорныя грамоты Князей, изображающія отношенія удѣльныхъ князей къ Великимъ Князьямъ и отношенія Великихъ Князей между собою, ясно говорятъ о государственномъ характерѣ княжеской власти, а не о характерѣ частныхъ владѣльцевъ собственниковъ ; ежели бы Князья всѣ были только частные владѣльцы собственники, то отношенія ихъ были бы равны, а въ грамотахъ мы встрѣчаемъ большое различіе въ отношеніяхъ Великихъ Князей другъ къ другу и въ отношеніяхъ Великихъ Князей къ удѣльнымъ Князьямъ ; и различіе сихъ отношеній зависѣло не отъ силы того или другаго Князя, а отъ значенія Великихъ Князей и удѣльныхъ Князей. Такъ на примѣръ, Великіе Князья въ своихъ договорахъ съ удѣльными постоянно выставляютъ условіе : « а тобѣ брату моему младшему держати поло мною и подѣ моими дѣтми княженіе мое великое честно и грозно, а служити ти мнѣ безъ ослушанья. » Въ договорахъ же между Великими Князьями на оборотъ вездѣ выставляется условіе : « а вотчины вы мое блюсти, а не обидѣти ; а мнѣ вашіе вотчины блюсти, а не обидѣти. » О безослушной же службѣ ибѣтъ и помину.

Самая покупка Князьями поземельныхъ имѣній у своихъ же подданныхъ, засвидѣтельствованная грамотами, свидѣтельствуесть, что Князья Русскіе были Государи, а не частные владѣльцы; на тоже указываетъ и постоянное условіе въ договорныхъ грамотахъ, — чтобы одному Князю не покупать поземельныхъ имѣній во владѣніяхъ другого Князя. Въ XV вѣкѣ дѣйствительно послѣдовала важная перемѣна въ государственномъ устройствѣ на Руси; но эта перемѣна состояла не въ томъ, что будто бы съ этого только времени у насъ начали развиваться понятія государственныя, а въ томъ, что удѣльное разновластіе замѣнилось единодержавіемъ Московскихъ Государей.

Во вторыхъ, Царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ замѣнить по всей Россіи власть намѣстниковъ и волостелей властію выборныхъ старостъ и излюбленныхъ головъ и судей, отнюдь не потому, чтобы намѣстники и волостели съ государственной точки зрѣнія были вовсе негодными для управленія, какъ думаетъ г. Чичеринъ. Главная цѣль Царя Ивана Васильевича здѣсь состояла въ томъ, чтобы ослабить Московскую аристократію, чтобы лишить бояръ того прежняго значенія, которое уже было несогласно съ развитіемъ великокняжеской власти, чтобы они болѣе не считали себя держателями Русской земли, какими были при Димитріѣ Донскомъ, какъ засвидѣтельствовано его духовною грамотою, помѣщенной въ Никоновской лѣтописи, и чтобы доказать имъ, что онъ и безъ ихъ содѣйствія можетъ держать Русскую землю, что они въ настоящее время не больше, какъ его слуги. И когда онъ достигъ сей цѣли и все сословіе боярства называлъ официально дворянами, т. е. служилыми людьми, когда съ 1566 года Князья и бояре сами въ официальныхъ бумагахъ стали писаться *государевыми дворянами*; то въ слѣдъ за симъ онъ уничтожилъ и *опричину* (учрежденную имъ же для ослабленія бояръ) и съ тѣмъ вмѣстѣ пересталъ настаивать, чтобы выборные головы и старосты вездѣ замѣняли намѣстниковъ и волостелей, и оставилъ на произволъ самихъ городскихъ и сельскихъ общинъ, управляться имъ исключительно одними старостами и излюбленными головами, или держать по

прежнему государевыхъ намѣстниковъ и волостелей, что и продолжалось до конца XVII вѣка; такъ что мы постоянно встрѣчаемъ челобитныя отъ городовъ и волостей, въ которыхъ общины то просятъ, чтобы Государь дозволилъ имъ управляться и судиться выборными старостами и излюбленными головами, то на оборотъ быють челомъ объ отмѣнѣ излюбленныхъ головъ и о назначеніи государевыхъ намѣстниковъ и волостелей. И по челобитьямъ общинъ, правительство или дозволяло имъ управляться выборными начальниками, или назначало своихъ намѣстниковъ и волостелей. Конечно, ежели бы намѣстники и волостели дѣйствительно были негодны для управленія съ государственной точки зрѣнія; то ни правительство, разъ отмѣнивши ихъ, не стало бы возобновлять негоднаго учрежденія, ни общины не стали бы просить о назначеніи намѣстниковъ и волостелей, разъ освободившись отъ нихъ. Явно, что причиною временнаго отмѣненія намѣстниковъ и волостелей, при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, не была негодность этого правительственнаго учрежденія.

Должно замѣтить, что г. Чичеринъ въ продолженіи своего обзора постоянно называетъ намѣстниковъ и волостелей кормленщиками, которые съ судопроизводствомъ обращались, какъ съ частною собственностію. Что намѣстники и волостели были кормленщики, это правда, — должно-сти сіи дѣйствительно давались въ награду за службу и прямо назывались кормленьемъ; но чтобы намѣстники и волостели по закону обращались съ судопроизводствомъ, какъ съ частною собственностію, это несправедливо и не имѣетъ за себя никакихъ историческихъ данныхъ. Между намѣстниками и волостелями бывали иногда люди и худые, и недобросовѣстные, которые свою должность обращали въ доходную статью, грабили и утѣсняли народъ; но гдѣ же и при какихъ учрежденіяхъ не бываетъ злоупотребленій? Только дѣло въ томъ, что злоупотребленія лицъ свидѣлствуютъ не о негодности учреждений, а о негодныхъ лицахъ. Жалобы на намѣстниковъ и волостелей, дошедшія до насъ отъ древности, служатъ лучшимъ доказательствомъ, что правительство назначало намѣ-

стниковъ и волостелей не для притѣсненій, а для суда и управы; ибо въ противномъ случаѣ жалобамъ не было бы мѣста, онѣ не удовлетворялись бы правительствомъ, правительство по жалобамъ не судило бы, не смѣняло и не наказывало намѣстниковъ и волостелей, злоупотреблявшихъ своею властію. А всего менѣе можно сказать, чтобы правительство давало намѣстникамъ и волостелямъ неограниченную власть и позволяло имъ обращаться съ судопроизводствомъ, какъ съ частною собственностію. Русскій законъ всегда высоко ставилъ судъ и правду и ограждалъ ихъ отъ произвола судьи и правителя. Еще по закону Русской Правды съ точностію были опредѣлены всѣ судебныя пошлины отъ разнаго рода дѣлъ, всѣ доходы княжихъ мужей и отроковъ, присылаемыхъ для суда и управы; таже точность и опредѣленность въ назначеніи доходовъ княжимъ мужамъ на судѣ и ихъ служителямъ соблюдается и въ послѣдующихъ узаконеніяхъ въ Псковской судной грамотѣ, въ Новгородской Двинской, въ Судебникахъ и разныхъ уставныхъ грамотахъ; стоитъ припомнить особые уроки вирнику, метельнику, княжему отроку, особые уроки отъ головы, отъ свободы, отъ бартные земли, отъ ролейные, отъ правой грамоты, отъ безсудной, хоженое, пожелѣзное, и подоб. Люди, посланные намѣстникомъ и волостелемъ для позыва въ судъ, не могли брать подсудимаго самовольно, а объявляли о томъ общинѣ, въ которой живетъ подсудимый, и отдавали его на поруки. Въ самомъ судѣ намѣстниковъ и ихъ тиуновъ всегда присутствовали судные мужи, выбираемые тѣми общинами къ которымъ принадлежали подсудимые: ни намѣстникъ, ни волостель, ни ихъ тиуны не могли производить суда безъ выборныхъ судныхъ мужей: объ этомъ свидѣлствуютъ, какъ древніе законодательные памятники, такъ и всѣ правыя и судныя грамоты, дошедшія до насъ; даже въ Судебникѣ 1497 года сказано: «А бояромъ или дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленье съ судомъ съ боярскимъ, и имъ судити, а на судѣ у нихъ быти дворскому, и старостѣ, и лучшимъ людямъ; а безъ дворскаго и безъ старосты и безъ лучшихъ людей суда намѣстникомъ и волостелемъ не судити.» Такимъ образомъ

судъ намѣстниковъ и волостелей никакъ нельзя признать судомъ произвольнымъ и неограниченнымъ; и тѣмъ болѣе нельзя допустить, чтобы намѣстники и волостели по закону, по смыслу ихъ учрежденія, обращались съ судомъ производствомъ, какъ съ частною собственностію.

Самое назначеніе намѣстникамъ и волостелямъ кормленія отъ уѣздовъ и волостей нисколько не предполагало особеннаго притѣсненія сихъ послѣднихъ; они намѣстничьи и волостелиныя кормы платили вмѣстѣ съ государственнымъ податями, по общиннымъ мирскимъ разрубамъ и разметамъ, на основаніи уставныхъ грамотъ и по общимъ переписнымъ окладнымъ книгамъ, гдѣ ясно и опредѣленно изображалось, сколько съ сохи или съ выти брать въ государеву казну и сколько въ намѣстничъ или волостелинъ кормъ; такъ въ Новгородской переписной окладной книгѣ 1500 года намѣстничъ кормъ, при описаніи деревень, опредѣляется вездѣ съ точностію рядомъ съ государевымъ оброкомъ; на примѣръ: «*Деревня Коргово а великаго Князя оброку на ту деревню положено деньгами и за хлѣбъ, три гривны, oprичъ obeжныe дани. А кормъ намѣстничъ положенъ съ полутретьядцати obeжъ, и съ тоe деревни корму намѣстнику и съ тиуномъ и съ доводчикомъ, съ дву obeжъ въ годъ, на три праздника, полдевяты деньги.*» Или: «*деревня на Пескахъ, деревня Весь на Песоцкой рѣцѣ*». А великаго Князя оброку на тоe деревню положено деньгами, и за хлѣбъ, и за хмѣль, и за мѣлкій доходъ, три рубли и тридцать гривенъ, oprичъ obeжныe дани. А намѣстничъ кормъ положенъ съ полутретьядцати obeжъ; и съ тѣхъ деревень съ десяти obeжъ корму намѣстнику и съ тиуномъ въ годъ, на три праздника, три гривны да полденьги» (*). И такая опредѣленность и точность въ назначеніи намѣстничьихъ доходовъ соблюдалась не въ одномъ Новгородскомъ краю, но и во всѣхъ другихъ областяхъ; я здѣсь привелъ образчикъ опредѣленія намѣстничьихъ доходовъ по Новгородской книгѣ, потому что она уже напечатана; но въ вотчинномъ архивѣ можно видѣть десятки переписныхъ окладныхъ

(*) Временникъ 11.

книгъ Московскихъ, Тверскихъ, Рязанскихъ и другихъ, въ которыхъ съ такою же точностію опредѣлены намѣстничьи доходы, какъ и въ приведенной Новгородской книгѣ. Такимъ образомъ намѣстничьи доходы, большіе или малые, насколько не зависѣли отъ произвола намѣстниковъ. И г. Чичеринъ напрасно думаетъ, что общины въ древности были безотвѣтны передъ намѣстниками и волостелями; мы уже видѣли, какъ законъ охранялъ права общинъ и ограничивалъ власть намѣстниковъ и волостелей, а исторія свидѣтельствуетъ, что общины не неумѣли и пользоваться правами, предоставляемыми закономъ, и даже иногда черезчуръ; до насъ дошли извѣстія не только о жалобахъ общинъ на намѣстниковъ и волостелей, но и о жалобахъ намѣстниковъ и волостелей на общины. Стоитъ припомнить только, что Царь Иванъ Васильевичъ въ 1555 году, при учрежденіи губныхъ старостъ, жалуясь на намѣстниковъ и волостелей, въ то же время говоритъ: «такоежъ тѣхъ городовъ горожане и волостей мужики многія коварства и убивства людемъ содѣлаша, и какъ сойдутъ намѣстники и волостели съ кормленья, и мужики многими искы отыскиваютъ.... и многіе намѣстники и волостели и стараго своего стяжанія лишипаса, живого и вотчины избыша». Напрасно также думаетъ авторъ, что выборное начало было вызвано наружу Государями Московскими въ XV вѣкѣ, начало не скрывалось на Руси и прежде; о выборныхъ старостахъ и сотскихъ и другихъ официальныхъ лицахъ мы имѣемъ прямые извѣстія еще въ первой половинѣ XII вѣка: на примѣръ, въ грамотѣ Всеволода Мстиславича и въ лѣтописяхъ. Неправильно также думаетъ г. Чичеринъ, что Царь Иванъ Васильевичъ, передавая власть суда и управы излюбленнымъ головамъ и выборнымъ старостамъ, имѣлъ въ виду ограниченіе власти намѣстниковъ и волостелей; здѣсь дѣло шло не объ ограниченіи власти намѣстниковъ, а о замѣщеніи одной власти другою; власть намѣстниковъ и волостелей, какъ мы уже видѣли, была ограничена прежде; а Царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ совершенно передать эту власть излюбленнымъ головамъ и старостамъ.

Переходя къ обзору состоянія общины въ XVII столѣтіи, г. Чичеринъ пишетъ : «общины далеко не удовлетворяли всѣмъ потребностямъ Государства, и центральная власть не могла найти въ нихъ хорошихъ органовъ управленія; онѣ были слишкомъ разрознены и частію слишкомъ удалены отъ центра, да и притомъ не заключали въ себѣ всего народонаселенія, ибо въ нихъ не входили владѣльцы бѣлыхъ земель и ихъ крестьяне.... Въ XVII вѣкѣ, послѣ смутнаго времени былъ сдѣланъ новый шагъ въ устройствѣ администраціи; надъ разрозненными общинными властями.... поставлены были правители, которые должны были служить непосредственными органами верховной власти. Таковы были воеводы, которымъ вручена была вся правительственная власть въ уѣздѣ.» Мы здѣсь не будемъ толковать съ г. Чичеринымъ о томъ, удовлетворяли ли общины всѣмъ потребностямъ Государства, исторія общинъ въ XVII столѣтіи сама говоритъ въ ихъ пользу; ибо ежели по исторіи извѣстно, что въ продолженіи всего XVII вѣка правительство не препятствовало общинамъ управляться своими выборными начальниками, ежели сами общины находили это для себя нужнымъ, то стало быть общины удовлетворяли государственнымъ потребностямъ, по признанію самаго правительства. Но не мѣшаетъ пересмотрѣть то, что г. Чичеринъ ставитъ въ порокъ общинамъ. Онъ во 1-хъ говоритъ : «что общины были слишкомъ разрознены». Это выраженіе поставлено авторомъ безъ всякаго значенія и доказательствъ, основанныхъ на историческихъ данныхъ; следовательно ничего не утверждаетъ и не отрицаетъ. Во 2-хъ по его словамъ : «общины были частію слишкомъ удалены отъ центра». Это значить, что Холмогорская или Важская община слишкомъ далеко стояли отъ Москвы, гдѣ находилось центральное управленіе; но развѣ воевода, посаженный въ Холмогорахъ или на Вагѣ, былъ ближе къ Москвѣ, чѣмъ излюбленный голова или староста, выбранный Холмогорскою или Важскою общиною? Въ 3-хъ авторъ ставитъ въ вину общинамъ то, что «онѣ не заключали въ себѣ всего народонаселенія, ибо въ нихъ не входили владѣльцы бѣлыхъ земель и ихъ крестьяне.» Дѣйствительно, общины

имѣли бы въ себѣ важный недостатокъ относительно управленія, ежели бы не заключали въ себѣ всего народонаселенія; но исторія не находитъ этого важнаго недостатка въ Русскихъ общинахъ. По свидѣтельству дошедшихъ до насъ памятниковъ, наши общины обнимали все народонаселеніе безъ исключенія; вотъ для доказательства начало одной челобитной, присланной отъ Дмитровской общины къ Царю Михаилу Федоровичу въ 1639 году: «Бьютъ челомъ изъ Дмитрова съ посаду и Дмитровскаго уѣзду нишіе твои Государевы богомольцы архимариты и игумены и протопопы и попы и дьяконы, и холопи твои Государевы, дворяне и дѣти боярскіе, и сироты твои Государевы посадскіе и уѣздные. всякихъ чиновъ люди. Прже сего были, Государь, въ Дмитровѣ воеводы, и въ прошломъ, Государь, во 146 году били мы челомъ тебѣ, Государю, чтобъ воеводамъ въ Дмитровѣ небыть, а чтобъ быти въ Дмитровѣ одному губному старостѣ». и проч. (Времен. кн. 4) Здѣсь мы ясно видимъ, что общину составляли и духовенство, и дворянство, и посадскіе, и уѣздные всякихъ чиновъ люди, слѣдовательно все народонаселеніе, и всѣ они принимали участіе въ дѣлахъ, касающихся до цѣлой общины. Такимъ образомъ три недостатка, по словамъ г. Чичерина, побудившіе правительство перемѣнить общинное управленіе на воеводское, въ древнихъ Русскихъ общинахъ на лицѣ не оказались. Да и на дѣлѣ, какъ мы уже видѣли, не было перемѣны общинныхъ властей на воеводъ, предполагаемой г. Чичеринымъ, и было оставлено на произволъ общинъ управляться или своими выборными начальниками, или воеводами.

Теперь перейдемъ къ учрежденію воеводскаго управленія. Г. Чичеринъ пишетъ, что воеводы были учреждены въ XVII столѣтіи, послѣ смутнаго времени; но такое показаніе явно противорѣчитъ памятникамъ. Историческіе памятники относятъ учрежденіе воеводъ къ XVI столѣтію и, кажется, именно къ царствованію Ивана Васильевича; такъ въ первомъ томѣ историческихъ актовъ, подъ 1581 годомъ, мы встрѣчаемъ Нижегородскаго воеводу Сабурова (№ 209), и подъ 1591 годомъ Астраханскихъ воеводъ, Князя Сицкаго и Пушкина (№ 230), а по разряднымъ книгамъ находимъ

воеводъ почти по всѣмъ городамъ въ 1576 году и въ послѣдующіе годы. Конечно это уже не частная попытка, а общее учрежденіе. Относительно опредѣленія власти воеводъ и ихъ отношеній къ общиннымъ властямъ, авторъ говоритъ: «Московское Государство не знало еще точности и опредѣленности юридическихъ отношеній; стремясь къ водворенію порядка, къ организаціи управленія, оно дѣйствовало безъ общей системы, частными мѣрами и распоряженіями, нерѣдко приходившими въ столкновеніе другъ съ другомъ и производившими страшную запутанность въ администраціи. При рациональномъ устроеніи общинъ, надо бы было прежде всего обратить вниманіе на различіе между общинами городскими и сельскими, между черными, дворцовыми и владѣльческими. А вмѣсто того права даровались имъ безразлично и притомъ не всѣмъ вообще, а порознь и какъ попало. Точно также, когда были введены воеводы, отношенія ихъ къ общинамъ остались неопредѣленными.... Слѣдствіемъ такой неопредѣленности было, разумѣется, то, что сильнѣйшая власть поглотила слабѣйшую. Дѣйствительно, въ XVII столѣтіи общины стоятъ на заднемъ планѣ и управленіе ихъ подавляется управленіемъ воеводскимъ. Гражданскій судъ цѣликомъ перешелъ въ руки воеводъ; о прежнихъ старостахъ и цѣловальникахъ не было уже и помину». Здѣсь во 1-хъ авторъ обвиняетъ Московское правительство XVII вѣка въ безпорядкахъ управленія, въ какой-то странной запутанности администраціи; конечно это слѣдовало бы подтвердить свидетельствами достовѣрныхъ памятниковъ, но свидѣтельствъ не представлено, а посему настоящія обвиненія остаются однѣми фразами, на которыя не слѣдуетъ и отвѣчать. Во 2-хъ авторъ обвиняетъ Московское правительство въ томъ, что оно не дѣлало различія между общинами городскими и сельскими, между черными, дворцовыми и владѣльческими, на что прежде всего слѣдовало бы обратить вниманіе, при рациональномъ устройствѣ общинъ. Но на дѣлѣ Московское правительство не только въ XVII столѣтіи, но и прежде обращало вниманіе на это различіе, сколько это было нужно; относительно сего мы имѣемъ множество старинныхъ

свидѣтельствъ администраціи; самое уже раздѣленіе общинъ и ихъ земель на сохи городскія, уѣздныя, вотчинничьи, дворцовыя, монастырскія и черныя, ясно показываетъ, что различіе общинъ постоянно имѣлось въ виду у Московскаго правительства. Что же касается до рациональнаго устройства общинъ, то очевидно здѣсь г. Чичеринъ промолвился: государства вездѣ въ своемъ устройствѣ развиваются исторически; данныя для устройства и смыслъ самаго устройства даетъ жизнь, исторія, а не теорія. Въ 3-хъ авторъ обвиняетъ старую Московскую администрацію въ томъ, что въ ней будто бы не были опредѣлены отношенія воеводъ къ общинамъ. Это обвиненіе не имѣетъ для своего подтвержденія никакихъ данныхъ; Русская исторія свидѣлствуетъ напротивъ, что отношенія сіи опредѣлялись и особыми уставными грамотами, и другими общими узаконеніями, и наказами воеводамъ, которыхъ мы имѣемъ довольно уже напечатанными въ разныхъ изданіяхъ. Въ 4-хъ наконецъ авторъ утверждаетъ, что общинная власть въ XVII вѣкѣ подавляется воеводскимъ управленіемъ; а между тѣмъ самъ же упоминаетъ о челобитѣ Вятскаго старосты въ 1686 году, который просилъ, чтобы въ городѣ и уѣздѣ разлавать тяглыя земли не изъ приказной, а изъ земской избы; слѣдовательно самъ же прямо отрицаетъ свое прежнее показаніе. Если общины имѣли свою особую земскую избы, состоящую въ вѣдѣніи старостъ и цѣловальниковъ, и дѣйствовали здѣсь независимо отъ воеводъ по дѣламъ, собственно касающимся общины и подлежащимъ ея вѣдѣнію, то слѣдовательно общины еще не были подавлены воеводскимъ управленіемъ. Кромѣ того мы имѣемъ и другія прямые указанія, что въ продолженіе XVII вѣка общины по прежнему принимали сильное участіе въ дѣлахъ управленія и суда надъ своими членами; хотя иногда на время и дѣлались попытки къ ихъ устраненію отъ нѣкоторыхъ дѣлъ, но попытки сіи большею частію оканчивались тѣмъ, что правительство обращалось къ прежнему порядку. Такъ въ указѣ 1684 года отъ 18 февраля предписывается, чтобы по всѣмъ городамъ быть губнымъ старостамъ, и вѣдать всякія губныя дѣла по прежнему, а воеводамъ тѣхъ дѣлъ

не вѣдать, и о выборѣ губныхъ старостъ послать великихъ Государей грамоты (П. С. З. № 1062). А въ писцовомъ наказѣ того же года говорится, что «губные старосты по челобитьямъ отмежевывали земли изъ дикихъ полъ.»

Отношеніемъ власти воеводъ къ общинамъ г. Чичеринъ оканчиваетъ свою первую статью о сельскихъ общинахъ въ Россіи. Предлагаемый здѣсь разборъ ясно показываетъ, на сколько эта статья согласна съ данными, представляемыми Русскою исторіею; теперь обратимся ко второй статьѣ.

Во второй статьѣ г. Чичеринъ, утверждая, что отдѣленіе и обособленіе городовъ отъ селъ началось съ XVII вѣка, говоритъ: «стремленіе къ устройству и къ обособленію городовъ выразилось въ первый разъ въ указѣ 1648 года, подтвержденномъ въ Уложеніи. Этимъ указомъ частныя имѣнія, лежавшія внутри и около городовъ, были отобраны въ казну и присоединены къ тяглымъ землямъ; владѣльцевъ же велѣно было вознаградить изъ другихъ земель. Кромѣ того владѣніе тяглыми участками и производство городскихъ промысловъ предоставлены были исключительно тяглымъ посадскимъ людямъ. Этимъ городская земля была округлена и отдѣлена отъ другихъ; жители получили отдѣльныя опредѣленныя сословныя права.» Дѣйствительно, указомъ 1648 года были сдѣланы распоряженія, указанныя г. Чичеринымъ; но дѣло въ томъ, что распоряженія сіи были не новостью, что онѣ существовали уже въ XVI столѣтіи и даже прежде; самый указъ 1648 года былъ издавъ почелобитію всѣхъ людей Московскаго Государства: «чтобы Государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ учинить въ Московскомъ Государствѣ по прежнему, какъ было при прежнихъ Государехъ, блаженныя памяти при Государѣ Царѣ и Вел. Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Русіи, чтобъ на Москвѣ, и около Москвы, и въ городѣхъ на посадахъ, и около посадовъ въ слободахъ торговыхъ людей, крестьянъ и бобылей, и закладчиковъ, и откупщиковъ опричь его Государевыхъ торговыхъ людей, нигдѣ ни чьихъ не было» (А. Ар. Эк. Т. IV. стр. 52). Такимъ образомъ указъ, приведенный г. Чичеринымъ, опровергаетъ его же мнѣніе и прямо свидѣтельствуетъ, что еще въ XVI вѣкѣ города были рѣзко отдѣлены отъ уѣздныхъ земель.

Далѣе г. Чичеринъ говоритъ: «Важнѣйшимъ шагомъ для отдѣленія городовъ отъ селъ и для устройства самостоятельности городскихъ общинъ былъ указъ 1681 года, о введеніи стрѣлцкой подати. Она была наложена на всѣ тяглые города, на дворцовые города и слободы поморскихъ городовъ и на Олонецкій уѣздъ. Всѣ же владѣльческіе крестьяне, помѣщичьи, церковные, дворцовые и бывшіе черные, были въ замѣтъ этого обложены ямскими и полонянничными деньгами. Сборъ стрѣлцкой подати былъ предоставленъ исключительно земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, для раскладки же выбирались въ каждомъ посадѣ и въ каждой волости особенные выборные люди.» Здѣсь во 1-хъ слѣдуетъ замѣтить, что приводимый г. Чичеринымъ указъ 1681 года говоритъ не о введеніи стрѣлцкой подати, извѣстіе о ней мы встрѣчаемъ еще при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, а самое учрежденіе вѣроятно было и раньше; настоящій же указъ гласитъ только о новой раскладкѣ этой подати по тогдашнимъ (188 года) переписнымъ книгамъ, и по разчету сдѣланному въ стрѣлцкомъ приказѣ, по которому требовалось на раздачу жалованья стрѣльцамъ и ихъ начальникамъ всего 107,227 рублей. (Ак. Ар. эк. Т. IV. стр. 347). Во 2-хъ стрѣлцкая подать въ этомъ указѣ была разложена не на всѣ тяглые города, какъ пишетъ г. Чичеринъ; въ указѣ прямо сказано: «которые города и уѣзды сборомъ вѣдомы въ Стрѣлцкомъ приказѣ, и въ приказѣ жъ Большаго и Казанскаго дворцовъ.» И притомъ подать эту платили не одни городскіе жители, но и уѣздные, какъ прямо свидѣтельствуется указъ: «А стрѣлцкія деньги въ городѣхъ, на посадѣхъ и въ уѣздѣхъ, по окладу выборныхъ окладчиковъ, собирать сполна на посадскихъ и на уѣздныхъ людяхъ. Слѣдовательно въ этомъ указѣ незамѣтно никакого, не только важнѣйшаго, шага для отдѣленія городовъ отъ селъ. Въ 3-хъ предоставленіе сбора стрѣлцкой подати земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ и выборъ въ каждомъ городѣ и волости особыхъ людей для раскладки, вовсе, не составляютъ новости, будто бы введенной симъ указомъ: самъ же г. Чичеринъ въ первой своей статьѣ говоритъ, что община завѣдывала рас-

кладкою и сборомъ податей, даже прежде XVI вѣка, о томъ же свидѣлствуютъ разныя древнія грамоты и узаконенія и между прочимъ Судебникъ 1550 года; въ немъ въ 72 статьѣ прямо сказано: «А разметныя книги старостамъ и сотскимъ и десятскимъ, и всѣмъ людямъ тѣхъ городовъ, своихъ розметовъ, дьяка руку за своими руками, ежегодно присылати на Москву.» Указъ 1681 года только требуетъ, чтобы стрѣлечкую подать разкладывать особо отъ другихъ податей: «А буде съ котораго городу, сверхъ стрѣлечкихъ денегъ, есть иные какіе поборы и мирскіе ихъ расходы; и для тѣхъ ихъ особыхъ поборовъ и мирскихъ расходовъ въ городѣхъ посадскіе люди чинили бѣ оклады и розверстку межъ себя особую, а къ окладу стрѣлечкихъ денегъ не прикладывали.» Явно, что настоящій указъ заботился только объ отдѣленіи стрѣлечкой подати отъ другихъ податей, а не объ отдѣленіи городовъ отъ селъ, которые уже издревле были отдѣлены и закономъ, и жизнію.

Обращаясь отъ городовъ къ волостямъ, г. Чичеринъ говоритъ: «Еще до Петра Великаго, черныя волости совершенно слились съ дворцовыми имѣніями. Когда съ развитіемъ государства образовалась обширная помѣстная система, черныя волости безпрестанно раздавались въ помѣстья; такъ что въ половинѣ XVII вѣка онѣ заключали въ себѣ уже не болѣе 20,000 дворовъ (по свидѣтельству Котошихина). Государство въ своемъ развитіи опиралось преимущественно на владѣльческіе элементы, съ расширеніемъ которыхъ черныя волости болѣе и болѣе стѣснялись и теряли всякую самостоятельность, пока онѣ не смѣшались совершенно съ дворцовыми селами. Первымъ шагомъ къ этому сліянію было назначеніе въ черныя волости приказщиковъ; вторымъ шагомъ было подчиненіе черныхъ волостей приказу Большаго Дворца. Въ Уложеніи черные крестьяне уже совершенно смѣшиваются съ дворцовыми. Названіе черныхъ волостей еще сохранилось, но крестьяне называются уже дворцовыми.» Дѣйствительно, по свидѣтельству Уложенія, въ XVII вѣкѣ Государевы дворцовыя села и черныя волости раздавались боярамъ и окольничимъ и всякихъ чиновъ служилымъ людямъ въ помѣстья и вотчины (глав.

XVI. стат. 46). Даже продавались отъ казны, и въ Уложеніи назначена продажная цѣна: «а порожнія земли за рубль по три четверти въ полѣ, а въ дву потонужь. А дворцовыя земли по двѣ четверти за рубль добрые и средніе и худые земли не одобрявая.» (глав. XVII. стат. 45.) Таковая раздача черныхъ земель въ помѣстья и продажа ихъ въ вотчины, конечно, должны были значительно убавить количество черныхъ свободныхъ земель; но эта убавка черныхъ волостей ни коимъ образомъ не могла дойти до 20,000 дворовъ, какъ свидѣтельствуемъ Котошихинъ, который, будучи только подъячимъ Посольскаго приказа, не могъ имѣть вѣрныхъ статистическихъ свѣдѣній о числѣ дворовъ въ черныхъ волостяхъ по всей Россіи, и явно писалъ объ этомъ предметѣ на обумъ; даже редакторы его книги замѣтили, что XI глава, гдѣ помѣщено это извѣстіе, особенно неудовлетворительна. Не должно забывать, что раздавались въ помѣстья и продавались въ вотчины только опредѣленные къ тому земли, состоящія въ вѣдѣніи Помѣстнаго приказа; челобитчики подавали прошеніе въ Разрядный приказъ, гдѣ, по учиненіи справки объ ихъ службѣ, назначалось количество четвертей въ помѣстье или вотчину, и таковое назначеніе изъ Разряда отсылалось въ Помѣстный приказъ, гдѣ, по справкѣ о имѣющихся пустующихъ помѣстныхъ или вотчинныхъ земляхъ, и отдавалось челобитчику назначенное Разрядомъ количество четвертей. Къ раздачѣ же черныхъ или дворцовыхъ земель правительство прибѣгало только тогда, когда въ Помѣстномъ приказѣ не оказывалось свободныхъ земель, или когда въ Дворцовомъ приказѣ оказывались лишнія пустующія земли, не приносящія казнѣ дохода, или дикія поля, и когда были на нихъ челобитчики. Въ Уложеніи сказано: «А оброчныхъ земель и бортныхъ ухажавъ оброчныхъ же въ помѣстье не давать никому. А будетъ который помѣщикъ приищетъ гдѣ пустые озера, или въ рѣкахъ рыбныя ловли порожніе, а не помѣстные и вотчинныя и оброчныя; и учнетъ о тѣхъ водахъ бити челомъ Государю въ помѣстье за четвертную пашню, и такія воды всякимъ помѣщикамъ отдавать въ помѣстье за четвертную пашню по разсмотрѣнію.» (глав.

XVII. ст. 35. 36.) Продавались же казною земли, именно пустующія, не имѣющія хозяевъ, порожнія; такъ въ Уложениі сказано: «указали порожнія земли въ Московскомъ уѣздѣ продавать.... Да и въ иныхъ городѣхъ, будетъ кто приищеть помѣстные пустые земли, которыя лежатъ въ порожнихъ земляхъ изъ давнихъ лѣтъ, въ помѣстье ихъ никто не возметъ; и тѣ земли продавати въ вотчину.» (Глав. XVII. стат. 45, 47.) Все это ясно показываетъ, что черныя земли не раздавались въ помѣстья безпрестанно, какъ то утверждаетъ г. Чичеринъ; здѣсь самостоятельность черныхъ волостей нисколько не стѣснялась, черныя волости оставались неприкосновенными, и только пустующія ихъ земли продавались или отдавались въ помѣстья. Г. Чичеринъ говоритъ, что черныя волости постепенно слились съ дворцовыми и, какъ на первый шагъ къ такому слитію, указываетъ на назначеніе въ черныя волости прикащиковъ, т. е. людей, назначаемыхъ для управленія отъ правительства; но отъ правительства и прежде назначались люди для управленія черными волостями, таковы были волостели и становщики; прикащики именно заступили ихъ мѣсто, какъ воеводы заступили мѣсто намѣстниковъ. А посему, ежели г. Чичеринъ на волостелей и становщиковъ не указывалъ, какъ на шагъ къ слитію черныхъ волостей съ дворцовыми, то нѣтъ причинъ указывать и на прикащиковъ, и тѣмъ болѣе, что, какъ при волостеляхъ и становщикахъ были выборные отъ волостей свои управители; — старосты и сотскіе, точно также они были и при прикащикахъ. Такъ въ наказѣ 1612 года прямо сказано: «А прикащику и старостамъ и цѣловальникамъ на Олонцѣ и въ Заонежскихъ погостѣхъ давати на оброкъ крестьянамъ пустые выти.... А старость и цѣловальниковъ велѣти выбирать крестьяномъ встѣмъ.... а кого выберутъ и на тѣхъ людей имати выборные и излюбленные списки.» (Доп. къ Ак. ист. П. I. № 167.) Или въ сыщиковомъ наказѣ 1683 года говорится: «Впредь прикащикамъ и старостамъ бѣглыхъ крестьянъ не принимать.» (Пол. Соб. 3 ак. № 989.) Или въ приговорѣ боярскомъ того же года о посылкѣ межевщиковъ: «А которые приказчики будутъ въ отъѣздѣ,

и имъ (межевщикамъ) имать старость и цѣловальниковъ и выборныхъ крестьянъ, кому въ межевомъ дѣлѣ вѣрятъ.» (тамъ же № 1005.) А Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что приказчики бывали не во всѣхъ черныхъ волостяхъ, что инныя волости управлялись одними выборными людьми. «А въ инныхъ царскихъ черныхъ волостяхъ, гдѣ приказчиковъ не бываетъ, учинены судейки, человекъ съ десять, выборные люди, тѣхъ волостей крестьяне: и судятся межъ себя по царскимъ грамотамъ и безъ грамотъ.» (Коших. стр. 113.) Ясно, что черныя волости были въ томъ же положеніи въ отношеніи къ управленію при прикащикахъ, въ какомъ онѣ были при волостеляхъ и становщикахъ.

Вторымъ шагомъ къ слитію черныхъ волостей съ дворцовыми г. Чичеринъ называетъ — подчиненіе черныхъ волостей приказу Большаго дворца. Но это подчиненіе въ сущности отнюдь не указываетъ на шагъ къ слитію черныхъ земель съ дворцовыми, а напротивъ, причина такого подчиненія скрывается въ желаніи только отдѣлить по управленію черныя земли, какъ государственныя, отъ частныхъ земель, вотчинныхъ и помѣстныхъ. Когда учреждены были особые приказы для разныхъ вѣдомствъ, и когда для управленія вотчинныхъ и помѣстныхъ земель учреждено было особое вѣдомство, — Помѣстный приказъ; то естественно было и для черныхъ земель учредить особый приказъ, и таковымъ былъ приказъ Большаго Дворца. Но подчиненіе черныхъ земель Дворцовому приказу не уничтожило ихъ прежняго характера, онѣ по прежнему остались черными землями и не слились съ дворцовыми, и въ продолженіи не только XVII, но и въ XVIII столѣтіи, черныя земли постоянно называются черными, а дворцовыя дворцовыми, и даже въ книгахъ сошнаго письма постоянно имѣютъ особую раскладку и мѣру отъ дворцовыхъ земель; такъ: въ книгѣ сошнаго письма 1629 года черныя сохи состоятъ изъ 500 четвертей въ доброй землѣ, изъ 600 въ средней и изъ 700 въ худой землѣ: а дворцовыя сохи въ 600 четвертей доброй земли, въ 700 средней и въ 800 худой земли. Такимъ образомъ, по прямому свидѣтельству книгъ сошнаго письма, черныя волости съ подчинені-

емъ Дворцовому приказу не слились съ дворцовыми землями, а остались при прежнемъ своемъ значеніи; ибо и въ XVI столѣтіи черныя сохи были не менѣе 500 четвертей и не болѣе 700 четвертей.

Далѣе авторъ говоритъ: «Окончательное сліяніе черныхъ сельскихъ общинъ съ другими сельскими общинами принадлежитъ уже къ XVIII столѣтію. При Петрѣ Великомъ, въ средней Россіи находились уже однѣ владѣльческія села, раздѣлявшіяся на дворцовыя, церковныя, помѣщичьи. Свободные крестьяне остались только по окраинамъ Государства, куда мало проникала дѣятельность центральной власти. Сюда относились поселенные на югѣ однодворцы, на востокѣ ясашные и на сѣверѣ черносошные крестьяне. Всѣ они выѣстъ, по знаменитому указу 1722 года о введеніи подушной подати, образовали сословіе государственныхъ крестьянъ въ противоположность владѣльческимъ.» Мы уже доказали выше, что черныя волости съ подчиненіемъ приказу Большаго дворца не слились съ дворцовыми, но остались по прежнему съ значеніемъ и характеромъ черныхъ волостей въ продолженіи всего XVII вѣка; а теперь представимъ свидѣтельство, что онѣ, и при Петрѣ Великомъ, оставались по прежнему черными волостями. До насъ дошла роспись полевой мѣры или книга сошнаго письма 1709 года, въ которой, какъ и въ книгахъ XVI и XVII столѣтій, земли дѣлятся на черныя, помѣстныя и проч. Даже самыя дворцовыя земли съ XVII вѣка нельзя уже считать владѣльческими, потому что онѣ по раскладкѣ въ книгахъ сошнаго письма, какъ мы уже видѣли, почти сравнивались съ черными волостями, слѣдовательно также приняли характеръ государственныхъ земель, а не владѣльческихъ, и этотъ характеръ удержали и по межевой инструкціи 1754 года. А по сему владѣльческими землями при Петрѣ Великомъ и въ первой половинѣ XVIII столѣтія были только земли церковныя и помѣщичьи или вотчинныя, а во второй половинѣ XVIII столѣтія, съ отобраніемъ вотчинъ у церквей и монастырей, владѣльческими землями остались только одни помѣщичьи или вотчинныя.

Наконецъ, приписывая новымъ постановленіямъ прави-

тельства, относящимся къ XVIII вѣку, а не исконнымъ обычаемъ, все современное устройство сельскихъ общинъ, авторъ говоритъ: «Во 1-хъ, на основаніи укрѣпленія земледѣльческаго сословія къ землѣ и платежа податей по душамъ установилось во всѣхъ сельскихъ общинахъ общее владѣніе землею и соразмѣрное распредѣленіе между отдѣльными членами. «Но мы уже видѣли, что общее владѣніе землею въ сельскихъ или волостныхъ общинахъ на Руси существовало издревле; слѣдовательно оно не обязано своимъ происхожденіемъ ни прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ, ни подушной подати. Тоже должно сказать и о соразмѣрномъ распредѣленіи земли между членами общины; это соразмѣрное распредѣленіе земель несравненно древнѣе указа о подушной подати: выти и обжи, на которыхъ дѣлилась земля между членами той или другой общины встрѣчаются еще въ памятникахъ XV столѣтія. Крестьяне обыкновенно садились па выть земли или на полвыти, или на другую какую долю выти, и соразмѣрно съ полученнымъ участкомъ земли платили подати. Вся разница, древняго распредѣленія земли съ распредѣленіемъ, введеннымъ въ слѣдствіе указа о подушной подати, состоитъ въ томъ, что древнее распредѣленіе соразмѣнялось съ средствами и силами плательщика: кто имѣлъ болѣе средствъ, болѣе силъ, тотъ получалъ и большій участокъ земли, и съ тѣмъ вмѣстѣ обязывался платить болѣшую подать; по новому же способу, введенному въ слѣдствіе указа о подушной подати, земля дѣлилась по числу душъ, написанныхъ въ ревизіяхъ, такъ что каждая ревизская душа, былъ ли то малолѣтній, или взрослый, или старикъ, здоровый или больной, богатый или бѣдный, получала безъ различія одинакую долю земли. Конечно нѣтъ надобности доказывать, что старій способъ дѣленія былъ несравненно лучше новаго, и практика не замедлила засвидѣтельствовать это: черезъ сорокъ восемь лѣтъ послѣ изданія указа о подушной подати правительство нашло уже необходимымъ предписывать, чтобы раздѣлъ земель производился по тягламъ, т. е. по старому способу; именно въ инструкціи 1770 года сказано: «немедленно такое селеніе

непремѣнно расписывать на тягла.» (П. Соб. зак. № 13590). Такимъ образомъ ясно, что правительство здѣсь обратилось къ древнему обычному способу раздѣла земель, который упоминается еще въ грамотахъ XVI столѣтія (на примѣръ въ уставной грамотѣ 1564 года сказано: «написали есмь вамъ указъ о всякихъ разрубкахъ и о тяглахъ, чтобы у васъ въ волости промежъ вами да и съ иными нашими волостками и съ деревнями впредь смущенія не было.» Ак. Ар. Эк. т. I. № 268). Но г. Чичеринъ, приведши выписку изъ помянутой инструкціи, говоритъ: «Такъ правительство старалось водворить между крестьянами справедливость и уравниеніе.... Гдѣ крестьяне плохо распредѣляли наложенныя на нихъ обязанности и сопряженное съ ними поземельное владѣніе, тамъ оно вводило лучший распорядокъ; и тѣ учрежденія, которыя по видимому проистекаютъ изъ нравовъ и обычаевъ, въ сущности опредѣлены правительственными распоряженіями.» Дѣйствительно правда, что правительство старалось водворить справедливость и уравниеніе; но дѣло въ томъ, что оно прибѣгло для этого къ старымъ же способамъ, вытекшимъ изъ нравовъ и обычаевъ народа, отмѣнило новый раздѣлъ земель по ревизскимъ душамъ и обращалось къ древнему по тягламъ.

Во вторыхъ г. Чичеринъ, продолжая развивать свое мнѣніе, что устройство сельскихъ общинъ нынѣшняго времени принадлежатъ постановленіямъ правительства, введеннымъ въ XVIII вѣкѣ, говоритъ: «что крестьяне церковные и монастырскіе, изъ которыхъ образовалось большинство нынѣшнихъ государственныхъ крестьянъ, получили выборное управленіе только въ послѣдней четверти XVIII вѣка.» И въ доказательство своей мысли приводитъ докладъ князя Куракина, въ 1674 году поданный Императрицѣ Екатеринѣ, по которому отмѣнены управители и прикащики, и внутреннее разбирательство споровъ между крестьянами предоставлено было выборнымъ, а для сбора чюдотей учреждены по городамъ казначеи. Все это правда; правительство въ 1764 году отмѣнило управителей и прикащиковъ въ имѣніяхъ духовнаго вѣдомства и предоставило внутреннее разбирательство споровъ выборнымъ; но

дѣло опять въ томъ, что здѣсь правительство обратилось къ старому же порядку, извѣстному еще въ XVI вѣкѣ и раньше; оно не вводило здѣсь выборнаго управленія, а только предоставило духовнымъ крестьянамъ управляться выборными, по укоренившемуся у нихъ издревле обычаю, никогда не прекращавшемуся въ сознаніи народномъ и существовавшему на дѣлѣ всегда и при управителяхъ, какъ мы это и видимъ въ старыхъ памятникахъ. Такъ на примѣръ, въ наказѣ приказчику отъ властей Иверскаго монастыря, данномъ въ XVII столѣтіи, сказано: «А въ судѣ указали мы съ нимъ слугою быть старостамъ и цѣловальникамъ; а будетъ въ какомъ дѣлѣ расправы учинить немочно, и ему слугѣ о тѣхъ спорныхъ дѣлахъ писать къ намъ въ Иверской монастырь» (Юрид. ак. стр. 359). Или въ уставной грамотѣ патріарха Іова 1590 года: «а у приказчиковъ въ тѣхъ селѣхъ въ судѣ сидѣти сельскимъ крестьяномъ лучшимъ людемъ двѣма или трема, кого сельчане излюбятъ; а конхъ крестьянъ сельчане излюбятъ въ томъ судѣ сидѣти, и приказчику, тѣхъ людей имена переписавъ, за поповыми руками прислати къ игумену... А межѣ себе крестьяне лихова человѣка не держалибъ, обыскивали межъ себя про лихова человѣка накрѣпко, а на кого взойдетъ пословица не добрая, и тѣхъ бы недобрыхъ людей выслали вонъ, чтобъ въ тѣхъ лихихъ людяхъ крестьянамъ продажъ не было.» (Времен. кн. 2.) Слѣдовательно правительство по докладу 1764 года не уничтожало стараго обычнаго учрежденія, а только изъ двухъ старыхъ учрежденій отмінило одно, — приказчиковъ и управителей, и отмінило именно то учрежденіе, которое уже прежде утратило свой старый характеръ, въ слѣдствіе передачи управленія церковными имѣніями сперва въ особую учрежденную для того комиссію, а потомъ въ 1763 году въ Коллегію Экономіи.

Въ 3-хъ наконецъ, развивая свою мысль до послѣдней крайности, г. Чичеринъ говоритъ: «Сельскія общины одолжены нынѣшними своими учрежденіями великой строительницѣ областнаго и мѣстнаго управленія въ Россіи.... Екатерина, образовавшая дворянскія общества, развившая уч-

режденія городовъ, устроила и казенныя сельскія общины. Межевая инструкция 1766 года окончательно развила тѣ учрежденія, которыя вытекали изъ наложенныхъ на земледѣльцевъ сословныхъ обязанностей; устройство же внутренняго управленія было собственно созданіемъ великой монархическаго управления. Конечно такой мысли, совершенно противорѣчащей общему убѣжденію и даннымъ, представляемымъ исторіею и жизнію, нельзя пустить безъ доказательствъ. Г. Чичеринъ понималъ это хорошо и постарался прискаты доказательства; онъ говоритъ: «Это (устройство и управленіе сельскихъ общинъ) сдѣлано Высочайшими экономическими пунктами, которые извѣстны намъ по ссылкамъ, находящимся въ учрежденіи казенныхъ селеній Екатеринославской губерніи, изданномъ въ Полномъ Собраніи Законовъ. Здѣсь постановлено, чтобы въ каждомъ селеніи, имѣющемъ болѣе 1000 дворовъ, былъ сельскій старшина; а на каждые 500 дворовъ опредѣленъ сельскій староста, два выборные или словесные разборщикъ и сборщикъ податей, въ меньшихъ селахъ было меньше властей. Старшинъ и старостъ положено избирать черезъ три года, выборныхъ и сборщиковъ ежегодно.... Кромѣ того, для полиціи на каждые сто дворовъ учреждены были сотскіе, а на каждые десять десятскіе, исправляющіе должности по очереди.» Это доказательство очень сильное; но оно свидѣтельствуетъ только о томъ, что Императрица Екатерина II очень хорошо знала и понимала исторію внутренней жизни Русскаго общества и умѣла уважать древніе исконные обычаи народа, неразрывно связанные съ его жизнію; а отнюдь не доказываетъ, чтобы сельскія общины обязаны были нынѣшними своими учреждениями Екатерины II. Ибо во 1-хъ почти всѣ постановленія экономическихъ пунктовъ были не новыя, а древнія, давно уже существовавшія и не перестававшія существовать въ жизни Русскаго общества: старосты, выборные сборщики податей, сотскіе и десятскіе, намъ постоянно встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ общественнаго устройства сельскихъ общинъ подъ тѣми же почти именами и съ тѣми же обязанностями, какія мы видимъ въ экономическихъ пунктахъ; даже выборъ старостъ и въ старину

бывалъ иногда черезъ три года, какъ свидѣлствуютъ памятники XVI столѣтія. Во 2-хъ самые экономическіе пункты какъ извѣстны только по ссылкамъ, находящимся въ учрежденіи казенныхъ селеній Екатеринославской губерніи; слѣдовательно они не были введены, какъ общій законъ для сельскихъ общинъ по всей Россіи, а нашли для себя приложеніе только въ Екатеринославской губерніи, какъ области вновь сформированной и населенной недавними пришельцами изъ разныхъ краевъ, нуждающимися въ общемъ устройствѣ. Эта судьба экономическихъ пунктовъ ясно свидѣлствуетъ, что Императрица Екатерина II сама нашла непутнымъ прилагать своихъ экономическихъ пунктовъ къ управленію всѣхъ сельскихъ общинъ въ Россіи: съ одной стороны потому, что пункты сіи въ существенныхъ своихъ и главныхъ частяхъ составляли исконный и неумолкающій обычай Русскаго народа, давно узаконенный исторіею и жизнію, о которомъ вовсе не было нужды напоминать новыми указами; а съ другой стороны въ экономическихъ пунктахъ были нѣкоторые постановленія, несогласныя съ исконнымъ устройствомъ сельскихъ общинъ, таковы на примѣръ: 4-й пунктъ, «чтобы при сельскихъ выборахъ быть уѣздному стряпчему и по одному сельскому застѣдателю» и 16-й: «при въѣздѣ въ селеніе и выѣздѣ изъ него имѣть курени съ караульными для спросу проѣзжающихъ и проходящихъ, и къ задержанію безпаспортныхъ». И таковыя и подобныя пункты, возможные къ приложенію въ обществахъ, вновь формирующихся и не имѣющихъ преданій, очевидно оказались излишними и неудобоприложимыми къ обычаямъ обществъ старыхъ; а потому и не были приложены къ нимъ. Такимъ образомъ старыя общины на Руси и при Екатеринѣ остались при своемъ старомъ устройствѣ съ своими выборными старостами, сотскими и десятскими. И г. Чичеринъ напрасно приписываетъ сей Императрицѣ нынѣшнее устройство сельскихъ общинъ; ибо ежели бы это устройство было Екатерининское, то при сельскихъ выборахъ присутствовали бы и уѣздные стряпчие, и сельскіе застѣдатели, и въ селеніяхъ на въѣздѣ и выѣздѣ были бы курени съ караульными, и иныя

постановленія, написанныя въ экономическихъ пунктахъ и вовсе неизвѣстныя нашимъ сельскимъ общинамъ: отсутствіе сихъ постановленій въ нашихъ сельскихъ общинахъ служить прямымъ и яснымъ свидѣтельствомъ, что устройство сихъ общинъ въ существенныхъ своихъ чертахъ составилось не по позднѣйшимъ постановленіямъ правительства, а вытекло изъ жизни народа, изъ его понятія объ условіяхъ общественной жизни, изъ народнаго характера, выработаннаго исторіею.

Въ заключеніе своей второй статьи г. Чичеринъ говорить: «при Екатеринѣ были укрѣплены и крестьяне Малороссійскіе, и здѣсь мы найдемъ новое подтвержденіе той мысли, что общее владѣніе землею и ея передѣлъ не коренится въ древнемъ обычаѣ Русскаго народа. Въ Малороссіи, въ странѣ искони Русской, прежде введенія великорусскихъ государственныхъ учрежденій, были только частные собственники, помѣщики и козаки, да крестьяне, селившіеся на ихъ земляхъ по свободному договору». Можетъ быть, во время присоединенія Малороссіи къ Московскому Государству тамъ не было уже общаго владѣнія землею и были только частные собственники, но не должно забывать, что Малороссія присоединилась къ Москвѣ послѣ почти четырехъ-сотъ-лѣтней невыносимо тягостной зависимости отъ Литвы и Польши, въ продолженіе которой, только при невѣроятныхъ усиліяхъ, едва могла удержать вѣру предковъ и частію народность, впрочемъ много уже измѣненную въ сравненіи съ прародительскими обычаями; а посему естественно, что общественное устройство этого древняго Русскаго края потерпѣло существенныя перемѣны и волей, неволей подчинилось постановленіямъ чуждаго правительства, старавшагося всѣми силами съ корнемъ уничтожить не только старыя учрежденія, но даже языкъ и вѣру доблестнаго народа. Послѣ сего нѣтъ ничего мудренаго, что Московская администрація не нашла въ Малороссіи общаго владѣнія землею, и отсутствіе его въ Малороссіи въ XVI вѣкѣ нисколько не можетъ служить подтвержденіемъ того, что будто бы его не было и въ Россіи, и что оно введено только въ XVIII столѣтіи. Третья статья г. Чичерина.

на содержать положенія, выведенныя изъ первыхъ двухъ статей. Основанія сихъ положеній, по нашему разбору, оказались уже несогласными съ Русскою исторіею, утвержденною памятниками, слѣдовательно также несогласны съ исторіею и самыя положенія; а посему нѣтъ надобности и разбирать ихъ.

И. Бѣляевъ.

Мы весьма благодарны г. Чичерину за возбужденіе важнаго вопроса о сельской общинѣ, за совокупленіе во едино и уясненіе главныхъ доводовъ, коими по видимому опровергается исконное существованіе общины у насъ въ Россіи; но думаемъ, что уже теперь, по прочтеніи живой, крайне заманчиво написанной статьи г. Чичерина и строго-ученаго отвѣта г. Бѣляева, можно вывести слѣдующія заключенія:

1) Что наша община есть не патріархальная, не родовая, не государственная, а по преимуществу товарищеская или, вѣрнѣе сказать, мірская. Она не устроена правительствомъ, а образовалась изъ самаго быта Русскихъ людей; правительство же только мудро воспользовалось тѣмъ, что уже существовало въ правахъ и обычаяхъ народа.

2) Что Русская община имѣетъ конечно свои особенности, которыя вытекаютъ собственно изъ Русской исторіи, но въ главныхъ чертахъ (въ общинномъ владѣніи землею, въ выборѣ начальниковъ, въ сущности власти этихъ начальниковъ, въ братскомъ товариществѣ членовъ общины и проч.) она тождественна съ общинами другихъ Славянскихъ земель, разумѣется, на сколько эти послѣднія общины не были искажены вліяніемъ Римства и истекающихъ изъ него гражданскихъ учреждений.

3) Что наша сельская община, съ древнѣйшихъ историческихъ временъ и донынѣ, сохранила всѣ отличительныя черты, которыми она рѣзко отличается отъ западныхъ германскихъ и прочихъ общинъ,—черты, составляющія главную основу порядка и величія въ настоящемъ и служащія залогомъ благосостоянія и могущества Россіи въ будущемъ. Изъ статьи г. Бѣляева видно, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, что издавна было у насъ

общинное владѣніе землею, что были передѣлы земли и что были общинные суды и расправы. Продажи земель конечно совершались, но онѣ или касались лично-собственныхъ земель или представляли только замѣнъ одного тяглаго лица другимъ. Были ли въ древней Россіи большіе поселки, сколь много ихъ было, — это къ настоящему дѣлу мало относится, ибо общины могутъ равно существовать, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ деревняхъ. Что же касается до переходовъ народонаселенія съ мѣста на мѣсто, цѣлыми деревнями или отдѣльными лицами, то они ни мало не уничтожали общиннаго начала въ народѣ, что впрочемъ на дѣлѣ доказывается подвижными артелями, существующими и нынѣ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

и 4) Настоящее устройство сельскихъ общинъ вышло не изъ сословныхъ обязанностей, наложенныхъ на земледѣльцевъ съ конца XVI вѣка, не изъ прикрѣпленія ихъ къ мѣстамъ жительства и не изъ разложенія податей на души, а изъ тысячелѣтней жизни Русскаго народа и государства. Впрочемъ это очевидно также, какъ изъ того, что закономъ трудно, вѣрнѣе сказать, невозможно укоренить въ нравахъ и обычаяхъ то, чего въ нихъ нѣтъ самобытно, такъ и изъ того, что общинное устройство существуетъ и тамъ, куда правительственныя распоряженія почти не заглядывали, а именно: въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Во всѣхъ вотчиннахъ (особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ), гдѣ власть помѣщичья не уничтожала прямо и положительно мірскаго управленія, общества очень сильны и живы: сверхъ того замѣчательно, что даже въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ сходки, судъ стариковъ, выборы и мірское управленіе въ деревняхъ были уничтожены помѣщиками или ихъ управляющими, снова всѣ эти обычаи оживали и укоренялись, какъ только слабѣла или устранялась власть, препятствовавшая ихъ развитію.

Хотя мы считаемъ исконное существованіе сельской общины въ Россіи дѣломъ, достаточно доказаннымъ, однако надѣемся представить въ непродолжительномъ времени еще статьи въ подтвержденіе этого мнѣнія.

Изд. К.

40*

СООБРАЖЕНІЯ

КАСАТЕЛЬНО

УСТРОЙСТВА ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ РОССИИ.

(Современ. 1856 года. № 2-й.)

Важнѣйшее, обильнѣйшее по послѣдствіямъ изобрѣтеніе, ознаменовавшее послѣднія двадцать пять лѣтъ, есть конечно устройство желѣзныхъ дорогъ. Оно не только произвело чудеса въ мірѣ промышленности и торговли, но имѣло самое сильное вліяніе на образованность людей, на общественную и государственную жизнь народовъ. Быстрое размноженіе желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ и Америкѣ, огромныя выгоды, доставленныя ими строителямъ и въ особенности мѣстностямъ, чрезъ которыя онѣ пролегаютъ, значительное усиленіе государствъ, безбоязненно и рѣшительно ихъ себѣ усвоившихъ, и почти мгновенное распространеніе плодовъ человѣческой мысли въ странахъ, которыя воспользовались симъ новымъ способомъ сообщенія, превзошли самыя смѣлыя расчеты и самыя дерзкія ожиданія людей, страстно выхвалявшихъ это великое открытіе, и неоспоримо утвердили за нимъ первенство могущества надъ всѣми доселѣ сдѣланными изобрѣтеніями. Еще свѣжо у насъ въ памяти, какъ иные упорно отвергали пользу и важность сего новаго способа передвиженія, и какъ другіе, видя въ немъ какую-то адскую революціонную машину, старались, для блага человѣчества, задушить ребенка въ колыбели; а теперь, по истеченіи менѣе двухъ десятилѣтій, едва ли кто рѣшится оспаривать сильное и болѣею частію благотворительное дѣйствіе чугунокъ (*) на весь бытъ чело-

(*) Слово: чугунокъ у насъ, на языкѣ народномъ, усвоено желѣзнымъ дорогамъ. Оно конечно не совсѣмъ вѣрно, но развѣ съ желѣзною дорогою необходимо соединено понятіе паровоза? А между тѣмъ мы употребляемъ

вѣческій. Правда, что, оцѣняя вполне выгоды, изъ нихъ протекающія въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, многіе еще недостаточно сознаютъ вліяніе ихъ на область болѣе важную, болѣе существенную для человѣка, — т. е. на нравственную, умственную и общественную его жизнь. Впрочемъ это и неудивительно: одно бросается въ глаза, другое должно быть усмотрѣно, и не съ перваго взгляда; первое свидѣлствуется цифрами, послѣднее — знаніемъ наблюденьемъ, при нѣкоторой ясности умственного воззрѣнія. Большинство цивилизованныхъ людей еще привыкло считать нашъ вѣкъ по преимуществу *промышленнымъ*, смотрѣть на богатство, какъ на идолъ, которому все должно быть принесено въ жертву, и опредѣлять могущество и благоденствіе государствъ по количеству накопившихся въ нихъ вещественныхъ капиталовъ; а потому и немудрено, что даже лучшіе изъ этихъ людей еще остаются въ протертыхъ колеяхъ, судятъ на основаніи матеріальныхъ системъ Запада и готовы превратить государства въ обширныя мастерскія или въ суетливыя биржи, не заботясь объ удовлетвореніи важнѣйшихъ потребностей гражданскаго общества. Есть также люди, которые хотятъ могущественное орудіе, желѣзныя дороги, обратить преимущественно на достиженіе цѣли, конечно важной, но все-таки частной, а именно, на выгодное размѣщеніе и быстрыя передвиженія войскъ, не подозревая вѣроятно, что желѣзныя дороги суть такіе сильные двигатели, что съ ними должно обходиться крайне осторожно, и что направленіе ихъ, несоответственное истиннымъ потребностямъ государства, можетъ нанести ему большой вредъ. Государство не есть ни мастерская, ни биржа, ни станъ воинскій; въ немъ конечно производятся всякія отрасли промышленности и торговли и въ немъ приготовляются средства къ защитѣ земли и народной самобытности; но въ немъ есть также нѣчто

слово: желѣзная дорога, и вагоны, несущіеся съ крайнею быстротою и пр., рисуются нашему воображенію. Слово: *чугунка* для обозначенія новыхъ путей сообщенія почти также вѣрно, какъ и слово: желѣзная дорога; но оно гораздо живѣе и короче, а потому не слѣдуетъ, кажется, отказывать ему въ правѣ гражданства и въ письменномъ нашемъ языкѣ.

высшее, чѣмъ опредѣляется его значеніе въ мірѣ и что должно служить государству неизмѣннымъ правиломъ въ его дѣйствіяхъ. Имѣть въ виду отдѣльную какую-либо цѣль, при распредѣленіи сѣти желѣзныхъ дорогъ и при назначеніи центрального для нихъ пункта, значить еще ошибочно судить о важности, могуществѣ и всепроницаемости дѣйствія желѣзныхъ дорогъ на частный, общественный и правительственный бытъ государства.

Эти размышленія въ особенности внушены намъ были чтеніемъ статьи, въ недавнемъ времени напечатанной подъ названіемъ: *Соображенія касательно устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи*. (Современ. 1856 г. № 2). Авторъ прекрасно излагаетъ выгоды, проистекающія вообще изъ сооруженія сихъ новыхъ путей сообщенія; онъ показываетъ, что онѣ особенно плодотворны въ странахъ обширныхъ, обильныхъ всякими естественными богатствами и еще лишенныхъ достаточнаго количества обыкновенныхъ улучшенныхъ дорогъ, и приводитъ неопровержимымъ тому доказательствомъ Сѣверо-Американскіе Штаты, развивавшіеся во всѣхъ отношеніяхъ съ быстротою, доселѣ безпримѣрною въ исторіи. Переходя къ Россіи, авторъ объясняетъ, что всѣ причины, благоприятствовавшія чугункамъ въ Америкѣ, существуютъ, и еще въ большей степени, въ примѣненіи ихъ къ отечеству нашему. Дѣйствительно, при огромнѣйшемъ богатствѣ естественныхъ произведеній и при замѣчательныхъ способностяхъ жителей ко всякимъ промышленнымъ занятіямъ, у насъ земледѣліе, фабрики, заводы и торговля почти въ дѣтствѣ, и это главнѣйше потому, что мы не имѣемъ нѣсколько спосныхъ путей сообщенія. У насъ мало искусственныхъ дорогъ, во многихъ мѣстностяхъ построеніе ихъ даже невозможно; а естественные пути, особенно по черноземнымъ губерніямъ, неудобопроѣзжи въ теченіе большей половины года и сносны только среди лѣта, когда люди почти исключительно заняты сельскими работами, и сверхъ того въ зимніе мѣсяцы. Но самыя зимнія дороги, прославленныя многими въ качествѣ естественныхъ шоссе и даже ничего не стоящихъ чугунокъ, такъ рѣдко и такъ кратковременно бываютъ способны для проѣзда; въ остальное же время онѣ такъ изрыты ухабами, которые, при

постоянно усиливающихся перевозкахъ, ежегодно становятся сплошнѣе, глубже и раскатистѣе, что санный путь можетъ казаться достаточнымъ средствомъ сообщенія, только при самомъ слабомъ развитіи производительныхъ силъ. Теперь, при общемъ сознаніи необходимости быстрыхъ успѣховъ у насъ, какъ въ промышленности, такъ и въ торговлѣ, нельзя иначе смотрѣть на дороги шоссейныя и естественныя, какъ на пособіе для подвозовъ клади и лицъ къ желѣзнымъ дорогамъ; желѣзныя же дороги мы обязаны себѣ усвоить и притомъ, какъ можно скорѣе, и въ большихъ по возможности размѣрахъ, или намъ придется отказаться отъ всякаго участія во всемірной промышленности и торговлѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и во всемірной политикѣ и въ общечеловѣческой образованности.

Потомъ авторъ вышеупомянутой статьи обращается къ изложенію выгодъ, ожидаемыхъ у насъ отъ построенія желѣзныхъ дорогъ въ военномъ отношеніи. Онъ очень дѣльно доказываетъ, что Россія, для удобнаго размѣщенія и быстрого передвиженія своихъ войскъ, имѣетъ большую необходимость въ чугункахъ, чѣмъ какое-либо другое государство. Но, излагая прекрасно всѣ доводы въ пользу этого мнѣнія, онъ увлекается и, кажется, теряетъ изъ виду всѣ прочія обстоятельства, съ которыми должно соображаться, при назначеніи направленій и центра желѣзныхъ дорогъ. Мы ни мало не оспариваемъ важности этихъ путей сообщенія для военнаго дѣла;—напротивъ того, мы убѣждены, что величіе Россіи тѣсно связано съ возможностью перебрасывать изъ края въ край массы войскъ, артиллерию, запасы и пр. Думаемъ сверхъ того, что желѣзныя дороги доставятъ Россіи возможность имѣть меньшее противъ прежняго количество войскъ подъ ружьемъ, слѣдовательно оставлять большее число рукъ при работахъ производительныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть сильнѣе, чѣмъ теперь, ибо ей несравненно легче будетъ сосредоточивать войска тамъ, гдѣ нужно. Слѣдовательно мы не только не отвергаемъ, но даже нисколько не уменьшаемъ необходимости и пользы желѣзныхъ дорогъ въ военномъ отношеніи. Мы не можемъ однако предаться увлеченію и одобрить планъ желѣзныхъ дорогъ, по которому все подчинено од-

нимъ стратегическимъ соображеніямъ. Войны бываютъ по временамъ, а государство и народъ живутъ и дѣйствуютъ постоянно. Къ тому же пути, указанные естественнымъ, свободнымъ развитіемъ народныхъ потребностей, оживляя сношенія между городами и селеніями, всегда могутъ соотвѣтствовать потребностямъ военного дѣла: дороги же, предпринятые и исполненныя въ исключительно военныхъ видахъ, часто бываютъ наперекоръ дѣйствительнымъ потребностямъ страны, уничтожаютъ существующее и порождаютъ насильственные скопленія людей и ложные центры дѣятельности.

Авторъ вышеозначенной статьи, увлекаясь, какъ мы прежде сказали, выгодами размѣщенія и передвиженія войскъ, предлагаетъ избрать центромъ для желѣзныхъ дорогъ Орловскую губернію, какъ средоточіе пространства, заключающаго главныя естественныя богатства Россіи, и оттуда пустить одну дорогу на сѣверъ къ Москвѣ, чрезъ Тулу и Каширу; другую на югъ къ Черному морю, чрезъ Курскъ и Харьковъ; третью на востокъ къ Саратову и четвертую на западъ къ Динабургу, состоящему на С. Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ и имѣющему соединиться съ Ригею чрезъ предпринятую уже дорогу отсюда до Динабурга.

Скажемъ мимоходомъ, что не понимаемъ, какъ Орелъ и Орловская губернія могли, даже съ перваго взгляда, показаться выгоднымъ центромъ для желѣзныхъ дорогъ; ибо ни по географическому положенію, ни по существующимъ торговымъ, промышленнымъ и другимъ сношеніямъ, они ни сколько не заслуживаютъ предпочтенія предъ другими странами Русской имперіи; сверхъ того, даже въ видахъ размѣщенія войскъ по дешевымъ стоянкамъ, они не представляютъ никакихъ особенныхъ выгодъ, ибо желѣзныя дороги, направленные къ промышленнымъ губерніямъ, должны проходить чрезъ хлѣбородныя области и слѣдовательно могутъ доставлять изъ нихъ войска всюду, куда нужно; куда же онѣ потребуются, неизвѣстно: нынѣ требовались онѣ на югъ, а завтра могутъ потребоваться на сѣверъ. Но рассмотримъ обстоятельно предполагаемыя отсюда развитія желѣзныхъ путей.

Не будемъ говорить о дорогахъ сѣверной и южной, ибо онѣ указаны самымъ дѣломъ, т. е. необходимостью соединить Москву съ Чернымъ моремъ чрезъ города Тулу, Орелъ, Курскъ и Харьковъ; но мы осмѣлимся спросить автора статьи, какого дѣйствія для оживленія производительныхъ силъ, для быстроты сообщеній въ административномъ и общественномъ отношеніяхъ, ожидаетъ онъ отъ соединенія Саратова съ Орломъ? Главныя произведенія, ожидаемыя изъ этихъ странъ, суть разнаго рода хлѣба, пенька, конопляное масло, сало и пр. Спрашивается: какъ эти товары изъ плодородныхъ, дешевыхъ мѣстъ Саратовской и Тамбовской губерній пойдутъ въ хлѣбородныя дешевыя же мѣста Орловской губерніи? Существуютъ ли теперь нѣсколько дѣятельныя сношенія между Орломъ и вышеупомянутыми мѣстами? Полезна, разумна только та чугунка, по которой передвиженіе товаровъ постоянно возвышаетъ на нихъ цѣны; въ настоящемъ же случаѣ самые главные товары должны будутъ двигаться во все время по мѣстности, почти равно дешевой. Слѣдовательно закупка этихъ товаровъ въ Саратовѣ возможна будетъ лишь тогда, когда Орловскія цѣны сравняются съ Московскими; часто ли это будетъ случаться и желательно ли это? Доказательствомъ неестественности такого предполагаемаго движенія служить то, что изъ Саратовской и Тамбовской губерній до сихъ поръ никогда не возили въ Орловскую губернію ни хлѣба, ни пеньки, ни масла, ни сала, и что между этими странами доселѣ не было почти никакихъ торговыхъ сношеній. Всѣ вышеупомянутые товары шли и теперь идутъ въ С. Петербургъ чрезъ Нижній и Рыбинскъ, а въ Москву чрезъ Моршанскъ. Желательно ли, при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, уничтожать существующіе пути и прокладывать новые, едва ли возможные, но во всякомъ случаѣ не обѣщающіе никакихъ особенныхъ выгодъ? Дорога отъ Саратова къ Москвѣ указана самымъ дѣломъ: Саратовъ отстоитъ сухопутно отъ Москвы и отъ Орла на одинакое разстояніе; Саратовская, Пензенская, Тамбовская и Рязанская губерніи, чрезъ которыя Московско-Саратовская желѣзная дорога должна проходить, и прежде были, и теперь состоятъ съ Москвою въ довольно живыхъ сно-

шеніяхъ; значительно количество клади, нынѣ привозимой по этому тракту, но вдвое, втрое бѣльшее количество клади остается, какъ извѣстно, недоставленнымъ въ Москву, по недостаточности перевозочныхъ средствъ. Слѣдовательно здѣсь проложенная чугунка существенно оживитъ и земледѣліе хлѣбородныхъ мѣстностей, и промышленность Московской и при-Московскихъ губерній; дорога же отъ Орла въ Саратовъ убьетъ сношенія всѣхъ вышеупомянутыхъ губерній съ Москвою и возбудитъ (если она что-либо возбудитъ) противоестественные обороты Саратова съ Орломъ и Ригю.

Дорога изъ Орла черезъ Динабургъ въ Ригу будетъ полезна для Орла и для Риги, но она совершенно противна общимъ государственнымъ и народнымъ потребностямъ. Ближайшимъ и неперемѣннымъ ея дѣйствіемъ будетъ возвышеніе Орла насчетъ Москвы и Риги насчетъ С. Петербурга. Не думаю, чтобъ то или другое соотвѣтствовало желаніямъ Россіи. Москва всегда была въ сношеніяхъ съ Варшавою и Ригю. Какъ теперь устроивается желѣзная дорога отъ С. Петербурга до Варшавы чрезъ Динабургъ, и какъ Рига соединится особою дорогою съ Динабургомъ, то необходимо связать Москву съ Варшавою и Ригю также чрезъ посредство Динабурга. Эта дорога оживитъ значительно сношенія Москвы съ Варшавою и Ригю и будетъ полезна для всѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя она будетъ проходить. Въ послѣдствіи Орелъ можетъ быть связанъ съ Ригю и Варшавою боковою желѣзною дорогою отъ Орла до Смоленска; но прежде Москва, истинный центръ Россіи, должна быть съ ними соединена, ибо въ дѣлѣ построенія желѣзныхъ дорогъ сооруженіе такого-то пути *до, во время или послѣ* сооруженія другаго какого-либо тракта есть обстоятельство крайне важное.

Авторъ говоритъ, что устроеніе вышеупомянутыхъ дорогъ, простирающихся только на 2960 верстъ, «удовлетворитъ главнымъ потребностямъ внутренняго движенія и администраціи». Но не упущена ли при этомъ изъ виду дорога, которая по количеству и цѣнности перевозимой клади и по числу проѣзжающихъ людей, по живости и огром-

ности торговых оборотовъ, превосходить конечно тракть отъ Орла или отъ Москвы до Динабурга и равняется съ крайне важнымъ трактомъ отъ Москвы въ Саратовъ? Мы разумѣемъ дорогу отъ Москвы до Нижняго. Эта дорога въ торговомъ смыслѣ чрезвычайно значительна; доказательствами тому могутъ служить, какъ нынѣ существующія огромныя сношенія между Нижнимъ и Москвою, С. Петербургомъ и другими Русскими торговыми городами, такъ и то обстоятельство, что этотъ путь первый обратилъ на себя вниманіе компаній, желавшихъ на свой счетъ устроить желѣзныя дороги въ Россіи. Чугунки конечно полезны для странъ, богатыхъ естественными произведеніями, но для промышленныхъ странъ онѣ составляютъ еще большую необходимость: для первыхъ онѣ особенно важны по временамъ, для послѣднихъ же онѣ постоянно необходимы. Дорога въ Нижній должна проходить чрезъ самыя промышленныя мѣстности Московской, Владимірской и Нижегородской губерній, и сверхъ того подходить къ такимъ странамъ, гдѣ находятся огромные запасы всякаго лѣса, который не имѣетъ тамъ почти никакой цѣнности. Къ тому же эта дорога есть звено къ Сибирскому пути, важность котораго развивается постепенно и постоянно и обращаетъ на себя все болѣе и болѣе вниманіе Россіи. Забвеніе чугунки Московско-Нижегородской произошло, кажется, отъ того, что авторъ упомянутой статьи, хотя и говорилъ въ началѣ очень дѣльно о выгодахъ, истекающихъ отъ желѣзныхъ дорогъ въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, но, при избраніи Орла и Орловской губерніи центромъ четырехъ желѣзныхъ дорогъ, увлекся видами исключительно военно-хозяйственными и не обратилъ вниманія на то, что желѣзныя дороги должны быть преимущественно соображены не съ частными какими-либо, а съ общими потребностями страны, въ которой онѣ прокладываются.

Предполагаемое авторомъ вышеупомянутой статьи избраніе Орловской губерніи средоточіемъ главныхъ дорогъ на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ совершенно противно ожиданіямъ, мнѣніямъ и расчетамъ чуть-чуть не всей Россіи; а потому мы считаемъ нужнымъ еще нѣсколько по-

дробнѣе разсмотрѣть это предположеніе. Не можемъ пропустить безъ замѣчанія самое слово *избраніе*, употребленное въ этомъ случаѣ. Намъ кажется, что средоточіе для желѣзныхъ дорогъ никогда и нигдѣ не должно избираться, а необходимо принимать именно то средоточіе, которое для сообщенія дѣйствительно уже есть; ибо не государство и не народъ приспособляются къ желѣзнымъ дорогамъ, а дороги приспособляются къ той странѣ, въ которой онѣ прокладываются. Москва, по словамъ народа, есть сердце Россіи; Москва по Исторіи есть то средоточіе, вокругъ котораго собралась вся земля Русская; Москва есть преимущественное гнѣздо Русской промышленности (*); Москва есть то мѣсто, куда безчисленные множества обозовъ отовсюду тянутся съ разною кладью, и гдѣ производятся закупки и продажи торговцами всѣхъ за-и при-Московныхъ губерній; Москва лежитъ на границѣ хлѣбородной и промышленной полосъ Имперіи и образуетъ собственно размѣнный пунктъ, какъ для той, такъ и для другой; Москва, уже соединенная желѣзною дорогою съ С. Петербургомъ, резиденціею высшаго государственнаго управленія, есть ближайшій и необходимый центръ, изъ котораго исходятъ всѣ административныя распоряженія на сѣверо-востокъ, на востокъ, на югъ и на юго-западъ; Москва, какъ сама по себѣ, такъ и по прямому ея соединенію съ С. Петербургомъ, есть главный рассадникъ, преимущественный распространитель просвѣщенія по обширной нашей имперіи; — однимъ словомъ, Москва во всѣхъ отношеніяхъ есть такое средоточіе для Россіи, которое само себя таковымъ поставило и которое нельзя безнаказанно ни передвинуть, ни уничтожить. Москва теперь имѣетъ довольно живыя и довольно значительныя сношенія со всѣми странами Русскаго царства; желѣзныя до-

(*) Въ Московской губерніи въ 1853 году было 1212 фабрикъ и заводовъ, на которыхъ приготовлялось издѣлій на 45 милл. руб. сер., т. е. на сумму, превышающую $\frac{1}{2}$ часть всего Русскаго мануфактурнаго производства, (160,000,000); а если присоединить при-Московныя губерніи, то стоимость изготовляемыхъ издѣлій въ этомъ округѣ достигнетъ до половины всего Русскаго производства. Смотри Очеркъ Мануфакт. промысл. силъ Евр. Россіи. состав. П. Крюковымъ. С. Петербургъ 1853.

роги къ Нижнему, къ Саратову и къ Черному морю, а въ послѣдствіи къ Динабургу и къ Ярославлю, скрѣпятъ, участвъ и еще болѣе оживятъ эти сношенія. Слѣдовательно, при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, можетъ и долженъ быть теперь толкъ не о томъ, какое мѣсто избрать центромъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, но только о томъ, какъ лучше связать этотъ всѣмъ бытомъ Россіи указанный центръ съ другими второстепенными внутренними центрами, и какъ удобнѣе проложить дороги, дабы онѣ шли не по безлюднымъ пустынямъ, а по направленіямъ, уже опредѣленнымъ потребностями земледѣлія, промышленности, торговли, внутреннего управленія и общаго просвѣщенія.

Конечно, со временемъ разные Русскіе города сдѣлаются центрами боковыхъ желѣзныхъ дорогъ, но важно, чтобъ первый центръ, тотъ, изъ котораго должны исходить главныя дороги, былъ именно дѣйствительный центръ Россіи, т. е. Москва; прочіе центры образуются по мѣрѣ надобности, но главный центръ долженъ быть утвержденъ непремѣнно прежде прочихъ. Это важно, какъ для правильнаго оживленія всего существующаго, такъ и для будущаго величія и единства Россіи.

Въ заключеніе поблагодаримъ автора разсмотрѣнной нами статьи за случай, имъ доставленный, потолковать сообща о такомъ важномъ дѣлѣ, каково устройство желѣзныхъ дорогъ. Ничто такъ не уясняетъ и не упрощаетъ дѣла, какъ сужденіе объ немъ съ разныхъ сторонъ: часто дѣло, съ перваго взгляда мудреное, темное, даже едва возможное, становится легкимъ и простымъ, какъ только люди добросовѣстно вмѣстѣ о немъ потолкуютъ. «Умъ хорошо, а два лучше» — премудро говоритъ наша пословица. Въ настоящемъ случаѣ мы рассчитываемъ менѣе на силу нашей діалектики, чѣмъ на сущность и свойство самыхъ доводовъ. Думаемъ, что читатели будутъ намъ благодарны не за сообщеніе имъ новыхъ мыслей, но за высказаніе того, что почти у каждаго изъ нихъ было на умѣ.

А. Кошелевъ.

СООБРАЖЕНІЯ

О ПОЛЪЗЪ

УСТРОЙСТВА ЖЕЛЪЗНОЙ ДОРОГИ

ОТЪ ДИНАБУРГА ВЪ КУРСКУЮ ГУБЕРНІЮ.

(Журналъ Г. У. Пут. Сообщ. и Пуб. Здан. 1856 № 1-й).

Предыдущая статья была уже отдана въ печать, когда дошли до насъ вышеозначенныя соображенія объ устройствѣ Курско-Динабургской желѣзной дороги, имѣющей проходить чрезъ Лепель, Оршу, Климовичи, Мглинъ и Трубчевскъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ мы прочли это сочиненіе, замѣчательное по изложенію свѣдѣній, относящихся къ сему дѣлу, и по выводамъ, коими авторъ, г. Марченко, заключилъ свою статью. Мы ни мало не оспориваемъ важности Курско-Динабургской чугунки, но зная, какъ желѣзныя дороги необходимы для Россіи вообще, мы думаемъ, что почти каждая чугунка, откуда и куда бы она ни велась, является важнѣйшею тому, кто ее разсматриваетъ отдѣльно, а не въ связи съ прочими подобными путями. По этому необходимо, чтобы люди безпристрастные, помимо самыхъ добросовѣстныхъ составителей проектовъ, опредѣляли, въ общемъ государственномъ смыслѣ, относительную важность каждой желѣзной дороги.

Оставаясь при изложенномъ на предыдущихъ страницахъ нашемъ мнѣніи, что сперва должны быть направлены изъ Москвы, истиннаго центра Россіи, главныя дороги на сѣверъ, на востокъ, на юго-востокъ, на югъ и на западъ, и что уже послѣ имѣютъ быть проведены дороги боковыя, мы сверхъ того спросимъ г. Марченко: не выгоды ли во всякомъ случаѣ связать съ Динабургомъ Орелъ, а не Курскъ? Эти два города имѣютъ быть соединены чугункою, идущею отъ Москвы къ Черному морю; а между тѣмъ Орелъ ближе къ Динабургу, чѣмъ Курскъ, безъ малаго на 100 верстъ. Хлѣбъ и прочіе товары въ Курской губерніи дешевле, чѣмъ въ Орлѣ; слѣдовательно имъ удобно ити

въ мѣста менѣе дешевыя, и при томъ болѣе близкія къ окончательнымъ сбытнымъ пунктамъ; Орелъ же и Орловская губернія, при устройствѣ Курско-Динабургской дороги, оказались бы въ самомъ невыгодномъ положеніи: имъ пришлось бы вести свои произведенія, такъ сказать, назадъ, т. е. въ мѣста по большей части менѣе дорогія и болѣе отдаленныя отъ окончательныхъ рынковъ. А потому соединеніе Курска съ Динабургомъ полезно для одной Курской губерніи и мѣстностей, чрезъ которыя эта чугунка будетъ проходить, а соединеніе Орла съ Динабургомъ было бы равно полезно, какъ для Орловской, такъ и для Курской и другихъ губерній, чрезъ которыя эта дорога имѣетъ пролегать. Сверхъ того Курско-Динабургская дорога простирается, по исчисленію г. Марченко, на 800 вестъ; Орелъ же можно соединить чрезъ Смоленскъ съ Московскою Динабургскою чугункою положеніемъ рельсовъ на пространствѣ только 300 верстъ.

Г. Марченко называетъ Курскую губернію житницею Россіи; но столь же справедливо можно назвать такимъ же именемъ Орловскую, Тульскую, Рязанскую, Тамбовскую, Воронежскую, Саратовскую, и другія губерніи. Курская губернія производитъ не болѣе хлѣба, чѣмъ многія другія губерніи Русскаго царства. Про многія губерніи можно сказать тоже, что г. Марченко сказалъ о Курской губерніи, а именно: «что никто не помнитъ, чтобы когда-нибудь въ Курскую губернію была ввезена для продовольствія ея хоть одна четверть хлѣба изъ другихъ губерній.» Изъ этого еще не слѣдуетъ, что такая губернія должна быть назначена исходнымъ пунктомъ тракта, и при томъ такого тракта, который соединяетъ Черное море съ Балтійскимъ и который проходитъ чрезъ двѣнадцать губерній. Такой трактъ долженъ быть утвержденъ не по требованію однихъ мѣстныхъ нуждъ, а по соображеніи оныхъ съ общими пользами и необходимостями государства.

Авторъ разбираемой нами статьи говоритъ, что Курская губернія образуетъ средину плодородной черноземной площади Россіи. Это не вѣрно во многихъ отношеніяхъ. Плодородная черноземная площадь Россіи, начинаясь отъ береговъ Урала и оканчиваясь рѣкою Прутомъ, растянута хол-

стомъ на такомъ пространствѣ, что невозможно назначить для нея средоточія. Вѣрнѣе можно сказать, что эта полосу дѣлится на нѣсколько округовъ и что каждый изъ нихъ имѣетъ свой центръ и свои пути для сбыта произведеній. О Курскѣ нельзя сказать, чтобы онъ былъ центромъ даже одного такого округа, ибо, напротивъ того, онъ стоитъ на границахъ двухъ округовъ, Харьковскаго и Орловскаго, изъ которыхъ первый отправляетъ свои произведенія къ Черному морю; Курскъ же, глядя по требованіямъ, сбываетъ свои произведенія то туда, то сюда. Слѣдовательно дорога Московско-Черноморская вполне соответствуетъ нуждамъ Курскаго края, а дорога Курско-Динабургская въ иные годы была бы совершенно бесполезнымъ трактомъ. Что касается до продовольствія западныхъ губерній, то дорога, идущая отъ Орла черезъ Смоленскъ и Витебскъ къ Динабургу, удовлетворить этому требованію почти столько же, сколько и Курско-Динабургская чугунка, ибо она будетъ проходить по странамъ всего болѣе нуждающимся въ привозѣ жизненныхъ припасовъ.

Въ заключеніе повторимъ глубокое наше убѣжденіе, что желѣзныя дороги для Россіи также нужны, какъ хлѣбъ насущный, что почти всѣ мѣстности требуютъ, по видимому, каждая въ свою пользу, предпочтенія предъ остальными, и что по этому необходимо теперь, при началѣ продолженія желѣзныхъ дорогъ, направлять капиталы преимущественно къ тѣмъ путямъ, которые должны быть главными жизненосными жилами всего Русскаго царства. Повторимъ также, что прямое соединеніе, какъ Орла, такъ и Курска съ Динабургомъ и Ригою, устроенное теперь, до связанія Москвы съ Динабургомъ и Ригою, должно нанести сильный ударъ обѣимъ столицамъ и преимущественно Москвѣ; присовокупимъ къ этому, что предполагаемая дорога изъ Орла и Курска къ Динабургу, отрѣзывающіи Юго-Западъ отъ Сѣверо-Востока и проведенныя прежде, чѣмъ центральныя дороги будутъ проведены по Имперіи, могутъ имѣть самое сильное дѣйствіе въ ущербъ необходимаго сосредоточенія главнѣйшихъ силъ Россіи въ одномъ живомъ, неизмѣнномъ центрѣ.

А. Кошелевъ.

ОБОЗРѢНІЕ

ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СОБЫТІЙ ВЪ ЕВРОПѢ

ЗА 1855-Й ГОДЪ.

1855 годъ открылся для Россіи двумя чрезвычайными событіями: первое—кончина Императора Николая I-го, болѣе тридцати лѣтъ управлявшаго судьбами Россіи, державшаго въ теченіи этого долгаго времени въ рукахъ своихъ поочередно судьбы почти всѣхъ государствъ Европы и противъ котораго въ послѣдніе годы Его царствованія вдругъ ополчился почти весь неоднократно охраняемый имъ отъ внутреннихъ междоусобій Западъ; второе—мирные переговоры, открытіе которыхъ съ самыхъ первыхъ дней гола уже ожидалось въ Вѣнѣ и возбуждало напряженное вниманіе всѣхъ государственныхъ людей и всѣхъ политическихъ партій. Послѣдствія обоихъ этихъ событій не соответствовали однако, по вліянію своему на отношенія Россіи къ Европѣ, тѣмъ ожиданіямъ, которыя естественно должны были возбудить во многихъ умахъ изумительная неожиданность перваго и несомнѣнная важность того и другаго. Краснорѣчивый Манифестъ Императора Александра II-го скоро убѣдилъ Западныя державы, что отъ Русскаго Государя невозможно имъ было ожидать принятія условій, для Россіи унижительныхъ; а послѣдовавшее за тѣмъ подтвержденіе инструкцій, данныхъ Россійскимъ уполномоченнымъ въ Вѣнѣ, показало всему свѣту готовность Государя возвратить миръ до основанія потрясенной и взволнованной Европѣ, лишь бы сама она добросовѣстно пожелала его и отъ него не отказалась.

Подъ вліяніемъ этихъ миролюбивыхъ, но исполненныхъ достоинства расположеній Русскаго правительства, должны были открыться Вѣнскія конференціи. Политическое положеніе Европы и взаимныя отношенія государствъ ся были уже совсѣмъ не тѣ, какія установ-

лены были Вѣнскимъ Конгрессомъ 1815 года и Іюльскою Революціею. Союзъ Франціи съ Англіею, эта *entente cordiale*, которой съ такими усиліями домогался Людовикъ Филиппъ въ смыслъ оборонительнаго союза и съ единственною цѣлію вывести Францію изъ тягостнаго для нея одинокаго положенія,—этотъ самый союзъ сдѣлался въ рукахъ смѣлаго преемника его орудіемъ системы наступательной противъ отдаленной, чрезмѣрно могущественной Россіи. Наслѣдникъ имени и престола Наполеонова искалъ удобнаго поприща для своего славолюбиваго духа, искалъ случая вновь потѣшить Францію давно забытымъ слухомъ военнаго торжества и возвратить ей, какъ самъ выразился онъ въ послѣдствіи, почетное мѣсто въ Совѣтахъ Европы: берега Рейна и Италія были для этого поприщемъ слишкомъ скользкимъ; по этой дорогѣ не послѣдовала бы за нимъ Англія, да и Русскія знамена еще разъ безъ сомнѣнія осыпали бы Германію; Константинополь и Турція представили ему болѣе удобства для его цѣли,—разъединенія континентальныхъ державъ. Съ другой стороны уже прекратилось существованіе тройственнаго священнаго союза, этого хитраго изобрѣтенія корифея Вѣнскаго конгресса, Кн. Меттерниха, который умѣлъ съ такимъ искусствомъ связать всѣ политическія нити восточной и средней Европы въ одинъ узелъ и средоточіемъ его поставить выгоды и судьбы Габсбургскаго дома. Не думалъ первенствующій министръ Австріи, что онъ переживетъ свое твореніе, и что преемники его сами раззорять его дѣло, сами нарушать священный союзъ заключеніемъ съ Западными державами Декабрскаго трактата. Въ самомъ дѣлѣ вся эта хитрая группировка Европейскихъ государствъ, съ такимъ тщаніемъ и трудомъ устроенная Меттернихомъ и Людвигомъ Филиппомъ, и достаточная для уравновѣшиванія силъ Европы, покуда она покоилась на прежнихъ началахъ, должна была разлетѣться въ прахъ при появленіи новой могучей, ничѣмъ не связанной съ этимъ порядкомъ вещей личности, при первомъ позывѣ къ дѣятельности и жизни, съ какой бы то ни было стороны. Этотъ вѣтшій поводъ скоро явился: то было съ одной стороны непростительное, безумное ослѣпленіе Турціи. рѣшившейся отвергнуть знаменитую ноту князя Меншикова, заключавшую въ себѣ справедливыя требованія покойнаго Государя въ пользу Восточныхъ единовѣрцевъ нашихъ; съ другой домогательство Франціи къ возстановленію давно утраченнаго дипломатическаго вліянія своего въ Царѣ градѣ.

Дружественныя связи съ Турціею составляютъ одно изъ древѣйшихъ преданій Французской дипломатіи и непрерывное поддержаніе ихъ есть одна изъ главѣйшихъ ея заботъ. Въ прошедшемъ вѣкѣ, когда Оттоманская Имперія, покинутая всѣми, изнемогала подъ ударами Екатерининскихъ орловъ, одна Франція простирала къ ней дружественную, хотя и безсильную, руку помощи. Изъ обнародованныхъ въ прошломъ году Французскими и Сардинскими оффиціальными газетами дипломатическихъ документовъ, относящихся до 1782 и 1783 годовъ, мы видимъ, какъ настойчиво и горячо ходатайствовало за Турцію у всѣхъ дворовъ Европейскихъ правительствъ Людовика XVI, не смотря на всю внутреннюю безпомощную свою слабость: оно обращалось поочередно ко всѣмъ государямъ, — къ Иосифу II, но онъ вѣрно служилъ Екатеринѣ и не внималъ воплямъ Порты; къ Фридриху Великому, но тотъ мало довѣрялъ послѣдовательности и силѣ Версальскаго Кабинета и заботливо взвѣшивалъ его финансовыя и военныя средства; къ Сардиніи и Испаніи, но союзъ ихъ, хотя и искренній, былъ слишкомъ недостаточенъ; наконецъ и къ Англіи, но Фокеу было не до того: Англія страшилась въ то время лишь одного, — союза Россіи съ Америкою, и она была не прочь досадить Франціи и чужими руками ее унижить. Къ этому времени относится и первое возникновеніе мысли объ ограниченіи Русскаго Черноморскаго флота, которое было тогда предложено Императрицѣ Екатеринѣ Французскимъ кабинетомъ черезъ посланниковъ его въ Вѣнѣ и Лондонѣ и было ею отвергнуто (*). Въ послѣдствіи Наполеонъ I былъ также вѣрнымъ другомъ Турціи; и одна только настоятельная нужда въ союзѣ съ Императоромъ Александромъ I могла побудить его временно измѣнить ей. Наполеонъ III спѣшилъ воспользоваться спорнымъ вопросомъ о святыхъ мѣстахъ Іерусалимскихъ, чтобы усилить Французское вліяніе на Диванъ и постараться поколебать преобладаніе въ немъ Россіи.

Когда возникли первыя несогласія Россіи съ Портою, Австрійскому правительству легко было положить имъ предѣлъ: еслибы Австрія осталась вѣрна консервативной мысли престарѣлаго и оставив-

(*) Разговоръ о семъ съ Русскимъ посланникомъ при Британскомъ дворѣ Французскаго посланника Адемара сообщенъ подробно въ депешѣ послѣдняго къ Французскому Министру Иностраннхъ Дѣлъ г. Вержену отъ 30 Октября 1783 года. Предписаніе г. Вержена г. Бартедеми, Французскому повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, касательно того же предмета, заключается въ депешѣ отъ 22 Августа 1783 года.

шаго политическое поприще Канцлера, ей следовало бы потушить въ самомъ началѣ первыя искры возникашаго несогласія; для этого стоило только поддержать въ Царѣ-градѣ справедливыя требованія князя Меншикова точно также, какъ не задолго до этого Россія содѣйствовала тамъ же успѣху дипломатическаго порученія графа Лейнингена. Турція конечно не дерзнула бы противустать соединенному вліянію обоихъ Императорскихъ дворовъ. Но Австрія сдѣшала оправдать пророческія слова князя Шварценберга и удивить міръ великостію своей неблагодарности: государственные люди, ставшіе съ 1849 года во главѣ ея правленія, не сдѣлали ни шагу для предотвращенія грозившей войны Россіи съ Турціею и добровольно зажгли ее на берегахъ Дуная, поставивъ тѣмъ отечество свое въ самое затруднительное положеніе. Отеслѣ политическая роль Австріи является исполненною всевозможныхъ трудностей: занимая центральное положеніе между всѣми воюющими державами, связанная еще съ Россіею свѣжими воспоминаніями благодѣяній ея въ 1849 году, страшась законнаго вліянія ея на земли Славянскія, боясь за Италію, и потому угодная Франціи и Англіи, боясь за всегда готовое ускользнуть изъ рукъ ея первенство въ Германскомъ союзѣ, и потому недоувѣрчивая къ Пруссіи и вынужденная дѣлать частыя уступки ея дружественному расположенію къ Россіи, она должна была отеслѣ безпрестанно приводить въ дѣйствіе всѣ пружины своей дипломатической хитрости, чтобы удержать за собою вмѣстѣ и выгоды мира, настоятельно требуемаго грустнымъ положеніемъ ея финансовъ, и политическое вліяніе, доставленное ей честолюбіемъ ея государственныхъ людей.

Первыя попытки Вѣнскаго кабинета вовлечь въ кругъ своихъ дѣйствій весь Германскій союзъ были безуспѣшны: Пруссія съ крайнею осторожностію опредѣлила отношенія свои къ Австрійской политикѣ трактатомъ 20 Апрѣля, оговоривъ въ немъ, что имѣетъ при этомъ въ виду по мѣрѣ возможности избѣгнуть всякаго участія въ возгорѣвшейся войнѣ между Россіею съ одной стороны и Западными державами и Турціею съ другой. Когда дошли до нея слухи о приготавлившемся сближеніи Вѣнскаго кабинета съ Франціею и Англіею, она опять употребила всѣ усилія свои для предотвращенія этого, какъ казалось, рѣшительнаго шага къ разрыву; но графъ Буль подписалъ трактатъ 2 го Декабря и 24 го числа тогоже мѣсяца поручилъ графу Эстергази пригласить Пруссію къ приведенію

своего контингента въ подвижное состояніе. Предложеніе это было отринуто Прусскимъ дворомъ и, будучи передано 22 Января 1855 года на разсмотрѣніе Германскаго Сейма, вызвало въ немъ сильную оппозицію со стороны Прусскаго кабинета: Сеймъ, поставленный въ затруднительное положеніе разногласіемъ двухъ первенствующихъ Германскихъ державъ, по обыкновенію своему, согласился на мѣру среднюю и, отвергнувъ требуемую Австріею мобилизацію, согласился только на такъ называемое *Kriegsbereitschaft*, т. е. на приведеніе союзныхъ войскъ въ такое положеніе, чтобы онѣ всегда могли, по рѣшенію Сейма, быть приведены въ подвижное состояніе въ теченіи двухнедѣльнаго срока.

Между тѣмъ Австрія постоянно стягивала Италійскія войска свои и сосредоточивала ихъ въ Галиціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянно вѣрная своей двойственной политикѣ, передавала Западнымъ державамъ плоды конфиденціальныхъ сношеній графа Буля съ Русскимъ уполномоченнымъ въ Вѣнѣ: послѣ двухъ свиданій посланниковъ четырехъ державъ въ Вѣнѣ 28 декабря и 7 января 1855 года, рѣшено было созвать конференціи. Пруссія въ нихъ не участвовала, не взирая на несомнѣнное свое право, какъ первостепенная Европейская держава и участница въ трактатѣ 1841 года; но она не согласилась купить это участіе присоединеніемъ своимъ къ декабрьскому трактату Австріи съ Западными державами.

Конференціи Вѣнскія открылись $\frac{3-\text{го}}{15-\text{го}}$ марта, онѣ длились 14 засѣданій и кончились только $\frac{23 \text{ мая}}{4 \text{ іюня}}$, представивъ свѣту странное зрѣлище переговоровъ, въ которыхъ всѣ участники дошли до убѣжденія въ возможности возстановить нарушенное согласіе, но изъ конхъ при всемъ томъ не вышло желаннаго мира, потому что на самомъ дѣлѣ мира не хотѣлъ ни Императоръ Французовъ, ни лордъ Пальмерстонъ. И тотъ, и другой согласились на переговоры единственно въ надеждѣ встрѣтить упорное сопротивленіе Россіи и окончательно увлечь за собою Австрію; но бѣдствія, постигшія союзныя войска во время зимовки къ Крыму, стойкое мужество защитниковъ Севастополя и независимое, исполненное опасеній для Австріи положеніе Пруссіи уже успѣли шюколебать минутную рѣшимость Вѣнскаго министерства, и Австрія еще разъ ускользнула изъ объятій Императора Французовъ, вмѣсто войскъ и оружія своего оставивъ въ рукахъ его только одинъ лишний проэктъ мирнаго соглашенія, повлекшій за собою паденіе Друида

де Люкса и лорда Русселя. Лордъ Кларендонъ въ засѣданіи Палаты Перовъ $\frac{14}{26}$ іюня вскорѣ обнаружилъ всю радость своего правительства, по случаю не удавшихся переговоровъ, поспѣшивъ торжественно объявить, что отселѣ Франція и Англія считаютъ себя освобожденными отъ всѣхъ принятыхъ ими на себя обязательствъ и признаютъ за собою право предъявлять впредь всякія новыя требованія. Какъ бы то ни было, составъ лицъ, участвовавшихъ въ конференціяхъ, казалось, представлялъ сначала нѣкоторые залогъ успѣха. Главный представитель Англіи, лордъ Джонъ Руссель, за три недѣли до этого внезапно съ шумомъ покинувшій министерскія скамьи и живо похоронившій всю администрацію лорда Абердина, по дорогѣ въ Вѣну затѣкалъ въ Берлинъ и имѣлъ случай на мѣстѣ убѣдиться въ непоколебимости Прусскаго нейтралитета; пріѣхавъ въ Вѣну, онъ былъ свидѣтелемъ уступчивости барона Буркеня, Французскаго уполномоченнаго, и, какъ говорятъ, писалъ даже о ней Императору; самъ Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ де Люнсъ, пріѣхавшій уже въ половинѣ переговоровъ, въ скоромъ времени тайнѣ подчинился миролюбивой Вѣнской атмосферѣ. Засѣданія открылись прямымъ заявленіемъ князя Горчакова, что если кѣмъ бы то ни было предложатся условія мира, не совмѣстныя съ честію Россіи, то она на принятіе ихъ ни въ какомъ случаѣ не согласится, какія бы послѣдствія ни повлекъ за собою ея отказъ. Съ своей стороны лордъ Руссель долженъ былъ признаться, что миръ прочный долженъ по существу быть миромъ, честнымъ для Россіи.

Начались пренія о знаменитыхъ четырехъ пунктахъ: съ совершенною уступчивостію дѣйствовали князь Горчаковъ и г. Титовъ, нелицемѣрно стремясь къ добросовѣстному соглашенію выгодъ Россіи и Европы и непрестанно оговаривая права, купленные Россіею для пограничныхъ княжествъ цѣною собственной крови. Первые пять засѣданій привели къ полному обезпеченію и утвержденію политическихъ правъ и независимости Сербіи, Валахіи и Молдавіи, и къ установленію новой системы охраненія торговаго судоходства по Дунаю. Вопросъ о третьемъ пунктѣ, о нейтрализаціи Черпаго моря, явился неустраннимъ камнемъ преткновенія. Уполномоченные союзныхъ державъ, сознавая сами несоразмѣрность своихъ требованій, хотѣли предварительно выслушать Русскихъ уполномоченныхъ и до полученія послѣднимъ наставленій отъ своего правительства, упорно

отказывались приступить къ предварительному обсужденію четвертаго пункта, обезпечивавшаго права Христіанъ на Востокъ; тщетно настаивала на томъ и Австрія; тщетно обращались по телеграфу сами Друзи де Люисъ и лордъ Руссель къ своимъ правительствамъ съ требованіемъ отъ нихъ на то разрѣшенія; въ Парижѣ и Лондонѣ было хорошо извѣстно, что пренія эти возвысятъ положеніе Россіи, дадутъ ей рѣшительное вліяніе на ходъ переговоровъ и отодвинутъ 3-й пунктъ на степень вопроса второстепеннаго. Когда пришедшія изъ С. Петербурга наставленія предписали князю Горчакову выждать предварительнаго сообщенія видовъ союзныхъ державъ насчетъ Чернаго моря, послѣднія должны были наконецъ высказать свои требованія, немедленно въ основаніи своемъ отвергнутыя Россією. За тѣмъ князь Горчаковъ сообщилъ конференціи свои противупредложенія (*contrepropositions*), основанныя на открытіи Чернаго моря военнымъ флагамъ всѣхъ націй; и когда сообщеніе это было отвергнуто, когда лордъ Руссель уже уѣхалъ, князь Горчаковъ, желая истощить всѣ средства примиренія, просилъ созвать еще разъ конференцію, чтобы сдѣлать ей послѣднее предложеніе, уже на старомъ началѣ, *tabula clausum*, поддерживаемомъ и Австрією. Эта попытка имѣла успѣха не болѣе первой. За то она позволила Австріи извлечь изъ разногласныхъ мнѣній, выразившихся на конференціи, еще послѣдній средній проэктъ, который она взялась передать кабинетамъ Французскому и Англійскому, обязываясь въ случаѣ согласія ихъ предложить его Россіи въ видѣ грознаго ультиматума. Но ожесточенное унижительными неудачами общественное мнѣніе въ Англіи и неудовлетворенное еще славолубіе Императора Французовъ требовали продолженія войны; послѣ бурныхъ преній въ Нижней Палатѣ, лордъ Джонъ Руссель вторично вышелъ изъ министерства; равно и Друзи де Люисъ, конфиденціально одобрившій Вѣскій проэктъ, покинулъ портфель свой, передавъ его графу Валевскому; и война возгорѣлась съ новымъ ожесточеніемъ. Циркуляръ Русскаго канцлера возвѣстилъ всѣмъ нашимъ посольствамъ неудовлетворительное окончаніе конференцій, не хотѣвшихъ воспользоваться великодушію уступчивостію нашего правительства; графъ Валевскій отвѣчалъ на него съ своей точки зрѣнія другимъ циркуляромъ отъ 23 мая. Наконецъ двѣ официальныя статьи, помѣщенные въ *J. de S. Pét.* и въ *Moniteur*, заключили пренія; оружіе должно было рѣшить споръ.

Австрія, еще разъ искусно избѣгшая войны, усердно занятая внутренними преобразованіями, продолжала съ напряженнымъ любопытствомъ наблюдать за измѣнчивымъ ходомъ отчаянной борьбы, не воспрещая посланникамъ своимъ принимать участіе въ торжествахъ союзныхъ государей, которыми праздновали они самые двусмысленные успѣхи своего оружія; въ концѣ іюня мѣсяца правительство предписало первое, значительное сокращеніе арміи; а 18 го августа спѣшило заключить съ Папою выгодный для Рима конкордаты, дабы по возможности протѣивать въ Италіи Французскому и Сардинскому вліянію.

Съ своей стороны Занадныя державы продолжали начатую войну, не прерывавшуюся и во все время конференцій, заранѣе стараясь обезпечить себя новыми союзниками: 26-го января Сардинія подписала съ ними въ Туринѣ трактатъ, по коему обязалась выставить въ Крымъ вспомогательный корпусъ въ 15,000 человекъ, получивъ въ замѣну того отъ Франціи и Англіи заемъ въ 50,000,000 франковъ по 4%, изъ которыхъ 1% долженъ ежегодно быть обращаемъ на постепенное погашеніе долга. Съ тѣми же предложеніями дружбы своей и тѣми же просьбами о военной помощи обратились около того же времени въ февралѣ мѣсяцѣ союзники и къ Королю Неаполитанскому; но онъ остался непреклоненъ, и всѣ усилія Австріи, всѣ позднѣйшія угрозы Франціи и Англіи не могли измѣнить его образа мыслей и заставить его отступитъ отъ самаго строгого неутралитета.

Излишне было бы повторять подробности достопамятной войны 1855 года: свѣжа еще въ памяти каждаго Русскаго исполненная борьба, длившаяся одиннадцать мѣсяцевъ на Севастопольскихъ насыпяхъ; памяты ему и на вѣки незабвенны имена героевъ, «легшихъ тамъ костьми, да не посрамится земля Русская»; памяты также подвиги оружія нашего въ другихъ мѣстахъ, совершившіеся, гдѣ въ большихъ, гдѣ въ меньшихъ размѣрахъ, но всегда и вездѣ одушевленные удивительнымъ геройствомъ, безграничною любовію къ отечеству и полною преданностію къ вѣрѣ Православной. Блестательное отбитіе приступа въ маѣ, неудачный, но тѣмъ не менѣе честный бой на Океухинныхъ высотахъ, славная защита Севастополя въ роковой день послѣдняго приступа, наконецъ безпримѣрное отступленіе войска изъ пылающихъ развалинъ Южной части города на Сѣверную сторону стяжали, какъ всему Черноморскому флоту, такъ и офи-

церамъ и солдатамъ Крымской арміи, безсмертіе въ лѣтописяхъ военныхъ. Нельзя не сказать также, что ошибки союзныхъ полководцевъ не были ни маловажны, ни рѣдки, и что всѣхъ ихъ, даже и счастливаго маршала Пелисье, ожидаетъ въ будущемъ строгій судъ Военной Исторіи; на долю ея придется сказать со временемъ—позволительно ли было штурмовать Севастополь въ маѣ мѣсяцѣ, не достигнувъ сперва ни одного изъ предварительныхъ результатовъ, необходимыхъ для успѣха приступа; не благоразумнѣ ли было бы замѣнить продолженіемъ бомбардировки и второй приступъ, стоившій обоимъ союзнымъ войскамъ такихъ страшныхъ потерь, наконецъ простительно ли было непріятельскимъ полководцамъ, послѣ паденія Южнаго Севастополя, провести цѣлый мѣсяцъ въ бездѣйствіи, имѣя въ Евпаторіи большое, совершенно бесполезное войско, тогда какъ самый нехитрый здравый смыслъ указывалъ имъ на Николаевъ, какъ на естественную цѣль немедленнаго похода.

Не менѣе честна для Россіи была борьба ея съ врагами и въ морѣ Балтійскомъ, подъ стѣнами Свеаборга, и въ особенности въ Турецкой Азіи и въ водахъ Тихаго Океана. Паденіе Карса, этого оплота Азіатскихъ областей Турціи, послѣ продолжительной упорнѣйшей блокады, дѣлающей особенную честь мужеству и безропотной дисциплинѣ Русскаго солдата, было событіемъ громкимъ въ Азіатской политикѣ и, независимо отъ временной стратегической важности своей, надолго нанесло тяжкій ударъ Англійскому преобладанію въ Средней Азіи; бѣдственный опытъ вторженія въ Мингрелію Омерашаши, кончившійся совершеннымъ разстройствомъ послѣдней Турецкой арміи и доказавшій Европѣ, что владычество Россіи въ Грузіи основано на прочныхъ началахъ любви и приверженности къ ней всего Христіанскаго населенія, довершилъ въ этой части свѣта успѣхи Русскаго оружія и заставилъ Англію трепетать, на случай продолженія войны, за судьбу Эрзерума и Англо-Азіатской торговли. Всѣ эти событія имѣли естественно не маловажное вліяніе на отношенія Персіи къ Россіи и Англіи; дружественное расположеніе къ намъ Шаха возрастало съ каждымъ днемъ и побудило его наконецъ отправить въ С. Петербургъ чрезвычайное посольство для окончательнаго скрѣпленія взаимныхъ узъ; Англійское вліяніе, уже съ самаго начала войны постепенно слабѣвшее въ Тегеранѣ, потеряло послѣдній ударъ вслѣдствіе ссоры съ Персидскимъ правительствомъ, Англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, Муррея, подражавшаго въ Те-

герантъ приѣмамъ сира Стратфорда Редклифа. Всенлчливый Муррей принужденъ былъ оставить столицу Шаха и удалиться въ отдаленный пограничный городъ Персін, оставивъ полный просторъ въ ней Русскому вліянію. Наконецъ взятіе Герата, этой важнѣйшей станціи сухопутнаго сообщенія съ сѣвѣрною Индією, Афганскимъ княземъ Юсуфомъ, при дѣятельномъ участіи въ томъ Персидскаго двора, и объявленіе Юсуфа себя подручникомъ Персін, заключаетъ картину состоявшихся неудачъ Британской политики въ средней Азіи въ 1855 году. Онѣ повторялись и въ другой, самой дальней восточной области Азіи, въ устьяхъ Амура и водахъ Тихаго Океана, гдѣ труднѣ всего было бы Россіи ожидать успѣха, по незначительности своихъ тамъ средствъ и страшной отдаленности отъ средоточія государственнаго управленія. Но и тамъ мужество и дѣятельная распорядительность главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ, вице-адмирала Путятина, генерала Завойко, генераль-губернатора Восточной Сибіри П. Н. Муравьева, и Преосвященнаго Иннокентія, успѣли, при обычномъ Русскомъ самоотверженіи вѣрнѣйшихъ имъ войскъ, превозмочь все трудности, свято сохранить честь отечественнаго флага и упрочить навсегда за Россією существенныя выгоды. Памятникомъ имъ останется на вѣки много общающіе новые поселки наши на Амуръ и заключенный адмираломъ гр. Путятинымъ трактатъ съ Японією, безъ сомнѣнія богатый послѣдствіями для вліянія нашего на восточную Азію. Если внимательно прослѣдить и разобрать все военныя дѣйствія 1855 года, то нельзя не признаться, что онѣ представили весьма различные результаты для славы оружія Французскаго и Англійскаго; еще и теперь существуютъ во всей своей силѣ все нелестныя для послѣдняго сравненія, вызванныя уже первыми событіями предшествовавшей компаніи. Военный духъ Французской націи и крѣпкая, могучая организація военныхъ силъ Французскихъ, основанная Наполеономъ I и съ тѣхъ поръ преемственно развиваемая, какъ драгоценное наслѣдіе, всеми другъ за другомъ слѣдовавшими правительствами, особенно же семействомъ Орлеанскимъ, съ самаго начала войны доставили Французской арміи тотъ огромный нравственный перевѣсъ, который еще болѣе, нежели перевѣсъ числительный, немедленно выдвинулъ Францію на первый планъ и сдѣлалъ предметомъ постоянной, но безсилной зависти Британскаго правительства и всей Англійскаго націи. День паденія Малахова Кургана былъ днемъ торжества Французскихъ легіоновъ не надъ Русскими войска-

ми, въ коихъ привыкли они въ теченіи одиннадцатилѣтней осады видѣть достойныхъ преемниковъ героевъ Бородинскихъ, но надъ опозоренными своими Британскими союзниками, и онъ омылъ для нихъ горькія воспоминанія бѣдствій Франціи подъ Ватерлоо.

Эта унижительная роль, разыгранная Англійскимъ войскомъ въ хвостѣ Французскихъ легіоновъ, отозвалась громовыми ударами въ настроеніи общественнаго мнѣнія и въ политической конституціи острова, уже давно привыкшаго къ преобладающему голосу въ дѣлахъ Европы и къ легкимъ торжествамъ извилистой и всегда своекорыстной политики. Насталъ день горькихъ размышленій: зимою 1854—1855 года Англійская публика съ ужасомъ, уже болѣе 40 лѣтъ ей незнакомымъ, узнала, что Крымская армія ея уже не существуетъ, что отъ всего блистательнаго войска, при столь громкихъ надеждахъ и похвалѣбахъ отправлявшагося на Востокъ, остались одни незначительныя кадры полковъ; что рядомъ съ хорошо содержимымъ и исправнымъ Французскимъ войскомъ безпрестанно умираетъ отъ болѣзней и лишній цвѣтъ Англійскихъ солдатъ, что конница лишилась всѣхъ лошадей своихъ, офицеры спѣшатъ покинуть полки и возвратиться въ отечество, а рядовые толпами перебѣгаютъ къ непріятелю, предпочитая неминуемой гибели позоръ дезертирства. Полуофициальный органъ министерства, Morning Post, долженъ былъ 25-го февраля официально признаться, что въ Крыму состоитъ подъ ружьемъ только 24,631 человекъ; Times ожесточенно и, какъ въ послѣдствіи оказалось, справедливо обличалъ его во лжи, утверждая, что изъ 53,000 отправленнаго на Востокъ Британскаго войска осталось дѣйствительно годныхъ къ службѣ не болѣе 10,000 человекъ. Неумѣстная искренность газетъ въ обсужденіи явленій Крымской компаніи дошла наконецъ до того, что грозная статья Французскаго Монитера, отъ 11-го февраля, взялась напомнить имъ объ опасности подобной полемики и признаній въ военное время и настоятельно потребовала болѣе скромности. Впечатлѣніе, произведенное этими грустными извѣстіями на Англійскій народъ, какъ нельзя лучше, выражается недавними словами одной Англійской газеты: «Зима 1854—55 года, говоритъ она, не скоро «будетъ забыта Англичанами. То было время страшныхъ предзнаменованій, страданій невыразимыхъ; народъ предался самымъ спланнымъ обвиненіямъ, какъ бы какимъ сатурналіямъ... Всякій, кто «только могъ писать или говорить, самовольно облачалъ себя въ

«звание члена Комитета общественной безопасности; конституціонное «ученіе объ отвѣтственности министровъ было съ полнымъ ожесточеніемъ вызвано къ жизни; всякій требовалъ немедленнаго отправления комиссаровъ въ Крымскую армію, подобно тому, какъ посылалъ ихъ некогда Французскій Революціонный Конвентъ для «освидѣтельствованія армій Республики; мы увидѣли наконецъ истинную, совершенную революцію въ домашнемъ управленіи нашемъ: «само правительство отправило таковыхъ комиссаровъ въ Крымъ «для произведенія слѣдствія надъ нашими генералами»... Что можно прибавить къ подобной картинѣ?

Среди этого страшнаго волненія общественнаго мнѣнія, министерскіе кризисы съ неимовѣрно быстрою слѣдовали одинъ за другимъ, доставляя впрочемъ публикѣ лишь частное удовлетвореніе. Первый толчекъ былъ данъ знаменитымъ предложеніемъ г. Робока, требовавшего, чтобъ Нижняя Палата нарядила комиссію для изслѣдованія дѣйствительнаго состоянія Крымской арміи и истины сыпавшихся со всѣхъ сторонъ обвиненій. Нѣсколькими днями позднѣе сирь Чарльзъ Непиръ, на официальномъ обѣдѣ лорда-мера Лондонскаго, осыпалъ бранью и сарказмами лордовъ Адмиралтейства и громогласно вызывалъ ихъ на объясненія въ Парламентѣ, требуя въ случаѣ несправедливости его показаній, немедленнаго исключенія своего изъ списка состоящихъ на службѣ адмираловъ.

Предложеніе Робока, благодаря враждебному настроенію общественнаго мнѣнія, а отчасти и двусмысленному поведенію лорда Джона Росселя, поспѣшившаго измѣнить своимъ товарищамъ и выйти въ отставку 25 января, наканунѣ обсужденія возмущеннаго предложенія, имѣло новыи, дотолѣ небывалый успѣхъ: оно прошло большинствомъ 305 голосовъ противъ 148. Лордъ Абердинъ и товарищи его, выслушавши въ полномъ смыслѣ справедливый приговоръ надъ ними націи, сложили съ себя власть и немедленно подали въ отставку. Настало долговременное, такъ сказать, между-правленіе. Тщетно обращалась Королева къ вождямъ главныхъ партій — къ лорду Ландсдоуну, къ графу Дерби, испрашивая ихъ совѣтовъ и поручая составить новыя управленія. Партіи, раздробившіяся до безконечности, существовали уже только по имени, и Англія должна была съ ужасомъ убѣдиться въ несостоятельности своей старой парламентской системы; лучшіе люди Англіи, и Барингъ, одинъ изъ первыхъ Лондонскихъ банкировъ, и Лейгъ, извѣстный директоръ многихъ ком-

паній желѣзныхъ дорогъ, отказывались принять участіе въ управленіи. За отсутствіемъ политической партіи, довольно сильной, чтобы твердою рукою взять кормило правленія, кинутого на произволъ слѣпago случая, оно опять досталось въ руки челоуѣка, не смотря на лѣта и аристократическое положеніе свое въ обществѣ, умѣвшаго сохранить и развить въ себѣ удивительную способность примѣнять мнѣнія и убѣжденія свои къ измѣнчивымъ теченіямъ народнаго произвола. Лордъ Пальмерстонъ окончательно составилъ новое министерство или, лучше сказать, въ качествѣ первенствующаго министра, остался во главѣ правленія съ прежними товарищами своими, за исключеніемъ только тронхъ. Лордъ Россель назначенъ уполномоченнымъ на Вѣнскихъ конференціяхъ; а для удовлетворенія взволнованнаго общественнаго мнѣнія, двѣ до тѣхъ поръ разрозненныя вѣтви военнаго управленія, вспомяная независимость коихъ была конечно одною изъ причинъ Крымскихъ неудачъ, поручены были вѣдомству лорда Панмюра, отселя сдѣлавшагося уже въ истинномъ смыслѣ министромъ военныхъ силъ. Но общественное мнѣніе не удовлетворялось еще такими незначительными уступками: временный представитель его, Робокъ, спѣшилъ возобновить предложеніе свое и просить Нижнюю Палату окончательно назначить составъ слѣдственной Коммиссіи, избравъ въ нее членовъ изъ среды своей. Не имѣя силы отклонить отъ правительства новую грозу и твердо рѣшившись, во что бы ни стало, сохранить за собою съ такими усиліями пріобрѣтенное званіе первенствующаго министра, лордъ Пальмерстонъ согласился теперь на предложеніе, отвергнутое имъ за мѣсяцъ, когда онъ еще былъ простымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ лорда Абердина, и заранѣе согласился только съ Робоконъ въ выборѣ лицъ, которыя должны были составить коммиссію. Не такъ думали пилеты, немедленно посѣдѣвшіе разстаться съ первымъ министромъ, которыхъ онъ замѣнилъ людьми совершенно незначительными. Лордъ Джонъ Россель, въ то время уже отсутствовавшій, опять назначенъ министромъ: ему вручили управленіе колоніями, но онъ также не долго оставался въ этомъ столько уже разъ подвергавшемся преобразованіямъ министерствѣ, и разсорился съ нимъ въ конецъ, по случаю дипломатическаго порученія своего въ Вѣнѣ.

Кромѣ дробности обмелѣвшихъ и разбившихся на многіе отѣнки политическихъ партій, эти безпрерывныя колебанія власти вызыва-

лись еще другимъ обстоятельствомъ, тѣсно связаннымъ со всею внутреннею Британскою жизнью: дѣло въ томъ, что съ изданіемъ билля о реформѣ и съ развитіемъ промышленности, желѣзныхъ дорогъ и компаній, политическое вліяніе перешло совершенно изъ рукъ аристократіи въ руки средняго и даже, еще болѣе, въ руки второстепеннаго торговаго класса. Этотъ классъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на старый порядокъ вещей, испещренный всякаго рода привиллегіями, которыя въ настоящей Англійской конституціи лишаютъ его, не смотря на его многочисленность и дѣйствительное могущество, всякаго прямого вліянія на дѣла, предоставляя ему, вмѣсто участія въ Нижней Палатѣ, лишь право шумно выражать свои мнѣнія на митингахъ. Явленіе это не ускользнуло отъ взоровъ благородныхъ лордовъ и въ настоящую войну вызвало отчаянный волю ихъ, хотя конечно не навело ихъ на истинную причину зла. Лордъ Элленборо уже въ маѣ мѣсяцѣ говорилъ въ Палатѣ Перовъ: «Я внимательно наблюдаю за ходомъ событій въ нашемъ отечествѣ и убѣждаюсь, что предъ глазами нашими совершается великій и опасный переворотъ въ конституціонномъ механизмѣ. Было время, когда общественнымъ мнѣніемъ руководили парламентскія пренія, когда, даже послѣ кратковременнаго вліянія агитаторовъ на народъ въ промежуткахъ парламентскихъ засѣданій, собравшіяся палаты постоянно вновь успѣвали овладѣвать общимъ направленіемъ умовъ. Боюсь сказать, но все это теперь уже измѣнилось. Я съ ужасомъ вижу, что теперь общественное мнѣніе образуется уже внѣ палатъ и извнѣ на нихъ напираетъ.» Еще яснѣе выразился графъ Дерби, обращаясь къ тѣмъ же лордамъ, и притомъ съ тѣмъ напыннымъ сожалѣніемъ объ отжившемъ порядкѣ вещей, которое можетъ служить лучшимъ ручательствомъ за откровенность замѣчаній: «До билля о реформѣ, говоритъ онъ, мы имѣли значительное число избирательныхъ коллегій, находившихся подъ непосредственнымъ контролемъ аристократическихъ или богатыхъ семей и обыкновенно называвшихся гнилыми мѣстечками. Какъ бы ни были эти коллегіи недостаточны въ устройствѣ своемъ и противны духу конституціи, онѣ доставляли удобный и легкій входъ въ Парламентъ людямъ молодымъ, еще неизвѣстнымъ публикѣ и съ раннихъ лѣтъ избравшимъ собою политическое поприще не столько изъ денежныхъ выгодъ, сколько по своей врожденной склонности къ этого рода занятіямъ. Билль о реформѣ закрылъ эту постоянно растворяющуюся

«дверь въ Парламентъ, и вдругъ изсякъ этотъ плодovitый разсадникъ государственныхъ людей. Теперь большіе города стали избирать людей, конечно весьма способныхъ, но за то зрѣлыхъ, сдѣлавшихъ себѣ уже имя на разныхъ жизненныхъ путяхъ, адвокатовъ, промышленниковъ, погруженныхъ въ значительныя дѣла... Изъ всего этого слѣдуетъ, что Парламентъ заключаетъ въ себѣ теперь несравненно менѣе людей, воспитанныхъ и взрощенныхъ для политической профессіи, чѣмъ ихъ было до изданія билля о реформѣ»... Весьма замѣчательно это наивное сожалѣніе объ отжившихъ злоупотребленіяхъ въ ту самую минуту, когда злоупотребленія, еще сохранившіяся, ополчаются противъ себя единодушный протестъ всего народа; но оно изобличаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и присутствіе въ нынѣ существующей системѣ парламентарнаго представительства явныхъ и несомнѣнныхъ недостатковъ, грозящихъ Англійской конституціи дѣйствительною опасностію, если не будутъ оны устранены новымъ политическимъ преобразованіемъ системы избирательства. Впрочемъ вопросъ объ электоральной реформѣ еще не былъ поднятъ, и самое имя ея не было произнесено въ 1855 году, хотя ей безъ сомнѣнія суждено въ скоромъ времени сдѣлаться существеннѣйшимъ вопросомъ внутренней Британской политики. За то общественное мнѣніе, подстрекаемое ежедневными требованіями войны, стало единодушно настаивать на необходимости преобразованія всѣхъ частей управленія, преобразованія полнаго, безусловнаго. Въ маѣ мѣсяцѣ составилось, на подобіе прежней кобденской лиги, общество административной реформы и произвело сильное движеніе по всему королевству: пиллисты соединились съ торіями и другими врагами министерства; протестъ коснулся всѣхъ злоупотребленій, — отсутствія централизаціи, продажности военныхъ чиновъ, монополіи должностей въ рукахъ аристократіи, привилегій королевской гвардіи, независимаго положенія главнокомандующаго арміею, награждающаго офицеровъ, помимо и вопреки военнаго министерства, наконецъ даже самаго состава Палаты Перовъ. Ожидая исправленія зла лишь отъ напряженнаго состоянія, въ коемъ война содержала всѣ умы, общественное мнѣніе настойчиво требовало продолженія ея, страхась, чтобъ съ возстановленіемъ мира не заснуло правительство; и только въ послѣдствіи стало оно вновь прислушиваться къ заглушеннымъ дотошъ голосамъ Кобдена и Брайта.

Впрочемъ это внимательство общественнаго мнѣнія въ дѣла госу-

дарственный было для Англіи въ высшей степени спасительно: раскрывая зло, оно съ неподкупной откровенностію указывало вмѣстѣ съ тѣмъ и на лучшіе способы врачеванія, и доставило чрезъ то правительству средство ввести значительныя улучшенія въ военномъ устройствѣ; огромное усиленіе флота, преимущественно бомбардами и канонирскими лодками, доведеніе сухопутнаго войска до цыфры, прежде въ Англіи никогда неслыханной, наконецъ исправное и бодрое состояніе Крымской арміи къ веснѣ 1855 года, были прямыми и непосредственными послѣдствіями годоваго движенія и еще разъ явили свѣту выгоды свободнаго слова и развитаго общественнаго мнѣнія передъ невѣжественнымъ самодовольствомъ коснѣнія.

Война, внезапно вызвавшая Европу къ дѣятельности на новомъ, давно покинутомъ ею поприщѣ, стоила ей страшныхъ усилій и огромныхъ вещественныхъ пожертвованій: когда довершится нынѣшній годъ и представлены будутъ всѣми правительствами Европы отчеты за него, тогда финансовая статистика исчислитъ съ совершенною точностію и опредѣлительно скажетъ, чего стоило Европѣ разрушеніе Севастопольскихъ доковъ. Теперь можно представить уже нѣсколько отрывочныхъ данныхъ, которыхъ совокупность достаточна, чтобъ обнаружить совершенную несоразмѣрность употребленныхъ средствъ и достигнутыхъ политическихъ цѣлей. Еще яснѣе слѣзается она тогда, когда, по обнародованіи правительствомъ нашимъ отчета за нынѣшній годъ кредитныхъ учрежденій, можно будетъ приблизительно указать на финансовыя послѣдствія для насъ настоящей войны, далеко не обременившей государственнаго нашего казначейства такимъ страшнымъ долгомъ, въ какой вовлечена Европа. Вотъ главные данныя для опредѣленія финансоваго положенія послѣдней: въ теченіи 1854 года война стоила Англіи уже 16 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; бюджетъ за 1855 годъ опредѣлилъ содержаніе войска и флота въ 49,812,000 ф. ст., изъ которыхъ 33,500,000 вызваны были исключительно чрезвычайными военными издержками. Скажемъ однако къ чести Англійскихъ финансовъ, что эти страшныя издержки покуда повлекли за собою меньшіе займы, чѣмъ во Франціи; Англійское казначейство, съ начала войны до 1856 года, удовлетворялось займомъ въ 16,000,000 ф. ст., и выпускомъ билетовъ казначейства въ 7,000,000 ф. ст. И въ возвышеніи налоговъ оно нашло для веденія войны такія средства, какихъ ни одно другое Европейское государство не въ силахъ извлечь внезапно изъ этого источника:

кроме усиленія подати на чай и сахаръ, одно удвоеніе прямой подати съ доходовъ немедленно доставило правительству излишекъ годового дохода въ 8 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ и доказало, что усиленіе до 40% этого справедливѣйшаго и разумнѣйшаго во всякомъ развитомъ обществѣ источника государственныхъ доходовъ можетъ доставить Британскому правительству до 24,000,000 ф. ст. въ годъ, т. е. около $\frac{1}{2}$ всего государственнаго бюджета въ мирное время. Нельзя не изумиться подобному развитію народнаго благосостоянія! Императоръ Французовъ, по самому положенію своему естественно менѣе скупой на займы, ввелъ лишь нѣсколько незначительныхъ налоговъ, изъ которыхъ главный состоялъ въ возвышеніи всѣхъ прямыхъ податей еще на десять процентовъ, что должно доставить казначейству около 50 милліоновъ франковъ въ годъ; чрезвычайные военные расходы удовлетворились во Франціи почти исключительно тремя другъ за другомъ послѣдовавшими отверженными займами въ 250, 500 и 780 милліоновъ, изъ коихъ къ 1 января 1856 года Французское правительство получило уже 1,420 милліоновъ франковъ, и какъ видно изъ отчета министра финансовъ отъ 15 января сего года, издержало уже на войну цѣлый милліардъ въ теченіи 1854 и 1855 годовъ.

Изъ официальныхъ сообщеній, сдѣланныхъ Туринскимъ законодательнымъ палатамъ Сардинскими министрами, слѣдуетъ, что война до нынѣшняго 1-го января должна была обойтись Сардиніи въ 74,500,000 франковъ; почему, кроме первоначальнаго займа, сдѣланнаго у Франціи и Англіи въ 50 милліоновъ, открыть еще второй заемъ въ 30 милліоновъ франковъ....

Наконецъ и Турція не дешево купила мнимое освобожденіе свое отъ иноземныхъ вліяній: конечно невозможно исчислить всѣхъ страшныхъ пожертвованій, наложенныхъ на нее войною и извлеченныхъ изъ нея правительствомъ Турецкимъ въ видѣ разныхъ натуральныхъ повинностей и поборовъ, которыхъ невыносимая тягость для народа усиливалась еще ихъ неизбѣжнымъ отсутствіемъ уравненія и постоянными злоупотребленіями при взиманіи; но кроме этихъ всегда тощихъ и скудныхъ средствъ, обремененно составляющихъ первую основу всѣхъ необразованныхъ и мало развитыхъ финансовыхъ управленій, Турецкое правительство было вовлечено и въ немалые расходы денежные. Изъ обнародованнаго имъ отчета видно, что съ 27 мая 1853 года по 27 августа 1855 года, въ теченіи 28 мѣсяцевъ, однѣ чрезвычай-

чайныя денежныя издержки дошли до баснословной для Турціи цыфры, 11,200,000 фунтовъ стерлинговъ. Издержки эти, кромѣ выпуска ассигнацій почти на 1,500,000 ф. ст., удовлетворялись еще двумя займами, въ 3 милліона фунтовъ стерлинговъ въ августѣ 1854 года и въ 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ іюнѣ 1855, изъ коихъ послѣдній обезпеченъ ручательствомъ Франціи и Англіи и, кромѣ того, (обезпеченъ) въ видѣ спеціального залога, Египетскою данью и таможенными доходами Сирійскими и Смирнскими.

Если взять въ соображеніе, что первоначальныя смѣты всегда и вездѣ оказываются ниже дѣйствительныхъ расходовъ, что, не смотря на заключеніе мира, чрезвычайныя Европейскія вооруженія не могутъ быть вдругъ сокращены и переведены на мирную ногу и что обратная перевозка войскъ и снарядовъ изъ Крыма будетъ стоять огромныхъ суммъ; то можно уже теперь съ достовѣрностію предположить, что совокупность этихъ послѣднихъ расходовъ съ 1-го января 1856 года никакъ не можетъ быть ниже половины всѣхъ военныхъ издержекъ, предшествовавшихъ этому дню и, согласно выше приведеннымъ официальнымъ цыфрамъ, простиравшихся до громадной суммы 2,600 милліоновъ франковъ. Такимъ образомъ къ 1557 году однѣ чрезвычайныя военныя издержки обойдутся Англіи, Франціи, Сардиніи и Турціи въ 4 милліарда; не говоря о тѣхъ расходахъ, въ которые самая обыкновенная осторожность должна была вовлечь Пруссію съ Германскимъ союзомъ, Швецію и Данію, и которые добровольно нажила себѣ Австрія своею двойственною политикою. Одна Пруссія, не смотря на благоразумную бережливость и примѣрное управленіе свое, издержала на чрезвычайные военные расходы, по-исчисленію газеты Берлинской биржи, въ теченіи 1854 года 4,135,000 талеровъ, а въ теченіи 1855 года ежемѣсячно по 1,685,000 талеровъ.

Спрашиваемъ у каждаго безпристрастнаго человѣка въ Европѣ: не слишкомъ ли дорого куплено цѣною этихъ вещественныхъ пожертвованій и всей пролитой человѣческой крови то временное преобладаніе Западной политики въ дѣлахъ Турціи, которое вовсе неестественно и вовсе незаконно, а потому и не можетъ долго продолжаться въ нынѣшней мѣрѣ своей, вопреки ничѣмъ несокрушимоу влиянію единогласія и вѣковыхъ преданій? Спрашиваемъ также у каждаго добро-совѣстнаго Англичанина: неужели капиталъ въ 75 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (475 мил. р. сер.,) издержанный одной Англіею

для временной отсрочки неминуемой судьбы Турціи, можетъ когда-нибудь окупиться для нея успѣхами торговли ея въ Левантѣ, особенно при неизбежномъ совмѣстничествѣ промышленности Австрійской; когда и теперь, подъ вліяніемъ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, для ввоза туда товаровъ въ замѣнъ грубыхъ произведеній, потребляемыхъ въ Турціи Англійскими войсками и флотомъ, ввозъ этотъ, по словамъ Англійскаго же журнала Economist, въ 1854 году не превзошелъ 8,119,000 ф. ст.? Не очевидно ли всякому, что капиталъ, однажды непронизительно поглощенный издержками военными, не успѣетъ вновь составиться этимъ косвеннымъ путемъ?

Впрочемъ отличительною чертою только что прожитой Европою эпохи кровопролитной брани можетъ служить то обстоятельство, что рядомъ и одновременно съ этимъ страшнымъ непронизительнымъ потребленіемъ капиталовъ шло повсемѣстно энергическое движеніе народовъ на поприщѣ промышленнаго преусищенія. Въ Англіи, водрузившей съ 1846 года знамя свободной торговли и издавна сильной самодѣятельностію общества на всѣхъ путяхъ жизни, правительство не имѣло нужды въ искусственномъ направленіи народа на эту знакомую ему стезю, гдѣ онъ уже давно привыкъ являться вожатымъ Европейской гражданственности. Въ Пруссіи и Сѣверной Германіи дѣло также сдѣлалось само собою, при содѣйствіи благоразумной либеральной политики правительства въ вопросахъ народной промышленности и подъ вліяніемъ благопріятной для Сѣверно—Германской торговли блокады Русскихъ прибалтійскихъ портовъ, направившей весь транзитъ нашихъ торговыхъ сношеній съ Западною Европою черезъ Пруссію и сопредѣльные съ нею Нѣмецкія государства и сдѣлавшейся для нихъ источникомъ самыхъ выгодныхъ оборотовъ. За то въ Австріи и во Франціи, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, сами правительства спѣшили стать во главѣ промышленнаго движенія и тѣмъ сообщить ему усиленную жизнь, не чуждую быть можетъ и нѣкотораго лихорадочнаго характера.

Во Франціи такое направленіе общественной дѣятельности безъ сомнѣнія въ высшей степени соотвѣтствовало личнымъ выгодамъ Людовика Наполеона, для котораго лучшимъ ручательствомъ собственнаго владычества надъ Франціею служить конечно всецѣлое, полное поглещеніе всѣхъ способностей и всей дѣятельности народа не одною войною, но и разнообразѣйшими предпріятіями промышленности и торговли. Кипящій трудъ въ обширныхъ мастерскихъ,

наполняющихъ предметія Паржа и Ліона, развитіе земледѣлія, долженствующее по возможности противоборствовать чрезмѣрному притоку сѣльского народонаселенія въ столицу, учрежденіе огромныхъ казенныхъ работъ въ самомъ Парижѣ для занятія праздныхъ, всегда готовыхъ къ волненію ремесленниковъ, естественно должны были сдѣлаться первою и главною заботою хитраго правителя. Эти небезкорыстныя заботы о развитіи всякаго рода промышленной дѣятельности находили себѣ отчасти оправданіе и въ постигшемъ Западную Европу, и въ особенности Францію, голодѣ, непосредственно послѣдовавшемъ за годомъ, также довольно скуднымъ по урожаю хлѣбовъ; когда цѣны на муку дошли въ Парижѣ въ концѣ августа мѣсяца до 100 франковъ и 25 сантимовъ за кулъ во 157 килограммовъ (около $9\frac{1}{2}$ пудъ), а къ 4-му декабря 1855 года возвысились даже до 111 франковъ; когда *Moniteur* долженъ былъ официально возвѣстить Франціи необходимость ввоза извнѣ по крайней мѣрѣ 7 милліоновъ гектометровъ (9,600,000 четвертей), въ пополненіе необходимаго годоваго запаса для народнаго продовольствія, а самыя умѣренныя и основательныя изъ неофициальныхъ газетъ Французскихъ показывали хлѣбный недостатокъ въ полтора раза большій. Впрочемъ, кромѣ этихъ случайныхъ поводовъ и эгонетическихъ расчетовъ, дѣйствіями Императора Французовъ руководили также болѣе обширныя помыслы, почерпнутые имъ изъ внимательнаго изученія современныхъ потребностей Французскаго общества и ошибокъ предшествовавшихъ ему правленій. Соображаясь съ добытыми уже значительными успѣхами внутренней промышленности, настоятельно требовавшей болѣе свободнаго ввоза всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для фабричной разработки, и отселѣ въ свободномъ соперничествѣ другихъ народовъ долженствовавшей найти себѣ полезное поощреніе, Людовикъ Наполеонъ счѣнилъ отмѣнить обветшалую охранительную политику, нажившую столько враговъ Орлеанскому дому. Переходъ правительства къ новому возрѣнію и новой системѣ былъ, такъ сказать, торжественно возвѣщенъ официальной газетою, помѣстившею въ юлѣ мѣсяцѣ въ столбцахъ своихъ длинную статью, доставленную изъ министерства торговли, гдѣ подробно перечислялись всѣ разнообразныя выгоды, извлеченныя Англією изъ экономическаго переворота Сиръ-Р. Пиля. Вскорѣ новыя начала стали получать и практическое приложеніе: нѣсколько одно за другимъ послѣдовавшихъ постановленій значительно понизили привозныя пошлины съ чугуна, разныхъ сор-

товъ желѣза и стали, всякихъ паровыхъ машинъ, желѣзныхъ инструментовъ и орудій, съ шерсти, съ поташнаго гидрохлората и смолистыхъ веществъ, измѣнили самыя основанія раскладки многихъ изъ этихъ пошлинъ; наконецъ въ видѣ временной мѣры допустили безпошлинный привозъ во Францію всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для корабельной постройки, и разрѣшили самую покупку готовыхъ судовъ за границу, съ платою въ казну только десяти-процентной пошлины со стоимости. Въ тоже самое время счастливое подражаніе первой Всемірной Лондонской выставкѣ собирало въ Парижѣ все чудеса современной промышленности, въ теченіе 198 дней ежедневно созывая въ стѣны роскошныхъ палатъ своихъ среднимъ числомъ около 23,000 частію любопытныхъ, частію праздныхъ зрителей. (*)

Въ Австріи, гдѣ съ первыхъ годовъ настоящаго столѣтія неоднократно повторявшееся государственное банкротство сдѣлалось явленіемъ какъ бы естественнымъ и должнымъ, всѣ мѣры, предпринимавшія правительствомъ, для возбужденія успѣховъ народной промышленности, естественно должны были клониться главнымъ образомъ къ возможному улучшенію этого общественнаго порядка вещей, а потому и носить на себѣ отпечатокъ постоянной, преимущественной заботы о финансовой прибыли казны. Трудно рѣшить, соответствуетъ ли силамъ одного человѣка, какъ бы ни былъ онъ даровитъ, многосложная задача, павшая на долю новаго министра финансовъ, г. Брука: успѣть ли онъ возстановить жизненные силы въ отживающемъ организмѣ и спасти государство отъ окончательной несостоятельности, подготовленной полувѣковыми систематическими ошибками и лишь посредствомъ сверхъестественныхъ усилій со дня на день до нынѣ отерочиваемой. Какъ бы то ни было, безпристрастному наблюдателю нельзя смотрѣть безъ истиннаго уваженія на благородную личность человѣка, посвятившаго отечеству своему обширныя способности и неутомимый трудъ и не отчаявагося въ будущности родной земли своей, не взирая на всѣ видимые признаки ея упадка. Коротко знакомый съ потребностями областей Турецкихъ, онъ прежде всего приложилъ всѣ заботы свои къ поощренію и усиленію дѣятельности торговаго общества Лойда и къ открытію ему обширнаго поприща на богатомъ рынкѣ Балканскаго полуострова и Малоазіат-

(*) Извѣстно, что Лондонская выставка въ теченіи своего 163-дневнаго существованія имѣла среднимъ числомъ ежедневно 36,000 посѣтителей.

скаго побережія. Съ другой стороны обращено вниманіе на приведеніе таможенныхъ тарифовъ въ ближайшее соотношеніе съ Сѣверо-Германскими и утверждено, по образцу Парижскаго *Crédit Mobilier*, на 90 лѣтъ Императорское Австрійское Привилегированное учрежденіе для торговли и промышленности, съ капиталомъ во 100 милліоновъ гульденовъ (65 мил. р. сер.) звонкою монетою, основанное банкирами Ротшильдомъ и Леммелемъ въ соединеніи съ знатнѣйшими Австрійскими дворянскими домами. Учрежденіе это возымѣло немедленно полный успѣхъ и во всѣхъ отношеніяхъ общаетъ Вѣнскому рынку блистательнѣйшія выгоды. Для пополненія всепожирающаго дефицита финансовъ, для расплаты съ Вѣнскимъ банкомъ и возможнаго утоленія монетнаго кризиса, Брукъ долженъ былъ прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ и принести въ жертву всѣ мало-доходныя имущества государственныя: сперва онъ продалъ компаніи Франко-Австрійскихъ банкировъ за 200 милліоновъ франковъ всю сѣть Австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1,400 верстъ, изъ коихъ 900 верстъ уже открыто для проѣзда, съ Богемскими угольными копями, мѣдными рудниками, казенными желѣзными заводами и 110,000 десятинами земли и лѣсовъ; при чемъ казна обезпечила покупщикамъ 5% чистаго дохода. Далѣе онъ вступилъ въ торгъ съ другою компаніею, для продажи ей сѣти желѣзныхъ дорогъ въ вѣ Сѣверной Италіи; а Вѣнскому банку, въ погашеніе должныхъ ему Австрійскимъ правительствомъ 155 милліоновъ гульденовъ, передалъ въ собственность разныя государственныя имущества на сумму 156,485,000 гульденовъ. Наконецъ и остальные таковыя имущества также назначены въ распродажу. Просвѣщенный министръ хорошо понималъ, что мертвые во владѣніи правительства капиталы немедленно оживутъ и сдѣлаются производительными въ рукахъ частныхъ лицъ, что такимъ образомъ съ народнымъ благосостояніемъ значительно усилятся косвенные источники государственныхъ доходовъ, а выгоды казны противъ прежде постунавшаго въ нее ничтожнаго дохода съ недвижимыхъ имуществъ по крайней мѣрѣ учетверятся сбереженіемъ процентовъ на необходимые новые займы. (*)

(*) Это новое направленіе, данное Австрійскимъ финансамъ, исполнено такого живаго интереса и исторія ихъ развитія такъ любопытна и важна, что мы постараемся въ одной изъ слѣдующихъ книгъ Бесты представить болѣе подробный очеркъ того и другаго.

Должно сказать однако, что до сихъ поръ Брукъ далеко не успѣлъ еще вполне совладѣть съ сверхъ-естественными трудностями финансоваго положенія Австріи и побѣдить грозный *fatum*, наслѣдованный имъ отъ своихъ предшественниковъ. Изъ послѣдняго отчета его видно, что въ совершившемся обыкновенномъ бюджетѣ 1855 года новый дефицитъ въ 138,899,297 гульденовъ опять послѣдовалъ за дефицитомъ 1854 года, достигавшемъ еще высшей цифры; онъ главнымъ образомъ вызванъ былъ огромными чрезвычайными издержками Австріи на войско, дошедшими въ прошедшемъ году до 101,721,117 гульденовъ и былъ покрытъ доходами случайными. Наконецъ государственный отверженный долгъ также возросъ въ 1855 году на 243,527,490 гульденовъ, по случаю изыятія изъ обращенія большаго количества бумажныхъ знаковъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Австрійскіе фонды не пользуются благопріятнымъ курсомъ на Европейскихъ биржахъ: къ 1-му января нынѣшняго года Австрійскій пяти-процентный національный заемъ стоитъ въ Вѣнѣ $76\frac{1}{2}\frac{1}{16}$; а металлическіе: пяти-процентный $73\frac{1}{4}$, $4\frac{1}{2}$ -процентный $64\frac{1}{4}$; на Гамбургской биржѣ цѣнились они еще гораздо ниже; даже теперь, въ половинѣ апрѣля, устраненіе страшной для Австріи опасности военной грозы не въ силахъ было поднять ихъ выше $89\frac{1}{2}\frac{1}{16}$, $86\frac{1}{4}\frac{1}{16}$, и $77\frac{1}{2}$. Любопытно сравнить съ этими данными курсъ государственныхъ $4\frac{1}{2}$ -процентныхъ облигацій Прусскихъ, съ самаго начала года твердо стоящій выше ста, между $100\frac{1}{4}$ и $100\frac{3}{4}$. Очевидно, что общественный кредитъ Австрійскій, даже при благопріятнѣйшихъ для него обстоятельствахъ, относится къ Прусскому, какъ $77\frac{1}{2}$ къ $100\frac{3}{4}$.

Между тѣмъ какъ государства Европейскія такимъ образомъ, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались развивать свои внутреннія сокровеннѣйшія силы, одряхлѣвшая и чуждая въ семьѣ ихъ Имперія Оттоманская съ своей стороны подчинялась тому же всеобщему движенію, но не вслѣдствіе собственнаго развитія, а изъ-подъ гнета внѣшней необходимости, подъ строгою указкою грозныхъ и въ сущности мало сочувствующихъ ей покровителей. Трудно рѣшить, до какой именно степени довѣряли въ началѣ войны Западныя державы возможности искусственнаго возрожденія Мусульманскаго Царяграда, котораго неслѣпая порча и естественная близость къ разложенію не могли конечно ускользнуть отъ наблюденія людей, близко знакомыхъ со всѣмъ Турецкимъ бытомъ,

каковъ, на примѣръ, Англіійскій посланникъ, Сиръ Стратфордъ Редклиффъ. Какъ бы то ни было, но онѣ пытались достигнуть этой цѣли: онѣ хотѣли съ одной стороны посредствомъ разныхъ вѣщественныхъ преобразованій снабдить Турцію тѣми вѣнскими средствами и орудіями, которыя казались имъ необходимыми, для самостоятельнаго ея противодѣйствія возможнымъ въ будущемъ притязаніямъ Россіи; съ другой—старались отвлечь отъ послѣдней сердца Греческихъ и Славянскихъ ея единовѣрцевъ на Востокѣ: манили ихъ къ себѣ льстивыми обѣщаніями, старались доказать имъ, что они отъ одного внимательства Западныхъ державъ могутъ получить свободу и законное обезпеченіе; наконецъ онѣ дѣйствительно успѣли исторгнуть для нихъ отъ безсильнаго Турецкаго правительства положительное на бумагѣ признаніе ихъ гражданской полноправности. Матеріальныя пріобрѣтенія Европы въ Турціи несомнѣны: Европейскія компаніи допущены на свободное состязаніе въ учрежденіи на Турецкой почвѣ дорогъ, банковъ и другихъ промышленныхъ предпріятій; задумываютъ связать Константинополь желѣзными дорогами съ Сербіею и Европою и рѣшено провести во всѣ направленія телеграфы подземные и подводные; утверждена кампанія и открыта подписка на давно желанное прорытіе Суэзскаго перешейка и устройство прямого воднаго сообщенія между Европою и полуденною Азіею. Наконецъ Совѣтъ изъ Верховнаго визиря, министра иностранныхъ дѣлъ и представителей Франціи, Англіи и Австріи, возвѣстивъ предварительно свободу всѣмъ невольникамъ, рѣшилъ, что Порта принимаетъ мѣры (въ 23 статьяхъ), для преобразованія внутреннихъ отношеній политическихъ и гражданскихъ: объявлена свобода вѣроисповѣданій всѣхъ ея подданныхъ, Христіане допускаются къ службѣ военной и гражданской и въ свидѣтели въ Турецкомъ судѣ, иностранцамъ дано право на пріобрѣтеніе поземельной собственности въ Турціи, и пр. и пр.

Замѣчательно однако, что по мѣрѣ того, какъ изнеможенная Порта соглашалась на эти пожертвованія и торжественно возвѣщала своими Хатами всѣ эти добытыя западнымъ вліяніемъ улучшенія, преобразованія и благотѣльные для Христіанъ постановленія, тотъ же Западъ и всѣ лучшія его газеты, въ особенности Англіійскія, такъ долго прославлявшія Турецкое возрожденіе, постепенно мѣняли тонъ свой, раскрывали глаза свои на дѣло и болѣе и болѣе удостовѣрялись въ окончательной несостоятельности Турецкаго міра. Намъ не-

возможно не согласиться съ ними въ этомъ явномъ, осязательномъ дѣлѣ, котораго война не измѣнила, которое также несомнѣнно и теперь, какъ было вѣрно и несомнѣнно до начала послѣдней войны. Турція, гдѣ Глава правотѣрныхъ въ полузападномъ нарядѣ скитается по баламъ Европейскихъ дипломатовъ; Турція, охраняемая сброднымъ войскомъ Англо-Турецкаго контингента подъ начальствомъ Англійскихъ офицеровъ, безусловно подчиненная велѣніямъ пяти или шести иноземныхъ посланниковъ, покрытая сѣтью непонятнаго ей устройства желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ; Турція, въ которой не существуетъ ни семейства, ни гражданской свободы, ни самаго понятія о гражданствѣ, ни общественной нравственности, гдѣ многоженство и личное невольничество составляютъ коренныя основы частной жизни, гдѣ исчезъ наконецъ и религіозный фанатизмъ, единственное живое начало Мусульманскаго государства; Турція является намъ безжизненнымъ трупомъ, разукрашеннымъ въ блестящіе наряды прихотливою волею погребальныхъ распорядителей, домомъ безъ хозяина, плодоносною шивою безъ оратая. Что же касается до Христіанскихъ подданныхъ Порты, то разрозненные нынѣ стада Православныхъ Грековъ и Славянъ всегда вновь опознаютъ голосъ своего природнаго пастыря, лишь бы тотъ не забылъ ихъ, и всегда съумѣютъ отличить любовную руку, триста лѣтъ питавшую ихъ сладостными надеждами, отъ хищной руки наслѣдниковъ Балдуина и Латинскихъ крестоносцевъ.

Среди этого неблагодарнаго хозяйничанія во внутреннихъ дѣлахъ Турціи, союзныя державы не забывали и другихъ второстепенныхъ государствъ и поочередно обращались ко всѣмъ, принуждая ихъ къ союзу съ собою противъ одинокаго врата своего. Послѣ тщетныхъ попытокъ получить какое-либо дѣйствительное пособіе отъ Испаніи, изнеможенной внутренними раздорами и упадкомъ государственныхъ финансовъ и почти вовсе лишившейся своей арміи, онѣ должны были обратиться къ двумъ государствамъ Скандинавскимъ, которыхъ тѣсный сороколѣтній союзъ съ Россіею очень давно возбуждаетъ неудовольствіе Англіи. Западные державы рассчитывали, что на ходъ переговоровъ будетъ имѣть вліяніе паденіе южнаго Севастополя, и поручилъ вести ихъ Канроберу, прибывшему сперва въ Стокгольмъ 4 октября. Впрочемъ успѣхъ оказался не вполне удовлетворителенъ. Данія, куда отправился Французскій генералъ по окончаніи дѣлъ въ Стокгольмѣ, твердо помнила бѣдствія, претерпѣнныя ею отъ Англіи

въ началѣ нынѣшняго вѣка, и спасительную помощь, недавно поданную ей Русскимъ дворомъ противъ притязаній Франкфуртскаго національнаго собранія, тогда когда она всѣми была оставлена; къ тому же, исключительно занятая важнымъ вопросомъ о Зундскихъ пошлинахъ, а еще болѣе вопросами внутренней политики (стремленіями правительства къ централизаціи государственнаго управленія, противодействию тому мѣстныхъ сеймовъ и приходившимъ къ концу судомъ надъ королевскими министрами), она рѣшительно отказалась выйти изъ принятаго ею съ самаго начала положенія строжайшаго неутралитета. На это рѣшеніе Датскаго правительства конечно не мало должна была подѣйствовать извѣстность неминуемаго въ будущемъ вліянія Россіи на Датское престолонаслѣдованіе. Но во всякомъ случаѣ невозможно не отдать вполне заслуженной чести твердости и благоразумному мужеству Короля, умѣвшаго презрѣть всѣ возможные новыя опасности отъ Британскаго вѣроломства. Швеція была уступчивѣе, но и она не вышла покуда изъ предѣловъ строгой осторожности: 20 ноября подписала она трактатъ съ Франціею и Англіею, которымъ обязалась не уступать Россіи ни малѣйшей части своихъ владѣній, а союзныя державы обѣщали ей вооруженную помощь свою въ случаѣ предъявленія Россіею требованій или правъ своихъ на какую бы то ни было часть Шведскихъ владѣній. Излишне говорить, что опасенія эти были основаны на чистѣйшемъ вымыслѣ. Впрочемъ предусмотрительное Шведское правительство спѣшило вмѣстѣ съ тѣмъ циркулярною депешею отъ 18 декабря сообщить всѣмъ посланникамъ своимъ при иностранныхъ дворахъ объясненія на счетъ побужденій, руководившихъ его при семъ, гдѣ выраженія недоброжелательства къ Россіи искусно сочетались съ обѣщаніемъ продолженія неутралитета и увѣреніями, что новый союзъ есть лишь оборонительный и имѣетъ исключительно въ виду одну безопасность Швеціи отъ внѣшнихъ притязаній.

Между тѣмъ Сѣверо-Американскіе Штаты продолжали соблюдать и даже громко вновь заявляли политическія преданія свои о невмѣшательствѣ въ дѣла Стараго Свѣта и о невниманіи къ вопросамъ Европейскаго равновѣсія. Всего рѣзче была вновь выражена ими эта теорія въ томъ, что они отказались признать за Даніею права на сборъ Зундскихъ пошлинъ съ Американскихъ судовъ. Американскій министръ иностранныхъ дѣлъ, выражая въ депешѣ своей отъ

3-го ноября отказъ президента принять участіе въ предлагавшемся Европейскомъ конгрессѣ для рѣшенія вопроса объ этихъ пошлинахъ, говорить: «Правительство Соединенныхъ Штатовъ никогда не согласится на это притязаніе Старого Свѣта пользоваться его вліяніемъ, «для поддержанія своего собственнаго политическаго равновѣсія... «Мы не будемъ здѣсь разбирать, полезна ли и благоразумна ли эта «теорія равновѣсія въ приложеніи своемъ къ семьѣ Европейскихъ «государствъ; но правительство Соединенныхъ Штатовъ' довольно «долго наблюдало дѣйствія ея, чтобы ни подъ какимъ видомъ не дать «себя вовлечь въ кругъ ея дѣятельности. Таково издавна любимое «основное начало нашей политики, отъ котораго Президентъ ни въ «какомъ случаѣ не отступитъ»... Соединенные Штаты и въ настоящей борьбѣ Россіи съ Англіею и Франціею остались вѣрны политическому воззрѣнію своему, чему конечно не мало способствовали и заботы внутренней политики — близость срока для избранія вновь президента Штатовъ и борьба аболиціонистовъ съ приверженцами невольничества. Не взирая на всеобщее сочувствіе Сѣверо-Американскаго міра къ нашему отечеству, единственному изъ государствъ Европы, представляющему по юному и могущественному развитію своему несомнѣнную аналогію съ его собственнымъ развитіемъ; не взирая на осязательныя выгоды вѣтшателства въ войну, отвлекшую всѣ живыя силы Англіи на Востокъ, Америка не вступила въ состязаніе и упустила благоприятный случай вырвать морское владычество изъ рукъ прежней своей метрополіи. Въ этомъ случаѣ правительство Американское, такъ безусловно и рабски послѣдовавшее дипломатическому преданію своей страны, подчинилось какому-то какъ бы вѣтшнему, лишенному жизни политическому формализму, какого не привыкли мы до сихъ поръ видѣть въ Американской политикѣ и которое рѣшительно чуждо ея внутреннему духу и разумному свойству. Оно неясно сознавало ошибку свою и не прочь было вступить въ ссору съ Англіею, по поводу какого-нибудь частнаго Американскаго вопроса, — вопроса о вербовкѣ рекрутъ въ Штатахъ или вопроса о центральной Америкѣ. Но на этой почвѣ уклончивая при случаѣ Англія тщательно избѣгала рѣшительнаго столкновенія, всячески старалась отдѣлываться отъ прямой ответственности за своихъ агентовъ и съ видимою готовностію исчисляла средства къ мирному соглашенію; тутъ, передъ очевидною опасностію, умѣла смириться Британская гордость. Даже и теперь, когда

прошли для нея дни тревожной борьбы съ Россіею, она охотно уступить опасной Американской настойчивости, и потому можно съ достовѣрностію предположить, что, не смотря на обоюдныя военныя угрозы, на этотъ разъ война едва ли возгорится. Но для Америки урокъ безъ сомнѣнія не будетъ потерянъ; и она конечно вскорѣ сознастъ, что мало для государства имѣть естественныхъ себѣ союзниковъ между другими народами; но что должно умѣть цѣнить ихъ сочувствія, не отталкивать ихъ отъ себя и въ черный день должно умѣть подать имъ руку помощи... Нельзя не замѣтить при этомъ, что цвѣтущее состояніе финансовъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ даетъ имъ полное право на участіе въ дѣлахъ не одной Америки, но и всего свѣта, и на почетнѣйшее мѣсто въ семьѣ первостепенныхъ государствъ, изъ которой выдѣлиться они безъ сомнѣнія не могутъ. Изъ послѣдняго оффиціальнаго посланія Президента къ Палатамъ видно, что въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ государственные доходы Штатовъ постоянно и значительно превышаютъ расходы, оставляя ежегодно въ государственномъ казначействѣ огромный излишекъ или остатокъ, употребляемый на погашеніе и безъ того ничтожнаго государственнаго долга, не превышающаго 200 милліоновъ франковъ. Такой долгъ въ скоромъ времени, безъ сомнѣнія, будетъ вовсе погашенъ. Ежегодный излишекъ доходовъ въ 1852, 53, 54 и 55 годахъ доходилъ до 73, 80, 100, и наконецъ до 150 милліоновъ, и заставилъ даже правительство Штатовъ стараться изыскивать средства къ выгоднѣйшему для народа сокращенію государственныхъ доходовъ. Удобнѣйшимъ къ тому путемъ признало оно значительное уменьшеніе таможенныхъ пошлинъ, составляющихъ около 85% всего государственнаго дохода. Этимъ путемъ Президентъ и его министръ финансовъ, г. Гутри, хотятъ поощрить народную промышленность, удешевивъ сырыя произведенія, получающія на Американскихъ фабрикахъ дальнѣйшую обработку, и въ то же время допустивъ на Американскіе рынки съ умѣренной пошлиною тѣ Европейскія мануфактурныя издѣлія, кои уже не представляютъ предмета опаснаго соперничества для Американскихъ производителей. Согласно этому предположенію, всѣ вышесказанныя сырыя произведенія должны быть впускаемы въ Сѣверо-Американскіе Штаты безпошлинно; желѣзо, сталь, сахаръ, вино и всѣ издѣлія шелковыя, льняныя, бумажныя и пеньковыя, за исключеніемъ немногихъ изъятій, должны быть обложены пошлиною

отъ 25% до 30% съ ихъ стоимости; наконецъ на всѣ прочіе товары, не вошедшіе ни въ одинъ изъ этихъ разрядовъ, предлагается наложить привозную пошлину отъ 15% до 20%.

Въ такомъ положеніи находился дѣла Европы, когда опоздавшая Кибуриская экспедиція вновь доказала союзникамъ невозможность для нихъ дѣйствовать иначе, какъ у самаго морскаго побережья, а взятіе Карса дало Россіи рѣшительный перевѣсъ въ Малой Азіи и въ Азіатской политикѣ.

Последнее событіе весьма различно подѣйствовало на общественное мнѣніе и газетный міръ въ Англіи и во Франціи. До сихъ поръ памяты намъ (да и теперь онѣ еще не умолкли) проклятія и обвиненія, посыпавшіяся въ первой на безпечность министерства и Сиръ Стратфорда Редклифа; Французы же съ трудомъ скрывали свою радость, не смотря на храненіе, наложенное на уста ихъ политическимъ союзомъ съ Англичанами и строгою дисциплиною Людовика Наполеона. Какъ бы то ни было, но отселѣ замѣчаемъ мы въ последнемъ значительное отклоненіе отъ прежняго его политическаго пути. Очевидно, въ мысляхъ его общія обѣимъ державамъ дѣла были уже достигнуты, и начиналось разногласіе видовъ и побужденій, которое могло быть скрыто на время, но рано или поздно должно было обнаружиться. Переходъ Императора отъ старой политики къ новой, долженствовавшей принести съ собою миръ и безъ сомнѣнія новое распределеніе элементовъ Европейскаго равновѣсія, совершень былъ имъ съ той благоразумной осторожностію и неподражаемою скрытностію, которая до сихъ поръ отличала всѣ важнѣйшія его рѣшенія. Первые признаки измѣнившихся намѣреній Императора можно открыть въ двумысленной рѣчи, произнесенной имъ 15-го ноября, при закрытіи Парижской всемірной выставки, гдѣ, обращаясь къ собравшимся тамъ промышленникамъ всѣхъ народовъ, онъ прославлялъ благодѣянія мира, косвенно сѣтовалъ о продолжительности войны, вызывалъ къ общественному мнѣнію Европы и торжественно приглашалъ всѣ неутральные народы, если хотятъ они мира, рѣшительно объявить себя за Францію или противъ нея: «ибо, говорилъ онъ, среди великой Европейской распри, равнодушіе есть худой расчетъ, а молчаніе есть ошибка....» Это искусное и рассчитанное сочетаніе угрозъ и мирныхъ обѣщаній, въ то время не вполне еще понятное, не осталось конечно безъ дѣйствія на многіе нерѣшительные умы, особен-

но въ Германскомъ мірѣ. За симъ слѣдовала знаменитая брошюра о необходимости Европейскаго конгресса, появившаяся 20-го декабря въ Парижѣ и уже завѣдомо носившая полуофициальную печать, гдѣ рядомъ съ утвержденіемъ непоколебимости Англо-Французскаго союза ясно указано было разногласіе цѣлей обѣихъ политикъ и настоятельно требовалось умиротвореніе Европы.

Рядомъ съ этими косвенными выраженіями мирнаго настроенія Французскаго Императора завязывались вновь и шли рѣшительные переговоры о томъ же предметѣ между Австріею и Россіею; и даже передавались, кажется, Русскому двору нѣкоторые особенныя пріямые сообщенія отъ Императора Французовъ, черезъ посредство Саксонскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ, г. Зеебаха, въ концѣ декабря мѣсяца пріѣзжавшаго въ С. Петербургъ. Официальные документы, касающіеся всѣхъ сихъ событій, еще не изданы правительствомъ, а потому преждевременно было бы, на основаніи однихъ показаній газетъ и журналовъ иностранныхъ, входить въ подробное ихъ изложеніе. Мы представимъ лишь подлинныя слова *Journal de St. Pétersbourg*, заключающія въ себѣ краткое обозначеніе существеннѣйшихъ сторонъ переговоровъ:

«Общественное вниманіе Европы было сильно возбуждено извѣстіемъ, что Императорскому С. Петербургскому кабинету были сдѣланы чрезъ посредство Вѣнскаго кабинета мирныя предложенія, въ которыхъ союзныя державы условились съ Австріею.

«Императорскій Россійскій Кабинетъ уже сдѣлалъ съ своей стороны первый шагъ къ примиренію, объявивъ въ депешѣ отъ 11-го (23-го) декабря, напечатанной во всѣхъ иностранныхъ журналахъ, о тѣхъ уступкахъ, какія онъ расположенъ сдѣлать, для достиженія мира.

«Эти двойственные попытки съ той и другой стороны доказывали обоюдное намѣреніе воспользоваться прекращеніемъ, вслѣдствіе дурной погоды, непріязненныхъ дѣйствій и удовлетворить всеобщей, всюду проявляющейся потребности въ скоромъ заключеніи мира.

«Въ депешѣ, упомянутой выше, Россійское Императорское правительство допускаетъ основаніемъ переговоровъ четыре пункта обезпеченій, принятые на Вѣнскихъ конференціяхъ, и только отно-

«сительно третьяго пункта, который одинъ повелѣлъ къ прекращенію переговоровъ, предложило рѣшеніе, разнствующее болѣе по-формѣ, нежели по сущности, отъ того, какого въ то время желали союзныя державы.

«Переданныя теперь Австрійскимъ правительствомъ предложенія истекають изъ тогоже основнаго начала, то есть, нейтрализированія Чернаго моря посредствомъ прямого между Россією и Портою трактата, которымъ, съ общаго согласія этихъ державъ, будетъ опредѣлено число военныхъ судовъ, какое оба государства, владѣющія берегами Чернаго моря, предоставятъ себѣ содержать для безопасности своихъ береговъ. Эти предложенія существенно отличаются отъ объявленныхъ въ депешѣ 11-го (23-го) декабря только предложеннымъ округленіемъ границъ между Молдавією и Бессарабією въ замѣнъ пунктовъ, занятыхъ непріателемъ на Русской землѣ.

«Здѣсь не мѣсто разсматривать, болѣе ли въ этихъ предложеніяхъ, нежели въ объявленныхъ Императорскимъ правительствомъ, соединяется условій, необходимыхъ для упроченія спокойствія на Востокѣ и безопасности Европы. Достаточно сказать, что на дѣлѣ во многихъ основаніяхъ мира уже существуетъ соглашеніе.

«По причинѣ этого соглашенія, вслѣдствіе желаній, изъявляемыхъ всею Европою, въ виду коалиціи, которой размѣры клонились къ большему распространенію, и пожертвованій, какія въ случаѣ продолженія войны Россія должна была бы принести, Императорское Россійское правительство сочло нужнымъ не отдалать преніями второстепенной важности дѣла примиренія, котораго успѣхъ согласуется съ его собственными желаніями.

«И такъ Императорское Россійское правительство согласилось принять предложенія, переданныя Австрійскимъ правительствомъ, за предварительный проектъ для открытія переговоровъ о мирѣ.»

Наконецъ Высочайшій Манифестъ, послѣдовавшій отъ 19-го Марта, окончательно возвѣстилъ Россіи мирный исходъ собравшагося въ Парижѣ конгресса. Самыя условія мира, неизвѣстныя до окончательной ратификаціи трактата всѣми державами, вѣроятно, уже будутъ объявлены во всеобщее свѣдѣніе, когда эти строки появятся въ печати. Выраженія Императорскаго Манифеста, безъ сомнѣнія, памятны каждому; и потому мы не станемъ приводить его во всей его

полнотѣ. Но не можемъ не вспомнить съ чувствами искреннѣйшей радости послѣднихъ словъ его, представляющихъ для нашего отечества столько прекрасныхъ и несомнѣнныхъ залоговъ счастливаго развитія. Да будутъ онѣ лучшимъ напутствіемъ для Русскаго міра на новую указуемую ему отъ Государя дорогу, гдѣ ожидаютъ его гражданское просвѣщеніе, обезпеченный свободный трудъ и благословенія Вѣры Православной.

Кн. В. Черкасскій.

НАРОДНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

СЕРБОВЪ — ЛУЖИЧАНЪ ВЪ САКСОНІИ.

(Письмо къ А. И. Кошелеву).

Я побывалъ въ Будышинѣ или, какъ Нѣмцы говорятъ, Бауцентъ, въ королевствѣ Саксонскомъ, въ землѣ Славянъ, Лужицкихъ Сербовъ. Замѣчательнъ этотъ послѣдній живой остатокъ сѣверозападнаго Славянства, эти 160,000 людей, которые среди миллионъ Нѣмецкаго народа сохранили до сихъ поръ свою Славянскую рѣчь, свой особенный бытъ, свое стародавнее наименованіе *Сербовъ*. Легко пройти Лужицко-Сербскую землю вдоль и поперекъ. Если пустись изъ Будышина, какъ изъ средоточія ея, — не географическаго, но умственнаго, — то легко побывать и въ Любін (Löbau), крайнемъ къ юговостоку Лужицко-Сербскомъ городѣ, и въ Мужаковѣ (Muskau), и въ Зломъ Коморовѣ (Senftenberg), которые лежатъ оба на пограничной чертѣ между Верхними и Нижними Лужицами, одинъ на востокѣ, другой на западѣ (между ними верстъ 60 разстоянія), и въ Хотѣбузѣ (Cottbus), важнѣйшемъ городѣ Нижнихъ-Лужицъ и самомъ отдаленномъ отъ Будышина (верстъ 75 къ сѣверу). Къ тому же странствованіе по Сербо-Лужицкому краю представляетъ всѣ удобства: народъ вѣжливый и гостепріимный, избы и постоянные дворы чисты и опрятны, и паспортовъ никакихъ не нужно, даже при переходѣ изъ Саксонскаго государства въ Прусское (*). Хо-

(*) Извѣстно, что Сербы-Лужичане, при всей своей малочисленности, дѣлятся на два племени, принадлежать двумъ государствамъ и двумъ исповѣданіямъ. Племя Верхне-отд. V.

тѣлось мнѣ прислушаться къ рѣчи Сербовъ-Лужичанъ, сохранившихъ въ удивительной полнотѣ самыя древнія грамматическія формы языка Славянскаго и не менѣе богатыхъ также первоначальными коренными словами, особенно для выраженія предметовъ и дѣйствій внѣшнихъ. Хотѣлось мнѣ всмотрѣться въ это племя: нельзя ли, я думалъ, угадать, почему Лужицкіе Сербы, которые всегда были самое малочисленное и слабое изъ племенъ Славянскихъ, съ такимъ упорствомъ, среди всякихъ невзгодъ и гоненій, удержали свою народность, тогда какъ другое, ближайшее къ нимъ и несравненно большее и сильнѣйшее племя, бойкое и шумное племя Польское или Ляхское, такъ легко поддавалось опѣмеченію, въ Мекленбургіи, въ Бранденбургіи, въ Помераніи, и теперь еще съ каждымъ годомъ уступаетъ передъ Нѣмецкимъ наплывомъ, почти вымираетъ въ Силезіи, въ восточной и западной Пруссіи, уменьшается въ Познанскомъ княжествѣ? Но у меня не было времени на изученіе Лужицкой страны; въ Будышинѣ я могъ оставаться всего дня три или четыре. Чтò можно увидѣть въ три или четыре дня? Чтобы время не пропало совершенно даромъ, я и попросилъ одного изъ главныхъ умственныхъ дѣятелей въ этомъ краѣ, принявшаго меня съ великимъ радушіемъ, разсказать мнѣ во всей подробности, какимъ образомъ возродилась и получила признаніе Славянская народность въ королевствѣ Саксонскомъ. Зная сочувствіе ваше ко всему Славянскому, спѣшу сообщить вамъ разсказъ И. П. Смоляра: вѣрно вы найдете его вполне занимательнымъ.

О древнихъ судьбахъ Лужицко-Сербской народности и письменности я говорить не стану. И. П. Срезневскій посвятилъ этому предмету прекрасную, любопытную статью (*). Онъ живо изобразилъ незабвенныхъ тружениковъ, Михая Френцеля (+ 1706), сына его Авраама (+ 1740), Мёна (+ 1785) и другихъ, которые съ любовью занимались роднымъ Славянскимъ словомъ, когда никто еще и не думалъ о Славянствѣ, когда гениальный поэтъ, ро-

Лужицкое раздѣлено между Саксоніею (49,217 душъ, въ томъ числѣ 40,000 Протестантовъ и 9000 Католиковъ) и Пруссіею (39,000, въ томъ числѣ 37,000 Протестантовъ и 2000 Католиковъ); и того: Верхне-Лужицкихъ Сербовъ около 90,000, Нижне-Лужицкихъ Сербовъ 72,000, всѣ въ Пруссіи и всѣ протестанты.

(*) «О литературѣ Сербо-Лужицкой» въ Журналѣ Мин. Народнаго Просв. 1844, № 7.

дившіяся между Сербамъ-Лужичанами, Лессингъ (*), сдѣлался главнымъ двигателемъ *Нѣмецкой* литературы. Еще въ первой четверти нашего столѣтія спала глубокимъ сномъ Сербо-Лужицкая народность. Еще тогда образованный Лужичанинъ не думалъ быть инымъ чѣмъ, какъ Нѣмцемъ; народъ Сербо-Лужицкій, говорившій « по Вендски » (такъ называли, по Нѣмецкому обычаю, его Славянскую рѣчь), и не подозрѣвалъ, что есть на свѣтѣ другіе « Венды » кромѣ его; языкъ « Вендскій » почитался какимъ-то просторѣчіемъ (patois), на которомъ сельскіе пасторы поневолѣ должны были проповѣдывать, потому что прихожане иначе не понимали бы ихъ; были цѣлыя чисто-Славянскія селенія, у которыхъ богослуженіе совершалось по-Нѣмецки (**); при каждой народной переписи число людей, объявлявшихъ себя « Вендами », уменьшалось. Во всей землѣ Лужицкой только одинъ человѣкъ, почтенный пасторъ Любенскій, заботился о родномъ языкѣ. Писалъ онъ много, составилъ обширный словарь и грамматику Верхне-Лужицкую, но главные его труды не печатались, а издавать могъ онъ только книжечки назидательныя, для чтенія въ деревняхъ. Неустойчиво работала Любенскій, но по временамъ брала его тоска и отчаянье; по временамъ ему казалось; что его труды пропадутъ даромъ, что не долго будутъ читать его книжечки, что онъ послѣдній въ Лужицкой землѣ пишетъ по Сербски. Да, было тамъ такое время, и прошло; прошло оно съ новымъ поколѣніемъ, которое выросло въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нашего столѣтія.

Въ 1826 г. одинъ молодой Лужичанинъ, Зейлеръ, человѣкъ горячій, съ крѣпкою волею, даровитый поэтъ, будучи студентомъ Богословскаго факультета въ Лейпцигскомъ университетѣ, сталъ помышлять о томъ, что на немъ и на товарищахъ-соплеменникахъ его, готовящихся къ священнослуженію въ родномъ краѣ, лежитъ обязанность быть не только наставниками своего народа въ вѣрѣ, но и хранителями его слова и народнаго быта. Прежде уже, будучи ученикомъ въ Будишинской гимназіи, Зейлеръ подписывалъ кое-что по Сербски, безъ всякой мысли о литературномъ успѣхѣ,

(*) По Сербски это имя произносилось: Лѣсникъ. Онъ былъ родомъ изъ Каменца (Kamenz), на западномъ краю Сербской земли въ Саксоніи.

(**) Подъ вліяніемъ Нѣмецкихъ пасторовъ многія Верхне-Лужицкія Сербскія селенія въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія совершенно онемѣчались, напр. Цыбалль (Zibelle), Езоръ (See), Козло (Kosel), Буковъ (Hohen-Bucka) и др.

а* просто для того, чтобы не забыть языка : ибо въ ту пору въ главномъ Сербско-Лужицкомъ городѣ только простолудинѣ говорили по Сербски; Сербъ, мало-мальски образованный, стыдился природной рѣчи своей ; въ гимназіи, даже въ кругу товарищей, не говорили иначе, какъ по Нѣмецки, и такимъ образомъ съ пріѣздомъ изъ деревни въ городъ, съ поступленіемъ въ гимназію, Сербскій мальчикъ забывалъ по Сербски. Въ Лейпцигѣ Зейлеръ сталъ всѣми силами подбавлять товарищамъ — Лужичанъ на занятіе своимъ языкомъ. Между тамошними студентами Богословія издавна существовало общество для упражненія въ гомилетикѣ (проповѣдномъ искусствѣ), и уже Любенскій, еще во время своего студенчества, образовалъ при немъ Сербско-Лужицкое отдѣленіе. Зейлеръ настоялъ на томъ, чтобы это отдѣленіе возобновилось и чтобы его товарищи-земляки обязались произносить каждый семестръ въ своемъ кружкѣ, для опыта, проповѣдь по Сербски. Это общество существуетъ понынѣ при Лейпцигскомъ университетѣ, подъ именемъ « Sorabia », которое далъ ему Зейлеръ. Онъ не хотѣлъ ограничиться этимъ. Вскорѣ при своей « Сорабіи » основалъ онъ еженедѣльный рукописный журналъ, « Сербска Нѣвина »: всякій членъ Сорабіи долженъ былъ доставлять каждую недѣлю для журнала какую-нибудь статейку, своего ли произведенія, или переводную, журналъ переписывался и раздавался сотрудникамъ. Вскорѣ молодой Сербскій студентъ, Сербскій проповѣдникъ и писатель, могъ почувствовать народную связь свою съ другими Славянами : пріѣхалъ въ Лейпцигъ Палацкій, знаменитый Чешскій исторіографъ и главный двигатель Чешской народности, пріѣхалъ и Милутиновичъ, извѣстный писатель у Сербовъ Задунайскихъ, другъ покойнаго владыки Черногорскаго, составитель исторіи Черной Горы. Съ ними Зейлеръ сошелся. Побужденный ими, онъ горячо принялся за изученіе Славянскихъ языковъ. Но изъ сверстниковъ его никто еще не былъ зрѣлъ для мысли объ умственномъ общеніи Славянъ. Товарищи не поддержали Зейлера въ этомъ дѣлѣ ни сотрудничествомъ, ни участіемъ, — и Зейлеръ бросилъ занятіе Славянщиною. Каждая мысль, движущая въ извѣстную пору людьми, созрѣваетъ въ свое время. Френцель въ XVIII столѣтіи, Зейлеръ въ 1820-хъ годахъ нынѣшняго вѣрили уже въ общеніе Славянскихъ народовъ, въ лучшую будущность для Славянъ. Въ комъ нашли они тогда отголосокъ ? Въ Лужицкой землѣ осталось 10,000 Сербовъ — Католиковъ, затерянныхъ между массами Протестантскаго

населенія ; для нихъ всегда, съ давнихъ поръ (*), духовные наставники готовились въ Пражской семинаріи. Молодой Сербъ-Лужицанинъ, занесенный къ Чехамъ, слыша около себя родную рѣчь, естественно долженъ тотчасъ почувствовать себя членомъ великой семьи Славянской. Теперь оно такъ: теперь Сербъ-Лужицанинъ пріѣзжаетъ въ Прагу, уже готовый къ принятію этого чувства; въ Прагѣ же вся среда, его окружающая, проникнута Славянскимъ духомъ, и В. В. Ганка заботится о томъ, чтобы Лужицкіе гости возвращались изъ Чешской столицы хорошими Славянистами (**). Но въ прежнее время, сколько перебивало въ Пражской семинаріи молодыхъ Сербовъ, и кто изъ нихъ вынесъ оттуда мысль о Славянской народности и Славянскомъ общеніи? Никто, пока не пришло время, никто до 30-хъ годовъ нашего столѣтія.

Въ 1830 году пріѣхалъ въ Будышинъ и поступилъ въ гимназію 14-лѣтній мальчикъ, сынъ приходскаго учителя въ деревнѣ Лазѣ (Lohsa), Смоляръ (Smolerj, по Нѣмцки Schmalerg). Дома онъ слышалъ постоянно Сербо-Лужицкій языкъ, мать его почти не знала по Нѣмцки, и вдругъ переходитъ онъ въ кругъ, гдѣ ни слова не говорятъ по Сербски. Онъ и сказалъ нѣсколькимъ изъ сверстниковъ-товарищей: «мы Сербы, а вѣдь здѣсь забудемъ по Сербски; давайте учиться нашему языку...» И Смоляръ сталъ давать товарищамъ въ положенные дни уроки Сербскаго языка, диктовалъ имъ по Нѣмцки и заставлялъ записывать по Сербски, училъ ихъ пѣть Сербскія пѣсни. Родныя пѣсни поселянъ были съ дѣтства его страстью: ребенкомъ, мальчикомъ прислушивался онъ къ нимъ въ деревнѣ, голоса и слова врѣзались ему въ память. Учить товарищей пѣть эти пѣсни было для него лучшею утѣхою, истиннымъ наслажденіемъ. Тутъ-то онъ совсѣмъ увлекся этими пѣснями и сталъ сознательно понимать ихъ красоту и цѣну. Когда возвращался онъ лѣтомъ на вакаціи въ деревню, ему ужъ дома не сидѣлось. По цѣлымъ недѣлямъ его не видали родители: онъ бродилъ изъ села въ село, допытываясь пѣсенъ и записывая ихъ. Никто до того времени не имѣлъ понятія о народномъ бытѣ Лужицкихъ Славянъ, объ

(*) Именно, съ 1704 года

(**) Подъ покровительствомъ В. В. Ганки эти Сербо-Лужицкіе студенты семинаріи основали, въ 1846 г., общество подъ именемъ «Сербовка», для изученія своего народнаго языка и прочихъ Славянскихъ нарѣчій.

ихъ обычаевъ и повѣрчійхъ. Молодой гимназистъ, собиратель пѣсенъ, первый, можно сказать, узналъ свой народъ, схватилъ его живьемъ въ долгихъ странствованіяхъ по проселкамъ и деревнямъ. Мало того: никто прежде не умѣлъ сказать, какъ далеко простирается Славянское населеніе въ этомъ краѣ, какая деревня Сербская и какая Нѣмецкая: Смоляръ первый узналъ и занесъ на карту границу своего народа.

Эта первая дѣятельность его относится къ 1830—1835 годамъ.

Въ то же время, въ 1833 — 4 году, сверстникъ Любенскаго и единственный изъ сверстниковъ, оказывавшій сочувствіе къ его дѣлу, Д-ръ Клинь (который послѣ смерти Любенскаго въ 1840 г. оставался патріархомъ поборниковъ народности у Сербовъ-Лужичанъ и недавно скончался, къ общей ихъ скорби), — Д-ръ Клинь защищалъ Сербскій языкъ на сеймѣ чиновъ Лузаціи (*). Многіе изъ членовъ сейма хотѣли изгнать Славянскую рѣчь даже изъ приходскихъ школъ и изъ церкви и тѣмъ приготовить совершенное ея искорененіе въ землѣ Лужицкой: Клинь воспротивился требованіямъ ультра-германистовъ, и отстаивалъ народный языкъ.

Въ 1836 г. Смоляръ поступилъ студентомъ Богословія въ Вратиславскій (Бреславскій) университетъ. Однажды зимою его приглашаетъ къ себѣ незнакомый профессоръ медицинскаго факультета: то былъ г. Пуркине, имя котораго дорого всѣмъ Славянамъ, какъ одного изъ первыхъ и главныхъ дѣятелей Чешскихъ. Какъ удивился молодой богословъ первому вопросу, съ которымъ встрѣтилъ его знаменитый натуралистъ: знаетъ ли онъ по Сербски и что это за языкъ? На другой день Смоляръ приноситъ ему показать Сербо-Лужицкую Библію; они условливаются, что Смоляръ будетъ приходить по Воскресеньямъ къ Пуркине учиться по Чешски. Его примѣръ заохочиваетъ другихъ Сербскихъ студентовъ. Вскорѣ они къ Чешскому языку присоединяютъ Польскій, выучиваются потомъ Русской и Старо-Славянской грамотѣ. Какъ они радовались, когда, одолѣвъ Кириллицу, стали читать нашу Славянскую Библію, и каж-

(*) *Лузація* (Lusatia, die Lausitz, — я употребляю это официальное, такъ сказать, названіе, когда говорю объ этой странѣ вообще, безъ отношенія къ народности, а Славянское имя *Лужицы* придаю только той части Лузаціи, которая осталась Славянскою); Лузація сохранила древнее право обсуждать свои мѣстные дѣла на особомъ сеймѣ своихъ чиновъ.

дый стихъ звучалъ имъ, какъ родной! Въ Вратиславль (*) заѣхалъ Палацкій и извѣстный Польскій ученый г. Мацѣевскій: они оживили еще болѣе Славянское рвеніе студентовъ. Смоляръ переѣхалъ жить къ Пуркине и подъ его руководствомъ сталъ специально изучать собранныя имъ пѣсни. Одинъ молодой человѣкъ, Рёслеръ (**), пламенный патріотъ, если не въ отношеніи къ Сербо-Лужицкой народности (онъ Нѣмецъ), то своей Лузацкой родины, основывалъ въ это время при Вратиславскомъ университетѣ «Лузацкое Общество» (lausitzischer Verein), члены котораго, Лузацкіе уроженцы, образовывавшіеся въ Вратиславлѣ, должны были по возможности разрабатывать исторію, статистику, этнографію своего края. При немъ, по плану Рёслера, должно было быть Сербское отдѣленіе (wendische Section). Смоляръ сблизился съ Рёслеромъ, умѣлъ даже побудить его учиться по Славянски, и его стараніями состоялось это отдѣленіе: Пуркине былъ избранъ въ «протекторы».

Уже въ чужихъ городахъ, въ Лейпцигѣ и Бреславлѣ, молодые Сербы хлопотали о своемъ языкѣ и народности, а у нихъ дома еще ничего не дѣлалось. Нѣсколько лѣтъ послѣ Смоляра поступилъ въ Будишинскую гимназію юноша съ пылкой, но дѣльной головою (теперь опытный и основательный юристъ (***)) Мѹжикъ-Клосопольскій (или по-Нѣмецки Mosig von Aehrenfeld). Онъ началъ говорить съ товарищами — Сербами по Сербски, заставлялъ и ихъ слѣдовать своему примѣру, не стыдиться народнаго языка. Онъ увлекъ ихъ; нѣсколько человѣкъ составили при Будишинской гимназіи Сербское общество («Сербское товарищество на Будишинскій гимназію»), которое сдѣлало и теперь еще дѣластъ много добра. Мѹжикъ сочинилъ уставъ. Цѣлью общества было «упражненіе и усовершенствованіе членовъ его въ родномъ языкѣ». Каждый членъ обязывался ежемѣсячно доставлять что-нибудь писанное по Сербски (въ прозѣ или стихахъ): эти произведенія читались въ кругу товарищей, и если одобрялись, то вносились въ общественную книгу и хранились навсегда при обществѣ. Выхлопотали обществу (****) и его уставу офиціальный утвержденіе отъ начальства гимназіи и потомъ получили особое помѣщеніе для засѣданій и бібліотеки.

(*) Breslau.

(**) Теперь одинъ изъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ Гёттингенскаго университета.

(***) Ему принадлежитъ переводъ «Славянскихъ Древностей» Шафарика на Нѣмецкій языкъ.

(****) Его офиціальный титулъ: societas slavica Budessina.

Бѣдный Штуръ, преждевременная смерть котораго въ нынѣшнемъ году оплакивается у западныхъ Славянъ, какъ общественное бѣдствіе. Штуръ, по какому-то случаю находясь въ Лейпцигѣ, узналъ, что въ одномъ краѣ Саксоніи есть Славяне и что у нихъ затѣвается что-то хорошее. Онъ не утерпѣлъ и тотчасъ же пріѣхалъ въ Будышинъ. Какъ онъ умѣлъ воспламенить Будышинскихъ юношей! Какъ онъ приковывалъ ихъ къ себѣ каждымъ словомъ! Какой бывалъ ихъ восторгъ, когда онъ, съ своею прекрасною наружностью, съ своимъ звучнымъ голосомъ, пѣлъ имъ Славянскія пѣсни или, хорошо знакомый съ историческими памятниками, рассказывалъ имъ про ихъ старыхъ Сербскихъ и Мильчанскихъ (*) князей, о которыхъ сами они ничего не знали, про Девана, побѣдителя Дагоберта и его Франкскихъ войскъ, про Милодуха и тому подобныхъ героев родной старины! Бывало, они соберутся вечеромъ, запоютъ пѣсни, и когда наступитъ ночь, съ пѣснями, съ факелами пойдутъ къ какому-нибудь романтическому мѣсту, напоминающему про Славянство, къ скалѣ, которая нависла надъ Спревою и называется Пребогомъ, на гору, посящую грозное имя Чернобога. Это были пустыки, ребячество, но за этими пустыками скрывалась мысль. «Тутъ мы впервые почувствовали, такъ говорятъ теперь гимназисты, ходившіе съ факелами къ Пребогу, а нынче люди степенные, тутъ «мы впервые почувствовали, что мы не одни на свѣтѣ, что у насъ «есть братья, которые отъ насъ не совсѣмъ отвернулись, что мы, «горсточка Славянъ между Нѣмцами, не потеряны; что если мы не «захотимъ сами онѣмчаться, то насъ не онѣмчатъ никакою силой. Мы хаживали часто, продолжали мои Лужицкіе знакомцы, «къ старику Любенскому и рассказывали ему про наши подвиги; а «старикъ, покачивая головою, съ недоувѣрчивою радостью внималъ «нашимъ толкамъ и надеждамъ: «пустое вы, дѣти, затѣваете, го- «варивалъ онъ, изъ чего хлопчете? вѣдь что вы ни дѣлаете, «скоро здѣсь Славянство вымретъ, сами увидите. . . .» Бѣдный Штуръ первый изъ чужихъ Славянъ посѣтилъ Лужицкихъ Сербовъ; онъ открылъ, можно сказать, дорогу къ общенію. Едва онъ уѣхалъ

(*) Въ VII—XI столѣт. имя *Сербовъ* преимущественно обозначало западную половину Славянъ въ этомъ краѣ, между Соляною (Sale) и Лабемъ (Лабю, Эльбою); восточная часть, между Эльбою и Нисою (Neisse), является обыкновенно подъ разными названіями отдѣльных племенъ, которыя тутъ жили: главнымъ были *Мильчаны* и *Гломачи* (иначе *Далеминцы*).

изъ Будышина, пришло въ Сербское гимназическое «товарищество» письмо отъ знаменитаго пѣвца « Дочери Славы », Колара ; написанное прекрасно, горячо, поэтически, оно привело въ восторгъ Сербскую молодежь. За письмомъ пришелъ цѣлый тюкъ книгъ, Чешскихъ, Словацкихъ, Хорвато-Сербскихъ, собранныхъ Коларомъ для Будышинской братии (*). Мужикъ съ товарищами стали помышлять о литературной связи и съ Россіею : сочинено и отправлено было письмо въ Петербургъ къ г. Академику Кунику, и не получило отвѣта. За то великою радостью для молодого товарищества было, когда Штуръ написалъ статью о новооткрывшейся въ Саксоніи Славянской народности и первый подалъ другимъ Славянамъ вѣсть объ ней и объ ея пробужденіи. Статья его была переведена и въ Русско-Польской « Денницѣ », которую издавалъ въ то время въ Варшавѣ г. Дубровский. Въ Лейпцигскій университетъ Будышинскіе ученики вступили уже готовыми Славянистами и тотчасъ сблизились съ другими Славянами, которыхъ тамъ застали. Составилось « Славянское общество »: въ немъ были и Мужикъ съ товарищами, Сербь-Лужицане, и Болгаринъ Куканци, и Полякъ Соколыницкій, и Сербъ Магазиновичъ, и нѣсколько Чеховъ....

До сихъ поръ Сербо-Лужицкое движеніе было почти только выпыскою горячихъ молодыхъ головъ. Упрочило, узаконило, можно сказать, ихъ стремленія, утвердило ихъ на истинной основѣ народнаго духа изданіе народныхъ пѣсенъ. Ни одинъ Славянскій народъ не имѣетъ и нынѣ еще такого полнаго, тщательнаго, великолѣпнаго изданія своихъ пѣсенъ, какъ бѣдный народецъ Сербо-Лужицкій. Стоить разсказать, какъ состоялось это изданіе, памятное не только въ исторіи Сербо-Лужицкаго, но и Всеславянскаго пробужденія. Въ Лужицкомъ, но издавна отмеченномъ городѣ Гёрлицѣ (по Славянски Сторѣльцѣ) существовало съ 1779 года богатое и дѣятельное общество наукъ (**). Оно когда-то изъ археологической любознательности, и не подозрѣвая народнаго значенія вопроса, предложило премію за сборникъ Сербо-Лужицкихъ пѣсенъ. У Смоляра были пѣсли Верхне-Лужицкія ; но Гёрлицкая программа требовала и Нижне-Лужицкихъ. Дѣло на томъ пока и остановилось. Между тѣмъ въ

(*) Эта посылка послужила основаніемъ Славянской бібліотекѣ при Будышинской гимназіи: теперь это бібліотека весьма значительная.

(**) « Oberlausitzische Gesellschaft der Wissenschaften ».

Гёрлицъ у секретаря общества, почтеннаго духовнаго, Гаупта, чловѣка мало свѣдущаго въ Славянскомъ языкѣ, но крайне доброжелательнаго къ Славянамъ, накопилось изъ разныхъ рукъ порядочное количество пѣсенъ, записанныхъ въ Нижнихъ Лужицахъ, съ которыми онъ имѣлъ всегда сношенія. Гауптъ и написалъ Смоляру, не хочетъ ли онъ сообща издать пѣсни. Смоляръ былъ крайне обрадованъ. « Меня даже и то восхищало, привожу его слова, что со мною, молодымъ студентомъ Богословія, хотѣлъ вступить въ литературную связь такое почтенное лицо, какъ Гауптъ, членъ безчисленнаго множества ученыхъ обществъ, имѣвшій притомъ значительный духовный санъ ». Смоляръ пріѣхалъ въ Гёрлицъ; стали готовить изданіе. Смоляръ занялся Славянскою частью, Гауптъ дѣлалъ Нѣмецкій переводъ стихотворнымъ размѣромъ. Пѣсни были готовы. Но гдѣ найти издателя для такой книги, тогда какъ Сербы не могли напечатать себѣ и перевода Библии безъ чужаго пособія (*) и всѣ лучшія сочиненія на ихъ языкѣ лежали въ рукописи? Смоляръ отчаявался. Однажды, идя задумчиво по площади въ Будышинѣ, онъ встрѣчаетъ прежняго своего учителя, а тогда конфектора гимназіи, Фришце. « Что это у васъ торчитъ въ карманѣ? » спросилъ добрый старикъ. Смоляръ показалъ два толстыхъ тома пѣсенъ. « За чѣмъ не печатаете? » — « Нѣтъ издателя. » — « А вотъ я завтра ѣду въ « Гримму (**)), тамъ заводитъ торговлю молодой книгопродавецъ, « Гебгардъ. Онъ чловѣкъ предпріимчивый, я ему скажу. » Гриммскій книгопродавецъ какимъ-то чутьемъ понялъ, что изданіе народныхъ пѣсенъ Славянскихъ дѣло новое, современное, обещающее успѣхъ, самъ тотчасъ пріѣхалъ въ Будышинъ, условился съ Смоляромъ; оба поѣхали въ Гёрлицъ къ Гаупту, подписали контрактъ. Смоляръ съ Гауптомъ взяли за окончательную отдачу рукописи: составлено было подробное описаніе народнаго быта Сербовъ-Лужичанъ, собраны были данныя географическія, статистическія, филологическія, однимъ словомъ все, что нужно было для полнаго пониманія пѣсенъ и знакомства съ народомъ, который ихъ пѣлъ. Славянская работа кончилась въ домѣ у Гаупта. « Намъ была удача, гово-

(*) О старыхъ изданіяхъ перевода Священнаго Писанія по Сербско-Лужицки см. приведенную статью г. Срезневскаго. Въ новѣйшее время Сербамъ въ этомъ блзгомъ дѣлѣ пособляло Лондонское Библейское общество.

(**) Горедокъ Саксоніи недалеко отъ Лейпцига.

« рилъ мнѣ Смоляръ, вспоминая эти годы, — обстоятельства соче-
 « тались какъ-то счастливо. Въ это именно время случился въ Сго-
 « рѣльцѣ Русскій путешественникъ, ѣздившій для изученія западнаго
 « Славянства, г. Срезневскій. Онъ намъ много пособилъ и совѣ-
 « томъ и собственнымъ трудомъ. Предстояло важное дѣло : при
 « изданіи пѣсенъ изгнать старое варварское правописаніе на подобіе
 « Нѣмецкаго и ввести болѣе сродное съ Славянскими звуками и съ
 « употребительною у другихъ Славянъ орфографіею. Мы не усумни-
 « лись принять новое, весьма удобное правописаніе Чеховъ, заим-
 « ствованное у нихъ и Словаками, и Хорватами, и Хорутанами ;
 « но нужно было примѣнить его къ разнообразнымъ и довольно при-
 « хотливымъ звукамъ нашего языка. Много ломали мы надъ этимъ
 « голову ; Русскій путешественникъ помогалъ намъ ; подъ его-то
 « руководствомъ мы составили въ домѣ у Гаупта нашу новую,
 « аналогическую съ Чешскою и Хорватскою азбуку... » Азбука эта
 не мало способствовала литературному сближенію Сербовъ-Лужичанъ
 съ другими западными Славянами.

Гегбарди издалъ пѣсни великолѣпно, не щадя издержекъ. Поселяне
 не стануть покупать своихъ же пѣсенъ, — такъ онъ рассчитывалъ,
 купятъ Сербо-Лужицкія пѣсни бібліотеки да ученые и литераторы,
 купятъ всѣ любители Славянства, всѣ цѣнители народной поэзіи :
 имъ пріятно будетъ имѣть книгу красивую, и они не поскупятся
 дать за то дорожее. Онъ не ошибся : Лужицкія пѣсни разошлись
 до послѣдняго экземпляра и дали издателю славный барышъ. Ни одинъ
 Славянскій народъ не имѣетъ, какъ я сказалъ, такого прекраснаго
 изданія своихъ пѣсенъ.

Въ Гёрлицѣ жилъ тогда человѣкъ весьма знатный и близкій къ
 королю Прусскому, церемоніймейстеръ Стильфридъ, вице-президентъ
 Гёрлицкаго общества наукъ. Онъ подаль Смоляру мысль посвятить
 своему государю изданіе пѣсенъ. Смоляръ отыскалъ въ титулѣ Прус-
 скаго короля, что онъ « Herzog der Wenden », и написалъ посвя-
 щеніе: «Бидрихей Вилемей Штвѣртему, Прусскому Кралей, Серскему
 (т. е. Сербскому) Вонводей. » Посвященіе было принято, и изда-
 тели награждены медалями. Вскорѣ за тѣмъ король, по ходатайству
 Стальфрида, назначилъ Смоляру стипендію на 3 года по 200 тале-
 ровъ, для продолженія занятій Славянскими нарѣчіями. Въ то время
 Прусское правительство предполагало учредить Славянскія каедры
 во всѣхъ университетахъ Пруссіи, и Смоляръ сталъ готовиться къ

такой касседръ подъ руководствомъ знаменитаго Чеха, Челяковского, который именно въ томъ же году (1842) приглашенъ былъ въ Бреславль, какъ профессоръ Славянской словесности.

Въ 1842 — 1843 г. драгоценный народный памятникъ Сербовъ-Лужичанъ, пѣсни были изданы; начиналась и здѣсь литературная жизнь, возбужденная въ духѣ Славянства молодыми дѣтелями новаго поколѣнія. Пришло теперь время сдѣлать всю массу Сербовъ-поселянъ участницею въ этой умственной жизни, въ этомъ народномъ возрожденіи. Вотъ общій смыслъ всѣхъ стремленій Сербо-Лужицкихъ дѣтелей съ 1842 по 1850 годъ, стремленій, которыя не прекратились и нынѣ, хотя въ главномъ цѣль уже достигнута.

Прежде всего надлежало дать народному дѣлу гласность, которая въ наше время стала залогомъ всякаго общественнаго преуспѣянія. Но какъ это сдѣлать? какимъ образомъ учредить газету для 90,000 хлѣбопашцевъ (*), отчужденныхъ отъ сосѣдей, имѣющихъ единственными путями сообщенія плохія проселочныя дороги и отъ роду не читавшихъ ничего, кромѣ молитвенниковъ? За то и не вдругъ все уладилось. Первую мысль подаль молодой Лужичанинъ Іорданъ, воспитанникъ Пражской Католической семинаріи, который въ 1841 г. возвратился на родину. Онъ рѣшился принять на себя редакцію невиданной Сербо-Лужицкой газеты; только онъ сдѣлалъ ошибку относительно правописанія. Новаго Чешскаго правописанія нельзя было ввести вдругъ въ изданіе, назначенное для массы народа, потому что простолюдинъ затруднялся бы чтеніемъ, и думая, что хотятъ его заставить съизнова учиться азбукѣ, не взялъ бы газету въ руки; но вмѣсто того, чтобы начать съ стараго правописанія и потомъ, когда вчитаются въ газету, вводить мало-по-малу новое, Іорданъ выдумалъ какое-то среднее между старымъ и новымъ. Затрудненіе новизны оставалось, и не было простоты и понятности Чешской системы писанія. 1 Января 1842 г. вышелъ первый номеръ Іордановой «Ютнички» (т. е. Зари); каждую недѣлю выдавалось полъ листа, но газета пошла такъ плохо, что 1 Іюня Іорданъ прекратилъ ее. Онъ предупредилъ о томъ Смоляра, который сейчасъ пріѣхалъ домой въ рѣшимости поддержать предпріятіе. Въ деревнѣ Лазѣ, гдѣ жили его родители, былъ насторожъ тотъ самый Зейлеръ, который,

(*) Въ этомъ народномъ возрожденіи участвовали еще только Сербы Верхне-Лужицкіе; Нижніе Лужичане оставались къ нему равнодушны.

какъ я разсказалъ, первый изъ новаго поколѣнія Сербовъ—Лужичанъ сталъ заботиться о своемъ языкѣ и потомъ даже началъ учиться другимъ Славянскимъ нарѣчїямъ. Онъ не измѣнилъ прежнему направлению, хотя на время охолодѣлъ-было къ занятїямъ. Они-то, Зейлеръ и молодой Смоляръ, взялись продолжать начатое неудачно Юрданомъ. Приняли старое правописание, къ которому привыкли Сербы—Протестанты, и стали издавать «Тыдженську Нѣвину», т. е. Недѣльную Вѣдомость, тоже полъ листа въ недѣлю. Печаталась газета въ Будышинѣ, а составлялась въ деревнѣ Лазѣ, въ такъ называемой «голя» (die Haide, la lande) (*), въ 25 верстахъ отъ города. Почта тутъ не ходила, а была въ двѣ недѣли разъ оказїя въ Будышинъ; да и на ту не всегда могли разсчитывать, и нужно было, чтобы въ типографїи лежали готовые статьи по-крайней-мѣрѣ на два номера впередъ. Условїя, какъ видите, не совсѣмъ благопрїятныя. Чрезвычайно невыгодно было и то, что «Тыдженска Нѣвина» не смѣла печатать никакихъ политическихъ извѣстїй и статей, потому что Нѣмецкая Бауценская газета имѣла исключительную привиллегїю на политику. Читатели «Нѣвины», которые хотѣли знать политическія извѣстїя, должны были все-таки получать Нѣмецкую газету, а подписка на двѣ газеты вдругъ для селянина не бездѣлица.

Тѣмъ не менѣе «Нѣвина» шла порядочно и съ 1 Іюля 1842 уже не прекращалась. Редакція умѣла угадать вкусъ своей деревенской публики и вмѣстѣ съ тѣмъ вела ее постоянно, все болѣе и болѣе, къ самосознанію народному. Зейлеръ, который былъ редакторомъ газеты по 1848 г., писалъ главныя статьи (leitende Artikel или, какъ бы сказалъ Французъ, les premiers-Laze), разныя стихотворенїя, басни и т. п., изъ коихъ многія помнятся теперь Сербами, какъ ихъ народныя пѣсни; отецъ Смоляръ сочинялъ поучительныя разговоры о сельскомъ хозяйствѣ и всякаго рода комическія сцены и побасенки; сынъ его писалъ то, что ближе касалось вопроса народнаго, старался знакомить Сербскаго простолюдина съ прочими Славянами и съ тѣмъ, что у нихъ дѣлается.

Въ 1845 г. Смоляръ, который, работая для «Новины» и на-

(*) Сѣверную часть Верхне-Лужицкаго края составляетъ широкая полоса безплодной, песчаной, болѣею частью поросшей кустарникомъ земли, которую Сербы называютъ *голя* (т. е. голая земля). *Голя* занимаетъ также значительную часть Нижнихъ Лужицъ.

вѣщая безпрестанно свою родину, все еще продолжалъ заппматься при Бреславскомъ университетѣ, бросилъ наконецъ мысль о Славянской каедрѣ въ какомъ-нибудь Нѣмецкомъ городѣ и возвратился къ своимъ Сербамъ, полный одушевляющаго вліянія Челяковского и Палацкаго (съ Палацкимъ онъ видался въ Бреславлѣ и встрѣтилъ его опять въ Будышинѣ), придумывая, какъ бы еще сильнѣе двинуть дѣло народности. Уже бродила у него въ головѣ мысль объ учрежденіи « Матицы » Сербо-Лужицкой, на подобіе Чешской и Пиллрской, т. е. общества для поддержанія и развитія народнаго просвѣщенія и народной словесности, въ которое можетъ вступить всякій со взносомъ пзвѣстной суммы, обрашаемой въ капиталъ для изданія полезныхъ народныхъ книгъ, которыя членъ « Матицы » получаетъ бесплатно. Но въ маленькой землицѣ Сербо-Лужицкой, гдѣ высшій классъ Славянскаго народа составляютъ сельскіе пасторы, учителя и адвокаты, предпріятіе представляло большія затрудненія: людей было мало, денежный взносъ надобно было опредѣлить самый незначительный, чтобы не сдѣлать его совершенно недоступнымъ: какъ тутъ собрать капиталъ, на который можно бы было начать какое бы то ни было изданіе, предназначенное при томъ для такого малаго круга читателей? Мысль о Сербо-Лужицкой « Матицѣ » казалась несбыточною. Между тѣмъ лѣтомъ 1845 г., въ то самое время, когда Палацкій гостилъ въ Будышинѣ и молодые Лужицкіе Славянисты окружали знаменитаго историка, приходитъ въ собравшееся Славянское общество бывшій товарищъ и сотрудникъ Мѹжика, учитель Имишъ, и приводитъ съ собою церковнаго кантора (*) Коцора, отличнаго музыканта-самоучку. « Вотъ у насъ свой композиторъ! » говорятъ Имишъ. Потолковали и рѣшили съ Коцоромъ—дать народный Сербскій музыкальный праздникъ и пѣть на немъ только пѣсни Сербо-Лужицкія да Славянскія. Время было вакаціонное. Разослали циркуляръ ко всѣмъ учителямъ Сербо-Лужицкихъ школъ, которые выказывали сочувствіе къ народному дѣлу. Циркуляръ объявлялъ о задуманномъ праздникѣ и требовалъ немедленнаго извѣщенія: какой у кого голосъ, басъ ли, теноръ и т. д. Получивъ отвѣты, пустили второй циркуляръ: чтобы такія-то и такія-то лица явились туда-то въ такой-то день. Коцоръ объѣздилъ поочередно

(*) Родъ дьячка при Протестантскихъ церквяхъ. Во время богослуженія канторъ играетъ на органѣ.

все сборныя мѣста и подготовилъ въ разныхъ концахъ Сербо-Лужицкой земли отдѣльныя части своего концерта. Назначенъ былъ великій день торжества. Все собрались. Въ Будышинской « стрѣльницѣ » (Schiesshaus) заданъ былъ Славянскій концертъ. Въ первый разъ Лужицко-Сербское Славянство выступало, такъ сказать, передъ публикою своею и чужою. Отовсюду наѣхали Сербы. Многіе старики не вѣрили своимъ ушамъ. Пришло не мало и Нѣмцевъ. Народу собралось множество. Концертъ удался превосходно. « Аплодировали ревностно, рассказывалъ мнѣ Смоляръ, сами Нѣмцы, не по-дозрѣвая, какъ имъ иногда доставалось въ ультра-Славянскихъ патристическихъ пѣсняхъ... »

Съ тѣхъ поръ эти концерты возобновляются каждый годъ. Чтобы простые люди по всей странѣ могли въ нихъ одинаково участвовать, но-крайней-мѣрѣ какъ слушатели, великій разъ концертъ переносится въ иное мѣсто: его давали и въ Любін (Löbau), и въ Воерцахъ (Woyerswerda), и въ Маринной Студенн (Marienborn) близъ Лес-спинговой родины Каменца и т. д.

Мысль о « Матицѣ », объ открытомъ для всехъ обществѣ любителей роднаго слова, непрестанно занимала Смоляра и его друзей. Мужикъ — Клосопольскій, Зейлеръ, молодой дѣятель Д-ръ Пфуль, поэтъ и филологъ, съ жаромъ усвоили себѣ эту мысль. Собирались для обсужденія ея комитеты; въ 1846 г. состоялось уже предварительное (provisoire) собраніе членовъ, вызывавшихся участвовать въ « Матицѣ », сочиненъ былъ проектъ положенія; но все встрѣчались разныя препятствія, и ничего рѣшительнаго не выходило: пока наконецъ старый, опытный въ дѣлахъ практическихъ Д-ръ Клинь, членъ Будышинскаго городского совѣта, не взялся пособить молодежи. Онъ положилъ въ карманъ предначертанный уставъ, который принесть ему Смоляръ, и поѣхалъ въ Дрезденъ хлопотать. Вскорѣ, 26 Февраля 1847, Саксонское Правительство утвердило « Матицу » и уставъ ея, а черезъ нѣсколько времени пришло изъ Берлина разрѣшеніе Сербамъ, Прусскимъ подданнымъ, въ ней участвовать. Созвано было, въ среду на Св. недѣлѣ (1847 г.) первое годичное общее собраніе « Матицы. » Оно избрало членовъ для завѣдыванія ея дѣлами и утвердило предстоявшія ей на первый разъ занятія; а въ 1848 г. вышла первая книжка ея « Часописа », т. е. Временника, новымъ правописаніемъ. Теперь « Матица » имѣ-

есть до 200 членовъ, изъ денежнаго взноса которыхъ (*) двѣ трети употребляются на разныя изданія, а одна треть на образованіе капитала. Средства такъ скудны, что капиталъ едва превышаетъ теперь 400 талеровъ. Но все-таки и съ этими средствами « Матица » издала по сіе время 12 книжекъ « Часописа », гдѣ нѣсколько статей весьма дѣльныхъ, и 26 другихъ книжекъ, болѣею частью для народнаго чтенія, но въ томъ числѣ и прекрасную, самую подробную статистику Сербскихъ Верхнихъ Лужицъ, составленную пасторомъ Якубомъ. Въ « Часописѣ » обозначились имена нѣсколькихъ молодыхъ дѣятелей, отъ которыхъ многого можетъ ожидать Сербско-Лужицкая народность и письменность. Назову вамъ Веліана, Пфуля, Бука, Генча, Ростока. Предполагается издать мало-по-малу, отдѣльными книжками, небольшую Энциклопедію Наукъ для Сербскаго народа, по примѣру той, которую издаетъ Чешская « Матица » въ Прагѣ. Кромѣ того однимъ изъ желаній общества было составленіе полнаго Верхне-Лужицкаго Сербскаго словаря, въ который бы вошли все богатства народной рѣчи. Д-ръ Пфуль взялъ на себя редакцію такого труда и отовсюду сталъ получать матеріалы; Зейлеръ, Смоляръ передали ему богатые запасы словъ, ими собранные; во всѣхъ углахъ Сербско-Лужицкой земли члены « Матицы » подслушиваютъ и записываютъ народныя выраженія, имена нивъ и урочищъ, изъ коихъ многія восходятъ несомнѣнно до глубокой древности, и все это, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, доставляется Пфулю. Словарь народной рѣчи почитается тамъ дѣломъ общественнымъ, и для всѣхъ будетъ великою радостью, когда наконецъ увидать его въ печати.

Только что начиналась дѣятельность « Матицы », какъ наступилъ 1848 годъ, этотъ годъ движенія и волненій во всей Германіи и во всемъ западномъ Славянствѣ. Но 1848 годъ не былъ ознаменованъ для Сербовъ-Лужичанъ тѣми разочарованіями и бѣдствіями, какія онъ принеся Чехамъ, Словакамъ, подвластнымъ Пруссіи Полякамъ, Хорватамъ и другимъ ихъ собратьямъ на Западѣ. Напротивъ, онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ благопріятенъ для маленькой Сербско-Лужицкой народности: не увлекаясь никакою несбыточною мечтою,

(*) Члены « Матицы » дѣлятся на два разряда: первый разрядъ платитъ 1 тал. 10 грш. (1 рубл. 20 коп. сер.) въ годъ и получаетъ все изданія « Матицы »; второй платитъ 25 грш. (75 коп. сер.) въ годъ и получаетъ только книги, ею печатаемыя, а « Часописа » не получаетъ.

она осталась вѣрною прежнему порядку, когда все вокругъ съ ума сходило на бредняхъ Франкфуртскихъ демагоговъ, и воспользовалась порою преобразованій и переворотовъ лишь для того, чтобы упрочить свое официальное положеніе въ государствѣ и окончательнымъ устройствомъ внутреннимъ приготовить себѣ небывалое прежде благосостояніе. Первымъ у Сербовъ признакомъ наступающаго благопріятнаго для нихъ времени было то, что вмѣстѣ со всякими старыми ограниченіями уничтожалась исключительная привиллегія Нѣмецкой Бауценской газеты на помѣщеніе политическихъ статей. Лишь только узнавъ о томъ Смоляръ (онъ находился тогда въ Лейпцигѣ и занимался тамъ изданіемъ переданныхъ ему въ 1846 г. Іорданомъ «*Slawische Jahrbücher*»), онъ тотчасъ пріѣхалъ въ Будышинъ и поселился тамъ окончательно. Онъ принялъ отъ Зейлера редакцію «Тыдженской Новины», имѣвшей тогда 221 подписчика, увеличилъ ея объемъ (вмѣсто полулиста въ недѣлю сталъ выдавать цѣлый листъ) и пустилъ 1000 оттисковъ на показъ по вѣсѣмъ Сербско-Лужицкимъ деревнямъ. Его другъ Имишъ взялся распространить газету: ходилъ изъ села въ село, изъ дома въ домъ, пристыжалъ Сербовъ, которые ничего не читали по-Сербски, показывалъ листокъ, гдѣ могли на своемъ же языкѣ узнать, что на свѣтѣ дѣлается, и какія гдѣ цѣны стоятъ, и какой когда хлѣбъ выгоднѣе сѣять и что потѣшнаго разсказываютъ въ городѣ. Число подписчиковъ быстро удвоилось, утроилось. Въ это время со всѣхъ сторонъ и на всѣ правительства Германіи сыпались прошенія, «петиціи». Въ собраніи «Матицы» рѣшено было составить и Сербскую «петицію». Имишъ съ Смоляромъ и другими сочинили ее и разослали множество оттисковъ на подписаніе во всѣ приходы. Собралось нѣсколько тысячъ подписей. 25 Іюля (1848) являлась въ Дрезденъ съ этимъ прошеніемъ Сербская депутація, 16 человекъ, духовныхъ Протестантскихъ и Католическихъ, учителей и селянъ. Общее содержаніе прошенія было:

« Зо бы Сербска рычь въ Сербяхъ рунѣ то само право мѣла, ко- тре-жъ ма Нѣмска рычь въ Нѣм- цахъ, а то вособинѣ въ шулахъ, църквахъ, прѣдъ (*) вышнос- ћемъ (**) а прѣдъ судомъ. »	« Чтобы Сербская рѣчь въ Серб- ской землѣ ровно то самое право имѣла, которое имѣетъ Нѣмецкая рѣчь въ Нѣмецкой землѣ, а именно въ школахъ, церквахъ, передъ властями и передъ судомъ. »
--	--

(*) Прѣдъ — читайте шпедъ.

(**) Читайте почти какъ бы «вышностьемъ»: знакомъ Ѣ обозначаю, по примѣр-
нымъ Сербовъ, ѣи смягчаемое и приближающееся къ звуку мягкаго ч.

Кому подать просьбу? Двѣ стороны тягались тогда въ Дрезденѣ, какъ и во всей Германіи: сторона королевская, министерская и сторона сейма. Сеймъ хотѣлъ забрать въ руки всю власть; министерство отстаивало права короны. Всѣ безъ исключенія просьбы Нѣмецкаго народонаселенія шли къ сейму, отъ котораго ждали всѣхъ благъ земныхъ. Сербская депутація отправилась къ министерству, всѣми оставленному. Удовольствіе Короля было великое. Депутацію приняли при дворѣ со всѣми возможными почестями. Король лично разговаривалъ съ каждымъ изъ членовъ ея и отпустилъ ихъ съ самыми положительными общаніями.

Между тѣмъ Смоляръ, Имишъ и друзья ихъ продолжали дѣйствовать дома въ смыслѣ народности. Опасно было, чтобы при всеобщемъ разгарѣ германизма, Сербы-Лужичане не были имъ задавлены и поглощены. Но, слѣдуя своимъ руководителямъ, они стали крѣпко подъ знаменемъ своей Славянской народности. Какъ въ Нѣмецкихъ городахъ учреждались политическія собранія, такъ въ Будышинѣ учредилось Сербское собраніе («гловне Сербске товариство»), и въ каждомъ приходѣ образовались подчиненныя ему общества; каждое имѣло своего предсѣдателя, своего секретаря, свои безсѣнные комитеты (*Ausschüsse* или, какъ Сербы хорошо говорятъ, *выборки*). Чувство народности и ея внутренней самобытности разливалось по всей массѣ поселянъ. Всякими наружными знаками, патристическими пѣснями, разноцвѣтными флагами, надписями и т. п., — какъ дѣлалось тогда на всемъ Западѣ, — провозглашали Сербы это чувство.

Важный вопросъ занималъ между тѣмъ Саксонскую Лузацію. Лузація, бывъ въ старину отдѣльнымъ маркграфствомъ и имѣя другой коренной законъ престолонаслѣдія, чѣмъ остальная Саксонія (*), пользовалась правомъ обсуждать свои мѣстныя дѣла на особомъ сеймѣ, который составлялся изъ владѣтелей такъ называемыхъ «рыцарскихъ» помѣстій (*Rittergutsbesitzer*), т. е. аристократическаго сословія и городскихъ представителей. Уничтожить ли эту особенность Лузаціи или нѣтъ? Вотъ что занимало тогда весь край! Сторона германистовъ и демократовъ, стремясь подвести все подъ одинъ уровень и искоренить учрежденія, напоминавшія о древнемъ феодалѣ.

(*) Лузація принадлежитъ собственно къ Богемской коронѣ и уступлена только властвующему нынѣ въ Саксонскомъ королевствѣ дому: если прямая линия Саксонскихъ королей вымретъ, то она должна опять отойти къ Богеміи.

лизмъ и поддерживавшія раздробленность Германіи, требовала закрытія провинціального сейма. Къ усиленію ихъ рвенія не мало содѣйствовалъ и капиталъ въ полтора милліона талеровъ, который принадлежалъ Лузацкимъ чинамъ и который сдѣлался бы тогда « народною собственностью » (Nationalgut) всей Саксоніи и перешелъ бы въ распоряженіе ихъ партіи. Для Сербовъ за то дѣло было бы невыгодное. Содержаніе Будышинской семинаріи, разныхъ школъ и тюремъ, и другія издержки, которыя покрывались доходами съ этого капитала, падали бы на счетъ общинъ; впрочемъ для нихъ это было не главнымъ расчетомъ. Они предвидѣли, что торжество централизаціи будетъ для ихъ народности смертельнымъ ударомъ, что Франкфуртская партія, которой они отдадутся при потерѣ областной особености, станетъ ихъ безпощадно онѣмечивать. Они и сдѣлались усердными поборниками мѣстнаго сейма: умѣли убѣдить Лузацкое « рыцарство » (*), изъ котораго главнымъ образомъ состоялъ сеймъ, что для него, для этого рыцарства, среди волненій демократическихъ, лучшая опора — сочувствіе Сербскаго простаго народа. Предсѣдатель сейма и старшина Лузацкаго « рыцарства » (Landesältester) фонъ-Тилау взялся сдѣлать рѣшительный шагъ и отъ имени сейма пригласилъ сельскія общины Лузаціи въ немъ участвовать, въ лицѣ избранныхъ представителей. Надѣясь на Сербовъ болѣе, чѣмъ на Нѣмцевъ, онъ предложилъ, чтобы число депутатовъ было соразмѣрно съ числомъ отдѣльныхъ сельскихъ общинъ, а не съ поголовнымъ счетомъ народонаселенія: дѣло въ томъ, что Славянскія общины въ Лужицахъ, оставшіе еще при старинномъ распредѣленіи, были гораздо мельче, но за то многочисленнѣе Нѣмецкихъ, между которыми въ послѣднее время часто двѣ-три общины сводились въ одну. Перевѣсъ Сербовъ на сеймѣ былъ великъ. Руководители ихъ не забыли заранѣе изготovitъ и распространить между ними на Сербскомъ языкѣ всѣ нужныя свѣдѣнія о дѣлахъ области, о капиталѣ ея и т. д.: а Нѣмецкихъ поселянъ призывъ на сеймъ засталъ врасплохъ. Провинціальная особеность Лузаціи была обезпечена, Сербы имѣли

(*) Рыцарствомъ я называю преимущественно сословіе владѣтелей такъ называемыхъ « рыцарскихъ маіоратовъ » (Rittergüter): оно именно осталось въ Германіи послѣднимъ представителемъ и преемникомъ средне-вѣковаго феодализма, средне-вѣковыхъ рыцарей и бароновъ, хотя теперь во многихъ частяхъ Германіи (въ томъ числѣ и въ Саксоніи), для права владѣть такими помѣстьемъ уже не требуется рыцарское, — благородное — происхожденіе.

голосъ въ дѣлахъ своего края, а рыцарскому сословію сохранено было древнее преимущество быть главными распорядителями областного сейма и всего, что отъ него зависѣло. Между Сербами-поселенцами и этимъ сословіемъ все болѣе и болѣе укрѣплялась связь и взаимное благоволеніе. Разумнымъ съ обѣихъ сторонъ образомъ дѣйствія, при полезныхъ мѣрахъ Дрезденскаго правительства, окончательно отстранены были послѣ 1848 г. всѣ причины неудовольствія между представителями стараго завоевательнаго феодальнаго сословія и потомками покоренныхъ Славянъ, обработывавшихъ распределенную между рыцарями землю. Извѣстно, что съ 1806 года, съ того времени, какъ Наполеонъ довелъ Германію до самаго страшнаго униженія, началось въ ней преобразование стараго порядка вещей. Рыцарь лишился права на личность своего подданнаго, который остался обязаннымъ работникомъ на его землѣ: подданный имѣлъ *usufructum*, т. е. пользованіе отведеннымъ ему участкомъ признававшейся во владѣніи рыцаря земли и не могъ быть съ нея согнанъ, а за то обязанъ былъ къ извѣстнымъ работамъ, поставкамъ и платежамъ въ пользу рыцаря. Съ 1817 года Пруссія начала отминая эти такъ называемыя «*Robotten*», т. е. повинности поселянъ, выкупая ихъ вознагражденіемъ для рыцарей. Въ 1831 — 1833 г. Саксонія рѣшилась на то же. За основаніе, какъ въ Пруссіи, такъ и въ Саксоніи, было принято, что повинности, которыя лежали на землѣ поселенина въ пользу рыцаря, составляютъ капиталъ, соответствующій половинѣ стоимости самой земли. Если, напримѣръ, прежній подданный рыцаря имѣлъ землю, стоющую по оцѣнкѣ 400 талеровъ, то ему давалось на выборъ, или заплатить рыцарю 200 тал. и остаться полнымъ хозяиномъ своей земли, или уступить половину ея рыцарю, а другою половиною владѣть безобязанно. Хлѣбопашцамъ такое условіе показалось тяжело, они почти всѣ имѣли нужду въ цѣломъ участкѣ, изъ котораго изстари извлекали себѣ пропитаніе (такъ что въ Саксоніи уступка половиною части земли была даже признана невозможною), а вдругъ значительной суммы для расплаты имъ неоткуда было взять. Правительство отстранило затрудненіе къ обоюдной выгодѣ рыцарей и подданныхъ: оно приняло на себя долгъ послѣднихъ и выдало рыцарямъ за должную имъ сумму облигаціи государственнаго банка, приносящія по 3, 3½ и 4 процента, до выплаты капитала, а поселянамъ открыло возможность погасить всю капитальную сумму

долга ежегоднымъ взносомъ 4 процентовъ въ продолженіе 55 лѣтъ, предоставляя имъ при томъ право во всякое время уплатить остающуюся до истеченія этого срока въ долгу часть капитальной суммы. Дѣло было почти окончено уже до 1848 г.; но все еще оставались нѣкоторые поводы къ непріятнымъ столкновеніямъ. Земля поселянина, хотя и выкупленная, все-таки признавалась въ основаніи принадлежащею рыцарю, и при каждой перемѣнѣ владѣльца (при смерти и отчужденіи), платилось рыцарю съ нея 5 процентовъ по оцѣнкѣ; не отмѣнены еще были разные мелкіе денежные сборы въ пользу рыцаря, сборы, которыхъ въ прежнее время считалось въ Лужицахъ до 100 наименованій, и которые тогда въ общей сложности нерѣдко превышали впятеро казенную подать. Такіе остатки старины все еще раздражали земледѣльца противъ прежняго феодальнаго господина. При сближеніи обоихъ сословій на провинціальномъ сеймѣ 1848 г. всѣ эти мелочи были уничтожены съ обоюднаго согласія и съ вознагражденіемъ той стороны, которая при этомъ терпѣла убытокъ, и искорененъ былъ всякій поводъ къ зависти и гнѣву однихъ, къ опасеніямъ другихъ.

За то болѣе и болѣе увеличивалось раздвоеніе между Сербамъ и противоположно Нѣмецкому дворянству партією Нѣмецкихъ горожанъ и селянъ, которая совершенно увлечена была демократическимъ порывомъ. Въ той же мѣрѣ усиливалось между Сербамъ чувство приверженности къ законной власти. Вспыхнулъ Дрезденскій мятежъ: ни одинъ Сербъ въ немъ не участвовалъ; единственный Саксонскій полкъ, въ которомъ не явилось никакого колебанія въ вѣрности Королю, былъ полкъ, набранный въ Сербскихъ селеніяхъ. За то, когда мятежъ былъ съ кровопролитіемъ подавленъ, Сербы не испытали на себѣ тяжести наступившей реакціи; теперь-то напротивъ, при водвореніи тишины, воспользовались они плодами своей твердости и благоразумія. 29 Августа 1849 пришелъ изъ Дрезденскаго министерства приказъ, удовлетворившій ихъ просьбамъ 1848 года. Постановлено было: 1) чтобы въ низшихъ (элементарныхъ) школахъ, гдѣ большинство дѣтей — Сербское, ученіе производилось по Сербски, а гдѣ меньшинство, то чтобы Сербовъ учили по крайней мѣрѣ читать и писать на ихъ языкѣ, и имъ по Сербски преподавали Законъ Божій; 2) чтобы пасторы и чиновники, назначавшіеся въ Сербскую землю, непременно знали по Сербски; 3) чтобы судъ производился для Сербовъ на ихъ языкѣ, и всѣ

законы и распоряженія правительства объявлялись имъ по Сербски.

Въ числѣ этихъ постановленій было еще одно весьма замѣчательное, и надобно объяснить его поводъ. Оно показываетъ, до какой степени Сербъ-простолудинъ дорожить своею народностью. Еще въ 1847 г. пришелъ къ Смоляру простой поденщикъ, по имени Швудракъ, возвратясь домой изъ Дрездена съ работы. Онъ слышалъ объ Смолярѣ, какъ объ заступникѣ всего Сербскаго. Онъ излилъ передъ нимъ горькія жалобы, что долго жилъ въ Дрезденѣ и не могъ даже помолиться порядкомъ, что тамъ нѣтъ Сербскаго богослуженія. «Нашихъ тамъ множество, говорилъ онъ, мужчинъ въ рабочихъ, женщинъ въ нянькахъ и служанкахъ, въ одномъ Остринскомъ предмѣстьи будетъ человекъ 70 Сербовъ, и все это живетъ, точно поганые, въ церковь не ходитъ. А коли бы къ намъ въ Дрезденъ (въ *Дражджаны*, какъ говоритъ Сербъ,) отъ времени до времени пріѣзжалъ изъ дому пасторъ и служилъ намъ по Сербски обѣдню, то всякій изъ насъ готовъ дать за каждую службу по 2, пожалуй, и по 4 гроша (6 или 12 копѣекъ сер.)....»

Пфуль, жившій въ Дрезденѣ, сталъ хлопотать объ этомъ дѣлѣ. И вотъ, вмѣстѣ съ приведенными выше постановленіями, министерство разрѣшило, чтобы 3 раза въ годъ пріѣзжалъ въ Дрезденъ священникъ для проповѣди и совершенія требъ на Сербскомъ языкѣ; оно назначило для этого прекрасную церковь (такъ наз. *Kreuzkirche*) и даже приняло на себя издержки, а вскорѣ послѣдовало подобное распоряженіе въ пользу живущихъ въ Дрезденѣ Сербовъ Католиковъ.

Такимъ образомъ въ 1849 — 1850 г. Сербо-Лужицкая народность достигла полного, офиціального признанія въ Саксонскомъ государствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ взаимное довѣріе сословій, которыя не мѣшали другъ другу развивать свою дѣятельность и предпримчивость, привело къ небывалому прежде благосостоянію. Общества сельскаго хозяйства, дотолѣ почти безполезныя, потому что классъ земледѣльцевъ ихъ чуждался, процвѣли удивительно, когда произошло совершенное сближеніе рыцарей съ селянами. Потомки феодальныхъ владѣтелей—наѣздниковъ сдѣлались теперь передовыми вождями народа въ смиренныхъ завоеваніяхъ прикладной науки. Всякая новая мысль по части сельскаго хозяйства ими первыми испытывается, всякое полезное открытіе ими первыми примѣняется на ихъ собственныхъ

земляхъ и передается ихъ бывшимъ подданнымъ, а нынѣ сосѣдямъ-пріятелямъ. Соревнованіе сдѣлалось общимъ.

«Нѣтъ у насъ теперь, говорилъ мнѣ Смоляръ, ни одного селянина—
«землевладѣльца который бы не былъ членомъ общества сельскаго хо—
«зяйства. Съ тѣхъ поръ, какъ устроилось дѣло поземельнаго выкупа,
«продолжалъ мой повѣствователь, благосостояніе нашихъ Сербовъ воз—
«расло неимоверно. Сосѣди-Нѣмцы съ завистью смотрятъ на наши села.
«У насъ не принялись тѣ демократическія и социалистическія на—
«чала, которыя сѣютъ у нихъ раздоръ и мѣшаютъ людямъ думать
«объ истинно-полезныхъ и дѣльныхъ вещахъ. Внутреннее согласіе
«и при томъ природная склонность нашихъ Славянъ къ хлѣбопашеству
«сдѣлали изъ Сербскихъ Лужицъ нашихъ самый богатый край во
«всемъ околотѣ. На то есть и поговорки и у нашего народа, и у
«Нѣмцевъ: «вонъ со смѣнъ яко Нѣмцы на тыканцы» — онъ
«сѣбѣется, ухмыляется, какъ Нѣмецъ передъ широгомъ, — говоритъ
«нашъ селянинъ, и Нѣмецъ оправдываетъ его поговоркою: «Gott
«verlässt einen Deutschen nicht, er lässt ihn eher ins Wendische
«betteln gehen», т. е. что «Богъ не покинетъ Нѣмца, онъ его
«отправитъ въ Сербскій край собирать милостыню».... Съ тѣхъ
«поръ, какъ сталъ досугъ *учиться* сельскому хозяйству, нашъ
«простолудинъ, котораго прежде считали лѣнтяемъ и пьяницею,
«сдѣлался рѣшительно первымъ земледѣльцемъ во всей странѣ. Его
«приглашаютъ теперь подъ Дрезденъ, какъ руководителя, гдѣ заво—
«дятъ образцовое сельское хозяйство, платятъ ему большія деньги.
«Земля, которая у насъ во время выкупа стоила 400 талеровъ,
«нынѣче цѣнится по меньшей мѣрѣ въ 4000. Вы не повѣрите
«такому приращенію, прибавлялъ Смоляръ, но оно дѣйствительно
«такъ: и земля, оставшаяся во владѣніи рыцарей, и земля, вы—
«купленная у нихъ, поднялась съ тѣхъ поръ вдесятеро, это у насъ
«принимается среднимъ числомъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, разумѣется,
«все улучшилось. Кто видѣлъ домашній бытъ нашихъ селянъ
«тому назадъ лѣтъ 15 или 20, и посмотреть на нихъ теперь,
«тотъ не узнаетъ, что это тотъ же народъ. Грубыя домашнія
«ткани замѣстило хорошее сукно, ситецъ и шелкъ; гдѣ въ избѣ
«стояла голая скамья да простой столъ, тамъ теперь удобная сто—
«лярная мебель; рессорная бричка изгоняетъ у простыхъ хлѣбо—
«пашцевъ старинную телегу; нерѣдко видно фортепьяно въ избѣ,
«гдѣ не такъ давно была лишь родная «гусля.» Пьянство исче—

« заѣтъ; многіе изъ нашихъ Сербовъ, не дождавшись и трети срока, « съ которымъ погашается ихъ поземельный долгъ, уплатили разомъ « всю остальную сумму, чтобы ничего уже не тяготѣло на ихъ « землѣ. »

Довольные своимъ положеніемъ, Саксонскіе Сербы по справедливости считаются самыми мирными, самыми преданными правительству членами государства. Съ какою радостью принимаютъ они всѣ тѣ знаки благоволенія къ ихъ Сербской народности, которые правительство не перестаетъ имъ оказывать! Въ 1850 г. прибылъ въ Будышинъ губернаторомъ наслѣдный принцъ Альбрехтъ, и вдругъ пронесся по всему Сербскому краю слухъ, что къ принцу ходитъ Смоляръ, что ихъ будущій Государь учится по Сербски. И дѣйствительно, Смоляръ былъ приглашенъ давать ему уроки, и черезъ нѣсколько времени принцъ Альбрехтъ могъ уже, встрѣчаясь съ простолудиномъ, по Сербски съ нимъ поздороваться и кое о чемъ потолковать. « Какъ, говорили Сербы, нашъ языкъ былъ въ загонѣ; « его называли грубою, мужицкою рѣчью, а теперь наслѣдный принцъ « ему учится! Видно, мы не такой еще отверженный народъ, хоть и « не много насъ... »

Въ 1853 г. праздновалась въ Дрезденѣ свадьба того же принца Альбрехта. Особая депутація поѣхала съ поздравленіемъ отъ лица Сербовъ. Смоляръ сочинилъ въ честь новобрачныхъ Сербскій сонетъ, его напечатали золотыми буквами, собрали къ этому поэтическому адресу тысячи Сербскихъ подписей и представили Альбрехту и его супругѣ. Смоляръ говорилъ принцу Сербскую рѣчь, принцъ отвѣчалъ также по Сербски. Молодая (принцесса изъ дома Ваза) внимательно слѣдила за ихъ словами, прислушивалась, и вдругъ сама вступила въ разговоръ: « ахъ, вѣдь я понимаю чуть ли не каждое « слово! И я скоро, пожалуй, заговорю съ вами по Сербски... Вотъ « это слово значить то-то, а это слово то-то? » « Представьте себѣ радость нашихъ Сербовъ », говорилъ мнѣ Смоляръ. Дѣло въ томъ, что принцесса долго жила въ Моравіи и нѣсколько научилась тамошнему Славянскому языку; оттого рѣчь Сербовъ казалась ей такъ понятною. Тѣ же самые восторги повторялись опять, когда принцъ Альбрехтъ пріѣхалъ въ Будышинъ « представить » свою жену тамошнему краю (въ 1854 г.). Пошли снова Сербскія поздравительныя рѣчи, Сербы обѣдали у принца, былъ Сербскій концертъ на Чернобогѣ, на главной горѣ Сербско-Лужицкой земли...

Ученая и письменная дѣятельность также развивается у Сербовъ. Съ 1851 года учреждена кафедра Сербскаго языка при Будышинской гимназіи. Смоляръ, который некогда мальчикомъ вздумалъ учить товарищей по Сербски изъ опасенія, что и они, и самъ онъ позабудутъ свой языкъ, теперь преподастъ его наукообразно всѣмъ находящимся въ гимназіи Сербскимъ уроженцамъ; и при этомъ онъ старается дать имъ, на сколько возможно, понятіе и о другихъ вѣтвяхъ Славянскихъ. Объ изданіяхъ «Матицы» Будышинской я уже сказалъ. Сербо-Лужицкая газета идетъ удивительно. Вообразите себѣ, газета имѣетъ теперь 1200 подписчиковъ на 90,000 душъ, считая женщинъ и дѣтей (*). Въ 1854 г. Смоляръ вздумалъ напечатать въ первый разъ календарь на Сербскомъ языкѣ. До того времени Сербы должны были покупать Нѣмецкіе календари. Напечаталъ онъ для перваго опыта 1000 экземпляровъ, приспособивъ календарь къ потребностямъ своей сельской публики. 1000 экземпляровъ раскупили на расхватъ, и не достало: Смоляръ тиснулъ тотчасъ другую тысячу, и ту раскупили. По этой пропорціи, у насъ въ Европейской Россіи мало бы было милліона экземпляровъ.

Последняя новость у Сербовъ-Лужичанъ—начатое въ нынѣшнемъ году изданіе полнаго Верхне-Лужицкаго Словаря. Этотъ Словарь, я сказалъ, составляется уже нѣсколько лѣтъ молодымъ Сербскимъ дѣятелемъ, Пфулемъ, съ помощію многихъ усердныхъ собирателей словъ и подъ покровительство Сербской «Матицы». Словарь былъ уже почти полонъ и готовъ, но не знали, гдѣ найти средства издать его. Наконецъ, въ ноябрѣ 1855 г., сеймъ Лузацкихъ чиновъ пожертвовалъ на это 300 талеровъ, другіе 300 даетъ «Матица», и съ этимъ можно уже приступить къ печатанію. Есть надежда, что еще въ нынѣшнемъ году выйдетъ первая часть этого труда, который такъ прекрасно свидѣтельствуетъ о вниманіи Сербовъ-Лужичанъ къ родному языку и не только принесетъ пользу ихъ письменности, но будетъ важнымъ приобрѣтеніемъ для обще-Славянской науки.

(*) Къ сожалѣнію, кругъ ея читателей ограничивается только Верхне-Лужицкими Сербами. Не смотря на то, что она могла бы быть понятна и Нижнимъ Лужичанамъ (потому что различіе нарѣчій не велико), Нижніе Лужичане чуждаются ея и вообще, къ несчастію, почти не участвуютъ еще въ умственномъ движеніи Сербовъ Верхне-Лужицкихъ. Впрочемъ объ этомъ у насъ рѣчь впередъ.

Я написалъ Вамъ предлинный рассказъ про то, что происходило въ безвѣстности, въ маленькой смиренной землицѣ, въ теченіе какихъ-нибудь тридцати лѣтъ. Не взыщите за множество мелкихъ подробностей, которыми я успѣлъ Вамъ наскучить. Кругъ Сербо-Лужицкаго движенія такъ малъ, что въ этихъ мелочахъ состоитъ почти вся его исторія. Не забудьте, что пространство всей земли Сербо-Лужицкой не больше одного уѣзда въ любой Россійской губерніи, и что цѣлый народъ Сербовъ-Лужичанъ не превышаетъ числомъ населенія какого-нибудь второстепеннаго города, какъ Варшава или Гамбургъ. При всемъ томъ, я увѣренъ, что Вы съ уваженіемъ и сочувствіемъ взглянете на эту крохотную землю и крохотную дѣятельность ея народа. Относительно къ сферѣ, въ которой она заключена, и къ средствамъ, которыми располагаетъ, дѣятельность эта велика: она чиста и благородна. Любопытно видѣть, что могутъ сдѣлать три-четыре человека, когда Богъ внушитъ имъ мысль, которая должна за тѣмъ стать мыслию народною. Зейлеръ, Смоляръ, Мѹжикъ, молодые люди безъ денегъ, безъ средствъ, безъ покровительства и значенія, возбудили къ самосознанію, вызвали къ умственной дѣятельности цѣлый народъ, который прежде спалъ глубокимъ сномъ, не зная себя и никѣмъ не знаемый, народъ малый, правда, и въ политикѣ ничего не значащій, но который съ тѣхъ поръ показалъ, что и онъ имѣетъ право жить своимъ умомъ и развиваться. Да, исторія Лужицкихъ Сербовъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ, при всей крохотности ея размѣровъ, явленіе примѣчательное въ наше время: она живое свидѣтельство, какъ сильна въ наше время въ Славянскомъ племени мысль о народности, какъ сильно стремленіе къ внутренней самобытности, какъ сильна потребность развитія. Кто бы подумалъ, что эта мысль и это стремленіе овладѣютъ и горсточкою земледѣльцевъ, затерянныхъ, точно островокъ Славянскій, между Нѣмцами, забывшихъ про свою Славянскую братію и про собственную исторію, помнящихъ только свой языкъ да свои пѣсни?...

Народное движеніе Сербо-Лужицкое, о которомъ я Вамъ рассказывалъ, главнымъ образомъ происходило въ Саксоніи. Сербы Верхне-Лужицкаго племени въ Прусскихъ владѣніяхъ также участвуютъ въ этомъ возрожденіи. Хотя ихъ народный языкъ не имѣетъ тамъ такого полнаго оффиціального признанія, какъ въ Саксоніи, и сами они гораздо бѣднѣе Саксонскихъ Сербовъ (причина тому въ почвѣ ихъ

края) (*), однако чувство народности у нихъ возбуждено постояннымъ общеніемъ съ ихъ соплеменниками въ Саксоніи. Извѣстно, что они до постановленій Вѣнскаго конгресса (1815 г.) принадлежали Саксоніи; давнишняя связь до сихъ поръ не разорвана новою политическою границею, и главнымъ нравственнымъ средоточіемъ Прусской Верхней Лузаціи все еще остается, какъ въ старину, Будышинъ. Примѣромъ можетъ служить деревня Лазъ, о которой я такъ часто упоминалъ, гдѣ родился и много времени провелъ Смоляръ, гдѣ живетъ Зейлеръ и гдѣ долго составлялась «Тыжденьска Нѣвнина»: она лежитъ въ Прусскихъ владѣніяхъ, а дѣятельность, изъ нея исходившая, проявлялась преимущественно въ Саксонскихъ Лужицахъ, въ Будышинѣ. Юноши изъ Прусскихъ Верхнихъ Лужицъ поступаютъ обыкновенно въ Будышинскую гимназію; большая часть молодыхъ пасторовъ, получающихъ тамъ приходы, или родомъ изъ Саксонскихъ Лужицъ, или въ ней образовались: всѣ они проникнуты любовью къ Славянству и усердно хранятъ его въ своихъ паствахъ. Теперь вся пограничная съ Саксоніею полоса Прусскихъ Лужицъ уже перешла въ попеченіе такихъ священниковъ: Берганъ пасторомъ въ Ждяхахъ (по Нѣмецки Gross-Särchen), Зейлеръ въ Лазѣ (Lohsa), Зомеръ въ Вуѣздѣ (Uhyst) и друг. Совѣтъ не то положеніе другой части Сербо-Лужицкой земли, принадлежащей Пруссіи, именно, Нижнихъ Лужицъ. Сюда почти не проникло вліяніе того, что дѣлается у Саксонскихъ Сербовъ; народъ ничего не знаетъ о своей Верхне-Лужицкой братіи, чуждается книгъ, которыя тамъ издаются, хотя могъ бы вполне понимать ихъ, при всемъ различіи нарѣчій. Онъ до сихъ поръ остается чуть ли не въ такомъ же умственномъ отъпенѣніи, въ какомъ былъ за 30 или за 40 лѣтъ передъ симъ; мало людей заботилось о народности Сербской въ Нижнихъ Лужицахъ. Если назовемъ Шиндлера, издателя Новаго Завѣта, и Цвара, составителя Словаря Нижне-Лужицкаго, которые оба уже умерли, а изъ живыхъ Брѣниша и Штемпеля, (всѣ четверо Протестантскіе пасторы), то едва ли найдется еще кто-нибудь. Но не много пользы могутъ они принести, при равнодушіи народа, при бѣдности собственныхъ средствъ, при противоѣдѣствіи многихъ недоброжелателей и враговъ Славянской народности. Мѣст-

(*) Земля ихъ состоитъ большею частью изъ безплодной земли, о которой я уже говорилъ.

ныя власти и значительная часть духовенства усердно примѣняютъ въ Нижнихъ Лужицахъ ту теорію систематической германизациі, которая господствуетъ въ Силезіи и Познанскомъ герцогствѣ. Еще въ послѣднее время прекращено въ нѣсколькихъ приходахъ Нижнихъ Лужицъ Сербское богослуженіе (въ Старой Дарбнѣ, Alt-Döbern, съ 1814 г.; въ Прицѣ, Pritzen, съ 1825; въ Викахъ, Petershain, съ 1842 г.; около того же времени въ Лазѣ — другомъ, чѣмъ Верхне-Лужицкій Лазъ, — Lase, въ Жарновѣ, Sorau, и др.), и первыя два селенія уже совершенно отмѣчались; также еще въ нынѣшнемъ столѣтіи отмѣчено много селеній на противоположномъ (восточномъ) краю Нижнихъ Лужицъ, въ Жаровскомъ округѣ (Kreis Sorau), именно: Барщъ (Forsta), Тшесойцы (т. е. Трясовицы, по Нѣм. Schecksdorf), Божемышль (Bademäusel), Трѣбуль (Triebel), и почти уже Роговъ (Hogno) и Кольскъ (Gross-Költzig).

«Во многихъ изъ этихъ отмѣченныхъ селеній, говоритъ Верхне-Лужицкій писатель Іенчъ (*), можно еще тамъ и сямъ услышать «отъ стариковъ кое-что по Сербски, а молодые люди большею частію «уже и не понимаютъ Сербскаго языка. Только имена деревень, полей и «семей, старыя надписи и рукописи въ церквахъ, всякіе старые Сербскіе «обычаи и нѣкоторыя обиходныя выраженія, свидѣлствуютъ, что «тутъ недавно жили Сербы. Къ сожалѣнію, продолжаетъ онъ, селе- «нія эти отличаются также довольно часто большимъ развращеніемъ «правовъ (demoralisaciu), которое не преминетъ развиваться, коль скоро «отнимутъ у народа его священнѣйшія блага, рѣчь и народность»....

«Въ 1848 г. (я все выписываю у Іенча) уже только Хотѣ- «бузскій и Гродковскій округа (Kreis Kottbus, Kreis Spremberg) «были въ цѣлости Сербскіе. Въ нихъ всѣ селенія Сербскія и потому «во всѣхъ приходскихъ церквахъ, къ которымъ приписаны Сербы (**),

(*) Въ прекрасной статьѣ «Судьбы Сербской рѣчи и народности» (Ставишкинъ Сербскій рѣчь а народностѣ), напечатанной въ «Часовникѣ Матицы. Я соображался съ этою статью въ началѣ своего разсказа, но не могъ изъ нея много извлечь, потому что Іенчъ кончаетъ тамъ, гдѣ я собственно начинаю, т. е. 1838 годомъ, основаніемъ Сербскаго общества при Будышинской гимназій. Дальше онъ не пошелъ въ исторіи Верхне-Лужицкаго движенія потому, вѣрно, что живетъ среди всѣхъ дѣателей этой исторіи. Что касается Нижнихъ Лужицъ, то онъ довелъ свое повѣствованіе до 1849 г., и нынѣ-то я могъ здѣсь руководствоваться.

(**) Есть, особенно въ городахъ, церкви для Нѣмецкихъ жителей, и въ нихъ, разумѣется, служатъ по Нѣмцямъ.

«еще проповѣдуютъ по Сербски, и во многихъ школахъ еще по крайней мѣрѣ Христіанское вѣроученіе преподается Сербскимъ дѣтямъ по Сербски. Кромѣ того, Сербы живутъ еще на краю Жаровскаго и въ большой части Калавскаго округа. Въ Жаровскомъ округѣ, сколько мнѣ извѣстно, уже ни въ одной церкви не проповѣдуютъ по Сербски, хотя это было бы еще нужно особенно въ Роговѣ и Кольскѣ. Въ Калавскомъ округѣ еще въ осьми селеніяхъ богослуженіе совершается по Сербски, но только въ Зломѣ Коморовѣ (Senftenberg), въ Тшенцѣ (Steinitz) и въ Вѣтшовѣ (Vetschau) каждую недѣлю, а въ Лутахъ (Laute), въ Великомъ Ранѣ (Gross-Räuschen), въ Малинѣ (Greifenhain) и въ Колкойцахъ (Kalkwitz) обыкновенно только одинъ разъ въ восемь недѣль, въ Любновѣ (Lübbepau) каждыя двѣ недѣли».

«Зо буђе (*) со іри (**) тайкимъ шпатнымъ вобстараню Сербскаго люда, богужель. тежъ въ тутыхъ послѣднихъ Сербскихъ восадахъ Сербска рычъ а народносѣ (***) спадно гижомъ за нѣкотре ѣсаѣ лѣтъ згубиѣ, ѣ (****) яра къ вѣрѣ подобно. Бѣгъ хдылъ теодля бѣрзы тежъ дельнымъ Сербамъ свѣрныхъ ѣлаѣрјовъ вубуѣиѣ, млодыхъ а рыхлыхъ Сербскихъ вѣтчинцовъ, ки-жъ быху зѣержеѣ пытали, што-жъ гиѣе къ зѣерженю ѣ, а засо тварили а позбѣгныли, што-жъ ѣ суровосѣ ѣнѣрѣлјовъ Сербскен рыче а народносѣе въ придавшихъ часахъ поторгаѣ, вутупиѣ а заничиѣ пытали».

«Что при такомъ дурномъ печеніи о Сербскомъ народѣ, къ сожалѣнію, также въ сихъ послѣднихъ Сербскихъ поселеніяхъ Сербская рѣчь и народность легко исчезнетъ уже черезъ какія-нибудь десять лѣтъ, это весьма вѣроятно. Дай же Богъ поскорѣе также и нижнимъ Сербамъ надежныхъ дѣателей, молодыхъ и бойкихъ Сербскихъ «отчинцевъ» (т. е. патріотовъ), которые старались бы поддержать то, что еще можетъ быть поддержано, и воскресли бы и воздвигнули то, что жестокость непріятелей Сербской рѣчи и народности въ минувшія времена пыталась расторгнуть, попортить и уничтожить».

(*) Чит. будъѣе.

(**) Чит. пши.

(***) Чит. народносѣтъ, дѣѣсѣатьѣ.

(****) Чит. ѣ (мягко), какъ бы је. Вообще же о Сербо-Лужицкомъ произношеніи см. мой Р. Script. на слѣдующей страницѣ.

Изъ этихъ словъ Вы уже видите, до какой степени судьба Нижне-Лужицкихъ Сербовъ озабочиваетъ ихъ дѣятѣльнѣйшихъ соплеменниковъ въ Саксоніи. Но есть надежда, что не всѣ ихъ опасенія сбудутся, и что съ 1849 года настала и у этихъ Славянъ пора народнаго пробужденія. Въ 1849 г. нѣкоторые изъ людей высшаго класса въ Нижнихъ Лужицахъ, поборники консерватизма, рѣшились издавать по Сербски газетный листокъ для поселянъ: имъ дѣла не было до народности, и они отстранили отъ себя этотъ вопросъ; но они хотѣли противодѣйствовать распространенію демократическихъ началъ между простонародьемъ, и чтобы найти въ немъ читателей, по неволѣ должны были взять его языкъ. Къ сожалѣнію, листокъ этотъ составляютъ люди, плохо знакомые со вкусомъ своей Славянской публики, и потому онъ имѣетъ немного подписчиковъ; но все же онъ держится уже седьмой годъ, и мало-по-малу приучаетъ поселянъ къ чтенію на ихъ языкъ: можетъ-быть изъ этого маленькаго начала со временемъ разовьется бѣльшее. Въ томъ же 1849 году ученики Хотѣбузской гимназіи, Сербскіе уроженцы, основали общество для упражненія въ родномъ языкѣ и для поддержанія его въ своемъ кругу. Общество это въ родѣ того, которое основалъ Мѣжикъ-Клосопольскій при Будышинской гимназіи въ 1838 г. Дай Богъ, чтобы оно принесло такую же пользу: чтобы изъ него, какъ прежде изъ общества Будышинскаго, вышли тѣ первые «молодые и бойкіе Сербскіе *отчины* (патріоты)», о которыхъ Генчъ, уже увѣренный въ жизненности Славянства Верхне-Лужицкаго, молитъ теперь для Нижне-Лужицкой братьи (*).

А. Гильфердингъ.

Февраль 1856.

P. S. Я выписалъ въ двухъ мѣстахъ по нѣскольку строкъ на Верхне-Лужицкомъ Сербскомъ языкѣ Русскими буквами, чтобы

(*) Читатели наши конечно обратятъ вниманіе на эту крайне замѣчательную статью о маломъ и почти неизвѣстномъ у насъ отдѣлѣ Славянскаго племени. Изъ нея становится явнымъ отношеніе народности не только къ умственной жизни народа, но и къ матеріальному его благоденствію. Въ статьѣ, нѣкогда напечатанной однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ, было сказано, что въ каждомъ обществѣ высшія сословія представляютъ стихію знанія, а нижнія основу жизни, и что ихъ полное единеніе есть условіе здраваго общественнаго организма. Развѣтїе Лужичей и цѣна земли, удешевлявшаяся въ теченіе 16-ти лѣтъ въ области, уже тѣсно заселенной и давно принадлежащей къ просвѣщенной Германіи, доказываетъ несомнѣнно эту истину.

Изд. К.

дать Вамъ понятіе объ этомъ самомъ маломъ изъ Славянскихъ нарѣчій и по формамъ самомъ древнемъ изъ нынѣ живущихъ. Для выраженія Сербо-Лужицкихъ звуковъ, къ Русскимъ буквамъ нужно прибавить только, по образцу Церковно-Славянской азбуки, мягкое н (je), для различія отъ е твердаго (какъ у насъ э въ словѣ *это*), да Сербскіе знаки ѣ и ѣ: ѣ есть д, смягченное и подходящее къ дж, весьма мягко произносимому; ѣ есть т, смягченное и звучащее въ иныхъ мѣстахъ у Верхнихъ Лужичанъ, какъ мягкое ч (какъ бы чь или тчь), а въ иныхъ, какъ мягкое ц. (какъ ць). Когда у Сербовъ Лужичанъ, по примѣру Польскаго, р, смягчаясь, переходить въ звукъ ш, то я писалъ ѣ, когда о переходить въ звукъ у — то я писалъ ѣ (*Богъ* какъ *Бугъ*, *пѣри* какъ *пши*). Еще замѣтите, что у Верхнихъ Лужичанъ

ъ звучитъ почти какъ jи (ji), или какъ Нѣмецкое jü;

г какъ Нѣмецкое h;

х почти не отличается отъ к;

л твердое звучитъ почти, какъ в или короткое у; замѣтите, стало быть, что Ъ, Г, Л читаются почти, какъ у Малороссіянъ, а что удареніе въ обыкновенной рѣчи всегда на первомъ слогѣ каждого слова (*). Замѣтивъ все это, Вы правильно прочтете двѣ Верхне-Лужицкія пѣсни, которыя мнѣ хочется привести Вамъ, какъ образецъ народной поэзіи Сербовъ-Лужичанъ:

I. (**)

«Нѣтъкъ-лѣй(***)ниповнѣзъ, голечо,	«Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Што н ми въ зымѣ зелене,	Что у меня зимою зелено,
Такъ млѣдне зелене?	Такъ молодо зелено?»

— Ъдла тамъ стеји на гѣрцы,	— Ель тамъ стоятъ на горкѣ,
Та н ми въ зымѣ зелена,	Та у меня зимою зелена,
Такъ млѣдна зелена.	Такъ молода зелена.

(*) Только въ народныхъ пѣсняхъ иногда нарушается этотъ законъ.

(**) Въ этой именно пѣснѣ удареніе въ нѣсколькихъ мѣстахъ отступаетъ отъ обыкновеннаго правила: пѣсня должна читаться чисто амбическимъ ритмомъ.

(***) *Нѣтъкъ* или *мѣтъкъ* значить собств. *теперь*, какъ Нѣмцы говорятъ, на примѣръ, *-Nun, sage mir!* *Лей* (собств. *Глей*) есть сокращеніе изъ *гладъ*, и очень часто приставляется въ смыслѣ усиительномъ къ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ.

«Нѣтъкъ-лѣй ми повнѣзъ, голечо,
Што ми не въ лѣтѣ бнѣзъ квѣћа,
Бнѣзъ квѣћа бѣлаго?» (*)

«Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Что у меня лѣтомъ безъ цвѣту,
Безъ цвѣту бѣлаго?»

— Папрохъ тамъ степи подъ горку,

— Папороть тамъ стоятъ подъ
горкою:

Тонъ не ми въ лѣтѣ бнѣзъ квѣћа,
Бнѣзъ квѣћа бѣлаго.

Она у меня лѣтомъ безъ цвѣту,
Безъ цвѣту бѣлаго.

«Нѣтъкъ-лѣй ми повнѣзъ, голечо,
Што ми не дрѣжше слѣбора,
Слѣбора чистого?»

«Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Что у меня дороже серебра,
Серебра чистого?»

— Твоѣ та чесѣ, моѣ руѣанъ
вѣнцъ,

— Твоя честь, да мой рутовый
вѣнокъ; (**)

Тейстѣй'(***) ми дрѣжшей слѣбора,
Слѣбора чистого.

Они у меня дороже серебра,
Серебра чистого.

«Нѣтъкъ-лѣй ми повнѣзъ, голечо,
Што ми не лѣжше перичка
Перичка гусацогъ?»

«Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Что у меня легче перушка,
Перушка гусинаго?»

— Наю громаду-принѣненъ,
То ми не лѣжше перичка,
Перичка гусацогъ.

— Наше «составаніе» (свиданіе),
Оно у меня легче перушка,
Перушка гусинаго.

«Нѣтъкъ-лѣй ми повнѣзъ, голечо,
Што ми не ѣжше камѣня,
Камѣня млынського?»

«Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Что у меня тяжеле камня,
Каменя жерноваго?»

(*) Въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напр. въ этомъ словѣ, *л* у Лужичанъ, какъ и у Поляковъ, сохраняетъ свой твердый звукъ передъ *е*: тогда я пишу *лѣ*, для различія отъ *ле*, гдѣ *л* звучитъ мягко, какъ у насъ въ словѣ *лей*, и отъ *лѣ*, гдѣ слышно между *л* и *е* присутствіе краткаго *і* (*j*), какъ у насъ въ словѣ *новоселье*. Латинскими буквами Сербы пишутъ *le*, *le* и *lje*.

(**) Вѣнокъ, сплетенный изъ вѣтокъ руты, есть символъ невинности и носился дѣвицею при вѣчаніи.

(***) Двойств. числ., какъ Церковно-Слов. тѣ есть.

— Наю то рѣзно-хѣленн,
То н ми хѣжше кáмня,
Камня млынского.

— Наше разставаніе,
Оно у меня тяжеле камня,
Камня жерноваго.

2.

Я пакъ тамъ хоѣахъ на горахъ,
На горахъ высокихъ.

А я тамъ ходила на горахъ,
На горахъ высокихъ.

Я пакъ тамъ глядахъ до дола,
До дола глубокогоъ.

А я тамъ глядѣла въ долъ,
Въ долъ глубокой.

Я пакъ тамъ виѣахъ лѣнѣ тѣхъ,
На лѣахъ гѣльцы тѣю,
Тѣхъ,

А я тамъ видѣла, какъ лодки
ѣхали,
На лодкахъ трое парней.

Тѣнъ среѣански, тѣнъ найренъши,
Тѣнъ со ми любеше.

Тотъ средній, прекраснѣйшій,
Тотъ миѣ полюбился.

Знагнълъ н вѣнъ свой першѣнь,
Свой першѣнь слѣборны.

Онъ снялъ свой перстень,
Свой перстень серебряный.

«Ювъ машъ, ювъ машъ ты, голечо,
Тѣнъ першѣнь слѣборны».

«Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, дѣвица,
Перстень серебряный».

— Твой першѣнь, тѣнъ я не-
сѣмъ браѣхъ,
Моя маѣхъ ми вобара.

— Твой перстень, я его не смѣю
брать,
Моя мать миѣ запрещаеъ.

«Дужъ рекъ ты твоѣй маѣери,
Зо сы юнъ намкала».

«Такъ скажи ты твоей матери,
Что ты его нашла».

— Своѣй маѣери я не смѣмъ лгаѣхъ,

— Своѣй матери я не смѣю
лгать,

нѣй дѣрбю правду знаѣхъ.

Ей я должна правду объявляеъ.

отд. v.

Веле радѣю чю нѣй прайнѣи: Гораздо охотнѣе я ей скажу:
Тонъ млодѣнецъ, 'це ме мѣнѣ. Молодецъ хочетъ меня имѣть
своею.

Слѣдующую пѣснь привожу, какъ образчикъ произведеній новыхъ Сербско-Лужицкихъ поэтовъ. Она сочинена Зейлеромъ, но до того полюбилась народу, что поется въ деревняхъ на свадьбахъ, какъ пѣснь народная. Смоляръ принялъ ее въ свой Сборникъ народныхъ пѣсенъ.

«Смѣтъ Сербовъ Сербске голечо,	Я Сербскаго рода Сербская дѣвица,
Ми Гапка рѣкая,	Меня зовутъ Аннушка,
А веселѣ себи спѣвајо,	И, весело себѣ поючи,
Мамъ спѣшнось до ѣла.	Я работаю безъ устали.

Дыжъ шковрончикъ ранко заспѣва,	Запоетъ ли жавороночекъ рано- раненько,
Ми спѣва къ ставаню,	Онъ поетъ мнѣ, чтобы я вставала,
А тду лп до ѣтѣля,	И какъ поѣду я за клеверомъ,
Зъ нимъ спѣвамъ на прѣмы.	Пою съ нимъ въ запуски.

На мезу тѣжу зелену,	На межу прѣду зеленую,
Серпъ тупы вотсю сей,	Тупой серпъ наточу себѣ,
А жнею травку росойту	И жну травку росистую
На мезы квѣткойтей.	На межѣ цвѣтучей.

А дыжъ со ручка вомача	А какъ у меня рука замочится
Тей травцы росойтей,	Въ той травкѣ росистой,
Ми першѣнь мой со блыскота	Мой перстень блеститъ
На ручцы на мокрей.	На рукѣ на мокрой.

Тонъ першѣнь мамъ вотъ любего,	Этотъ перстень я получила отъ милаго,
Рянего пахола;	Отъ статнаго молодца;
Къ намъ вечеръ, дыжъ со за- смеркло,	Къ намъ вечеромъ, какъ смерк- нется,
Мой любы прихаѣа.	Мой милый приходитъ.

Сымъ зымѣ къ новей кошульцы
 А къ платей парадла,
 Плать давно не жно натканы,
 Плать требама невѣста.

Я зимою на новую рубашечку
 И на холстъ напряла,
 Холстъ давно уже натканъ,
 Холстъ мнѣ нуженъ, невѣстѣ.

Тежъ пернѣ не 'шо вудрене
 На долгихъ вечерахъ,
 Дужъ послешна мамѣ готове
 Ве своихъ коморкахъ.

И пухъ уже вычищенъ
 Въ долгиѣ вечера,
 Да и постелюшка у меня готовая
 Въ моемъ чуланчикѣ.

За червныны бантъ на главы
 'Цу мѣнь вѣнцъ руѣаны,
 Маѣ буѣ чепцовъ купиѣ ми
 За дороге пенезы.

По красной лентѣ на головѣ
 Будетъ у меня вѣнокъ рутовый (*),
 Матъ мнѣ закупить чепцовъ (**)
 За дорогія деньги.

Ми дружчиѣ буѣа голеча,
 Те весне товаршки,
 А буѣ квасна гощина
 Прѣзъ тси дны заспѣхи.

При мнѣ на свадьбѣ будутъ дѣ-
 вушки,
 Деревенскія подружки,
 И будетъ свадебное угощеніе
 Три дня безъ перемежки.

(*) Непременная и отличительная принадлежность свадебнаго убора дѣвушки.

(**) Чепецъ надѣвается молодой тотчасъ послѣ вѣнчанія.

О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВЪ ГАЛИЦІИ ВЪ 1855 ГОДУ.

(Письмо къ А. Н. Кошелеву.)

Сей часъ получилъ я, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, письмо отъ многозаслуженнаго, добродушнаго патріарха западнаго Славянства, В. В. Ганки. Спѣшу сообщить Вамъ, что онъ обѣщаетъ участвовать въ «Русской Бесѣдѣ» и готовить ей подарокъ изъ Чешской земли. Но чтобы теперь же, не откладывая, показать это участіе на дѣлѣ, Вячеславъ Вячеславичъ посылаетъ Вамъ любопытное письмо *о Русской дѣятельности въ Галиціи въ 1855 году*. Оно прислано ему изъ Львова однимъ изъ лучшихъ Галицкихъ ученыхъ и поборниковъ Русской народности, Я. Ѳ Головацкимъ. Васъ, конечно, порадуетъ эта вѣсть изъ уголка Русской земли, отрѣзаннаго отъ Россіи политической границею. Но сперва прочтите то, что В. В. Ганка пишетъ мнѣ о послѣднихъ открытіяхъ по части Глагольской письменности; этотъ вопросъ занимаетъ теперь весь ученый міръ Славянскій:

«Вамъ извѣстно (я перевожу слова г. Ганки), что профессоръ Гёфлеръ (Höfler) нашелъ у насъ на переплетѣ одной Латинской рукописи XI вѣка два отрывка Глагольской литургіи, которые г. Шафарикъ относитъ къ IX столѣтію. Если бы они находились на первоначальномъ переплетѣ главной рукописи, то слѣдовало бы конечно предполагать, что Глагольскіе отрывки, приклеенные къ переплету, древнѣе самой рукописи. Но я замѣтилъ, при тщательномъ разсмотрѣніи, что къ первоначальной рукописи XI-го вѣка прибавлено 10 листовъ, писанныхъ почеркомъ XIII-го или по крайней мѣрѣ конца XII-го. Пергамень главной рукописи

другаго издѣлія, чѣмъ пергаментъ прибавленныхъ листовъ. Когда откроешь рукопись, листы древнѣйшей части свертываются, а остальные лежатъ плоско, и видно, что переплеть во всякомъ случаѣ современенъ послѣднимъ листамъ. Покуда не найду Глагольского памятника съ вѣрнымъ свидѣтельствомъ о времени его происхожденія, я остаюсь при своемъ мнѣніи: что Глаголица выдумана была только послѣ того, какъ объявили Кирилловское письмо аріанскимъ (*). Глаголица выходитъ у насъ изъ потаенности на свѣтъ. На этихъ дняхъ священникъ Арнольдъ открылъ въ Поличанахъ, въ Быдзовскомъ краѣ, два Глагольскихъ листа, писанныхъ на бумагѣ (это у насъ первая находка въ такомъ родѣ); они содержатъ конецъ 3-ей и 4-ую главу Нравственнаго Богословія на Старо-Чешскомъ языкѣ, тѣмъ же правописаніемъ, какъ прочіе Глагольскіе памятники, происходящіе изъ нашего Эммаусскаго монастыря. Находка г. Гёфлера обнародована будетъ г. Шафарикомъ, находка г. Арнольда, вѣроятно, гг. Эрбеномъ и Шумавскимъ (который, кстати скажу, прилежно занимается приготовленіемъ своего Всеславянскаго Словаря (**), такъ что чрезъ 3 мѣсяца уже будетъ напечатанъ первый выпускъ)... »

А вотъ письмо г. Головацкаго, о которомъ я сказалъ Вамъ. Оно писано по Русски. Сообщаю его безъ малѣйшаго измѣненія. Вы съ любопытствомъ увидите, какъ пишетъ наша Русская братья

(*) Т. е. еретическимъ (Примѣчаніе А. Гильфердинга).

(**) Страстный филологъ-лексикографъ, г. Франта Шумавскій, сдѣлавшійся извѣстнымъ по изданію хорошаго Чешскаго Словаря, принялъ въ послѣднее время за Словарь, въ которомъ соединены будутъ слова всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Первый опытъ (тетрадка вышедшая въ 1852 г.) былъ неудаченъ: принявъ въ основаніе Латинскую азбуку, г. Шумавскій долженъ былъ ввести множество произвольныхъ знаковъ для всѣхъ разнообразныхъ звуковъ многочисленныхъ Славянскихъ вѣтвей. Читать его Словарь не было возможности; онъ его бросилъ и началъ сызнова. Теперь Словарь будетъ издаваться Русскими буквами; прибавлено будетъ только нѣсколько необходимыхъ знаковъ, заимствованныхъ изъ древняго Кирилловскаго алфавита и понятныхъ всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ древними Церковно-Славянскими памятниками. Прекрасная вещь будетъ эта книга, гдѣ всѣ слова всѣхъ Славянскихъ нарѣчій будутъ сведены въоедино, въ общемъ правописаніи, Русскими буквами. Словарь г. Шумавскаго состоятъ будетъ изъ двухъ частей: одна, огромная, будетъ Словарь Всеславянскій съ объясненіемъ на языкахъ Греческомъ, Латинскомъ и Нѣмецкомъ; другая, поменьше и безъ притязанія на совершенную полноту, будетъ Словарь Нѣмецко-Всеславянскій. Почтенный труженникъ начинать съ изданія этой Нѣмецко-Славянской части, какъ болѣе легкой и, такъ сказать, приготовительной работы. Мысль прекрасная, планъ хорошъ, но исполненіе будетъ трудное. (Примѣчаніе А. Гильфердинга).

въ Австрійскихъ владѣнiяхъ. Не забудьте, что въ Галиціи начали писать по-Русски не много лѣтъ тому назадъ: Русскіе люди тамъ еще не привыкли владѣть своимъ языкомъ. Богъ дастъ имъ силы и твердости, и духовное общеніе съ Великою Россіею вызоветъ къ новой жизни отдѣленный отъ нея исторіею и заглушій край Мало-россiи.

«Надлежало бы нѣсколько словъ прибавить (пишетъ г. Головацкій В. В. Ганкъ) о Литературѣ по крайней мѣрѣ Русской (въ Гали-
«ціи) и о успѣхахъ ея въ теченіи 1855 г. Съ грустію надобно
«сказать, что словесность Русская въ томъ году менѣе плодотворна,
«чѣмъ въ прошедшихъ. Даже самымъ часописямъ (т. е. журналамъ)
«не повелось въ прошедшемъ году; *Зоря Галицкая* ежедневное ли-
«тературно-забавное изданіе ред. Николая Савчинскаго послѣ осми-
«годового существованія своего перестала выходить съ № 32 по
«причинѣ нерадиваго издательства и провзшедшаго оттуда равнодушія
«публики, *Семейная Библіотека* ежемѣсячная часопись печатаема
«у Ф. Порембы дотянулась до V тетради, захромала и невѣдать
«встанетъ ли въ текущемъ году изъ смертельной болѣзни или нѣтъ.
«Редакторъ ея Северинъ Гавриловичъ Шеховичъ. Единственный
«*Вѣстникъ*, издаваемый въ Вѣнѣ (подъ псевдонимомъ Валіемъ Збо-
«ровскимъ) чрезъ Юлія Выслобоцкаго, держится на ногахъ, но
«можетъ быть не на собственныхъ. Этотъ журналъ носитъ три
«личины: Политическаго *Вѣстника* 4½ листа въ недѣлю (in 4°),
«*Отечественнаго Сборника* (разъ въ недѣлю ½ листа) и *Сель-
«ской Школки* прибавляемой въ неопредѣленное время (20 ¼,
«листовъ въ годъ!). Къ часописямъ можно также причислить пра-
«вительственные изданія законовъ. Вообще извѣстно, что *Вѣстникъ*
«*Законовъ Державныхъ* по русски и по нѣмцки съ 1849 г.
«издается подобно какъ на другихъ языкахъ Австрійской имперіи въ
«Вѣнѣ въ казенной типографіи, также *Вѣстникъ Законовъ Крае-
«выхъ* для Русскихъ въ Галиціи во Львовѣ въ казенной типографіи
«и такой же *Вѣстникъ* для Русскихъ Угорскихъ въ Буднѣ, но
«немногіе вѣдаютъ о томъ, что съ 1854 издается *Политическій*
«*Донеситель* Львовской ц. к. (т. е. Цесарско-Королевской) пол-
«цейской Дирекціи, на нѣмецкомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ.
«Общество Галицко-русской Матицы поступаетъ напередъ, хотя
«нѣсколько ушло и нерѣшительно. Продолженія Галицко-русскаго

« историческаго Сборника, коего первый выпускъ издаде Матица
 « въ 1853 г. все еще ожидаетъ публика, хотя говорятъ, что пе-
 « чатаніе его скоро окончится. Печать сочиненія М. Мадриовскаго
 « О келікомъ Божіемъ мірѣ (16) 392 и IV стр., содержащаго
 « популярное изложеніе Астрономіи, физической и политической гео-
 « графіи, минералогіи и музыки, началось печатать еще 1852 г. и
 « едва ли въ 1855 кончено! Второй томъ того же сочиненія выйдетъ
 « на иждивеніе Матицы, онъ будетъ содержать популярное изложеніе
 « Ботаники, зоологіи и антропологіи. Когда бы только Матица скорѣе
 « приступила къ изданію! Сверхъ того печатаетъ Матица большій
 « Политическо-дѣловъ мірскій который будетъ изукрашенъ хорошими
 « иконками рѣзанными на стали въ Вѣнѣ, и Наѣкъ о челоководствѣ
 « по методу Держона соч. Льва Трещаконскаго дѣйствительнаго
 « члена агроном. львовск. Общества и гр. к. (Греческо-Католиче-
 « скаго т. е. Уніатскаго) « Приходника въ Руднѣ ». Изъ частныхъ лицъ
 « тоже исключивъ случайные стихи, мало кто что напечаталъ.
 « Самое важнѣйшее сочиненіе есть безъ сомнѣнія Янниамъ Гитѣз-
 « ненскій и Іоанъ Длгошъ латинскія выписки изъ ихъ сочиненій,
 « статей, относящихся къ исторіи Галичско-Владимірскаго Руси, за
 « періодъ отъ 1337 по 1387 г. съ русскимъ переводомъ и примѣ-
 « чаніями, изслѣдованіями и замѣчаніями соч. Дениса Зубрицкаго,
 « вмѣстѣ IV части Галицкой Исторіи. Львовъ 1855. (8) 122 стр.
 « Этого сочин. напечаталъ сей Ветеранъ-Историкъ на собственномъ
 « своемъ иждивеніи только *двѣсти* экз.

« Въ Перемышльскои типографіи печатались тоже едва нѣкія мѣл-
 « кія сочиненія, даже изъ богослужебныхъ книгъ не издаде ни Пере-
 « мышльская ни Львовская типографія ничего. Шестой годъ мѣсяце-
 « слова подъ написью *Перемышлянинъ* на г. 1856 вышелъ по менте
 « въ немъ занимательныхъ статей какъ въ прошедшихъ годахъ.

« Угорскіе (т. е. Венгерскіе) Русины хотя рѣже, но выступа-
 « ютъ съ сочиненіями большаго объема, кои стоятъ большаго труда
 « и прилѣжанія, но и большую пользу приносятъ; вспомнимъ на пр.
 « Исторію церковную Некаго Закѣта незабвеннаго каноника и про-
 « фессора въ Унгоградѣ (Unghvar) Андрея Балудянскаго издавную
 « 1852 въ Вѣнѣ на иждивеніи Ивана Федоровича Головацкаго (8 маі.)
 « 403 и VIII стр. III тома, или Дитѣргическій Катехизисъ Але-
 « ксандра Духновича кононика Прашевскаго, коего изданіе первое

«вышло 1851 г. въ Будинѣ, второе 1854 въ Львовѣ. Теперь
 «опять издалъ Стефанъ Мустіановичъ гр. к. парохъ и деканъ въ
 «Пилипцѣ Ужгородской (Унгварской) епархіи два достопримѣтель-
 «ныя душеполезныя сочиненія въ ставропигійскомъ Институтѣ.
 «а) Надгробныя скѣпты проповѣди на всякій случай и приключе-
 «ности смерти, сочинивъ и казавъ С. М. Львовъ. 1855. (8) 275
 «стр. кирилловскими буквами; б) *Проповѣди на церковныя тор-*
 «*жества и нѣкія околичности*, сочиненіе С. М. Львова 1855.
 «(8) 132 стр. гражд. печати. Сей же трудолюбивый священникъ
 «приготовляетъ къ печати свои «Проповѣди на всѣ недѣли цѣлого
 «года» сочиненіе, которое будетъ обнимать 50 листовъ печатныхъ.—
 «Г-нъ Раковскій священникъ и редакторъ *Вѣстника Краевыхъ*
 «*Законовъ* въ русскомъ языкѣ въ Будинѣ перевелъ Апостольское
 «посланіе Пѣм IX Папы римск. о догматическомъ опредѣленіи не-
 «сквернаго зачатія Богородицы Дѣвы, съ лат. на церковно-словен-
 «скій языкъ. Оно напечатано въ Будинѣ 1855 г. Русскій переводъ
 «того же посланія вышелъ во Львовѣ 1855 г.

«Вотъ перечень всего, что издалось въ 1855 году—можно ска-
 «зать совершенный застой въ литературной дѣятельности. По случаю
 «или какимъ-либо другимъ причинамъ въ минувшемъ году даже
 «меньше учебниковъ русскихъ издано, чѣмъ въ прошедшихъ; ибо
 «взявъ въ соображеніе, что когда въ 1852 г. напечатаны ц. к.
 «управительствомъ школьныхъ книгъ толстые учебники на пр.
 «*Зѣтрословіе* В. А. Воляна (8) 235 стр. Читанка для низшей
 «*гимназій* В. Ковальскаго (8) 368 стр. Книжка до читанья для
 «II класса народн. училищ. и пр.; когда въ 1854 г. вышли на вѣдѣ-
 «веніе правительства *Великій Катехизисъ* М. Малиновскаго (8)
 «185 стр. *Рослинословіе* В. А. Воляна (8) XVI и 271 стр.
 «Его же *Минералогія* (8) VIII и 202 стр., наконецъ большого
 «объема *Хрестоматія* церковно-словенская и *дрекнорѣсская* для
 «вышшей гимназій, составлена Яковомъ Головацкимъ (8 таб.)
 «358 стр., то за цѣлый годъ 1855 изъ учебныхъ сочиненій рус-
 «скихъ, какъ *Вѣстникъ* 1855. № 97. извѣщаетъ, вышли только
 «*Стѣнныя* (т. е. Стѣнныя) таблицѣ, *манюинъ* сдѣлать къ томѣ,
 «абы *ученики* скорше и лекше читати наѣчити, *трѣдоумен-*
 «*кымъ* *Василіемъ* *Ковальскимъ* ц. к. министеріальнымъ *конци-*
 «*пистомъ* даже старанно и практично составлены.

«Вотъ все за цѣлый годъ ! Несчастный годъ поправшій Галицію
«неурожаемъ, дороговизною, губительною язвою на людей и поморомъ
«на скоть, а литературу злобными односторонними , краткозракими,
«самодлюбивыми людьми ! Чья вина въ томъ осудить Исторія, предъ
«коея зоркимъ глазомъ и безпристрастнымъ судомъ не скроется ни
«тихая благородная ревность и искреннее самопожертвованіе , ни
«злосозненная тайная злоба».

А. Гильфердингъ.

Марта. 1856 года.

БАЙДАРСКАЯ НОЧЬ

■ ■ ■

ПРОГУЛКА СЪ ПЛАСТУНАМИ.

Октябрь. 1855 года. Бакчи-Сарай.

Ненестовый гулъ тысячи орудій, длившійся болѣе одиннадцати мѣсяцевъ, внезапно умолкъ вокругъ Севастополя. Занятіе Французами Малаховой башни и переправа наша на Сѣверную сторону Севастополя положили конецъ безпримѣрной осадѣ и безпримѣрной защитѣ нашей крѣпости. Французы вошли наконецъ въ оставленную нами Южную сторону, обращенную въ развалины, а Сѣверная все еще стоитъ непоколебимо и не даетъ врагу овладѣть столь возжелѣнною для него бухтою. Прозорливая мысль сохранить, во что бы то ни стало, этотъ морской оплотъ нашъ, уничтожила возможность воздвигнуть на его берегахъ какой — нибудь новый Гибралтаръ. Съ конца августа до начала ноября все стратегическія соображенія союзниковъ доказывали ясно, что единственная цѣль ихъ была выжить насъ изъ этой завидной мѣстности (*). Въ слѣдствіе того самый театръ и характеръ войны отчасти измѣнились: искусственныя твердыни Севастополя уступили мѣсто твердынямъ естественнымъ, которыя тянулись горною чертою отъ Инкерманскихъ высотъ до Южнаго берега.

(*) Продолжительное сбереженіе морскихъ доковъ, взорванныхъ лишь въ 1856 году британскимъ вандализмомъ, можетъ служить тому дополнительнымъ доказательствомъ.

Повсюду неистощимая изобрѣтательность Англо-Французовъ выразилась въ удивительной игрѣ ложныхъ движеній и демонстрацій. Безиррыбныя рекогносцировки, марши и контр-марши сильныхъ летучихъ отрядовъ, нагрузка и выгрузка войскъ, обманчивыя передвиженія судовъ по всѣмъ направленіямъ Чернаго моря, перемежающаяся бомбардировка Сѣвернаго укрѣпленія,—словомъ, все то, что можно было придумать, чтобы сбить съ толку противника и раздробить его силы, было совершенно непріателемъ въ теченіи цѣлой осени. Пользуясь безцѣнною выгодною быстроты движеній, въ чемъ ему способствовали и топографическое положеніе полуострова, и царовое владычество его на Черномъ и на Азовскомъ моряхъ, онъ ухищрялся этими сподручными ему средствами замѣнить положительную для него невозможность идти прямо во внутрь Крыма. Но послѣдствія не оправдали этихъ успѣій. Чудовищныя мортиры (*) и парходный вѣнтъ, бывшіе для союзниковъ главными виновниками ихъ успѣховъ, перестали служить имъ. Млиновалась также вынужденная неподвижность нашихъ войскъ, дотогѣ прикованныхъ къ баціонамъ; онъ съумѣли удачно удержать всѣ свои позиціи, между тѣмъ какъ батареи Сѣверной постоянно умножались на защитѣ бухты.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ маневровъ непріятеля за это время состоялъ въ движеніи, предпріятомъ имъ изъ Байдарской долины противъ нашего лѣваго фланга. На самыя вершины одного изъ отроговъ Яильскаго хребта (**), занятого нашими передовыми шкентами и вѣроятно прозваннаго ими же переваломъ, Французы выставили вдругъ двадцатитысячный отрядъ. Лагерь свой они живописно расположили неправильными группами по лѣстистымъ извилистымъ холмамъ, отдѣляющихъ Байдарскую долину отъ долины Верхняго Бельбека.

Изъ многихъ татарскихъ ауловъ, находящихся въ сей послѣдней, Кутлеръ-Фоццала составлялъ, такъ сказать, центръ нашихъ аван-

(*) Въ послѣднія времена осады слишкомъ 400 мортиръ и 800 пушекъ небывалыхъ размѣровъ день и ночь громили несчастный Севастополь. По показаніямъ корреспондента Англійской всемірной газеты Times, было вынуждено противъ сего города въ одинъ сутки, предшествующія штурму 27 августа, безъ малаго 100,000 снарядовъ, кромѣ нешмовѣрнаго числа наведенныхъ копическихъ пуль.

(**) Извѣстно, что Яильскій хребетъ отдѣляетъ Южный берегъ и гористую полосу Крыма отъ Сѣверныхъ степей его.

гардныхъ отрядовъ. Передъ отступленіемъ нашимъ съ Южной стороны Севастополя, эти отряды были весьма незначительны: четырехъ или пяти сотенъ Донскихъ козаковъ достаточно было для отправленія всей аван-постной службы. Но когда непріятель сталъ стягивать большія массы войскъ въ Байдарскую долину и занялъ Перевалъ, то къ нашему авангарду присоединены были Смоленскій и Кременчугскій полки, при четырехъ орудіяхъ и двухъ эскадронахъ драгунъ. Въ послѣдствіи и это подкрѣпленіе оказалось недостаточнымъ, потому что Французы, противъ общаго ожиданія, двинулись внезапно по неудобопроходимымъ тропинкамъ цѣлыми тремя дивизіями пѣхоты, съ двадцатью эскадронами Африканскихъ конныхъ егерей (*chasseurs d'Afrique*), при нѣсколькихъ орудіяхъ къ самому аулу Кутлеръ-Фоцалъ. Передъ такимъ превосходствомъ силъ нашъ маленькій отрядъ естественно не могъ держаться. Онъ отступилъ и залегъ застрѣльщиками промежду скалъ близъ лежащихъ Аергульскихъ высотъ, надѣясь тѣмъ самымъ завлечь за собою пылкаго противника и дать подоспѣть выжидаемому имъ подкрѣпленію. Но Французы не только не дерзнули атаковать эту отважную горсть людей, а съ успѣшностію отступили ночью, избѣгая всякаго боя, на прежде занятые ими горные проходы, какъ скоро смекнули, что подходитъ на выручку нашимъ подкрѣпленіе. Что же значило это наступательное движеніе, сопровождаемое разными другими демонстраціями, въ виду самаго центра нашихъ позицій у Мангушъ-кале? Главною цѣлью его не могли же быть одиѣ рекогносцировки, ибо на то не нужны цѣлые корпуса; да притомъ вся долина Верхняго Бельбека давно уже была видна Французамъ, какъ на ладони. Между тѣмъ устройство заваловъ, редута и шоссе по обонимъ скатамъ Перевала для провоза артиллеріи и обозныхъ фуръ, явно указывало на серіозное намѣреніе проложить себѣ дальнѣйшій путь, вѣроятно, къ Бакчи-Сараю и Симферополю; безпрестанное же отправленіе войскъ моремъ изъ Балаклавы и изъ Камыша въ Евпаторію еще болѣе подтверждало вѣроятность общаго движенія противу тыла и лѣваго фланга нашего. Изъ всего этого стало очевидно, что непріятель, не осмѣливаясь атаковать съ фронта сильно укрѣпленную позицію нашу на Сѣверной и вдоль Черной, желалъ, какъ уже сказано, выжить насъ оттуда, непрерывно угрожая отрѣзать линію нашихъ сообщеній съ Перекопомъ. Не трудно понять, что въ подобныхъ обстоятельствахъ положеніе наше было весьма незавидное и что одна лишь стойкая распорядительность и неунынная бдительность за всѣми

движеніями союзниковъ могла до нѣкоторой степени пасть обезпечивать. По сему рѣшено было, между прочими охранительными мѣрами съ нашей стороны, узнать достоверно, каковы силы и расположеніе войскъ Французскихъ не на одномъ Перевалѣ, но и въ самой Байдарской долинѣ, которая должна была служить операціонною линіею всѣхъ ихъ будущихъ движеній противу нашего лѣваго фланга.

Въ аулѣ Кутлеръ-Феццалѣ находилось тогда небольшое число Черноморскихъ пластуновъ, имя которыхъ на вѣки связалось съ геройскою защитою Севастополя. Происхожденіе, образъ жизни и вся характеристика этихъ замѣчательныхъ людей довольно уже извѣстна. Излишне было бы вдаваться по сему предмету въ ученые розысканія, особенно здѣсь, между этихъ строкъ, набросанныхъ на бумагу посреди бивуачной жпзни и походовъ по Крымскимъ горамъ. Дѣло просто состояло въ томъ, что въ концѣ октября мѣсяца, часу въ осьмомъ вечера, десятокъ пластуновъ ускользнули тайкомъ безъ долгихъ приготовленій изъ аула Кутлеръ-Феццалы. Путь имъ предстоялъ дальшій и небезопасный: нужно было прокрасться чрезъ сильный непріятельскій лагерь, стоящій на гребнѣ Перевала, въ самую Байдарскую долину, гдѣ сосредоточенъ былъ цѣлый первый Французскій корпусъ. Взадъ и впередъ было безъ малаго 40 верстъ ходьбы, а времени только отъ зори до зори. Послѣдшій на ихъ службѣ маіоръ Д., баронъ О. и я охотно вызвался на эту работу и за тѣмъ, приладивъ къ ногамъ нашимъ черевки (*) и осматрѣвъ тщательно оружіе, пустились мы всѣ вмѣстѣ, молча, въ походъ. До подошвы Перевала пробирались мы верстъ пять вдоль садовъ и мимо татарскихъ ауловъ, лежащихъ на верхнихъ уступахъ Бельбекской долины. Отъ жителей ихъ необходимо было скрываться для того, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не извѣстилъ предательски Французовъ о нашемъ предпріятіи. Наконецъ, оставивъ далеко за собою наши переловые ведеты, мы достигли до той тропинки, которая взвивалась по скалистымъ бокамъ горы, прямо въ непріятельскій лагерь. Тутъ пластуны наши какъ будто вздрогнули и вдругъ пріостановились: надъ ними сверкнули внезапно промежъ горныхъ тѣней непріятельскіе огни. Минута наступила рѣшительная.

«Иды, якъ звирь, а не якъ человекъ», проворчалъ наконецъ сквозь зубы неустрашимый маіоръ.

(*) Черевки суть родъ амерпканскихъ мокассиновъ (moccasins), т. е. кожаные лапти безъ подошвъ, въ которыхъ можно ходить безъ малѣйшаго шума.

Этихъ словъ было достаточно. Съ замысловатыми приёмами пустились они въ ходъ, вверхъ по стезямъ, изрытымъ водомошными и покрытымъ разбросаннымъ каменникомъ. Гуськомъ, зѣбною струею вились они, нагнутые и плотно прижавшись одинъ къ задѣ другого, съ винтовкою въ рукахъ и съ папашою за поясомъ, то на ногахъ, то на колѣняхъ, а иногда и на брюхѣ. Среди ночной мглы мы ползли по събывчивымъ извпльнямъ подъема, и у насъ захватывало духъ отъ безпрестаннаго ожиданія наткнуться на Французскую передовую цѣпь. Малѣйшій шорохъ осенняго лѣственника или полуглушенный кашель какого-нибудь на земь ртомъ бросившагося пластуна, пригвождали насъ къ мѣсту, и руки невольно хватались за курки. Ни одного слова не проскользало между нами; едва слышные: «чу» или «шш» обозначали движеніе впередъ или назадъ. Такимъ образомъ въ продолженіи трехъ часовъ взбирались мы постепенно на мудренныя крутизны Перевала, придерживаясь, какъ можно, лѣвѣе къ обрывистымъ скаламъ, отдѣляющимъ его оконечность отъ сѣсѣдней горы Ай-Димитрія. Мнѣ привелось на моемъ вѣку исходить довольно горъ, долинь и ущелій въ обоихъ полушаріяхъ; зналъ я много пѣшиходовъ, принадлежащихъ ко всевозможнымъ народамъ, но, признаюсь, нигдѣ не встрѣчалъ молодцевъ, подобныхъ нашимъ пластунамъ. Они не только отличные скороходы и стрѣлки, но еще и отважные воины, — душа аванпостной службы.

«Это самая опасная пѣхота (*c'est une des infanteries les plus dangereuses*), говорилъ мнѣ еще недавно одинъ плѣнный Французскій полковникъ. «Будь она разбита у васъ по дивизіямъ, хотя мелкими «отрядами, какъ наши баталіоны Венсенскихъ стрѣлковъ, то вы бы, «вѣроятно, отъ нея получили еще болѣе пользы!»

На это безпристрастное сужденіе опытнаго непріятеля можно возразить лишь то, что коренные пластуны не могутъ быть набираемы и обучаемы, какъ всякое другое войско. Пластунъ въ пѣкоторомъ отношеніи есть нѣчто въ родѣ Сѣвероамериканскаго траппера (*trapper*), столь дивно описаннаго Куперомъ: онъ есть самородное произведеніе особаго быта. Говоря ихъ языкомъ, онъ «человикъ — звирь». Это соединеніе сильно развитаго человѣческаго разумѣнія съ столь же сильно развитымъ инстинктомъ, который мы замѣчаемъ въ самыхъ чуткихъ животныхъ, могло выработаться лишь въ Черноморіи (*)

(*) Въ Черноморіи называютъ *пластами* всю ту смѣсь камышей, болотъ и проч., которые составляютъ особый характеръ этого края. Отъ того слова: *пластунъ* и

и на Кавказѣ, посреди жизни чудной, гдѣ человѣкъ съ самаго младенчества въ борьбѣ со всѣмъ, его окружающимъ, гдѣ ежеминутно ему грозитъ опасность, которой онъ можетъ противопоставить лишь собственную догадку, ловкость и мужество. Качествъ, необходимыхъ для пластуна, нельзя произвести по заказу, ни по какой системѣ; одно условіе для пріобрѣтенія ихъ—безграничное развитіе разумнѣя, проведенное чрезъ собственный опытъ. Пластунъ поглубь, если будетъ дѣйствовать безсознательно; онъ долженъ отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ своемъ дѣйствіи, ибо на каждомъ шагу предъ нимъ непредвидимое. Отъ того и дисциплина его чрезвычайно понятна и просторна. Тоже явленіе замѣчается, хотя можетъ быть и въ меньшей степени, между казаками и матросами, которые также безпрестанно принуждены прибѣгать къ собственной своей смѣтливости и развивать свои умственные и тѣлесныя силы, сообразно съ многоразличными затрудненіями и случаями, которые ихъ встрѣчаютъ. Это явленіе весьма важно и поучительно: оно осязательно показываетъ, во сколько дисциплина, основанная на ясномъ практическомъ разумнѣи предметовъ, плодотворнѣе дисциплины, основанной на одной лишь привычкѣ къ мертвому механизму. Слѣдствіемъ же этого умственного развитія бываетъ то, что люди, которые живутъ на рубежѣ Азіи и Европы и которыхъ мы считаемъ полудиками, вовсе не чуждаются усовершенствованій европейской образованности, какъ скоро оныгъ убѣдить ихъ въ дѣйствительной пользѣ этого усовершенствованія. Никакая новость не пугаетъ ихъ потому только, что она новость. Примѣръ тому мы видимъ нынѣ на опытѣ въ Крыму, гдѣ они, находясь въ сосѣдствѣ и въ столкновеніи съ Французами и съ Англичанами, смекнули, что есть у нихъ полезнаго и усвоили то себѣ безъ всякихъ стороннихъ побужденій. Даже если бы возможно было удовлетворить свойственной имъ склонности не оставаться назади, то они нисколько бы не замедлили промѣнить остальные кремневые ружья свои на пистонныя, гладкоствольныя на наръзныя, парусныя суда на пароходы и воловыя фуры на что-нибудь подобное вагонамъ Англо-Балкалавской желѣзной дороги. Все это они препорядочно выражумѣли. Но чтобы читатель не обвинилъ меня въ излишнемъ пристрастіи

пластать. Извѣстно, что главные переселенцы этой полосы земель были Малороссійскіе казаки и именнно Запорожцы. Отъ того и сильное хохлацкое нарѣчіе въ языкѣ пластуновъ.

къ многимъ любезнымъ пріятелямъ, пластунамъ, козакамъ и матросамъ, спѣшу прибавить, что если особенными обстоятельствами жизни развились въ нихъ и особенныя способности, то пониманіе дѣйствительныхъ усовершенствованій они раздѣляютъ со всѣми Русскими племенами и людьми. Не рѣдко удавалось мнѣ любоваться въ различныхъ частяхъ нашего отечества дивной способностью Русскаго человѣка усвоивать себѣ все, что онъ признаетъ для себя годнымъ, его замѣчательнымъ здравымъ смысломъ, съ которымъ онъ умѣетъ отличить дѣльное и полезное ему нововведеніе отъ нововведеній пустыхъ и ему несродныхъ. Одного ему недостаетъ: большаго ходу для пріобрѣтенія большаго запаса *положительныхъ понятій и свѣдѣній*. Это бы его обезпечило отъ напрасной траты силъ, необходимыхъ для распознаванія, я отъ столь же напрасной траты силъ на изобрѣтеніе того, что давно уже изобрѣтено, какъ это на примѣръ замѣчается въ нашихъ деревенскихъ механикахъ-самоучкахъ и тому подобныхъ мѣстныхъ геніальностяхъ. Я знаю, что было много возгласовъ противъ такъ называемой подражательности Русскаго народа и что ставили ее намъ въ укоръ, но не забываютъ ли слишкомъ часто, что *капиталъ знанія или образованности* есть общее достояніе всего человѣчества, постоянно переходящее изъ рукъ въ руки!.... Загляните въ Исторію. Египтяне наслѣдовали его отъ Индѣйцевъ, Греки отъ Египтянъ, Римляне отъ Грековъ, отъ Римлянъ всѣ новые народы. Каждый членъ этого огромнаго семейства, называемаго человѣчествомъ, сперва овладѣлъ этимъ капиталомъ, потомъ болѣе или менѣе приумножалъ и наконецъ сдалъ его потомкамъ. Мы отсталая единица новѣйшей образованности, законные наслѣдники этого капитала по прямой линіи родства умовъ человеческихъ: все наше, что до насъ сдѣлано въ наукѣ. Посидимъ надъ этимъ наслѣдствомъ, примѣнимъ его къ собственнымъ нашимъ потребностямъ, словомъ, *поучимся*, а тамъ придетъ пора, и приумножимъ. Сознательная изобрѣтательность не минуетъ Русскаго человѣка. Страница сія не есть отступленіе отъ моего разсказа, она просто продолженіе моего дневника; ибо всѣ эти прекрасныя мечты невольно, цѣлою вереницею, приходили мнѣ въ голову, когда я тѣшился разными продѣлками смѣтливыхъ моихъ спутниковъ. На самомъ гребнѣ Перевала, посреди кустовъ, притаились мы молчаливо. Вблизи тѣлся еще огонекъ Французскаго передоваго пикета, который видимо былъ снятъ недавно. Странная игра судь-

бы пронесла насъ безвредно сквозь непріятельскія линіи на самыя зады ихъ, — между тѣмъ какъ, недѣль шесть тому назадъ, ни одна голова Русская не выказывалась безнаказанно изъ за-земляныхъ окоповъ Севастополя.... Мы же теперь отдыхали льготно подъ самымъ ударомъ конической пули и широкаго Венсенскаго штыка!.... Но насъ окружала гробовая тишина, прерываемая лишь изрѣдка окликами часовыхъ. Луна освѣщала главные очерки фантастической мѣстности и придавала имъ видъ невыразимо томный, смиренный и даже сентиментальный, — столь противоположный нашимъ тогдашнимъ ощущеніямъ.

Наконецъ замѣтивъ, что туманныя облака, клубившіяся надъ жерлами Байдарской и Бельбекской долины, начали уже сквозиться, мы чутко поднялись на ноги и, оглянувшись еще разъ, быстро тронулись впередъ. Намъ предстоялъ спускъ довольно трудный: множество тропинокъ разбѣгалось во все стороны по густому лѣсу; ихъ нерѣдко пересѣкали срубленные на завалы или сломанные бурей деревья. Конечно тутъ мудрено было угадать направленіе пути, но пластуны, съ свойственною имъ мѣткостью, выбирались удачно въ прогалы для осмотра окрестности и наконецъ вывели насъ на чисту. Мы взошли на правые уступы Байдарской долины, вдоль которыхъ, — межъ двумя Французскими лагерями, — оставалось еще прокрасться верстѣ околѣ восьми до татарскаго аула Уркусты. Тамъ-то скрывалась добыча, столь плѣнявшая воображеніе пластуновъ, — паркъ непріятельской артиллеріи. Едва мы спустились въ самую долину, какъ наткнулись прямо на проложенное Французами отличное шоссе, связывавшее ихъ лагерь на Перевалѣ съ такъ называемымъ ими Воронцовскимъ шоссе, за Черной, и съ ауломъ Багою. Свѣтложелтый отливъ шоссеинаго полотна ярко отражался при мѣсячномъ сіяніи; малѣйшій движущійся на немъ предметъ могъ быть замѣченъ издали. Не смотря на землянистый цвѣтъ просторныхъ чекменей нашихъ, невозможно было намъ идти по этой дорогѣ, а по обѣимъ окраинамъ ея торчали или обрывистыя скалы, или колючіи кустарники. Ни чуть не остановленные этимъ новымъ препятствіемъ, пластуны немедленно согнулись еще болѣе прежняго, вытянулись еще плотнѣе въ длинную извилистую пилку и пустились какою-то павлою, перевалистою иноходью, вдоль самой опушки шоссе, избѣгая, сколь возможно, дотрогиваться ногами до не совсѣмъ еще прибитой проѣздомъ щебечки. Такимъ образомъ мы быстро подавались впередъ или, лучше ска-

отд. v. 4

затѣ, стались настоящими «человиками-звирями» по таинственнымъ стезямъ. Прямой линіи мы тщательно избѣгали, но тянулись все какими-то чудными, узористыми зигъ-загами, такъ что въ нѣсколькихъ саженьяхъ трудно было узнать, что такое ползло по землѣ.

Около 3-го часа утра, мы остановились на краю узкой, крутой балки и присѣли въ ея каменистыхъ обрывахъ. Одинъ изъ пластуновъ невзначай очутился было между двумя вблизи торчавшими деревьями. Тогда нашъ хозяинъ не на шутку разсердился: «Зачимъ—шпеннулъ онъ ему—Богъ создалъ лисъ, если пластунъ не буде за «нимъ хозаться». Толчекъ въ плечо дополнилъ это краснорѣчивое объясненіе, которое вполне выразумѣлъ оплошавшій грѣшникъ и, покорный дисциплинѣ, сейчасъ же скрылся за деревомъ. Давъ намъ перевести духъ, майоръ Р.... оставилъ въ балкѣ всю нашу партію, кромѣ трехъ отборныхъ удалцевъ, барона Оф.... и меня. На цыпочкахъ отправились мы далѣе. Огни большого Французскаго лагеря подъ ауломъ Уркустою горѣли теперь уже прямо передъ нами, не болѣе, какъ въ полуверстѣ разстоянія. Ближе и ближе подкрадывались мы къ нимъ. Разговоръ грѣвшихся, не спавшихъ непріятельскихъ солдатъ, храпъ лошадей въ коновязяхъ и звукъ цѣпей ихъ дѣлались болѣе и болѣе внятными. Съ раздраженными до нельзя нервами засѣли мы на самомъ краю дороги, ведущей въ лагерь, возлѣ какой-то полковой бойни. Тамъ открылось намъ все, какъ на ладони. Слишкомъ 20-ть орудій стояло передъ нами на передкахъ своихъ; кругомъ артиллерійскій лагерь и коновязи Африканскихъ егерей. Далѣе, по Байдарской долинѣ сверкало еще множество разбросанныхъ полупогасающихъ огней, указывавшихъ на многолюдные бивуаки. Цѣль нашего похода была достигнута: мы подробно осмотрѣли позицію непріятеля и измѣрили съ приблизительною точностію его силы въ этой мѣстности. Но пластуны разсуждали иначе, они занялись практическимъ разрѣшеніемъ задачи: какой тутъ вредъ наша или большая горсть люлей могла бы нанести непріятелю. Подъ вліяніемъ своихъ первобытныхъ и простодушныхъ понятій, пластуны были увѣрены, что возможно схватить орудія или по крайней мѣрѣ, затѣявъ звѣрскую тревогу, зажечь подъ ними и подъ пороховыми ящиками костры. Очевидно, что то былъ лишь разгулъ отваги. Съ трудомъ могли мы растолковать нашимъ удалцамъ, что если бы даже удалось переколотъ десятка два или три спящихъ Французовъ,

то изъ этого отнюдь не слѣдовала бы вѣроятность выхватить у нихъ пушки безнаказанно и довести ихъ, какъ предполагали пластуны, на Французскихъ же артиллерійскихъ лошадяхъ до Перевала, съ котораго наконецъ невозможно было бы спустить ихъ къ Бельбеку, ибо тамъ не было протѣжей дороги. Даже въ случаѣ такой небывалой удачи, Африканскіе егеря вѣрно бы мигомъ вскочили на коней и изрубили бы въ куски отважныхъ похитителей, такъ что не кому было бы доставить о томъ извѣстіе въ нашъ лагерь. Совершенная неисполнимость предположенія пластуновъ была очевидна; тутъ, кромѣ кровавой, но бесполезной тревоги, ничего нельзя было затѣять. Убѣжденные въ этой истинѣ, Баронъ Оф... и я, осмотрѣвъ еще разъ попристальнѣе непріятельскую позицію, воротились назадъ къ балкѣ. Тамъ зазорные вожаки наши, спихавшись съ остальными товарищами, настойчивѣе прежняго стали увѣрять и сами увѣряться въ возможности «бисовой бидой» нагнать на непріятельскій паркъ. Поджавъ ноги и выпучивъ глаза, разгорѣвшіеся при видѣ добычи, которая, какъ имъ казалось, была уже у нихъ подъ рукою, каждый изъ нихъ походилъ на разъяреннаго тигра, готовящагося сдѣлать рѣшительный скачекъ на попавшуюся ему жертву. «Година добрая,—толковали они,—грязи еще нема, то съ чего же мы будемъ дурно бачить, якъ Хранпузъ тутъ бунтуеть». Неугомонный маіоръ предлагалъ даже залечь въ кусты на цѣлыя сутки, чтобы еще лучше высмотрѣть днемъ всѣ подробности. Трудно передать здѣсь всѣ сцены, къ которымъ мы должны были прибѣгнуть, чтобы заставить нашихъ удалцевъ отказаться отъ ихъ невообразимой претензіи на непріятельскія орудія. Наконецъ разсудокъ и приближающаяся заря одержали верхъ, и мы, покончивъ нашу послѣднюю булку и запивъ ее послѣднимъ глоткомъ кислаго вина, отправились опять къ Перевалу по прежней дорогѣ.

Обратный путь нашъ не былъ ознаменованъ ничѣмъ достопримѣчательнымъ. Ознакомившись уже съ мѣстностію, освоившись съ опасностями нашего дѣла, мы уже не безпрерывно гнули въ три погибели, а большею частію шли прямо и смѣло. Къ невыразимой досадѣ нашего старика, стало даже кое-гдѣ проскакивать словце, хотя и въ полголоса. На самомъ Перевалѣ нашли мы все еще тлѣющійся огонекъ Французовъ, но ихъ самихъ тамъ не было. Мы запалили наши трубки на непріятельскихъ кострахъ и живую рысью стали спускаться къ аулу Маркуръ, въ Бельбекскую долину. До-

рогою дивовались мы невольно на оптический обманъ, причиняемый огнями нашихъ бивуаковъ, растянутыхъ длиннымъ поясомъ вдоль вершинъ насупротивъ лежащихъ Аергульскихъ высотъ. Они пылали, какъ будто воздушные горы, сквозь облегшій вокругъ ихъ утренній туманъ. Странное дѣло! Удача нашего похода, а также пробуждающаяся вокругъ насъ природа и любопытная болтовня пластуновъ такъ заняли всѣхъ, что мы почти не замѣтили, какъ очутились въ долину, и, не смотря на огромный переходъ, не чувствовали особой усталости. Пользуясь общимъ благопріятнымъ расположеніемъ духа, одинъ пластунъ, со смѣтливостію чисто кровнаго Янки (Yankee), подошелъ ко мнѣ и, взглянувъ на мой швейцарскій штуцеръ, сказалъ: «Вы не пластунъ, а у васъ есть вѣрный штуцеръ, часы и подзорная труба; у меня же ихъ нима, у меня лишь семеро дѣтей: нельзя ли намъ подѣлиться?....» Все это было такъ тонко обдуманно и такъ просто высказано, что невольно исчезли всѣ мои экономическіе виды на мою собственность: подзорную трубу я подарилъ ему тогда же, штуцеръ обѣщалъ ему заказать новый въ С. Петербургѣ, а объ часахъ постараться. «Да, постарайтесь,—примолвилъ онъ,—«бо Царь сюда буде на дняхъ, а «у него часовъ много.» И въ самомъ дѣлѣ, желаніе пластуна исполнилось. Кажется, не далѣе, какъ чрезъ двѣ недѣли, Царскіе часы уже украшали его изношенный чекмень, и вѣроятно мысль о семерыхъ дѣтяхъ уже на такъ тяжко давила его душу. Около полудня до разсвѣта, прошли мы чрезъ наши передовые посты. Козаки и штуцерные не могли надивиться, что мы воротились не только живыми, но даже не изуродованными. Отдавъ отчетъ во ввѣренномъ намъ порученіи, мы наконецъ прилегли отдохнуть и скоро заснули мертвымъ сномъ на нашихъ стоянкахъ, въ аулѣ Кутлеръ-Фопцалѣ.

Такъ окончилась наша Байдарская почъ. Долго стану ее помнить; стану помнить также прелестную мѣстность, въ которой я ее провелъ. Отъ Севастополя до Ялты не встрѣчалъ я Крымской природы въ такой нарядной обстановкѣ, какъ здѣсь, особенно въ тѣ минуты, когда она озаряется безпрестанно измѣняющимися свѣтовыми отливами утренняго или вечерняго солнца. Близъ истоковъ Бельбека и Черной известковыя скалы Крыма вообще теряютъ свой угрюмый, обрывистый и опустошенный видъ. За исключеніемъ собственно Яильскаго хребта, увѣнчаннаго вдали пересѣченнымъ конусомъ Чатырь-Дага, являются тамъ большею частію округленные игривые

холмы, украшенные зеленью и кустарникомъ, сквозь который мелькають воздушные *Чатири* (*). Широкая и плоская возвышенность образуетъ здѣсь гребень самой Яилы, а съ послѣдней окраины ея внезапно растиается пышная панорама садовъ и виллъ Южнаго берега. За ними же омертвѣлая нынѣ синева Чернаго моря. Около начала Ноября, Французскій лагерь сошелъ на зимовку съ Перевала въ Байдарскую долину, за Черной. На поприщѣ нашей ночной прогулки было нѣсколько стычекъ между нашими и непріятельскими легкими отрядами. Но Французскій редутъ и завалы нынѣ скрыты, а въ память этого западнаго визита, на Перевалѣ, какъ по всеѣмъ окрестностямъ Севастополя, осталось лишь отличное, хотя и не совершенно конченное, Французское шоссе, которое своимъ присутствіемъ какъ бы выговариваетъ старинную пословицу: *нѣтъ худа безъ добра*.

Платонъ Чихачевъ.

(*) Татарское названіе горныхъ пастбищъ.

О ФЛАМАНСКОЙ ЖИВОПИСИ.

(Письмо къ К. С. А.....ву.)

Недавно говорили мы съ вами, любезнѣйшій К. С., о разныхъ школахъ живописи, ихъ особенностяхъ и направленіи,—и вы мнѣ привели мнѣніе о Фланманской живописи Гегеля, который говоритъ, что эта живопись выражаетъ собою какое-то довольство и наслажденіе матеріальною жизнью и что, вълѣдствіе своего содержанія, она не могла явиться иначе, какъ миниатюрною, потому что, изображая преимущественно природу не высокою, она оскорбляла бы эстетическое чувство человѣка, еслибъ приняла размѣры дѣйствительнаго міра. Я тогда же не соглашался съ мыслию Германскаго философа, но она такъ оригинальна и, при всей своей ложности, заключаетъ въ себѣ столько истины высокой, что не вдругъ увидишь, съ которой стороны на нее напасть.

Совершенная правда: именно, какое-то особенное довольство, какое-то услажденіе матеріальною жизнью высказывается во всѣхъ Фланманскихъ произведеніяхъ; но чтобы опѣ вълѣдствіе этого были непременно миниатюрны, — это мысль совершенно отвлеченная и невѣрная исторически. Нельзя же назвать миниатюрнымъ живописцемъ Рембрандта или Ванъ-Дика, а сказать тоже о Рубенсѣ даже наивно смѣшно. Если Гегель исключилъ ихъ изъ общаго круга Фланманской школы, то это безъ всякаго на то права: и Рембрандтъ, и

Рубенсъ чистые Флананцы, не по одному только происхожденію, но и по характеру ихъ живописи; въ нихъ мы видимъ ту же общую манеру писать, принадлежащую съ легкими личными оттѣнками всей школѣ, ту же тучную природу, тоже погруженіе въ вещественную жизнь, тотъ же матеріальный взглядъ, перенесенный даже на историческія и религіозныя представленія. Скажу вообще: чтобы вѣрно опредѣлить значеніе какого-нибудь искусства, надо указать на его матеріаль, потому что въ немъ заключается главная судьба искусства. Я не говорю уже о томъ, что краска есть условіе живописи, звукъ — условіе музыки и т. д., но надо знать непременно: какъ именно краска употреблялась въ известной школѣ и въ известную эпоху, была ли то краска на яйцѣ, или фрескѣ, или что-другое; тогда само собою уяснится значеніе самой школы, ибо ея техника рождается прямо отъ этого. Такъ для вѣрной и точной исторіи музыки нужно знать, какіе когда существовали инструменты, потому что отъ инструментовъ зависитъ а характеръ, и размѣръ самой музыки. Не могла бы Нѣмецкая музыки развиваться въ ораторіи Гайдена, еслибы въ его время известна была только одна флейта. Часто новый инструментъ, новый матеріаль рождаетъ совершенно новый, неслыханный и негаданный дотолѣ видъ искусства. Мало ли чего человѣкъ еще не выразилъ, не высказалъ можетъ быть единственно потому, что не изобрѣлъ или, лучше, не имѣлъ орудія для представленія своего внутренняго образа. Иная архитектура въ странѣ, изобилующей лѣсомъ, и иная тамъ, гдѣ онъ дорогъ, а гранитъ и мраморъ ни по чѣмъ; вслѣдствіе различія ихъ матеріала, и развитіе ихъ различно: различна техника, различны требованія, иначе образуется вкусъ, характеръ, направленіе. Само собою разумѣется, что это можетъ быть и обратно, что особенный взглядъ человѣка, его особенный талантъ найдетъ себѣ и матеріаль особенный, какъ это случилось съ Флананцами.

Говоря о живописи Флананской, надо знать и не забывать, какъ Гегель, что ея матеріаль есть масляная краска. Сказавши это, я уже сказалъ почти все тому, кто самъ по опыту знаетъ свойство и характеръ масляныхъ красокъ. Онъ сейчасть пойметъ, въ чѣмъ такая живопись и такая школа должны заключаться, какою ея способъ, какіе размѣры; для него останется неизвѣстнымъ одно: сила талантовъ этой школы, а направленіе въ уже будетъ ясно. Но такъ какъ вы никогда можетъ-быть не изучали картинъ

со стороны ихъ техники и не знаете самаго процесса масляныхъ красокъ, то я постараюсь вамъ сколько-нибудь объяснить отличительныя особенности этого матеріала, а вмѣстѣ съ тѣмъ, сама собою откроется и особенность Фламандской школы.

Фламандецъ избрѣлъ масляную краску и полюбилъ ее; она совершенно по немъ пришлась. Жирная, тучная, корпусная, отчасти неопытная, она похожа на жирную, толстую, самодовольную, нѣсколько плебейскую, но вмѣстѣ добродушную фигуру самаго Фламандца. Открывъ такой близкій своему сердцу матеріалъ, Фламандецъ предался ему всей душою, все другое принесъ ему въ жертву, все ему покорило, во всемъ хотѣлъ видѣть только его. Его рисунокъ жиренъ, толстъ, неуклюжъ, часто не совѣтъ вѣренъ, неправиленъ, ибо не тонкій греческій рѣзецъ его выводитъ, а разлапистая, хотя и мастерская масляная кисть; онъ не глубокъ, не обдуманъ заранѣе, во тутъ же нѣскоро набросанъ, когда уже лежитъ на палитрѣ растертая краска. Греку краска нужна была для опредѣленія его эстетической, высокой черты, исчезающей въ идеальномъ мірѣ; онъ ее окрашиваетъ робко и тонко, боится, чтобъ она не загроубѣла и не задавила собою еще тончайшей мысли, для которой она стала видимой формой; Фламандцу же нужна черта только для опредѣленія краски и, когда краска легла на полотно, черта уже не нужна. Даже то, что онъ рисуетъ карандашемъ или акварелью, или гравируетъ, всегда похоже на масляную краску: вездѣ проглядываетъ желаніе дать всему видъ ея; вездѣ онъ ее одну хочетъ видѣть. Особенно это поражаетъ въ многочисленныхъ гравюрахъ Рембрандта, въ которыхъ замѣтна одна и таже ухватка, одна и таже кисть, какой мы любуемся въ его портретахъ. Фламандцу вообще сюжетъ не нуженъ; онъ имъ не стѣсняется никогда и далеко за нимъ не ходитъ; его не столько занимаетъ мысль картины, сколько эффектъ освѣщенія, эффектъ самой краски. Онъ ее преслѣдуетъ во всѣхъ возможныхъ ея проявленіяхъ; все, что ей доступно, все совершенно Фламандцемъ. Такъ Міерисъ съ одной стороны доводитъ ее до возможной ея тонкости въ своихъ миниатюрныхъ чудесахъ, а съ другой стороны Рембрандтъ и Рубенсъ даютъ ей тѣ колоссальные размѣры, на которые она очень способна (*).

(*) О миниатюрѣ вообще должно замѣтить, что именно тѣ школы живописи, въ которыхъ она процвѣтала, доходили въ крайности своей и до самыхъ гигантскихъ размѣ-

Фламандцы вообще считаются хорошими колористами, и между ними Рембрандтъ и Рубенсъ въ особенности. Но справедливѣе называть ихъ не колористами, а мастерами, знатоками свойствъ масляной краски. Въ ихъ колоритѣ нѣтъ той граціи, тѣхъ изящныхъ цвѣтовъ и тоновъ, воздушныхъ переливовъ, какіе мы видимъ у Корреджіо и Тиціана, но у нихъ удивительное владѣніе краскою часто при ложномъ или по крайней мѣрѣ не высоко изящномъ, какомъ-то плебейскомъ тонѣ картины. Можно сдѣлать такое сравненіе: картина Италіянскаго колориста есть легкое пирожное, десертъ, а Фламандская—вкусное, но сытное блюдо, которое плотно ложится на желудкѣ. Конечно съ тѣхъ поръ, какъ была изобрѣтена масляная краска, она сдѣлалась достояніемъ всѣхъ школъ и академій во всемъ мірѣ, но нигдѣ она не осталась въ такой исключительности своей, нигдѣ не играла такой важной роли, какъ у Фламандцевъ, и никто ея такъ не владѣлъ, какъ они. Тутъ они торжествуютъ, и если кто хочетъ хорошо писать собственно масляными красками, пусть преимущественно ихъ изучаетъ. Въ картинахъ Италіянскихъ колористовъ масляная краска на второмъ планѣ; вы видите у нихъ изумительную гармонію цвѣтовъ, сліяніе тѣней, все гладко, все ровно, особенность матеріала нигдѣ себя не изобличаетъ. Таже самая картина точно также хороша, съ тѣмъ же самымъ эффектомъ могла бы быть написана на яйцѣ, или *al fresco*, и даже *en pastel*. У Фламандца совсѣмъ другое: онъ знаетъ всѣ особенности своего матеріала и искусно пользуется всѣми; его картина не могла бы быть такъ исполнена ничѣмъ другимъ, какъ только масломъ, потому что ему нуженъ не одинъ цвѣтъ, но и густота самой краски, ея жиръ и корпусность; часто краска виситъ и торчитъ на картинѣ: иногда подъ гастрономическимъ носомъ Фламандца положенъ цѣлый комъ, котораго жирную воню онъ обоняетъ съ несказаннымъ наслажденіемъ, какъ вкусный пирогъ или блинъ, и дѣйствительно, этотъ блинъ производитъ такое дѣйствіе, какого нельзя бы было достигнуть тонкимъ слоемъ хотя тогоже самаго цвѣта.

ровъ. Такъ школа Фламандская, такъ школа Флорентинская, извѣстная миниатюрой и давшая искусству Микель-Анджело. Это естественно. Когда глядишь на миниатюру, всегда является желаніе видѣть тоже въ большемъ объемѣ: любопытно посмотрѣть, какъ маленькое совершенство выдетъ въ размѣрахъ колоссальныхъ,—и произведеніе растетъ и незаметно перерастаетъ дѣйствительность, легко перерывая тончайшую изъ всѣхъ линий, линію середины.

Въ полнотѣ своей масляная краска есть исключительное достоинство Фламандской школы и на оборотъ: эта школа есть развитіе масляной краски *исключительно*. Потому-то она не поднялась до идеальнаго рисунка, до идеальнаго колорита, до высоты мысли вообще, что привязалась страстно къ этой исключительности, которая такъ естественно совпала съ грубой, неоворотливой, республиканской, чувственной натурой Фламандца. Фламандская живопись есть, если можно такъ выразиться, *поваренная часть* изящнаго искусства, и рѣдкая Фламандская картина, въ которой не было бы изображено кухни, или жаренаго гуся, или жирнаго пирога, или толстой кухарки, которая мастерски стряпаетъ; или это лавка съѣстныхъ припасовъ, или ворохъ дичи и т. д. Для такихъ предметовъ ни одна краска такъ не способна, какъ масляная. Иконная, яичная живопись слишкомъ тонка и недостаточно жирна. Фрескъ есть живопись стѣнная, къ которой идутъ сюжеты другаго рода; ею расписываются дворцы и храмы. Масляная краска какъ разъ пришлась по Фламандскому трактиру.

Русскіе вообще очень любятъ Фламандскую живопись; нигдѣ можетъ быть въ цѣломъ мірѣ нѣтъ столько картинъ этой школы, какъ въ Россіи. И этого нельзя приписать только тому, что Россія познакомилась съ западнымъ искусствомъ первоначально черезъ Голландію; нѣтъ, въ Русскомъ человѣкѣ есть чувство живаго, котораго нельзя отнять у Фламандцевъ. Французская живопись намъ противна, какъ академико-реторическая, манерная, даже въ лучшихъ своихъ представителяхъ; Испанская школа слишкомъ исключительно національна, и школа Италіанская часто оскорбляетъ наши религіозныя понятія. Фламандская школа безъ претензій живо передаетъ простую, обыденную жизнь, но жизнь полную, здоровую, беззаботно веселую. Весело въ комнатѣ, гдѣ много Фламандскихъ картинъ; ихъ толстые, довольные, нѣсколько вакхическіе герои навѣваютъ на зрителя свое здоровье и производятъ въ немъ ту же веселость и тотъ же аппетитъ, которыми сами такъ изобилуютъ. Я думаю, что цѣлая галлерея Фламандскихъ картинъ могла бы быть лѣчебницей для людей слабонервныхъ и ипохондрикковъ. Если это такъ, если произведенія Фламандскія наводятъ на человѣка такую благотворную, искреннюю, простодушную веселость, — то гдѣ то оскорбительное чувство, которое думалъ замѣтить Гегель?

Но отдадимъ справедливость великому Германцу. Если онъ не правъ исторически, онъ правъ отвлеченно: если онъ не правъ въ отношеніи къ Фламандцамъ, онъ правъ въ отношеніи къ искусству вообще. Разсуждая объ искусствѣ Фламандскомъ, онъ только забылъ, что оно Фламандское; онъ перешелъ мыслію въ общее значеніе искусства, въ его міровое, высокое понятіе, и естественно, что въ такомъ случаѣ чувство его оскорбилось. Дѣйствительно, представьте себѣ Фламандскую картину въ Италіи или, еще разительнѣе, въ древней Греціи; представьте себѣ, что ее писалъ изящный, все идеализирующий Грекъ,—невольное непріятное, тяжелое чувство овладѣетъ вами. Вы отъ Грека требуете чего-то другаго, на что онъ напросился и вызвался; вы требуете отъ него идеала не дѣйствительной обывденной жизни частнаго человѣка или небольшого кружка людей, но жизни, возведенной въ ея вселенское значеніе, въ ея общечеловѣчскій идеалъ, — и вдругъ такимъ идеаломъ является передъ вами толстый, пузатый, засаленный гастрономъ среди ветчины и колбасъ!

Но точно также, какъ такой невысокій предметъ не оскорбляетъ васъ въ жизни, въ которой вы идеала не ищете,—такъ не оскорбляетъ онъ и въ картинѣ Фламандца, которая есть только вѣрный сколокъ съ жизни, писанный просто, безъ дальнѣй мысли, безъ особенной претензіи, въ ея всегдашней будничной одеждѣ. Въ этомъ-то состоитъ вся разница того, что называется генге, отъ картины исторической или религіозной. Таково въ общихъ чертахъ значеніе Фламандской живописи. Вы видите, любезнѣйшій К. С., что, разсуждая объ ней, не должно забывать, что она есть дѣло собственно масляныхъ красокъ, и дѣло не Грековъ, а Фламандцевъ. Въ этомъ ея задача, ея успѣхъ, ея сила, ея красота, и вмѣстѣ — ея низкая сфера. Такая исключительность не должна никого смущать; нѣтъ школы неисключительной, всеобъемлющей. Всеобъемлющъ только духъ, который признаетъ всѣ явленія, всѣ школы, но которому ни одна школа не нужна. Изъ этихъ-то частныхъ исключительностей и складается гармонія цѣлаго міра, надо только дать всему приличное мѣсто. И такимъ образомъ опасенія Гегеля, чтобы міръ Фламандскій не оскорбилъ эстетическаго чувства человѣка, мнѣ кажутся неосновательными. Не должно ставить жизнь въ тѣсныя рамки отвлеченно задуманной системы; ея не втѣспишь туда, или же рамки будутъ распозаться одна за другою. Дайте

жизни такой просторъ, какого сама она потребуеть, тѣмъ болѣе, что, какъ ни хлопочи, а она свое непременно возьметъ; и сила ея не оскорбительна и не страшна, потому что въ мірѣ ничто само себя не перерастаетъ, что нѣтъ ничего сильнѣе и вѣстѣ скромнѣе, тише, нравственнѣе Истины, которая все содержитъ въ границахъ возможности, предписанныхъ ей самимъ Богомъ.

М. Д.-М.

ДНИ И МѢСЯЦЫ: УКРАИНСКАГО СЕЛЯНИНА.

(МИХАИЛА МАКСИМОВИЧА.)

І. МАРТЪ.

Въ древнее время на Украинѣ, какъ и вездѣ на Руси, годы начинались Мартомъ мѣсяцемъ. Съ XVI вѣка введенъ на Украинѣ Январскій годъ, и съ нимъ лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова, вмѣсто прежняго отъ Сотворенія міра. Но мѣсяць Мартъ не пересталъ быть началомъ Пасхальнаго года, и года естественнаго, такъ какъ съ него начинается *Весна*.

Въ нашихъ мѣсяцесловахъ Мартъ зовется еще *Березо-золеми*, а по народному *Бѣрезнеми* (какъ и у Чеховъ, Сербовъ—*Брезень*); у Червоной Руси это имя присвоилось Апрѣлю. При такой разности надобно знать, что *Бѣрезнеми* называется въ народѣ собственно тотъ небесный мѣсяць, который нарождается въ великій постъ, и котораго исходъ бываетъ обыкновенно въ Апрѣлѣ. Объ этомъ постовомъ мѣсяцѣ говорится на Украинѣ, что онъ разговляется *Паскою*; а *масличный* (т. е. масляничный) мѣсяць заговляется *варѣниками*; называется же постовой мѣсяць *Бѣрезнеми* отъ бѣлой березы, которая въ это время уже течетъ своимъ сладкимъ сокомъ. На Украинѣ извѣстенъ еще *мѣсяць-Чернець*, который народился бы и изшелъ бы въ Великій постъ; объ немъ говорится: «якъ буде мѣсяць-Чернець, то буде й свѣту конецъ.» И мыъ рассказывали старые люди въ Кіевѣ, какой страхъ былъ въ народѣ въ началѣ 1769 года (послѣ Колѣвщини передъ Чумою), когда прѣшла молва, что въ

томъ году будетъ уже мѣсяцъ—Чернецъ, и особенно какъ уже начинался моръ въ людяхъ.

Марта 1-го, на *Евдокіи*, первымъ вѣстникомъ весны почитается зимоспящій степной звѣрёкъ *Бабакъ*: еще до восхода солнца, на *Евдокіи*, онъ оживетъ и *свистнетъ*. За нимъ другой вѣстникъ весны и важный показатель будущаго лѣта—*вѣтеръ*. Весьма примѣчаетъ селянинъ, какой вѣтеръ бываетъ на *Евдокіи*: если теплый, то и лѣто будетъ теплое; если ворочаетъ млины (т. е. мельницы), то будетъ и снопы въ полѣ ворочать; если вѣетъ отъ Днѣпра (съ запада), то будетъ рыба ловиться; если изъ степи (съ востока), то будетъ хорошо на пчелы; а если съ Низу Днѣпра (съ полудня), то будетъ урожай на хлѣбъ. Замѣчаютъ, въ какую сторону вѣетъ вѣтеръ на *Евдокіи* и для того еще, чтобы въ ту сторону и пшеницу сѣять. Около этого дня птичка *Овсянка* начинаетъ пѣть Украинцу: «Покинь сани, возьми возъ!» А когда увилятъ первую *ластовку*, то бросаютъ на нее горсть земли, говоря: «на тобѣ, ластовко, на гнѣздо!» Объ ласточкахъ думаютъ, что онѣ не улетаютъ на зиму въ теплый вырай (*) (гдѣ за моремъ зимуютъ всѣ отлетныя птицы), но, сбѣгавъ ножками одна съ другою, зимуютъ на днѣ рѣкъ, озеръ, криницъ, и даже на днѣ моря.

Щебетали ластовочки,
 Зо дна моря вылѣтаючи;
 Говорили козаченьки
 Да по селу похожаючи....

Такъ запѣваетъ старинная пѣсня о молодыхъ козакахъ, уходившихъ весною изъ Украины на Запорожье. О томъ же поютъ и въ *Веснянкахъ*.

А вже весна, а вже красна,
 Изъ стрѣхъ вода капле;
 Молодому козаченьку
 Мандрѣвочка пахне.

(*) Въ Поученіи Владиміра Мономаха сказано: «птицы небесныя изъ *црѣя* идутъ..., да наполнятся лѣси и поля; все же то даѣ Богъ на угоды челоуѣкомъ, на свѣдѣ, на веселье.»

Помандровавъ козаченько

У чистее поле;

За нимъ, за нимъ дѣвчинонька:

«Вернися, соколе!....»

Ведется повѣрье, что если, при видѣ первой ласточки, бросить горсть земли на грядку, говоря: «Крошъ сѣю!» такъ и вырастетъ укропъ (который впрочемъ и безъ того растетъ по огородамъ само-сѣйкою).

Изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ на Украинѣ радуются особенно появленію голубаго *ряста* (*scilla bifolia*). Увидавъ въ первый разъ этотъ первоцвѣтъ, поспѣшно срываютъ его и топчутъ, приговаривая: «Топчу, топчу рясть.... дай, Боже, потоптати и того року дождати!» А топчутъ рясть для того, чтобы долго жить; и по этой макрові-отикѣ, если выздоравливаетъ трудный больной, то говорятъ: «Уже «вылѣзъ на рясть»; а кто умереть, говорятъ: «дуба давъ.»

Украинскій селянинъ полагаетъ, что до *перваго грома* земля не замерзаетъ вполнѣ, и примѣчаетъ: если первый громъ загремитъ на голое дерево, то надо ждать неурожая; если же загремитъ отъ запада, то будетъ урожайное лѣто. При первомъ громѣ, дѣвчата бѣгутъ умыться изъ криницы или рѣки и утереться своимъ краснымъ поясомъ — для красы; парубки хватаются за уголъ хаты и силятся приподнять ее, чтобы силы прибыло; у кого болятъ спина или *поперекъ* (поясница), тотъ поспѣшаетъ приподнять возъ, или прислониться спиною къ столпу, полагая, что отъ того становится легче; а знающія бабы набираютъ изъ криницы воды, при первомъ громѣ, и мажутъ ею дѣтей отъ *пристрыту* (который по книжному зовется «призоромъ очесъ»). До перваго грома Украинцы не садятся вечеромъ на дворѣ.

Марта 9-го, въ день весенняго равноденствія, говорятъ: «Съ *Сорока Святыхъ* — сорокъ морозовъ буде»; и если не всѣ сорокъ бываютъ въ продолженіе весны, то остальныхъ ждутъ на лѣто. Говорится также, что «на Сорокъ Святыхъ сорока сорокъ паличокъ въ гнѣздо положить.» Въ школахъ ученики приносятъ на поклонъ учителю по сороку бублѣнковъ. А для дѣтей въ этотъ день пекутъ и раздаютъ пшеничные *жайворонки*, во имя пернатого пѣвца, ко-

торый прежде всѣхъ, еще на *прѣвеснѣ*, прилетаетъ изъ *въ рая* радовать степи своимъ пѣніемъ.

Марта 17-го, на *теплаго Олексы*—«щука-рыба хвостомъ ледъ разбиваетъ.» Пастышники выставляютъ пчелъ изъ погребовъ; а если еще холодно, то выносятъ хоть два улья погрѣться на весенномъ солницѣ.

Марта 25-го, на *Благовѣщенье*, такой святой день, что и птица гнѣзда не вьетъ. Встарину говорили, что въ этотъ день Господь благовѣститъ землю и открываетъ ее на сѣянье; а потому до Благовѣщенья не начинали сѣвы на нивахъ, а поспѣшали кончать бранку на ярину; а «на Благовѣщенскомъ тыжднѣ — вдовинъ плугъ.» Особенно благопріятнымъ день Благовѣщенья почитается у огородницъ для *капусты*, составляющей главный предметъ ихъ заботы и первую красу огорода; и онѣ стараются, чтобы во время заутрени посѣять хоть не много *розсады* (семенъ капустныхъ), гдѣ-нибудь въ затишномъ кутку огорода, или въ круглыхъ, плетеныхъ изъ лозы ясляхъ. Онѣ вѣрятъ, что въ ту пору можно находить розсату подъ вишневымъ листомъ; да и вообще подъ деревомъ на землѣ, если повести рукою, то можно захватить розсату, и что ее можно натрусить на рядно, въ погребу, изъ капустяныхъ головокъ. (Должно быть тѣ маленькіе и похожіе на зерна грибки, что заводятся въ погребу на капустѣ, подали поводъ къ последнему повѣрью). Но за то неблагопріятенъ этотъ день рожденію животныхъ. Полагаютъ навѣрное, что изъ *благовѣстнаго теляти* или *ягяти добра не ждати*, и посѣщаютъ зарѣзать; что *благовѣсте яйце* будетъ болтунъ, или же изъ него вылупится калѣчное цыпля; а потому и не подсыпаютъ подъ настѣдку яицъ, спесенныхъ въ этотъ день. О погодѣ говорятъ, что такая будетъ и на Великдень, какая на Благовѣщенье. Впрочемъ отъ старыхъ людей услышите преданье, что въ старые годы время шло правильнѣе, чѣмъ теперь, и что уже на ихъ памяти время стало такъ перемѣнчиво на землѣ, какъ оно теперь. Памятенъ еще обычай, что на Благовѣщенье дѣти вывозятъ бывало на лубку 80-лѣтнихъ дѣдовъ своихъ на улицу просить милостыни. Марта 26-е, на *Благовѣстника*, и теперь на Украинѣ почитается за великій праздникъ.

Мѣсяцъ Мартъ начинается обыкновенно на одной изъ трехъ первыхъ недѣль поста; рѣже приходится онъ на Масляной, или же на четвертой недѣлѣ, которая называется *Средокресною*. На этой

недѣль особенно примѣтный день среда, называемый *хрестцями*: тогда ломается пополамъ постъ, и даже, говорятъ, слышенъ бываетъ трескъ. На хрестцѣ пекутъ пшеничные *хресты*, чтобы лучше родилась пшеница; половину ихъ сѣдаютъ въ тотъ же день, а другую уже на полѣ, когда выйдутъ сѣять пшеницу, и до того дня берегутъ въ погребѣ. А на хрестцѣ сѣютъ *макъ*, хоть бы то по снѣгу, лишь бы можно было вскопать какъ-нибудь землю. Макъ сѣютъ только дѣвчата да молодыя молодичи, при чемъ онѣ приговариваютъ или же поютъ слѣдующую *приспѣвку*:

Край долины макъ, макъ;
Край широкій макъ, макъ —
Макъ чистый, головистый:
Головочки, якъ рѣпочки;
Молодые молодочки
Завивали головочки.
Буде макъ тутъ,
Буде макъ тутъ!

Макъ и зерномъ и цвѣтомъ своимъ составляетъ роскошь Украинскаго селянина. Зерномъ своимъ, столь лакомымъ для Украинца (особенно въ медовыхъ *маковникахъ*) макъ вошелъ въ пословицу: «Ѣжь, дурню, бо тѣ зъ макомъ!» И еще другая пословица идетъ: «Сѣмъ лѣтъ Богъ маку не родивъ, да и голоду не було!» А *маковъ цвѣтъ*—роскошь красоты, особенно когда зацвѣтеть имъ цѣлое *плѣсо* въ степи....

Ой, изъ могилы видно всѣ долины —
Сизокрылый орелъ пролетаетъ:
Стоять войско славно Запорозькѣ —
А якъ макъ процвѣтае.

Такъ и о славномъ современникѣ Богдана, *Морозѣнкѣ*, объ этомъ цвѣтѣ козаччины, поютъ въ пѣсняхъ:

Морозенко козаченько
Якъ макъ роспускався;
Морозенко козаченько
Въ неволю попался.

Знающія бабы, вставъ до свѣта на хрестцѣ , и въ потьмахъ , безъ заправки, сѣвъ у порога , прядутъ по два *починка* , крутя веретено *навпакки* , т. е. отъ себя (а не къ себѣ, какъ прядутъ обыкновенно), и кладутъ ихъ *навхрестъ* ; этою пряжею онѣ перевязываютъ руки или ноги отъ *грыжи* (ломоты).

На *Похвальномъ* , т. е. на пятомъ тыжднѣ поста , примѣтный день суббота, которую зовутъ *Похвалою* , и говорятъ, что «на Похвалу сорока яйцемъ похвалиться.» Въ этотъ день съется капуста *розсада*.

Вербный тыждень зовется и *Вербичемъ*. О случающихся въ это время холодахъ есть пословица: «Прійшовъ вербичъ, два кожуха тербичъ.» Не должно на этомъ тыжднѣ сѣять *бураковъ* (свеклы) , а то будутъ горькіе. Въ вербную недѣлю приходящія отъ заутрени со *святою вербою* , бьютъ ею спящихъ, приговаривая:

Верба хлѣсъ, бій до слѣзъ!

Не я бью, верба бье.

За тыждень Великдень:

Будь великій, якъ верба,

А здоровый, якъ вода,

А богатый, якъ земля!

Пасѣчники поспѣшаютъ воротиться домой прежде всѣхъ , со святою вербою. Святую вербу берегаютъ , какъ цѣлебное средство отъ разныхъ недуговъ , людскихъ и скотскихъ , — между прочимъ , отъ дѣтскихъ *сухотъ*; знающія бабы въ отварѣ изъ нея купаютъ больное дитя, при свѣтѣ *полнаго* мѣсяца, приговаривая къ нему: «*Мл-сяцю*-Адаме , имя тобѣ Авраме ! дай тѣла на си кости ; а якъ не дася , то прійми мощи ! »

Страстная недѣля называется на Украинѣ *Бълою* , потому что тогда бѣлятъ хаты , и убираютъ все , приготовляясь къ Великодню. Въ *Чистый четверг* моются , и выливаютъ всякую нечисть за дворъ, на распутиѣ. Въ *Страстную* субботу сѣютъ *бураки*; и это дѣло поручается мушпнамъ. Чтобъ не были они горькіе, надобно сѣять ихъ *на щѣ сердце* (патошакъ) , и когда не видно дыму изъ хатъ. Вообще огороднику сѣютъ, какъ только новытапливаются хаты, чтобъ и грядки въ огородѣ были такъ полны , какъ полны горшки въ печи.

Въ продолженіе поста не гонять еще ни овецъ въ одну общую *ватагу*, ни *товару* (рогатаго) въ одну *чѣреду*; хлопцы и парубки пасутъ скотъ свой порознь, принимая подъ свое смотрѣніе и у соседей, за что получаютъ отъ нихъ *займинку*—паланицы и прочее, и тѣмъ пробавляются. Молодой овчаръ къ заходу солнца поспѣшаетъ въ село повеселить однообразный день свой, и гоня ватагу съ поля, припѣваетъ:

Терешъ, терешъ, овечечки!
 Терешъ, баранчата!
 А я пойду погуляю,
 Де гарни дѣвчата.
 Терешъ, терешъ, овечечки!
 Терешъ, терешъ, бирки!
 А я пойду погуляю,
 А де чернобровки.

Чернобровыя дѣвчата, поспѣшивъ отговѣться еще на второй недѣлѣ поста, выходятъ по вечерамъ на улицу, или иное просторное мѣсто, привѣтствовать весну своими звонкими *веснянками*.

Благослови, Боже,
 Весну закликати,
 Зиму провожати;
 Ой, весна въ човночку,
 Лѣтечко въ возочку.

Послѣ такого или иного общаго на всю весну запѣва, — дѣвчата, усѣвшись обыкновенно *черенемъ* (купою) или же *лавою* (рядомъ), поютъ повседневныя свои веснянки. Здѣсь, на побережьи Дитъпровскомъ, (гдѣ живу я) начинаютъ вечера обыкновенно слѣдующею пѣснею:

Орелъ поле изъоравъ, изъоравъ,
 И ячменю насяявъ, насяявъ:
 Роди, Боже, той ячмѣнь, той ячмѣнь,
 Тожъ парубкамъ на коровай, на коровай,
 Старымъ людямъ на пиво, на пиво,
 А молодымъ на диво, на диво!
 Орелъ поле изъоравъ, изъоравъ,

И пшеницы насяявъ, насяявъ:
 Роди, Боже, пшеницю, пшеницю,
 Тожъ дѣвочкамъ на коровай, на коровай,
 Старымъ людямъ на пиво, на пиво,
 А молодымъ на диво, на диво!

Веснянки поются до Троицы; это пѣсни исключительно *дѣвическія*; парубки только слушатели, и вѣшиваются въ нихъ только своими *жартами* (шутками), на которыя дѣвчата отпѣваютъ имъ веснянками. На примѣръ:

Торòхъ, торохъ.... сѣю горохъ,
 А врòдится брыця:
 Не пришлеться що добрее,
 Да все ледащиця.
 Торòхъ, торохъ.... сѣю горохъ
 А врòдится брыця:
 Взяли Туркы два парубкы,
 И мого чорнобривця!

Кончая вечеръ, дѣвчата поютъ, расходясь по домамъ:

Спѣвали дѣвочки, спѣвали;
 У решето пѣсни складали;
 Да й поставили на вербѣ:
 Де взялися, горобци,
 Звалили решето до долу—
 Часъ вамъ, дѣвочки, до дому!

Молоденькія дѣвочки не принимаются къ пѣнію веснянокъ; но у дѣтей обоого пола есть свои веснянки, цѣлое лѣто продолжающіяся. Когда идетъ дождь, дѣти бѣгаютъ подъ нимъ и припѣваютъ:

Дощику, дощику!
 Зварю тобѣ борщику,
 Въ новенькому горщику,
 Поставлю на дубочку:
 Дубочокъ схитнувся,
 А дощикъ линувся —
 Цебромъ, ведромъ, дойничкою,
 Надъ нашою пашничкою.

Когда находить туча, дѣти нагромоздятъ изъ песку или земли
дзвоницю (колокольню) и, бьючи по ней палочками, припѣваютъ:

Бій, дзвоне, бій!

Хмару розбій!

Нехай хмара на Татаре,

А сонечко на Хрестяне!

Бій, дзвоне, бій!

Хмару розбій!

II. А П Р Ъ Л Ъ.

Второй мѣсяцъ весны зовется по Украински *Квітнемъ* или *Цвітнемъ*, ибо природа на Украинѣ является тогда въ первомъ цвѣтѣ: бѣлая береза, убранная въ золотистыхъ серьгахъ, распускаетъ свои зеленныя косы; зазеленѣвшая степь красуется золотымъ горичвѣтомъ (*adonis vernalis*) и серебрѣушистымъ сономъ (*anemone*); вишневые сады стоятъ, какъ молокомъ облитые, и въ нихъ уже раздается щебетъ соловья. Въ этомъ же мѣсяцѣ обыкновенно и Украинскій людъ, какъ и весь Православный міръ, обрадованъ бываетъ *Великоднемъ* и христосається во имя воскресшаго Искупителя міра.

Въ Свѣтлый день сей, послѣ обѣдни, когда разговѣется уже каждый въ своей семьѣ—паскою и прочимъ *свяченымъ*, хлопцы ходятъ по дворамъ привѣтствовать всѣхъ троекратнымъ *Христось воскресъ!* и хозяева за то, давъ первому *хрестовальнику* пару Крашанокъ, всѣмъ прочимъ даютъ по одной, а говорящимъ *вириш* (т. е. стихи) даютъ и деньги. Въ старые годы *хрестовали* и взрослые. Известна большая великодняя вирша, которую нѣкогда говорили Запорожцы *товарищу* и *батьку* своему *Грицьку*, великолѣпному Потемкину:

«Христось воскресъ радъ! міръ увесь,
 Дождалися ласки;

Теперь усякѣ наѣстѣся въ смакѣ

Свяченой паскы.

Всѣ гуляють, выхваляють

Воскресшого Бога;

А вже тая, що до рая,

Протерта дорога....» и т. д.

А въ Печерской Лаврѣ, когда тамъ великимъ Архимандритомъ былъ воеводичъ Молдавскихъ земель Петръ Могила, его привѣтствовали на Великдень печатными виршами — и знаменитые типографы Лаврскіе, Памва Берында и Тарасій Земка (книжкою «Умнологія ся есть Пѣсинословіе» 1630 г.), и профессоръ Риторикъ, Софроній Почаскій, съ учениками Лаврскаго Могиллинскаго Гимназіума (книжкою «Евхаристиріонъ албо Вдячність» 1632 г.).

Между тѣмъ какъ малые хлопцы идутъ *хрестовать* на село, пасѣнникъ идетъ въ пасѣку похристосаться съ своими ярыми пчѣлками и несетъ имъ *безконечникъ* — писанку, испещренную вокругъ одною непрерывною чертою; онъ кладетъ ее подъ первый или *покутній* улей, называемый у Заднѣпровцевъ *хозяиномъ*, на которомъ всегда лежитъ ладанъ; а главный улей, *Зѣсимъ*, стоятъ всегда середь пасѣки.

На другой день, еще на разсвѣтѣ, ходятъ парубки *обливальники* по тѣмъ хатамъ, гдѣ есть взрослые дѣвчата, и за каждую получаютъ по парѣ крашанокъ въ свои ведра. Дѣвчата уже за благовременно ждутъ ихъ; а которая заспалась бы или не успѣла бы прибраться до ихъ прихода, ту обливаютъ водою. Такъ ведется у насъ на степи при Суноѣ; и это есть остатокъ давняго Украинскаго обычая, описаннаго Бопланомъ (а) во второй половинѣ XVII-го вѣка, когда парубки обливали дѣвчатъ въ великодный *понедѣльникъ*, а дѣвчата парубковъ во *вторникъ*, какъ это понынѣ ведется у Словаковъ, у которыхъ есть пѣсенка объ этомъ: (б)

«Облѣвай, облѣвай власы ай главичку,

Але ми зашануй ту нову сукничку.»

(а) См. его *Описаніе Украины*, переведенное Устряловымъ, 1832 года. стр. 79.

(б) См. Козаровы «*Narodnie Zpiewanky*» 1834. Т. I. стр. 24 и 431.

Въ 31-й главѣ *Кіевскаго Синописа*, а также и въ *Кройнікѣ* или *Лѣтописи Густынской*, (подъ 988 годомъ), говорится «о обліяніи водою на *Великъ-день*»; но то, очевидно, взято изъ *лѣтописцевъ Польши* и относится къ ея обычаю. Наши степные обливальники-шарубки, а также и дѣвчата, подъ вечеръ въ понедѣльникъ сходятся въ одну хату, и тамъ на общую *складку* пируютъ и веселятся съ пѣснями и музыкою, и иногда до свѣта. Съ великоднаго понедѣльника возобновляются и дѣвическія пѣсни-веснянки, примолкія съ вербной суботы. Вотъ одна веснянка, вдохновленная мѣсяцемъ Квѣтнемъ въ сѣверной сторонѣ (она записана мною 1827 года, на берегахъ Шостки, впадающей въ Десну): (в)

Розлилися воды
 На чотыри броды.
 У першому бродѣ
 Соловейко щebetавъ,
 Зелены сады розвивавъ.
 У другому бродѣ
 Зозулька ковала,
 Лѣтечко казала.
 У третѣму бродѣ
 Коничокъ заржавъ,
 Вѣнь дорѣженьку почавъ.
 А въ четвертѣмъ бродѣ
 Да дѣвчина плаче,
 За нелюбого идучи,
 Своє лихо чуючи.

Съ Великодня къ обыкновеннымъ пѣснямъ-веснянкамъ присоединяются еще дѣвическія игры, сопровождаемыя особыми пѣснями и называемыя вообще *танками*. Эти игорныя веснянки на Украинѣ тоже, что въ Великой Руси *хороводы*, объ которыхъ и тамъ говорится въ народѣ: *танки водить*; и нѣкоторые изъ нихъ тѣ самые, что и на Украинѣ, какъ-то: *просо-спѣять*, *макъ-спѣять*, *Заюшка*, *Ящурь*. А разница между ними та, что въ Великорусскихъ танкахъ или хороводахъ участвуютъ старъ и младъ обоого пола, и водятъ ихъ съ весны до зимы, повершая ими нерѣдко и другіе празднишки народные; но танки Южнорусскіе остаются исклю-

(в) См. моего изданія *Малороссійскія пѣсли*, 1827 года, стр. 159.

чительною собственностью дѣвчатъ и весны, ибо водятъ ихъ только съ Великодней до Зеленой недѣли. Великорусскими танками управляетъ особая *хороводница*, женщина обыкновенно пожилая и нерѣдко вдова; а Украинскіе танки водятъ сами дѣвчата, изъ которыхъ передовою становится болѣе замѣтная или болѣе удалая въ играхъ. Одна изъ нихъ въ прошломъ столѣтіи воспитана въ особой пѣснѣ, понынѣ любимой на обѣихъ сторонахъ Днѣпра: это прекрасная *Бондарѡвна*, злополучная жертва знаменитаго повѣсы Пана-Канѣвскаго (Потоцкаго).

Въ славномъ мѣстѣ у Каневъ
Дѣвокъ танокъ ходить;
Молодая Бондарѡвна,
Усѣмъ передъ водить.... и т. д.

На Украинѣ, гдѣ нынѣ въ большой модѣ у дѣвчатъ пѣсни Московскія, и особенно солдатскія, давно извѣстна пѣсня:

«Какъ у нашихъ у воротъ
Стоялъ дѣвокъ хороводъ».

Однако названіе *хоровода* не пристаётъ къ танкамъ дѣвическимъ; и это потому, что на Украинѣ *корогоды* имѣютъ совсѣмъ другое значеніе. *Корогоды*, также какъ и *Коровай*, является только на *весельяхъ* т. е. на свадьбахъ. Въ брачную ночь, когда благополучная чета оставляется уже въ покоѣ, дружкѣ съ хмѣльнымъ причетомъ своимъ и музыкою шумно провожаетъ по селу *Корогода*, съ особенной о немъ пѣсней; при чемъ приданки и свашки поютъ и о Корогодовой женѣ-воеводѣ.

Дѣвическіе танки, по внѣшнему виду, бываютъ: 1) *Круговые*, которые водятъ, сомкнувшись въ кружокъ, таковы: *макъ-сѣять*, *кропъ*, *перепелка*, *заюшка*, *яцуръ*, *король*, *нѣлюбъ*, *переборѣць* и другіе; 2) *Ключевые*, которыя водятъ, сомкнувшись въ *одинъ ключъ*; таковы: *галка*, *чечѣтка*, *горобей*, *лѣсаниця*, *кривый-танецъ* и другіе; или же, сомкнувшись въ *два ключа*, какъ въ танкѣ *просо-сѣять* и въ *шумъ*.

Перепелкою становится въ средину круга одна изъ красивѣйшихъ дѣвчатъ и представляетъ тѣлодвиженіями то, о чемъ поютъ

ходящія вокругъ. При «старомъ мужичкѣ» она падаетъ на земь съ печальнымъ видомъ; при «молодомъ козачкѣ» вскакиваетъ весело, подпрыгивая и трепля въ ладоши; а при последнемъ стихѣ она старается выскочить изъ круга, но ее ловятъ и *туркаютъ* въ голову.

А въ перепелки да головка болятъ.

Тутъ була тутъ перепелочка;

Тутъ була тутъ бѣлозброчка. (г)

А въ перепелки да плечица болятъ.

А въ перепелки да реберца болятъ.

А въ перепелки да стегеньца болятъ.

А въ перепелки да колѣпца болятъ.

А въ перепелки подошовки болятъ.

А въ перепелки да старый мужичокъ.

А въ перепелки молодой козачокъ.

Перепелка иде и гостиньца песе.

Великолѣпный Великорусскій танокъ «Заплетися, плетень, заплетися» неизвѣстенъ на Украинѣ; а въ замѣнъ его есть свой шуточный танокъ, «Плету, плету лѣсъ, лѣсъ»,—въ насмѣшку надъ парубками, которые весною плетутъ *лѣсы* около дворовъ и огородовъ. Игра *макъ-сплять* на Украинѣ выходитъ красивѣе, чѣмъ въ Великой Руси; ибо здѣсь *маковкою* садится въ срединѣ круга красивая дѣвочка, которую подъ конецъ подкидываютъ вверхъ, представляя тѣмъ отряхиванье мака; а тамъ—*макомъ* бываетъ большею частью простачекъ—дѣтина, которому подъ конецъ, когда стануть отряхивать макъ, достается до слѣзъ (д).

Заюшка у насъ на Побережьи разыгрывается въ такомъ видѣ. Ставшая въ кругу прыгаетъ, стараясь выскочить подъ руками окружающихъ, но ея не выпускаютъ; подъ конецъ пѣсни она кланяется одной, и та становится на ея мѣсто, и такъ далѣе.

(г) Этотъ припѣвъ повторяется за каждымъ стихомъ, какъ повторяются припѣвы и въ другихъ пѣсняхъ.

(д) См. у Сахарова «Пѣсни Русскаго Народа» 1838. Ч. II. стр. 206. — («Часто случается, что хороводникъ, лишенный отъ трясенія волею, начинать драку.»)

Заюшка сѣресепькій,
 Заюшка бѣлесепькій!
 Заюшка скокомъ бокомъ
 Передъ моимъ карымъ окомъ!

Да пѣкуды зающѣ а не выскочити,
 Да пѣкуды зающѣ а не выплыгнути;
 Що въ насъ города все Турецькій,
 Що въ насъ замкы все Нѣмецькій,
 Позашсѣлованы, позамыкованы,
 Жовтымъ пѣскомъ позасыпованы.

Заюшка не гордися,
 Котрѣй паннѣ поклонися,
 Хочь старѣй, хочь малѣй,
 Хочь менѣ молодѣй.

А вотъ круговой танокъ историческаго пропехожденія. Послѣ князя Михайла Михайловича Вишневецкаго и благочестивой княгини его Рансы, урожденной Могиланки, объ которыхъ добрая память осталась на Украинѣ въ трехъ монастыряхъ, Лубенскомъ, Густынскомъ и Ладнскомъ, наслѣдникомъ огромной ихъ Украинской вотчины, (простиравшейся отъ Полтавы до Прилуки въ одну сторону, и до Домонтова, на устьѣ Суной, въ другую) остался храбрый княжичъ *Іереміа*. Онъ былъ «пожаданною утѣхою» для народа Украинскаго; но, жениась на Гризельдѣ Замойской, онъ отступилъ отъ Православія (около 1631 года) и сталъ тогда во взаимное нелюбіе съ Украиною. Въ 1648 году, когда воздвигшійся Богданъ Хмельницкій началъ Полякамъ *веремля крутити* (е), князь Іеремія, имѣвшій званіе *Русскаго воеводы*, принужденъ, былъ разстаться навсегда со своею Украинскою Вишневецчиною, бѣжалъ изъ Лубенъ на Волинь и затѣмъ въ борьбѣ съ казачествомъ былъ онъ, какъ лютый звѣрь. Въ слѣдующее лѣто выдержалъ онъ Тернопильскую осаду въ *Збаражѣ*,

(е) Величко въ своей Лѣтописи (см. Т. I. стр. 68), описывая знаменитую Корсунскую побѣду 16 мая 1648 года, говоритъ: «скоро теди Поляки зъ своимъ висузулени окошовъ, заразъ Хмельницкій зъ Ордою началъ около нихъ (якъ приказуютъ) *веремля крутити....»*.

при чемъ былъ раненъ въ ногу. По этому случаю сложена была козаками насмѣшливая пѣсня, приглашающая славнаго Русскаго воеводу вывести танецъ по Нѣмцки. Припѣвъ ея съ разными пѣснями повинѣ повторяется въ веселомъ дѣвическомъ танкѣ *выступилъ*. Дѣвчата, при пѣніи каждаго двуступія, идутъ широкимъ кругомъ; но за припѣвомъ онѣ устремляются въ припрыжку, то въ середку круга, направивъ кулаки впередъ, чтобы столкнуться, то подаются назадъ.

Ой на ставку, на ставку,
 Поймавъ соколъ ластовку.
 Выступцемъ,
 Выдробцемъ:
 Пане Вишневецькій,
 Воевода Кгрецькій,
 Да выводъ танчѣкъ по Нѣмецькій!

Просплася Настуся
 Въ молодого Петруся:

Пусти мене въ таночокъ
 Погуляти до дѣвочокъ.

Тодѣ тебе я пушу,
 Якъ кѣсеньку роспушу.

Изъ танковъ, выводимыхъ однимъ ключемъ, самый летучій—*галка*. Ставшая на одномъ концѣ проводитъ за собою весь ключъ подъ руками послѣдней пары, а тамъ также проводитъ стоявшая на другомъ концѣ; и такимъ порядкомъ весь ключъ уходитъ иногда за версту, передвигаясь впередъ то прямо, то излучисто. За каждымъ разомъ поютъ:

Ой галь-галь, чорна галочко!
 Ой галь-галь, красна панночко!
 Стань же намъ да до помочи,
 Зъ хорошими, зъ хорошими дѣвочками,
 Зъ красными, зъ красными панночками!

Ой ты, Марусю, скожь на конецъ;
А ты, Олесю, веди конецъ!

Танокъ *просо-сѣять* , любимый всею Русью , отъ Карпатъ и до Урала, здѣсь, на Днѣпровскомъ побережьи, разыгрывается въ слѣдующемъ видѣ. Ставши въ два ключа, лицомъ одинъ къ другому , дѣвчата поочередно поютъ, кланяючись:

- 1-й Ключъ: Ой мы въ поле выѣдемъ, выѣдемъ—
Ой мы зъ Ладомъ выѣдемъ, выѣдемъ.
2-й — А мы нивку выоремъ, выоремъ—
Ой мы зъ Ладомъ выоремъ, выоремъ.
1-й — А мы проса наѣсемъ, наѣсемъ.
2-й — А мы кони пустимо, пустимо.
1-й — А мы кони займемо, займемо.
2-й — А мы кони выкупимъ, выкупимъ.
1-й — Мы на купчу не глянемъ, не глянемъ.
2-й — Мы сто рублѣвъ кладемо, кладемо.
1-й — На сто рублѣвъ не глянемъ, не глянемъ.
2-й — Мы бабусю додамо, додамо.
1-й — Мы бабуси не хочемъ, не хочемъ.
2-й — Мы дѣвочку додамо, додамо.
1-й — За дѣвочку ни слова, ни слова.
2-й — Бувай, дѣвка, здорога, здорова!

При этомъ одна дѣвка переходитъ въ первый ключъ , которому говорятъ:

Бѣдьте, поѣдьте до насъ!

А тѣ отвѣчаютъ, тоже говоромъ:

Нема короля дома,
Поѣхавъ по дрова,
Пиво варити,
Сына женити,
Дочку давати,
Насъ на весѣлье звати!

Танокъ *Шумъ* играется на Дѣтпровскомъ побережьи. Дѣвчата становаются въ два ключа, одинъ за другимъ параллельно, и при этомъ поютъ:

Ой нумо жъ мы нумо,
Въ Зеленого Шума.
А въ нашего Шума
Зеленая шуба.

За тѣмъ оба ключа бѣгутъ разомъ впередъ, а потомъ назадъ, распѣвая самымъ сильнымъ голосомъ, сколько мѡга:

Ой Шумъ ходить, по водѣ бродить;
А Шумиха рыбу ловить,
Що вловила, то й пропила,
Своей дочцѣ не вгодила.
Пожди, доню, до субботы,
Куплю сукню, ще й чоботы!
—Абѡ жъ менѣ сукню крайте,
Або менѣ жениха дайте!
Або жъ менѣ кулешу наварить,
Або менѣ жениха привести!

Такъ въ этомъ *зеленомъ шумѣ* дѣвчаты отозвались Дѣтпръ, убирающійся въ зелень своихъ луговъ и острововъ, шумящій въ весеннемъ разливѣ своемъ и дающій тогда полное приволье рыболовству. Въ одно весеннее утро я видѣлъ здѣсь, что и воды Дѣтпра, и его песчаная *Бѣлая-коса* за *Шумиловкою*, и самый воздухъ надъ нимъ—все было *зелено*.... Въ то утро дулъ порывистый *горишній* т. е. верховой вѣтеръ; набѣгая на прибрежные *ольховыя кусты*, бывшіе тогда въ цвѣту, онъ поднималъ съ нихъ цѣлыя облака зеленоватой цвѣточной пыли, и развѣвалъ ее по всему полуденному небосклону.

Всеобщая гульба и веселье свѣтопраздничное повершается въ началѣ слѣдующей недѣли, называемой *Проводною*; оно повершается поминаніемъ родичей на ихъ *могилкахъ* или *гробкахъ*. Обыкновенно въ *понедѣльникъ* собирается народъ на кладбище, неся туда крашанки, квиши, пироги, рѣжанку и всякую другую страву, кромѣ вареной; а къ тому и *пляшку горьлки*, составляющую непрѣмную обрядную принадлежность всѣхъ

важныхъ случаевъ и праздниковъ Украинской жизни отъ колыбели до могилы. По приходѣ на могилки родителей и родичей, говорятъ имъ: Христосъ воскресъ! Между тѣмъ служится общая панихида въ церкви, а по хуторамъ и деревнямъ — подъ открытымъ небомъ на кладбищѣ; и послѣ того священникъ съ кадиломъ обходитъ порознь всѣ тѣ могилки, гдѣ есть поминальники. Тогда обходятъ вокругъ могилокъ родичи и сосѣди (за исключеніемъ взрослыхъ дѣвчатъ), а также и *старци*, т. е. нищіе, которымъ подаютъ милостыню особенно въ эти недѣли, по той вѣрѣ, что самъ Господь ходитъ по землѣ въ видѣ нищаго, съ *Великодня* и до *Вшестя* (Вознесенія). Украинцы вѣрятъ также, что во всю Свѣтлую седмицу открыть рай, и что всѣ умершіе въ эти дни будутъ въ раю; да и въ каждый Воскресный день случающаяся смерть человека почитается счастливою. Когда усядутся вокругъ могилокъ, тогда начинается круговая заупокойная чарка, вызывающая умиленные рѣчи и слезы о покойникахъ: чтобъ имъ «легко лежать и землю держать, а на томъ свѣтѣ царство небесное!» — «нехай со святыми спочивають, да й насъ дожитають!» и т. п.

Начатыя на могилахъ поминки расходятся по хатамъ и тамъ доканчиваются; и тогда уже на *подпитку* распѣваются разные поучительные стихи, особенно о *смерти* —

«Якъ положить грѣшне тѣло
На дубову лаву....»

Покойника на Украинѣ кладутъ и отпѣвають не на столѣ, а на лавѣ. Къ тому-то и въ пѣснѣ жена, въ сердцахъ на мужа своего, поетъ ему:

«Хибѣ тодѣ затужу,
Якъ на лавѣ положу;
Хибѣ тодѣ заплачу,
Якъ на лавѣ побачу!»

Не довольствуясь поминальными *Проводами* всѣхъ родичей въ по-недѣльникъ, женки собираются по хатамъ еще и во *вторникъ* — поминать *дядинокъ*, т. е. дядьковскихъ женъ, по которымъ и этотъ

дополнительный *жжочій* или *бабскій* праздникъ называется *дядинками*, а въ Переяславскомъ уѣздѣ *Громицями*. Но обыкновенно на Украинѣ *Громици* да *блискавици* полагаются въ первый вторникъ Петровки, послѣ понедѣльника, называемаго *Рѣзыграми*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ празднованіе *могилко* перенесено съ понедѣльника на *вторникъ Проводной*; а въ городѣ Золотоношѣ вмѣсто того на *могилки* собираются въ *Мироносный понедѣльникъ*: тамъ на кладбищѣ находится и небольшая церковь во имя *женъ Мироносицъ* (ж). Съ проводнымъ вторникомъ кончаются уже для обоого пола Великодные праздники, и жизнь Украинскаго селянина входитъ съ новою силою въ свою работную, будишнюю колею. Куски и крошки паски, скорлупы крапанокъ и всѣ прочіе останки *свяченаго*, сбереженные тщательно, пускаютъ на воду; а часто ихъ берегаютъ вмѣстѣ съ дробками соли свяченой и артосомъ или *Дарникомъ*, какъ цѣлебное средство, особенно для отелившихся коровъ. Священное сало почитается лучшею мазью для воловъ, когда у нихъ отъ ярма натрутся шеи. Остатки всего *свяченаго* сберегаются, и какъ охранительное средство будущимъ хлѣбнымъ скирдямъ отъ мышей. Ведется по всей Украинѣ повѣрье, что если мышь съѣстъ хоть крошку святой паски, то обращается въ *кажану* (летучую мышь).

Изъ постоянныхъ дней Апрѣля главный 23-й *Юрьевъ день*, почитаемый за великій праздникъ, по особенному уваженію всего Христіанскаго міра къ *Побѣдоносцу Георгію*. Сей святой витязь на бѣломъ конѣ—«лицемъ баше красенъ, и храбръ великъ», и прославленъ, какъ низложитель Ливійскаго змѣя; а по своему имени св. *Георгій—Земледѣлецъ*, и почитается издревле покровителемъ земледѣлія и скотоводства. Такъ и на Украинѣ. *На Егоріа*—каждое село выходитъ въ поле, для молебствія и освященія посѣвовъ озимыхъ и яровыхъ, при чемъ бываетъ освященіе кривницъ и колодезей; и съ этого дня уже не пускаютъ скота ходить по полямъ *бѣзбашъ*, т. е. безъ пастуха; а до Юрьева дня даже нарочно *сбиваютъ* житѣ скотомъ, чтобы онѣ лучше росли въ новыя стрѣлки. Съ этого же дня запрещается пускать скотъ и на тѣ *луки* и *степы*,

(ж) Во многихъ мѣстахъ Украины, кромѣ Проводныхъ могилко, прицерковныя *сестрички* устроятъ панихиду и поминальный обѣдъ еще въ понедѣльникъ Мироносный.

которые назначаются подъ сѣнокосъ. А объ запасномъ кормѣ ведется пословица, что—«и въ дурія стане сѣна до Юрья, а у розумного до Николы».

Украинскій селянинъ примѣчаетъ на Юрья вышину своей озими: «коли сховается въ житѣ ворона, то буде урожайне лѣто; а якъ горобцю по колѣна, то буде лихе лѣто». Предвѣстницею урожая служить и *зозуля* (кукушка): «коли закуе до Юрья на голе дерево, то буде голодне лѣто; а якъ на листъ, то буде полѣтье». Зозулю представляютъ кующею на дерево; потому и про тѣ кольца, что складываются изъ мотыльковыхъ яичекъ на вишневыхъ и другихъ вѣткахъ, говорятъ, что то «Зозуля наковала». Не одинъ Украинець съ началомъ весны носить при себѣ копѣйку *про Зозулю*, чтобъ показать ей, послышавъ ее въ первый разъ, и чтобъ она наковала ему копѣйку на весь годъ. Но не объ одномъ только наступающемъ лѣтѣ куетъ вѣщая зозуля Украинцамъ; у нея часто запытаваютъ дѣвчата, черезъ сколько лѣтъ онѣ выйдутъ за мужъ? Порою и старикъ спросить у нея: сколько лѣтъ ему жить еще на этомъ свѣтѣ? А объ соловѣѣ, прилетающемъ изъ *вырая* почти въ одну пору съ кукушкою, говорятъ, что онъ только съ Юрьева дня начнетъ пѣть свою настоящую пѣсню *тѣхъ-торорорѣхъ*; а до Юрья онъ только *цѣпрынькаеть*, заурядъ съ прочими пташками.

Юрова роса почитается на Украинѣ цѣлебною для очей; для того и собираютъ ее, обыкновенно пѣдилкою, которую оставляютъ на травѣ на ночь подъ Юрьевъ день. А во время обѣдни каждая Украинская хозяйка ставитъ свѣчу передъ образомъ св. Георгія, прося его, чтобъ онъ доглядѣлъ ея овечку или телицу; а содержатели скота, особенно *чередники* и *ватажники*, на Юрья постятся до захода солнца, а иные даже не гонятъ и скота на пашу, а кормятъ на дому. Такой обычай соблюдается *про звѣря*, т. е. про волка (которому собственно и принадлежало въ древнее время имя *лютаго-звѣря*); ибо на Украинѣ говорятъ, что «святой Юрь звѣра пасе», — и волкъ считается *Юровою собакою*, которая безъ его дозволенія не займетъ ни скотины, ни людины. Такъ и у Великорусскаго народа говоритъ пословица: «у волка въ зубахъ, что Егорій далъ».

Чередники, ватажники и табунщики къ Юрьеву дню отпускаютъ себѣ бороды; ибо Украинцы вообще *юлятъ* бороды съ давняго времени, хотя и неизвѣстно, съ какого именно. Впрочемъ на Украинѣ

въ старину борода считалась украшеніемъ стараго челоѣка: Такъ достославный Гетманъ Петръ Конашевичъ — Сагайдачный, скончавшійся въ Кіевѣ 1622 года, 10-го апрѣля, на Проводной недѣль, носилъ бороду (з). Храбрый Лубенскій Полковникъ *Леонтій Леонтьевичъ Свѣчка*, въ концѣ XVII вѣка, тоже ходилъ съ бородою. Да и въ старинныхъ пѣсняхъ Украинскихъ говорится, на примѣръ:

«Деду мой, свѣте мой,
Шовковаѣ борода!»

Что касается до подбѣриванія головы, то старобытные козаки, особенно Запорожскіе, оставляли и дѣлѣли на головѣ *чубъ*, по образу *Святослава Хоробраго* (п), легко ходившаго въ войнахъ,—*аки Пардусъ*. и сложившаго свою чубатую голову у Днѣпровскихъ пороговъ, съ наступленіемъ весны 972 года. Въ нѣкоторыхъ Приднѣпровскихъ мѣстахъ еще и теперь козаки, особенно молодые, ходятъ въ *чубахъ* или *оселѣдцяхъ*. Но господствующее нынѣ въ Украинскомъ народѣ подбѣриваніе головы въ *чуприну* распространилось, кажется, въ XVII-мъ вѣкѣ, въ подражаніе обычаю Польскому. Заднѣпровскій козакъ, написавшій въ томъ вѣкѣ лѣтопись, названую *Лѣтописью самовидца* (1846, см. стр. 12), говоритъ, что въ 1648 году на Украинѣ «ремесники молодые головы собѣ голили по Польску, чуприну пускаючи на верхъ головы.»

У Святославова внука, Ярослава Владиміровича, Христіанское имя было *Георгій*, и онъ, съ 1032 года, строя города по рѣкѣ Роси, поставилъ тамъ городъ *Юрьевъ*, при которомъ была и особая *Юрьевская* епархія (извѣстная съ 1072 года и до нашествія Батыева). А въ послѣдніе годы своего княженія, Ярославъ поставилъ въ Кіевѣ церковь съ монастыремъ, во имя *св. Георгія*, предъ воротами Софійскаго храма. По ея освященіи Митрополитомъ Пларіономъ 26

(з) См. портретъ его въ 3 книгѣ *Кіевлянина*, 1850, на стр. 151, взятый изъ современной книги: «Вѣрнѣ на жалосный погребъ зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного». 1622.

(п) Такъ названъ воинственный Князь Святославъ Игоревичъ въ Волынской лѣтописи, подъ 1284 годомъ: «не бѣ со въ землѣ Русѣй перѣбѣ, вже бѣ восвалъ землю Чешьску—ни Святославъ *Хоробрый*, ни Володимѣръ *Святый*».

ноября, Ярославъ «заповѣда по всей Руси творити праздникъ св. Георгія мѣсяца Ноября 26 день». (i) И такимъ образомъ учрежденъ тогда на Руси праздникъ св. Георгія *осенняго*.

Въ позднѣйшіе вѣка тоже воздвигались церкви и обители во имя св. Побѣдоносца—въ разныхъ мѣстахъ Украины. Такъ въ XVII-мъ вѣкѣ подъ Золотоношею, на островку, похожемъ на скирду стѣна и называемомъ *Красною Горкою*, возникъ небольшой скитокъ, съ небольшою плетневою церковью во имя св. *Георгія*. Стараніемъ Золотоношскаго Сотника *Войцы Сербина* и земляка его, Переяславскаго Полковника, *Дмитрія Григорьевича Раича* (или *Думитрашка Райче*), тотъ скитокъ былъ обращенъ (около 1687 г.) въ монастырь *Красногорскій*. Въ Киевскомъ Выдубицкомъ монастырѣ Стародубовскій Полковникъ *Михайло Миклашевскій* 1696 года построилъ своимъ иждивеніемъ каменную церковь св. *Георгія*; и съ той поры тамъ собирается въ Юрьевъ день народное гулянье. А здѣсь, на Днѣпровскомъ Побережьи, верстахъ въ 12-ти выше Супоя, надъ селомъ Бубновскою слободкою, есть древнее *Городище*, весьма искусно устроенное на углу крутаго и глубокаго Яра. На это замѣчательное мѣсто, съ котораго открывается такой живописный просторъ и въ степь, и на Днѣпръ, и на гористое Заднѣпровье, въ *Юрьевъ день* издавна поселяне окрестныхъ селъ сходятся на гулянье; а по какому случаю повелось оно, неизвѣстно. Въ разсказахъ объ этомъ городищѣ нѣтъ ничего особеннаго, ему исключительно принадлежащаго, а только общая обо всѣхъ подобныхъ мѣстахъ молва, что тутъ была нѣкогда церковь, ушедшая въ землю.... Въ этой повсемѣстной молвѣ, переходящей изъ рода въ родъ, не отзывается ли та предковѣчная быль, что всѣ эти *рѣбленія могилы* и *городища*, такъ знаменательно выдающіяся по Украинскимъ степямъ, возникли первоначально какъ молитвенные храмы того народа, который вполнѣдствіи перешелъ въ баснословные разсказы Украинцевъ о *Вселенныхъ* и другихъ первожителяхъ землѣ Южнорусской, и отъ котораго прочія степныя могилы, *круглыя* и

(i) Такъ въ древнемъ Прологѣ XIV вѣка (см. *Киевлянинъ* кн. III стр. 67), гдѣ именно сказано, что Георгіевскую церковь святилъ Митрополитъ *Иларіонъ*, какъ показано было и въ Патерикѣ С. Коссова. И такъ это было между 1151 — 54 годами, а не 1043 года, какъ значится въ позднѣйшихъ каталогахъ Киевскихъ.

острыя, остались, какъ пѣмятники надгродные? Такъ, на лѣвой сторонѣ Трубежа, подѣ Переяславомъ, есть круглая могила *Свидова*, о которой говорятъ въ народѣ, что она насыпана надѣ Вѣлетнемъ *Свидомъ*.

Къ числу забавъ Юрьевского гулянья на Бубновскомъ городищѣ принадлежитъ катанье красныхъ яицъ, столь любимое по всей Руси. Во многихъ мѣстахъ Украйны дѣвчата, послѣ обѣда въ Юрьевъ день, выходятъ катать крашанки въ полѣ на житѣхъ, и тамъ закапываютъ ихъ въ землю до начатія жатвы.

М. Максимовичъ.

1856 г.

Михайлова Гора.

О РУССКОМЪ ВОЗЗРѢНІИ.

Недавно одно выраженіе, употребленное въ объявленіи о Русской Бесѣдѣ, подало поводъ къ нападеніямъ и толкамъ. Выраженіе это: *Русское воззрѣніе*. Оно точно не было объяснено, потому что это казалось излишнимъ, и предполагалось, что оно не затруднитъ ничего пониманія. Однако послышались возраженія такого рода: «Воззрѣніе должно быть общечеловѣческое! Какой смыслъ можетъ имѣть Русское воззрѣніе?» Но неужели можно было думать, что въ программѣ Русской Бесѣды предполагалось такое Русское воззрѣніе, которое не будетъ въ тоже время общечеловѣческимъ. Подобнаго мнѣнія, конечно, нельзя допустить, особенно со стороны тѣхъ людей, которымъ придаютъ названіе Славнофиловъ, которые обвиняются въ пристрастіи, будто бы, къ Россіи и которые конечно не захотятъ лишить ее высшаго достоинства, т. е. человѣческаго.

Теперь скажемъ о самомъ выраженіи, такъ странномъ для нѣкоторыхъ. Развѣ воззрѣніе народное исключаетъ воззрѣніе общечеловѣческое? Напротивъ. Вѣдь мы говоримъ на примѣръ: Англійская литература, Французская литература, Германская философія, Греческая философія. Отчего же это никого не смущаетъ? А вѣдь въ литературѣ, въ философіи, если она Англійская, Нѣмецкая и т. д., выражается и воззрѣніе народное. Всѣ это признаютъ. А если признаютъ за другими народами, то почему же не признать и за Русскимъ? Если народность не мѣшаетъ другимъ народамъ быть общечеловѣческими, то почему же должна она мѣшать Русскому народу? Дѣло человечества совершается народностями, которыя не только отъ того не исчезаютъ и не теряются, но, проникаясь общими содержаніемъ, возвышаются и свѣтлѣютъ, и оправдываются, какъ народности. Отнимать у Русскаго народа право имѣть свое

Русское возрѣніе — значитъ лишить его участія въ общемъ дѣлѣ человѣчества.

Мало того: тогда только и является произведеніе литературы, или другое какое, вполне общечеловѣческимъ, когда оно въ тоже время совершенно народно. Илиада Гомера есть достояніе всемірное, и въ тоже время есть явленіе чисто Греческое. Шекспиръ есть поэтъ, принадлежащій всему человѣчеству, и въ тоже время совершенно народный, Англійскій. А именно этой-то народности, этого-то самобытнаго возрѣнія и недостаетъ нашей умственной дѣятельности; а отъ того, что въ ней нѣтъ народности, нѣтъ въ ней и общечеловѣческаго. Мы уже полтора столѣтія стоимъ на почвѣ исключительной національности Европейской, въ жертву которой приносится наша народность; отъ того именно мы еще ничѣмъ и не обогатили науки. Мы Русскіе ничего не сдѣлали для *человѣчества* именно потому, что у насъ нѣтъ, не явилось по крайней мѣрѣ, *Русскаго возрѣнія*. Странно было бы нападать изъ любви къ народности на общечеловѣческое: это значило бы отказывать своему народу въ имени человѣческомъ. И конечно такихъ нападеній нельзя ожидать отъ Русской Бесѣды, считающей, по смыслу своей программы, общечеловѣческое — народнымъ Русскимъ достояніемъ. Въ чемъ же споръ? Постараемся представить его въ настоящемъ свѣтѣ.

Русскій народъ имѣетъ прямое право, какъ народъ, на общечеловѣческое, а не чрезъ посредство и не съ позволенія Западной Европы. Къ Европѣ относится онъ критически и свободно, принимая отъ нея лишь то, что можетъ быть общимъ достояніемъ, а національность Европейскую откидывая. Онъ относится точно также къ Европѣ, какъ ко всемъ другимъ, древнимъ и современнымъ, народамъ и странамъ: такъ думаютъ люди, называемые Славянофилами. Европеизмъ, имѣя человѣческое значеніе, имѣетъ свою, и очень сильную, національность: вотъ чего не видятъ противники нашихъ мнѣній, не отдѣляющіе въ Европѣ человѣческаго отъ національнаго. И такъ споръ, понятый настоящимъ образомъ, совершенно переиначиваетъ свое значеніе. Съ одной стороны, т. е. Славянофилы стоятъ за общечеловѣческое и за прямое на него право Русскаго народа. Съ другой стороны, поборники Западной Европы стоятъ за исключительную Европейскую національность, которой придаютъ всемірное значеніе и ради которой они отнимаютъ у Русскаго народа его прямое право на общечеловѣческое. И такъ, на оборотъ, т. е. Славянофилы стоятъ

за общечеловѣческое; а противники ихъ за исключительную національность. Съ одной стороны, чувство свободы и любви ; съ другой, чувство зависимости и преданности авторитету.

Вотъ настоящее положеніе вопроса. Но противники наши едва ли и передъ собой захотятъ съ этимъ согласиться.

К. А.

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ

МИКЛАШЕВСКІЙ.

Не такъ давно, именно 26-го августа 1847 года, въ мирномъ, гостепріимномъ уголкѣ Черниговской губерніи, Стародубскаго уѣзда, въ селѣ Пануровкѣ, скончался всѣми любимый, всѣми уважаемый, почетнѣйшій изъ дворянъ Черниговской губерніи, старѣйшій изъ государственныхъ сановниковъ всей обширной земли Русской, Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ Михаилъ Павловичъ Миклашевскій.

Едва разнесся слухъ о его кончинѣ, родные и неродные, близкіе и полузнакомые собрались со всей околицы, духовенство званное и незванное съѣхалось изъ всѣхъ ближнихъ селеній и всѣ вѣстѣ, соединившись съ многочисленнымъ семействомъ покойника, съ тысячами окрестныхъ поселянъ, отдали послѣдній долгъ девятиостолѣтнему старцу, переселившемуся въ горнія обители.

До послѣдней минуты, не смотря ни на преклонную старость, ни на постоянные, почти неусыпные труды большей половины своего житія, онъ постоянно оставался душою своего многолюднаго семейства и почти до самаго предсмертнаго часа сохранилъ въ себѣ всю полноту жизни и самое живое сочувствіе ко всему современному: рѣдкій примѣръ крѣпости силъ, даже и не въ наше слабоспльное

время! По одному уже этому смерть его не могла не внести въ его семью, самой глубокой горести.

Средоточіе всего окольнаго дворянства, снискавшій почеть и уваженіе долгою и неизмѣнною службою отечеству, безукоризненнымъ благородствомъ въ быту общественномъ, умѣньемъ жить и сходиться съ людьми, онъ до послѣднихъ дней былъ такъ бодръ душею и тѣломъ, что, казалось, еще на долгіе годы онъ останется, по всегдашнему своему обычаю, гостепріимнымъ, радушнымъ хозяиномъ, неизмѣнно дѣятельнымъ утѣшителемъ страждущаго и щедрымъ благотворителемъ немущему.

Вотъ почему смерть девяностолѣтняго старца была горькою неожиданностію для всѣхъ его окружавшихъ. Она поразила кровныхъ и родныхъ его, но вмѣстѣ съ ними сильно горевали и посторонніе, знавшіе его близко, имѣвшіе съ нимъ сношенія по сосѣдству и принадлежавшіе къ дворянскому сословію одной съ нимъ губерніи.

Живая горестъ послѣднихъ и уваженіе ихъ къ покойному старшинѣ ихъ по лѣтамъ, по службѣ и по общественнымъ заслугамъ выразились ясно въ томъ прекрасномъ воспоминаніи, какимъ почтилъ его память П. П. Бороздина, одинъ изъ дворянъ Черниговской губерніи (*).

Но жизнь покойнаго Михаила Павловича Миклашевскаго была такова, что память о немъ не должна оставаться въ предѣлахъ сосѣдняго околка. Самая некрологія г. Бороздины, написанная тотчасъ послѣ смерти покойнаго, возбудила желаніе ближе и подробнѣе узнать человека, проводшаго три четверти столѣтія въ общественной дѣятельности, служившаго отечеству въ ту пору, когда оно не по годамъ, а по днямъ наполнялось историческими событіями, и служившаго съ такими людьми, имена которыхъ неразрывно соединились съ частностями исторіи Россіи.

По всему этому, имѣвши случай собрать о покойномъ изустныя и письменныя преданія, я считалъ обязанностию передать ихъ во всеуслышаніе. Другой вопросъ: имѣемъ ли мы право знакомить читающій міръ съ человекомъ, не занимавшимъ первыхъ мѣстъ ни въ

(*) Оно напечатано въ № 131 Московскихъ Вѣдомостей 1847 года и потомъ въ небольшомъ числѣ отдѣльных книжекъ подъ названіемъ: *Некрологія Тайнаго Советника и Кавалера, Михаила Павловича Миклашевскаго*. Москва. 1847. in-8°.

служебной іерархіи, ни на другомъ какомъ-либо пути общественной дѣятельности и по этому незнакомымъ настоящему поколѣнію?

Девяносто лѣтъ, проведенныя болѣею частію въ столкновеніи съ первыми государственными дѣятелями; сорокъ три года почти непрерывнаго, всегда вѣрнаго и ревностнаго служенія отечеству; семьдесятъ два года безукоризненнаго пути на общественномъ поприщѣ; военные подвиги, внесенные въ лѣтописи военной исторіи, какъ примѣры рѣдкой храбрости; гражданское мужество, не павшее предъ грозой Царской немилости, и при всемъ этомъ еще одна рѣдко замѣчаемая нами добродѣтель: умѣнье въ своемъ крѣпостномъ крестьянствѣ любить своего брата-человѣка; мнѣ кажется, что все это таково, что память его не проситъ, но требуетъ вниманія общества къ жизни покойника и глубокаго къ нему уваженія отъ его соотечественниковъ.

При такихъ правахъ на общественный почетъ, все равно, гдѣ бы ни жилъ Миклашевскій, вездѣ имя его было бы пропозисно съ уваженіемъ; но я не могу здѣсь не прибавить, что у насъ въ Россіи, при тѣхъ переворотахъ, какіе совершались въ ней въ прошедшемъ столѣтіи и при той всемірной важности происшествій, какимъ ознаменовалось ея существованіе въ нынѣшнемъ, забвеніе человѣка, дѣятельно въ нихъ участвовавшаго, было бы черезъ чуръ холоднымъ равнодушіемъ и къ высотѣ человѣческаго достоинства, и еще болѣе къ самому нашему отечеству,—равнодушіемъ, къ несчастію часто и почти безисключительно сопровождающимъ память всѣхъ нашихъ дѣятелей, особенно второстепенныхъ.

Вотъ рядъ причинъ, почему я считаю непростительнымъ не почитать памяти умершаго сановника полнымъ его жизнеописаніемъ, столько полнымъ, сколько можно составить изъ домашняго собранія бумагъ и писемъ и изъ изустныхъ разсказовъ, безъ личнаго знакомства съ покойнымъ. Не говоря уже о томъ, что такое жизнеописаніе познакомитъ насъ съ нимъ, какъ съ дѣятельнымъ сотрудникомъ великихъ нашихъ героевъ и первыхъ служебныхъ лицъ государства, но, по самымъ его съ ними сношеніямъ, можетъ прибавить любопытныя черты для обрисовки этихъ лицъ, весьма важныхъ въ предшествующіе періоды нашей исторіи.

Чтобы сохранить исторически-неприкосновенною такую занимательность, я вездѣ, при всякомъ случаѣ, буду приводить цѣл-

комъ тѣ бумаги, которыя мнѣ удалось отыскать въ кабинетѣ покойнаго (*).

Нигдѣ въ бумагахъ Михаила Павловича мы не могли отыскать года его рожденія, но по всеѣмъ соображеніямъ и по собственнымъ его разсказамъ можно думать, что онъ родился въ 1757 или 1756 году. Хотя метрическія книги и были уже тогда введены во все приходы, но какъ порядокъ отсылки ихъ въ архивы консисторій еще не наблюдался, по этому многія изъ нихъ затеривались, а еще больше истреблялись пожарами. Последняя участь постигла и метрику села Демьянки, мѣсторожденіе покойника (*). Послужные списки также не могли быть вѣрными указателями, потому что дѣла при вступленіи въ службу если и записывались, то безъ дальнѣйшихъ справокъ вѣрили и изустнымъ показаніямъ, часто же дѣло обходилось даже и безъ этого. По церковнымъ запискамъ о возрастѣ при одномъ изъ причащеній видно, что покойнику было не меньше 94 года; сосѣди думаютъ, что больше, но доказать этого не чѣмъ.

Дѣдъ Михаила Павловича былъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Стародубовскимъ полковникомъ и стольникомъ Его Пресвѣтлаго Царскаго Величества. Это было еще въ ту пору, когда вся Малороссія была раздѣлена на 8 полковъ, когда начальники ихъ были едва не полными ихъ властителями, имѣли въ рукахъ своихъ власть карать и миловать и владѣли въ полномъ смыслѣ необозримыми полями и безпредѣльными *степенями* плодородной Украйны. Отецъ его служилъ Бунчуковымъ товарищемъ. Хотя онъ и не былъ уже такъ богатъ, какъ Стародубовскій полковникъ, однакожъ получилъ въ

(*) Здѣсь долгъ благодарности заставляетъ меня сказать, что вдова покойнаго, Настасья Яковлевна Миклашевская, позволила мнѣ рассмотреть все, что осталось письменнаго послѣ покойнаго ея супруга, а сыновья его взяли на себя весьма важный трудъ привести ихъ въ порядокъ и разбирать нечеткія рукописи. Но и при такомъ полномъ и благородномъ содѣйствіи нѣхъ, многое весьма замѣчательное осталось нами непрочтеннымъ, по чрезвычайной нечеткости почерка писавшихъ: таковы наиримѣръ почти все свѣрочныя письма Беклешова, бывшаго Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія, и многія изъ писемъ канцлера князя Безбородко. Многихъ бумагъ и писемъ мы вовсе не могли отыскать, хотя изъ семейныхъ и дружескихъ бесѣдъ покойника люди къ нему близкіе несомнѣнно знали, что онѣ находятся въ его домашнемъ архивѣ.

(*) Село Демьянка Стародубскаго уѣзда, верстахъ въ трехъ отъ Пануровки.

наслѣдство отъ своихъ родителей такое имѣніе, при которомъ онъ могъ дать полное образованіе дѣтямъ: но тогда исключительно-умственное развитіе не считали главнымъ дѣломъ воспитанія. Правда, что нѣкоторые изъ людей именитыхъ отправляли своихъ дѣтей въ заграничныя университеты, но такъ поступали весьма немногіе. Другіе отдавали въ Кіевскую Духовную Академію, древнѣйшій источникъ просвѣщенія всей Россіи, остававшійся постояннымъ и единственнымъ свѣтильникомъ южнаго ея края почти до послѣднихъ годовъ прошедшаго столѣтія. Большею же частію кое-чему учили дома и потомъ въ юности записывали дѣтей въ Малороссійскую службу. Раздольная жизнь была лучшимъ образованіемъ народа, мечемъ защитившаго отъ нападений Запада и неизмѣнность Православной Вѣры, и цѣлость своихъ древнерусскихъ обычаевъ. Начальное воспитаніе молодежи главнѣйшимъ образомъ состояло въ свободномъ привольи и въ ученіи закону Божію, а разказы очевидцевъ о казачьихъ подвигахъ, какъ живая изустная исторія, питали въ юношахъ горячую любовь къ родному краю. Любовь къ народу и чувство народности входили въ молодое поколѣніе не путемъ системы, не сознательнымъ невольнымъ уваженіемъ къ высотѣ значенія и духовной силѣ Русскаго человѣка; а прямымъ единствомъ быта, нетронутымъ единствомъ вѣрованій, единствомъ благоговѣнія къ заповѣднымъ обычаямъ, даже къ самымъ предрасудкамъ, какъ данн сердечнымъ увлеченіямъ народа. Сухая логическая разработка не разлагала еще тогда жизни народнои на умную, способную выдержать самый строгій разборъ мысли, и безсознательное подчиненіе себя преданіямъ старины. Тогда, лѣтъ сто тому назадъ, воспитаніе, ученіе и жизнь были неразъединенными: простота и цѣльность жизни требовали простоты воспитанія, простота воспитанія не искажала простоты жизни.

Благодаря такой простотѣ молодое поколѣніе пріобрѣтало ту крѣпость силъ, которая теперь для насъ, отдѣленныхъ отъ того времени однимъ только столѣтіемъ, кажется баснословною, а благодаря крѣпости силъ оно сохраняло и свободу ума, и самостоятельность взгляда, не охотно подчинявшихся условнымъ истинамъ и чужому образу мыслей.

Такъ вѣроятно прошла первая молодость М. П. Миклашевскаго. Сверстниковъ его по лѣтамъ теперь не осталось никого въ родномъ его околоткѣ, самъ же онъ мало говорилъ о своей юности. Я

знаю только то, что первая пятнадцать лѣтъ онъ провелъ въ дому родительскомъ, и только въ одномъ не подошелъ подъ общее правило своихъ юныхъ соотчичей, что началъ службу не въ Малороссіи, а на 16 году былъ привезенъ въ Петербургъ. Здѣсь первымъ руководителемъ его былъ генералъ-маіоръ Иванъ Ѳеодоровичъ Максимовичъ, пріятель отца его. Онъ отвезъ его въ столицу, онъ же, какъ рассказывалъ самъ покойникъ известному нашему писателю М. А. Максимовичу, записалъ его солдатомъ въ Кадетскую роту и ввелъ въ домъ общаго ихъ земляка, Князя Бозбородко. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно пользовался благорасположеніемъ и потомъ дружбою князя, съ которымъ послѣ, бывши уже 40 лѣтъ, если не больше, онъ вошелъ въ близкое родство, жениась на родной его племянницѣ Настасѣ Яковлевнѣ Бакуриной.

Годъ пріѣзда его въ Петербургъ, именно 1775, былъ первымъ годомъ его воинскаго служенія. Записанный солдатомъ въ бывшую Кадетскую роту гвардіи Измайловскаго полка, Михаилъ Павловичъ, по обычаю того времени, тогда же вступилъ и въ дѣйствительную службу.

Мало можно сказать о первыхъ годахъ его служебной дѣятельности. Изъ бумагъ и патентовъ видно, что онъ въ 1776 году пожалованъ въ капралы и что потомъ «далѣе до сержантскаго чина проходилъ всѣ унтеръ-офицерскія званія, а въ 1782 году переведенъ въ Лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, гдѣ и произведенъ въ прапорщики въ слѣдующемъ 1783 году.»

Сержантская служба его ознаменовалась исполненіемъ порученій, важныхъ по лѣтамъ и по чину. Онъ былъ три раза отправляемъ курьеромъ: 1780 года въ Копенгагенъ, 1781 въ Лондонъ и 1782 въ Парижъ. Въ чемъ именно состояли эти порученія, не видно ни откуда. Изъ рассказовъ покойника можно только заключить, что въ послѣдней потѣдкѣ онъ не былъ простымъ передателемъ депешъ и писемъ. Здѣсь, какъ пишетъ въ своемъ воспоминаніи объ немъ Н. П. Бороздна, слышавшій все отъ него самого, «онъ имѣлъ порученіе къ родителямъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которыхъ засталъ въ Монбельярѣ. Тамъ находился въ ту пору и Императоръ Іосифъ II, которому Миклашевскій былъ представленъ, удостоился особеннаго вниманія этого монарха и получилъ отъ него въ подарокъ драгоцѣнную табакерку.

Полная дѣятельность Михаила Павловича началась съ того времени, когда онъ поступилъ въ штабъ фельдмаршала, князя Потемкина, генеральскаго-адъютанта. Съ этихъ поръ онъ началъ служить подъ знаменами Суворова. Скоро Очаковское дѣло доставило ему случай поставить себя въ числѣ замѣчательно храбрыхъ воиновъ. Хотя ни изъ чего не видно, въ чемъ собственно состояло его отличие, но видно однакожь то, что онъ сражался храбро, потому что успѣлъ обратить на себя вниманіе своего начальника-героя, который не любилъ награждать даромъ. Здѣсь, по представленію Суворова, Миклашевскій произведенъ полковникомъ и назначенъ въ бывшій Стародубовскій Карабинерный полкъ, который потомъ во все время войны съ Турками постоянно находился въ передовомъ корпусѣ, подъ начальствомъ вождя, тогда начинавшего только упрочивать свою славу, не бывшаго еще ни графомъ Рымникскимъ, ни тѣмъ менѣе княземъ Италійскимъ.

Принявши полкъ, новый полковникъ храбростію своею при мѣстечкѣ Фокшанахъ, гдѣ былъ разбитъ сераскиръ-паша, оправдалъ доброе о себѣ мнѣніе знаменитаго своего военачальника. Изъ рескрипта Императрицы Екатерины, даннаго на имя Миклашевскаго, видно, что онъ «отличился въ этомъ сраженіи.» Не упомянуто, чѣмъ именно онъ отличился; впрочемъ и самая Фокшанская битва не столько была важна по самому боевому дѣлу, сколько по своимъ послѣдствіямъ. Главный подвигъ Миклашевскаго, выдвинувшій его изъ сотенъ его сверстниковъ и поставившій въ число замѣчательныхъ людей военныхъ, былъ въ той Рымникской битвѣ 11 сентября 1789 года, за которую Суворовъ получилъ достоинство графа Римской Имперіи отъ тогдашняго Римскаго Императора Иосифа, а отъ Императрицы Екатерины названіе Рымникскаго и орденъ Св. Георгія Побѣдоносца 1-й степени. Здѣсь храбрость, рѣшительность и смѣлость Стародубовскаго полковника не только принесли честь ему самому, но были минуты, когда на нихъ опиралось все дѣло и отъ нихъ зависѣлъ ходъ битвы. Очевидцы и описыватели Рымникской битвы говорятъ болѣе; по ихъ словамъ можно заключить, что врядъ ли не отъ быстроты и смѣлости Миклашевскаго зависѣла самая Рымникская побѣда. Ихъ я заставляю здѣсь разсказать о всемъ ходѣ Рымникскаго дѣла и для этого возьму описаніе его изъ довольно извѣстной въ свое время книги: *Жизнь и военныя дѣйствія Генералиссимуса Князя Италійскаго, Графа Суворова Рым-*

никскаго, изданныя Максимомъ Парпукою. (Санктпетербургъ. 1800 г.)

«Весь корпусъ нашъ состоялъ изъ 7000 человекъ и расположенъ былъ тремя линіями. Въ первой стояли два гренадерскіе отряды, каждый изъ двухъ баталіоновъ, въ ней находился и самъ Главнокомандующій. Во второй линіи были мушкатерскій малой каре, состоявшій едва изъ 500 человекъ, два баталіона Ростовскаго полка, 300 человекъ Смоленскаго полка и при томъ находилось 20 тяжелыхъ полевыхъ орудій. Третья линія состояла изъ конницы, именно: трехъ эскадроновъ Рязанскаго карабинернаго полка, подъ командою бригадира Бурнашева, трехъ эскадроновъ Черниговскаго, подъ командою полковника Поливанова, и трехъ эскадроновъ Стародубовскаго, подъ командою полковника Миклашевскаго. Два эскадрона Кейзеровыхъ и Барковыхъ гусаръ раздѣлены были по обоимъ крыламъ, на конхъ также находился казачій полкъ Грекова въ двухъ отрядахъ, въ каждомъ по 300 человекъ и по 800 Арнаутъ. Въ соединеніи съ нашимъ войскомъ были Австрійскія, состоявшія изъ 18,000 подъ начальствомъ Принца Кобургскаго.

До полдня дѣло шло съ нашей стороны весьма удачно: наши войска все подвигались впередъ и сильно тѣснили непріятеля къ рѣкѣ Рымнику, гдѣ Визирь укрѣпился со всеми своими силами за Кригуларскимъ лѣсомъ.

Около полудня дали отдыхъ. Въ часъ по полудни Русскіе начали возобновлять сраженіе; тутъ показался самъ Визирь съ многочисленною конницею и въ числѣ 40,000 человекъ напалъ со всѣхъ сторонъ на корпусъ Принца Кобургскаго. Здѣсь непріятель дѣлалъ сильныя натиски; Австрійскія войска, особенно Венгерскіе гусары, отбивались храбро; но Принцъ Кобургскій нѣсколько разъ посылалъ офицеровъ къ Суворову просить его о скорѣйшей помощи.

Едва Русскія войска двинулись къ арміи Принца Кобургскаго, тотчасъ же Турки подверглись крестообразной пальбѣ обоихъ корпусовъ и скоро, потерявъ много народу, оставили поле и въ безпорядкѣ побѣжали въ лѣсъ. Лѣвое крыло Австрійцевъ перешло къ правому краю лѣса, наши отряды построились полумѣсяцемъ и подошли къ лѣвому концу его. Изъ лѣсу производилась жестокая пальба, которая могла причинить сильный уронъ въ нашемъ войскѣ и совершенно остановить его движенія. Все дѣло зависѣло отъ завладѣнія лѣсомъ.

Въ немъ находилось больше 15,000 янычаръ, большею частію Доглачей (обнаженные сабли), и обѣ стороны лѣса были прикрыты ихъ конницею. Суворовъ, со всегдашнюю своюю быстротою, отдалъ приказъ конницѣ напасть на непріятеля чрезъ промежутки пѣхотныхъ отрядовъ. Длинная и стройная линія конницы перешла чрезъ рвы и валы, врубилась въ янычаръ и произвела между ними ужасное пораженіе. Они защищались отчаянно саблями и кинжалами и изрублены при своихъ пушкахъ, къ которымъ были какъ бы прикованы. *Миклашевскій съ карабинерами Стародубовскаго полка, также Кейзеровы и Барковы гусары, были первые, которые на всемъ бѣгу ворвались въ непріятеля (*)*. Тоже потомъ дѣлали и полки Австрійскіе, за ними ворвались въ лѣсъ и пѣхотные отряды, такъ что въ четыре часа по полудни соединенное войско овладѣло лѣсомъ и непріятель нигдѣ не могъ уже удержаться.

Жизнеописатель Суворова, имѣя единственною цѣлю передать подвиги великаго героя, оставляетъ безъ вниманія подробности и заслуги исполнителей его приказаній, но даже и въ его краткомъ и нѣсколько уже не отчетливомъ описаніи Римникскаго дѣла храбрый поступокъ Миклашевскаго не могъ не выказаться довольно выпукло. Въ рескриптѣ, данномъ Миклашевскому Императрицею Екатериною при пожалованіи его орденомъ Георгія 4 степени 1790 года, декабря 4 дня, нѣсколькими строками обозначена важность быстрого и смѣлаго дѣйствія Стародубовскаго полковника:

«Усердная ваша служба, храбрые и мужественные подвиги, которыми вы отличились въ прошломъ 1789 году въ сраженіяхъ съ непріятелемъ при Фокшаняхъ и Римникѣ, изъ коихъ въ послѣднемъ съ Стародубовскими эскадронами врубились въ Турецкій ретраншементъ и овладѣли первыми пушками, обратили на себя наше вниманіе и милость. Мы въ изъявленіе оныхъ Всемилостивѣйше пожаловали васъ въ 30 день марта 1790 года кавалеромъ военнаго нашего ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія четвертаго класса, котораго знаки и вручены вамъ отъ покойнаго Генераль-Фельдмаршала Князя Потемкина Таврическаго. Удостоверены

(*) *Жизнь и военныя дѣйствія Генералиссимуса Князя Италійскаго, Графа Суворова Римникскаго, изданныя Максимомъ Парпулою. Санктпетербургъ. 1800 г. in-8°. часть 2, стр. 107.*

Мы совершенно, что вы, получа сіе со стороны Нашей одобреніе, потщитесь продолженіемъ ревностной службы вяще удостоиться Монаршаго Нашего благоволенія.»

Орденъ Георгія 4 степени высокая награда; но подвигъ храбраго полковника былъ таковъ, что онъ справедливо могъ считать себя обиженнымъ. Ему казалось, что вознагражденіе ниже заслугъ его было явнымъ знакомъ неблаговоленія къ нему глубоко уважаемаго имъ полководца. Вспылчивый отъ природы, не любившій сносить того, что казалось ему несправедливымъ, онъ написалъ къ Суворову слѣдующее письмо:

«Ваше Высокопревосходительство!

«Читалъ я по приказанію Вашему реляцію, въ которой именно все то написано, что я нынѣ сказывалъ и что только могло уменьшить дѣло мое и славу, сопряженную съ онымъ. Теперь же поправить сего не чѣмъ; несчастное сіе для меня происшествіе приписываю я не чему другому, какъ собственному и крайнему моему несчастію, которое отнимаетъ у меня охоту дальше продолжать службу: въ такихъ обстоятельствахъ осмѣливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство приказать дать мнѣ подорожную до мѣста пребыванія Его Свѣтлости, куда я ѣхать вознамѣрился не для чего другаго, какъ просить увольненія отъ службы: понеже когда я справедливости не получилъ отъ Васъ, мужа по петиціи справедливаго и воздающаго всякому не только по достоинству его, но вяще и вяще, то какъ съ моимъ несчастіемъ надѣяться, что кто другой лучше со мною поступитъ, а потому блаженнѣе части избрать себѣ не могу, какъ отстать отъ службы, сопряженной съ смертельными неудовольствіями, которыя ничто больше, какъ сама смерть, заглаждать не въ состояніи. Простите, Ваше Высокопревосходительство, выраженія мои, болѣзнь моя столь сильна, что стерпѣть не въ состояніи, а впрочемъ прошу вѣрить, что почтеніе мое къ Вамъ неограниченно сохраняю до конца жизни моей.»

Само по себѣ это письмо обрисовываетъ открытый, благородный, можетъ быть при этомъ и нѣсколько скорый характеръ храбраго полковника; а двѣ строки написанныя на немъ рукою самого Суворова, даютъ этому лоскутку бумаги достоинство историческаго па-

мятника. Суворовъ, получа письмо, отправилъ его къ князю Безбородко и своимъ мелкимъ четкимъ почеркомъ приписалъ слѣдующія строки, которыя я передамъ здѣсь, сохраняя даже ошибки въ правописаніи:

«Вотъ, почтенный другъ! какое буйство нынѣшнихъ молодыхъ людей: Сему юноше я ничего не отвѣчалъ и холодно принялъ, судите сами меня... А. С.»

Какъ кончилась эта небольшая размолвка полковника съ своимъ вождемъ-героемъ, неизвѣстно; но судя по тому, что подлинное письмо съ собственноручною припискою Суворова находится въ бумагахъ Михаила Павловича Миклашевскаго, можно думать, что князь Безбородко уговорилъ его остаться въ службѣ.

Не вникая въ дѣла, а судя только по выраженіямъ письма и по припискѣ Суворова, точно можно думать, что одно «*буйство нынѣшнихъ молодыхъ людей*» требовало награды высшей. Но подвигъ покойнаго Миклашевскаго дѣйствительно выходилъ изъ рода обычно храбрыхъ дѣяній. Генералъ *Медемъ* въ своей тактикѣ ставилъ его между весьма немногими, удостоившимися особеннаго вниманія въ такомъ сочиненіи, какова учебная книга Тактика, гдѣ выбираются только рѣдкіе и поучительные случаи. Онъ говоритъ о подвигѣ Миклашевскаго, какъ о *примѣрѣ удачной атаки, произведенной во время разстройства или колебанія пѣхоты*. Генералъ Медемъ пользовался не тѣмъ источникомъ, изъ котораго я бралъ изображеніе хода и расположенія битвы; онъ ссылается на два сочиненія: *Smitt: Leben und Heerzuge Suworofs. 1 Theil. p. 407*; и потомъ: *Жизнь и победы Суворова. ч. III.*, и потому у него есть нѣкоторое разногласіе съ приведеннымъ мною описаніемъ. Въ переданной мною выпискѣ предводимый Миклашевскимъ полкъ раздѣляетъ славу смѣлаго нападенія съ Кейзеровыми и Барковыми гусарами, у Медема оно приписывается одному храброму полковнику Стародубовскаго полка. Вотъ собственныя слова его:

«Въ сраженіи при Рымникѣ Суворовъ, опрокинувъ атаки Турецкой конницы, приближался со всеми войсками къ Турецкому лагерю, въ коемъ находилось съ многочисленною артиллеріею 15,000 пѣхоты, готовой къ сильному отпору. Замѣтивъ, что брустверь укрѣпленія не совсемъ оконченъ и потому низокъ и отлогъ, и что отважный, неуныный всадникъ можетъ вскочить на него, Суворовъ при-

казаль всей кавалеріи выдвинуться впередъ и обратиться въ атаку на окопы. Она понеслась съ необыкновенною стремительностію, перескочила ровъ и мигомъ ворвалась чрезъ брустверь во внутрь лагера. Полковникъ Миклашевскій съ Стародубовскими конными карабинерами былъ въ немъ первый. Янычары оборонялись съ отчаяніемъ; даже Турецкіе артиллеристы, не думая о бѣгствѣ, защищали свои орудія и умирали на нихъ; но все было тщетно: въ нѣсколько минутъ Турки были изрублены или разбѣяны по лѣсу, примыкавшему къ укрѣпленію» (*).

Тотчасъ послѣ Монаршей награды за Рымникское дѣло, Михаилъ Павловичъ получилъ поздравленіе отъ трехъ государственныхъ людей того времени. Всемогушій тогдашій временщикъ, вельможа и главнокомандующій князь Потемкинъ-Таврическій писалъ къ нему:

«Милостивый Государь мой!»

«Храбрые подвиги, оказанные вами въ минувшую кампанію въ сраженіяхъ противу непріятеля при Фокшанахъ и при Рымникѣ, удостоились Монаршаго благоволенія. Ея Величество Всемилостивѣйше васъ пожаловать соизволила кавалеромъ военнаго ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія четвертыя степени, котораго знаки симъ препровождая, надѣюсь, что Вы умножите рвеніе ваше къ отличію себя новыми заслугами. Пребываю съ особливимъ почтеніемъ Вашимъ, Милостиваго Государя моего, покорнѣйшимъ слугою Князь Потемкинъ-Таврическій. Марта 30 дня, 1790 года.»

Такія письма были родъ должностнаго отношенія; все содержаніе, даже нѣкоторыя выраженія, тѣже самыя, что и въ рескриптѣ Императрицы Екатерины. Я привожу его болѣе для того, что подобные остатки тѣхъ временъ, незначительные сами по себѣ, указываютъ на тогдашнія отношенія между Главнокомандующимъ, при этомъ первымъ государственнымъ садовникомъ, и молодымъ полковникомъ арміи.

Въ концѣ того же 1790 года писалъ къ нему другъ его и родственникъ Статсъ-Секретарь, сдѣлавшійся впоследствии Министромъ

(*) Учебникъ руководства для военно-учебныхъ засѣденій. Тактика, часть 1., заключающая въ себѣ Тактику чистую. Составилъ г. П. В. Медемъ. С. Петербургъ 1857. стр. 222.

Народнаго Просвѣщенія и получившій графское достоинство, Петръ Васильевичъ Заводовскій:

«Я очень радъ, любезный Михайла Павловичъ, твоему богатырскому подвигу, съ которымъ и съ наградою за оный тебя поздравляю нещетно. Воюй всегда щастливо. Сего тебѣ желаетъ отъ всего сердца пребывающій съ почтеніемъ и усердіемъ вашимъ покорнымъ братомъ и слугою П. Заводовскій.»

Всѣхъ болѣе принималъ участія въ судьбѣ Миклашевскаго канцлеръ князь Безбородко. Онъ постоянно слѣдилъ за землякомъ, принятымъ имъ подъ покровительство. Еще при самомъ первомъ открытіи военныхъ дѣйствій, именно 1786 года, писалъ онъ ему собственноручно, какъ вообще были писаны всѣ его письма къ покойному Миклашевскому:

«Радуюсь, что ты наконецъ къ войнѣ привыкаешь. Молодому человѣку ни лучше, ни пріятнѣе упражненія быть не можетъ. Сколько я иногда сожалею, что не пріютился путемъ къ сему ремеслу, которое всегда люблю и чту отлично. Мы и сами здѣсь воюемъ, но наша война противъ вашей миниатюрна. Воюйте здорово и щастливо и спѣшите кончить все, дабы тѣмъ дать скорѣе миръ, а мнѣ открыть способъ наострять лыжи, или по нашей пословицѣ сказать: *дай Боже поги*. Сего требуетъ сохраненіе здоровья моего, изнуреннаго не столько трудомъ, который я люблю, сколько не-пріятностями другаго рода, которыя я тѣмъ терпѣливѣе переношу, что члестъ въ совѣти моей. Прощай, недосугъ. Желая о тебѣ скоро слышать, что и ты не просто только глядѣлъ на дѣла другихъ, но и самъ участвовалъ.»

Въ другомъ письмѣ отъ 1 декабря, не знаю котораго года, врядъ не того ли же 1786, или даже быть можетъ 1785, онъ тоже побуждаетъ Миклашевскаго идти на войну, какъ можно охотнѣе:

«Востри саблю, уладь мушкетъ на весну, ступай на войну; въ твоемъ мѣстѣ я бы плакалъ, если бы меня не пустили, я на все бы плюнулъ, чтобы только поглядѣть на драку. Спроси у Дмитрія Ширая, какъ Мадура, Гудовичей управитель, тому только и завидовалъ паничамъ своимъ, што цѣперъ то сабли наглядятся, когда бы была на войнѣ.»

Едва только слухъ о Рымникскомъ дѣлѣ достигъ до Петербурга, князь Безбородко въ 1789 году первый написалъ къ своему храброму другу:

«Мы считаемъ, что ты будешь съ крестомъ и съ золотою саблею, а по крайней мѣрѣ съ первымъ; и такъ дай намъ знать, когда получишь, дабы мы тому порадовались, тебѣ кантъ составили и пропѣть здѣсь могли. Окончай благополучно компанію на славу и послѣ къ намъ пріѣзжай воспользоваться плодами побѣды.»

Передавая эти отрывки изъ двойныхъ писемъ Безбородко, къ сожалѣнію, я долженъ ограничиться одними небольшими выписками, потому что все дальнѣйшее выходитъ изъ предѣловъ общественной жизни и вводитъ насъ въ личныя и частныя отношенія князя, о которыхъ онъ писалъ къ Миклашевскому, какъ къ самому близкому человѣку. Хотя вообще во всѣхъ его письмахъ нѣтъ ничего, что могло бы положить самое малѣйшее пятно на имя князя Канцлера, но память его еще такъ свѣжа и время его жизни такъ близко къ намъ, что, передавши ихъ, я переступилъ бы за права свои.

Князь Безбородко, какъ я сказалъ, успѣлъ уладить размолвку между полковникомъ и военачальникомъ: Суворовъ скоро совершенно забылъ, что былъ недоволенъ *буйствомъ молодого человека*. Вообще онъ умѣлъ цѣнить въ немъ храбраго воина и всегда особенно отличалъ его. И. П. Бороздина, слышавшій все отъ самого покойника, пишетъ въ своей некрологѣ, что великій военачальникъ «издавна любилъ его. Покойный разсказывалъ, прибавляетъ онъ, «что, еще будучи юношею, имѣлъ счастье пользоваться особенными ласками безсмертнаго полководца, который не разъ говаривалъ ему: «Милое дитя мое, помилуй Богъ! вижу, что изъ тебя будетъ путь; «въ походахъ же, послѣ обѣдни всегда отдавалъ ему свою просфору.» Но, кромѣ словъ и разсказовъ, у покойнаго Михаила Павловича остались письменныя доказательства особеннаго расположенія къ нему Суворова. Я нашелъ между бумагами его три письма Фельдмаршала. Содержаніе одного, отъ 27 января 1790 года, слѣдовательно очень скоро послѣ Рымникской битвы, относится къ какому-то частному дѣлу: въ немъ особенно замѣчательна простота отношеній между главнокомандующимъ и полковникомъ: читая его, кажется, что оно писано къ родному, а не къ подчиненному.

«Михайла Павловичъ! Одолжите меня не безъ покойте Преосвященнаго.... (*) я вѣрю, что Вамъ тесно, но лучшая ползпы

(*) Такъ нечетко написано, что невозможно разобрать, какого;—написано, кажется, Гумскаго, а вѣдь ли не Бужскаго.

прошла, Вы имѣете въ запасѣ *Ивешти* (*) (наѣѣномъ) и власть впредь поставить тамъ отдѣленіе, коли необходимо будетъ по вашему благоусмотрѣнію. Весьма благодарю за Ваше милостивое намѣреніе къ Маіору Печелскому; окончите его, онъ намъ нуженъ по пограничеству. Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.»

Другое письмо писано было 19 апрѣля, 1792 года изъ Каменгорода послѣ того, какъ Стародубскій полковникъ за дѣло при крѣпости Мачинѣ былъ награжденъ орденомъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 3-й степени. О подробностяхъ этого дѣла извѣстно только изъ рескрипта Императрицы Екатерины, даннаго на имя полковника Миклашевскаго 1792 года, марта 18. Онъ начинается слѣдующими словами:

«Усердная ваша служба, доказанная многими военными подвигами и особливо въ сраженіи при Мачинѣ и разбитіи войсками нашими, подъ командою Генерала Князя Рѣпина, многочисленной Турецкой арміи, верховнымъ Пашею Юсуфомъ предводимой, гдѣ вы не только долгъ свой исполнили съ отличнымъ рвеніемъ и храбростію, но служили примѣромъ подчиненнымъ, обращаетъ на себя наше вниманіе и милость.»

Фельдмаршалъ въ письмѣ своемъ совѣтъ не упоминаетъ о дѣлѣ при Мачинѣ, а только поздравляетъ Миклашевскаго съ полученіемъ этой Монаршей милости:

«Государь мой Михайла Павловичъ.

«Съ полученіемъ Монаршей милости ордена Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра 3 степени и новаго полку Ваше Высокоблагородіе имѣю честь поздравить. Въ прочемъ Вамъ благодаренъ не столько за письмо Ваше ко мнѣ отъ 13 ч. сего апрѣля, сколько, что какъ самый достойный человекъ вступаетесь за достойнаго, котораго обязанностью по службѣ я вѣкъ моей не забуду.

«Пребуду на всегда съ моимъ истиннымъ къ Вамъ почтеніемъ.

Государь мой

Вашего Высокоблагородія

покорный слуга

Гр. Александръ Суворовъ-Рымникскій.

(*) Названіе селенія.

По тому, сколько извѣстенъ намъ характеръ Суворова, послѣдняя половина письма могла и можетъ считаться второю наградою. Начальство надъ новымъ полкомъ, съ чѣмъ тоже поздравляетъ Суворовъ Стародубовскаго полковника въ приведенномъ мною послѣднемъ письмѣ его, по составу этого новаго полка, составляло какъ бы третью награду. Онъ составилъ особеннымъ образомъ. По заключеніи мира съ Турками, Лейбъ-кирасирскій, составленный изъ *четырехъ* полковъ въ 24 эскадрона, былъ расформированъ по Высочайшему повелѣнію, которымъ было предписано всѣ эти четыре полка, какъ разстроенные, поручить исправнѣйшимъ полковымъ командирамъ. Исполняя Высочайшее повелѣніе, главнокомандующій приказалъ Миклашевскому принять начальство надъ составившимся изъ нихъ Орденскимъ-кирасирскимъ полкомъ. Здѣсь онъ оставался до 1796 года, когда по причинѣ разстроеннаго здоровья долженъ былъ просить увольненія отъ начальства надъ полкомъ; получивъ разрѣшеніе, по распоряженію тогдашняго главнокомандующаго графа Румянцева-Задунайскаго, онъ сдалъ этотъ полкъ герцогу Рихелье. Предъ сдачею полка графъ Румянцевъ, согласившись на временное увольненіе полковника Миклашевскаго отъ службы, писалъ къ нему:

«Государь мой, Михайла Павловичъ.

«Пособствуя съ наилучшею готовностію при всякомъ случаѣ вашимъ пользамъ и желаніямъ, я васъ уволилъ до излѣченія вашихъ болѣзней и я приказалъ, чтобы вами командуемый полкъ господину герцогу Рихелье порученъ былъ. Я увѣренъ, что вы его въ наилучшемъ состояніи и съ равно взаимнымъ вашимъ и полку сожалѣніемъ оставляете, а я желаю, чтобы ваше здоровье совершенно возстановилось, и чтобы вы всѣми самомысленными благополучіями и удовольствіями всегда пользовались: чувства усердія и почтенія, съ какими я имѣю честь быть.

Вашъ покорный слуга

Г. Румянцевъ-Задунайскій.

Увѣренность военачальника, «что вы его съ равно взаимнымъ вашимъ и полку сожалѣніемъ оставляете», не было простымъ выраженіемъ обычной вѣжливости. Дѣйствительно полкъ, какъ говорится, души не слышалъ въ своемъ полковникѣ, а случай доста-

вилъ офицерамъ возможность выказать нелицемѣрную любовь свою къ начальнику тогда, когда они уже не имѣли съ нимъ никакихъ служебныхъ отношеній. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ Михаилъ Павловичъ Миклашевскій сдалъ полкъ Герцогу Ршелё, который послѣ, въ свою очередь, передалъ его покойному сановнику, столько любимому первопрестольною нашею столицею—Москвою, князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну. Миклашевскій, какъ мы увидимъ послѣ, былъ уже Малороссійскимъ губернаторомъ, когда случилось ему проѣзжать чрезъ небольшой городокъ, въ которомъ стоялъ Орденскій кирасирскій полкъ и именно въ это время былъ на полѣ, гдѣ производилось полковое ученіе. Офицеры полка, узнавъ, что ѣдетъ бывшій любимый ихъ начальникъ, воспользовались первою свободною минутой, подбѣжали къ нему, остановили его экипажъ и наперерывъ съ простотою военныхъ людей того времени старались выказать ему свою любовь и удовольствіе встрѣтить своего стараго начальника. Михаилъ Павловичъ былъ глубоко тронутъ такимъ неприготовленнымъ изъявленіемъ привязанности къ себѣ прежнихъ своихъ сослуживцевъ. Когда потомъ онъ подошелъ вмѣстѣ съ офицерами и сталъ просить за нихъ извиненія: «Мнѣ не за что обвинять ни ихъ, ни васъ, отвѣчалъ ему князь Голицынъ, я я могу только вамъ завидовать».

Вскорѣ, по принятіи начальства надъ Орденскимъ кирасирскимъ полкомъ, кажется, 1-го іюля 1795 года, Миклашевскій былъ произведенъ въ бригадиры. Суворовъ въ письмѣ своемъ къ нему, писанномъ 5 іюля того года, величаетъ уже его Высочордіемъ. Хотя это письмо точно также, какъ и одно изъ вышеприведенныхъ мнѣю, относится совершенно къ постороннему дѣлу, но я не могу не представить его здѣсь отъ слова до слова. Не говоря уже о томъ, что каждая строка великаго война дорога всякому изъ насъ, какъ воспоминаніе о человѣкѣ, предъ памятыю котораго благоговѣютъ всѣ его соотечественники, кромѣ того, въ немъ есть еще два слова, приписанныя собственною рукою графа Александра Васильевича, дорогія для покойнаго Миклашевскаго. Имъ великій военачальникъ хотѣлъ выразить особенную любовь къ нему, а любовь Суворова къ воину ручается уже за заслуги и заслуги не малыя. Вотъ все письмо его и съ припискою:

« Милостивый Государь мой Михаилъ Павловичъ.

« По случаю доставленія закупленнаго въ Волыни для корпуса Генераль-Поручика и Кавалера Лассія провіанта до семи тысячъ четвертей, Вашего Высокородія покорно прошу къ перевозкѣ оного потребное число подводъ приказать поспѣшить по апалетамъ (') собрать и оныя препроводить въ мѣстечко Корытницю къ находящемуся тамъ для покупки хлѣба съ подрядчикомъ, ротмистру Слѣпушкину, коего не оставте также всѣми нужными пособіями.

« Съ истиннымъ почтеніемъ пребуду » (здѣсь мелкимъ, убористымъ почеркомъ графа приписано: « *обнимаю васъ* »).

Милостивый Государь

Вашего Высокородія

покорный слуга

Гр. Александръ Суворовъ-Рымникскій. »

Не знаю, прежде ли полученія бригадирскаго чина, или послѣ, знаю только, что послѣ того, какъ Миклашевскій принялъ начальство надъ Орденскимъ кирасирскимъ полкомъ, стоявшимъ тогда въ Переяславѣ, онъ сдѣланъ былъ начальникомъ Казанскаго кирасирскаго полка и полка Донскихъ козаковъ, такъ что, бывъ собственно полковымъ командиромъ, онъ начальствовалъ надъ цѣлою бригадою, съ которою получилъ повелѣніе держать кордоны по всей Днѣпровской линіи отъ Кіева до Кременчуга.

Въ это время въ Польшѣ подъ начальствомъ Костюшки произошло всеобщее волненіе и вмѣстѣ съ нимъ начались мятежи въ заднѣпровскомъ краю, на который Поляки и католичество не переставали объявлять своихъ притязаній, не смотря на то, что онъ испоконъ вѣку принадлежалъ Россіи и всегда былъ населенъ народомъ Русскимъ Православнаго исповѣданія. Миклашевскій получилъ повелѣніе идти съ начальствуемымъ имъ полкомъ въ нынѣшнюю Волынскую губернію, гдѣ ему удалось отстоять весь край отъ вторженія Костюшкина отряда, посланнаго туда подъ предводительствомъ Либерацкаго. Когда же война была кончена и нѣсколько губерній были

(') Такъ въ письмѣ написано.

приняты въ подданство Россіи, тогда полковой командиръ Орденскаго кирасирскаго полка получилъ новое порученіе — привести весь Ковельскій край къ вѣрноподданнической присягѣ. По тогдашнимъ обстоятельствамъ, такое дѣло было труднѣе открытой войны и явной битвы. Для лучшаго исполненія его, фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій присоединилъ къ полкамъ, находившимся подъ начальствомъ бригадира Миклашевскаго, Екатеринославскій гренадерскій полкъ и еще полкъ козацій. Суворовъ же, возвращавшійся побѣдителемъ изъ Варшавы, поручилъ его начальству Смоленскій пѣхотный полкъ и два полка легкоконные. Со всѣмъ этимъ отдѣльнымъ корпусомъ Миклашевскій оставался въ Ковелѣ до тѣхъ поръ, пока совершенно и окончательно было исполнено имъ предписаніе—привести весь край къ вѣрноподданнической присягѣ и возстановить тѣ самые суды и тоже самое земское правленіе, которые были во времена властвованія въ тѣхъ мѣстахъ Польши. Кромѣ воинскихъ распоряженій, на него была возложена еще обязанность разрѣшать въ томъ краю всѣ дѣла до времени учрежденія тамъ губерній.

Здѣсь я припомню моимъ читателямъ, что всѣ эти порученія были возложены на Миклашевскаго въ 1795 году, и припомню для того, чтобъ объяснить всю важность и все достоинство спокойнаго ихъ исполненія. Бурное, все ниспровергающее настроеніе умовъ того времени и имя Костюшки сильно волновали и безъ того всегда готовые къ волненію, при всякомъ ничтожномъ поводѣ, умы пановъ Польскихъ. Но Миклашевскій успѣлъ исполнить порученіе безъ малѣйшаго ихъ оскорбленія: ни одна жалоба не запятнала его распоряженій, не пала ни одна жертва ни строгости мѣръ, ни подозрѣнія, ни низкаго доноса, всегда готоваго на услуги при всякихъ такого рода переворотахъ. При полной и безублочивой исполнительности, ему удалось еще приобрести полное къ себѣ благорасположеніе всѣхъ жителей того края. Последнее извѣстно мнѣ изъ однихъ разсказовъ, но дальнѣйшія извѣстія о жизни покойнаго Миклашевскаго покажутъ, что я имѣлъ право вѣрить такого рода разсказамъ. Во время пребыванія своего въ Ковельскомъ краю, Миклашевскій былъ подъ начальствомъ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго. Изъ двухъ писемъ Суворова отъ 27 октября 1796 года видно, что ему хотѣлось перейти къ своему прежнему начальнику. Одно изъ этихъ писемъ было писано къ Миклашевскому; какъ видно, оно было отвѣтнымъ:

«Весьма пріятно мнѣ раздѣлять служеніе вмѣстѣ съ Вами; но какъ перемѣщеніе изъ нѣмыхъ къ здѣшнимъ войскамъ зависитъ отъ военной коллегіи, то я прилагаю у сего мое письмо къ Его Сіятельству графу Николаю Ивановичу, въ которомъ его прошу объ ономъ. Вы же, по случаю отъѣзда Вашего въ Санктъ-Петербургъ болѣе можете имѣть въ томъ попеченія».

Другое письмо къ графу Николаю Ивановичу Салтыкову, президенту тогдашней военной коллегіи:

«Милостивый Государь мой Николай Ивановичъ!

«Господинъ бригадиръ Миклашевскій, командовавшій Орденскимъ кирасирскимъ полкомъ, который онъ нынѣ здѣль и желаетъ быть при войскахъ Высочайше мнѣ вѣреннѣхъ и какъ онъ со мною служилъ и въ прошедшую Турецкую войну, то я Ваше Сіятельство покорнѣйше прошу о таковомъ его перемѣщеніи, на что ожидая благосклоннаго отзыва, имѣю честь быть навсегда съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ и вѣрною преданностію милостивый государь мой

Вашего Сіятельства

покорный слуга

Гр. Александръ Суворовъ-Рымникскій.»

Оба эти письма нашелъ я въ подлинникахъ между бумагами покойника, слѣдовательно послѣднее не было отдано графу Салтыкову, именно по тому, что, поѣхавши въ Петербургъ, Миклашевскій рѣшился навсегда оставить военную службу. Когда именно онъ ее оставилъ, изъ бумагъ не видно, но судя по письму Суворова, не раньше ноября 1796 года; а въ началѣ января 1797, по повелѣнію Императора Павла Петровича пожалованъ онъ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, безъ малѣйшаго со стороны его искаательства, и назначенъ губернаторомъ въ Волынскую губернію. Не говоря объ управленіи ею (о чемъ впрочемъ я не имѣю и никакихъ данныхъ), я передамъ такое благородное его дѣло, котораго одного довольно для того, чтобъ объяснить, какъ онъ умѣлъ исполнять въ точности самыя трудныя приказанія и вмѣстѣ съ тѣмъ привязывать къ себѣ не только своихъ подчиненныхъ, но и весь край, вѣрнеемъ его управленію.

Передъ этимъ временемъ Греко-уніатскія церкви въ Волынской губерніи были обращены въ Православіе. Народъ съ радостію принялъ ничѣмъ не искаженную вѣру своихъ предковъ, тѣмъ болѣе, что она оставалась еще во всей свѣжести въ стариковскихъ разсказахъ и что съ припоминаніями о введеніи уніатства вспоминали о всѣхъ насиліяхъ и ужасахъ, произведенныхъ тамъ исполнителями іезуитскихъ предписаній. Народъ радовался, но Польскіе паны, смотрѣвшіе на католичество въ томъ краю, какъ на свое политическое знамя, составили заговоръ и однажды, собравшись въ числѣ двухъ сотъ семействъ, ворвались въ Православныя Церкви во время богослуженія и вывели изъ нихъ священниковъ со Святыми Дарами. Волынскій губернаторъ тотчасъ же прежде всего привелъ виновныхъ къ повиновенію, потому безъ всякой наспльственной мѣры, однимъ голосомъ здраваго ума, довелъ ихъ до сознанія крайней неблагоразумности ихъ поступка и обязалъ ихъ подпискою въ томъ, что они впредь не дерзнутъ противиться волѣ правительства и оскорблять исконное народное вѣроисповѣданіе. Одинъ изъ заговорщиковъ, — человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ дворянскомъ сословіи того края, никакъ не соглашался дать такой подписки. Онъ скорѣе рѣшался быть мученикомъ, нежели измѣнить своему фанатическому убѣжденію. Стоило только сдѣлать представленіе о такомъ происшествіи въ настоящемъ его видѣ, и виновный, какъ мятежникъ, возмутитель общественнаго спокойствія, врагъ господствующей въ странѣ Церкви, вездѣ, по всѣмъ самымъ милостивымъ законамъ, былъ бы осужденъ, какъ государственный преступникъ. Но здѣсь Миклашевскій явился истиннымъ сыномъ Православной Церкви и мудрымъ правителемъ края, умѣвшимъ отличать заблужденіе отъ преступленія намѣреннаго, увлеченіе отъ злоумышленности. Онъ призвалъ къ себѣ непреклоннаго старика: «ты старъ, сказалъ онъ ему, и вѣрно хочешь быть мученикомъ, но не будешь имъ: наша Святая Православная Церковь знаетъ однихъ мучениковъ, поборниковъ вѣры, а не возмутителей; заблудшихъ она приводитъ къ себѣ путемъ покаянія, предъ правительствомъ же будутъ отвѣчать за тебя твои дѣти». Потомъ, призвавши его сыновей, онъ велѣлъ имъ подписаться на общемъ обязательствѣ виновныхъ, какъ за себя, такъ и за отца. Зная хорошо нравъ старика, онъ видѣлъ, что поступокъ его надобно отнести съ одной стороны къ легкомыслію и *завяз-тости*, какъ говорятъ въ Малороссіи, пана, съ другой къ его

изувѣрству,—заблужденію такого рода, которое истребляется скорѣе пощадою, нежели строгостію. Фанатизмъ отца онъ оковалъ любовію къ дѣтямъ, и самое дѣло оставилъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Спокойствіе Церкви было возстановлено безъ кровавой жертвы, и Христіански понятое правосудіе заградило уста и ропоту, и даже клеветѣ, а ропотъ и клевета часто принимаютъ видъ заглушаемой истины, особенно когда пролитая кровь или долгія, тяжкія страданія заблудшаго преступника прокладываютъ путь къ состраданію и невольно заставляютъ сочувствовать самому заблужденію.

Миклашевскій оставался на Волыни не съ большимъ годъ; въ 1798 году Императору угодно было Высочайше повелѣть быть ему губернаторомъ тогдашней Малороссійской губерніи. Въ томъ же 1798 году онъ награжденъ орденомъ Св. Анны 1-й степени и потомъ въ 1800 отставленъ отъ службы. Последнее, то есть, непростенная и нежданная отставка вовсе не согласовалась со всею его предшествовавшею службою, еще меньше со всѣмъ тѣмъ, о чемъ можно заключить изъ переписки его съ государственными лицами того времени, и наконецъ она рѣшительно противорѣчила тому, что онъ въ слѣдующемъ же году пожалованъ въ Тайные Совѣтники и получилъ Высочайшее повелѣніе управлять всѣмъ Новороссійскимъ краемъ. Видя такое разногласіе, я ничѣмъ не могъ себѣ объяснить его, кромѣ вражды къ нему нѣкоторыхъ сильныхъ и случайныхъ лицъ, особенно въ тѣ годы, когда общеевропейскія безпокойства и многія внутреннія перемѣны въ нашемъ отечествѣ невольно наводили часто ничѣмъ не заслуженное подозрѣніе на людей достойныхъ и истинно доблестныхъ. Въ немногихъ письмахъ того года, найденныхъ мною въ бумагахъ покойника, нѣтъ ничего такого, что относилось бы къ его службѣ; есть одно только отъ князя Волконскаго (кто былъ этотъ князь Волконскій и какое онъ занималъ мѣсто, я не знаю), въ которомъ онъ между прочимъ пишетъ:

«По дружескому Вашему на меня возложенію, я съ удовольствіемъ и пріятностію посѣщаю Васъ, Милостивый Государь мой, уведомить, что господа сенаторы васъ ревизовавшіе отнесли въ Сенату о ввѣренной Вамъ Губерніи съ наилучшею похвалою и приписываютъ найденную въ присутственныхъ мѣстахъ должную неправность и порядокъ изболѣе Вашего Превосходительства попеченію, чѣмъ весьма

я радуюсь и желаю, чтобы и навсѣгда подобно достоинства Ваши ознаменованы были со Всемилостивѣйшимъ благоволеніемъ Монарха!»

Между другими письмами есть много отъ Трошинскаго, бывшаго послѣ министромъ юстиціи и удѣловъ, графа Моркова, послѣ посланника въ Парижѣ, Аракчеева, тогда еще барона, Виктора Павловича Кочубея, впоследствии сдѣлавшагося министромъ внутреннихъ дѣлъ, и еще послѣ канцлеромъ и княземъ, и другихъ; но всѣ онѣ относятся къ частностямъ, не имѣющимъ никакого указанія на службу Миклашевскаго. Всѣхъ замѣчательнѣе одно письмо отъ Неплюева, полученное Миклашевскимъ весьма не задолго до отставки отъ должности Малороссійскаго губернатора. Оно писано въ концѣ 1799 года, слѣдовательно не болѣе, какъ за мѣсяцъ до отставленія его отъ службы. Содержаніе его довольно оправдываетъ мое объясненіе, что много способствовали къ полученію непрощенной отставки сильные люди того времени. Ни изъ разсказовъ, ни изъ припоминаній людей, хорошо знавшихъ покойнаго М. П. Миклашевскаго, не видно, въ какихъ отношеніяхъ былъ онъ съ Неплюевымъ; посему остается заключить объ нихъ изъ того, что видно въ самомъ письмѣ:

«Милостивый Государь мой Михаилъ Павловичъ.

«Государь Императоръ, выслушавъ послѣднее полученное донесеніе Вашего Превосходительства, Высочайше повелѣтъ мнѣ изволилъ написать Вашему Превосходительству, дабы Вы Милостивый Государь мой впредь въ донесеніяхъ вашихъ не употребляли такихъ словъ, кои смыслу въ Россійскомъ языкѣ несвойственны, а введены въ употребленіе незнающими онаго и почитающими за похвальное утѣшваніе то, что никакого смысла не имѣетъ, какъ на примѣръ въ донесеніи Вашего Превосходительства употреблено слово *пособіе*; и сему подобныхъ: *обозрѣть, преслѣдовать, выполнить, протеченіе, подѣ стражу* и проч.»

Правда, что прежде писали сикурсъ, ревизовать, подѣ арестъ и пр., но кому случалось читать письма Императора Павла Петровича, тотъ знаетъ, что немногіе такъ хорошо умѣли писать по Русски. Языкъ его чистъ и ясенъ, выраженія коротки и опредѣлительны; иностранныя слова встрѣчаются только въ крайнемъ случаѣ, когда входятъ названія предметовъ, заимствованныхъ отъ иностранцевъ. Къ тому же стоить только прочесть «Записки Порошина»,

чтобъ видѣть, какъ усердно и прилежно учился тогда еще юный Великій Князь Павелъ Петровичъ родному своему языку Русскому. Наконецъ, если мало этихъ доказательствъ, можно представить общезвѣстные свидѣтельства: рескрипты, указы и манифесты того времени. Въ нихъ языкъ гораздо чище, нежели въ годахъ XVIII вѣка, предшествовавшихъ царствованію Павла Петровича.

Прямымъ и непосредственнымъ поводомъ къ отставленію Миклашевскаго были два дѣла. Онѣ изложены со всею подробностію въ жалобѣ отставнаго Малороссійскаго губернатора Императору Павлу Петровичу и потомъ вслѣдъ за нею въ другой, поданной на имя только что вступившаго на престолъ Императора Александра Павловича. Передавъ въ ней въ нѣсколькихъ словахъ всю прежнюю службу, М. П. Миклашевскій пишетъ:

«Наконецъ, за всѣмъ симъ, по докладу бывшаго Генераль-Прокурора Оболянина отставленъ я прошлаго 1800 года, за слабое смотръніе моей должности, которое представилъ онъ найденнымъ 3-мъ Сената Департаментомъ, по дѣлу о смертномъ убіиствѣ порутчикомъ Овѣенкомъ товарища своего порутчика Рогермана: въ томъ, что изъ подсудимыхъ два человѣка ушли изъ тюрьмы въ повѣтовомъ городѣ, болѣе 200 верстъ отъ губернскаго города и отъ моего пребыванія отстоящемъ, утаивъ ту справедливость, что оные подсудимые до побѣгу не допущены, а въ тотъ же день изловлены и доведены до слѣдующаго за преступленіе ихъ наказанія, подвергнувъ такимъ образомъ меня глѣву Монаршему».

Оставя все постороннее, я прямо перейду къ излагаемому имъ второму дѣлу:

«Одному крестьянину два Еврея выдали 25-рублевую фальшивую ассигнацію за купленную у него лошадь, которую ассигнацію будто они Евреи получили отъ неизвѣстныхъ великороссійской породы людей, но какъ та ассигнація была слишкомъ явна въ подложности своей будучи рукописная, имѣя вмѣсто вытисненныхъ, разведенною краскою изображенія, что знающему россійскую грамоту, какову оба тѣ Еврея умѣютъ, невозможно было ее никакъ не узнать. То оные Евреи по состоянію своему сумнительные и не сдѣлавшіе по закону чистаго отвода, долгимъ держаніемъ у себя и выдачею простолюдямъ, обличились въ воровствѣ-обманѣ виновными, и потому присуждены Генеральнымъ Судомъ къ положенію за то по законамъ наказанію плетью и ссылкой на поселеніе. За каковое рѣшеніе и

мое утверждение положилъ Правительствующій Сенатъ на тотъ судъ и на меня штрафа 500 рублей въ казну, 500 же рублей Евреямъ за претерпѣніе и сверхъ того велѣлъ за ними послать нарочнаго на мой щетъ и Генеральнаго Суда членовъ, подписавшихъ то рѣшеніе, приводя всему тому узаконеніи, повелѣвающіе лучше десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго истязать. Но я увѣренъ будучи по совѣсти и по самымъ обстоятельствамъ дѣла въ своей невинности, чувствую единое отягощеніе судьбы моей и гоненіе бывшаго Генераль-Прокурора.»

Въ отвѣтъ на просьбу Миклашевскаго Государь Императоръ Александръ Павловичъ указомъ Сенату объявилъ его невинноватымъ и потомъ въ самомъ непродолжительномъ времени, 2-го мая того же года, пожаловалъ его чиномъ Тайнаго Совѣтника и ввѣрилъ ему управленіе всѣмъ Новороссійскимъ краемъ. Прошло не больше, какъ нѣсколько мѣсяцевъ, и 10 декабря того же 1801 года Новороссійскій губернаторъ за распоряженія свои, именно «за возвышеніе втроо, на торгахъ произведенныхъ подъ его предсѣдательствомъ, цѣны виннаго откупа и пошлиннаго збора» пожалованъ брилліантовыми знаками ордена Св. Анны 4-й степени. Край, ввѣренный управленію Миклашевскаго, былъ обширенъ и мало населенъ, гражданское устройство было въ немъ ново и въ добавокъ ко всему онъ пограниченъ съ Турецкими владѣніями. Управлять тамъ не значило только поддерживать старый порядокъ, его тамъ не было и въ поминѣ, надобно было безпрестанно входить съ новыми предположеніями. Тутъ новому губернатору удалось ввести много такого, что потомъ вошло въ начала управленія и положило основаніе мѣстныхъ законовъ и постановленій относительно всей обширной полосы Новороссійской. Первымъ изъ такихъ нововведеній было новое устройство карантинновъ. Самыхъ проектовъ не осталось въ бумагахъ покойника, но изъ рескрипта Государя Императора Александра Павловича, писаннаго 29 апрѣля 1802 года, видно, что М. П. Миклашевскій подавалъ ихъ нѣсколько. Въ рескриптѣ сначала подробно рассмотрѣнъ одинъ изъ нихъ; онъ не былъ согласенъ съ общими видами правительства на южную нашу торговлю, а потому и не принять. Послѣ рассмотрѣнія его слѣдуетъ:

«Прочія же распоряженія ваши утверждаю во всей ихъ силѣ, предоставляя вамъ потребныя на приведеніе всего въ дѣйствіе

издержки употребить изъ суммъ, вообще на карантинны собираемыхъ. Что касается до предположеній вашихъ на будущее время и до мнѣнія вашего относительно карантинновъ и коммерціи на Кубани, то поручилъ Я разсмотрѣніе всего этого комитету, занимающемуся устройствомъ Новороссійской губерніи, по окончаніи чего получите вы особыя по сей части предписанія. О снабдѣніи же карантинновъ по представленію вашему палатамъ далъ Я надлежащія повелѣнія. Въ протчемъ за отличное усердіе къ службѣ, рвеніе и попечительность объ общемъ благѣ, вами при семъ случаѣ оказанныя, изъявляю Я вамъ совершенное Мос благоволеніе и въ знакъ Мосей признательности повелѣлъ Я всѣхъ одобряемыхъ вами чиновниковъ наградить слѣдующими чинами. Пребываю навсегда вамъ благосклонный Александръ.»

Отъ многихъ изъ близко знавшихъ покойнаго М. П. Миклашевскаго случалось мнѣ слышать, что онъ всегда съ восхищеніемъ вспоминалъ милостивое вниманіе къ нему Государя, который въ воздаяніе за его труды наградилъ его, по его словамъ, лучшею наградою: повысилъ чинамп всѣхъ одобренныхъ имъ чиновниковъ. Въ бумагахъ покойника пашлось еще нѣсколько рескриптовъ, полученныхъ имъ во время Новороссійскаго губернаторства. Всѣ они свидѣлствуютъ о его умной распорядительности въ управленіи и постоянной истинно неусыпной дѣятельности, но дѣла, за которыя получаемы были такіа изъясненія Монаршей благосклонности, входили въ обычный ходъ распоряженія по губерніи. Два изъ нихъ вышли изъ общаго порядка, и тутъ представился М. П. Миклашевскому случай явить себя человѣкомъ, истинно преданнымъ добру, державшимся не мертвой буквы закона, но понимавшимъ живую любовь законодателей къ вѣренному имъ народу. Первымъ изъ этихъ дѣлъ было водвореніе въ Новороссійскомъ краю Болгаръ и Грековъ, прибывшихъ въ Одессу. Не имѣвши никакого позволенія, онъ не остановился на томъ, есть ли въ собраніи законовъ, или въ наставленіи начальникамъ губерній, правило давать пристаище безпріютнымъ, съ полнымъ участіемъ къ судьбѣ гонимыхъ единовѣрцевъ принялъ ихъ подъ свое покровительство и своею любовью предупредилъ движеніе сердца Царя Благословеннаго.

Все это дѣло передано въ полномъ собраніи законовъ (*) въ именномъ указѣ, данномъ (23 окт. 1801 года) экспедиціи Госу-

(*) Полное собраніе законовъ т. XXVI. стр. № 20035.

дарственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства, о водвореніи прибывшихъ въ Одессу Болгаръ и Грековъ, и въ другомъ, присланномъ Новороссійскому гражданскому губернатору. Первый указъ относится собственно къ правительственнымъ распоряженіямъ, во второмъ выставленъ самый поступокъ Миклашевскаго:

«Разсмотрѣвъ рапортъ отъ 3 числа сего мѣсяца о прибывшихъ въ Одессу на купеческомъ суднѣ изъ Румелии Болгарахъ и Грекахъ съ ихъ священникомъ, 19 семействъ составляющихъ, обою пола 148 душъ, ищущихъ спасенія отъ бѣдствій, постигшихъ страну ихъ разореніемъ и истребленіемъ, которыя причиняютъ тамъ разбойники, Я апробую мѣры, вами принятые, о призрѣніи и пропитаніи сихъ единовѣрныхъ намъ выходцевъ, такъ какъ и мнѣніе ваше о ихъ прочномъ водвореніи; на каковыи конецъ и дано надлежащее повелѣніе экспедиціи Государственного хозяйства. Что же касается до оставшихся въ Адрианопольской округѣ Болгаръ и Грековъ, подобнымъ несчастіемъ гонимыхъ и у насъ защиты и покровительства ищущихъ, ихъ отнюдь не вызывать и съ ними никакого сношенія и переписки не дѣлать; а ежели кто изъ нихъ сами собою безъ всякаго сношенія и съ нашей стороны побужденія перейдутъ въ границы наши, таковыхъ принимать, на такомъ же основаніи, какъ поступлено и съ вышеозначенными выходцами».

Въ рапортѣ, о которомъ здѣсь упоминается, Новороссійскій губернаторъ излагаетъ всѣ подробности прибытія несчастныхъ и предлагаетъ объявить покровительство и другимъ, «которымъ, ежели подать способы для спасенія, то можно набрать ихъ около 7000 душъ».

Другое дѣло М. П. Миклашевскаго было совершенно иного рода. Въ концѣ 1802 года онъ получилъ именныи указъ «о переселеніи обитающихъ въ Новороссійской и Слободско-Украинской губерніяхъ духоборцевъ на поля, лежащія въ Мариупольскомъ уѣздѣ, по теченію рѣки Молочной». (*) Въ немъ послѣ согласія Императора на просьбу духоборцевъ «о соединеніи ихъ въ одно мѣсто и водворенія сколько можно отдѣльно отъ прочихъ», предоставлялись имъ огромныя выгоды, именно:

«Что на каждую переселившуюся душу назначено будетъ по 15 десятинъ земли.

(*) Полное собраніе законовъ т. XXVII. № 20123.

«На пять лѣтъ, считая съ текущаго нынѣ года, освобождаются они отъ всѣхъ государственныхъ податей.

«При самомъ переселеніи на подъемъ выдано имъ будетъ изъ казны по 100 рублей на каждое семейство заимообразно.

«Въ возвратъ денегъ сихъ въ казну десять лѣтъ льготы, считая со времени ихъ водворенія.

«По истеченіи сихъ льготныхъ лѣтъ, взысканіе съ нихъ сей суммы расположится на 20 лѣтъ, такъ что каждый годъ каждое семейство не болѣе 5 рублей уплачивать будетъ.

«Изяснивъ имъ всѣ сіи даруемыя выгоды, назначить нужное число надежныхъ чиновниковъ, которые бы, отправясь на предопредѣленное духоворцамъ урочище, вмѣстѣ съ довѣренными отъ нихъ людьми обозрѣли его, назначили на немъ по удобности и прочимъ выгодамъ мѣста для заселенія, сняли планъ».

Трудно было придумать что-либо милостивѣе такого указа. Источникъ его прекрасенъ; онъ лежитъ въ основѣ нашей Церкви—любви и прямо въ ея слѣдствіи,—терпимости. Стойкая неизбѣлосію своихъ истинъ, не могущая представить себѣ никакихъ потрясеній, наша Православная Церковь всегда спокойно смотрѣла на временныя заблужденія людей, какъ на слабость человеческой природы, и дѣйствовала противъ нихъ не гоненіемъ, не пострами, но святостію своего ученія. Такую всегдашнюю терпимость внесла она и въ основныя правила того народа, которому Провидѣніе назначило быть ея вѣрнымъ поборникомъ, такъ что онъ, ею руководимый, самый расколъ не гналъ насиліемъ, а предоставлялъ обращеніе заблудшихъ духовной силѣ самой Церкви, съ своей же стороны старался только оградить людей, мало просвѣщенныхъ въ вѣрѣ и ея ученіи, отъ лжеумудствующихъ и отъ прельщенія злонамѣренныхъ обольстителей. Все это прекрасно и истинно, но дѣло въ томъ, что Новороссійскій край былъ тогда точно еще новъ для Россіи, и отъ этого случалось, что тамъ, откуда посылались всѣ распоряженія, въ Петербургѣ, на краю обширѣйшаго изъ государствъ, мало были извѣстны мѣстныя потребности отдаленной страны. Тѣ расторгенія о духоворцахъ, которыя на бумагѣ казались хороши и благонамѣренны, на мѣстѣ давали все превосходство послѣдователямъ одного изъ самыхъ противуправославныхъ заблужденій предъ людьми, строго держащимися Православія. При бѣдности жителей страны, тогда еще очень

мало населенной, при склонности къ лѣтнимъ всѣмъ обитателей южныхъ климатовъ, льготы и выгоды, даваемые духоборцамъ, могли обольстить многихъ, не принадлежащихъ къ ихъ немногочисленной братіи; отдѣльность отъ другихъ могла еще болѣе способствовать къ усиленію ихъ заблужденія. При этомъ я замѣчу еще и то, что самое духоборческое заблужденіе находитъ опору не въ застарѣлости понятій, не въ непреклонной привычкѣ уважать тѣ или другіе обряды, хранимые отцами и дѣдами; оно прямой врагъ вѣрованію вообще. Придавая видъ умнаго и разсудительнаго тому, что въ сущности только лишь холодно и безчувственно, духоборцы вредятъ человѣку не тѣмъ, что навязываютъ на него тѣ или другія понятія, но тѣмъ, что не допускаютъ его природы до полноты развитія. Обращаясь къ одному разсудку и совершенно отвергая въ вѣрѣ присутствіе благодати, не признавая въ потребности вѣрованія неотъемлемой части человѣческаго быта, они легко обольщаютъ людей, холодныхъ отъ природы или охладѣвшихъ ко всему отъ обстоятельствъ. Разъ обольстивши, они собственнымъ своимъ ученіемъ и тѣсно соединенными съ нимъ правилами жизни до того уничтожаютъ развитіе теплоты чувства, что въ конецъ искажаютъ природу человѣка; такъ что чѣмъ далѣе онъ подчиняется обольщенію, тѣмъ болѣе затмѣвается гордостію ума, который все желалъ бы найти въ однѣхъ собственныхъ своихъ силахъ и который не терпитъ прибѣжища ни къ Божіей помощи, ни къ путямъ, указаннымъ намъ Соборными постановленіями.

Миклашевскій зналъ край не по слуху, хорошо былъ знакомъ съ духомъ народа, съ склонностями и слабостями его природы и, что всего главнѣе, онъ съ дѣтства до послѣднихъ дней своей преклонной старости былъ крѣпко привязанъ къ Церкви и къ Православному ученію. Получивъ указъ, онъ сообразилъ всѣ его послѣдствія и рѣшился на смѣлый поступокъ: не приводя въ исполненіе указа, онъ представилъ Императору все, какъ зналъ и видѣлъ на мѣстѣ, и донесъ при этомъ, что скорѣе онъ осмѣлился остановить исполненіе воли Монаршей, нежели исполненіемъ ея, вопреки всѣмъ соображеніямъ и своему крайнему убѣжденію, навлечъ на себя справедливый гнѣвъ Царскій. Много ли укажемъ мы людей, преданныхъ отечеству, преданныхъ Царю, и способныхъ на такой подвигъ? Государь уважилъ его представленіе, и духоборцы не были приглашены на поселеніе въ Мариупольскомъ уѣздѣ.

Въ 1803 году, передъ самымъ раздѣленіемъ Новороссійской губерніи на три, Миклашевскій въ воздаяніе ревностной службы былъ награжденъ орденомъ Св. Равноапостольнаго Князя Владимира 2-й степени, большого креста; по раздѣленіи же края, его назначили Екатеринославскимъ губернаторомъ. Здѣсь онъ оставался весьма недолго: растроенное здоровье заставило его въ скоромъ времени просить совершеннаго увольненія отъ службы; но Государю Императору угодно было уволить его только отъ должности гражданскаго губернатора, впредь до опредѣленія къ другимъ дѣламъ. Не смотря на короткое время управленія Екатеринославскою губерніею, Миклашевскій оставилъ тамъ по себѣ добрую память. Между бумагами его я нашелъ два письма, относящіеся къ тому времени. Въ одномъ изъ нихъ его благодарятъ отъ имени дворянъ и обывателей цѣлаго уѣзда, не видно, за что именно, просто, какъ сказано въ письмѣ: «за челоуѣколюбивое ваше и отеческое вниманіе о нуждахъ здѣшняго уѣзда обывателей всѣхъ и за труды, съ Божіею помощію предпріятыя, и неусыпающее попеченіе о дарованіи щедротами Всемилостивѣйшаго Государя Императора льготъ здѣшнему уѣзду». Другое письмо писано уже въ 1810 году, когда онъ не имѣлъ никакого отношенія къ Екатеринославской губерніи, а потому чувства, выраженные въ письмѣ, не могли быть вызваны ни страхомъ, ни лестію. Оно писано отъ цѣлаго общества Нахичеванскихъ Армянъ и подписано 13-ю представителями общества. Содержаніе его незначительно, но для оцѣнки дѣйствій М. П. Миклашевскаго замѣчательны первыя строки:

«Имѣвъ щастіе состоять подъ особеннымъ Вашего Высокопревосходительства начальствомъ и управленіемъ, во время бытности Вашей въ Екатеринославской губерніи губернаторомъ, и содержа въ незабвенной памяти великія Ваши къ намъ благотворенія, почитаемъ въ особѣ Вашего Высокопревосходительства всегдашняго нашего покровителя и справедливаго о судьбѣ и благосостояніи нашемъ попечителя».

Неоспоримо, что награды и благоволеніе Царя больше, нежели что-либо другое, доказываютъ вѣрность службы; но кому изъ насъ не случалось встрѣчать и, къ несчастію, весьма часто, что служба ограничивается холоднымъ, если не хуже, исполненіемъ обязанностей и что служебная ревность, блестящая извнѣ, свѣтлая и яркая издали, бывала и бываетъ тяжела для подчиненныхъ, особенно управляемыхъ.

Вотъ почему добровольную, ничѣмъ невынужденную олагодарность частныхъ людей, тѣмъ же болѣе, цѣлыхъ обществъ и сословій, я считаю лучшимъ дополненіемъ къ наградамъ служебнымъ. Она возвышаетъ и оживляетъ признательность за должностную дѣятельность, служебное достоинство чиновника возводитъ на степень высокаго достоинства человѣка и открываетъ въ служащемъ не просто честнаго и безукоризненнаго исполнителя, но истиннаго сына отечества.

Одни, представленные мною отрывки изъ двухъ писемъ могли бы быть такими опорами, на которыхъ я имѣлъ бы полное право основать и потомъ защищать то, что точно Миклашевскій былъ сильно любимъ управляемою имъ губерніею; но скоро общественное дѣло и единодушный голосъ всего Екатеринославскаго дворянства неоспоримо доказалъ общую въ нему любовь, глубокое уваженіе и полное довѣріе къ его доблестямъ. Между тѣмъ какъ отставный Екатеринославскій губернаторъ жилъ въ удаленіи отъ служебныхъ трудовъ, настало трудное для Россіи время: война съ Турціею была во всемъ разгарѣ и ходъ дѣлъ въ Западной Европѣ предвѣщалъ еще рядъ войнъ, далеко труднѣйшихъ. Правильнаго войска не доставало для защиты отечества, надлежало прибѣгнуть ко временному ополченію. Въ 1806 году оно объявлено во всѣхъ странахъ нашего обширнаго отечества, а въ 1807 сошлись уже и послѣдніе запоздалые строи ратниковъ. Начальники ополченій были выбираемы самими дворянами. Екатеринославское дворянство единодушно избрало бывшаго предъ тѣмъ, съ небольшимъ за три года, начальникомъ пхъ губерніи, и М. П. Миклашевскій въ селѣ своемъ Пануровкѣ получилъ вдругъ два письма отъ Штерича, тогдашняго Екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства. Одно изъ нихъ было служебное; вотъ оно:

«Дворянство Екатеринославской губерніи, чтя въ особѣ Вашей добраго и благосклоннаго начальника и тогда еще, когда оно имѣло честь быть подъ управленіемъ Вашего Превосходительства, нынѣ, получа Высочайшій Его Императорскаго Величества манифестъ о составленіи земской милиціи для ополченія противу врага Европы, бывъ въ сей день въ собраніи всего благороднаго сословія, почло за пріятнѣйшій долгъ избрать Ваше Превосходительство *единогласно* губернскимъ начальникомъ сей милиціи, въ 8000 состояться имѣющей».

Другое его письмо частное (8 янв. 1807 года) было еще лестнѣе для М. П. Миклашевскаго.

«Вотъ батюшка Михаилъ Павловичъ! вы изволили на меня пенять: что во время управленія Вашимъ Превосходительствомъ сею губерніею я вмѣстѣ съ вами не служилъ. Вамъ извѣстны были тогдашнія мои обстоятельства невозможности. Тѣмъ леейте для меня теперь, что подѣ предсѣдательствомъ моимъ Екатеринославское благородное сословіе избрало васъ единогласно въ губернскіе начальники земскаго войска. Оно тѣмъ изъявило свою благодарность за попечительное Ваше управленіе симъ краемъ и сколько въ сердцахъ всѣхъ и каждого запечатлѣно совершенное почтеніе и преданность! Мнѣ же поручило изъяснить оныя предѣ Вашимъ Превосходительствомъ, потому болѣе, что я и самъ преисполненъ душевнаго къ особѣ Вашей почтенія и приверженности. Увѣренъ при томъ, что Ваше Превосходительство не откажете толь усердной просьбы благороднаго общества и удостоите насъ скорымъ Вашимъ прибытіемъ».

Послѣ прииска: «Пишу сіе въ собраніи дворянства, которое мнѣ *всѣми голосами* подтвердило убѣдительнѣе просить Васъ, ежели дѣйствительно справедливъ слухъ, что Вы избраны таковымъ же начальникомъ Черниговской губерніи, и конечно она по большинству своему преимущественна: но воспламененныя довѣріемъ и любовію сердца Екатеринославцевъ оставляютъ себѣ преимущество. Въ самое время, когда къ Вамъ пишу, получено мною изъ Петербурга вѣрное извѣстіе о побѣдахъ, почтеннѣйшимъ нашимъ Фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ надъ врагами одержанныхъ. Съ нами Богъ! слава Ему и благодареніе! Честь имѣемъ поздравить Ваше Превосходительство, яко достойнѣйшаго и почтеннѣйшаго нашего военачальника, съ симъ радостнымъ началомъ храбрыхъ нашихъ ратниковъ».

М. П. Миклашевскій не только что согласился принять предлагаемое ему начальство надъ Екатеринославою дружиною, но сверхъ того (что видно изъ писемъ къ нему фельдмаршала князя Прозоровскаго отъ 17 февр. 1807 года) онъ взялъ «собственно на себя, какъ содержаніе канцеляріи, такъ и производство жалованья служителямъ».

Старый пріятель его, графъ Петръ Васильевичъ Заводовскій, и здѣсь, какъ послѣ Рымникской битвы, первый поздравилъ его съ вступленіемъ на старое, издавна знакомое ему военное поприще: «Миллионнымъ кругомъ» писалъ онъ ему «править та судьбина,

что хотящаго ведеть, не хотящаго тащить. Ратовать не новое дѣло для васъ. Желая, да возгремятъ ваши подвиги, поспѣвая и прободая луны оружіемъ нашихъ предковъ.»

Только что Екатеринославское ополченіе собралось и поступило подъ предводительство фельдмаршала князя Прозоровскаго, онъ присоединилъ подъ начальство Миклашевскаго два батальона Полтавскихъ ратниковъ и отправилъ ихъ для содержанія стражи въ Крымъ и на Кубань. Исполненіемъ этого порученія и кончился собственно всѣ военныя дѣйствія ввѣреннаго М. П. Миклашевскому войска. Главпокомандующій, фельдмаршалъ князь Прозоровскій, поручилъ ему потомъ, по возвращеніи изъ Крыма, всѣхъ ратниковъ распределить по способностямъ ихъ въ различные конные и пѣхотные полки, предоставляя при томъ все его собственному благоусмотрѣнію. Слѣдующее письмо фельдмаршала, писанное 14 октября, 1807 года, изъ «благополучнаго города Букареста», показываетъ, какъ въ короткое время Миклашевскій умѣлъ заставить уважать себя и высоко цѣнить свои достоинства:

«Содержаніе сего письма должно удостовѣрить васъ. Милостивый Государь мой, какъ въ совершенной справедливости, которую я отдаю достоинствамъ вашимъ, такъ и въ дружескомъ моемъ къ вамъ расположеніи. Извѣстно Вашему Превосходительству, что Тайный Совѣтникъ Лашкаревъ, по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, назначенъ между прочимъ и предсѣдательствующимъ въ Диванахъ княжествъ Молдавскаго и Валахскаго. Многія обстоятельства, по ввѣреннымъ ему частямъ, подали мнѣ больше, нежели достаточныя причины быть имъ недовольнымъ, о чемъ и донесъ я уже Его Императорскому Величеству. Зная патріотическое усердіе ваше къ службѣ Государя Императора и готовность вашу жертвовать трудами вашими на пользу отечества, когда оно воззываетъ къ тому вѣрныхъ сыновъ своихъ, и сверхъ того увѣренъ будучи въ дружескомъ вашемъ ко мнѣ расположеніи, и надѣясь потому, что вы не откажетесь служить со мною и быть моимъ сотрудникомъ, я посылаю къ вамъ нарочнаго, прося васъ убѣдительнѣе чрезъ него же и увѣдомить меня, согласны ли вы будете принять на себя упомянутую должность; въ какомъ случаѣ не премину я тотчасъ представить о томъ Государю Императору. Должность сія не попрепятствуетъ вамъ переехать въ Яссы, гдѣ главнѣйшее ваше пребываніе будетъ, со всѣмъ вашимъ семействомъ и имѣть тамъ всѣ выгоды къ спо-

койной жизни потребности. Кромѣ пользы службы, которая отъ принятія вами на себя той обязанности протекать долженствуетъ, вы согласіемъ на мое предложеніе и лично меня чувствительно обяжете.»

По окончаніи порученія, возложеннаго на М. П. Миклашевскаго, какъ на начальника Екатеринославскаго ополченія, онъ получилъ двѣ награды: золотую табатерку съ вензелемъ имени Его Величества, украшенную дорогими камнями и потомъ, во уваженіе его службы, данъ былъ старшему его сыну Александру, не имѣвшему тогда еще 10 лѣтъ отъ роду, брилліантовый перстень. Фельдмаршалъ же князь Прозоровскій съ своей стороны далъ ему аттестатъ. Я приведу его здѣсь вполнѣ, какъ лучшее указаніе того, какъ и чѣмъ умѣлъ М. П. Миклашевскій снискать въ одно и тоже время и уваженіе восначальника, и любовь подчиненныхъ: «Аттестатъ Губернскому Начальнику Екатеринославской подвижной милиціи, Господину Тайному Совѣтнику и Кавалеру Михаилу Павловичу Миклашевскому въ томъ, что онъ, будучи на основаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества Манифеста, въ 30 день ноября 1806 года состоявшагося, выбранъ дворянствомъ Екатеринославской губерніи командующимъ земскимъ войскомъ, изъ оной назначеннымъ, тогда же съ совершенною готовностію вступилъ въ отправленіе возложенной на него должности на собственномъ отчетѣ, не требуя отъ казны жалованья. Неутомимымъ рвеніемъ, трудами, расторопностію и дѣятельностію довелъ милицію въ самой скорости до наилучшаго образованія и выученія, такъ что она съ большею пользою могла бы быть употреблена и противъ непріятеля. Милиція сія съ опредѣленнымъ отъ меня изъ Полтавской милиціи отрядомъ, содержащимъ до 2000 человекъ, находилась подъ начальствомъ Господина Миклашевскаго въ Крыму и на Таманѣ на службѣ, попеченіемъ его всевозможно сбережена и изъ 6000 человекъ, подъ командою его бывшихъ, во все время существованія земскаго войска, продолжавшагося болѣе году, умерло и бѣжало не болѣе 300 человекъ; въ расходахъ казенныхъ денегъ соблюдена была возможная умѣренность и безъ крайней надобности не употреблено имъ ни одной копейки. По препорученію моему продовольствовать милицію провіантомъ, онъ изыскалъ умѣреннѣйшіе способы, такъ что съ ноября 1807. года по настоящій май мѣсяцъ, четверть муки въ сложности не превышала 2 руб. 20 коп., и крупа 4 руб. 20 коп. Въ войскѣ

соблюдена была строгая дисциплина, чему доказательствомъ явнымъ служить то, что въ теченіи времени болѣе года ни одинъ офицеръ не былъ арестованъ и ни одинъ ратникъ судимъ за что либо; повелѣнія мои исполняемы имъ были въ точности и съ желаемымъ успѣхомъ. О каковомъ отличномъ Господина Миклашевскаго служеніи и дѣятельности я имѣлъ щастіе свидѣтельствовать Государю Императору, а нынѣ долгомъ поставляю по всей справедливости удостовѣрить въ томъ моимъ аттестатомъ. Въ благополучномъ городѣ Яссахъ. Маія 12 дня 1808 года.»

Покойный Михаилъ Павловичъ очень дорожилъ такимъ изъясненіемъ военачальнической признательности за его заслуги и передалъ его одному изъ сыновей, служащему въ военной службѣ, какъ лучшее дѣятельное наставленіе.

По совершенномъ окончаніи милиціоннаго дѣла, М. П. Миклашевскій получилъ повелѣніе присутствовать въ 4-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, въ которомъ оставался безъ особенныхъ порученій до незабвеннаго въ нашей исторіи 1812 года. Въ этомъ году, когда Россіи пришлось собрать все свои силы, онъ въ свою очередь не былъ безъ дѣятельности; 15-го сентября получилъ онъ слѣдующее предписаніе отъ Государя:

«Господину Тайному Совѣтнику и Сенатору Миклашевскому.

«По настоящимъ военнымъ обстоятельствамъ настоятъ надобность въ вывозѣ изъ Твери имѣющихся тамъ въ значительномъ количествѣ запасовъ хлѣба, вина и соли, сколько съ одной стороны для того, чтобъ не могли они достаться въ руки непріятеля, столько же съ другой и для необходимаго чрезъ сохраненіе ихъ отвращенія собственнаго въ нихъ недостатка. Возлагая на васъ сіе столь важное во всѣхъ отношеніяхъ дѣло, повелѣваю вамъ немедленно отправиться въ Тверь и употребить все способы, по мѣстному соображенію, для поспѣшнѣйшаго выпровожденія означенныхъ запасовъ къ Боровичамъ водою, или нарядомъ подводъ, не заимствуя однако для сего тѣхъ подводъ, которыя по особому повелѣнію выставлены по Ярославскому тракту по пяти сотъ на каждой станціи. «Вы отправите равнымъ образомъ все суда, въ Вышнемъ Волочкѣ находящіяся.

«На расходы по сему дѣлу, на васъ возлагаемому, выдастъ вамъ Министръ финансовъ двадцать тысячъ рублей и сверхъ того пред-

пишетъ Тверской Казенной Палатѣ, чтобы она отпускала немедленно деньги по вашимъ требованіямъ».

Въ тотъ же самый день получена имъ бумага и отъ министра финансовъ, графа Гурьева, въ которой, извѣщая его о Высочайшей волѣ, и о сдѣланныхъ по ней распоряженіяхъ, министръ прибавляетъ отъ себя другое порученіе: «такъ какъ на Тверской водяной коммуникаціи находятся караваны съ мѣдными деньгами и военными снарядами, то освѣдомясь о ихъ положеніи, снабдить вашими предписаніями, какія признаете по мѣстнымъ обстоятельствамъ сообразнѣйшими къ сохраненію и сей казенной собственности.»

По времени и обстоятельствамъ порученія эти были чрезвычайно важны. Наполеонъ былъ уже въ Москвѣ; наши войска постоянно отступали; непріятельскія силы, огромныя сами по себѣ, были еще болѣе преувеличены грозившею всѣмъ опасностію и опасностію неминуемою, потому что пожары, разграбленія и всѣ бѣдствія Москвы и Московскихъ жителей сильноѣ всего утѣряли въ ея дѣйствительности. М. П. Миклашевскій, въ молодости еще полъ начальствомъ Суворова привыкшій къ быстрымъ распоряженіямъ, и здѣсь усилъ во всей точности исполнить возложенныя на него порученія, такъ что въ то самое время, когда Наполеонъ терпѣлъ крайнюю нужду, оставляя опустошенную столицу, весь огромный хлѣбный запасъ былъ уже на озерахъ Мстислѣ. Изъ бумагъ, оставшихся у покойника, видно только, что онъ, при сообщеніи ему министромъ Высочайшей волѣ, получилъ двадцать тысячъ рублей (кромѣ двухъ тысячъ на путевыя издержки). Послѣ же въ роспискѣ, данной ему Дружининымъ, директоромъ канцеляріи министра финансовъ, сказано, что отъ него получено четыре тысячи девять сотъ тридцать рублей ассигнаціями, *оставшіяся отъ суммы*, ассигнованной ему на перевозку Тверскихъ и Ржевскихъ запасовъ. Выходитъ, что онъ всего издержалъ на перевозку «значительнаго количества хлѣба, вина и соли» съ небольшимъ 17 тысячъ рублей ассигнаціями. И. П. Бородкинъ по чему-то пишетъ въ своей некрологіи: «На вывозъ изъ Тверской губерніи трехъ сотъ тысячъ четвертей хлѣба онъ издержалъ только шестьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями.» Можетъ быть онъ почерпнулъ эти свѣдѣнія изъ разсказовъ людей, приближенныхъ къ покойнику, тогда какъ росписка Дружинина есть официальное доказательство справедливости передаваемого мною. Тотчасъ по окончаніи отчетовъ, именно 20 января 1813 года, М. П. Ми-

Миклашевскій, при рескриптѣ отъ Императора Александра Павловича, получилъ орденъ Св. Александра Невского. Пока онъ приводилъ къ окончанію главное порученіе, Государю было угодно возложить на него другое, не столько трудное по исполненію, сколько важное по довѣрію къ нему Императора. Я передамъ все собственными словами Высочайшаго рескрипта:

«Для корпуса Генераль Адъютанта Барона Винценгероде нужно избрать способнаго (и знающаго при томъ иностранные языки) чиновника для требующихся по сему корпусу распоряженій продовольствія, а равно и самого збора производимаго съ губерній хлѣба и другихъ потребностей. Въ слѣдствіе чего предписываю Вамъ избрать такового *по собственному усмотрѣнію вашему* изъ служащихъ въ Тверской губерніи гражданскихъ чиновниковъ, какъ то изъ предводителей или прочихъ, кого вы для сего признаете способнымъ.

«Я желаю, чтобы во время еще пребыванія вашего въ Твери, сей чиновникъ подъ руководствомъ и наставленіемъ вашимъ вошелъ въ отправленіе сей должности.»

Исполненіе всѣхъ этихъ порученій было послѣднимъ важнымъ дѣломъ М. П. Миклашевскаго. Не смотря на то, что тутъ снова явилось полное попріе его истинно неуспяной дѣятельности, живой его характеръ и старая привычка первой молодости заставляли его иногда грустить, что онъ не въ военной службѣ. Въ бумагахъ его я нашелъ отрывокъ черноваго письма его руки, безъ имени особы, къ кому оно писано; видно только, что онъ писалъ его въ день Фершампенуазской побѣды: «О! какъ я жалѣю, что я по злой судьбинѣ моей, а не по волѣ, нахожусь здѣсь и въ гражданской службѣ, дѣти же мои еще не доросли того, чтобы быть на тѣхъ поляхъ чести, которыя покрыли неуважаемою славой моихъ соотчичей.»

Съ 1813 года, то есть, послѣ совершеннаго окончанія возложенныхъ на него порученій, онъ снова началъ присутствовать въ 4-мъ Департаментѣ Сената, гдѣ въ 1814 году получилъ повелѣніе ревизовать Новгородскую губернію и всѣ присутственныя мѣста ея. Здѣсь онъ нашелъ много безпорядковъ, слѣдовательно долженъ былъ войти въ непріязненные сношенія съ губернаторомъ, который справедливыя его требованія приписывалъ личному къ себѣ нерасположенію сенатора, тѣмъ болѣе, что, какъ видно изъ донесенія Миклашевскаго: «всѣ безпорядки и упущенія по губерніи получили главный свой источникъ отъ образа управленія г. губернатора.» Безпорядки были

не малые, если судить изъ донесеній; сенаторъ возставаъ противъ нихъ всего болѣе за то, что сильно притѣсняли бѣдныхъ казенныхъ крестьянъ. Увѣренный въ правотѣ своей Миклашевскій писалъ къ Ивану Ивановичу Дмитріеву, извѣстному нашему писателю, бывшему тогда министромъ юстиціи, и, изложивъ все дѣло и все угнетеніе крестьянъ, заключилъ свое письмо просьбою: «покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство въ вѣдшее доказательство г. губернатору, что я въ дѣлахъ, мнѣ порученныхъ, личнаго противъ него ничего не имѣлъ, а исполнялъ въ строгомъ смыслѣ обязанности свои, нехотѣя, дабы ревизія Новгородской губерніи была окончена кѣмъ-нибудь другимъ и чтобы даже повѣрено было все то, о чемъ мною было представлено.»

Такая прямота и усердіе къ общественному благу награждены были благодарностію Сената и Государя. Самое это порученіе въ ходу службы, полной замѣчательными услугами отечеству, дѣло неважное, но я привожу здѣсь все сколько нибудь не всеневныя событія въ его жизни и службѣ, по одному весьма замѣчательному явленію въ девятидесятилетнемъ дѣятельномъ житіи человека: сколько онъ ни имѣлъ порученій, какія ни начиналъ предпріятія, все оканчивались у него не только что хорошо, но всегда необыкновенно удачно и счастливо. Вообще, и слышавши отъ всѣхъ его знавшихъ, и просматривая всю жизнь Миклашевскаго, нельзя не сказать, что у него всегда былъ сильный помощникъ, — счастье. Оно постоянно встрѣчало и сопровождало все его начинанія. Правда, что счастье было здѣсь не слѣпо; любимецъ его былъ одаренъ умомъ быстрымъ, проникательнымъ и при этомъ до такой степени былъ преисполненъ дѣятельности, что никогда не могъ быть спокоенъ до тѣхъ поръ, пока не приведетъ въ исполненіе задуманнаго, или по крайней мѣрѣ не дастъ хода задуманной имъ мысли. Переходъ отъ намѣренія къ дѣйствію у него былъ едва замѣтенъ, — вздумано, сдѣлано. Такое рѣдкое соединеніе счастья съ умомъ объясняетъ успѣхи его по службѣ и въ дѣлахъ хозяйственныхъ. И то правда, что тоже самое счастье, таже самая быстрота ума и дѣятельность, готовая ему всегда на подмогу, бывали иногда причиною и промаховъ. Они у него были отчаянными врагами терпѣнія, а безъ него особенно трудно обходиться въ хозяйствѣ; отъ этого въ послѣдніе годы его жизни случались иногда и безпорядки въ управленіи, но и тутъ любовь всѣхъ, особенно же уваженіе къ суворовскому вѣнку и извѣст-

ному савовнику, отдаваемое ему всѣмъ его околоткомъ, пособляли ему тамъ, гдѣ другой сдѣлался бы жертвою своихъ смѣлыхъ начинаній. Смѣлость, рѣшимость, прямой ходъ къ цѣли безъ остановки на мелкихъ незначительныхъ соображеніяхъ, дѣлали то, что часто исполнители его предначертаній опускали руки, повиновались только потому, что не смѣли не исполнить приказаній Суворовскаго воина, не привыкшаго ни къ отговоркамъ, ни къ возраженіямъ; часто дѣлали съ полною увѣренностію въ неудачѣ и между тѣмъ все шло, какъ по маслу.

Окончивъ ревпзію Новгородской губерніи, М. П. Миклашевскій постоянно оставался въ 4-мъ Департаментѣ Сената до 1817 года, когда онъ неожиданно переведенъ былъ оттуда въ Межевой Департаментъ и потомъ черезъ годъ, по причинѣ разстроившихъ своихъ дѣлъ онъ просилъ полного увольненія отъ службы и оставилъ ее въ 1818 году. Кромѣ разстроившихъ дѣлъ были и другія причины, побудившія его оставить ту службу, которая въ послѣднее время начала ему дѣлаться тягостною. Это именно неожиданный переводъ его въ Межевой Департаментъ, происшедшій по случаю слушанія важнаго спорнаго дѣла, между богатымъ Кіевскимъ помѣщикомъ, графомъ Головинскимъ, и Польскимъ дворяниномъ, камергеромъ Лежарскимъ. Послѣдній былъ повѣреннымъ и ходатаемъ по спорному дѣлу Головинскаго. Когда оно было проиграно, Головинскій требовалъ отъ Лежарскаго деньги, выданныя ему въ счетъ платы за успѣшное окончаніе иска. Лежарскій отказывался платить; между нимъ и его вѣрителемъ завязалась тяжба. М. П. Миклашевскій присутствовалъ въ Сенатѣ, слушалъ это дѣло и вотъ какъ самъ онъ писалъ объ этомъ къ покойному князю Долгорукому, бывшему Харьковскимъ Полтавскимъ и Черниговскимъ генералъ-губернаторомъ: «которое дѣло выслушавъ, я далъ такую резолюцію, по которой необходимо должно было открыть правду или ложь. Послѣ такой моей резолюціи, не далѣе, какъ на завтрашнее утро, до выѣзда моего изъ дому, предписано мнѣ присутствовать въ Межевомъ Департаментѣ. А какъ резолюція моя въ 4-мъ Департаментѣ была записана, то дѣло сіе, по разногласію Сенаторовъ, ожидало, пока въ вакантній мой мѣсяцъ выѣду изъ Петербурга, и тогда перенесено было въ общее Сенаторовъ собраніе, которое и опредѣлило графу Головинскому съ Лежарскимъ развѣдаться въ Кіевскихъ судебныхъ мѣстахъ, чему я наиболее противился».

Комитетъ Министровъ, куда поступило его прошеніе, объ увольненіи отъ службы согласился только дать ему, для исправленія домашнихъ дѣлъ, отпускъ на годъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи его онъ снова возвратился на службу. Но онъ уже не захотѣлъ возвратиться, послѣ 1818 года совершенно оставилъ службу и всѣ остальные 29 лѣтъ посвятилъ своему семейству и деревенскому хозяйству. Главная дѣятельность его обратилась на устройство имѣнія, въ которомъ, какъ и въ службѣ, вездѣ у него видны быстрый и предприимчивый умъ и смѣлая рѣшимость тотчасъ же исполнять задуманное. Здѣсь также, какъ и на другихъ поприщахъ, онъ не вошелъ въ число обычныхъ хозяевъ, но успѣлъ ввести въ хозяйство такія нововведенія, которыя сдѣлали бы честь хозяйственному распоряженію и теперь, спустя слишкомъ 30 лѣтъ послѣ того времени.

Не знаю я точно, первый ли, но знаю навѣрное, что одинъ изъ первыхъ, онъ еще прежде удаленія изъ службы, въ Екатеринославскомъ своемъ имѣніи завелъ большое овцеводство и вмѣсто предмета удовольствія, или по крайней мѣрѣ неважнаго дѣла въ хозяйствѣ, какимъ оно было тамъ въ началѣ, даже почти до второй четверти настоящаго столѣтія, онъ сдѣлалъ изъ него главную отрасль хозяйства. Другимъ важнымъ хозяйственнымъ предпріятіемъ его была суконная фабрика, построенная имъ въ Черниговской губерніи, въ селѣ Пануровкѣ, — мѣстѣ его жительства. Теперь она стала на степень замѣчательныхъ нашихъ суконныхъ фабрикъ; и при развитіи у насъ суконной промышленности въ послѣднее двадцатилѣтіе, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, особенно въ томъ краю, гдѣ въ старобрядческихъ слободахъ суконныя фабрики развелось десятками. Важно то, что она еще въ 1815 году была заведеніемъ уже замѣчательнымъ, въ чемъ можно повѣрить такому судѣ, какимъ былъ покойный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ. Въ письмѣ своемъ отъ 18 октября 1815 года пишетъ онъ къ М. П. Миклашевскому:

«Я самъ тужу, что не засталъ Вашего Превосходительства въ прекрасномъ селеніи вашемъ и котораго, позвольте сказать, не въ правѣ хижиню называть. Въ чужихъ даже государствахъ, гдѣ болѣе приобыкли, нежели у насъ, къ хорошимъ зданіямъ и по правильной архитектурѣ украшать господскія усадьбы, немного таковыхъ, какова ваша. Прельщался я домомъ, но болѣе еще радовался я вами заве-

денною суконною фабрикою; она конечно и по цѣлому государству одна изъ лучшихъ. Кто любитъ отечество свое и видитъ заведеніе ваше, съ удовольствіемъ замѣтитъ долженъ, что когда вы изволите ему служить отлично, какъ Сенаторъ, еще о пользѣ его печетесь, какъ помѣщикъ.»

Первыми строками письма Канцлеръ нисколько не думалъ польстить вкусу покойнаго М. П. Миклашевскаго, потому что точно Пануровскій домъ его не можетъ не обратить на себя вниманія чело-вѣка со вкусомъ. Планъ его сдѣланъ извѣстнымъ многими зда-ніями въ Петербургѣ архитекторомъ *Гварени*, и точно лицевая сторона дома, равно какъ и залъ, показываютъ, что это было одно изъ замѣчательныхъ произведеній Венеціанскаго художника.

Обращаясь къ фабрикѣ и вообще сельскому хозяйству М. П. Миклашевскаго, я приведу здѣсь любопытное письмо князя Петра..... Лопухина, бывшаго Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, писанное въ концѣ 1816 года: «Вы теперь занялись въ полной мѣрѣ хозяйствомъ и меня весьма много одолжили бѣ, еслибы увѣдомили о новыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ. Во всей Европѣ теперь занимаются усовершенствованіемъ паровыхъ машинъ и уже оными печатаютъ книги, на немалыя разстоянія дѣлаютъ перевозку большихъ тягостей по сухому пути, корабли посредствомъ паровъ ходятъ безъ вѣтру и противъ онаго безъостановочно и между прочимъ здѣсь заведеца бумажная фабрика, которая посредствомъ одной паровой машины выдѣлываетъ всѣ сорта лучшей бумаги. И какъ кажется, что не худо вамъ переѣхать сюда, чтобъ скорѣе пользоваться сими полезными выдумками.»

Что точно дѣльно и основательно занимался хозяйствомъ покойный М. П. Миклашевскій, видно изъ другаго письма, писаннаго въ 1824 году канцлеромъ графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцевымъ. Писавши ему о разныхъ домашнихъ распоряженіяхъ и сообщивши, что онъ ѣдетъ на Нижегородскую ярмарку, графъ прибавляетъ: «Какое бы для меня было несказанное удовольствіе, ежелибы я могъ здѣсь съ Вами увидѣться и въ бесѣдахъ Вашихъ учиться хозяйству.»

Съ небольшимъ тридцать лѣтъ ввели столько новаго въ міръ изобрѣтеній и ходъ промышленности, столько измѣнили наши понятія, что письмо Лопухина кажется какъ будто бы еще Екатерининскаго времени. Въ 1816 году пароходы были рѣдкою, но едва ли не боль-

шею рѣдкостью было, — оставивши сенаторство, дѣятельно заняться хозяйствомъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не указать на М. П. Миклашевскаго, какъ на одного изъ немногихъ, далеко опередившихъ общественное мнѣніе и появившихъ гораздо раньше, нежели поняло общество, что жизнь въ деревнѣ не для одного удовольствія, что собственная дѣятельность и собственное знаніе суть лучшіе пути къ устройству благосостоянія и своего, и людей, ввѣренныхъ управленію помѣщика. Наконецъ не знаю, по цѣльности ли и высотѣ своей природы, потому ли что въ занятіи сельскимъ хозяйствомъ ему случалось часто сталкиваться съ крестьянами и слѣдовательно можно было узнать ихъ короче и умѣть полюбить ихъ Христіански, или можетъ быть потому, что онъ принадлежалъ еще къ тому поколѣнію, которое не умѣло съ вѣчною проповѣдію на устахъ объ отвлеченномъ братствѣ сословіи соединять на дѣлѣ самое полное презрѣніе къ людямъ низшихъ состояній, какъ будто не развившимъ въ себѣ сознанія своей человѣчности и своего достоинства,—по чему бы то ни было, но въ моихъ глазахъ никакъ не ниже самыхъ военныхъ и гражданскихъ доблестей, та высокая черта М. П. Миклашевскаго, что онъ такъ совѣстливо взвѣшивалъ трудъ своихъ крестьянъ и такъ тщательно смотрѣлъ за собою, чтобы не переступить должнаго предѣла въ своихъ требованіяхъ тамъ, гдѣ ему предстоялъ отчетъ только предъ Богомъ и своей совѣстью. Говорить о всеобщемъ братствѣ не трудно, когда говоришь о немъ только за тѣмъ, чтобы прославить свое модное человѣколюбіе; но другомъ человѣчества имѣть право назваться лишь тотъ, кто, хотя и безъ лишнихъ словъ, но дѣятельно проводить Христіанскія понятія въ своей жизни. М. П. Миклашевскій именно такъ понималъ свои обязанности къ крестьянамъ и явилъ это на самомъ дѣлѣ; новое устройство его суконной фабрики показало, что онъ въ понятіяхъ своихъ далеко опередилъ понятія большинства своихъ современниковъ: онъ завелъ на ней работу не *барщиною* или *пригономъ* (какъ водилось вездѣ въ господскихъ имѣніяхъ того времени), а за задѣльную плату. Нововведеніе, кажется, простое, но какъ оно ни просто, какъ ни законно и необходимо, какъ наконецъ ни выгодно, а до сихъ поръ еще не можетъ сдѣлаться *общимъ правиломъ* на фабричныхъ заведеніяхъ помѣщиковъ. Теперь начинаютъ ему слѣдовать многіе, хотя далеко еще не всѣ помѣщики; когда же ввелъ его у себя Миклашевскій, оно было въ томъ краю дѣйствительнымъ нововведеніемъ.

Честъ и хвала покойному М. П. Миклашевскому за то, что онъ въ установленіи новаго порядка показалъ любовь и состраданіе къ смиреннымъ труженикамъ и дѣятельно старался улучшить ихъ положеніе; — показалъ въ то время, когда въ Западной Европѣ, повластной законодательницей образованныхъ слоевъ нашего общества, забота о бѣдныхъ не входила еще въ предписанія общественной моды. Эта забота была одною изъ главныхъ основъ его частной дѣятельности: въ его бумагахъ осталось нѣсколько его проэктвъ и почти всѣ прямо или не прямо плутъ къ одной цѣли—защитить бѣднаго. Дѣятельный умъ не только что откликался на каждый современный зовъ, но часто предупреждалъ его, и рѣшеніе большей части вопросовъ являлось у него въ видѣ предположеній о новомъ устройствѣ въ той или другой отрасли или гражданскаго, или хозяйственнаго быта. Многие изъ нихъ уничтожены имъ самимъ; я нашелъ шесть проэктвъ: о продовольствіи войскъ конныхъ и пѣшихъ; о предохраненіи отъ чумы и вообще о карантинахъ; о Новгородскихъ казенныхъ крестьянахъ; о бѣглыхъ людяхъ; о фельдшерахъ; о чинахъ по гражданской службѣ. Во всѣхъ ихъ видно знаніе дѣла; впрочемъ со стороны дѣла быть можетъ, что многое уже и устарѣло, но для меня при очертаніи его личности всего главнѣе то, что во всѣхъ ихъ видѣтъ прекрасный, чистый источникъ,—любовь къ людямъ, состраданіе къ страждущимъ и стараніе помочь неимущему.

Первый и второй проэкты были писаны еще въ прошломъ столѣтіи. Въ первомъ М. П. Маклашевскій всего болѣе настаиваетъ на томъ, чтобы при продовольствіи войскъ, какъ можно было менѣе переходовъ отъ рукъ производителей, то есть поселянъ, до потребляющаго войска.

Проекъ о Новгородскихъ казенныхъ крестьянахъ былъ написанъ въ 1814 году, послѣ ревизіи Новгородской губерніи. Теперь составъ управленія казенными крестьянами измѣненъ совершенно, поэтому въ предположеніяхъ покойника не остается уже ничего, приложимаго къ настоящему быту.

О бѣглыхъ людяхъ писано въ 1821 году. Тутъ видно, что прежнему Новороссійскому губернатору край Новороссійскій знакомѣ Великой Россіи, что въ подробностяхъ болѣе теоріи, нежели удобства приложений. Однакожъ, не смотря на такіе недостатки, основа мнѣнія такова, что она сдѣлала бы честь настоящему времени, перевоз-

несшему себя преимущественно сострадательнымъ къ низшимъ слоямъ народа.

Проектъ о фельдшерахъ состоялъ въ томъ, что какъ было бы важно «увольнять прослужившихъ въ войскахъ и вездѣ по лазаретамъ и госпиталямъ 10 лѣтъ въ должности фельдшеровъ и ставить имъ въ обязанность служить въ тѣхъ же должностяхъ въ помѣщичьихъ и казенныхъ имѣніяхъ.»

Подробности послѣдняго проекта Миклашевскаго о гражданскихъ чинахъ можетъ быть слишкомъ частны и не вездѣ удовлетворяютъ требованіямъ состава гражданской службы; но тутъ важнѣе всего основная мысль.

Какъ ни различны всѣ переданные мною проекты покойнаго М. П. Миклашевскаго, но общій выводъ изъ нихъ въ отношеніи къ покойнику выходитъ самъ собою: вездѣ въ нихъ видѣнъ умъ опытный, прямой, неуклонно идущій къ своей цѣли, не останавливаясь на ничтожныхъ временныхъ условіяхъ. О чемъ онъ ни говоритъ, вездѣ руководитъ имъ любовь къ человѣку-собрату, состраданіе къ страждущимъ и желаніе помочь имъ и облегчить ихъ участь.

Указывая въ дѣйствительной жизни на тѣ же самыя стремленія, я могъ бы разсказать объ немъ множество слышанныхъ мною частныхъ случаевъ; я приведу изъ нихъ два такіе, въ которыхъ, кромѣ личной доброты, благотворившей безъ спросу о правилахъ благотворительности и безъ рабскаго имъ подчиненія, онъ является вполне старикомъ Екатерининскаго времени, носившимъ до смерти отпечатокъ какой-то особенноти, такъ блестяще явившейся во всемъ вѣкѣ Императрицы Екатерины II.

Однажды въ его анбарахъ сдѣлали покражу: ночью украли нѣсколько пудовъ муки. На утро докладываетъ ему объ этомъ прикащикъ. М. П. Миклашевскій приказалъ, чтобы непременно были отысканы виновные; на другой ли, на третій ли день дѣйствительно приводятъ ихъ. Они съ повиною головою начали просить прощенія.

— Я и муку нашелъ у нихъ въ мѣшкахъ, говоритъ прикащикъ, только уже не всю: меншенки уже успѣли почать ее.

«Куда же вы ее дѣвали?» спросилъ Михайлъ Павловичъ.

— Хлѣбъ испекли, пане, у насъ въ хатѣ не было ни крупинки.

«Точно ли употребили онъ ее для себя?» спросилъ онъ у прикащика.

— Точно такъ; сами бабы показали, что изъ той муки хлѣбъ спекли.

«Ну такъ дай же имъ еще, чтобъ они были сыты и не имѣли бы надобности воровать. А вы, смотрите у меня, впередъ, когда хлѣба надобно, придите, да попросите; за первый разъ васъ прощаю, а послѣ строго накажу.»

И точно онъ приказалъ имъ отдать всю украденную муку и дать еще на полное ихъ продовольствіе. Онъ на дѣлѣ защитилъ то, за что сильно стоитъ въ своемъ мнѣніи о бѣглыхъ людяхъ.

Въ другой разъ въ глубокую осень, пріѣхалъ къ нему въ Пануровку какой-то бѣдный подлѣцаръ съ просьбою, чтобъ онъ позволилъ своимъ печникамъ сложить въ его хатѣ печи.

«Да они заняты, у меня самого всѣ печи передѣлываютъ».

— У васъ, Ваше Превосходительство, слава Богу, есть, гдѣ жить, а у меня бѣднаго вся семья пропадетъ отъ холоду.

«Ну хорошо, пусть идутъ къ тебѣ; у меня сложать послѣ».

Едва только бѣднякъ ушелъ съ благодарностію, Михаилъ Павловичъ велѣлъ воротить его съ дороги.

«Да что же ты просишь печниковъ, а вѣрно еще и кирпичъ не запасенъ, да можетъ быть и купить-то его не на что? Работниковъ просилъ, а не изъ чего печи класть; ну вотъ тебѣ, ступай, купи кирпичу и вези работниковъ.»

Онъ далъ ему и денегъ, и работниковъ.

Сосѣди и знакомые рассказываютъ множество событій изъ жизни покойника; случилось, что горячность стараго воина иногда переходила за предѣлы, но никогда не устроила ничего несчастія и всегда рѣшительно она была искусаема добротою и благородствомъ души его. У меня есть одно письмо, писанное покойникомъ въ 1841 году къ одному изъ сыновей его; оно изобразитъ его лучше словъ моихъ.

«Съ истиннымъ благоговѣніемъ и благодарностію Господу Богу, получилъ я восхитившее меня до небесъ письмо твое, сынъ мой вселюбезнѣйшій. Ходатайство твое за добраго, несчастнаго полковника... раскрыло мнѣ доброту души и сердца твоего, качества столь рѣдкія уже въ мірѣ семъ. Ты, другъ мой, плѣнилъ меня до радостныхъ слезъ. Умоляю Творца небеснаго, да утвердитъ Онъ въ добродѣтели тебя на долгій вѣкъ. О семъ твоимъ подвигомъ всѣ твои

братья и сестры уже мною извѣщены, то съ вчерашнею почтою, то съ нарочнымъ.»

Полковникъ, о которомъ идетъ дѣло, не былъ ни родственникомъ, ни пріятелемъ, ни близкимъ знакомымъ Михаила Павловича; всѣ отношенія между ними ограничивались тѣмъ, что онъ служилъ на Кавказѣ, подъ начальствомъ сына его Александра Миклашевскаго, былъ несчастенъ, точно стоилъ лучшей участи и наконецъ еще, что ходатайствомъ и усиленнымъ ходатайствомъ другаго изъ сыновей покойника удалось ему устроить положеніе несчастнаго.

Въ перепискѣ покойника есть много такого, что можно было бы представить, какъ неоспоримое доказательство прекрасной души его. У него было много писемъ отъ первыхъ изъ нашихъ сановниковъ. Кромѣ приведенныхъ и упомянутыхъ мною, есть другія отъ князя Александра Николаевича Голицына, герцога Ришелье, князя Рѣпина, фельдмаршаловъ: графа Сакена, князя Витгенштейна и графа Дибича, графа Бенкендорфа, Ланжерона, канцлера князя Кочубея и другихъ. Но всѣ онѣ большею частію писаны или по частнымъ обстоятельствамъ, или по семейнымъ отношеніямъ. Я приведу здѣсь одну самую незначительную записку канцлера князя Кочубея только для того, чтобы показать, какъ въ домахъ первыхъ нашихъ сановниковъ неизмѣнно исполнялись церковныя постановленія, свято чтимыя народомъ.

«Хотя ласкалъ я себя удовольствіемъ видѣть васъ сегодня у себя на посномъ обѣдѣ; но Наталья Кириловна (*), съ которою трудно спорить, хочетъ, чтобы я у нее ѣлъ для середи какое-то кушанье даже и безъ поснаго масла. Посему не сдѣлаете ли вы мнѣ одолженія завтра пожаловать къ намъ откушать, а сегодня по вечеру въ свободный часъ на бесѣду дружескую.»

Собственная семейная жизнь М. П. Миклашевскаго шла съ такимъ безмятежнымъ счастіемъ, какое достается въ удѣлъ немногимъ. Въ 1797 году женился онъ на дочери Тайнаго Совѣтника Якова Леонтьевича Бакуринскаго, родной племянницѣ канцлера князя Безбородко, отъ котораго предъ женитьбою получилъ такое дружески-родственное поздравленіе: «Ежели я Вамъ совѣтовалъ въ женитьбѣ держаться правила, въ Писаніи Святомъ преподаннаго Іакову: *да не*

(*) Загряжская, дочь Кирилы Григорьевича Разумовскаго, тетка княгини Кочубей.

поймешь себя жены отъ сыновъ чуждыхъ», то я еще двойную причину имѣю одобрить вознамѣреваемый вами бракъ на моей племянницѣ.»

Со времени женитьбы своей, при многочисленномъ семействѣ, онъ до 1831 года не имѣлъ ни сильно горькихъ потерь, ни потрясеній въ семьѣ своей. Первую и послѣднюю потерю испыталъ онъ въ 1831 году, когда въ Дагестанѣ, подъ Агачь-Кале убили старшаго сына его, Александра. Какъ ни славна была смерть его на мѣстѣ битвы, но и самая слава, къ которой былъ очень неравнодушенъ Михайлъ Павловичъ, не могла ни сколько его утѣшить. Одно неизмѣнное прибѣжище всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, — молитва, облегчала его горе, однакожъ слѣды его остались неизгладимыми до кончины старца. Въ память сына онъ построилъ на сельскомъ кладбищѣ деревянную церковь во имя Александра Невского. Не одинъ онъ, и даже не одно его семейство, оплакивало убитаго воина; извѣстiе о смерти его пронеслось печальною вѣстiю по всему Закавказскому нашему войску, издавна знавшему его рѣдкую храбрость. «Письма изъ Дагестана» Марлинскаго познакомили всѣхъ, слѣдившихъ за событіями того времени, съ именемъ Александра Миклашевскаго. Оно вошло въ свою очередь въ лѣтописи нашей военной исторiи и слѣдовательно по одному этому не можетъ быть чуждо моимъ читателямъ. Чтобъ не утомлять ихъ холоднымъ рассказомъ о его подвигахъ, я только припомню главныя черты изъ жизни «храбраго полковника» и передамъ ихъ живыми строками его сослуживца, — одного изъ любимыхъ нашихъ писателей того времени, Марлинскаго. Въ письмѣ отъ 17 Сентября 1831 года онъ писалъ объ немъ:

«Между тѣмъ искры мятежа, раздуваемая Кази-Муллою, вспыхнули пламенемъ въ вольной Табасарани. Вслѣдъ за ними взволновались и владѣнія Ибрагимъ-Бека Карчахскаго, наслѣдника Майсумовъ (Князей) Табасарани, человека, издавна преданнаго Русскимъ. Это принудило Генераль-Адъютанта Панкратьева, главноуправляющаго Закавказскимъ краемъ, по отбытіи Графа Паскевича Эриванскаго въ столицу, отрядить для усмиренія Табасарани два батальона 42-го егерскаго полка, съ нѣсколькими сотнями Ширванской конницы. Отрядъ этотъ порученъ былъ храброму полковнику Миклашевскому, тому самому, который въ 1828 году съ цѣлю стрѣлковъ сбилъ Турокъ съ Топдачскаго кладбища, втопталъ ихъ въ ворота Карса, ворвался съ ними въѣсть внутрь и былъ главнымъ виновни-

комъ внезапнаго взятія этой крѣпости. Онъ промчался грозой по Табасарани, по непроходимымъ лѣсамъ и крутизнамъ; имѣлъ сраженіе на горѣ Гарбакурани, при Каруль-Гуа, при Нетаринъ-Гирве, спалилъ девять селеній, покорилъ новый Магалъ, заставилъ присягнуть старшинъ прочихъ, — но вдругъ отозванный въ Ширванъ, ушелъ изъ Дагестана (тому причиною были сборища Турецкихъ войскъ на границѣ). Экспедиція его продолжалась 15 дней; но долго будутъ помнить въ горахъ Кара-полковника (т. е. Чернаго), какъ называютъ его Горцы.»

Потомъ, когда на глазахъ Марлинскаго былъ убитъ любимый войскомъ храбрый полковникъ, писатель-сослуживецъ почтилъ его память подробнымъ описаніемъ послѣдняго, предсмертнаго его подвига. Описавъ бой при Агачъ-Кале, о которомъ онъ говоритъ: «никогда въ жизни не видалъ я столько крови и столько храбрости на столь маломъ пространствѣ!...» Марлинскій продолжаетъ:

«Миклашевскій нетерпѣливо ждалъ рѣшенія боя за оврагомъ; но когда прискакала къ нему офицеръ и сказалъ что-то на ухо, онъ вспыхнулъ: — «Коня!» и въ тотъ же мигъ велѣлъ двумъ ротамъ Куринцевъ слѣдовать за собою, спустился съ крутизны вскачь и вскачь поднялся на противоположный утесъ, по такой крутизнѣ, что и пѣшкомъ взлѣзть трудно. «Судьба несла его», говорили солдаты. Онъ спрыгнулъ съ коня, обнажилъ шашку и крикнулъ: «Впередъ, друзья! теперь наша очередь показать себя молодцами!». «Ура! Ура!» заревѣли солдаты: «ура, впередъ! съ нами отецъ нашъ!» (*). Все ожило, все хлынуло въ Агачъ-Кале. Онъ пошелъ на приступъ впереди всѣхъ, между ротою Куринцевъ и егерей... подбѣжалъ къ бойницѣ и въ запальчивости хотѣлъ заколотъ сквозь нее Горца; но злодѣйскіе выстрѣлы сыпались, кишѣли и роковая пуля пронзила его грудь, пробила сердце и легкія; онъ успѣлъ только сказать: «Возьмите!» ступилъ назадъ и упалъ...

«Но смерть храбраго полковника не могла остаться безъ мести, завѣтъ его безъ исполненія. Ожесточенные солдаты руками рвали срубъ, лѣзли на верхъ, ломали кровлю и вломались наконецъ въ укрѣпленіе, падали другъ на друга — друзья и недруги — все смѣшалось... Когда ударили отбой, лишь одни трупы злодѣевъ остались въ Агачъ-Кале: тамъ не было ни пленныхъ, ни раненыхъ. Темно-

(*) Русскія повѣсти и рассказы. Часть шестая. Москва 1834 стр. 173 и 174.

та укрыла многихъ мятежниковъ отъ гибели: онѣ каткомъ спустились съ обрыва, на мѣстѣ сраженія осталось болѣе 450 тѣлъ и 70 лошадей...

«Мы стали почти на *костяхъ*, какъ выражались наши предки. Дорога, но знаменита была побѣда. Мы потеряли болѣе 300 убитыми и ранеными, за то стяжали славу Русскому оружію. Ни помощь природы, ни силы огражденнаго неприступностію человѣка не устояли предъ храбростію Русскихъ, — а выгоды этого мнѣнія въ очахъ дикарей неощутимы. Предъ нами, на окровавленномъ плащѣ, лежалъ трупъ убитаго полковника, и какъ гордо, какъ прекрасно было его чело!... Офицеры и солдаты рыдали. Татары плакали горькими слезами... но вопиу ли жалѣть о такой завидной смерти? намъ должно желать ея! Миклашевскій палъ, какъ жилъ, — героємъ!» (*)

Много надеждъ возлагалъ покойный М. П. Миклашевскій на своего сына; Персидская, Турецкая и Закавказская войны ихъ оправдывали, но роковая пуля прекратила все въ одно мгновеніе. Горячо любивши сына при жизни, онъ хотѣлъ быть неразлучнымъ съ его памятью и по смерти, и завѣщалъ положить себя въ храмъ, построенномъ въ его воспоминаніе. Ив. П. Бороздина прибавляетъ къ этому въ напечатанной имъ некрологіи: «Кромѣ воспоминанія о сынг-героѣ, которое пожелалъ унести и въ могилу, онъ имѣлъ и другую глубоко человѣческую и Христіанскую мысль скромно покониться на деревянномъ кладбищѣ, а не подъ свѣтію благолѣпнаго Пануровскаго храма. «Хочу, говорилъ онъ, лежать посреди людей монаховъ.»

Вотъ очеркъ дѣяній покойнаго М. П. Миклашевскаго столько полный, сколько можно было составить его изъ мертвыхъ остатковъ его жизни: служебныхъ бумагъ, частной переписки, указовъ и распоряженій. Въ продолженіи всего разсказа читатели мои не могутъ не замѣтить, что мною не упомянуто ни объ одномъ поступкѣ покойника, не произнесено объ немъ самомъ ни одного слова безъ опоры или на бумаги, или на письма, или наконецъ на изустныя

(*) Тамже 1834 стр. 266—268.

разказы. Я могу указывать на послѣдніе также, какъ на достовѣрныя свидѣтельства, потому что вѣроятно эти строки прочтутся скоро всѣмъ людьми близкими къ покойному, тѣмъ, которые могутъ обличить каждую малѣйшую несправедливость, показать каждое преувеличеніе. Скавши во всемъ строгой истины, по неволѣ я впадалъ въ сухость; но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни дѣйствительной, истина важнѣе занимательности.

Къ тому же я не зналъ его при жизни, узналъ уже по смерти изъ тѣхъ же бумагъ, которыя познакомить съ нимъ моихъ читателей; а знакомство съ умершимъ, какъ маска, снятая съ лица покойника: въ ней все черты его, но уже искаженные смертію. Вотъ главное оправданіе въ безжизненности моего разказа. Другое то, что я боялся украшать жизнь такого человѣка, которому лучшее украшеніе — дѣла его. Въ нихъ видѣтъ воинъ, оставившій навсегда память о своей замѣчательной храбрости, гражданинъ — правитель, единодушно любимый всеми сословіями жителей управляемаго имъ края; сенаторъ, возставшій противъ правъ своего сана, когда дѣло коснулось до справедливости; умный нововводитель въ дѣлѣ селскаго хозяйства; дворянинъ, не жалѣвшій выгодъ своего сословія тамъ, гдѣ надобно было защитить бѣдный, беззащитный классъ народа; однимъ словомъ вездѣ, на всехъ путяхъ лице замѣчательное, внесшее себя въ число самыхъ честныхъ и самыхъ дѣятельныхъ сыновъ отечества, но болѣе и важнѣе всего, вездѣ въ соединеніи съ общественными доблестями является въ немъ человѣкъ, проникнутый высокими, благородными, истинно Христіанскими чувствами. Все это говорятъ официальные бумаги, письма и наконецъ свосручныя мнѣнія и предположенія самаго покойника: за чѣмъ прибавлять къ нимъ что бы то ни было?

Нельзя не почтить такого человѣка искреннимъ уваженіемъ къ его памяти и, произнося его имя, не упомянуть его нашею простою задушевною молитвою: Царство небесное покойнику, вѣчная память ему между его согражданами!

Сообщено изъ Малороссіи.

Во второй книгѣ Бесѣды будутъ помѣщены, кромѣ другихъ статей, слѣдующія двѣ:

Изъ Семейной Хроники С. Т. Аксакова четвертый отрывокъ.

О необходимости и возможности новыхъ началъ для Философiи. Статья I. соч. И. В. Кирѣевского.

[illegible][illegible]

Digitized by Google

89006708556

689006708556 *